МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 16 № 4 2020

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2020

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 16 № 4 2020

Редакционный совет

Андерсон Д., PhD, профессор Абердинского университета (Великобритания)
Базаров Б.В., академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Российская Федерация)
Гебел Т., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
Граф К., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
Дацышен В.Г., доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Российская Федерация)
Зайкер Дж., PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (США)
Константинов М.В., доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Российская Федерация)
Крадин Н.Н., член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Российская Федерация)
Кузнецов С.И., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Российская Федерация)
Лозей Р., PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
Наумов И.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Номоконова Т.Ю., PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Канада)
Петрушин Ю.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Российская Федерация)
Пученков А.С., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация)
Тишкин А.А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Российская Федерация)
Эрдэнээбаатор Д., PhD, профессор Национального университета Монголии (Монголия)

Редакционная коллегия

Главный редактор – Новиков П.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Зам. гл. редактора – Харинский А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Вебер А.В., PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Российская Федерация)
Иванов А.А., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация)
Олейников А.В., доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Российская Федерация)
Сирина А.А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация)
Тетенькин А.В., кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Като Х., PhD, профессор Университета Хоккайдо (Япония)

Сведения о журнале можно найти на сайте: http://ildt.istu.edu/
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.
Журнал основан в 2003 г.
Периодичность издания – ежеквартально
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»
Подписной индекс в каталоге Агентства ЗАО ИД «Экономическая газета»
«Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы» – 41510 (ОК+ЭК)
Адрес Агентства ЗАО ИД «Экономическая газета»: (499) 152-09-89; izdatcat@ideg.ru
Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.
Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», 2020

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION

IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS
of the LABORATORY
# of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 16 no. 4 2020

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2020

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 16 no. 4 2020

Editorial council

Anderson D., PhD, Professor of University of Aberdeen (UK)
Bazarov B.V., Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Russian Federation)
Goebel T., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
Graf K., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
Datsyshen V.G., Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Russian Federation)
Ziker J., PhD, Professor, Boise State University (USA)
Konstantinov M.V., Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Russian Federation)
Kradin N.N., Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
Kuznetsov S.I., Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russian Federation)
Losey R., PhD, Professor, University of Alberta (Canada)
Naumov I.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Nomokonova T.Yu., PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Canada)
Petrushin Yu.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Russian Federation)
Puchenkov A.S., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (Russian Federation)
Tishkin A.A., Doctor of History, Professor of Altai State University (Russian Federation)
Erdenebaator D., PhD, Professor, National University of Mongolia (Mongolia)

Editorial board

Editor-in-Chief – Novikov P.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Deputy Editor-in-Chief – Kharinskiy A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Weber A.W., PhD, Professor of University of Alberta (Canada)
Ganin A.V., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
Ivanov A.A., Doctor of History, Professor Saint Petersburg University (Russian Federation)
Oleinikov A.V., Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Russian Federation)
Sirina A.A., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
Teten'kin A.V., Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Kato H., PhD, Professor of Hokkaido University (Japan)

Reference to website: http://ildt.istu.irk.ru/
The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).
Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015
The Journal was founded in 2003
Frequency of publication – quarterly
Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University"
Subscription index in the catalog of JSC "Economic Newspaper" Publishing House
"The united catalog. Russian press. Newspapers and journals" – 41510 (OK+EC)
Address of JSC "Economic Newspaper" Publishing House: (499) 152-09-89; izdatcat@ideg.ru
The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)
The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83 Lermontov Str., Irkutsk 664074.
Address of the Editorial Board: 83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© FSBEIHE «INRTU», 2020

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 16 № 4 2020

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Разгильдеева И.И. История исследований памятников Титовской сопки: к юбилею открытия палеолитических стоянок Сухотино-2 и Сухотино-4 9

Новиков А.Г., Горюнова О.И., Долганов В.А. Поздний неолит Приольхонья (по материалам поселений и погребений) 24

Анищенко Е.В. Ан'япик (байдара) острова Св. Лаврентия по археологическим и этнографическим данным 43

Сирина А.А. Институализация археологии в Иркутске: палеоэтнологическая секция ВСОРГО (1925–1929) 70

ЭТНОЛОГИЯ

Керимова М.М. М. Маяр (1809–1892) и его вклад в развитие словенской и российской этнографии 86

Константинов А.В., Константинова Н.Н. «Ввиду выдающихся заслуг»: к 175-летию Алексея Кирилловича Кузнецова 102

Берман Е.А., Павлова Е.Г. Амурский еврейский некрополь как этнокультурная составляющая жизни еврейской общины г. Иркутска первой половины XX в. 114

ИСТОРИЯ

Багрин Е.А. Сибирские полки во время похода Ф.А. Головина в Даурию. 2 часть: Военные действия в Забайкалье (1687–1688 гг.) 129

Курочкина Е.Н., Игнатьева О.А., Лось О.К. Цвет гражданской форменной одежды в России конца XVIII–XIX века как индикатор социокультурной идентичности эпохе 145

Иванов А.А., Манян Н.М. Евреи в составе политических ссыльных Иркутской губернии в начале XX века: некоторые статистические характеристики 159

Айдаров К.А., Занданова Л.В. Социально-бытовые аспекты жизни г. Иркутска в преддверии революционного кризиса зимой 1916–1917 гг. 170

Звягин С.П., Макарчук С.В., Тимербулатов Д.Р. Условия содержания заключенных в тюрьмах Акмолинской (Омской) области в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) 181

Ваха Далибор. Рудольф Медек (1890–1940). Поэт-воин 195

Хандорин В.Г. К вопросу об отличительных особенностях режимов А.В. Колчака и А.И. Деникина 204

Петин Д.И. Циркуляр Сибревкома губернским финотделам Сибири об аннулированных государственных займах (октябрь 1919 г.) 214

Ладыгин И.В., Гончаров Ю.И. Мятеж Барабинского полка 225

Фомичёв С.О., Куприянов А.А., Милашус Ж.В. Организация учебного процесса в военной артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского в 1941 году 240

РЕЦЕНЗИЯ

Рогачев А.Г. Большевистское предпочтение методов штурма и риторики боев. Рецензия на монографию А.И. Бакшеева «НЭП в Сибири. Атмосфера и логика войны» 249

ПЕРСОНАЛИЯ

Малкина Л.Н. Педагог-художник М.Д. Воронько 254

Кирьянов Н.С. Мочанов. Археолог. Без компромиссов (штрихи к портрету). 1934–2020 273

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением. Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 16 no. 4 2020

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Razgildeeva I.I. History of research of Titovskaya Sopka sites: anniversary of discovery of Paleolithic sites Sukhotino-2 and Sukhotino-4 9

Novikov A.G., Goriunova O.I., Dolganov V.A. Late Neolithic of Olkhon region (based on settlements and burials material) 24

Anichtchenko E.V. St. Lawrence Island *angyapik*/baidara according to archaeological and ethnographic data 43

Sirina A.A. Institutionalization of Archeology in Irkutsk: Paleoethnological Section of the VSORGO (1925–1929) 70

ETHNOLOGY

Kerimova M.M. M. Mayar (1809–1892) and his contribution to the development of Slovenian and Russian ethnography 86

Konstantinov A.V., Konstantinova N.N. "In view of his great achievements": for the 175th anniversary of Alexey K. Kuznetsov 102

Berman E.A., Pavlova E.G. Amur Jewish necropolis as an ethnocultural component of the Irkutsk Jewish community life in the first half of the XX century 114

HISTORY

Bagrin E.A. Siberian troops headed by F. Golovin in Dauria. Part 2. The military activities in Transbaikalia (1687–1688) 129

Kurochkina E.N., Ignat'eva O.A., Los' O.K. The color of civilian uniforms in Russia at the end of the 18th – 19th centuries as an indicator of the sociocultural identity of the epoch 145

Ivanov A.A., Manyan N.M. Jews in the political exiles of the Irkutsk province at the beginning of the twentieth century: some statistical characteristics 159

Aydarov K.A., Zandanova L.V. Social and everyday aspects of the life of Irkutsk on the eve of the revolutionary crisis in the winter of 1916–1917 170

Zvyagin S.P., Makarchuk S.V., Timerbulatov D.R. Conditions of detention of prisoners in the prison of the Akmola (Omsk) region during the Civil War (1918–1919) 181

Vácha Dalibor. Rudolf Medek (1890–1940). A Poet Warrior 195

Khandorin V.G. To the issue of distinctive features of regimes of A.V. Kolchak and A.I. Denikin 204

Petin D.I. Circular of the Siberian Revolutionary Committee to the provincial financial departments of Siberia on canceled government loans (October 1919) 214

Ladygin I.V., Goncharov Yu.I. Mutiny of the Barabinsky regiment 225

Fomichev S.O., Kupriyanov A.A., Milashus Zh.V. The organization of the educational process at the Military Artillery Academy named after F.E. Dzerzhinsky in 1941 240

REVIEW

Rogachev A.G. Bolshevik preference for assault methods and battle rhetoric. Review of A.I. Baksheev's monograph "NEP in Siberia. The atmosphere and logic of war" 249

PERSONALIA

Malkina L.N. The teacher-artist M.D. Voron'ko 254

Kiryanov N.S. Mochanov. Archaeologist. No compromise (touches to the portrait). 1934–2020 273

The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age. Excavations by A.V. Kharinsky. Photo by A.B. Danilov

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 16 № 4 2020

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

– история,
– археология,
– этнология,
– рецензия,
– персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 16 no. 4 2020

Dear Readers!
We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

– History,
– Archaeology,
– Ethnology,
– Review,
– Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Оригинальная статья / Original article
УДК 902(571.55)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-9-23

История исследований памятников Титовской сопки: к юбилею открытия палеолитических стоянок Сухотино-2 и Сухотино-4

© И.И. Разгильдеева

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Аннотация: Проведение современных археологических исследований базируется на принципах комплексного анализа источника с привлечением обширного блока археологических и естественно-научных методов. Существенное значение при осмыслении новых материалов имеют ранее открытые и получившие особый статус в научном сообществе памятники, играющие роль маркеров в историко-культурных построениях. В начале XXI в. попытки репрезентативного анализа данных новых и уже известных памятников обозначили проблему недостаточности информационных баз ряда сибирских «эталонных» местонахождений. При этом опубликованные зачастую в виде предварительных сообщений материалы не разрешали возникшей проблемы, демонстрируя стереотипизированность подходов и сформированных знаний. В статье представлен анализ полувековой истории исследований многослойных палеолитических стоянок Сухотино-2 и Сухотино-4, входящих в Сухотинский геоархеологический комплекс памятников, расположенных на склонах стратовулкана Титовская сопка в Восточном Забайкалье. Значимость данных местонахождений определяет состав археологических коллекций, характеризующих технологию обработки каменного сырья в широком хронологическом диапазоне 35–11 тыс. л. н. – от традиции леваллуа до производства бифасов. В числе уникальных находок: украшения из скорлупы яиц страуса, изделия из кости и рога, в том числе предметы искусства, фрагменты каменных сосудов. Фаунистические остатки характеризуют состав объектов промысловой добычи. В планиграфии культурных горизонтов выделены серии жилищных и хозяйственных комплексов, отражающих структурную организацию поселений, а также направления бытовой и символической деятельности древнего населения Забайкалья. Современный этап изучения памятников выявил актуальность введения в научный оборот материалов, полученных в ходе раскопок в конце XX в. Обозначены перспективы дальнейших исследований, ориентированных на изучение геоморфологии и стратиграфии памятников; анализ минеральной сырьевой базы и каменных индустрий; планиграфию жилищно-хозяйственных комплексов и реконструкцию систем адаптации палеолитических коллективов.

Ключевые слова: Восточное Забайкалье, Титовская сопка, многослойные стоянки, Сухотино-2, Сухотино-4, палеолит, бифасиальные индустрии, искусство, каменные сосуды

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» № 292–ГР.

Для цитирования: Разгильдеева И.И. История исследований памятников Титовской сопки: к юбилею открытия палеолитических стоянок Сухотино-2 и Сухотино-4 // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 9–23. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-9-23

History of research of Titovskaya Sopka sites: anniversary of discovery of Paleolithic sites of Sukhotino-2 and Sukhotino-4

© Irina I. Razgildeeva

Transbaikal State University, Chita, Russia

Abstract: The paper features the analysis of a half-century research of multi-layer Paleolithic sites Sukhotino-2 and Sukhotino-4, which make up part of the Sukhotino geo-archaeological complex of archaeological sites located on the slopes of Titovskaya Sopka stratovolcano in Eastern Transbaikalia. The significance of these sites is determined by the composition of archaeological collections, which characterize the technology of processing of stone raw materials in a wide chronological range of 35–11 Kyr

BP – from the tradition of Levallois to the production of bifaces. Unique finds include ostrich eggshell decorations, bone and horn items, including art objects and fragments of stone vessels. Fauna remains are characteristic of hunting sites. Planigraphy of cultural horizons highlights a series of remains of dwellings and living areas reflecting structural specifics of settlements, as well as features of household activities and spiritual practices of the earliest population of the Trans-Baikal region. The modern stage of the study of sites has revealed the relevance of introducing materials obtained during excavations at the end of the 20th century into the scientific turnover. It stresses the importance of further research focusing on the study of geomorphology and stratigraphy of sites as well as the analysis of mineral resource base and stone industries, and the planigraphy of dwellings and living areas, and the reconstruction of systems for adaptation of Paleolithic groups.

Keywords: Eastern Transbaikalia, Titovskaya Sopka, multilayered sites, Sukhotino-2, Sukhotino-4, Paleolithic, bifacial industries, art, stone vessels

Acknowledgements: The study was carried out with the support of a grant from the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Transbaikal State University" No. 292-GR.

For citation: Razgildeeva I.I. (2020) History of research of Titovskaya Sopka sites: anniversary of discovery of Paleolithic sites Sukhotino-2 and Sukhotino-4. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 9–23. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-9-23

Введение

В истории сибирского палеолитоведения существует ряд памятников, которые с момента обнаружения обрели особый и общепризнанный в научном сообществе статус. Как правило, их сразу относили к категории уникальных, оказавших влияние на формирование научных парадигм. Широкую известность получили Военный Госпиталь, Томская стоянка, памятники Афонтовой Горы, Мальта и Буреть, Санный Мыс, Варварина Гора, Толбага, комплексы Титовской сопки (Генералов, Медведев, Заграфский и др., 2001; Черский, 1872; Кащенко, 1901; Савенков, 1916; Ауэрбах, 1928; Герасимов, 1931[1]; Герасимов, 1935; Герасимов, 1958; Окладников, 1941; Окладников, 1971; Окладников, 1974; Окладников, 1976; Окладников, Кириллов, 1968; Ларичев, 1998). Материалы с раскопок данных местонахождений раскрывали неизвестные ранее аспекты эволюции первобытных культур и сообществ, при этом региональная принадлежность не умаляла их роли в контексте мировой археологии.

Значимость открытий была настолько очевидна, что исследователи уже на ранних этапах работ стремились представить информацию к обсуждению, вводя её в научный оборот в формате предварительных публикаций: тезисов, кратких сообщений или докладов. Именно таким образом сведения о памятниках закреплялись в информационном поле археологического сообщества, выступая ориентирами дальнейших исследований, выполняя роль маркеров в историко-культурных построениях.

Поисковая эйфория создавала в итоге интересный феномен – памятники приобретали широкую известность у специалистов, при этом находящиеся в научном обороте сведения носили фрагментарный и весьма выборочный характер. Со временем, в силу разных обстоятельств, анализ и ввод в полном объеме полученных в ходе раскопок данных откладывался или становился невозможным, при этом в научном сознании уже существовал и инертно сохранялся совокупно закрепленный стереотипизированный образ.

Проблема недостаточности информационной базы эталонных местонахождений прошлого столетия стала особенно заметна в XXI в. на фоне увеличения объема археологических исследований, включающих как обязательный компонент применение обширного блока естественно-научных методов анализа. Объективно сложилась ситуация, при которой корректное сопоставление данных по новым и уже изученным памятникам становилось не всегда выполнимым. Зачастую такие попытки демонстрировали эфемерность ранее сформиро-

[1] Герасимов М. Мальта палеолитическая стоянка (предварительные данные). Результат работ 1928/29 гг. Иркутск: Издание краевого музея, 1931. 52 с.

ванных знаний. Предпринимаемые усилия по восполнению и восстановлению данных – ревизия документации и коллекций, возобновление полевых исследований, не всегда разрешают возникшие противоречия (Васильев, Базарова, Константинов А.В., Константинов М.В., 1993; Васильев, Рыбин, 2009; Лбова, Коломиец, Савинова, 2007; Медведев, Ков, Воробьева и др., 1996; Медведев, Сладога, Липнина и др., 2001).

В забайкальской археологии указанная тенденция в полной мере нашла отражение в научной судьбе памятников Сухотинского геоархеологического комплекса – многослойных стоянок Сухотино-2 и Сухотино-4, культурные горизонты которых, наряду с остатками поселков древних охотников-собирателей, содержали богатые палеофаунистические материалы и представительные коллекции артефактов (в том числе предметы искусства), отражающие хозяйственно-бытовую и духовную культуру людей эпохи палеолита (Кириллов И.И., Кириллов О.И., 2011; Сухотинский…, 2016[2]).

Геоморфология района и история исследований

Сухотинский геоархеологический комплекс памятников связан со склонами древнего стратовулкана Титовская сопка, расположенного в границах современной территории г. Читы (Забайкальский край) (рис. 1 Б). Сопка возвышается над долинами рек Ингода и Читинка на высоту до 320 м. При протяженности с востока на запад она полого спускается к городу, раскинувшемуся на севере – северо-востоке от неё. С юго-востока склоны круты и местами обрывисты. Сопка, являясь выступом горной цепи хребта Черского, отделена от него на юго-западе небольшой плоской впадиной. Вдоль юго-восточной части сопки протекает река Ингода, на ориентированных в сторону ее долины склонах находится основная часть выявленных памятников археологии (Астахов, 2018. С. 14).

Географически Титовская сопка граничит с линией Ингодинского тектонического разлома, в результате которого в массиве пород образовались трещины, позднее ставшие глубокими ущельями, заполненными рыхлыми, преимущественно склоновыми и элювиально-делювиальными отложениями. Базальтовая магма, которая при тектонических движениях частично вылилась в разломы, метаморфизировала аргиллиты, слагающие основную массу палеовулкана. Данное обстоятельство обусловило пестроту петрографического состава пород, встречающихся в обнажениях сопки – базальты, порфировые граниты, гнейсы, кристаллические сланцы, туфовые конгломераты (Астахов, 2018. С. 14; Мороз, Юргенсон, 2018. С. 101–102). Наряду с прочими адаптивно значимыми факторами доступность сырьевой базы в виде вулканических горных пород с набором петрофизических свойств, качественно влияющих на процесс расщепления, и наличие удобных для организации поселений склоновых и береговых площадок, определяли привлекательность данной территории для древнего населения Забайкалья.

Сведения о первых сборах археологических предметов и остатков плейстоценовой фауны, а также фактах обнаружения древних захоронений на склонах Титовской сопки, относятся к началу XX в. и связаны с именами исследователей-краеведов А.К. Кузнецова, Е.И. Титова, А.И. Махалова (Алкин, 2009. С. 12–13; Гантимурова, 2011). В 1924 г. во время экскурсий Е.И. Титов совместно с учениками школы I-й ступени на юго-восточном склоне сопки обнаружил несколько местонахождений каменного века, в том числе верхнепалеолитическую мастерскую и поселение Сохатино[3] (Титов, 1924; Алкин, 2009. С. 12). Последующие открытия памятников Титовской сопки связывают с именем А.П. Окладникова (Константинов, 2018а. С. 279). В 1950 г. во время прогулки в окрестностях сопки им были найдены на поверхности склонов несколько участков выхода каменных изделий, а в 1959 г. обнаружена палеолитическая мастерская по добыче и первичной обработке кристаллических сланцев, туфов и других горных пород, пригодных для изготовления орудий. В 1961 г. совместно с

[2] Сухотинский геоархеологический комплекс: научный путеводитель по палеолитическим памятникам Сухотинского геоархеологического комплекса / Е.А. Филатов; Забайкальский гос. ун-т. Чита: ЗабГУ, 2016. 44 [8] с.

[3] С 1980-х в научной литературе за памятниками Титовской сопки закрепилось название Сухотино.

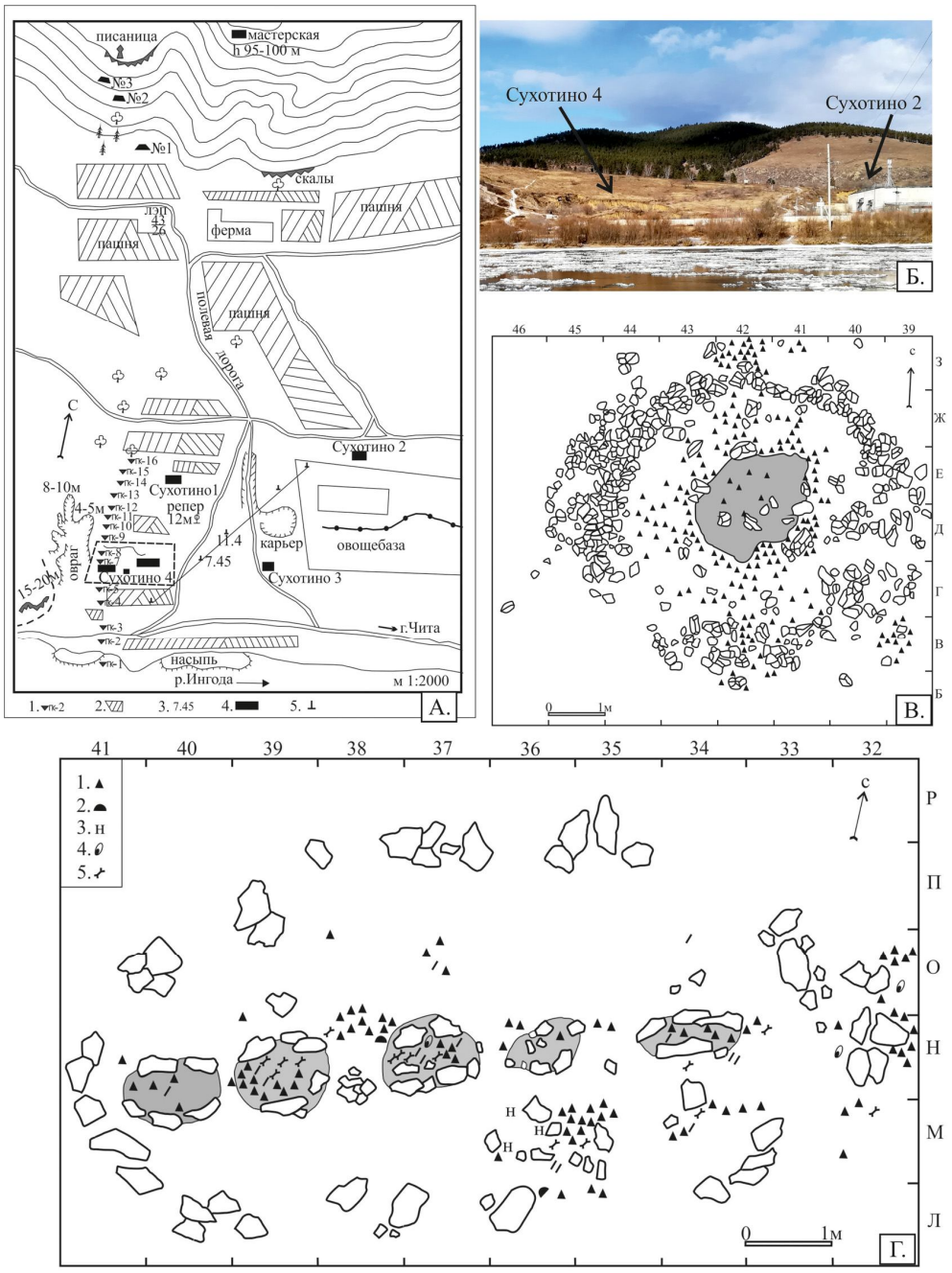

Рис. 1. А. Тополан Сухотинского геоархеологического комплекса (Прорисовка здесь и далее автора, по: (Кириллов И.И. Научный отчет о раскопках в Читинской области в 1979 г. ИА РАН. Ф. 1. Р.-1. № 9321. С. 42). Условные обозначения: *1 – пикеты нивелирования; 2 – пашня; 3 – высота основания столбов; 4 – раскопы; 5 – столбы ЛЭП;*
Б. Вид на месторасположение стоянок Сухотино-2, Сухотино-4 (Фото автора);
В. Сухотино-4, раскоп к. сл. 8, одноочажный комплекс по: (Кириллов, 2003. С. 8. Рис. 1);
Г. Сухотино-4, к. сл. 6, многоочажный комплекс по:(Кириллов И.И. Научный отчет о раскопках в Читинской области в 1984 г. ИА РАН. Ф. 1. Р.-1. № 11080. С. 48). Условные обозначения: *1 – отщепы; 2 – скребло; 3 – нуклеус; 4 – чоппер; 5 – фрагменты колотых костей*

Fig. 1. A. Topoplan of the Sukhotino geoarchaeological complex (Sketch here and further by the author, after: (Kirillov. IA RAS. F. 1. R. 1. No. 9321. P. 42). Legend: *1 – leveling stations; 2 – arable land; 3 – height of the base of the poles; 4 – excavations; 5 – power transmission poles;*
Б. View of the location of the sites Sukhotino-2, Sukhotino-4 (Photo by the author);
B. Sukhotino-4, excavation area of the level 8, single-hearth complex (According to [Kirillov, 2003. P. 8. Fig. 1]);
Г. Sukhotino- 4, level 6, multi-hearth complex According to: (Kirillov. IA RAN. F. 1. R. 1. No. 11080. P. 48) Legend: *1 – flakes; 2 – scraper; 3 – nucleus; 4 – chopper; 5 – fragments of knapped bones*

В.Е. Ларичевым Окладников произвел раскопки на одном из склонов сопки. Расширение масштаба исследований позволило открыть следы ям-шахт, предположительно служивших для добывания минерального сырья. В 1962 и 1964 годах по поручению А.П. Окладникова его аспирант С.Н. Астахов проводит дополнительные раскопки и выявляет в районе мастерской несколько многослойных поселений каменного века (Астахов, 2018. С. 13–14; Константинов, 2011).

Относительно регулярные исследования в районе Титовской сопки начинаются с 1965 г., когда из состава Дальневосточной археологической экспедиции А.П. Окладникова выделился Читинский археологический отряд под руководством И.И. Кириллова. Итогом работ середины 1960–1980-х гг. станет открытие серии памятников палеолитического времени, в том числе многослойных поселений Сухотино-2 и Сухотино-4 (Кириллов, 1979. С. 8[4]; Ковычев, 2011. С. 90; Окладников, Кириллов, 1980. С. 39–50; Кириллов И.И., Кириллов О.И., 2011. С. 281).

Сухотино-2

В 1969 г. на террасовом увале на высоте 8–10 м над уровнем р. Ингоды была открыта стоянка Сухотино-2. Опираясь на опыт раскопок стоянки Сухотино-1, расположенной гипсометрически выше на уровне 15–18 м в 250 м северо-западнее Сухотино-2, геологическая позиция последнего была соотнесена исследователями с отложениями второй надпойменной террасы (Кириллов, 1973. С. 169) (рис. 1 А, Б). В начале работ были изучены отложения только 1-го культурного слоя, что нашло отражение в публикации 1973 г., посвященной палеолитическим стоянкам Сухотино, где И.И. Кириллов приводил общую характеристику каменной индустрии комплекса слоя, обращая внимание на его отличия от традиции леваллуа. Особенность коллекции артефактов заключалась в большом количестве желваков кремнистого сланца, с которых снимались без предварительной подготовки массивные отщепы. Выраженные формы нуклеусов леваллуа не выделялись. Заметную группу составляли нуклеусы призматического типа, широко были представлены клиновидные нуклеусы (нуклеусы-скребки) и их заготовки (Кириллов, 2017. С. 32–35, 40). В качестве примечательного факта отмечалось присутствие близких по форме клиновидным нуклеусам орудий: схожего с эскимосскими ножауло и концевого скребка на лыжевидной пластине – сколе оформления ударной площадки (Кириллов, 2017. С. 40–41). Ножевидные пластины составляли 10,25 % всех находок. Преобладали пластины, снятые с призматических и клиновидных нуклеусов. Основная масса их не имела дополнительной подработки. В составе минерального сырья помимо кремнистых сланцев фигурировали яшмовидные гальки.

В 1988 г. в ходе строительства городской овощебазы в зоне сухотинской группы памятников на месте стоянки Сухотино-2 при выборке техникой котлована участками обнажился нижележащий слой. Это выявило многослойность памятника. Спасательные раскопки на площади 320 м^2 показали наличие ещё четырех уровней залегания материалов, разделенных четкими стерильными прослоями (Кириллов, Каспаров, 1990. С. 196). В итоге в разрезе отложений мощностью до 4 м стали выделять пять культурных горизонтов, материалы которых датировались в хронологическом интервале 35–13 тыс. л. н. (Кириллов И.И., Кириллов О.И., 2011. С. 280).

В 2013 г. в ходе подготовки геологических разрезов памятника для демонстрации участникам полевой экскурсии IV Международной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири» (Чита, 13–19 сентября 2013 г.) под руководством М.В. Константинова были выполнены дополнительные исследования по изучению геоморфологии и стратиграфии памятников Титовской сопки. Анализ геологических разрезов Сухотино-2 позволил сделать вывод о более сложном генезисе отложений. В частности, была уточнена стратиграфическая позиция 1-го культурного слоя, что позволило соотнести комплекс артефактов с верхней частью литологического слоя 2, включающего две

[4] Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. пед. ин-та, 1979. 95 с.

палеопочвы кокоревско-таймырских интерстадиалов, разбитых с кровли мерзлотными клиньями норильского времени. В путеводителе конференции Е.А. Филатовым была предпринята попытка систематизации сведений о памятнике, представленных ранее в немногочисленных публикациях. Задач по статистической обработке данных коллекции слоя и выполнению технико-типологического анализа артефактов исследователем не ставилась (Сухотинский…, 2016. С. 8–10)[2].

Следует отметить, что при раскопках 1980-х годов помимо факта многослойности Сухотино-2, особого внимания заслуживали выявленные в 4-м культурном слое (на глубине 3,8 м) остатки жилища с расположенными внутри очагами и внешней обкладкой, выполненной из речных галек и валунов. Слой датировали раннесартанским временем. Не менее значимым было открытие и нижнего 5-го культурного слоя, материалы которого на основе анализа стратиграфической ситуации и облика инвентаря авторы раскопок соотносили с позднекаргинским временем и ранней стадией верхнего палеолита (Кириллов, Каспаров, 1990. С. 196–197).

В кратком описании комплекса 5-го культурного слоя отмечались особенности условий залегания артефактов (горизонтально, плашмя, отдельными пятнами), наличие структурирующих пространство слоя очагов, сложенных из круглых камней и речных галек, с концентрацией находок рядом с ними, иные детали планиграфического порядка. К юго-востоку от линии очагов имелось скопление растрескавшегося и колотого камня. Основная часть отходов производства была вытянута по линии, как бы окольцовывая очаги с юга. В ряде квадратов по той же линии имелись неглубокие 0,15–0,2 м чашевидные западины с большой концентрацией находок. Основная часть готовых изделий также располагалась по линии очагов и между ними.

Коллекция артефактов включала «выдержанный набор крупных и средних изделий», в основе индустрии отмечались традиции леваллуазского и подпризматического расщепления при полном отсутствии торцовых и близких к ним форм нуклеусов. В числе орудий фигурировали скребла, скребки, выемчато-зубчатые и долотовидные инструменты, остроконечники, а также чопперовидные и чоппинговые изделия. Видовой состав фауны при незначительном количестве остатков – мамонт, шерстистый носорог, бизон, лошадь – не противоречил выводу о ранне-верхнепалеолитическом возрасте комплекса 5-го культурного слоя (Кириллов, Каспаров, 1990. С. 196–197).

Несмотря на значимость памятника, материалы которого, по мнению авторов работ, позволяли сформировать «наиболее полное представление о позднем палеолите Забайкалья», результаты его исследований не были полноценно опубликованы. Упоминаемые «остатки жилищ, кострища, ямки-кладовые» также не удостоились более детального внимания (Кириллов И.И., Кириллов О.И., 2011. С. 280).

Сухотино-4

Осенью 1971 г. при строительстве промышленных сооружений овощной базы в районе памятников Сухотинского археологического комплекса производился забор грунта для отсыпки дороги. В образовавшемся котловане буквально из-под ковша экскаватора В.Ф. Немеровым, на тот момент студентом исторического факультета Читинского государственного пединститута, а в дальнейшем аспирантом А.П. Окладникова, был собран археологический материал (Баринов, Раитина, 2011; Кириллов, 2011. С. 83–95). Новое местонахождение артефактов вошло в историю под названием палеолитического поселения Сухотино-4 и очень скоро приобрело широкую научную известность, благодаря выразительной бифасиальной технике, многочисленным остаткам жилищ, произведениям искусства из кости и камня, находкам уникальных каменных сосудов (Простакишина, 1988[5]; Кириллов, Черенщиков, 1996; Черенщиков, 1997; Васильев, 2008. С. 70–71; Малая энциклопедия Забайкалья, 2011. Фото. 29–31).

[5] Простакишина Ю.И. Многослойный памятник эпохи палеолита Забайкалья Сухотино–4 // Проблемы археологии Северной Азии. К 80-летию А.П. Окладникова / тез. докл. XVIII РАСК 28–30 марта 1988, Чита. Чита, 1988. С. 111–113.

Памятник Сухотино-4 занимает самое низкое гипсометрическое положение в группе сухотинских стоянок и приурочен к вытянутому вдоль берега р. Ингоды участку тыловой части второй надпойменной террасы (рис. 1 А, Б), высота которой в публикациях варьировалась от 8–10 м (Кириллов, 1973. С. 169; Кириллов, Черенщиков, 1996. С. 125) до 9–12 м (Сухотинский…, 2016. С. 12)[2]. Раскопки проводились с перерывами в 1972–1974, 1979, 1984, 1986, 1988–1989, 2013 гг. Итогом стало открытие 18 культурных горизонтов, охватывающих хронологический период 21–11 тыс. л. н. Площадь вскрытия верхней пачки отложений с 1–3 культурными горизонтами составила порядка 3 тыс. м^2 (Малая энциклопедия Забайкалья, 2011. Фото. 78). Слои 12–18 лишь обозначены в траншеях и шурфах. Памятник попал под техногенное разрушение в 1988 г., в результате пачка отложений, вмещающих шесть верхних культурных слоев была полностью или частично уничтожена (Кириллов, 2003. С. 3).

Этапы изучения стоянки с общими характеристиками культурных горизонтов с указанием на присутствие остатков жилищно-хозяйственных структур и состав археологических коллекций были изложены Е.А. Филатовым в путеводителе по палеолитическим памятникам Сухотинского геоархеологического комплекса, подготовленного на основе отчетов о результатах полевых исследований И.И. Кириллова, кандидатской диссертации О.Ю. Черенщикова и научных публикаций (Сухотинский…, 2016. С. 11–29)[2].

При анализе памятника исследователи подразделяли материалы культурных слоев на два комплекса: верхний (1–5 к. с.) и нижний (Кириллов, Черенщиков, 1996). При этом наибольшую известность получили результаты раскопок нижнего комплекса (6–11 к. с.), во всех слоях которого присутствовали остатки жилищных конструкций наземного типа. Уникальным явлением 1980-х годов было обнаружение в культурных слоях Сухотино-4 жилищ сериями (по 3–5–9 экз.), что создавало условия для реконструкции процессов жизнедеятельности палеолитических коллективов в период функционирования целых поселков.

На основе анализа планиграфии различного вида каменных выкладок и количества очагов исследователями была предложена типология сухотинских жилищ (Черенщиков, 1998)[6]. Самым распространённым типом были одноочажные жилища с обкладками из камней вокруг очагов и по периметру жилого пространства в виде кольца (рис. 1 В), с вариациями наличия или отсутствия дополнительного внешнего очага. Выделялся особый «сухотинский тип» одноочажных жилищ – с каменной перегородкой во внутреннем пространстве. Более редкие многоочажные комплексы – 6–8 к. с. (рис. 1 Г), датируемые по C^{14} в интервале 15,8–16,8 тыс. л. н., – имели до пяти очагов и пунктирную обкладку из камней, маркирующих контуры овальных форм оснований. В качестве особых черт жилищных конструкций памятника указывалось: обязательное наличие очагов (без значительного углубления) с обкладкой камнями; вариант размещения очага строго по центру в одноочажных комплексах; использование в обкладках обломков скальных пород (речные гальки не были зафиксированы) и отсутствие костей животных в основах конструкций (Черенщиков, 1998. С. 28)[6].

Пожалуй, помимо иркутской Мальты, ни один другой известный на тот момент в Сибири памятник не мог конкурировать по выразительности материалов с комплексами Сухотино-4. Примечательным был и состав инвентаря. Слои палеолитического возраста содержали изделия из камня, кости, рога, украшения из скорлупы яиц страуса, предметы искусства (Кириллов, 2003). Авторы раскопок писали, что материалы поселения Сухотино-4 создавали «уникальную возможность проследить развитие индустриально-хозяйственно-социальных комплексов позднего палеолита» (Кириллов, Каспаров, 1990. С. 197).

Следует отметить, что раскопки Сухотино-4 не просто формировали представления о функционировании и пространственной организации отдельных жилищно-хозяйственных комплексов и их совокупностей в общем культурно-временном кон-

[6] Черенщиков О.Ю. Нижний комплекс многослойного поселения Сухотино-4 и его место в верхнем палеолите Северной Азии: дис. канд. истор. наук. Чита, 1998. 215 с.

тинууме древних поселений. Совершенно примечательным стал факт выявления в планиграфии стоянок элементов, свидетельствующих о деятельности культового предназначения. Именно такой вывод делал исследователь И.И. Кириллов, характеризуя, в частности, планиграфию 8 культурного слоя памятника.

Обнаруженный на глубине 4,15–4,3 м от поверхности в отложениях пойменного аллювия археологический комплекс данного слоя включал остатки восьми оснований жилищ, расположенных вдоль берега р. Ингоды. Разной мощности каменные выкладки отмечали периметры овальных форм оснований (диаметром от 6 до 8 м) существовавших в древности наземных конструкций (рис. 1 В). Отдельный выложенный камнем на поверхности очаг находился в межжилищном пространстве пятой и шестой выкладок. Однако особую роль в жизни поселка, по мнению исследователей, играл очаг без каменной выкладки, найденный к югу от жилища 1. Вся поверхность очага была пропитана коричнево-красной охрой, а по краю юго-восточной части заполнения лежал крупный миндалевидный камень, который явно первоначально занимал вертикальную позицию. Поверхность камня была преднамеренно профилирована несколькими сколами-выемками, оформляющими ромбовидную головку и широкое основание, и несла следы охры. И.И. Кириллов считал, что данный комплекс имел ритуальное значение и выполнял функцию оберега по типу эвенкийских «минтая» (Кириллов, 2003. С. 4–5).

Собственно обнаружение подобной конструкции выступало свидетельством бытовавших у жителей поселка довольно сложных магических обрядов, связанных с «освящением» и задабриванием (кормлением) духа-оберега, защитника данной общины. Вероятно, часть поделок малых форм – предметов из кости, рога, камня, украшенных орнаментом в виде врезных линий, скобочек, ямок или более сложным геометрическим узором, отнесенных к предметам искусства, также могла выполнять функции объектов сакрального предназначения.

Комплекс изделий, несущих следы художественного и образно-символического содержания, И.И. Кириллов демонстрировал в 2003 г. во время научной конференции, посвященной теме «Культурно-исторические формы поведения», организованной Читинским областным краеведческим музеем им. А.К. Кузнецова (с 2008 г. Забайкальский краевой краеведческий музей). Изданные в сборнике докладов конференции материалы дополняли более ранние публикации. К сожалению, крайне низкое качество печати черно-белых рисунков превратило иллюстрации в плохо читаемые схемы (Кириллов, Черенщиков, 1996; Кириллов, 2003; Кириллов, 2017. С. 48, 49, 51).

К категории редчайших находок, которые фигурируют при описании коллекций эпохи палеолита, несомненно, относятся обнаруженные в культурных слоях 7 и 8 фрагменты двух видов каменных плошек (светильников) с короткими рукоятками и фрагменты каменного сосуда параболоидной формы с приостренным днищем и слегка заоваленным, загнутым внутрь венчиком. Их описание сопровождали черно-белые рисунки, которые в полной мере не отражали вид изделий. Фото знаменитых сосудов, как и выполненных на плитках сланца скульптурных изображений животных, найденных в комплексах C^{14}-возрастом 16820±390 (ЛЕ-3647), 16870±700 (ЛЕ-3653) авторами открытия опубликованы не были (Кириллов, Черенщиков, 1996. С. 125–126). Длительное время сами предметы хранились в домашнем архиве И.И. Кириллова, информация об их современном местоположении требует уточнения.

Из найденных в палеолитических слоях Сухотино-4 предметов искусства несколько больше в этом плане повезло бусинам и роговому стержню с линейным орнаментом. Об их внешнем облике можно судить по фотографиям небольшого формата, опубликованным на цветной вклейке в томе «Археология» издания «Малая энциклопедия Забайкалья» (Малая энциклопедия Забайкалья, 2011. Фото 79, 80) и продублированным в путеводителе (Сухотинский…, 2016. Прил. Рис. 16, 17)[2].

Из круга известных в 1980-х гг. забайкальских местонахождений Сухотино-4 выделялось также

присутствием выразительного набора изделий с бифасиальной обработкой. Устойчивые серии орудий составляли остроконечные предметы, в том числе листовидной формы, скребла, обушковые ножи. Бифасы как заготовки микронуклесов были известны во всех культурных слоях памятника. Не менее широко в индустрии Сухотино-4 представлены и орудия-унифасы. Коллекция двусторонне обработанных предметов многочисленна и типологически разнообразна, что обусловило выборочность публикуемых изделий с акцентом на наиболее показательные. При анализе индустрии авторы раскопок обобщали информацию, в том числе объединяя коллекции из разных слоев, приводя описание наиболее характерных групп изделий, отчетливо выраженных приемов обработки (Окладников, Кириллов, 1980. С. 45–46; Kirillov, Derevjanko, Shimkin, Povers, 1998). Богатство орудийного комплекса, которое можно оценить по представленным в статьях рисункам, объясняет трудности выбора, стоящие перед исследователями.

В списке ярких отличительных элементов культуры Сухотино-4 не последнее место занимает присутствие в комплексах с остатками жилищных структур красно-коричневого и алого цвета охры. Авторы раскопок указывали на признаки её намеренного получения на стоянках: наличие в заполнении кострищ охристых камней и инструментов тёрочников. Следы широкого использования природного красителя фиксировались по наличию многочисленных кусочков гематита, окрашенных участков грунта и пятен охры на поверхностях каменных и костяных изделий (Кириллов, 1984[7]; Кириллов, 2003. С. 6; Кириллов И.И., Кириллов О.И.,2011. С. 281).

Богатство коллекций артефактов дополнялось фаунистическими материалами разной степени представительности. Определение видового состава промысловой фауны показало разнообразие объектов охоты – более 40 видов (Кириллов, Каспаров, 1990. С. 198). В их числе представители крупных (мамонт, шерстистый носорог, бизон, лошадь, кулан, лось, благородный олень, овцебык, винторогая антилопа) и мелких (лисица, монгольский сурок, заяц, волк) животных. Из кости и рога изготавливали иглы и шилья, иные предметы хозяйственного назначения.

В начале 2010-х годов по инициативе и под руководством профессора Забайкальского госуниверситета М.В. Константинова начался новый этап в исследованиях памятников Сухотинского геоархеологического комплекса. Обследование территории Титовской сопки проводили под его научным руководством представители молодого поколения археологов: Е.А. Филатов, Н.Е. Викулова, С.Б. Верещагин, П.В. Мороз и др. Работы были нацелены на уточнение геоморфологических особенностей района, мониторинг известных и выявление новых местонахождений археологических материалов (Филатов, Викулова, Мухамудьянов, 2015; Викулова, Ланцева, Филатов, 2016; Константинов, Васильев, Филатов и др., 2018b). Раскрытие геологических разрезов с привлечением специалистов геоморфологов позволило уточнить стратиграфическую ситуацию на стоянке Сухотино-2, выявить в границах памятника Сухотино-4 участки с неразрушенными отложениями фрагмента второй надпойменной террасы. Это обозначило возможности проведения раскопок с перспективой изучения культуросодержащих отложений с жилищными комплексами in situ.

Отдельным направлением проводятся исследования по анализу сырьевой минеральной базы Сухотинского археологического района, выявлению признаков утилизации различных видов каменного сырья и характера функционального износа комплексов орудий (Мороз, Юргенсон, 2018; Мороз, 2019). Одновременно реализуются задачи по ГИС регистрации археологических местонахождений древнего стратовулкана Титовской сопки.

Заключение

Краткий экскурс в историю исследований двух памятников Сухотинского геоархеологического комплекса демонстрирует актуальность сделанных полвека назад открытий. Анализ публикаций, отражающих этапы работ по изучению многослойных стоянок Сухотино-2 и Сухотино-4, выявил круг во-

[7] Кириллов И.И. Научный отчет о раскопках в Читинской области в 1984 г. ИА РАН, Ф. 1. Р-1. № 11080. С. 9–10.

просов и научных проблем, либо оставшихся в силу разных причин без должного внимания со стороны исследователей, либо требующих переосмысления с учетом современных методов анализа. Как ни парадоксально, проблемой остается полноценное введение в научный оборот материалов памятников. Это касается не только художественных предметов, но и коллекций каменных артефактов. Осуществить планы по изданию монографии автор раскопок И.И. Кириллов не успел, его научное наследие ждет своего исследователя. Востребованным остается выполнение комплексного технико-типологического и морфологического анализа каменной индустрии сухотинских поселений с учетом принадлежности к конкретным культурным слоям, а не смешанных (обобщенных) комплексов предметов.

Отдельным аспектом остается изучение традиций оформления бифасов, широко представленных в коллекциях Сухотино-4 и длительное время не имевших прямых аналогий в палеолите Забайкалья. Предварительный анализ, выполненный в 2019 г. В.И. Ташаком, показал динамичность бифасиальной индустрии с учетом выделенной исследователем тенденции увеличения числа орудий бифасов от нижних слоев к верхним, при сохранении традиций оформления на протяжении всего хронологического диапазона 22–11 тыс. л. н. (Ташак, Ковычев, 2020. С. 27). Кроме того, сравнительный анализ коллекций бифасиальных орудий многослойных поселений Сухотино-4 и Барун-Алан-1, по мнению В.И. Ташака, показал культурную и хронологическую близость памятников, обозначив их место в числе «древнейших местонахождений, где формировалась индустрия с выраженной направленностью на производство бифасиально обработанных орудий» и обозначил вопрос о выделении на их материалах самостоятельной палеолитической культуры (Ташак, Ковычев, 2020. С. 28–29).

Задачи планиграфиического анализа жилищных структур с реконструкцией деятельностных ситуаций, раскрывающих образ жизни и направления стратегий адаптации древних сухотинцев, также находятся в области научных перспектив. Распространенная в 1970–1980-х гг. система организации хранения коллекций артефактов по типологическим группам, при которой предметы из разных найденных в едином стратиграфическом контексте культурного слоя комплексов объединялись, затрудняет установление индивидуального местоположения предметов. В сложившейся ситуации процесс пространственной идентификации становится не быстрым, и, как показала ревизия коллекций, не всегда возможным (Ташак, Ковычев, 2020. С. 12). Тем не менее научный и исследовательский потенциал материалов сухотинских стоянок, несмотря на полувековую историю с момента их открытия, далеко не исчерпан.

Библиографический список

Алкин С.В. Исследователь коренного населения Восточной Сибири Елпифидор Иннокентьевич Титов // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. Материалы Всероссийского семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри. Иркутск, 3–6 мая 2009 г. Иркутск: Амтера, 2009. С. 8–21.

Астахов С.Н. Шурфы-шахты для добычи каменного сырья в палеолите на Титовской сопке // Записки ИИМК РАН. 2018. Вып. 19. С. 13–19.

Ауэрбах Н.К. Первый период археологической деятельности Савенкова И.Т. (материалы к биографии) // Ежегодник Государственного музея им Н.М. Мартьяно-

References

Alkin S.V. (2009) Researcher of the indigenous population of Eastern Siberia Elpifidor Innokentyevich Titov. *Vuzovskaya nauchnaya arkheologiya i etnologiya Severnoi Azii. Irkutskaya shkola 1918–1937 gg. Materialy vserossiiskogo seminara, posvyashchennogo 125-letiyu Berngarda Eduardovicha Petri. Irkutsk, 3–6 maya 2009 g. = University scientific archeology and ethnology of North Asia. Irkutsk school 1918–1937. Proceedings of the All-Russian Seminar dedicated to the 125th anniversary of Bernhard Eduardovich Petri. Irkutsk, May 3-6, 2009.* Irkutsk: Amtera. P. 8–21. (In Russ.)

Astakhov S.N. (2018) Pits-mines for the extraction of stone raw materials in the Paleolithic on Titovskaya Sopka. *Zapiski IIMK RAN = Notes of IHMC RAS*. Iss. 19. P. 13–19. (In Russ.)

Auerbakh N.K. (1928) The first period of archaeological activity of Savenkov I.T. (materials for biography). *Ezhegodnik Gosudarstvennogo muzeya im N.M. Mart'yanova =*

ва. Минусинск, 1928. Т. VI. Вып. 2. С. 163–185.

Баринов А.О., Раитина А.А. Немеров Валерий Федорович // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 218.

Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. СПб.: ИИМК РАН. 2008. 179 с.

Васильев С.Г., Базарова Л.Д., Константинов А.В., Константинов М.В. Палеолитическое жилище на Санном Мысе: характер и возраст // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1993. С. 27–36.

Васильев С. Г., Рыбин Е.П. Стоянка Толбага: поселенческая деятельность человека в ранней стадии верхнего палеолита Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 13–34.

Викулова Н.О., Ланцева Е.И., Филатов Е.А. Палеолитическое поселение Сухотино-8 // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей. Материалы LVI Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов. Чита, 23–26 марта 2016 г. / отв. ред. А.В. Константинов, И.И. Разгильдеева. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2016. С. 34–45.

Гантимурова М.И. Махалов Андрей Иванович // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 203.

Герасимов М.М. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 118. С. 78–124.

Герасимов М.М. Палеолитическая стоянка Мальта (раскопки 1956–1957 гг.) // Советская этнография, 1958. № 3. С. 28–52.

Генералов А.Г., Медведев Г.И., Заграфский С.И., Слагода Е.А., Базалийский В.И., Туркин Г.В., Тютрин А.А. Каменный век южного Приангарья, Иркутский геоархеологический район // Путеводитель международного симпозиума «Современные проблемы палеолитоведения Евразии», 1–9 августа 2001 г., г. Иркутск / отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2001. Т. 1. 84 с.

Кащенко Н.Ф. Скелет мамонта со следами употребления некоторых частей тела этого животного в пищу современным ему человеком // Записки Императорской АН по физико-математическому отделению. СПб., 1901. Т. XI. № 7. С. 1–60.

Yearbook of the State Museum named after N.M. Martyanov. Minusinsk.Vol. VI. Iss. 2. P. 163–185. (In Russ.)

Barinov A.O., Raitina A.A. (2011) Nemerov Valery Fedorovich. *Malaya entsiklopediya Zabaikal'ya. Arkheologiya = Small encyclopedia of Transbaikalia. Archeology.* Novosibirsk: Nauka. P. 218. (In Russ.)

Vasil'ev S.A. (2008) The oldest past of mankind: the search for Russian scientists. St. Petersburg: IIMK RAN. 179 p. (In Russ.)

Vasil'ev S.G., Bazarova L.D., Konstantinov A.V., Konstantinov M.V. (1993) Paleolithic dwelling on Sanny Mys: character and age. *Kul'tury i pamyatniki epokhi kamnya i rannego metalla Zabaikal'y = Cultures and sites of the stone and early metal epoch of Transbaikalia.* Novosibirsk: Nauka. P. 27–36. (In Russ.)

Vasil'ev S.G., Rybin E.P. (2009) Tolbaga site: human settlement activity in the early stage of the Upper Paleolithic of Transbaikalia. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia.* No. 4 (40). P. 13–34. (In Russ.)

Vikulova N.O., Lantseva E.I., Filatov E.A (2016) Paleolithic settlement Sukhotino-8. *Sibirskaya arkheologiya i etnografiya: vklad molodykh issledovatelei. Materialy LVI Rossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov. Chita, 23–26 marta 2016 g. = Siberian archeology and ethnography: the contribution of young researchers. Proceedings of the LVI Russian (with international participation) Archaeological and Ethnographic Conference of Students. Chita, 23-26 March 2016.* Chita: ZabGU. P. 34–45. (In Russ.)

Gantimurova M.I. (2011) Makhalov Andrey Ivanovich. *Malaya entsiklopediya Zabaikal'ya. Arkheologiya = Small encyclopedia of Transbaikalia. Archeology.* Novosibirsk: Nauka. P. 203. (In Russ.)

Gerasimov M.M. (1935) Excavation of a Paleolithic site in the village Malta. *Izvestiya GAIMK = Bulletin of GAIMK.* Iss. 118. P. 78–124. (In Russ.)

Gerasimov M.M. (1958) Palaeolithic site Malta (excavations 1956–1957). *Sovetskaya etnografiya = Soviet Ethnography.* No. 3. P. 28–52. (In Russ.)

Generalov A.G., Medvedev G.I., Zagrafskii S.I., Slagoda E.A., Bazaliiskii V.I., Turkin G.V., Tyutrin A.A. (2001) Stone Age of the southern Angara region, Irkutsk geoarchaeological region. *Putevoditel' mezhdunarodnogo simpoziuma «Sovremennye problemy paleolitovedeniya Evrazii», 1–9 avgusta 2001 g., g. Irkutsk = Guide to the International Symposium "Contemporary Problems of Paleolithic Studies in Eurasia", August 1–9, 2001, Irkutsk*. Irkutsk: Irkutsk State University. Vol. 1. 84 p. (In Russ.)

Kashhenko N.F. (1901) The skeleton of a mammoth with traces of the use of some parts of the body of this animal for food by contemporary man. *Zapiski Imperatorskoi AN po fiziko-matematicheskomu otdeleniyu = Notes of the Imperial Academy of Sciences on the Physics and*

Кириллов И.И. Палеолитические стоянки Сохатино (Титовская Сопка) // Вопросы краеведения Забайкалья. Чита: Фил. Чит. обл. тип. Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Чит. облисполкома. 1973. Вып. 1. С. 168–183.

Кириллов И.И., Каспаров А.К. Археология Забайкалья: Проблемы и перспективы (эпоха палеолита) // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: доклады Международного симпозиума. Новосибирск, 1990. С. 194–198.

Кириллов И.И., Черенщиков О.Ю. Нетрадиционные изделия в камне из многослойного верхнепалеолитического поселения Сухотино-4 // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1996. Ч. 1. С. 125–130.

Кириллов И.И. Хозяйственно-бытовые комплексы и некоторые группы артефактов как свидетельства развития духовной культуры и зарождения научных знаний в позднем палеолите (на примере многослойного поселения Сухотино-4) // Культурно-исторические формы поведения человека. Чита: Поиск, 2003. С. 3–11.

Кириллов И.И. Сквозь мглу тысячелетий и веков. Рассказы археолога о забайкальских древностях / Забайкальский гос. гум.-пед. ун-т. Чита: Экспресс-издательство, 2011. 140 с.

Кириллов И.И., Кириллов О.И. Сухотино // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 280–282.

Кириллов И.И. Избранные труды // Забайкальский государственный университет. (сост. О.А. Яремчук и др.). Чита: ЗабГУ, 2017. 225 с.

Ковычев Е.В. Верхнеамурская археологическая экспедиция // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 90–91.

Константинов А.В. Астахов Сергей Никитич // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 64.

Константинов М.В. В экспедициях академика А.П. Окладникова // Известия Лаборатории древних технологий. 2018а;14(4):277–287. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-277-287

Константинов М.В., Васильев С.Г., Филатов Е.А., Викулова Н.О., Маслодудо С.В. Древняя история Забай-

Mathematics Department. Vol. XI. No. 7. St. Petersburg. P. 1–60. (In Russ.)

Kirillov I.I. (1973) Paleolithic sites of Sokhatino (Titovskaya Sopka). *Voprosy kraevedeniya Zabaikal'ya = Local history issues of Transbaikalia.* Chita: Fil. Chit. obl. tip. Iss. 1. P. 168–183. (In Russ.)

Kirillov I.I., Kasparov A.K. (1990) Archeology of Transbaikalia: Problems and Prospects (Paleolithic Age). *Khronostratigrafiya paleolita Severnoi, Tsentral'noi i Vostochnoi Azii, i Ameriki. Doklady Mezhdunarodnogo simpoziuma = Chronostratigraphy of the Paleolithic of North, Central and East Asia, and America. Reports of the International Symposium.* Novosibirsk. P. 194–198. (In Russ.)

Kirillov I.I., Cherenshchikov O.Yu. (1996) Unconventional products in stone from the multilayered Upper Paleolithic site Sukhotino-4. *Arkheologiya, paleoekologiya i etnologiya Sibiri i Dal'nego Vostoka = Archeology, paleoecology and ethnology of Siberia and the Far East.* Irkutsk: Irkutsk State University. Pt. 1. P. 125–130. (In Russ.)

Kirillov I.I. (2003) Household complexes and some groups of artifacts as evidence of the development of spiritual culture and the emergence of scientific knowledge in the Late Paleolithic (based on the data of the multilayered site Sukhotino-4). *Kul'turno-istoricheskie formy povedeniya cheloveka = Cultural and historical forms of human behavior*. Chita: Poisk. P. 3–11. (In Russ.)

Kirillov I.I. (2011) Through the darkness of millennia and centuries. An archeologist's stories about the Transbaikal antiquities. *Zabaikal'skii gosudarstvennyi gumanitarno-pedagogicheskii universitet = Transbaikal State Humanitarian Pedagogical University.* Chita: "Express Publishing House". 140 p. (In Russ.)

Kirillov I.I., Kirillov O.I. (2011) Sukhotino. *Malaya entsiklopediya Zabaikal'ya. Arkheologiya* = Small encyclopedia of Transbaikalia. Archeology. Novosibirsk: Nauka. P. 280–282. (In Russ.)

Kirillov I.I. (2017) Selected Works. Chita: Transbaikal State University. 225 p. (In Russ.)

Kovychev E.V. (2011) Upper Amur archaeological expedition. *Malaya entsiklopediya Zabaikal'ya. Arkheologiya =* Small encyclopedia of Transbaikalia. Archeology. Novosibirsk: Nauka. P. 90–91. (In Russ.)

Konstantinov A.V. (2011) Astakhov Sergey Nikitich. *Malaya entsiklopediya Zabaikal'ya. Arkheologiya =* Small encyclopedia of Transbaikalia. Archeology. Novosibirsk: Nauka. P. 64. (In Russ.)

Konstantinov M.V. (2018a) In the expeditions of academician A.P. Okladnikov. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 14. No. 4. P. 277–287. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-277-287 (In Russ.)

Konstantinov M.V. Vasil'ev S.G., Filatov E.A., Vikulova N.O., Maslodudo S.V. (2018b) Ancient history of the Trans-

кальского края в свете новых археологических открытий // Известия Лаборатории древних технологий. 2018b. Т. 14. № 1. С. 9–19. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-1-9-19

Ларичев В.Е. Большое видится на расстоянии (Документы истории открытия и первых лет раскопок Мальты) //Альманах Вестник Антропологии. М.: Старый сад. 1998. № 5. С. 27–40.

Лбова Л.В., Коломиец В.Л., Савинова В.В. Геоархеологический объект Санный Мыс: условия формирования и обстановки обитания древнего человека в Западном Забайкалье // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3. Археология и этнография. С. 80–93.

Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. 368 с.

Медведев Г.И., Ков Н., Воробьева Г., Куп Д., Клэс Л., Липнина Е., Модри С., Мухаррамов Ш., Осадчий С., Петитт П., Ребриков П., Роговской Е., Ситливый В., Сулержицкий Л., Хензыхенова Д. Мальтинское палеолитическое местонахождение (по итогам полевых работ 1995 года). Иркутск: Арком, 1996. 32 с.

Медведев Г.И., Сладога Е.А., Липнина Е.А., Бердникова Н.Е., Генералов А.Г., Роговской Е.О., Ощепкова Е.Б., Воробьева Г.А., Шмыгун П.Е. Каменный век Южного Приангарья. Бельский геоархеологический район / Путеводитель международного симпозиума «Современные проблемы палеолитоведения Евразии», 1–9 августа 2001 г., г. Иркутск / отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: изд-во Иркутского государственного университета, 2001. Т. 2. 242 с.

Мороз П.В., Юргенсон Г.А. Минеральное сырье Сухотинского геоархеологического района // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2018. Вып. 7. С. 100–105.

Мороз П.В. Общий неутилитарный износ на сырье из Титовксой сопки: Экспериментальные данные // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 6. С. 46–56. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-45-56

Окладников А.П. Палеолитические жилища Бурети (по раскопкам 1936–1940 гг.) // Краткие сообщения Института истории и материальной культуры, 1941. Вып. 10. С. 16–31.

Окладников А.П. Многослойное поселение Санный Мыс на реке Уде, в 35 км ниже Хоринска, Бурятской АССР. (Раскопки 1968 года) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Новосибирск: Институт истории филологии и философии СО АН СССР, 1971. Вып. II. С. 7–86.

Baikal Territory in the light of new archaeological discoveries. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 14. No. 1. P. 9–19. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-1-9-19 (In Russ.)

Larichev V.E. (1998) Great is seen at a distance (Documents of the history of the discovery and the first years of excavations of Malta site). *Al'manakh Vestnik Antropologii = Almanac Bulletin of Anthropology*. No. 5. Moscow: Staryi sad. P. 27–40. (In Russ.)

Lbova L.V., Kolomiets V.L., Savinova V.V. (2007) Geoarchaeological site Sanny Mys: conditions of formation and environment of habitation of ancient humans in Western Transbaikalia. *Vestnik NGU. Ser. Istoriya, filologiya = Bulletin of Novosibirsk State University. Ser. History, Philology.* Vol. 6. Iss. 3. Archeology and Ethnography. P. 80–93. (In Russ.)

Geniatulin R.F. (2011) Small encyclopedia of Transbaikalia. Archeology. Novosibirsk: Nauka. 368 p. (In Russ.)

Medvedev G., Kov N., Vorob'eva G. i dr. (1996) Paleolithic site Malta (based on the results of field work in 1995). Irkutsk: Arkom. 32 p. (In Russ.)

Medvedev G.I., Sladoga E.A., Lipnina E.A., Berdnikova N.E., Generalov A.G. i dr. (2001) Stone Age of South Priangarye. Belsk geoarchaeological region. *Putevoditel' mezhdunarodnogo simpoziuma «Sovremennye problemy paleolitovedeniya Evrazii», 1–9 avgusta 2001 g., g. Irkutsk = Guide to the international symposium "Modern problems of Paleolithic studies in Eurasia", August 1–9, 2001, Irkutsk.* Irkutsk: Irkutsk State University. Vol. 2. 242 p. (In Russ.)

Moroz P.V., Yurgenson G.A. (2018) Mineral raw materials of the Sukhotinsky Geoarchaeological District. *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury = Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, cultures.* Irkutsk: Irkutsk State University. Iss. 7. P. 100–105. (In Russ.)

Moroz P.V. (2019) General non-utilitarian wear on raw materials from Titovksaya Sopka: Experimental data. *Gumanitarnyi vektor = Humanitarian vector.* Vol. 14. No. 6. P. 46–56 DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-45-56 (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1941) Paleolithic dwellings of Buret' site (according to excavations 1936–1940). *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii i material'noi kul'tury = Brief Reports of the Institute of History and Material Culture.* Iss. 10. P. 16–31. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1971) Multilayered site Sanny Mys on the Uda River, 35 km below Khorinsk, Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic. (1968 excavations). *Materialy polevykh issledovanii Dal'nevostochnoi arkheologicheskoi ekspeditsii = Field research data of the Far Eastern Archaeological Expedition.* Iss. II. Novosibirsk: Institute of the History of Philology and Philosophy of the Sibe-

Окладников А.П. Варварина Гора – новый памятник леваллуазского этапа палеолита за Байкалом // Археологические открытия за 1973 г. М.: 1974. С. 215–216.

Окладников А.П. Палеолитическое поселение Сохатино (Титовская сопка) // История и культура Бурятии. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1976. С. 416–421.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Палеолитическое поселение в Сохатино (Титовская сопка) // Известия Сибирского отделения АН СССР. Новосибирск, 1968. Вып. 2. С. 111–114.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Савенков И.Т. О памятниках, оставленных на Енисее человеком, – современником мамонта // Сибирская летопись, 1916. № 6–8. С. 247–256.

Ташак В.И., Ковычев Е.В. Бифасиальные орудия в каменной индустрии Сухотино-4 (Восточное Забайкалье) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 3. С. 9–31. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-9-31

Титов Е.И. Научные открытия учащихся школы I ступени (из заметок руководителя экскурсии) // Вопросы просвещения на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1924. Кн. 5. С. 76–80.

Филатов Е.А., Викулова Н.О., Мухамудьянов П.В. Палеолитическая мастерская Сухотино-12 // Материалы докладов LV Региональной (XI Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2015. С. 66–67.

Черенщиков О.Ю. Классификация жилищ нижнего комплекса поселения Сухотино-4 в Восточном Забайкалье // 275 лет сибирской археологии: Материалы XXXVII РАЭСК. Красноярск, 1997. С. 27–28.

Черский И.Д. Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода // Известия Сибирского отдела РГО. 1872. Т. 3. № 3. С. 167–172.

Kirillov I.I., Derevjanko A.P., Shimkin D.B., Povers W.R. The Paleolithic of the Trans-Baikal area // Paleolithic of Siberia: New discoveries and interpretations. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1998. Pp. 137–150.

rian Branch of the USSR Academy of Sciences. P. 7–86. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1974) Varvarina Gora – a new site of the Levallois stage of the Paleolithic beyond Baikal Lake. *Arheologicheskie otkrytiya za 1973g. = Archaeological discoveries in 1973.* Moscow. P. 215–216. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1976) Paleolithic settlement Sokhatino (Titovskaya Sopka). *Istoriya i kul'tura Buryatii = History and culture of Buryatia. Ulan-Ude:* Buryatskoe knizhnoe izd-vo. P. 416 –421. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Kirillov I.I. (1968) Paleolithic settlement in Sokhatino (Titovskaya Sopka). *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR = Bulletin of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences*. Iss. 2. Novosibirsk. P. 111–114. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Kirillov I.I. (1980) Southeastern Transbaikalia in the Stone Age and Early Bronze Age. Novosibirsk: Nauka. 176 p. (In Russ.)

Savenkov I.T. (1916) About the sites left on the Yenisei River by a man contemporary of the mammoth. *Sibirskaya letopis' = Siberian chronicle.* No. 6–8. (In Russ.)

Tashak V.I., Kovychev E.V. (2020) Bifacial tools in the stone industry of Sukhotino-4 site (Eastern Transbaikalia). *Izvestiya Laboratorii drevnkh tehnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 9–31. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-9-31 (In Russ.)

Titov E.I. (1924) Scientific discoveries of students of the I stage school (from the notes of the leader of the excursion). *Voprosy prosveshheniya na Dal'nem Vostoke = Education issues in the Far East.* Habarovsk. Book 5. P. 76–80. (In Russ.)

Filatov E.A., Vikulova N. O., Mukhamud'yanov P.V. (2015) Paleolithic workshop Sukhotino-12. *Materialy LV Regional'noi (XI Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh = Proceedings of Reports of the LV Regional (XI All-Russian with international participation) Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists.* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 66–67. (In Russ.)

Cherenshchikov O. Yu. (1997) Classification of dwellings in the lower complex of the settlement of Sukhotino-4 in Eastern Transbaikalia. *275 let sibirskoi arkheologii. Materialy XXXVII RAESK = 275 years of Siberian archeology. Proceedings of XXXVII Russian Archaeological and Ethnographic Conference of Students.* Krasnoyarsk. P. 27–28. (In Russ.)

Cherskii I.D. (1872) A few words about stone period items dug in Irkutsk. *Izvestiya Sibirskogo otdela RGO = Bulletin of the Siberian Department of the Russian Geographical Society.* Vol. 3. No. 3. P. 167–172. (In Russ.)

Kirillov I.I., Derevjanko A.P., Shimkin D.B., Povers W.R. The Paleolithic of the Trans-Baikal area // Paleolithic of Siberia: New discoveries and interpretations. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1998. Pp. 137–150.

Сведения об авторе

Разгильдеева Ирина Иннокентьевна,
доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории,
Забайкальский государственный университет,
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30, Россия,
✉ e-mail: labpaleo@yandex.ru

Заявленный вклад авторов

И.И. Разгильдеева выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 3 ноября 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 30 ноября 2020 г.
Принята к публикации 7 декабря 2020 г.

Information about the author

Irina I. Razgildeeva,
Cand. Sci. (History), Associate-Professor of the Department of History,
Transbaikal State University,
30, Aleksandro-Zavodskaya street, Chita 672039, Russia,
✉ e-mail: labpaleo@yandex.ru

Contribution of the authors

I.I. Razgildeeva carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received November 3, 2020.
Received November 30, 2020.
Accepted December 7, 2020.

Оригинальная статья / Original article
УДК 903.4(571.53)«6347»
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-24-42

Поздний неолит Приольхонья (по материалам поселений и погребений)

© А.Г. Новиков[a], О.И. Горюнова[a], В.А. Долганов[b]

[a] Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
[b] ООО «Палеопоиск», г. Новосибирск, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы корреляции комплексов поселений и погребений позднего неолита Приольхонья. В основу положены материалы семи стратифицированных стоянок (в том числе многослойных) и девяти могильников. Представительная коллекция артефактов, полученных в последние годы, позволила впервые провести анализ и сопоставление комплексов целиком, а не по отдельным предметам в их составе. Корреляция материалов стоянок и погребений, проведенная на основе сравнительно-типологического анализа и серии радиоуглеродного датирования, позволила характеризовать комплексы позднего неолита Приольхонья в их совокупности и уточнить хронологические рубежи. При характеристике инвентаря основное внимание уделялось керамике, так как она представляет собой наиболее массовый и информативный материал. По ряду признаков установлена идентичность керамики (анализировано 157 сосудов), каменных и костяных изделий из комплексов поселений позднего неолита и серовских погребений Приольхонья, представляющих собой локальный (маломорский) вариант этой культуры. Прежде всего, их сближают номенклатура и типологический состав коллекций, общая морфология сосудов и изделий, техника их изготовления и стилистика оформления. Хронометрия археологических комплексов определена на основе серийного радиоуглеродного AMS-датирования (43 определения) с учетом коррекции результатов на «эффект водного резервуара». Радиоуглеродные даты по стоянкам (15 определений) в хронологическом диапазоне 5590–4627 кал. л. н.; по комплексам погребений (28 дат) в пределах 5465–4523 кал. л. н. Полученные результаты свидетельствуют о культурно-хронологическом единстве комплексов поселений и серовских погребений позднего неолита Приольхонья.

Ключевые слова: озеро Байкал, Приольхонье, поздний неолит, поселения, погребения, керамика, каменный инвентарь, изделия из кости, радиоуглеродное датирование, корреляция комплексов

Благодарности: Исследование проведено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров».

Для цитирования: Новиков А.Г., Горюнова О.И., Долганов В.А. Поздний неолит Приольхонья (по материалам поселений и погребений) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 24–42. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-24-42

Late Neolithic of Olkhon region (based on settlements and burials material)

© Aleksei G. Novikov[a], Olga I. Goriunova[a], Vadim A. Dolganov[b]

[a] Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
[b] «Paleopoisk» LTD, Novosibirsk, Russia

Abstract: Correlation of Olkhon region settlements and burials of the Late Neolithic complexes is considered in this article. The basis consists of the seven stratified sites materials (including multi-layered sites) and nine burial grounds. A representative collection of artifacts obtained in recent years, allowed for the first time to analyze and compare the complexes as a whole, and not for individual items in their composition. The correlation of the materials of the sites and burials, carried out on the basis of a comparative typological analysis and a series of radiocarbon dating, made it possible to characterize the Olkhon region Late Neolithic complexes in their totality and to clarify the chronological boundaries. When characterizing the inventory, the main attention was paid to pottery, since it is the most popular and informative material. According to a number of signs, the pottery identity was established (157 vessels analyzed), stone and bone products from Olkhon region complexes of Late

Neolithic settlements and the Serovo burials, which are a local (Malomorskii) version of this culture. First of all, they are brought together by the nomenclature and typological composition of the collections, the general morphology of vessels and products, the technique of their manufacture and the style of design. The chronometry of archaeological complexes is determined on the basis of serial radiocarbon AMS dating (43 definitions), taking into account the correction of results on the "water reservoir effect". Radiocarbon dates for sites (15 definitions) are set in the chronological range of 5590–4627 cal. BP.; burial complexes (28 dates) in the range of 5465–4523 cal. BP. The results obtained indicate the cultural and chronological unity of the Olkhon region settlements complexes and the Serovo burials of the Late Neolithic.

Keywords: Lake Baikal, Olkhon region, Late Neolithic, settlements, burials, pottery, stone artifact, bone artifact, radiocarbon dating, complex correlation

Acknowledgements: The study was conducted with the support of the grant from the Government of the Russian Federation, project No. 075-15-2019-866 "Baikal Siberia in the Stone Age: at the crossroads of the worlds".

For citation: Novikov A.G., Goriunova O.I., Dolganov V.A. (2020) Late Neolithic of Olkhon region (based on settlements and burials material). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 24–42. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-24-42

Введение

В археологии неолита юга Байкальской Сибири одной из актуальных проблем является корреляция и синхронизация комплексов погребений и стоянок. Для решения этой проблемы необходим достаточный количественный и качественный материал по этим объектам; широкий круг междисциплинарных исследований захоронений и стратифицированных стоянок.

Основой для создания периодизаций древней истории Прибайкалья практически всегда являлись материалы по погребениям (Окладников, 1950); случаи обнаружения стратифицированных поселений были единичными (Савельев, 1989)[1]. Специфика набора сопроводительного инвентаря в погребениях и в комплексах поселений практически мало сопоставима. В погребальной практике эпохи неолита, как правило, отсутствует керамика, которая выступает основой всех стояночных комплексов этого периода. Набор каменных и костяных изделий, фиксируемый на поселениях, чаще всего мало информативен. В связи с этим до сих пор на территории Прибайкалья существуют две периодизации эпохи неолита: одна построена на основе материалов погребений, вторая – комплексов поселений (Окладников, 1950; Хлобыстин, 1978; Горюнова, 1984[2]; Савельев, 1989[1]; Хлобыстин, Константинов, 1996; Базалийский, 2012; Бердников, 2013).

Многолетние археологические исследования, проведенные на территории Приольхонья (западное побережье озера Байкал от мыса Елохин на севере до р. Большая Бугульдейка на юге, включая о. Ольхон), позволили получить представительный материал по комплексам стратифицированных поселений и погребениям, сопоставляемым с поздним неолитом (Горюнова, 1984[2]; Горюнова, 1997; Новиков, Горюнова, 2012; Горюнова, Новиков, 2015). Выделенная группа захоронений позднего неолита Приольхонья наиболее сопоставима с серовскими комплексами Приангарья (Окладников, 1974. С. 70, 108–109, 111; Окладников, 1975. С. 14, 61, 100–103; Окладников, 1976. С. 36, 62, 82–83) и представляют собой маломорский вариант серовской погребальной традиции.

Несмотря на отмеченную ранее культурно-хронологическую близость комплексов поселений позднего неолита и серовских погребений Приольхонья (Горюнова, 1997. С. 98–99), детального сопоставления их материалов не проводилось. Серия радиоуглеродных дат, полученных в последние десятилетия, дает возможность более убедительно синхронизировать эти комплексы

[1] Савельев Н.А. Неолит юга средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы): автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с.

[2] Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. 17 с.

(Новиков, Горюнова, 2012; Горюнова, Новиков, 2018; Weber, Schultin, Ramsey, Bazaliiskii, Goriunova, Berdnikova, 2016). Цель предлагаемой статьи – на основе корреляции материалов стратифицированных поселений и серовских погребений Приольхонья, характеризовать комплексы позднего неолита региона в целом и уточнить их хронологические рубежи.

История накопления материалов

Первые серовские погребения в Приольхонье обнаружены и вскрыты в 1959 г. отрядами Иркутской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Четыре из них исследованы Л.П. Зяблиным на могильнике Улярба III (№ 25–28) и одно – Н.К. Качаловой и С.С. Черниковым на мысе Елгай острова Ольхон – № 4 (1959 г.) (Качалова, Черников, 1992; Новиков, Горюнова, 2012). Работы Северо-Азиатской экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР под руководством А.П. Окладникова на Шаманском мысе о. Ольхон пополнили материалы еще двумя серовскими захоронениями – № 3 (1975 г.), № 1 (1976 г.) (Конопацкий, 1982. С. 49–54). В 1978 г. на могильнике Харанса I Ольхонским отрядом Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета (В.В. Свинин) обнаружено и вскрыто неолитическое погребение – № 2 (1978 г.), отнесенное к позднему неолиту (Базалийский, Свинин, 1978). В результате раскопок Ангаро-Байкальского отряда экспедиции Иркутского краеведческого музея (В.И. Смотрова) на могильнике Улярба III в 1983 г. вскрыто еще 2 неолитических погребения (№ 39, 41) (Горюнова, 1997). Два серовских погребения (№ 27 и 28) раскопаны на мысе Будун отрядом экспедиции Института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР (Б.Б. Дашибалов) в 1986 г. – могильник Будун IV (Горюнова, 1997).

Тематические раскопки Маломорского отряда Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета 1984–1988 гг. (О.И. Горюнова) дали массовый, качественно новый информативный материал по серовским погребениям Приольхонья и, в целом, по Прибайкалью (Горюнова, 1997). Были раскопаны и исследованы 22 могилы из 5 некрополей: Сарминский Мыс (№ 1, 6, 8, 11, 17, 19, 23, 29–31), Хужир-Нугэ VI (№ 1–4), Халуринский Мыс I (№ 1, 2), Шракшура II (№ 2), Елга III (№ 1–5). В 2005 г. тем же отрядом экспедиции Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии Института археологии и этнографии СО РАН – Иркутского государственного университета (О.И. Горюнова) на могильнике Хужир-Нугэ VI вскрыто 2 неолитических погребения (№ 6 и 7) (Новиков, Горюнова, 2012). Список погребений пополнился в 2015 г. в результате раскопок Российско-Канадской экспедиции Иркутского государственного университета и Университета Грант МакЭван (г. Эдмонтон, Канада). На могильнике Будун IV было вскрыто одно коллективное погребение – № 1 (2015 г.).

В настоящее время на территории Приольхонья к позднему неолиту относится 9 могильников (включающих 37 погребений).

Накопление материалов по стоянкам позднего неолита проходило медленными темпами. Первые стратиграфически чистые комплексы были раскопаны в 70–80-е гг. прошлого века Маломорским отрядом Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета (О.И. Горюнова) (II слой Итырхея, III слой Берлоги, I слой Кулары III, IX–VIII слои Тышкинэ III) (Горюнова, 1984[2]; Новиков, Номоконова, 2015). Выявленные комплексы содержали малое количество инвентаря, что не позволило дать их самостоятельную характеристику (как правило, они рассматривались совместно с комплексами среднего неолита). В 1997 г. Куркутским отрядом экспедиции Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии Института археологии и этнографии СО РАН – Иркутского государственного университета (О.И. Горюнова) на местонахождении Куркут III выявлен культурный слой (IV), содержащий материалы, сопоставимые с серовской культурой.

На поселении Саган-Заба II (IV-е слои), в результате раскопок отряда Российско-Канадской экспедиции (О.И. Горюнова, А.Г. Новиков, А.В. Вебер) в 2006–2008 гг. впервые получены массовые

информативные материалы по позднему неолиту (Горюнова, Новиков, 2015). В дальнейшем отрядом экспедиции Иркутского государственного университета (А.Г. Новиков, О.И. Горюнова) на местонахождении Улярба был выявлен (2008 г.) и частично исследован (2018 г.) чистый комплекс позднего неолита – I слой Улярбы пункт 3.

Таким образом, на территории Приольхонья исследовано 7 стратифицированных (в ряде случаев – многослойных) геоархеологических стоянок, содержащих чистые комплексы позднего неолита.

Корреляция комплексов поселений и погребений

На территории Приольхонья в настоящее время изучен значительный объем стратифицированных поселений, содержащих чистые комплексы, и погребений, ассоциируемых с поздним неолитом. Большой массив качественных, информативных материалов (включая серию радиоуглеродных определений) и междисциплинарные исследования дали реальную возможность провести корреляцию и синхронизацию соотносимых объектов между собой.

Многолетнее изучение стратифицированных многослойных стоянок Приольхонья, содержащих по нескольку обособленных культурных слоев, позволило выделить чистые комплексы позднего неолита. Корреляция этих объектов проведена на основе изучения серии типичных стратиграфических разрезов, геолого-геоморфологических характеристик, сравнительно-типологического анализа и радиоуглеродного датирования. Комплексы позднего неолита Приольхонья привязаны к слоям субаэральных (делювиальных, пролювиальных, эоловых, смешанных) отложений склонов и конусов выносов (Воробьева, 2010. С. 70–84). В стратиграфическом разрезе они привязаны к темным гумусированным слоям, расположенным в верхней части оптимальной пачки середины голоцена (Там же. С. 21–22). Их подстилают культурные слои с находками среднего неолита (с керамикой посольского типа), а перекрывают – слои раннего бронзового века (Горюнова, Новиков, 2015). Чистые комплексы позднего неолита Приольхонья представлены на семи стратифицированных (в ряде случаев – многослойных) геоархеологических объектах (рис. 1). К ним относятся: IV слои Саган-Забы II, III слой Берлоги, IX–VIII слои Тышкинэ III, II слой Итырхея, I слой Кулары III, I слой Улярбы пункт 3, IV слой Куркута III.

Захоронения позднего неолита в настоящее время составляют однородную группу погребений из 9 могильников (37 захоронений): Сарминский Мыс № 1, 6, 8, 11, 17, 19, 23, 29–31, Хужир-Нугэ VI, Улярба III, Шракшура II № 2, Халуринский Мыс I, Елга III, Шаманский Мыс I № 3 (1975 г.) и № 1 (1976 г.), Харанса I № 2 (1978 г.) и Будун IV (рис. 1). Для погребальной практики характерны устойчивые признаки (Горюнова, 1997; Новиков, Горюнова, 2012): наличие каменных надмогильных и внутримогильных конструкций, помещение покойного на спине в вытянутом положении, головой на север (с небольшими отклонениями), берестяные покрытия, частичное сожжение, большое количество двойных и коллективных захоронений с ярусным расположением погребенных, наличие и устойчивый набор сопроводительного инвентаря, преобладание орудий охоты и большой процент керамических сосудов. По основным признакам погребальной практики, набору и типологии сопроводительного инвентаря эта группа захоронений Приольхонья аналогична классическим серовским комплексам Приангарья (Окладников, 1936; Окладников, 1950; Студзицкая, 1976). Региональные отличия заключаются в ряде особенностей обряда: наличие берестяного покрытия, использование в обряде огня, ярусное размещение покойных в совместных захоронениях и ориентировка погребенных. Вероятно, они представляют собой локальный – маломорский вариант серовской погребальной практики.

Корреляция комплексов стоянок и погребений Приольхонья проведена на основе сравнительно-типологического анализа материалов и радиоуглеродного серийного датирования. Основное внимание уделялось керамике, так как она представляет собой наиболее массовый и информативный материал, несущий ценную информацию о сложных культурно-исторических процес-

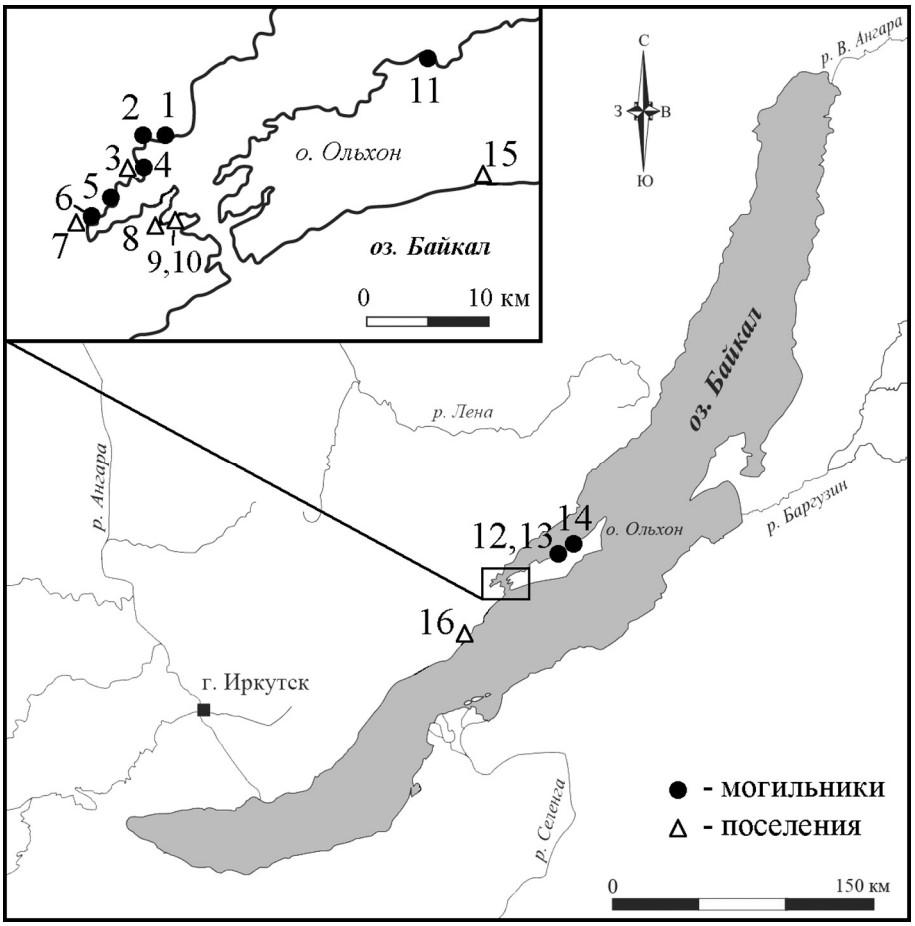

Рис. 1. Карта расположения поселений и могильников позднего неолита Приольхонья: *1 – Сарминский Мыс; 2 – Хужир-Нугэ VI; 3 – Улярба пункт 3; 4 – Улярба III; 5 – Шракшура II; 6 – Халуринский Мыс; 7 – Кулара III; 8 – Куркут III; 9 – Берлога; 10 – Итырхей; 11 – Елга III; 12 – Шаманский Мыс II; 13 – Харанса I; 14 – Будун IV; 15 – Тышкинэ III; 16 – Саган-Заба II*

Fig. 1. Map of the location of settlements and burials of the Late Neolithic of Olkhon region: *1 – Sarminskii Mys; 2 – Khuzhir-Nuge VI; 3 – Uliarba Locus 3; 4 – Uliarba III; 5 – Shrakshura II; 6 – Khalurinsky Mys; 7 – Kulara III; 8 – Kurkut III; 9 – Berloga; 10 – Ityrkhei; 11 – Elga III; 12 – Shamansky Mys II; 13 – Kharansa I; 14 – Budun IV; 15 – Tyshkine III; 16 – Sagan-Zaba II*

сах. Высокий уровень стандартизации при изготовлении сосудов позволяет выделить керамические традиции, которые являются достоверным культурно-хронологическим маркером.

Хронологическое сопоставление комплексов поселений и погребений проведено на основе серийного радиоуглеродного AMS-датирования с учетом коррекции результатов на «эффект водного резервуара». Нами использованы даты, полученные по костям копытных животных, рацион питания которых не содержит водные ресурсы, по древесному углю и человеческим костям (с обязательной их корректировкой) (Weber, Schultin, Ramsey, Bazaliiskii, Goriunova, Berdnikova, 2016; Горюнова, Новиков, 2018).

В настоящее время по позднему неолиту Приольхонья имеются 15 радиоуглеродных дат по стоянкам в хронологическом диапазоне 5590–4627 кал. л. н. (табл. 1) и 28 корректированных радиоуглеродных AMS-дат по комплексам погребений в пределах 5465–4523 кал. л. н. (табл. 2) (Горюнова, Новиков, 2018; Weber, Schultin, Ramsey, Bazaliiskii, Goriunova, Berdnikova, 2016). Полученные результаты подтверждают хронологическое единство сопоставимых комплексов поселений и погребений.

Таблица 1. **Радиоуглеродные даты комплексов поселений позднего неолита Приольхонья**
Table 1. **Radiocarbon dates of the settlements complexes of the Late Neolithic in the Olkhon region**

№ п\п	Слой	Дата 14С	Лаб. номер	Кал. дата л.н. (95 % вероятности)	Образец
Поселения					
Улярба, пункт 3					
1	I	4270±20	UCIAMS-207542	4860-4829	Cervuselaphus
2	I	4175±20	UCIAMS-207543	4829-4627	Cervuselaphus
Кулара III					
3	I	4416±31	OxA-34600	5270-4870	Cervuselaphus
4	I	4271±30	OxA-34602	4870-4730	*Capreoluspygargus*
Берлога					
5	III	4416±36	OxA-34526	5270-4870	cf. T.mammal
Итырхей					
6	II	4485±45	SOAN-1585	5300-4970	Уголь
Саган-Заба II					
7	IV	4786±30	OxA-22384	5590-5470	Cervidae
8	IV	4482±30	OxA-22385	5290-4980	Cervidae
9	IV	4460±28	OxA-22392	5280-4970	*Sus scrofa*
10	IV	4422±30	OxA-20605	5270-4870	cf. T.mammal
11	IV	4414±32	OxA-20613	5260-4870	cf. T.mammal
12	IV	4350±33	OxA-20643	5030-4850	cf. T.mammal
13	IV	4390±30	OxA-20644	5040-4870	cf. T.mammal
14	IV	4549±30	OxA-20601	5320-5050	cf. T.mammal
15	IV	4522±30	OxA-20606	5300-5050	cf. T.mammal

Характеристика керамических материалов

Керамика позднего неолита Приольхонья представлена фрагментами не менее чем от 124 сосудов из комплексов стратифицированных поселений и от 33 сосудов из погребений. Фрагментарность коллекции часто не позволяет делать выводы о конструировании сосудов, а прием выколачивания стенок изделий затрудняет диагностику строительных элементов. В комплексах чаще всего встречается гладкостенная керамика; присутствует с оттисками сетки-плетенки (рис. 2.9), тонкого шнура и штриха (рубчатой лопаточки). Сосуды с разным техническим декором отмечены совместно в ряде захоронений и хозяйственно-бытовых комплексов на поселениях позднего неолита Приольхонья. Основу формовочной массы всех анализируемых сосудов составляет тонко отмученная глина с примесью мелкозернистого песка. Судя по плотности фрагментов и равномерности их цвета в изломе можно предположить, что сосуды были обожжены в окислительной среде.

Вся посуда (фрагменты не менее, чем от 157 сосудов) закрытой, сложной (реже – простой) формы, круглодонная, либо остродонная (рис. 2; 3). Выделяются сосуды с высокими венчиками. На фрагментах керамики с поселения Саган-Заба II отмечены случаи, когда профилировка сосудов производилась после орнаментации, о чем свидетельствуют сдавления верхних рядов узора. Диаметры реконструируемых сосудов по венчику: от 9 до 17 см (из погребений) и от 15 до 32 см (из поселений). Их высота от 8,5 до 20 см (из погребений) и до 32 см (из поселений). Толщина стенок сосудов 0,3–0,5 см, дна – до 0,7 см, по срезу венчика – до 1,1 см.

Сосуды в основном орнаментированные (122), у 4 – украшен только срез венчика. На фрагментах от 31 сосуда орнамент отсутствует. Укра-

Таблица 2. **Радиоуглеродные даты погребений позднего неолита Приольхонья**
Table 2. **Radiocarbon dates of Late Neolithic burials in the Olkhon region**

Название объекта, № погребения, № костяка			Образец	Лабораторный номер	Дата ^{14}C	Корректированная дата ^{14}C	Калиброванный возраст л. н. (95 % вероятности)
Елга III	№ 3		Кость	OxA-34553	4477±30	4151±60	4837-4526
Шаманский Мыс I	№ 1 (76 г.)	1	Уголь	СОАН-1547	4415±40	Не требуется	5280-4870
			Кость	OxA-25127	4902±33	4572±61	5465-5041
Будун IV	№ 1 (15 г.)	1	Кость	OxA-34550	4759±31	4144±60	4837-4523
		4	Кость	OxA-34425, 34426	4757±25	4214±58	4866-4572
		6	Кость	OxA-34549	4801±31	4193±60	4855-4537
Сарминский Мыс	№ 1		Уголь	ГИН-5837	4330±40	Не требуется	5030-4840
	№ 11 А	1	Кость	OxA-35064	4665±28	4220±59	4872-4569
		4	Кость	OxA-25563	4736±33	4363±61	5275-4833
		5	Кость	OxA-25488	4747±29	4359±59	5271-4832
	№ 11 В		Береста	ГИН-5598	4430±40	Не требуется	5280-4870
			Кость	OxA-35062	4820±29	4353±56	5262-4830
			Кость	OxA-35063	4812±29		
	№ 17		Кость	OxA-25566	4680±32	4412±61	5284-4856
	№ 19		Уголь	ГИН-5838	4440±50	Не требуется	5290-4870
		1	Кость	OxA-25567	4846±33	4507±61	5435-4961
		2	Кость	OxA-25568	4751±32	4283±61	5039-4627
		3	Кость	OxA-34507	4877±36	4508±63	5436-4894
		5	Кость	OxA-25569	4781±33	4546±61	5447-4977
	№ 29	1	Кость	OxA-34510	4793±39	4326±65	5271-4657
		2	Кость	OxA-25571	4871±31	4534±60	5444-4974
	№ 30		Береста	ГИН-5604	4400±40	Не требуется	5270-4860
			Уголь	ГИН-5603	4420±40	Не требуется	5280-4870
	№ 31	1	Кость Кость	OxA-35065 OxA-34511	4878±30 4834±40	4449±45	5288-4880
		3	Кость	OxA-34512	4892±35	4458±63	5298-4879
Хужир-Нугэ VI	№ 6		Кость	OxA-34427	4798±32	4428±61	5287-4865
Халуринский Мыс I	№ 2		Береста	ГИН-4819	4300±100	Не требуется	5280-4570

шалась преимущественно верхняя половина сосуда; иногда – срез и внутренняя поверхность венчика. Преобладают простые композиции, представленные: наклонными линиями, вертикальными, горизонтальными, горизонтальной елочкой или зигзагом (табл. 3). Реже встречаются композиции, сочетающие на одном сосуде несколько мотивов.

Орнамент наносился в основном техникой штамповых вдавлений (преобладающая техника) или прочерчиванием; в единичных случаях дополнительно использовалось наложение материала в виде узких валиков. На сосуды орнамент наносился преимущественно одним штампом.

Керамика, украшенная по тулову пунктирно-гребенчатым штампом составляет преобладаю-

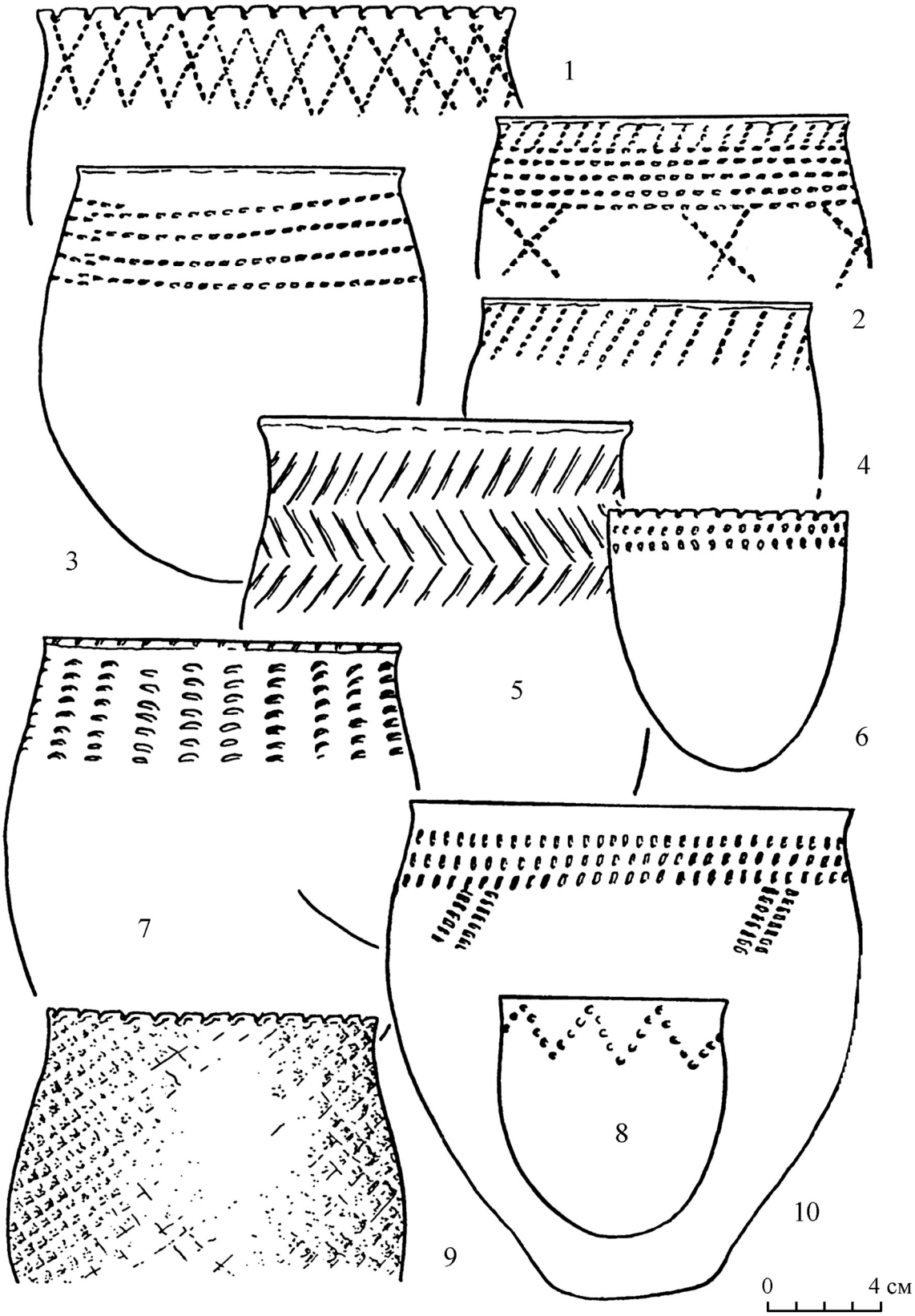

Рис. 2. Керамика из серовских погребений позднего неолита Приольхонья: *1, 5–10 – Сарминский Мыс (№ 1, 17, 19, 29); 2, 4 – Шракшура II (№ 2); 3 – Хужир-Нугэ VI (№ 4)*

Fig. 2. Ceramics from Serovo burials of the Late Neolithic of Olkhon region: *1, 5–10 – Sarminskii Mys (№ 1, 17, 19, 29); 2, 4 – Shrakshura II (№ 2); 3 – Khuzhir-Nuge VI (№ 4)*

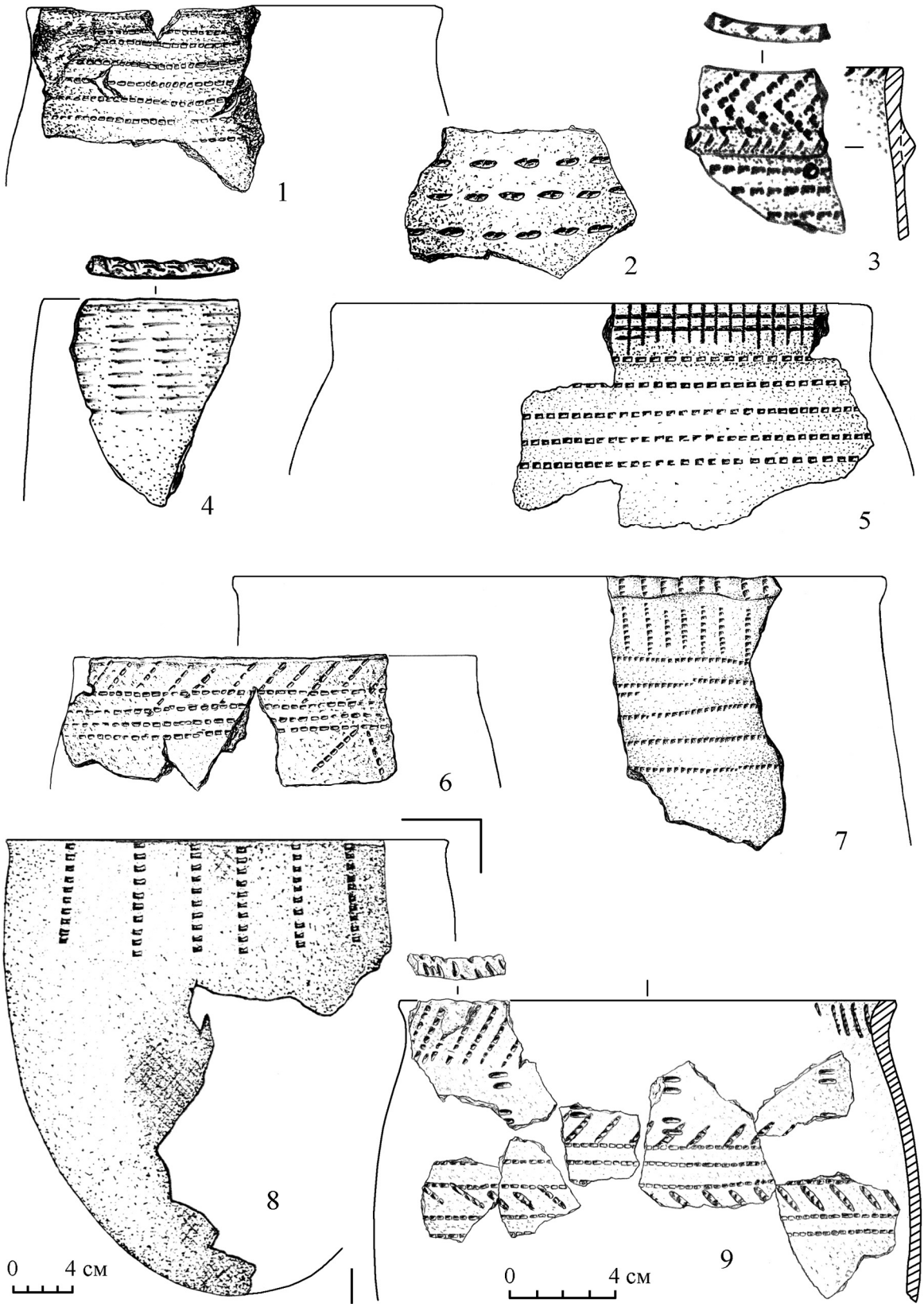

Рис. 3. Керамика из комплексов поселений позднего неолита Приольхонья: *1–2, 6, 9 – Саган-Заба II (IV слой); 3–4 – Тышкинэ III (IX–VIII слои); 5, 7 – Берлога (III слой); 8 – Итырхей (II слой)*

Fig. 3. Ceramics from the settlement complexes of the Late Neolithic of Olkhon region: *1–2, 6, 9 – Sagan-Zaba II (IV layer); 3–4 – Tyshkine III (IX–VIII layers); 5, 7 – Berloga (III layer); 8 – Ityrkhei (II layer)*

Таблица 3. **Орнаменты на сосудах из поселений и погребений позднего неолита Приольхонья**
Table 3. **Ornaments on vessels from settlements and burials of the Late Neolithic Olkhon region**

Техника нанесения; орнаментир		Композиция	Мотив	Поселения, культурный слой							Могильники								Всего
				Саган-Заба II, IV-е слои	Кулара III, I слой	Куркут III, IV слой	Итырхей, II слой	Берлога, III слой	Улярба пункт 3, I слой	Тышкинэ III, IX–VIII слои	Сарминский Мыс	Шракшура II	Хужир-Нугэ VI	Елга III	Халуринский Мыс	Улярба III	Будун IV	Шаманский Мыс II	
Штамповые вдавления	Пунктирно-гребенчатая	Простая	Горизонтальный	11	3	2	–	–	5	3	–	–	1	1	1	–	1	–	28
			Вертикальный	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2
			Наклонный	3	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	4
			Решетка	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
		Сложная	Наклонные + горизонтальные	1+1*	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2+1*
			Вертикальные + горизонтальные	2	–	1	–	1+1*	1	1*	–	–	–	–	–	–	–	–	5+2*
			Горизонтальная елочка + горизонтальные	–	–	–	–	–	–	1*	–	–	–	–	–	–	–	–	1*
			Горизонтальные + наклонные	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
			Горизонтальные + крестообразные	–	–	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	2
			Наклонные + горизонтальные + крестообразные	1	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1*	2+1*
	Овальная	Простая	Горизонтальный	9	2	–	–	–	1	3	1	–	–	–	–	–	–	–	16
			Вертикальный	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	–	–	–	2
			Горизонтальный зигзаг	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
	Круглая	Простая	Горизонтальный	4	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	6
	Зубчатая	Простая	Горизонтальный	1	1	1	–	–	9	2	1	–	1	–	–	–	–	–	16
			Вертикальный	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
	Прямоугольная	Простая	Горизонтальный	–	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–	–	–	–	–	3
			Вертикальный	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	2
		Сложная	Горизонтальные + наклонные	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1

Прочерченные	Простая	Горизонтальный	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
		Вертикальный	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	2
		Наклонный	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
		Решетка	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
		Горизонтальная елочка	1	–	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	3
	Сложная	Вертикальный + наклонный	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Прочерченные + овальные	Простая	Горизонтальный	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2
Прочерченные + отверстия	Простая	Горизонтальный	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	2
Прерывистые прочерченные	Простая	Горизонтальный	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–	–	–	–	–	–	3
Пунктирные: Овальная	Сложная	Наклонные + вертикальные + горизонтальные	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Пунктирные: Прочерченная	Сложная	Наклонные + горизонтальные	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Пальцевые вдавления	Простая	Горизонтальный	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	2
Пальцевые вдавления + прямоугольные	Простая	Горизонтальный	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Пальцевые вдавления + прочерченная	Сложная	Горизонтальный + горизонтальный зигзаг	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Всего			39	10	5	1	2	24	19	11	2	3	1	2	1	1	1	122

щую группу (52 экз.). Отмечено несколько вариантов композиционных построений. Преобладают простые композиции в виде: горизонтальных – 28 экз. (рис. 2.3; 3.1), вертикальных – 2 экз., наклонных – 4 экз. (рис. 2.4) рядов и ромбической решетки – 1 экз. (рис. 2.1). Сложные композиции (оформленные только пунктирным штампом) представлены сочетаниями: вертикальных и горизонтальных линий – 5 экз. (рис. 3.5, 7), наклонных и горизонтальных рядов – 2 экз. (рис. 2.2; 3.6); горизонтальной елочки и горизонтальных линий – 1 экз. (рис. 3.3); на 5 сосудах от последнего ряда отходят наклонные либо крестом пересекающиеся линии (рис. 2.2; 3.6). На сосудах со сложной композицией узора в пяти случаях (IV слой Саган-Забы II, VIII слой Тышкинэ III, III слой Берлоги, Шаманский Мыс II) вдоль венчика дополнительно проходят тонкие налепные валики (рис. 3.3, 5).

На одном сосуде из поселения Саган-Заба II отмечена сложная композиция, сочетающая наклонные пунктирные ряды, вертикальные линии овальных оттисков, ниже которых – наклонные и горизонтальные пунктирные линии (рис. 3.9).

В I слое стоянки Улярба пункт 3 найден сосуд, сочетающий наклонные пунктирные оттиски с горизонтальной прочерченной линией.

В комплексах позднего неолита многочисленны сосуды, орнаментированные штамповыми вдавлениями: овальной (19 экз.), круглой (6 экз.), прямоугольной (6 экз.) формы и с зубчатым концом (17 экз.). Композиция узора на керамике с овальным штампом – в виде горизонтальных рядов – 16 экз. (рис. 2.6), вертикальных линий – 2 экз. (рис. 2.7) и горизонтального зигзага – 1 экз. (рис. 2.8). Керамика, украшенная зубчатым штампом, оформлена преимущественно горизонтальными рядами (рис. 3.2). В одном случае расположение рядов вертикальное. Штампы, используемые для орнаментации, отличаются количеством и формой зубцов.

Сосуды с оттисками прямоугольного штампа, с простыми композициями в виде горизонтальных – 3 экз. и вертикальных – 2 экз. (рис. 3.8) рядов. На одном сосуде композиция сложная, сочетающая горизонтальные ряды, ниже которых расположены парные наклонные линии (рис. 2.10).

Выделяются фрагменты керамики от 9 сосудов, оформленные только техникой прочерчивания узким штампом. В основном отмечены простые композиции: из горизонтальных, наклонных рядов и решетки (по 1 экз.), вертикальных линий – 2 экз. и горизонтальной елочки – 3 экз. (рис. 2.5). На одном фрагменте (IV слой Саган-Забы II) отмечено сложное построение узора – вертикальная прямая, в стороны от которой отходят наклонные линии.

Как вариант этой группы – керамика из IX–VIII слоев Тышкинэ III, украшенная горизонтальными рядами, состоящими из прерывистых прочерченных линий – 3 экз. (рис. 3.4).

На керамике с поселений встречаются сочетания горизонтальных прочерченных линий с оттисками овального штампа (2 экз.) и с пояском отверстий (2 экз.).

Отдельную орнаментальную группу составляют фрагменты, украшенные пальцевыми вдавлениями (4 экз. с IX–VIII слоев Тышкинэ III). Они выступают как самостоятельный орнамент (2 экз.), в сочетании с оттисками прямоугольного штампа, с прочерченным горизонтальным зигзагом.

В целом, анализ керамических материалов с поселений и серовских погребений Приольхонья показал их полное единообразие и однородность по основным морфологическим признакам. Отличия, как правило, заключаются в размерах сосудов (на стоянках они более крупные). На керамике с поселений отмечены более разнообразные способы нанесения узора (пальцевые вдавления, прерывистые прочерченные линии); использование для орнаментации одного сосуда разных штампов и техник нанесения; чаще встречаются сложные композиции.

Изделия из камня и кости

Орудия из камня и кости представлены топорами и ножами из зеленого нефрита и сланца, наконечниками стрел, шлифованными теслами, ножами-бифасами, проколками, скребками, сверлами, резцами на призматических пластинах,

рыбками-приманками, иглами, костяными остриями, отжимниками из рога и т. д.

Преобладают наконечники стрел с вогнутой базой и симметричными либо асимметричными шипами (рис. 4.2, 3; 5.1, 2, 4). Для комплексов характерны наконечники с черешковым насадом (рис. 4.1; 5.3) и с прямой базой (рис. 4.4; 5.6). В погребениях отмечены наконечники с округлой базой и ромбовидные.

Группа ножей представлена: однолезвийными с краевой обработкой, листовидными бифасами (рис. 4.5; 5.11) и шлифованными ножами из нефрита и сланца (рис. 4.6; 5.9; 6.1, 2).

В большом количестве найдены вкладыши от составных орудий на призматических пластинах с краевой ретушью и вкладыши-бифасы подтреугольной либо прямоугольной формы (рис. 5.5).

В погребальных комплексах значительную группу составляют шлифованные топоры и тесла (рис. 4.8, 10; 5.16; 6.3, 4, 8); в комплексах поселений они единичны (IX слой Тышкинэ III). В VIII слое Тышкинэ III обнаружен обломок топора «с ушками» и с приостренным обушком (рис. 5.14). В материалах серовских погребений подобные орудия пока не зафиксированы.

Рыбки-приманки, найденные в комплексах погребений и поселений, сигообразной формы (рис. 4.11; 5.15) (Конопацкий, 1982; Горюнова, 1984[2]; Горюнова, 1997; Новиков, Номоконова, 2015). Они выполнены в реалистической манере, с выделением спинного, брюшного и хвостового плавников. На некоторых изделиях имеются отверстия для крепления линя. В погребении № 1 (2015 г.) Будуна IV обнаружены две стилизованные рыбки налимообразной формы (рис. 6.5, 6).

В комплексах поселений и погребений отмечены однотипные изделия из кости и рога. В их числе: отжимники (рис. 4.9; 5.13), обломки гарпунов и ложек с плоским резервуаром, лощила, иглы и острия, подвески из клыков благородного оленя. В этих же комплексах найдены плоские бусинки из перламутра.

В целом в коррелируемых комплексах поселений и погребений изделия из камня и кости имеют общую морфологию и технологию изготовления. Они различаются лишь номинальным присутствием (либо отсутствием) тех или иных предметов. Так ряд изделий, найденных в захоронениях, встречается только в погребальных комплексах. К ним относятся, например, костяные обкладки лука (рис. 4.7) и зооморфная скульптура-личина (рис. 6.7) в виде растянутой шкуры медведя (Сарминский Мыс погребение № 11В) (Горюнова, 1997. С. 96). Только в комплексах стоянок найдены в настоящее время костяные наконечники стрел с черешком (рис. 5.10, 12), прямые стерженьки составных рыболовных крючков с отверстием в основании для крепления острия (рис. 5.7), либо с боковой системой крепления (рис. 5.8), топор с «ушками» (рис. 5.14). Эти различия отражают специфику функциональной нагрузки стояночных и погребальных комплексов (более элитарный состав изделий в захоронениях и хозяйственно-бытовые предметы в поселениях).

Заключение

В результате многолетних исследований в Приольхонье был получен качественный информативный материал по стратифицированным поселениям, содержащим чистые комплексы неолита, и по погребениям. Междисциплинарные исследования позволили провести корреляцию и синхронизацию материалов стоянок позднего неолита с серовскими погребениями региона, представляющими собой локальный (маломорский) вариант этой культуры. Сравнительно-типологический анализ и серия радиоуглеродных дат позволили характеризовать комплексы позднего неолита Приольхонья в их совокупности и уточнить хронологические рубежи. Выявлены однородность и единообразие анализируемых комплексов между собой по морфологии и типологии предметных коллекций. Для них характерны гладкостенные сосуды, украшенные штамповыми вдавлениями или прочерченными линиями. Преобладают узоры, выполненные оттисками пунктирно-гребенчатого штампа. В комплексе каменных изделий большую группу составляют шлифованные (топоры, тесла, ножи из зеленого нефрита и сланца) и бифасиально обработанные (наконеч-

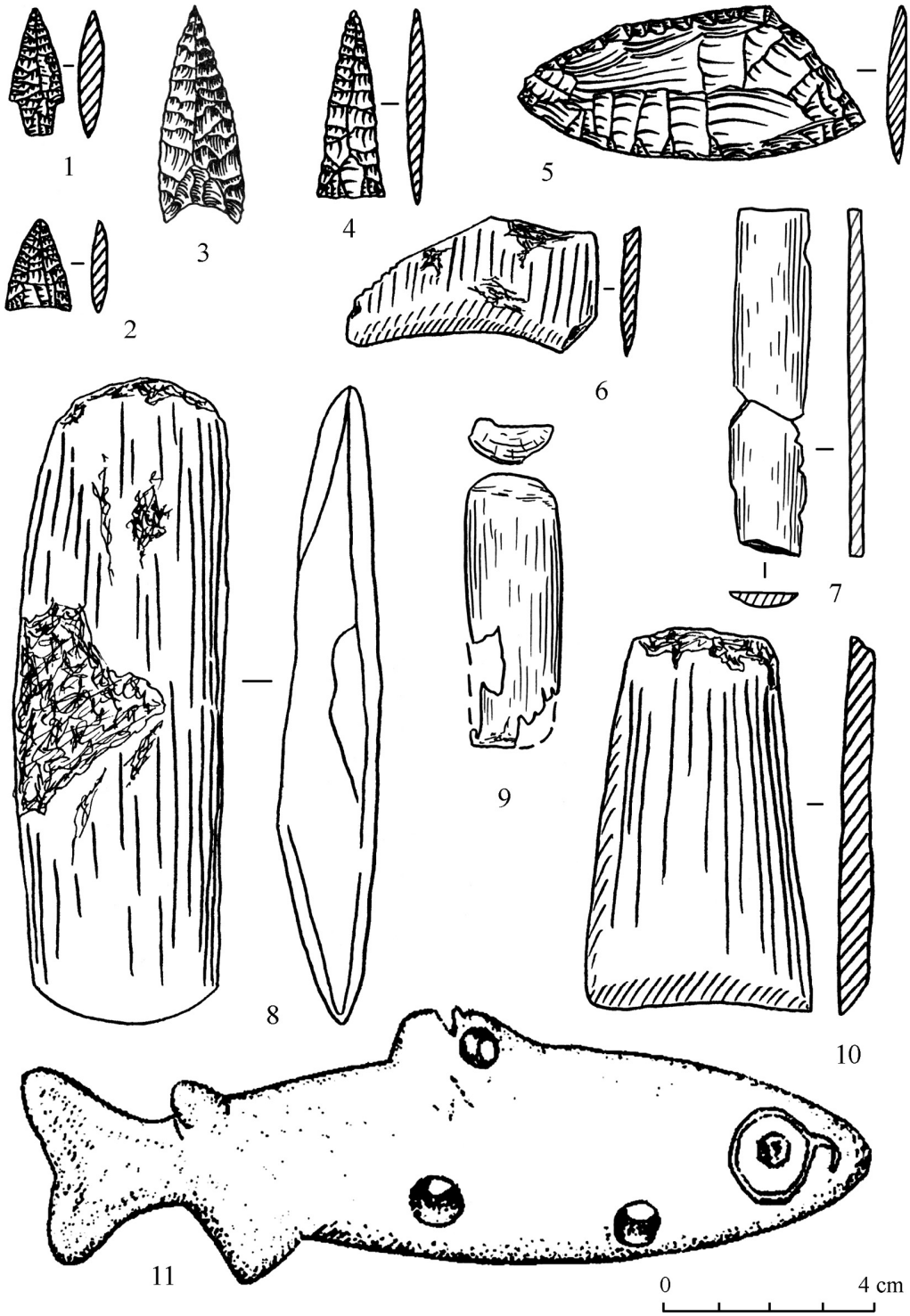

Рис. 4. Каменные и костяные изделия из погребений позднего неолита Приольхонья: *1–4 – наконечники стрел (Сарминский Мыс № 1, 23, 30; Шаманский Мыс I № 1 (1976 г.)); 5 – нож-бифас (Сарминский Мыс № 29); 6 – шлифованный нож из зеленого нефрита (Сарминский Мыс № 1); 7 – накладки на лук из кости (Сарминский Мыс № 17); 8 – топор из зеленого нефрита (Сарминский Мыс № 11В); 9 – отжимник из рога (Хужир-Нугэ VI № 4); 10 – тесло из сланца (Сарминский Мыс № 1); 11 – сигообразная рыбка-приманка (Шаманский Мыс I № 3 (1975 г.))*

Fig. 4. Stone and bone artifacts from the Late Neolithic burials of Olkhon region: *1–4 – arrowheads (Sarminskii Mys № 1, 23, 30; Shamansky Mys I № 1 (1976 г.)); 5 – biface-knife (Sarminskii Mys № 29); 6 – green nephrite polished knife (Sarminskii Mys № 1); 7 – bone bow pads (Sarminskii Mys № 17); 8 – green nephrite axe (Sarminskii Mys № 11B); 9 – antler pressure tool (Khuzhir-Nuge VI № 4); 10 – slate adze (Sarminskii Mys № 1); 11 – lithic fish lure (Shamansky Mys I № 3 (1975 г.))*

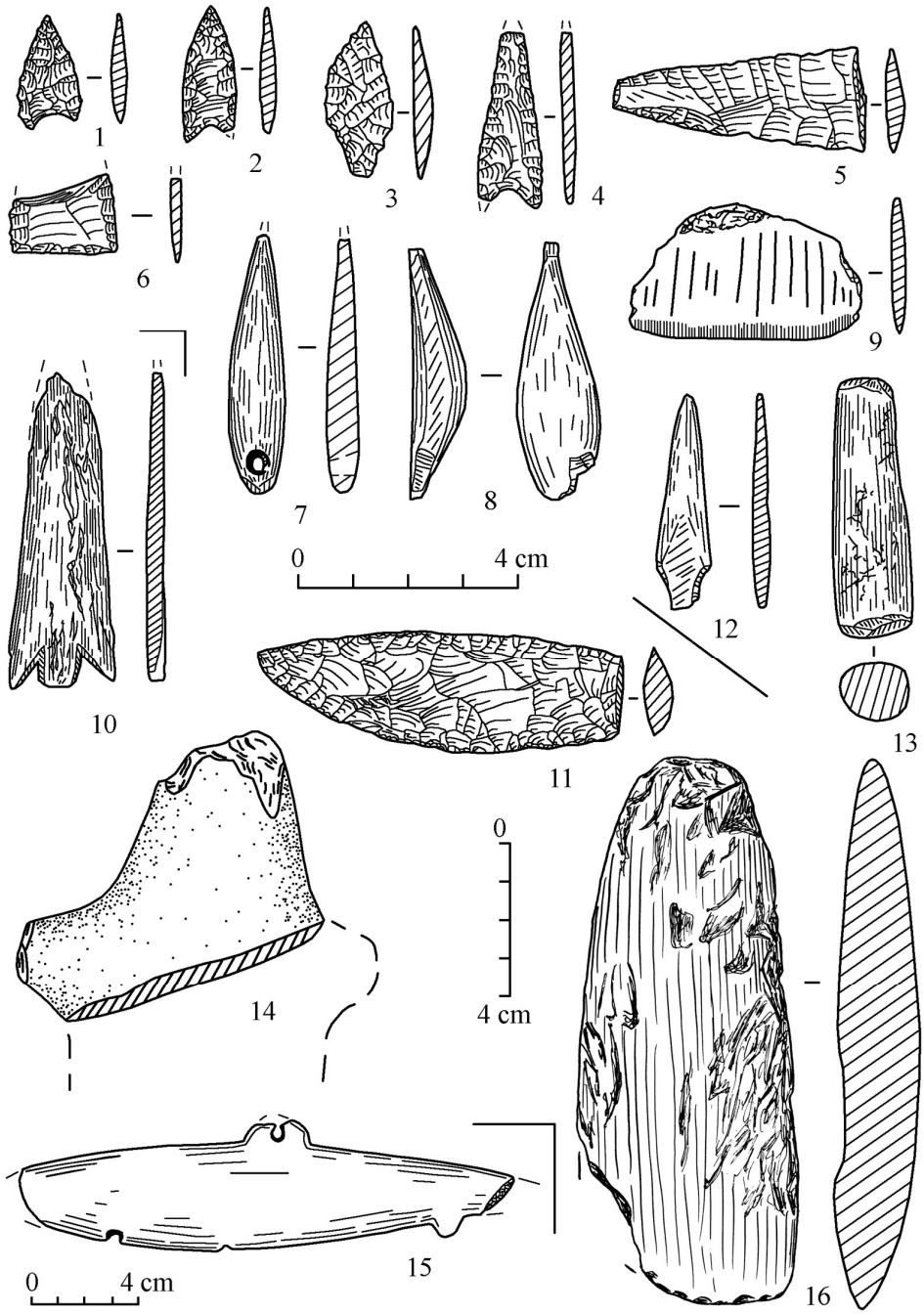

Рис. 5. Каменные и костяные изделия из поселений позднего неолита: *1–4, 6 – наконечники стрел (IV слой Саган-Забы II, I слой Кулары III, IX слой Тышкинэ III); 5 – вкладыш-бифас (IV слой Саган-Забы II); 7–8 – костяные стерженьки составных рыболовных крючков (IX слой Тышкинэ III, IV слой Саган-Забы II); 9 – шлифованный нож из зеленого нефрита (IV слой Саган-Забы II); 10, 12 – костяные наконечники стрел (IX слой Тышкинэ III, IV слой Саган-Забы II); 11 – нож-бифас (IX слой Тышкинэ III); 13 – роговой отжимник (IX слой Тышкинэ III); 14 – обломок топора с «ушками» (IX слой Тышкинэ III); 15 – сигообразная рыбка-приманка (IV слой Куркута III); 16 – топор из зеленого нефрита (IX слой Тышкинэ III)*

Fig. 5. Stone and bone artifacts from the Late Neolithic settlements: *1–4, 6 – arrowheads (IV layer Sagan-Zaba II, I layer Kulara III, IX layer Tyshkine III); 5 – bifacial insert (IV layer Sagan-Zaba II); 7–8 – bone shanks for composite fishhooks (IX layer Tyshkine III, IV layer Sagan-Zaba II); 9 – green nephrite polished knife (IV layer Sagan-Zaba II); 10, 12 – bone arrowheads (IX layer Tyshkine III, IV layer Sagan-Zaba II); 11 – biface-knife (IX layer Tyshkine III); 13 – antler pressure tool (IX layer Tyshkine III); 14 – fragment of the axe with "lugs" (IX layer Tyshkine III); 15 – lithic fish lure (IV layer Kurkut III); 16 – green nephrite axe (IX layer Tyshkine III)*

Рис. 6. Каменные изделия из погребений позднего неолита Приольхонья: *1 – шлифованный нож из сланца (Будун IV № 1 (2015 г.)); 2 – шлифованный нож из зеленого нефрита (Сарминский Мыс № 23); 3, 4, 8 – тесла и топор из зеленого нефрита (Сарминский Мыс № 11В); 5, 6 – рыбки-приманки налимообразной формы (Будун IV № 1 (2015 г.)); 7 – зооморфная скульптура из сланца (Сарминский Мыс № 11В)*

Fig. 6. Stone artifacts from the Late Neolithic burials of the Olkhon region: *1 – slate polished knife (Budun IV № 1 (2015 г.)); 2 – green nephrite polished knife (Sarminskii Mys № 23); 3, 4, 8 – green nephrite adzes and axe (Sarminskii Mys № 11B); 5, 6 – lithic fish lure (Budun IV № 1 (2015 г.)); 7 – slate zoomorphic figurine (Sarminskii Mys № 11B)*

ники стрел, листовидные ножи, вкладыши) орудия. В комплексах позднего неолита появляются: черешковые наконечники стрел, рыбки-приманки сигообразных форм, листовидные ножи-бифасы, отжимники из рога, костяные накладки на лук, стерженьки составных рыболовных крючков с расширенным основанием и отверстием для острия.

Проведенный анализ комплексов поселений и погребений позднего неолита исследуемого региона показал их полное сходство по типологии каменных, костяных изделий и керамики. Все это совместно с серией радиоуглеродных дат (в пределах 5590–4523 кал. л. н.) свидетельствует об их культурно-хронологическом единстве.

Библиографический список

Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия Лаборатории древних технологий. 2012. Вып. 9. С. 43–101.

Базалийский В.И., Свинин В.В. Новое неолитическое погребение на Байкале (остров Ольхон) // Археология и этнография Восточной Сибири. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1978. С. 38–39.

Бердников И.М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 203–229.

Воробьева Г.А. Почва как летопись природных событий Прибайкалья: проблемы эволюции и классификации почв. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2010. 205 с.

Горюнова О.И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 112 с.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Неолитическая керамика из поселений Приольхонья (озеро Байкал): вопросы периодизации и датировки // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Хух-Хото, 2015. Т. 1. С. 42–48.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Радиоуглеродное датирование керамических комплексов с поселений эпохи неолита побережья Байкала // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2018. № 51. С. 98–107.

Качалова Н.К, Черников С.С. Могильники в окрестностях поселка Харансы и озера Елгай на острове Ольхон // Древности Байкала. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1992. С. 77–83.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала. Новосибирск: Наука, 1982. 176 с.

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Неолитические погребения Приольхонья (оз. Байкал): периодизация и хронология // Древние культуры Монголии и Байкальской

References

Bazaliiskii V.I. (2012) Burial complexes of the Late Mesolithic – Neolithic of Baikal Siberia: tradition of burials, the absolute age. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of Laboratory of ancient technologies.* Irkutsk. Iss. 9. P. 43–101. (In Russ.)

Bazaliiskii V.I., Svinin V.V. (1978) New Neolithic burial at Lake Baikal (Olkhon Island). *Arkheologiya i etnografiya Vostochnoi Sibiri = Archeology and Ethnography of Eastern Siberia.* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 38–39. (In Russ.)

Berdnikov I.M. (2013) Key aspects of historical and cultural procedures in South of Middle Siberia during the Neolithic period (based on pottery complexes). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya = The Bulletin of Irkutsk State University. Ser. Geoarheology. Ethnology. Anthropology*. Irkutsk. No. 1 (2). P. 203–229. (In Russ.)

Vorob'eva G.A. (2010) Soil as a record of natural events Cis-Baikal region: problems of evolution and classification of soils. Irkutsk: Irkutsk State University. 205 p. (In Russ.)

Goryunova O.I. (1997) Serovo burials in the Olkhon region (Lake Baikal). Novosibirsk: IAEHT SO RAN. 112 p. (In Russ.)

Goryunova O.I., Novikov A.G. (2015) Neolithic pottery from settlements of the Olkhon Region (Lake Baikal). Issues of periodization and dating. *Drevnie kultury Severnogo Kitaya, Mongolii i Baikalskoi Sibiri = Ancient cultures of Northern China, Mongolia and Baikal Siberia.* Khukh-Khoto. Vol. 1. P. 42–48. (In Russ.)

Goryunova O.I., Novikov A.G. (2018) Radiocarbon dating of ceramic complexes from the Neolithic settlements of the Baikal coast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya = Tomsk State University Journal of History*. No. 51. P. 98–107. (In Russ.)

Kachalova N.K., Chernikov S.S. (1992) Cemeteries in the neighborhood of the village of Kharansy and Lake Elgay on the Olkhon Island. *Drevnosti Baikala = Antiquities of Baikal.* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 77–83. (In Russ.)

Konopatskii A.K. (1982) Ancient cultures of Lake Baikal (Olkhon Island). Novosibirsk: Nauka. 176 p. (In Russ.)

Novikov A.G., Goryunova O.I. (2012) Neolithic burials of Cis-Olkhon region (Lake Baikal): periodization and chronology. *Drevnie kultury Mongolii i Baikalskoi Sibiri = Ancient*

Сибири. Улан-Батор: Изд-во Монгольского государственного университета, 2012. Вып. 3. Ч. 1. С. 80–89.

Новиков А.Г., Номоконова Т.Ю. Многослойное поселение Кулара III: археологические комплексы и датировка // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 11. С. 39–54.

Окладников А.П. Каменные рыбы (к изучению памятников неолитического искусства Восточной Сибири) // Советская археология. 1936. № 1. С. 215–244.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. 1–2. 412 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети). Новосибирск: Наука, 1974. 319 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). Новосибирск: Наука, 1975. 319 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары (от Серово до Братска). Новосибирск: Наука, 1976. 328 с.

Студзицкая С.В. Соотношение производственных и культовых функций сибирских неолитических изображений рыб // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 74–89.

Хлобыстин Л.П. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА. 1978. Вып. 153: Памятники эпохи неолита. С. 93–99.

Хлобыстин Л.П., Константинов М.В. Восточная Сибирь и Дальний Восток // Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. С. 270–329 (Археология СССР в 20 т.).

Weber A., Schultin R.J., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of Middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect // Quaternary International. 2016. V. 419. P. 74–98.

cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Ulaan-Baatar. Iss. 3. Pt. 1. P. 80–89. (In Russ.)

Novikov A.G., Nomokonova T.Yu. (2015) Multilayer settlement of Kulara III: archaeological complexes and dating. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya = The Bulletin of the Irkutsk State University. Ser. Geoarcheology. Ethnology. Anthropology.* Irkutsk: Irkutsk State University. Vol. 11. P. 39–54. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1936) Stone fishes (to the study of the sites of the Neolithic art of Eastern Siberia). *Sovetskaya Arkheologiya = Soviet Archeology.* No. 1. P. 215–244. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1950) Neolithic and Bronze Age of the Cis-Baikal region. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Pt. 1–2. 412 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1974) Neolithic sites of Angara (from Shchukino to Buret). Novosibirsk: Nauka. 319 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1975) Neolithic sites of Middle Angara (from the mouth of the Belaya river to Ust-Uda). Novosibirsk: Nauka. 319 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1976) Neolithic sites of Lower Angara (from Serovo to Bratsk). Novosibirsk: Nauka. 328 p. (In Russ.)

Studzitskaya S.V. (1976) Ratio of production and cult functions of Siberian Neolithic images of fish. *Iz istorii Sibiri = From the history of Siberia*. Tomsk: Tomsk State University. Iss. 21. P. 74–89. (In Russ.)

Khlobystin L.P. (1978) Age and ratio of Neolithic cultures of Eastern Siberia. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii = Brief Communications of the Institute of Archeology*. Iss. 153. Neolithic sites. P. 93–99. (In Russ.)

Khlobystin L.P., Konstantinov M.V. (1996) Eastern Siberia and the Far East. *Neolit Severnoi Evrazii = Neolithic of Northern Eurasia*. Moscow: Nauka. P. 270–329. (In Russ.)

Weber A., Schultin R. J., Ramsey C. B., Bazaliiskii V. I., Goriunova O. I., Berdnikova N.E. Chronology of Middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect // Quaternary International. 2016. V. 419. P. 74–98.

Сведения об авторах

Новиков Алексей Геннадьевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений; научный сотрудник, НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: as122@yandex.ru

Горюнова Ольга Ивановна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет,

Information about the authors

Aleksei G. Novikov,
Cand. Sci. (History), associate Professor of the Department of world history and international relations, researcher, Scientific Researcher Center «Baikal region»,
Irkutsk State University,
1, Karl Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: as122@yandex.ru

Olga I. Goriunova
Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Scientific Researcher Center «Baikal region»,
Irkutsk State University,

664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: as122@yandex.ru
Долганов Вадим Александрович,
научный сотрудник,
ООО «Палеопоиск»,
630128, г. Новосибирск, ул. Демакова, 23/5, оф. 330,
Россия,
✉ e-mail: vadolganov@mail.ru

Заявленный вклад авторов

О.И. Горюнова, А.Г. Новиков выполнили исследовательскую работу. А.Г. Новиков, О.И. Горюнова, В.А. Долганов провели анализ исследованных погребальных и стояночных комплексов; подготовили рукопись к печати.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 15 сентября 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 7 октября 2020 г.
Принята к публикации 19 октября 2020 г.

1, Karl Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: as122@yandex.ru
Vadim A. Dolganov
Researcher,
LLC «Paleopoisk»,
office 330, 23/5, Demakov street, Novosibirsk 630128,
Russia,
✉ e-mail: vadolganov@mail.ru

Contribution of the authors

O.I. Goriunova and A.G. Novikov carried out the research work. A.G. Novikov, O.I. Goriunova, V.A. Dolganov conducted an analysis of the investigated burial and settlement complexes; prepared the publication for printing.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

Received September 15, 2020.
Received October 7, 2020.
Accepted October 19, 2020.

Оригинальная статья / Original article
УДК 902/904
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-43-69

St. Lawrence Island *angyapik*/baidara according to archaeological and ethnographic data

© Evguenia V. Anichtchenko

Museum of the North, University of Alaska, Fairbanks, USA

Abstract: The study of human migrations between northern Asia and North America occupies a prominent position in North American archaeology. The geographical proximity of two continents in the Bering Strait region provided for ample opportunities for cultural transmission and exchanges, starting from the initial population of North America over 14,000 years ago, when the land connection existed between Chukotka and Alaska. Exchanges between two continents continued after the Bering Land Bridge disappeared under the ocean waves. Archaeological research demonstrates the existence of several trans-Bering strait cultures (Old Bering Sea, Birnirk and Thule) and millennia-long trade and exchange between two continents. Despite the fact that after circa 10,000 years ago, such transcontinental connections depended on watercraft, prehistoric boat traditions of the region remain under-researched. This article aims at inspiring a more robust inquiry into the subject of the deep history of Siberian and Alaskan watercraft by examining ethnographic and archaeological records on open skin boats (*angyapiks*/baidaras/umiaks) of St. Lawrence Island. By its geographical position, St. Lawrence Island is linked to both North-eastern Asia and Alaska. For over 2000 years boats played a key role in the islanders' maritime subsistence and interregional communications. This article examines to what degree the constructional features of St. Lawrence open skin boats and related economic and ritualistic activities reflect the islanders' contacts with coastal cultures of north-eastern Siberia and Alaska. The analysed archaeological data includes previously unpublished artefacts from Otto Geist's excavations on St. Lawrence Island (Museum of the North, University of Alaska) and Henry Collins collection (Museum of Natural History, Washington, DC).

Keywords: archaeology, ethnography, maritime adaptation, whaling, open skin boat, umiak, *angyapik*, St. Lawrence Island, Yupik, Alaska, Chukotka

Acknowledgements: This research was supported in part by the Smithsonian Institution pre-doctoral fellowship program.

For citation: Anichtchenko E.V. (2020) St. Lawrence Island *angyapik*/baidara according to archaeological and ethnographic data. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 43–69. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-43-69

Ан'япик (байдара) острова Св. Лаврентия по археологическим и этнографическим данным

© Е.В. Анищенко

Музей Севера Университета Аляски, г. Фэрбэнкс, США

Аннотация: Трансконтинентальные миграции между Евразией и Северной Америкой – одна из центральных тем археологии циркумполярья. Начиная с заселения людьми Северной Америки более 14 000 лет назад, географическая близость между двумя материками в районе Берингова пролива содействовала трансконтиненальным миграциям. Связь между континентами не прекратилась и после того, как Берингов сухопутный мост погрузился под воду. Археологические исследования указывают на существование в северо-восточной Сибири и Аляске нескольких трансконтинентальных культур (культура Древнего Берингоморья, Бирнерк, Туле) распространение которых напрямую зависило от передвижений по морю: зимой – пешком или на собачьих упряжках по ледяному покрову, летом – на лодках по открытой воде. Несмотря на очевидную роль морского транспорта в этих процессах, изучение археологических данных по доисторическим лодкам является малоизученной темой. Данная статья посвящена комплексному анализу этнографических и археологических данных об открытых кожаных лодках (байдарах – ан'ньяпиках) острова Св. Лаврентия. По своему географическому положению остров Св. Лаврентия является связующим звеном между северо-восточным побережьем

Евразии и Аляской. На протяжении более двух тысяч лет лодки играли существенную роль как в местном морском промысле, так и в межрегиональных сообщениях. В статье рассматривается вопрос, в какой степени строение байдар острова Св. Лаврентия и связанный с ними комплекс хозяйственных и ритуальных представлений отражает контакты с Северной Америкой и Евразией. В задействованные археологические данные включены не публиковавшиеся прежде находки из археологических раскопок Отто Гайста (Музея Севера Университета Аляски, Фэрбенкс, Аляска), а также предметы из коллекции Генри Коллинса (Музей Естественной Истории, Вашингтон).

Ключевые слова: археология, этнография, морская адаптация, китобойный промысел, кожаные лодки, байдары умиак, байдары ан'япик, остров Св. Лаврентия, эскимосы-юпики, Аляска, Чукотка

Благодарности: Исследования, которые легли в основу этой статьи, были частично спонсированы программой стажировки для кандидатов докторских диссертаций Смивсонианновского института.

Для цитирования: Анищенко Е.В. Ан'япик (байдара) острова Св. Лаврентия по археологическим и этнографическим данным // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 43–69. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-43-69

Introduction

Study of human migrations between Eurasia and North America occupies a prominent position in North American anthropology. Geographical proximity of two continents in the Bering Strait region provided for ample opportunities for cultural transmission and exchanges, starting from the initial population of North America over 14,000 years ago, when the land connection existed between Chukotka and Alaska. Exchanges between two continents did not cease after the Bering Land Bridge disappeared under the ocean waves. Archaeological research demonstrates existence of several trans-Bering strait cultures (Old Bering Sea, Birnirk and Thule) and millennia-long trade and exchange between two continents (Mason, 2016). Despite the fact that after circa 10, 000 years ago, such transcontinental connections depended on and were carried by watercraft, prehistoric boat tradition of the region remains under-researched. Much of the theories about prehistoric maritime connections and adaptations are either based on analysis on non-boat finds (Fitzhugh, 2016), or ethnographic boat studies (Antropova, 1961; Kankaanpää, 1989[1]). The archaeological boat data is slowly gaining its place as the subject of focused studies (Arima, 1999; Anichtchenko and Crowell, 2010; Anichtchenko 2016a[2]; Alix et al., 2018). This article aims at inspiring a more robust inquiry into the subject of deep history of Siberian and Alaskan watercraft by examining ethnographic and archaeological records on skin boats of St. Lawrence Island, which is chosen for its geographical position between two continents.

One of the last exposed portions of the Bering Land Bridge, St. Lawrence Island is located at the south-western extreme of Bering Strait (fig. 1). With its western end positioned only about 65 km from the Siberian coast and its eastern proximity located 160 km east from the Alaskan coast, the island played a significant role in the history of cultural connections between the two continents. The indigenous name of the island is Sivuqaq, which means "to be wrung out", and the Yupik story about its creation emphasizes the island's connection to both Alaska and Siberia:

> *When the Creator finished the mainland of Alaska and Siberia, he felt that a part in the middle was still missing. He took a great handful of earth from the bottom of the ocean, squeezed it dry, and placed it between the two continents. Then he said, "There, it is complete" (Koonooka, 2010. P. 73).*

In terms of cultural orientation, the island has stronger ties with Siberia than with Alaska, due to the proximity to the Eurasian continent. Indigenous

[1] Kankaanpää, J. 1989, *The kayak, a study in typology and culture history.* Unpublished Master's Thesis, Helsinki: University of Helsinki, Department of Archaeology.

[2] Anichtchenko, E.V. 2016a, *Open Passage: Ethno-Archaeology of Skin Boats and Indigenous Maritime Mobility of North-American Arctic.* Unpublished PhD thesis, University of Southampton, UK.

Fig. 1. Map of the Bering Sea and Bering Strait
Рис. 1. Карта Берингова моря и Берингова пролива

population of St. Lawrence Island belongs to the Siberian Yupik group, the same people that inhabit the Chukotka Peninsula on the Russian coast of Bering Strait, and the contacts between coastal and insular populations remained consistent through at least two millennia. At the same time, archaeological finds testify to fairly active traffic between coastal Alaska and St. Lawrence Island (Ackerman, 1961. P. 1)[3], and traditional stories specifically reference boat voyages to both the Alaskan and Siberian coasts and to other Bering Sea islands (Nelson, 1889. P. 220; Chlenov, 1988; Krupnik and Chlenov, 2013. P. 34; Anichtchenko, 2017).

Like most of the inhabitants of treeless zones of circumpolar north, St. Lawrence islanders relied on skin boats – watercraft constructed of driftwood and covered with skins of marine mammals. There are two types of circumpolar skin boats: smaller (typically for one person use) decked kayaks and larger, undecked or "open" boats for multi-person crew (Adney and Chappelle, 2007. P. 175). In English language the latter are called *umiaks*, while Russian scholarship favours term *baidara* (Ainana et al., 2003; Bogoslovsky 2004; Luukkanen et al., 2020. P. 155–179). Each circumpolar indigenous nation that utilizes such boats, however, has its own term for them, and to honour cultural identity and ownership, this article uses Siberian Yupik term *angyapik*.

Although kayaks played an important role in maritime subsistence and mobility of St. Lawrence Islanders, this article focuses exclusively on open skin boats for two main reasons. Firstly, St. Lawrence Island kayaks are discussed in another article (Anichtchenko, 2017); and secondly, as angyapiks had a larger socio-economic impact on local society and long-distance connections. Up until the second half of

[3] Ackerman, R. E. 1961, *Archaeological investigations into the prehistory of St. Lawrence Island*, Alaska. Unpublished PhD dissertation, University of Pennsylvania.

the twentieth century these boats were used for whale and walrus hunting and for the trading expeditions to the mainland. Whaling and trading were key elements of achieving social status, which ultimately positioned *angyapiks* as both means and symbols of power, social hierarchy and prestige. Today, two St. Lawrence Island villages of Gambell and Savoonga are among the last places in circumpolar north where open skin boat building and use is still a living tradition. How did this tradition change over time and how does it relate to the open skin boats of other regions? Both ethnographic and archaeological data provide some useful insights and allow tracing chronological development of this boat type.

Prior to discussing these datasets, a quick terminological explanation is in order. Skin boat frame consists of dozens of individually carved elements fastened together with wooden and ivory pegs, baleen, and in case of post contact watercraft – metal fasteners. A diagram below provides basic boat construction terms solely for the sake of current discussion (fig. 2). St. Lawrence Yupik language contains rich boat vocabulary, some of which is provided in Stephen.

Ethnographic evidence

Early ethnographic accounts mention skin-covered watercraft frequently, although the information is usually brief (Sarychev, 1969. P. 43; Merck, 1980. P. 185). On July 21, 1791 Captain Joseph Billings made a short landing at the Koozata lagoon on the south shore, west of Siknik Cape. He reported seeing a distant habitation and a large skin boat with about 30 men aboard which retreated when warning shots were fired (Sauer, 1972). A quarter of a century later, in July of 1817, Otto von Kotzebue, the captain of the Russian brig *Rurik*, stopped at Kialegeak at the south-east point of the island. While he was conversing with local inhabitants an umiak "was drawn along the strand by dogs, which just came from the Tschukutskoi" (Chukchi Peninsula) (Kotzebue, 1967. P. 175). In the course of the same conversation Kotzebue learned that the ice had left the shore of the island only three days prior to his landing. Evidently, skin boat navigation was possible immediately after or likely simultaneously with the retreat of the ice. Kotzebue also stated that the Natives of St. Lawrence Island "call the inhabitants of the continent of America their brethren, as they have constant intercourse with them, and their language is also the same" (Ibid).

More detailed information became available when the US government began exploring its new acquisition following the purchase of Alaska from Russia in 1867. Visiting Kialegeak at the southeast end of St. Lawrence Island in 1874, naturalist Henry Wood Elliott recorded his observations in both textual descriptions and sketches (fig. 3). Regarding the boats used by St. Lawrence inhabitants he noted that the crew of the boat that approached their ship consisted of both men and women and provided following description:

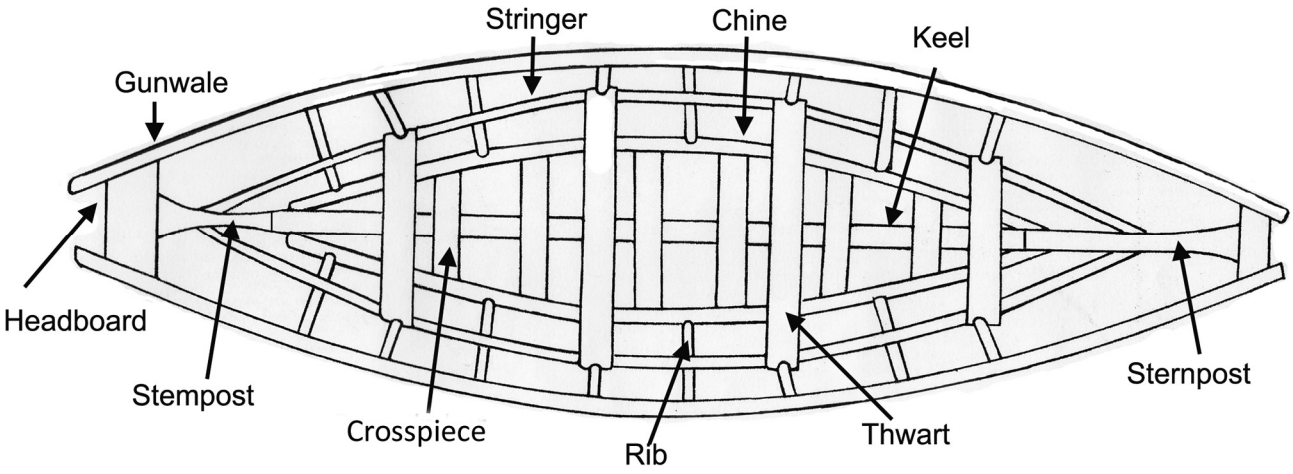

Fig. 2. Open skin boat terminology. Drawing by E. Anichtchenko
Рис. 2. Терминология составляющих элементов байдары

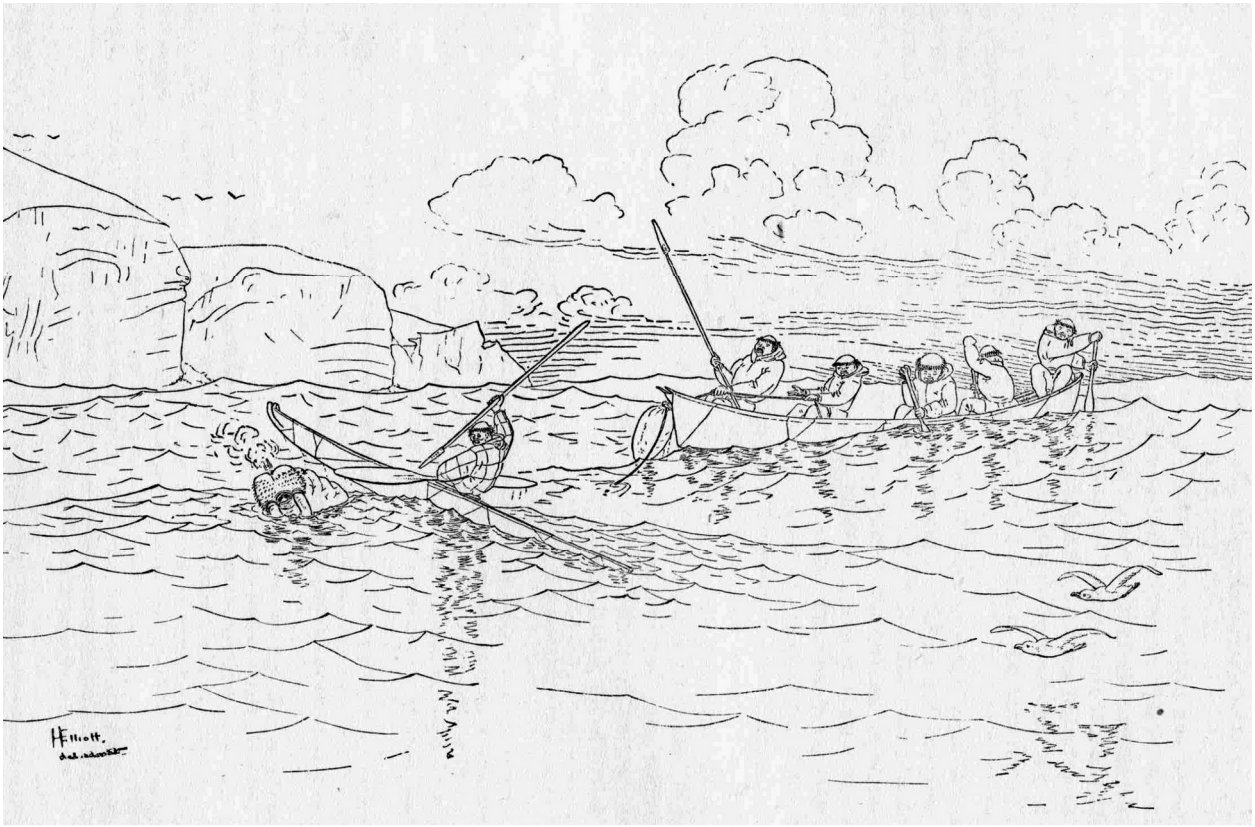

Fig. 3. "A hunter in a kayak ready to strike a walrus with a harpoon" (Elliott, 1886. P. 98)
Рис. 3. "Охотник в каяке, готовый вонзить в моржа свой гарпун" (Elliott, 1886. P. 98)

> *The boats, about 14 feet (4.3 m.) long with 4 feet (1.3 m) beam, consisted of a frame, very neatly lashed together, of pine, with whalebone fastening, over which walrus-hide was stretched; they propelled it with paddles and oars, which were also well made (Elliott, 1875. P. 220–224).*

Riley D. Moore, a medical professional contracted by the Smithsonian Institution to conduct body and facial measurements of St. Lawrence Island indigenous people, recorded larger and narrower *angyapik*s during his stay in Gambell, at the north-western end of the island, in 1919:

> *Kaeluk [Qilak] said canoes were one fathom (6 feet) wide in the middle and four fathoms (24 feet) long, one arm's length (armpit to finger tips) in depth; the width of the bottom in the middle, elbow to elbow, the arms being horizontal and slightly adducted at the shoulder joints. The captain's place is of width equal twice the distance from the tip of the thumb to the tip of the middle finger (with thumb at right angles to hand) plus once the distance from the tip of the thumb to the tip of the middle finger with thumb bent at right angles. The "legs" (ribs) of a boat had a width equal to that of the hand across the palm, and cross-pieces in the bottom of the width of the hand across the fingers at the first phalanx. Paddles are one fathom in length, with hands clasping each extremity (Moore, 1928. P. 349–350).*

Gambell angyapiks at the beginning of the 20th century, therefore, measured up to 7.3 m in length, 1.8 m in width, and 0.6–0.75 m. in depth, with a maximum bottom breadth of about 0.8 m. The length of the "captain's place," a trapezoid bench placed between stringers and the bow of the boat, is equal to the distance between gunwales at the stem. According to Moore's anthropometric measurements this would be around 50 cm. Angyapik ribs were accordingly 18 cm wide, and the bottom cross pieces

were about 15 cm wide. These boats had flat bottoms and could carry 25 to 30 people and two to four tons of cargo (Braund, 1988. P. 64). Stephen Braund, who conducted angyapik study on St. Lawrence island in 1973 reported boats measuring from 9 m. in length and 2 m. in beam to 5 m. in length and 1.5 m. in beam, with average dimensions at 7.3 m by 1.5 m (Ibid. P. 79).

Significant disparity in size between angyapiks described above may reflect the difference between larger boats intended for long-distance travel and whale hunting and smaller watercraft used for hunting smaller sea mammals in the early spring when there is only minimum in open water. At this time of the years smaller and lighter boats offer an advantage as they are easier to drag over sea ice (Ibid. P. 80). Early 20th century photographs and oral traditions also indicate that the Siberian Yupik people of Asia had one-person open skin boats, which could be carried by a single individual and were used for sealing and fishing (Krupnik and Krutak, 2002).

Angyapik frames were made of driftwood and the construction typically took place in summer. According to St. Lawrence elders' knowledge, collected by Gambell whaling captain and artist Roger Silook Sr., birch was particularly sought after: "The people looked for these driftwoods for miles and sometime clear over to the other side of the island" (Silook, 1976). Boat builders used adzes, axes, knives and drills to fashion the wooden frames, which were then fastened with a combination of baleen, walrus rawhide and wooden pegs. Baleen was chosen for lashing the ribs and bottom of the boat because of its water-repellent qualities. Most of the upper part was lashed with rawhide. Before lashing to the rest of frame, gunwales were soaked for several days to make them flexible. The ready frame was smeared with seal or whale blubber to keep it from drying out.

The cover of a St. Lawrence angyapik was typically made of walrus hides, although in one instance bull reindeer was reported to be used for a boat cover in Gambell (Carius, 1979. P. 10). Female walrus skins were preferred because they were softer and less damaged by fighting than males'. Angyapik cover required two or three skins, depending on the boat's size. The skins were first rolled up, covered with an old dried angyapiks skin and left for three weeks in a warm place until the hair came off. The de-haired skins were then stretched on a wooden frame for splitting. Walrus skin is about two inches thick, too thick for a boat cover. Working from the top of the frame, women would split the skin with semi-circular knives, until about two inches to the bottom edge, leaving both halves of the skin attached to each other. The skin was then stretched again and left to dry for almost two months. Then, it was rolled up and soaked in fresh lake water for two or three weeks, after which it was ready to be put on the boats (Carius, 1979. P. 8–9). Three women – two in the middle and one in the bow – sewed the skins with the assistance of one man, who fixed the cover at the stern, "as it needs stronger thread and muscle" (Silook, 1976. P. 2). The thread used to sew the skins was made from twisted whale sinew. Several coats of seal oil were applied to the outside and allowed to dry thoroughly, after which the cover became "impervious to water for a week or ten days" (Nelson, 1889. P. 217). To prevent water-soaking boats were usually hauled up on the shore and dried every night and re-oiled periodically. The longevity of the cover depended on the type of skin used. Typically, it could last about three years. If it was made of male walrus skins, however, it would start leaking and had to be replaced in a year (Oozeva, 1985. P. 169).

Old, used angyapiks skins were often re-used as house floor covers, "because it has been washed itself in salt water for years while they were hunting" (Carius, 1979. P. 8–9). Both practical and ritualistic reasons guided such re-use. The same skin that sheltered mariners in the ocean and camping away from home is made into a part of their house on land.

Angyapiks were traditionally propelled by paddles, which had two different designs: narrower ones (7 inches/17.8 cm wide) used by the crew and wider (1 ft/30.5 cm wide) for the captain of the boat and for the striker or bowman. The legendary "strong men" were reportedly using a big whale's scapula bone for a paddle, which would be about 122 cm wide (Silook, 1976. P. 2). According to Siberian Yupik tradition, if an umiak was successful in taking a whale,

special designs were painted on its paddles with a mixture of the viscous fluid from whale's eyeballs and soot. The eyeball tissues were wrapped in leather and then joined together in pairs and added to the string of amulets belonging to the boat (Bogoras, 1909. P. 408). Interestingly, the design on the Chukchi/Siberian Yupik paddle reproduced in Bogoras is identical to ethnographic miniature paddles from Kukulik site on St. Lawrence island (fig. 12)

In addition to paddles, angyapiks were propelled by sails made of walrus stomachs (fig. 4). The stomachs were cleaned and hung outside for several weeks to allow for "the wind to work them out and make them soft and the weather bleach them. When they are almost white and dry, women cut them open and stretch tissue into 4 ft (122 cm) long strips, which are then sewn together. A hole a size of a pencil is punctuated into every membrane to release the pressure of the wind" (Silook, 1976. P. 2–4).

It is debatable if sail was traditional indigenous technology or technological innovation borrowed from Asian and European industrial societies, but even in the latter case, the transmission of this technology likely occurred well before the beginning of regular direct contacts between the St. Lawrence islanders and Russian, European and American sailors. The earliest definitive evidence for the use of sails on open skin boat is Peary Land umiak from Northern Greenland, which dates to AD 1420–1480 (Jensen, 2003. P. 209–218; Anichtchenko, 2016b. P. 302) In the Bering Strait the sail was well known by 1818, as reported by Captain Otto von Kotzebue (Kotzebue, 1821. P. 199, 202). Oars were likely introduced in the second half of the 19th century, after Yankee whalers began hunting in Bering Strait in 1848, and gasoline motors made their appearance in 1916 (Braund, 1988. P. 73).

Angyapiks were used for hunting (predominantly whale and walrus), travelling along the coast of the island (such as going between the villages, travelling to summer camp or to the various locations of subsistence activities), and long distance voyages. Trading parties from Oongazik (Chaplino or Indian Point in Siberia) and Gambell exchanged visits early

Fig. 4. Ivory smoking pipe NMNH E280599 collected by R.D. Moore in Gambell in 1912. Note image of open skin boat under sail. Photo by E. Anichtchenko

Рис. 4. Курительная трубка из моржового клыка NMNH E280599, приобретенная Р.Д. Муром в Гембеле в 1912-м году. Обращает на себя внимание изображение байдары под парусом. Фото Е. Анищенко

every summer. The distance between Chaplino and Gambell is 50 miles (80.5 km), which took about 20 hours of paddling and less by sailing (Silook, 1976. P. 1). Along with other articles, such as hides, clothing, ammunition and clothes, Siberian traders sought out St. Lawrence Island umiak frames. George Imergan Yaagmiqun of Taphook (a camp between Savoonga and Gambell) in the second decade of 20th century recalled:

> *In these days, every spring people come from Siberian side, for trade. They have parkas, fancy balls, and fancy boats and some deer-skins, and deer legs for sale. So this peoples buy them, Siberian women like some pans, wooden marrow plate which we use for luncheon time only, and any kinds of American things, sewing needles and calico, dress, any kind kettles, and toys for their children. And their men like canoe, paddles, walrus hides, big seal skins, and any kinds of American tools, firearms, ammunitions, shirts. Sometimes they stay here many days (Krupnik and Krutak, 2002. P. 125).*

Trading parties from Siberia typically made a stop in Gambell, and then continued sailing along the coast from village, visiting friends and relatives, sometimes going all the way around the island before returning home (Silook, 1976. P. 16).

St. Lawrence islanders also visited the Asian coast, often venturing farther north from Indian Point, all the way to Lavrentiya Bay in the northern part of the Chukchi Peninsula. Trade with inland Chukchi reindeer herders supplied St. Lawrence Islanders with reindeer meet and skins. Reindeer fat also played a role in their ritualistic offerings. Oral lore and historical accounts attest that some traffic existed between St. Lawrence Island and other islands in the Bering Strait region, although these voyages were likely less regular than those to Siberia (Chlenov, 1988; Krupnik and Chlenov, 2013. P. 34).

The visits from Siberia were not always peaceful. Conflicts often occurred and the retaliation was swift: "an arrow is returned with an arrow, and a spear with a spear and knife is returned with a knife and so on" (Silook, 1976. P. 11). Warring parties also arrived in umiaks, and usually included several boats. These were likely the same vessels as those used for trading. Because of this, all watercraft approaching the island were met with initial suspicion if not aggression, and the ultimate reception depended on many factors, including adherence to social protocols and display of established gestures and objects signalling peaceful intentions. Parties suspected in hostile intentions were met with a rain of arrows and often prevented from landing. Siberians were rumoured to have prayers that could slow down their opponents' boats. Their umiaks, it was said, had special helping spirits, which sometimes made themselves visible as killer whales following the boats (Ibid, P. 13).

Angyapiks are featured prominently in St. Lawrence Island tales, often as a vehicle of transportation between different worlds. In the tale "When the Pale Moon Went Fainting" a woman fleeing her abusive husband is aided first by a skin boat paddled by a crew wearing the same dull white colour, who turned out to be gulls, and then by another angyapik with black-tipped paddles, manned by Arctic terns. In this manner the woman arrives to her new husband, the Creator, who also goes around in an angyapik (Slwooko, 1979. P. 74–79).

In another tale, *The Lost Sister of Ivongo* (Silook, 1929)[4], also known as *Clashing Rocks* (Slwooko, 1979), three brothers are in need of a very special watercraft to find their sister taken away by a supernatural whale/walrus skull. They are instructed to build an angyapik that can outrun flying ducks. After several unsuccessful attempts, the brothers finally build such an angyapik with a birch wood frame covered with beluga whale skins. Their boat's speed is tested when they reach clashing cliffs, which closed behind them as soon and they passed, snapping the end of their boat, but leaving them unharmed and able to continue the journey (Slwooko 1979, P. 55; Silook, 1929[5]).

[4] Silook, P. 1929, *Paul Silook's St. Lawrence Island Stories Recorded by Henry Bascom Collins*, Papers of Henry Bascom Collins, Box 108, American Anthropologists Archives, Washington DC.

[5] Silook, P. 1929, *Paul Silook's St. Lawrence Island Stories Recorded by Henry Bascom Collins*, Papers of Henry Bascom Collins, Box 108, American Anthropologists Archives, Washington DC.

Angyapik also played a central role in one of the most important rituals of St. Lawrence Island, the *Autughuk,* "Moon worshipping," ceremony. Held at the beginning of spring during the new moon from February to April by all boat captains, this was a ceremony of giving thanks for successful hunting in the previous year and of asking for favourable weather in the coming hunting season, particularly during the whale hunt. Some food, including marine mammal blubber and reindeer fat was stored all year for offerings. In preparation for the ceremony it was heaped on two wooden platters. Marine mammal blubber was ground, mixed with oil and rolled into five balls, which are placed on top of the heap, four of them forming the corners of rectangle, and the fifth positioned in the centre. On another platter five little balls made of deer fat were arranged in similar way. The number five had special significance for Native whalers. A whaling captain, for instance, was considered to be a real captain only after he has taken five whales.

The offerings were placed on the floor near the centre post in the captain's house, to which a spear, paddle, and a skin visor worn by the boat captain when a whale is killed, were tied. When it became dark, the boat captain took a small amount of each kind of food and threw it into the sea. Early in the morning before sunrise the umiak crew went to the boat rack and took down the umiak. Hunting equipment was placed inside as if they were going on a hunting expedition. The steersman and other crew members brought platters from the captain's house. With the captain's wife in the lead, they returned to the boat and marched once around it in the direction in which the sun travelled across the sky. After the woman returned home, the whaling crew took the umiak to shore with the captain in the lead carrying a wide steering paddle.

At sunrise a hole was cut in the ice in front of the boat, and the crew took their places in the boat and mimicked the hunt, fanning the air with the paddles. After the sun rose all left the canoe and the captain made a sacrifice, throwing all the little balls, dried codfish and tobacco into the hole. Then two members of the crew took some of the food and touched each part of the boat and each of the hunting implements with it. After this all present finished the rest of the food, and returned to the captain's home, replacing the boat on the boat rack (Moore, 1912, P. 1–2)[6]. Paul Silook added that:

> *Two or three weeks after the ceremony of moon worshipping, the captain and striker take turns in watching the whale boat to see that no one tries to put a piece of human bone or articles belonging to dead people, or a knife that had been used for severing a baby's umbilical cord, the baby dying subsequently. This would frighten the spirit of the whale that they are going to kill (Silook, 1929, P. 2)*[7].

Although the focus of this ceremony is on maintaining a beneficial relationship with the ocean and the involved spirits, it is very informative for understanding the place of watercraft in this relationship. "Sharing" the sacrificial food with the umiak is an acknowledgement of the boat's agency. Like other members of the crew, it has its own spirit and luck, its responsibilities during the voyage or hunting expedition and rights and duties to partake in ceremonies. Similar ceremonies were performed by Siberian Yupik people and by the Maritime Chukchi on Asian shores (Bogoras, 1909), and by Yup'ik and Inupiaq whalers of Alaska (Bernardi, 1912; Fair, 2005. P. 240). Despite missionaries' effort to uproot "pagan practices" the moon worshiping ceremony was practiced on St. Lawrence Island up until 1940s.

Contacts with commercial whalers introduced the indigenous people of the Bering Strait to a new form of watercraft – wooden whale boats. Yankee whalers heading south at the end of the whaling cruise were eager to get rid of used whaleboats and traded them for 20 to 30 baleen pieces, a price that many Native families could afford if at least one whale was taken (Bogoras, 1909. P. 629; Braund, 1988, P.

[6] Moore, R. D. 1912, *Field report from St. Lawrence Island*. Unpublished manuscript. National Anthropological Archives, Smithsonian Institutions, Washington, DC. Aleš Hrdlička Collection, box 97.

[7] Silook, P. 1929, *Paul Silook's St. Lawrence Island Stories Recorded by Henry Bascom Collins*, Papers of Henry Bascom Collins, Box 108, American Anthropologists Archives, Washington DC.

100). Although significantly heavier and harder to maintain than umiaks, whaleboats were popular because of their manoeuvrability under sail, and because they did not become waterlogged. By the end of the 19th century whaleboats were widely used by the St. Lawrence Islanders, along with traditional skin watercraft (Braund, 1988. P. 104–107).

This situation changed again in the 1930s following the collapse of commercial whaling, when wooden boats became both more scarce and harder to barter for. Instead of returning to the traditional flat-bottomed design, however, the islanders began building round-bottomed skin boats, which incorporated elements of both. This innovation originated from the Bering Strait community of King Island, where a local man Jimmy Atłuk devised skin boat with an inboard motor well and steam-bent ribs, which made the boat more seaworthy under increased power (Bogojavlensky, 1969. P. 215)[8]. By 1930s, the bent-rib umiaks spread into St. Lawrence and Little Diomede Islands, completely replacing traditional flat-bottom boats (Ibid. P. 115). All angyapiks currently built and used on St. Lawrence belong to this type. Only a handful flat bottom boats survived in the island's communities and museum collections providing examples of "old style "construction technique.

Despite the difference in the lower hull design, contemporary round-bottom angyapiks and surviving examples flat bottom St. Lawrence boats exhibit noticeable similarities. While flat-bottom boats have a lower board, which makes them more practical for paddling, both boats have nearly vertical stern and very slightly angled stem. The gunwales terminate at the stem and stern posts without protruding forward or aft (fig. 5). This design is similar to open skin boats of Chukotka. Interestingly, some early ethnographic evidence depicts a noticeably different watercraft construction. Ludwig Choris, the artist aboard of Otto von Kotzebue's ship Rurik, which visited St. Lawrence Island in 1817, sketched a boat with long protruding gunwales and seemingly bent ribs (fig. 6) while an angyapik depicted on ivory smoking pipe collected by R.D. Moore in Gambell in 1912 (fig. 4) is a boat with angled bow and nearly vertical stern. Are these images results of freedom of artistic rendering, or evidence of changes in St. Lawrence boat construction? To find out the answer to this question we need to consult archaeological data.

Archaeological evidence

According to the archaeological data, St. Lawrence Island was populated by circa 50 BC, by people with close cultural affiliations with contemporaneous inhabitants of the Chukotka Peninsula (Dumond, 2009. P. 72; Blumer, 2002). Settlements of this culture, which became known as Old Bering Sea (OBS), were positioned along the island's north shore in locations that allowed easy access to maritime resources. Walrus and seals were particularly important for these people's subsistence, and the lack of OBS sites along the southern shore is attributed to the scarcity of walrus in that area (Ackerman, 1961[9]; Ackerman, 1962). Zooarchaeological analysis demonstrates that animals were taken year-round, which implies hunting both on sea ice and open water (Crowell, 1985. P. 10).

Scholars maintain that the initial colonizers came to St. Lawrence from Chukotka with a fully developed Arctic adaptation specifically and expertly geared to sea ice-edge habitat, which by default included watercraft (Crowell, 1985. P. 11). Regrettably, the only archaeological evidence of OBS boats uncovered to date are wooden and ivory miniatures depicting kayaks. These kayak miniatures display notable consistency of style across the sites on both sides of Bering Strait, such as Ekven cemetery on the Chukotka Peninsula (Bronshtein, 2007; Bronshtein and Dneprovsky, 2009. P. 94), Miyowagh on St. Lawrence Island (Collins, 1937. P. 413–414. Plate 59; fig. 1–7) and Point Hope in north-western Alaska (Anichtchenko, 2017. P. 33–36). Open skin boats representations began appearing in more recent

[8] Bogojavlensky, S. 1969, *Imaangmiut Eskimo careers: skin boats in Bering Strait*. Unpublished Ph.D. dissertation, Cambridge, Massachusetts: Harvard University.

[9] Ackerman, R. E. 1961, *Archaeological investigations into the prehistory of St. Lawrence Island*, Alaska. Unpublished PhD dissertation, University of Pennsylvania.

Fig. 5. Butchering whale from umiak. Gambell, St. Lawrence Island, April 20–29, 1966
Photographer: Ward W. Wells. Anchorage Museum at Rasmuson Centre, wws-4393-223
Рис. 5. Разделка кита с байдары, Гембел, остров Св. Лаврентия, 20–29 апреля 1966 года
Фотограф: Вард Вэлс. Музей Анкореджа при Центре Расмусона, wws-4393-223

archaeological sites belonging to Punuk and Thule cultures, starting from circa 1100 A.D (fig. 7).

During the Thule/late Punuk period, organized crew whaling became a focal point of both subsistence and social organization. This shift had a tremendous and lasting effect on every area of people's life. Much of the St. Lawrence island technologies and social and ceremonial practices recorded ethnographically originated at that time, which prompts some scholars to consider Punuk phase of St. Lawrence material culture to last from 700 AD to circa 1600 AD (Anderson, 1978; Bandi, 1969; Collins, 1937). By comparison with the OBS period, boat remains are more frequent in the Punuk and Thule layers of all St. Lawrence Island sites, and are represented by both miniatures and full-scale boat fragments and paddles. Much of archaeological boat data was uncovered during the excavation of

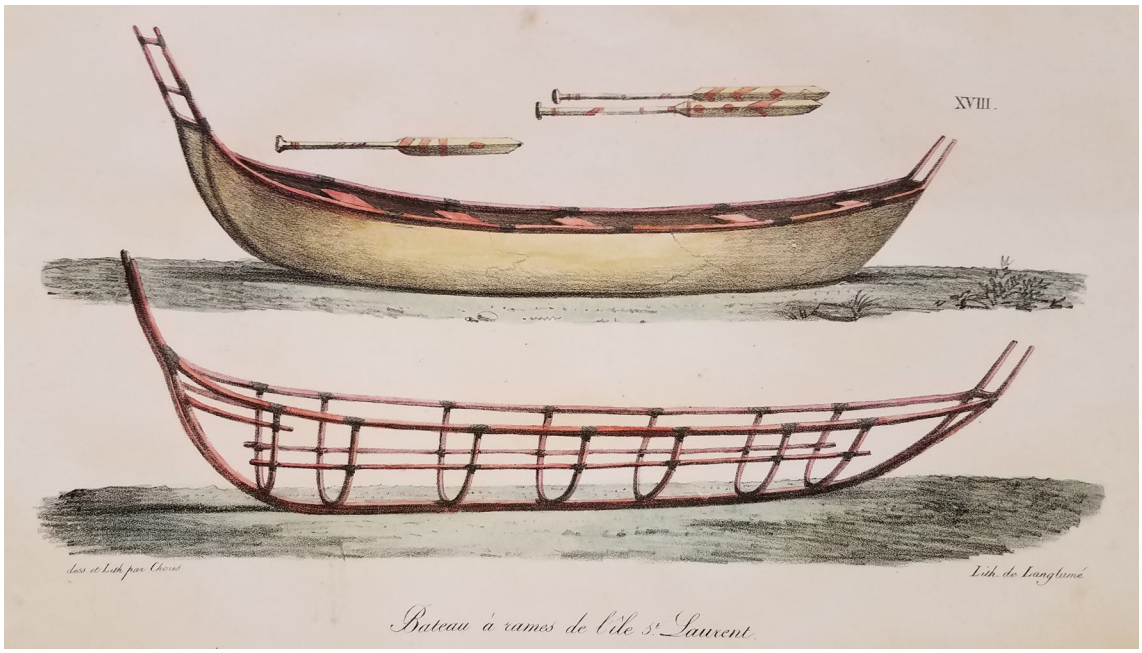

Fig. 6. Boat of St. Lawrence Island, Ludwig Choris (Choris, 1822. Plate XVIII)
Рис. 6. Лодка острова Св. Лаврентия, Людвиг Чорис (Choris, 1822. Plate XVIII)

Fig. 7. Ivory boat model from Old Gambell site, St. Lawrence Island, NMNH A-333165. Photo by E. Anichtchenko
Рис. 7. Модель лодки из моржового клыка из археологического раскопа Старый Гембел, остров Св. Лаврентия. Фото Е. Анищенко

settlement sites, some of which, such as Kukulik site, were inhabited for circa two thousand years. Long history of habitation and poor providence information often make it challenging to date individual artefacts. All examples of archaeological boat data provided in this article come from two main collections: artefacts excavated by Otto Geist in 1926–1935 curated at the University of Alaska museum of the North (UAMN), and the Smithsonian National Museum of Natural History (NMNH) Henry Collins collection, which resulted from Collins' work on St. Lawrence Island in 1928–1929.

Miniatures

Despite of varied level of craftsmanship, different materials and likely multiple purposes, all St. Lawrence island boat miniatures could be divided into two groups: 1) composite artefacts consisting of individually carved miniature frame pieces that were at some point fastened together in the same manner as full scale boats; and 2) models carved as a single piece depicting watercraft. The examples of former include miniature keels, cross pieces and head boards, of which headboards are particularly numerous (fig. 8). Composite models may have served a double

Fig. 8. Miniature angyapik headboards (UAMN, 5-1934-1692, 1693, 1694) and keel (UAMN 5-1934-1690) from the Kukulik archaeological site, Otto Geist collection. Photos by E. Anichtchenko
Рис. 8. Миниатюрные кормовые и носовые доски (UAMN, 5-1934-1692, 1693, 1694) и киль ан'япика (UAMN 5-1934-1690) из археологического раскопа Кукулик, коллекция Отто Гайста. Фото Е. Анищенко

purpose as a child's toy and a practical illustration for skin boat construction.

Miniatures representing complete boats are also comparatively frequent and depict several stylistically different open boats. The majority of them attest to flat bottomed watercraft with nearly identical treatment of stem and stern (double ender design) (fig. 9 bottom), but some also show "asymmetric" boats with stern visibly wider than the bow (fig. 9 top). Both types are found in the same archaeological sites. In Kukulik "asymmetric" design appear to be in stratigraphic layers pre-dating "recent prehistoric "assemblages, which may potentially imply the existence of this design at some point prior to the 1600s AD. The expertly fashioned model UA 1-1935-8996 shows a boat with a stem end slightly sharper than the stern. This asymmetry is emphasized by gunwales which are joined forward of stem post, but remain separated at the stern (fig. 9 top).

With the exception of a single umiak model (UA 3-1934-3741; fig. 9 bottom) agnyapik miniatures lack thwarts, making it difficult to assess the size of the crew. An ivory bag handle (NMNH A344600), excavated by local Native people from an unknown location in the Kukulik midden and purchased by Henry Collins, shows five individuals in a boat pursuing

Fig. 9. Wooden angyapik miniatures from Kukulik site, St. Lawrence Island. Top: UAMN 1-1935-8996; bottom: UAMN 3-1934-3741. Photo by E. Anichtchenko
Рис. 9. Деревянные миниатюрные ан'япики из археологического раскопа Кукулик, остров Св. Лаврентия: *вверху : UAMN 1-1935-8996; внизу: UAMN 3-1934-3741.* ***Фото Е. Анищенко***

a diving whale (fig. 10). This may be interpreted either as a crew of ten, or, more likely, as six paddlers plus a harpooner at the stem and steersman/captain at the stern.

One of the St. Lawrence Island angyapik representations differs significantly from other miniatures in its appearance and functional and ritualistic meanings. Found in a structure near the entrance of House 3 of the Kukulik site, the artefact is a boat-shaped box with fins carved into one end of it and a six-legged creature painted in black over red-stained sides (Geist and Rainey, 1936. P. 66; fig. 11). The image is unusual for the St. Lawrence Island material culture, but well-rooted in the mythology of Central Yup'ik people of mainland Alaska, where this creature is known as *polraiyuk,* an alligator-like monster dwelling in lakes, creeks and marshes. In Central Yup'ik creation legend the Raven cautions the First Man not to drink from the lakes because *polraiyuk* would seize and destroy any one who ventured near. Edward Nelson reported that "nearly all of the umiaks in the country of lower Yukon and to the southward have a picture of this animal drawn along the entire length on each side of the boat, with the head near the bow" (Nelson, 1889. P. 445).

The box contained two drinking tubes, five sinkers and an incomplete whale harpoon head. Geist and Rainey called this artefact an "idol boat" indicating a presumed ritualistic meaning (Geist and Rainey, 1936. P. 66). While this artefact is

Fig. 10. Ivory handle depicting angyapik hunting scene, NMNH A344600. Photo by E. Anichtchenko
Рис. 10. Ручка из моржового клыка с изображением охотничьей сцены, NMNH A344600. Фото Е. Анищенко

Fig. 11. "Idol boat" from the Kukulik archaeological site. UAMN 01999-200. Photo by E. Anichtchenko
Рис. 11. "Лодка идола" из археологического раскопа Кукулик, остров Св. Лаврентия. UAMN 01999-200 Фото Е. Анищенко

unprecedented for St. Lawrence Island, similar boxes often carved in shape of marine mammals are known from different Chukchi Sea sites. According to ethnographic accounts, such boxes containing whaling harpoons and various charms were kept on board umiaks while hunting whales. The Kuklik idol boat, thus, combines elements of two Alaskan indigenous cultures: Yup'ik people living south of Bering Strait, and Inupiaq nation of Chukchi Sea littoral.

Paddles

Along with boat models, archaeological assembly of St. Lawrence Island contains multiple examples of miniature paddles. Both kayak and angyapik paddles of St. Lawrence Island were single bladed, which makes it difficult to establish if these miniatures refer to open or decked watercraft. It is, however, notable that miniature paddles are the largest group of boat-related objects across the entire data set, which contrasts sharply with full scale paddles – the least

represented group – and poses the question of purpose and significance of these miniatures.

According to the ethnographic information, paddles, both full scale and miniature, played a prominent role in the Kozeevuh/Kaziva (going around) ceremony, held over five days in the beginning of January. The festivities took place in a tent-like structure made of wooden poles, paddles, seal skins and snow to house. William Furman Doty, a school teacher who attended the Kaziva ceremony hosted by the whaling captain Assoone in 1899 in Gambell, described the construction:

> *A long steering oar was firmly tied in a horizontal position aloft, supporting the frame work of paddles and ropes, while a paddle which had been successfully used by Assoone [Asunaghaq] in steering his canoe in several prosperous whale-hunting trips, was secured to a pole. The blade of this paddle had been painted black, except a strip a couple inches wide, painted from water taken from the eye of a whale and boiled for quite a long time. This paddle was highly prized for by its aid Assoone claimed to have taken four whales" (Krupnik and Krutak, 2002. P. 288).*

A stone lamp was placed in the centre of the room and wooden idols representing men and women in equal numbers were placed in two rows on each side of the lamp, men facing women. A hundred or more miniature paddles decorated with figures painted in seal's blood were suspended from the rope in pairs. On the first day of celebration, the host invited boys and girls of the village to join in singing and dancing. At the end of the day the boys were seated on the floor under the canoe paddles. When the last of the girls have finished dancing all of the boys jumped up and get as many of the canoe paddles as possible, which they keep for souvenir (Moore, 1912. P. 3–4)[10].

Next day the man of the household took the paddle and ran to the homes of his friends tapping with it on the door to invite them to the ceremony. That evening invited men and their wives arrived to the host with presents of food.

> *When all the guests have arrived the lamp is extinguished and while the host and his wife sing for them, each man of that household catches one of the visiting women about the waist and marches around the lamp with her in the direction which sun travels around the heavens. The woman each man chooses on this occasion is always one with whom he has cohabited at some previous time when the men traded wives. After these have marched around the lamp the husbands of these women each selects a woman of the household and catching her about the waist marches around the lamp as the others had done, after which the guests all go to their homes (Ibid. P. 2)[11].*

On the third day, the host once again goes around with his paddle, calling at the same homes. The ceremony repeats the previous night with the difference that this time the couples walk around the lamp in opposite direction, or "unwind" as they call it. On the following day, the festivities continue with drumming, singing, gifts, and later in the night, exchange of wives. The celebration completes next day when the entire community is welcome and the men entertain guests with a wrestling competition.

Although paddles may appear a mere accessory in this celebration of family alliances re-confirmed with rituals, sharing of food and sexual exchanges, they carry an important meaning. Congregating in the structure constructed of paddles and summoning guests with their aid evokes the partnership of men in maritime pursuits in general, and in angyapik crew in particular, along with social context and impact of this partnership. Each crew member uses one paddle, thus in a practical sense the number of paddles is equated with the size of the crew. In a broader metaphorical context paddles represent an individual's effort in a collective undertaking. Thus, seizing of miniature

[10] Moore, R. D. 1912, *Field report from St. Lawrence Island*. Unpublished manuscript. National Anthropological Archives, Smithsonian Institutions, Washington, DC. Aleš Hrdlička Collection, box 97.

[11] Moore, R. D. 1912, *Field report from St. Lawrence Island*. Unpublished manuscript. National Anthropological Archives, Smithsonian Institutions, Washington, DC. Aleš Hrdlička Collection, box 97.

paddles during the children's ceremony may refer to future alliances that young men need to make to assure their social and economic success. It is possible that such "souvenirs" were kept as charms as the young boys grew to be expert mariners, or, perhaps, were stored in bulk for future ceremonies.

The Kozeevuh ceremony provides a plausible explanation for the abundance of paddle miniatures in Kukulik and other St. Lawrence sites, such as Kialegak and Mesaghmiit. In terms of general site stratigraphy, Kukulik miniature paddles come from comparatively recent layers, corresponding to Gesist's "recent prehistoric" period, i.e. AD 1649–1879, which makes this ethnographic analogy particularly relevant. In the older and more chronologically constrained sites miniature paddles are either much less frequent or absent all together. The artefact assemblage excavated by Collins from the Miyowagh site, dated to 1250–1400 cal AD (Blumer, 2002. P. 74) contains only one miniature paddle. The Ievoghiyoq site, occupied between 880 and 1300 cal AD with a peak of probability around 1085 cal AD, lacks this type of artefact alltogether.

The ceremony is also evidence of the consistence of paddles' ritualistic meaning between peoples from St. Lawrence Island and the Siberian coast. While miniature paddles from the St. Lawrence archaeological context lack pigmentation, ethnographic samples collected by Henry Collins in 1930s are decorated with simple geometrical designs (fig. 12). It is noteworthy that these designs are identical to those the people of Chukotka rendered with liquid from a whale's eye on full-scale paddles during the celebration of a successful whale hunt (Bogoras, 1909. P. 408).

Four different variants can be distinguished on the basis of miniature paddle blade shape and proportions (fig. 13). Only Variant I and III are represented by extant full-scale examples of St. Lawrence Island paddles. All of full-scale paddles located during this research were incomplete, although Geist reported excavating a complete paddle in the House 1 Test Cut, measuring to 110 cm in total length with 37 cm long blade (Geist and Rainey, 1936. P. 121–122).

All extent examples of St. Lawrence Island paddles appear to be composite, meaning that were constructed with individually fashioned blade and handle, lashed together. Artefacts NMNH A355720 and NMNH A355721 from the Ievoghiyoq archaeological site at the western tip of St. Lawrence Island illustrate how the blade was attached to the shaft. The blade's neck is scarphed for attachment to the shaft and has two peg holes with remains of a bluish-greenish residue, possibly clay adhesive applied to secure the joint (Anichtchenko, 2017. P. 40). The paddle shaft has similar diagonal scarf and peg holes that line up with those at the neck of the blade and are smeared with the same clay substance. In addition to pegs and adhesive, the pieces were secured with two rows of lashing as evident from the discoloration on the "neck" of the blade above the scarf.

The shape of the Ievoghiyoq paddle shaft and rectangular mortise carved into it suggest that it was made out of a recycled kayak gunwale. The object was sampled for AMS ^{14}C analysis and yielded an age of Cal BP 735 to 670/Cal AD 1215 to 1280 (Beta-409145), attesting to the longevity of composite paddle technology, the more recent examples of which are provided by miniature paddles from the Kukulik and Kialegeak sites. The angyapik head board NMNH A355722, found in spatial association with the composite paddle NMNH A355720/NMNH A355721, implies that the latter was used for angyapik propulsion.

Full scale boat fragments

Despite fragmentary character of the data, archaeological remains of full scale boats provide some information regarding the size and proportions of St. Lawrence angyapik and their constructional details. These data are particularly rich at the Kukulik archaeological site. Two full scale posts excavated in the main midden of this site measure to approximately the same height (45 and 46 cm respectively) and about the same width. The upper end of the post has two lashing holes for attaching headboards. The end of the horizontal section of the post is scarphed to accommodate connection with the keel (fig. 14 A).

Fig. 12. Ethnographic miniature paddles collected by H. Collins on St. Lawrence Island circa 1930, E260268, National Museum of Natural History, Washington, DC., Photo by E. Anichtchenko

Рис. 12. Этнографические миниатюрные весла, приобретенные Г. Коллинсом на острове Св. Лаврентия около 1930-го года, E260268, Музей Естественной Истории, Вашингтон, США. Фото Е. Анищенко

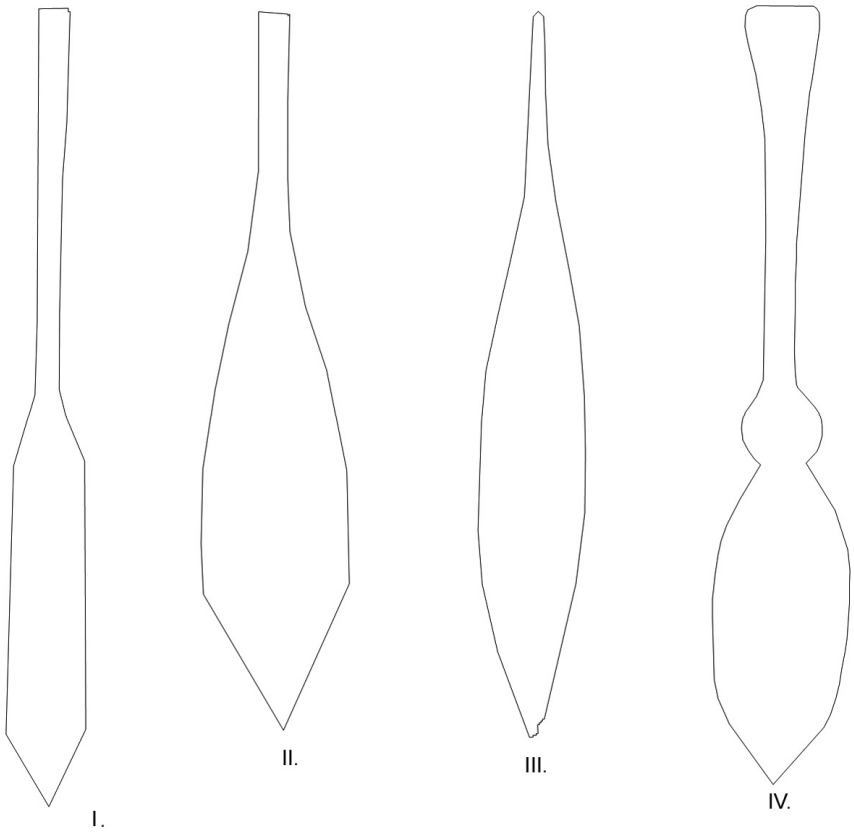

Fig. 13. Kukulik paddle variants based on miniature paddles. Drawing by E. Anichtchenko
Рис. 13. Варианты дизайна весел из археологического раскопа Кукулик по материалам миниатюр Рисунок Е. Анищенко

Headboards were mortised into the post's tenon and further secured with leather thong lashing (fig. 14 A). Headboards excavated at Kukulik are of the same type: T-shaped frames with a triangular back panel and rectangular top carved out of single piece of wood, and ranging in height between 16 and 23 cm. The cumulative height of the angyapik at the posts would then be between 61 and 69 cm, which is close to the height of ethnographically recorded angyapiks. The length of the upper horizontal part of headboards allows for an estimate of the distance between gunwales at the post and ranges between 24 and 44 cm. A flat seat was placed over the T-shaped frame. In the Kukulik data sample these seats have a semi-circular shape lacking the sharply defined corners of trapezoid-shaped seats of more recent angyapiks.

Headboard UAMN 1-1927-582, collected in Gambell by Geist, has a single red bead inserted underneath the horizontal part of the T-shaped headboard (fig. 14 A). Beads often carried a special sacral meaning and this placement is hardly coincidental, however no information regarding the meaning of this treatment is currently available. While many Arctic indigenous maritime nations decorated umiak headboards (Anichtchenko and Crowell, 2010), this particular type of ritualistic embellishment appears to be unique to St. Lawrence Island and has no analogues from Alaska. More data from Siberian sites would provide much needed comparative material.

Two T-shaped headboard frames from the floor of House 2 in the Test Cut of Kukulik site may have belonged to the same boat, in which case the difference in width between gunwales at the stem and stern of this particular watercraft was only 6 cm. This contrasts noticeably with the asymmetric end design suggested by a miniature originating from the same stratigraphic context. The same house feature also contained two more angyapik frames: a 71 cm long bottom cross piece and 57.5 cm timber that may have served as a thwart.

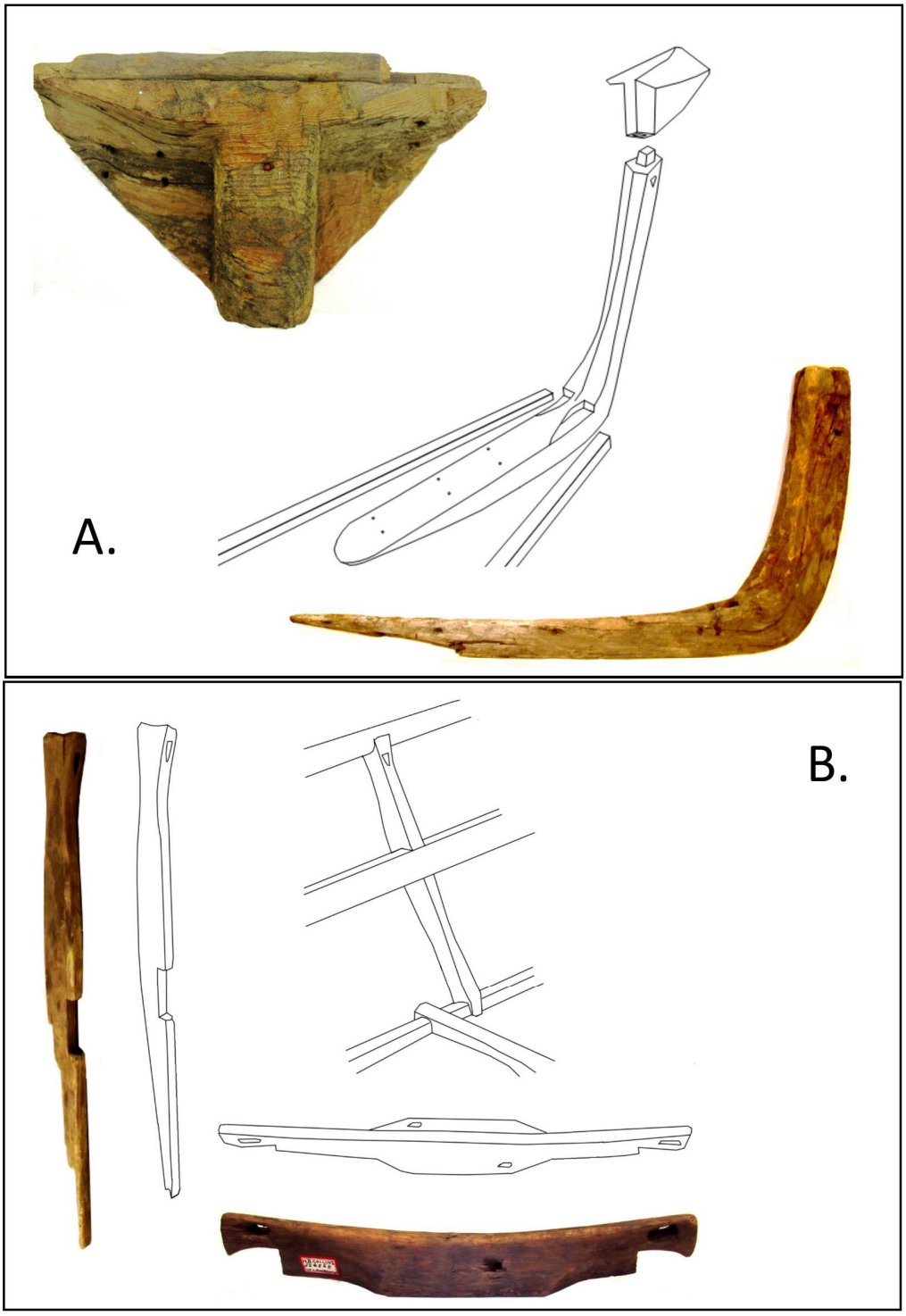

Fig. 14. Reconstruction of angyapik frame construction from St. Lawrence Island: *A – post and keel arrangement showing post UAMN 1-1935-3923 from Kukulik archaeological site measuring to 75:45:6.5cm, and headboard from Gambel. UAMN 1-1927-582; B – angyapik chine, rib and bottom cross piece assembly showing bottom cross piece from Kukulik, UAMN 5-1934-2167 and rib UAMN 3-1934-3877.* ***Photos and drawings by E. Anichtchenko***

Рис. 14. Реконструкция каркаса ан'япика острова Св. Лаврентия: *А – схема соединения форштевня и киля с форштевнем из археологического раскопа Куклик UAMN 1-1935-3923 (75:45:6.5cm) и кормовым навершием из Гембела UAMN 1-1927-582; В – схема соединения донного шпангоута, донного стрингера и штевня с донным шпангоутом UAMN 5-1934-2167 и штевнем UAMN 3-1934-3877 из археологического раскопа Куклик*
Рисунки и фото Е. Анищенко

The cross piece is a slender elongated frame with a width of 5.5 cm at the widest point in the middle and 2 cm at its narrow ends (fig. 14 B). The ends were carved at 4 cm from the tip to fit over the bottom chines. Two sets of holes piercing the timber diagonally from its underside to the side indicate that the frame was lashed to the 10 cm wide keel. With minor variations, most of the bottom cross timbers from Kukulik follow the same design and vary in size between 27 and 71 cm in length and 3.5 and 8 cm in width. Identical shape of open skin boat cross-bottom timbers can also be found in early 20th century umiak models from Chukotka, Russia.

Kukulik angyapik side ribs are represented by 14 artefacts. Judging by the spatial distribution, six of them belonged to the same angyapik dating from the early to mid-19th century (UAMN 5-1934-2169, 2170, 2171, 2172, 2174/57 and 2176/77. The ribs are 60 cm long and 6–7 cm wide, rectangular in profile with a slight curve carved on top and the bottom to fit over the gunwale and lashing holes at each end to secure the joint. A single rectangular opening, 8 cm long and 1 cm deep is carved on the inward facing surface of the rib for side chine (fig. 14 B). This design was apparently used in different St. Lawrence Island locations from at least the 15th century AD, since a single rib fragment of the same appearance was excavated by Moreau Chambers in 1933 at the Miyowagh site (NMNH A371150). In the larger geographical context, a stringer notch carved into ribs is a rather unusual feature. Outside of St. Lawrence Island this element is known from only two other locations: Siberia's Chukotka Peninsula and Greenland.

In addition to paddles, Kukulik angyapiks were propelled by oars. Oar technology is represented by a single miniature oar UAMN 1-1935-3680 and a number of both full-scale and miniature examples of oar locks. Oar lock assembly consisted of two parts: wooden blocks with pegs which received oars and braces with sockets which were lashed to angyapik gunwales and into which oarlock pegs were inserted (fig. 15). Geist writes:

> *Oar locks and sockets of this kind were used on St. Lawrence Island until recently. The tendency now is to use metal oar locks. Old Eskimo say that these were not known before the advent of the white men, as previous to that time all boats were paddled and not rowed. The majority of the specimen in the*

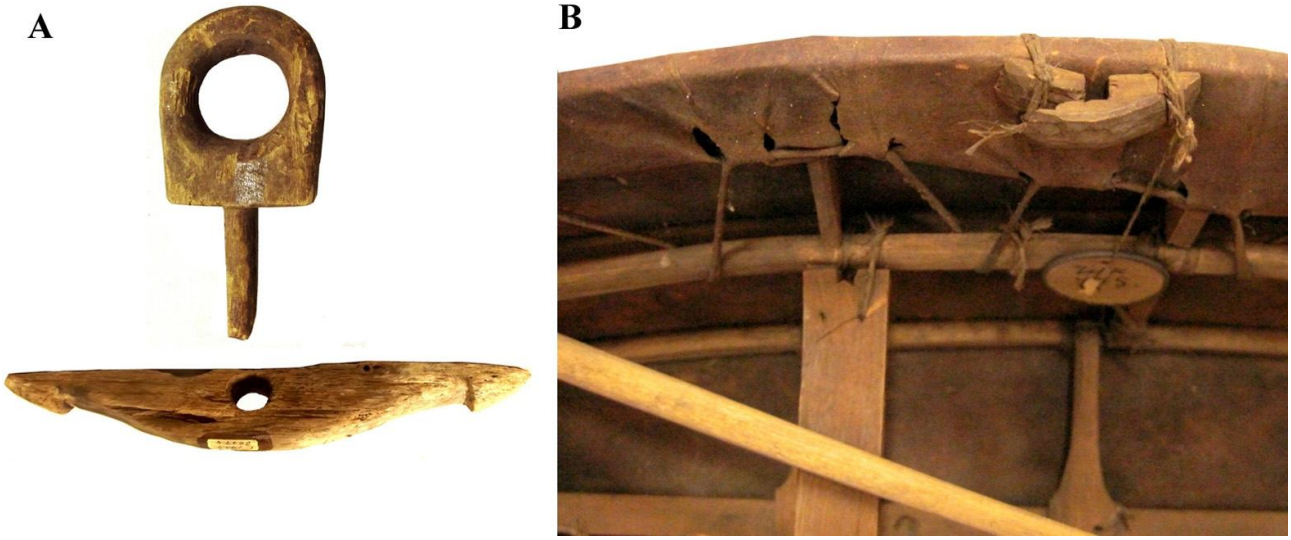

Fig. 15. St. Lawrence angyapik oar attachment system: *A – Oar socket UAMN 3-1934-2562 with brace UAMN 1-1933-6647G, Kukulik, University of Alaska Museum of the North; B – detail of Siberian Yupik umiak model 2083-64 showing gunwales with lashed brace for oar socket, Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg.* ***Photos by E. Anichtchenko***

Рис. 15. Система крепления длинного весла в ан'япике острова Св. Лаврентия: *А – ключина UAMN 3-1934-2562 со скобой (UAMN 1-1933-6647G, Кукулик, Музей Севера, Университет Аляски); В – крепление ключины в моделе байдары сибирских юпиков (2083-64, Русский Этнографическиц Музей, Санкт-Петербург, Россия)*

Фото Е. Анищенко

collection are made from oak and, as Nelson points out, were probably copied from those seen on whaling vessels (Geist and Reiney, 1936. P. 121).

The stratigraphic positioning of all Kukulik oarlock artefacts is consistent with this assessment. None of these artefacts can be reliably placed into a temporal context predating contact with non-native newcomers.

Use of sail technology is attested by ivory and bone rigging hooks (UAMM 1-1934-3631, UA2-1934-2463) and two mast steps (UAMN 1-1933-0632 and UA 5-1934-2162). The shape of mast step UAMN 1-1933-0632 resembles the above-mentioned oar lock gunwale cleats, but the round opening is slightly larger and is not carved all the way through (fig. 16 top). Mast steps of this design are known from ethnographic models from Chukotka in which they were lashed to the boat's bottom cross piece (see, for example, Russian Ethnographic Museum Chukchi umiak model 2083–6632 collected in Anadyr region in 1904–1907). St. Lawrence Island mast steps may have

Fig. 16. Angyapik mast steps: *top – UA 1-1933-0632, Kukulik East slope, recent meat cache; bottom – Whale bone mast step purchased by Riley Moore on St. Lawrence Island, Alaska in 1912. NMNH E280347.* ***Photos by E. Anichtchenko***

Рис. 16. Крепления для основания мачты: *вверху – деревянное крепление UA 1-1933-0632, Кукулик, восточный склон, хранилище мяса, 19-й век; внизу – крепление из китовой кости NMNH E280347, приобретенное Райли Муром на острове Св. Лаврентия в 1912-м году.* ***Фото Е. Анищенко***

had several different designs. A mast step collected by Riley Moore in 1912, for instance, is square and made out of whale bone (fig. 16 bottom). All mast steps and rigging hooks in Kukulik artefact assemblage were found in "recent" stratigraphic layers.

In sum, St. Lawrence archaeological data provides insight into 600 years of open skin boat use and technological development, from approximately the 1200s AD to 1880 AD. Angyapik miniatures suggest that boat designs may have undergone various changes. Excavated boat frames reveal that the prehistoric St. Lawrence angyapik was a large boat, measuring to 60–70 cm in height and up to at least 71 cm at the maximum bottom width. The length of the boat is harder to estimate. St. Lawrence Island angyapiks were propelled by all three methods: paddles, oars and sail. The exact timing of the introduction of oars and sail cannot be precisely established at this time, but a ^{14}C analysis of oar locks and mast steps from the Kukulik site may shed light on this question in the future.

Conclusion: St. Lawrence angyapik chronology and geographical typology

The analysis of St. Lawrence skin boat data extends our understanding of this technology by about a millennium, taking it from ethnographic time to circa the 11th century AD. It appears that over time angyapiks underwent some changes, but that the basic construction may have not changed significantly between circa the 1400s AD and the second half of the 19th century when intensified contacts with commercial whalers fostered a switch to round-bottomed angyapiks.

The combination of ethnographic and archaeological data demonstrates that in terms of constructional details (stringer notches in side ribs, shape and lashing pattern of bottom cross-timber, mast step configuration) and ritualistic treatment (paddle designs rendered with whale eye liquid, moon worshipping ceremony) St. Lawrence angyapiks were aligned with open skin boats of Chukotka. At the same time, Kukulik "boat idol" and bead decoration in the headboard from Gambell indicate that angyapiks were ritualistically embedded and that skin covers of St. Lawrence angyapiks in the past may have been decorated with animal designs, similar to ethnographically known boats of the Central Yupik people. Such "bi-coastal" influences may have resulted from regular exposure to the cultural and technological traditions of both Siberian and Alaskan costs of Bering Strait. This recognition, in turn, invites a greater awareness of skin-covered watercraft and practice of indigenous seafaring in the Bering Sea region and the Arctic and subarctic zones in general. As agents and artefacts of interregional mobility, indigenous skin boats are not static reflections of people's adaptations to particular environmental conditions and subsistence requirements, but a dynamic record of socio-political exchanges and logistics of mobile maritime societies. Understanding this record is essential for comprehension of prehistoric and recent coastal cultures and maritime networks of Alaska and the circumpolar north in general.

References

Ackerman, R. E. 1962, Culture contact in the Bering Sea: Birnirk-Punuk period, *Prehistoric cultural relations between the Arctic and Temperate Zones of North America,* Montreal: Arctic Institute of North America Technical Paper, No. 11, p. 27–34.

Adney, E. T. and Chappelle, H. I. 2007, *Bark canoes and skin boats of North America*. New York: Skyhorse Publishing, 256 p.

Ainana, L., Tatyga, V., Typykhkak, P. and Zagrebin, I. 2003, *Umiak, The Traditional Skin Boat of the Coast Dwellers of the Chukchi Peninsula*. Compiled in the Communities of Provideniya and Sireniki, Chukotka Autonomous Region, Russia. Anchorage: National Park

Библиографический список

Ackerman, R. E. 1962, Culture contact in the Bering Sea: Birnirk-Punuk period, *Prehistoric cultural relations between the Arctic and Temperate Zones of North America,* Montreal: Arctic Institute of North America Technical Paper, No. 11, p. 27–34.

Adney, E. T. and Chappelle, H. I. 2007, *Bark canoes and skin boats of North America*. New York: Skyhorse Publishing, 256 p.

Ainana, L., Tatyga, V., Typykhkak, P. and Zagrebin, I. 2003, *Umiak, The Traditional Skin Boat of the Coast Dwellers of the Chukchi Peninsula*. Compiled in the Communities of Provideniya and Sireniki, Chukotka Autonomous Region, Russia. Anchorage: National Park

Service Shared Beringian Heritage Program, 79 p.

Alix, C., Mason, O., Norman L. 2018, Whales, wood and baleen in Northwestern Alaska – reflection on whaling through wood and boat technology at the rising whale site, Korean Prehistoric Art II, Whale on the Rock, Ulsan: Ulsan Petroglyph Museum, p. 41–68.

Anderson, D. D. 1978, Western Arctic and Subarctic, *Chronologies in New World archeology*, New York: Academic Press, p. 29–50.

Anichtchenko, E. V. 2017, Reconstructing the St. Lawrence Island kayak: from forgotten watercraft to a Bering Sea Maritime Network, *Alaska Journal of Anthropology*, Volume 15, # 1&2, p. 25–48.

Anichtchenko, E.V. 2016b, Indigenous sailing in the Arctic, *Marine Ventures: archaeological perspectives on human-sea relations. Proceedings from the Marine Ventures symposium in Trondheim 2013.* Sheffield: Equinox Publishing, p. 287–302.

Arima, E. Y. 1999, Barkless Barques, *The Canoe in Canadian Cultures,* Ottawa: Natural Heritage/Natural History Inc, p. 43–61.

Bandi, H-G. 1969, *Eskimo prehistory.* Fairbanks: University of Alaska Press, 236 p.

Bernardi, S. R. 1912, "Whaling with Eskimos of Cape Prince of Wales: woman teacher of local nativity writes of the sport of the sea and attendant weird customs among the aborigines of Alaska*, Louisville Courier Journal*, October 20, Sect. 4, p. 1, 12.

Blumer, R. 2002, Radiochronological assessment of neo-Eskimo occupations on St. Lawrence Island, Alaska, *Archaeology in the Bering Strait region, University of Oregon Anthropological Papers No. 59,* Eugene: Department of Anthropology and Museum of Natural History, University of Oregon, p. 61–106.

Bogoras, W. 1909, *The Chukchee: social organization. Memoirs of the American Museum of Natural History,* Vol. 11, Part 3. New York: E. J. Brill & G. E. Stechert & Co, p. 733.

Braund, S. R. 1988, *The skin boats of Saint Lawrence Island, Alaska*. Seattle: University of Washington Press, 141 p.

Bronshtein, M. M. and Dneprovsky, K. A. 2009, Archaeology at Ekven, Chukotka, *Gifts from the ancestors: ancient ivories of Bering Strait,* New Haven and London: Yale University Press, p. 94–95.

Carius, H. S. 1979, *Sevukakmet: Ways of Life on St. Lawrence Island*. Anchorage, Alaska: Alaska Pacific University Press, p. 46.

Choris, L. 1822, *Voyage pittoresque autour du monde, avec des portraits de sauvages d'Amérique, d'Asie, d'Afrique, et des îles du Grand Océan; des paysages, des vues maritimes, et plusieurs objets d'histoire naturelle; accompagné de descriptions par m. le Baron Cuvier, et m. A. de Chamisso, et d'observations sur les crânes humains, par*

Service Shared Beringian Heritage Program, 79 p.

Alix, C., Mason, O., Norman L. 2018, Whales, wood and baleen in Northwestern Alaska – reflection on whaling through wood and boat technology at the rising whale site, Korean Prehistoric Art II, Whale on the Rock, Ulsan: Ulsan Petroglyph Museum, p. 41–68.

Anderson, D. D. 1978, Western Arctic and Subarctic, *Chronologies in New World archeology*, New York: Academic Press, p. 29–50.

Anichtchenko, E. V. 2017, Reconstructing the St. Lawrence Island kayak: from forgotten watercraft to a Bering Sea Maritime Network, *Alaska Journal of Anthropology*, Volume 15, # 1&2, p. 25–48.

Anichtchenko, E.V. 2016b, Indigenous sailing in the Arctic, *Marine Ventures: archaeological perspectives on human-sea relations. Proceedings from the Marine Ventures symposium in Trondheim 2013.* Sheffield: Equinox Publishing, p. 287–302.

Arima, E. Y. 1999, Barkless Barques, *The Canoe in Canadian Cultures,* Ottawa: Natural Heritage/Natural History Inc, p. 43–61.

Bandi, H-G. 1969, *Eskimo prehistory.* Fairbanks: University of Alaska Press, 236 p.

Bernardi, S. R. 1912, "Whaling with Eskimos of Cape Prince of Wales: woman teacher of local nativity writes of the sport of the sea and attendant weird customs among the aborigines of Alaska*, Louisville Courier Journal*, October 20, Sect. 4, p. 1, 12.

Blumer, R. 2002, Radiochronological assessment of neo-Eskimo occupations on St. Lawrence Island, Alaska, *Archaeology in the Bering Strait region, University of Oregon Anthropological Papers No. 59,* Eugene: Department of Anthropology and Museum of Natural History, University of Oregon, p. 61–106.

Bogoras, W. 1909, *The Chukchee: social organization. Memoirs of the American Museum of Natural History,* Vol. 11, Part 3. New York: E. J. Brill & G. E. Stechert & Co, p. 733.

Braund, S. R. 1988, *The skin boats of Saint Lawrence Island, Alaska*. Seattle: University of Washington Press, 141 p.

Bronshtein, M. M. and Dneprovsky, K. A. 2009, Archaeology at Ekven, Chukotka, *Gifts from the ancestors: ancient ivories of Bering Strait,* New Haven and London: Yale University Press, p. 94–95.

Carius, H. S. 1979, *Sevukakmet: Ways of Life on St. Lawrence Island*. Anchorage, Alaska: Alaska Pacific University Press, p. 46.

Choris, L. 1822, *Voyage pittoresque autour du monde, avec des portraits de sauvages d'Amérique, d'Asie, d'Afrique, et des îles du Grand Océan; des paysages, des vues maritimes, et plusieurs objets d'histoire naturelle; accompagné de descriptions par m. le Baron Cuvier, et m. A. de Chamisso, et d'observations sur les crânes humains, par*

m. le Docteur Gall. Par m. Louis Choris, peintre. Paris: De l'Imprimerie de Firmin Didot, 149 p.

Collins, H. B. 1937, *Archaeology of St. Lawrence Island, Alaska*, Washington, D.C: Smithsonian Miscellaneous Collections, 96 (1), 431 p.

Crowell, A. 1985, *Archaeological survey and site condition assessment of Saint Lawrence Island, Alaska, August 1984*, Washington, D.C.: Department of Anthropology, Smithsonian Institution, 122 p.

Dumond, D. 2009, Chronology of Bering Strait cultures, *Gifts from the ancestors: ancient ivories of Bering Strait*. Haven and London: Yale University Press, p. 70–77.

Elliott, H. W. 1875, *A Report upon the condition of affairs in the territory of Alaska*. Washington: Government Print Office, 277 p.

Elliott, H. W. 1886, *Our Arctic Province: Alaska and the Seal Islands. Library of Contemporary Exploration and Adventure,* New York: Charles Scribner's Sons, 473 p.

Fair, S. W. 2005, The northern umiak: shelter, boundary, identity, *Perspectives in Vernacular Architecture,* Issue 10, p. 233–248.

Fitzhugh, B. 2016, The origins and development of Arctic maritime adaptation, , *The Oxford handbook of the prehistoric Arctic*, Oxford University Press, p. 253–278.

Geist, O. and Reiney, F.G. 1936, *Archaeological Excavation at Kukulik, St. Lawrence Island*, *Alaska*, Washington, D.C.: U.S. Government printing office, 391 p.

Jensen, J. F. 2003, Coastal Plains Towards the Polar Sea – The Eastern Shore of Peary Land. *Northernmost Ruins of the Globe. Egil Knuth's Archaeological Investigations in Peary Land and Adjacent Areas of High Arctic Greenland*, Copenhagen: Meddelelser om Grønland, Man and Society 29, Danish Polar Center, p. 209–218.

Koonooka, P. M. 2010, St. Lawrence Island Yupik, *Living our cultures, sharing our heritage*. *The First Peoples of Alaska*, Washington, DC: Smithsonian Books, p. 73–81.

Kotzebue, O. 1967, *A voyage of discovery into the South Sea and Beering's Straits*. Amsterdam, N. Israel; New York, Da Capo, 358 p.

Krupnik, I. and Chlenov, M. A. 2013, *Yupik Transition,* Fairbanks: University of Alaska Press, 391 p.

Krupnik, I. and Krutak, L. 2002, *Akuzilleput Igaqullghet, Our Words Put to Paper: Sourcebook in St. Lawrence Island Heritage and History.* Washington D.C.: Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, 463 p.

Luukkanen, H., Fitzhugh, W. and Anichtchenko, E. 2020, *The Bark Canoes and Skin Boats of Northern Eurasia*, Washington DC: Smithsonian Books, 276 p.

Mason, O. K. 2016, The Old Bering Sea florescence about Bering Strait, *The Oxford handbook of the prehistoric Arctic*, Oxford University Press, p. 417–442.

Merck, C. H. 1980, *Siberia and Northwestern America, 1788–1792: the Journal of Carl Heinrich Merck, naturalist with the Russian scientific expedition led by captains Joseph*

m. le Docteur Gall. Par m. Louis Choris, peintre. Paris: De l'Imprimerie de Firmin Didot, 149 p.

Collins, H. B. 1937, *Archaeology of St. Lawrence Island, Alaska*, Washington, D.C: Smithsonian Miscellaneous Collections, 96 (1), 431 p.

Crowell, A. 1985, *Archaeological survey and site condition assessment of Saint Lawrence Island, Alaska, August 1984*, Washington, D.C.: Department of Anthropology, Smithsonian Institution, 122 p.

Dumond, D. 2009, Chronology of Bering Strait cultures, *Gifts from the ancestors: ancient ivories of Bering Strait*. Haven and London: Yale University Press, p. 70–77.

Elliott, H. W. 1875, *A Report upon the condition of affairs in the territory of Alaska*. Washington: Government Print Office, 277 p.

Elliott, H. W. 1886, *Our Arctic Province: Alaska and the Seal Islands. Library of Contemporary Exploration and Adventure,* New York: Charles Scribner's Sons, 473 p.

Fair, S. W. 2005, The northern umiak: shelter, boundary, identity, *Perspectives in Vernacular Architecture,* Issue 10, p. 233–248.

Fitzhugh, B. 2016, The origins and development of Arctic maritime adaptation, , *The Oxford handbook of the prehistoric Arctic*, Oxford University Press, p. 253–278.

Geist, O. and Reiney, F.G. 1936, *Archaeological Excavation at Kukulik, St. Lawrence Island*, *Alaska*, Washington, D.C.: U.S. Government printing office, 391 p.

Jensen, J. F. 2003, Coastal Plains Towards the Polar Sea – The Eastern Shore of Peary Land. *Northernmost Ruins of the Globe. Egil Knuth's Archaeological Investigations in Peary Land and Adjacent Areas of High Arctic Greenland*, Copenhagen: Meddelelser om Grønland, Man and Society 29, Danish Polar Center, p. 209–218.

Koonooka, P. M. 2010, St. Lawrence Island Yupik, *Living our cultures, sharing our heritage*. *The First Peoples of Alaska*, Washington, DC: Smithsonian Books, p. 73–81.

Kotzebue, O. 1967, *A voyage of discovery into the South Sea and Beering's Straits*. Amsterdam, N. Israel; New York, Da Capo, 358 p.

Krupnik, I. and Chlenov, M. A. 2013, *Yupik Transition,* Fairbanks: University of Alaska Press, 391 p.

Krupnik, I. and Krutak, L. 2002, *Akuzilleput Igaqullghet, Our Words Put to Paper: Sourcebook in St. Lawrence Island Heritage and History.* Washington D.C.: Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, 463 p.

Luukkanen, H., Fitzhugh, W. and Anichtchenko, E. 2020, *The Bark Canoes and Skin Boats of Northern Eurasia*, Washington DC: Smithsonian Books, 276 p.

Mason, O. K. 2016, The Old Bering Sea florescence about Bering Strait, *The Oxford handbook of the prehistoric Arctic*, Oxford University Press, p. 417–442.

Merck, C. H. 1980, *Siberia and Northwestern America, 1788–1792: the Journal of Carl Heinrich Merck, naturalist with the Russian scientific expedition led by captains Joseph*

Billings and Gavriil Sarychev. Kingston, Ontario: Limestone Press, 215 p.

Moore, R. D. 1928, Notes on St. Lawrence Island. *American Anthropologist*, Volume 30, # 2, p. 349–350.

Nelson, E. W. 1889, *The Eskimo about Bering Strait*. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 518 p.

Oozeva, C. 1985, How walrus-skin boats were made, *Sivuqam Nangaghnegha Siivanllemta Ungipaqellghat: lore of St. Lawrence Island, echoes of our Eskimo elders*, *Gambell*, Unalakleet, Alaska: Bering Strait School District, Volume 1, p. 167–169.

Sarychev, G. 1969, *Account of a voyage of discovery to the North-East of Siberia, the Frozen Ocean and the North-East Sea*. Amsterdam: Da Capo Press, 191 p.

Sauer, M. 1972, *Expedition to the northern parts of Russia. Reprint of an account of a Geographical and Astronomical Expedition to the northern parts of Russia in the years 1785 to 1794,* Richmond, UK.: The Richmond Publishing Co, 332 p.

Silook, R.S. 1976, *Seevookuk: Stories the Old People Told on St. Lawrence Island*. Anchorage, Alaska Publisher Company.

Slwooko, G. 1979, *Sivuqam Ungipaqhaatangi: St. Lawrence Island Legends*, Anchorage, Alaska, National Bilingual Materials Development Center, University of Alaska.

Anichtchenko, E.V. and Crowell, A.L. 2010, Suqpiaq baidaras according to archaeological and ethnographic data. *Etnografiya i arkheologiya korennogo naseleniya Ameriki = Ethnography and archaeology of the indigenous population of America.* St. Petersburg: Nauka, p. 198–227.

Antropova, V.V. 1961. Boats. *Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri = Historical-Ethnographic Atlas of Siberia.* Moscow, Leningrad. P. 107–129.

Bogoslovsky, S. 2004, "Ang'yapik-Umiak" (reconstruction of Eskimo baidara with author's detailed blueprints, drawings and photos). *Severnye Prostory, spetsvypusk "Beringiya" = Northern Expanses, special issue "Beringia"*. No 1–2.

Bronshtein, M. M. 2007, The world of Arctic animal hunters: steps into the unknown. Moscow-Anadyr: The State Museum of Oriental Art. 215 p.

Chlenov, M.A. 1988, Ecological Factors of Ethnic History of the Bering Strait Area. *Ekologiya amerikanskikh indeitsev i eskimomov. Problemy indeanistiki = Ecology of American Indians and Eskimos. Problems of Indian Studies.* Moscow: Nauka. P. 64–75.

Kotzebue, O. 1821–1823, Voyage to the Southern Ocean and Bering Strait for the purpose of finding North-Eastern Passage undertaken with the support of Duke Rumiantsev on the ship *Rurik* under the command of naval lieutenant Kotzebue in the years 1815, 16,17 and 18. St. Petersburg: Nick. Grech. 358 p.

Billings and Gavriil Sarychev. Kingston, Ontario: Limestone Press, 215 p.

Moore, R. D. 1928, Notes on St. Lawrence Island. *American Anthropologist*, Volume 30, # 2, p. 349–350.

Nelson, E. W. 1889, *The Eskimo about Bering Strait*. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 518 p.

Oozeva, C. 1985, How walrus-skin boats were made, *Sivuqam Nangaghnegha Siivanllemta Ungipaqellghat: lore of St. Lawrence Island, echoes of our Eskimo elders*, *Gambell*, Unalakleet, Alaska: Bering Strait School District, Volume 1, p. 167–169.

Sarychev, G. 1969, *Account of a voyage of discovery to the North-East of Siberia, the Frozen Ocean and the North-East Sea*. Amsterdam: Da Capo Press, 191 p.

Sauer, M. 1972, *Expedition to the northern parts of Russia. Reprint of an account of a Geographical and Astronomical Expedition to the northern parts of Russia in the years 1785 to 1794,* Richmond, UK.: The Richmond Publishing Co, 332 p.

Silook, R.S. 1976, *Seevookuk: Stories the Old People Told on St. Lawrence Island*. Anchorage, Alaska Publisher Company.

Slwooko, G. 1979, *Sivuqam Ungipaqhaatangi: St. Lawrence Island Legends*, Anchorage, Alaska, National Bilingual Materials Development Center, University of Alaska.

Анищенко Е.В., Кроуэлл А. Байдары тихоокеанских эскимосов по данным археологии и этнографии // Этнография и археология коренного населения Америки. СПб. : Наука, 2010. С. 198–227.

Антропова В.В. Лодки // Историко-этнографический атлас Сибири. М., Л., 1961. С. 107–129.

Богословский С. **«**Ан'япик-Умиак**»** (реконструкция эскимосской байдары, авторские подробные схемы изготовления в рисунках и фотографиях) // Северные Просторы, спецвыпуск "Берингия". 2004. № 1–2.

Бронштейн М.М. Мир арктических звероловов: шаги в непознанное. М.; Анадырь: Государственный музей Востока, 2007. 215 с.

Членов М.А. Экологические факторы этнической истории района Берингова пролива // Экология американских индейцев и эскимомов. Проблемы индеанистики. М.: Наука, 1988. С. 64–75.

Коцебу О.Е. Путешествие в Южный Океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 16, 17 и 18 годах, иждивением гр. Румянцева, на корабле Рюрике под начальством флота лейтенанта Коцебу. СПб.: Типография Ник. Греча, 1821–1823. 358 с.

Information about the author
Evguenia V. Anichtchenko,
PhD, Museum of the North research associate,
University of Alaska,
7009 Madelynne Way, Anchorage, AK 99504, USA,
✉ e-mail: anichenkojenya@gmail.com

Contribution of the authors

E.V. Anichtchenko conducted original research work in the US museums and archives, prepared the manuscript and illustrations for this publication, and submitted the final version for the review.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info
Received November 17, 2020.
Received December 10, 2020.
Accepted December 21, 2020.

Сведения об авторе
Анищенко Евгения Викторовна,
доктор исторических наук, научный консультант Музея Севера,
Университет Аляски,
7009 Madelynne Way, Anchorage, AK 99504, USA,
✉ e-mail: anichenkojenya@gmail.com

Заявленный вклад авторов

Е.В. Анищенко выполнила исследовательскую работу в музеях и архивах США, на основании которых была написана эта научная работа. Автор подготовила рукопись и иллюстрации и предоставила их к публикации.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье
Поступила в редакцию 17 ноября 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 10 декабря 2020 г.
Принята к публикации 21 декабря 2020 г.

Оригинальная статья / Original article
УДК 902;39
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-70-85

Институализация археологии в Иркутске: палеоэтнологическая секция ВСОРГО (1925–1929)

© А.А. Сирина

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аннотация: В статье исследуется история институционального становления археологической науки в Иркутске в 1920-е годы. Особое внимание уделено палеоэтнологической секции Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРГО**)**, созданной в 1925 г. и укрупненной в 1929 г. На основании анализа архивных материалов, прежде всего, протоколов заседаний палеоэтнологической секции, рассматриваются ее деятельность и основные достижения: соединение археологических, антропологических и этнографических исследований, введение плановости в археологические работы, активизация археологических раскопок, совершенствование методики раскопок, обмен научной информацией, публикация научных трудов, взаимодействие с Иркутским университетом. Наряду с именем Бернгарда Эдуардовича Петри, основателя иркутской школы археологов и этнографов, автор выделяет имена К.П. Головкина, беженца из Самары, который вместе с Б.Э. Петри был учредителем Археологической комиссии, предшественницы палеоэтнологической секции, и А.В. Попова, беженца из Оренбурга, первого председателя палеоэтнологической секции. На основании писем А.В. Попова к В.А. Городцову приоткрылись непростые взаимоотношения в иркутской научной среде. Особое внимание в статье уделено поискам палеолитических местонахождений иркутскими археологами в 1920-е годы, становлению профессиональных археологов и антропологов Г.Ф. Дебеца и М.М. Герасимова. Археологическими исследованиями иркутских археологов были охвачены обширные территории Прибайкалья. Раскопки в Красноярске, Забайкалье и на Дальнем Востоке давали сравнительные материалы. В.И. Сосновский, Б.Э. Петри, В.И. Подгорбунский, А.В. Попов пытались отождествить определенные археологические комплексы с границами этнических групп, т. е. работали над проблемами этногенеза (этногении в терминах того времени). В конце 1920-х гг. были сформированы перспективные планы научных исследований, однако репрессии 1930-х годов не позволили им реализоваться.

Ключевые слова: Иркутск, палеоэтнологическая секция, ВСОРГО, университет, Б.Э. Петри, К.П. Головкин, А.В. Попов, институализация археологии, Иркутская народоведческая школа 1920-х годов

Для цитирования: Сирина А.А. Институализация археологии в Иркутске: палеоэтнологическая секция ВСОРГО (1925–1929) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 70–85. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-70-85

Institutionalization of Archeology in Irkutsk: Paleoethnological Section of the VSORGO (1925–1929)

© Anna A. Sirina

Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: The article examines the history of the institutional formation of archaeological science in Irkutsk in the 1920s. Particular attention is paid to the paleoethnological section of the East Siberian Branch of the Russian Geographical Society, created in 1925 and enlarged in 1929. Based on the analysis of archival materials, primarily the minutes of the meetings of the paleoethnological section, its activities and main achievements are considered: a combination of archaeological, anthropological and ethnographic research, the introduction of planning in archaeological work, the intensification of archaeological excavations, the improvement of excavation techniques, the exchange of scientific information, the publication of scientific papers, interaction with the Irkutsk University. Along with the name of Bernhard Eduardovich Petri, the founder of the Irkutsk school of archaeologists and ethnographers, the author highlights the names of K.P. Golovkin, a refugee from Samara, who, together with B.E. Petri was the founder of the Archaeological Commission, the forerunner of the paleoethnological section, and

A.V. Popov, a refugee from Orenburg, the first chairman of the paleoethnological section. Based on the letters of A.V. Popov to V.A. Gorodtsov revealed the difficult relationship in the Irkutsk scientific community. Particular attention is paid to the search for Paleolithic sites by Irkutsk archaeologists in the 1920s, the formation of professional archaeologists and anthropologists G.F. Debets and M.M. Gerasimov. Archaeological research of Irkutsk archaeologists covered vast territories of the Baikal region. Excavations in Krasnoyarsk, Transbaikalia and the Far East provided comparative materials. V.I.Sosnovsky, B.E. Petri, V.I. Podgorbunsky, A.V. Popov tried to identify certain archaeological complexes with the boundaries of ethnic groups, i.e. worked on the problems of ethnogenesis (ethnogeny in terms of that time). At the end of the 1920s. promising plans for scientific research were formed, but the repressions of the 1930s did not allow them to be realized.

Keywords: Irkutsk, paleoethnological section, ESBRGS, university, B.E. Petri, K.P. Golovkin, A.V. Popov, institutionalization of archeology, Irkutsk School of archaeological and ethnological studies of the 1920s

For citation: Sirina A.A. (2020) Institutionalization of Archeology in Irkutsk: Paleoethnological Section of the VSORGO (1925–1929). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 70–85. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-70-85

Введение

Археология в России оформилась как самостоятельная наука в конце XIX в., но в Иркутске это произошло в 1920-х годах и обычно связывается с именем Бернгарда Эдуардовича Петри. На рубеже 1910–1920-х гг. были созданы и другие сибирские археологические центры, у истоков которых тоже стояли ученики Ф.К. Волкова – С.И. Руденко, С.А. Теплоухов, А.К. Иванов (Китова, 2007. С. 7–70).

Б.Э. Петри называют родоначальником «иркутской школы археологов» (Медведев, 2013), «палеоэтнологической школы» (Пержакова, 2009), «археологической и этнографической школы» (Сирина, 1999; Сирина, 2013). Иркутские археологи в 1920-е годы использовали следующие термины для названия своей дисциплины: история первобытной культуры, народоведение, доисторическая археология, доистория. Эти термины употреблялись как синонимы. Какая же школа была основана в Иркутске и почему термин «палеоэтнология» впервые появился в названии секции, созданной во ВСОРГО в 1925 г.?

Принесенная Ф.К. Волковым на российскую почву палеоэтнология адаптировалась к российским реалиям. К 1920-м годам существовала московская палеоэтнологическая школа Б.С. Жукова; ленинградская, связанная с именами П.П. Ефименко, А.А. Миллера, С.А. Теплоухова, С.И. Руденко и др. (Платонова, 2009)[1]. Н.И. Платонова так характеризует теоретико-методологическую платформу палеоэтнологического направления в археологии: «…важнейшее требование, выдвинутое учёными 1920-х – параллельность археологического, этнографического и антропологического обследования каждого конкретного региона (этот план всестороннего изучения населения явился научным завещанием Д.Н. Анучина). Создание корпуса эталонных источников предполагало совершенствование полевой методики. <…> Для палеоэтнологического направления было характерно повышенное внимание к географической среде обитания древнего человека, а также к технике изготовления и функциям археологических предметов. Особо следует упомянуть усиление интереса к массовому материалу и введение понятия «цельного комплекса», а также первые в мире опыты статистической обработки материала и комбинаторики в археологии. Ключом к расшифровке загадок археологии представлялось палеоэтнологам изучение «динамики культуры» на материале живой этнографической общности» (Платонова, 2009)[2].

Иркутяне, несомненно, следили за тенденциями развития столичной археологии. Палеоэтнология не была новой дисциплиной, скорее ее

[1] Платонова Н.И. История археологической мысли в России (последняя треть XIX – первая треть XX в.) : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009. 322 с.
[2] Там же.

можно назвать методикой археологических исследований. Использование этого термина иркутскими археологами подчеркивало особый интерес к палеолитическому периоду (но не только к нему), дистанцировало от этнологической секции ВСОРГО, ведущей исследования русской этнографии и фольклора, а также подчеркивало связь с «первобытной этнографией» и естественнонаучными дисциплинами, и особенно физической антропологией, геологией, палеонтологией и географией. Петри не оставил трудов теоретического характера, но его научно-популярную работу «Далекое прошлое Прибайкалья» можно рассматривать своего рода визитной карточкой этого направления (Петри, 1928). В данной статье на основании анализа архивных материалов – протоколов заседаний палеоэтнологической секции, писем А.В. Попова к В.А. Городцову, дневника Б.А. Куфтина и других архивных и литературных данных будет рассмотрена деятельность этой секции во второй половине 1920-х годов и ее основные результаты, значимые для современного этапа развития археологии.

Рис. 1. Бернгард Эдуардович Петри (1884–1937)
Fig. 1. Berngard Eduardovich Petri (1884–1937)

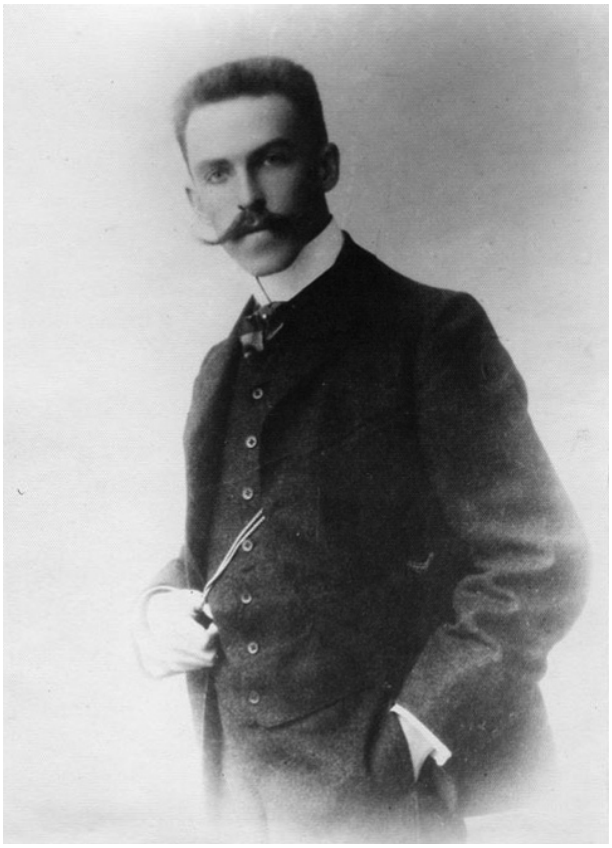

Рис. 2. Константин Павлович Головкин (1873–1925)
Fig. 2. Konstantin Pavlovich Golovkin (1873–1925)

Предыстория создания секции палеоэтнологии

Профессиональный археолог и этнограф, академический музейный работник, приехавший в Иркутск из Петрограда в 1917 г., Б.Э. Петри (1884–1937) был основателем кафедры первобытной культуры в Иркутском университете (1918) и студенческого кружка «Народоведение». Вместе с Б.Э. Петри (рис. 1), стоявшим у истоков институционального оформления археологии в Иркутске, упомяну Константина Павловича Головкина (1873–1925), самарского купца, мецената, коллекционера, археолога, художника, который вследствие революционных событий в России в октябре 1918 г. приехал в Иркутск (рис. 2). В январе 1921 г. по их инициативе была создана Археологическая комиссия (1921–1922), целью которой было объединение всех местных археологов и любителей старины путем составления археологической карты Иркутской губернии, выступлений с рефератами и докладами и взаимному информированию на археологические темы. В течение трех месяцев

Комиссия работала при Иркутском университете, а с апреля перешла под крыло ВСОРГО (Краснощеков, 2004. С. 14). Головкин вернулся в Самару в 1922 г., причем увез с собой археологические и минералогические коллекции, которые сдал в Самарское общество археологии, истории, этнографии и естествознания (Едидович, 2007).

В университете и ВСОРГО в те годы происходили постоянные реорганизации. В декабре 1922 г. Археологическая комиссия и этнографическая секция ВСОРГО, созданная в мае 1922 г. М.В. Муратовым, были объединены под названием этнологической секции, председателем которой стал Б.Э. Петри. В сферу ее деятельности входили вопросы археологии, этнографии (преимущественно «туземной») и физической антропологии. Учитывая тенденцию первой половины 1920-х годов считающей этнологию всеобъемлющей наукой, очевидно, что при создании новой секции она понималась широко, по подобию общей антропологии в США, включавшей в себя автономные, но взаимосвязанные дисциплины археологию, физическую антропологию, этнографию, лингвистику (в российском варианте еще историю и фольклористику). Иркутские ученые и краеведы собирали материалы по шаманству, демографии, хозяйству, социальной организации, языку у бурят, эвенков, тофаларов. С приездом в Иркутск из Читы М.К. Азадовского в 1924 г. деятельность этнологической секции переориентировалась на этнографию и фольклор русских Сибири (Сирина, 2013. С. 19–25). Археологи и антропологи Иркутска остались без своей площадки для научных встреч и дискуссий.

Учредители и члены палеоэтнологической секции

На организационном собрании 24 февраля 1925 г. иркутские археологи приняли решение о восстановлении секции археологии и антропологии, которую назвали палеоэтнологической секцией, «разумея под этим названием исследование местной доисторической археологии и антропологии» (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. р-565. Оп. 3. Д. 18. Л. 1–2).

Таким образом, археологическое образование, организованное в Иркутском университете, включая студенческую практику, дополнялось археологическими исследованиями, которые велись также в рамках палеоэтнологической секции Восточно-Сибирского отдела РГО (1925–1929). Работа археологов в университете и ВСОРГО шла в тесном взаимодействии. Дополнительная площадка для работы археологов в условиях постоянных структурных реорганизаций в университете, казалось, была некоторой гарантией для укрепления дисциплины.

Учредители мотивировали необходимость создания такой секции «наличием лиц, своими исследованиями доставивших материал, пригодный для построения некоторых схем доистории края», и накопившегося обширного археологического материала. Среди них были люди с большим и непростым жизненным опытом, прошедшие через Гражданскую войну или бежавшие от нее в Иркутск. Большинство представителей старшего поколения имели естественнонаучное университетское образование, причем получили его по преимуществу в Казани и Петербурге. Общий высокий уровень университетского образования позволял профессионально заниматься как археологическими раскопками, так и антропологическими и этнографическими исследованиями.

Бернгарду Эдуардовичу Петри на момент создания секции был 41 год. С 1910 по 1918 гг. он работал в Музее антропологии и этнографии АН в Петербурге. С самого начала карьеры круг его интересов был чрезвычайно широк. Отправившись в этнографическую экспедицию в Прибайкалье к западным бурятам в 1912 г., он открыл неолитическую стоянку Улан-Хада на Байкале. Б.Э. Петри удавалось сочетать занятия археологией и этнографией коренных народов Сибири; благодаря его увлеченности, знаниям, педагогическому таланту в иркутскую археологию пришла молодежь, которую Петри учил видеть «доисторию» Сибири широко.

Но не Бернгард Эдуардович Петри, а 58-летний Александр Владимирович Попов (1867–1937) стал первым председателем секции палео-

этнологии, причем «неизвестно, почему сложился именно такой расклад, был ли он тактическим или имел под собой иное основание» (Сирина, 2019). Работа с письмами А.В. Попова, адресованными московскому археологу, профессору В.А. Городцову, позволила пролить некоторый свет на особенности формирования секции именно в таком виде и на микроклимат отношений в иркутской археолого-этнографической среде. Попов сообщает об этом сдержанно, но из его писем ясно, что между Б.Э. Петри и М.К. Азадовским имелась личная неприязнь и напряженность в отношениях, перенесенная на профессиональную почву. В письме от 20 февраля 1925 г. Попов замечает: «Я лично не принимал участие в его (Б.Э. Петри – *А.С.*) травле, которую он в известной мере заслужил и вызвал; но теперь эта травля приняла личный и хронический характер со стороны лиц, нисколько не стоящих выше его (напр[имер] пр[офессор] Азадовский с К°) и вопрос – что хуже? – снова встает перед местной археологией» (Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 431. Оп. 1. Д. 423. Л. 66 об.–67).

А.В. Попов был нейтральной фигурой, и археология была лишь одним из его научных увлечений. Назначение его председателем секции было либо тактическим ходом, либо стечением обстоятельств. Он окончил медицинский факультет Казанского университета, работал врачом, но много времени уделял археологическим и историческим исследованиям. До революции 1917 г. А.В. Попов был председателем Оренбургской архивной комиссии, членом Оренбургского отдела ИРГО. На родине его помнят и высоко чтут за то, что в тяжелейшие послереволюционные годы ему удалось сохранить Оренбургский архив и библиотеку духовной семинарии. В Иркутске с 1920 г. он работал на кафедре паталогической анатомии Иркутского университета и вел археологические и антропологические исследования (Рубин, Судоргина, 2017; Тугай, 2017). А.В. Попов не был связан с политикой, но политика прошла и через его жизнь: «Один коммунист еще в начале революции говорил: «Теперь живете, как Бог велит, а будете жить, как народ прикажет!». Против «народного моря-окіяна» нельзя идти: пусть пропадом пропадут мои рукописи, труды и… Mundus vult decipici ergo decipiatur («мир желает обманываться, пусть же обманывается» – *А.С.*)». Он хлопотал перед В.А. Городцовым об оставлении в Оренбурге музея и библиотеки, которые планировалось передать Киргизской республике (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 423. Л. 72–73.).

Кроме этих ученых, среди учредителей секции были профессор ИГУ Сергей Николаевич Лаптев (1887–1993), бежавший в Иркутск от Гражданской войны из Казани (Лаптева, Лучников, 2015); Василий Иннокентьевич Подгорбунский (1994–1961), иркутянин, недоучившийся в Казанском университете, в 1923–1925 гг. хранитель археологического и антропологического отделов Иркутского музея, преподаватель Иркутского университета в 1921–1951 гг.; Яков Николаевич Ходукин (1877–1937), политический и общественный деятель и ученый, в 1920-е годы заведующий Иркутским краеведческим музеем (Шободоев, 2000); Василий Иванович Сосновский (1893–1938), хранитель исторического отдела Иркутского музея (1927), библиотечный работник; Георгий Петрович Сосновский (1899–1941), сотрудник Енисейского (Сибирского) музея Приенисейского края в Красноярске (1919–1920), ученик Мергарта и Петри (Китова, 2009), хранитель отдела археологии Иркутского научного музея; Ф.Э. Карантонис – сотрудник художественно-исторического отделения Иркутского музея, инструктор музейного отдела охраны памятников искусства и старины; Георгий Францевич Дебец (1905–1969), с 1924 г. сотрудник археологического отдела музея ВСОРГО; Михаил Михайлович Герасимов (1907–1970), хранитель археологического отдела Иркутского областного музея.

Вот что пишет А.В. Попов по поводу создания секции и своего избрания председателем В.А. Городцову: «Проф. Петри – член секции (имел достаточно такта отказаться от председательства – а то бы гуси раскричались), таким образом он возвращен в лоно археологии. Председателем избран я, тов[арищем] пред[седателя] –

В.И. Подгорбунский, секр[етарем] – В.И. Сосновский… Это дело стоило мне немало нервов – требовалось выделить нашу секцию из другой – этнологической, что встретило крайнее сопротивление, полное озлобления, интриг. Провинциальное болото, хотя и университетское!» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 423. Л. 69 об.).

Первое заседание. Задачи секции в изложении А.В. Попова

Благодаря сохранившимся протоколам палеоэтнологической секции можно воссоздать картину первого заседания. Сначала Б.Э. Петри информировал присутствующих о раскопках П.К. Козлова в Монголии летом 1924 г., об исследовании двух черепов собак неолитического времени с берегов Амура, произведенных проф. Браунером. Затем был заслушан доклад А.В. Попова «О задачах деятельности секции палеоэтнологии». Третьим пунктом повестки дня были текущие дела.

Судя по тезисам доклада, А.В. Попов определил задачу секции как «изображение доисторических культур Восточной Сибири на основании материалов археологии, этнографии и антропологии», с привлечением данных исторической географии, языковедения, геологии, палеонтологии, физической географии. Археология понималась как «наука о вещественных, материальных памятниках доисторической жизни населения». Антропология – как разыскивающая первоначальные антропологические типы и устанавливающая примеси и родство с современными типами. Доистория понималась в «буквальном смысле», косвенно доисторическими обществами считались и современные, не имевшие еще письменности («период истории не наступил еще для некоторых местностей и их населения до сегодня». В то же время подчеркивалось, что «культура <…> т. н. «дикарей» по древности нисколько не уступает, например, европейской культуре; она прошла громадный исторический путь, а «дикари» столь же далеки от первобытности, как и европейцы. Поэтому факты, добытые при исследовании этих наших современников, совершенно немыслимо переносить на первые ступени человеческой культуры» (ГАИО. Ф. р-565. Оп. 2. Ед. хр. 18).

Культура рассматривалась Поповым как прогрессивная и зависящая от изменения форм хозяйственной деятельности. Последние в свою очередь зависели от физико-географических условий и «инстинктивным его (человека – *А.С.*) стремлением к самосохранению и продолжению рода». Таким образом была отмечена географическая и биологическая составляющая в формировании культурных особенностей.

Среди методов исследования истории культуры А.В. Попов назвал метод исторического материализма и эволюционную теорию, он не был сторонником теории диффузионизма. Еще раньше, на одном из заседаний Археологический комиссии, А.В. Попов выступил с докладом «Анатомо-физиологические основы единства типов каменных орудий, находимых в разных странах». На примере форм каменной индустрии в разных районах мира он подчеркивал «единство не только духовного, но и анатомического строения человеческого рода» (Краснощеков, 2004. С. 15).

Археология в протоколах секционных заседаний 1925–1926 годов

На 1 января 1926 г. палеоэтнологическая секция была одной из восьми секций ВСОРГО: этнологической, землеведения, экономической, исторической, историко-литературной, бурят-монгольской, якутской. Всего во ВСОРГО числилось 195 действительных членов и 92 члена-сотрудника. Со 2 марта 1925 г. по 1 января 1926 г. члены секции провели 11 заседаний (исключая летний период) с докладами А.В. Попова, Г.П. Сосновского, Г.Ф. Дебеца, И.И. Веселова об археологической разведке близ с. Лиственичное и демонстрации каменной рыбы (2 июня), А.П. Окладникова об археологических находках на Лене, Ф.К. Карантониса об археологических находках на Илиме, Ксенофонтова – о разведках в Абаканских степях, П.П. Хороших – о новых писаницах на р. Куде и др. С октября 1925 г. товарищем председателя секции стал Б.Э. Петри, секретарем

Г.П. Сосновский. В действительные члены секции был избран П.Г. Полтараднев.

Судя по протоколам заседаний, члены секции планомерно вели сбор и накопление археологических и антропологических материалов (которые сдавали в музеи), т. к. для далеко идущих выводов по построению периодизаций и схем материалов не хватало. Они пытались осмыслить новые находки по датировке, привлекая данные по геологии, палеонтологии, антропологии, этнографии. Так, А.В. Громов определял кости животных из раскопок М.М. Герасимова на палеолитической стоянке под Переселенческим пунктом в Глазково (подвид домашней лошади, бизона, быка и мамонта). А.А. Бялыницкий-Бируля определил кости из раскопок на Верхоленской Горе.

В.И. Сосновский, Б.Э. Петри, В.И. Подгорбунский, А.В. Попов пытались отождествить определенные археологические комплексы с границами этнических групп, т. е. работали над проблемами этногенеза (этногении в терминах того времени).

Летом 1925 г. члены секции работали в экспедициях: В.И. Подгорбунский – в Якутской экспедиции АН по отделу этнографии и археологии; Г.П. Сосновский вел раскопки в Енисейской губернии; Г.Ф. Дебец – по р. Селенге, Я.Н. Ходукин и Ф.Э. Карантонис – по р. Илим; И.И. Веселов – вблизи с. Лиственичного и в устье р. Селенги; Б.Э. Петри совместно с М.М. Герасимовым и Л.Н. Иваньевым – в окрестностях Тулуна, около железнодорожного моста через Ию, около Иннокентьевского завода и на местонахождениях Царь-Девица и Верхоленская Гора; М.М. Герасимов вел раскопки палеолита возле Переселенческого пункта (г. Иркутск); Л.И. Иваньев – разведки по левому берегу р. Ангары вблизи Иркутска. Все члены секции производили раскопки неолитического некрополя около Иркутского железнодорожного вокзала.

Одной из задач секции была публикация подготовленных к печати работ, планировалось выпускать сборник «Доисторическая Сибирь», но средств на публикацию не хватало, нередко ученые вкладывали личные средства. Среди подготовленных к изданию весной 1925 г. упоминались следующие: «Палеолит Верхоленской Горы», «Сибирский неолит», «Керамика неолитического периода Байкальской области», «Опыт классификации праистории Сибири», «К археологии оз. Косогол» Б.Э. Петри; «Доисторическаая археология и современность», «Памяти Савенкова», «Енисейский палеолит» Г.П. Сосновского; «К вопросу об изучении примесей к глине», «Динлины в Сибири», «Доисторические судьбы бурятского племени», «К вопросу о прародине якутов» В.И. Подгорбунского; «Ископаемые остатки животных на Афонтовой Горе» В.И. Громова; «Чудь, как древнейшее население Сибири», «Заметки по истории первобытной культуры» А.В. Попова; «Микроскопический анализ волос из могил по р. Хара в Монголии (раскопки Баллода)» А.Д. Григорьева; «К вопросу об антропологическом типе древнейшего населения Сибири (черепа энеолитического периода Северного Прибайкалья)», «Материалы к изучению бронзового периода в Забайкалье», «Археологический отдел краевого музея и его задачи» Г.Ф. Дебеца; «Археологические заметки по пути в Монголию» С.Н. Лаптева (ГАИО. Ф. р-565. Оп. 1. Д. 57. Л. 5).

На секции поднимались и научно-организационные вопросы, например, о необходимости тщательной регистрации археологического материала, вплоть до того, чтобы не разрешать приступать к новым раскопкам, пока не завершена обработка и регистрация ранее собранного материала, о необходимости принятия специальных мер по охране стоянок, находящихся в городе или непосредственной близости от него.

Свои находки археологи сдавали в музей и на этой основе строили экспозиции, привлекавшие внимание публики. Такая работа приносила свои результаты, поднимая культурный уровень населения и порождая интерес к истории своего края и археологическим раскопкам. В дальнейшем ученые получали помощь в обнаружении новых памятников. Работать приходилось в сложных условиях: пространства музея не хватало, средств тоже. Судя по письму Я.Н. Ходукина к В.А. Городцову от 22 декабря 1924 г., научные сотрудники музея зарплату получали с задержками и не в

полном объеме (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 449. Л. 42 об.).

Благодаря обмену информацией иркутские археологи были хорошо осведомлены о научной жизни коллег, а также делились информацией о новейших публикациях. Так, на заседании секции 8 марта 1925 г. Б.Э. Петри информировал об экспедиции П.К. Козлова в Тибет и о новых раскопках Л. Савицкого. Кроме того, он сообщил информацию о новых книгах по специальности. На секции рассматривалось также ходатайство о предоставлении открытого листа на производство раскопок в Бурят-Монгольской АССР действительного члена ВСОРГО и сотрудника музея Г.Ф. Дебеца. Секция рекомендовала «Дебеца, работающего в области палеоэтнологии в течение 3-х лет, как достаточно подготовленного и компетентного исследователя» (ГАИО. Ф. р-565. Оп. 3. Д. 18. Л. 5). 4 мая 1925 г. на заседании секции была заслушана информация Г.П. Сосновского о работах С.А. Теплоухова в Батенях (Хакасия) и о письме Л. Савицкого; информация Б.Э. Петри об окончании регистрации предметов из раскопок стоянки «Царь-Девица»; М.М. Герасимов информировал о найденном им костяке неолитического времени в иркутском предместье Глазково у церкви.

Археология в протоколах секционных заседаний 1928–1929 годов

В 1928 г. во ВСОРГО числились 302 члена. Общество состояло из 10 секций: экономической, землеведения, этнологической, исторической, историко-литературной, якутской, бурят-монгольской, палеоэтнологической, школьного краеведения, байкальской, и астрономической обсерватории. Всего лишь пять платных сотрудников работали во ВСОРГО, из них три по госбюджету (секретарь, библиотекарь, делопроизводитель) (Сирина, 2013. С. 28).

После А.В. Попова ожидаемо председателем палеоэтнологической секции стал Б.Э. Петри. На заседании Совета ВСОРГО 18 декабря 1928 г. он сделал доклад о деятельности секции за 1928 г. Согласно его докладу, в секции работало 22 чел., было проведено 6 заседаний. Он упомянул полевые археологические раскопки М.М. Герасимова в Мальте летом 1928 г. и поездки вниз по Ангаре Г.М. Константинова. В октябре 1928 г. секция приняла на себя функции Окружной комиссии по охране и учету археологических памятников, составила учетные карточки, наметила план учетных работ, но приостановила эту работу вследствие предложения Иркутского музея передать функции Комиссии одному из отделов музея, который организовал консультационную комиссию по охране и учету археологических памятников. В работе секции нашлось немало недостатков, которые были отмечены на заседании. Среди них отсутствие плана работ на 1929 г., отсутствие постоянного секретаря секции и недостатки в ведении документации, а также передача Музею функций Комиссии, порученных ВСОРГО СибОНО, без ведома Президиума и Совета ВСОРГО (ГАИО. Ф. р-565. Оп. 2. Д. 1. Л. 17). Б.Э. Петри в 1925–1930 гг. основную часть своего времени тратил на работу по прикладной этнографии для Иркутского Комитета Севера, чем и были, вероятно, вызваны формальные упущения в работе.

На 1 октября 1929 г. список членов палеоэтнологической секции ВСОРГО включал в себя 21 человека, в их числе были: О.О. Арембовский, М.М. Герасимов (Музей), А.Д. Григорьев (судебно-медицинское отделение Иркутского университета), Давыдов, Л.Н. Иваньев, А.И. Казакова (Музей), Ф.Э. Карантонис (Музей), А.И. Казанцев (Анатомический институт, Иркутский университет), Г.М. Константинов, Г.И. Копытов (Музей), Кубинцев, С.Н. Лаптев (Университет), А.П. Окладников (Окружком), Б.Э. Петри, А.В. Попов (Анатомический институт, Иркутский университет), П.Г. Полтараднев (Музей), П.Ф. Требуховский, Я.Н. Ходукин, А.А. Флоренсов (Университет), П.П. Хороших (ГАИО. Ф. р-565. Оп. 1. Д. 289. Л. 77). Ее членами были не только археологи, но и историки, этнографы, географы, медики, краеведы, музейные работники и др.

4 июня 1929 г. при палеоэтнологической секции ВСОРГО состоялось совещании комиссии по разработке пятилетнего плана археологических исследований в Восточной Сибири (1929–1934).

Были намечены планомерные исследования регионов бассейнов Байкала; Лены; Ангары, Белой, Китоя; Оки, Ии; Илима; Витима. Здесь имя М.М. Герасимова вместе с В.И. Сосновским значится в разделе по исследованиям Ангары, Белой, Китоя от г. Иркутска до с. Балаганска, которые планировалось провести в 1931 г. П.П. Хороших планировал исследования западного побережья Байкала, И.И. Веселов – восточного побережья Байкала, А.П. Окладников – верхней Лены, В.И. Подгорбунский – истоков Ангары до Иркутска по правому берегу, а также от с. Балаганска до с. Братский острог, Г.М. Константинов – устья р. Енисея, Б.Э. Петри – бассейна р. Жуя, С.Н. Лаптев – бассейна р. Бирюсы, П.Г. Полтараднев – бассейна р. Ия, а также р. Оки от истока до ст. Зима, С.Н. Лаптев – долины р. Уды и Бирюсы, Я.Н. Ходукин, Арембовский, Давыдов – р. Илима. Антропологические исследования планировались провести силами А.И. Казанцева и А.А. Флоренсова среди живущего населения: китойских бурят, карагасов (тофаларов), тутурских и витимских тунгусов (эвенков) (ГАИО. Ф. р-565. Оп. 1. Д. 289. Л. 81–82). Но еще раньше, до формального составления плана, в письме к Г. фон Мергарту Б.Э. Петри замечал с долей юмора: Т[аким] обр[азом] я каждому ученику даю одну великую сибирскую реку, а Хороших отдал Байкал. У нас получается плановое исследование Сибири» (Детлова, Макаров, 2009. С. 40).

Палеолитические исследования

В 1920-е годы практически все иркутские ученые искали палеолит в Иркутске и его окрестностях, в Прибайкалье, Забайкалье и на Дальнем Востоке. Один из ведущих российских и советских археологов 1920-х годов, создатель московской археологической школы, профессор Василий Алексеевич Городцов с подозрением относился к палеолитическим находкам в Сибири, как можно понять из его письма к Г.П. Сосновскому от 12 января 1921 г.: «Фауна Верхоленской Горы мне очень подозрительна. В сущности говоря, до сих пор, кроме Томской стоянки, исследованной проф. Кащенко и Кузнецовым, в Сибири палеолитических стоянок, хорошо научно определенных, не видно. Для нас, наблюдающих Сибирь издали, даже стоянка Афонтовой Горы не представляется достаточно научно доказанною, т. к. исследователь ее И.Т. Савенков был очень мало сведущим человеком» (АИИМК. Ф. 42. Д. 362. Л. 2). Интересно, что такие же подозрения высказал Б.А. Куфтин, проездом в экспедицию посетивший Иркутские музеи:

«Хороший археологический материал собран в кабинете этнографии на педагогическом факультете у Петри. <…> Бернгард Эдуард[ович] материал тоже расположил по теоретической хронологической схеме, с которой мне кажется нельзя согласиться <...> все что Петри считает неолитом – типичная культура металлического периода и часто достаточно позднего. Палеолит же совершенно подозрителен своими необычайными формами, заставляющими подозревать, что нахождение их совместно с костями мамонта объясняется просто тем что неолитический культурный слой расположился непосредственно на ледниковых глинах, содержащих древнюю фауну. Однако культура во всяком случае чрезвычайно интересна» (Архив Музея антропологии и этнографии Российской академии наук (АМАЭ РАН). Ф. 12. Оп. 1. Д. 51. Л. 14–16).

Да и некоторые коллеги Б.Э. Петри по палеоэтнологической секции были его оппонентами, как, например, А.В. Попов, критиковавший его неолитическую периодизацию и подвергавший сомнению палеолит Верхоленской горы (Попов, 1927. С. 56–57). Не вполне были согласны с периодизацией Петри и другие иркутские археологи.

В 1923 г. В.А. Городцов опубликовал работу об археологии каменного периода, и в этом же году Петри опубликовал статью «Сибирский палеолит». Городцов в августе 1924 г. по приглашению Н.К. Ауэрбаха побывал в Сибири. Приезд Городцова в Иркутск совпал с археологической экспедицией Петри в Монголию, о чем последний сообщал в письме и сожалел, что не мог встретиться лично, показать находки, места раскопок,

выслушать «компетентное суждение» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 422. Л. 81).

После посещения трех сибирских городов и знакомства с местными археологами и результатами их работ и археологическими коллекциями из музеев В.А. Городцов выступил в Красноярске на объединенном заседании Красноярского отдела РГО и коллегии Красноярского музея с докладом «О результатах изучения археологических отделов в музеях Иркутска, Красноярска и Минусинска». Хотя в целом посещение Сибири оставило у В.А. Городцова благоприятное впечатление, в своем выступлении Василий Алексеевич подверг критике некоторые выводы археологов Б.Э. Петри и Г.К. Мергарта, касающиеся периодизации (Вдовин, Макаров, 2017). Посещение Городцовым Иркутска в 1924 г. и его знакомство с местными археологами послужило дополнительным стимулом для развития археологических исследований в Сибири.

История знакомства Б.Э. Петри с В.А. Городцовым уходит в дореволюционное время, когда первый работал в Музее антропологии и этнографии Академии наук в Петербурге, а второй в Государственном Историческом музее в Москве. Петри дважды приезжал в Москву для встречи с Городцовым (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 422. Л. 78), однако тесной связи между ними не установилось. Они принадлежали к разным поколениям и изначально к разным сословиям, но главной причиной прохладного отношения, предположительно, было то, что их взгляды на археологию, ее методику и методологию не совпадали. «Концепция В.А. Городцова была цельной системой взглядов, находившейся в противоречии с другой цельной системой, которой придерживались классики палеоэтнологии. Следствием этого стало взаимное отрицание» (Платонова, 2008). В 1921 г. в адрес ВСОРГО поступила классификация археологических культур, разработанная В.А. Городцовым, которая была обсуждена на заседании Археологической комиссии и получила негативный отзыв, подписанный Б.Э. Петри: «классификация абсолютно неприменима к Сибири». Мотивировка заключалась в том, что в классификации отвергались достижения западноевропейской археологии, не были соблюдены геологические принципы, в основу классификации положена частью несуществующая индустрия, и изменена трактовка старых терминов периодизации (Краснощеков, 2004. С. 16).

Судьбоносный плен и работа в Красноярском музее австрийского археолога с профессиональной подготовкой Г. фон Мергарта немало способствовали развитию палеолитоведения в Сибири, усилив интерес к древнему прошлому Сибири и активизировав работу, особенно имея в виду разные трактовки сибирского палеолита. Так, Мергарт рассматривал сибирские археологические культуры как результат дифференциации культур Передней Азии и Европы, т. е. придерживался идей диффузионизма, которые способствовали изучению культурных взаимовлияний (Китова, 2007). Петри придерживался взглядов на автохтонное происхождение сибирского палеолита (Петри, 1923; Петри, 1926).

«Связующим звеном» между Красноярском и Иркутском выступал молодой археолог Георгий Петрович Сосновский, получивший очень хорошее практическое и теоретическое образование у Мергарта и Петри (Детлова, Макаров, 2009. С. 38). На заседаниях секции Сосновский постоянно информировал коллег о текущей работе, связанной с Афонтовой Горой: так, на заседании секции 8 марта 1925 г. он сообщил о встрече с сыном И.Т. Савенкова, первооткрывателя стоянки Афонтова Гора в Красноярске и о переписке с приват-доцентом Инсбрукского университета Г. Мергартом, польским археологом Л. Савицким и Н.К. Ауэрбахом о предстоящих раскопках на Афонтовой Горе.

Члены секции информировали друг друга о результатах своих раскопок: М.М. Герасимов в мае 1925 г. сообщил о признаках палеолитического культурного слоя с костями животных у детской глазной больницы г. Иркутска, Б.Э. Петри тогда же проинформировал о разведке палеолита в Глазково (предместье Иркутска), но находок не было, за исключением расколотых костей для добывания мозга. 2 мая 1925 г. на заседании секции был

заслушан доклад Г.П. Сосновского «О раскопках на Афонтовой Горе», а 18 мая – доклад Г.Ф. Дебеца «Материалы к изучению каменного века в Забайкалье (южная полоса Селенгинской Даурии)». Среди подготовленных к печати работ в 1925 г. упоминается статья А.В. Попова «О сибирском палеолите» (16 стр.).

По большому счету находка М.М. Герасимовым уникального позднепалеолитического памятника Мальта на р. Белой в 1928 г. не была случайной, как считал Петри («…Другой мой ученик, М.М. Герасимов, среди зимы открыл благодаря счастливому случаю (рыли подполье) в селе Мальта палеолитическую стоянку с чрезвычайно богатым (судя по разведке) содержанием…» (Архив Института истории материальной культуры Российской академии наук (АИИМК РАН). Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 129. Л. 25)). Она была подготовлена всем предшествующим развитием археологических (палеоэтнологических) исследований в Сибири, формированием увлеченных своей профессией специалистов.

Политика и наука. Укрупнение секций ВСОРГО

Процесс грубого вмешательства власти в науку начался в 1927–1929 гг. Постепенно деятельность археологов в Иркутске сходит на нет: для нее не нашлось места в новых структурах. 3 августа 1929 г. Петри сообщает знаменитому путешественнику П.К. Козлову из «приволья бурятских степей» о прошедшей весной 1929 г. реорганизации Иркутского университета, которая коснулась и обучающих программ, и административных должностей: «за последнее время не слишком уютно себя чувствуют прежние академические работники. У нас много передряг: Дорогостайского лишили голоса, Хороших тоже, другие ходят под угрозой чистки и т. д. Все приуныли. Никто не хочет ехать на летние исследования» (Матвеева, Сирина, 2009. С. 80). В 1930 г. кафедра хозяйства народов Сибири, где работал Петри, была закрыта (Медведев, Савельев, Бердников, Липнина, Зимина, 2014. С. 120). Сам университет подвергся реорганизации. Реорганизации подверглось и ВСОРГО. На заседании Совета ВСОРГО 12 октября 1929 г. по итогам доклада проф. Н.Н. Козьмина было принято решение укрупнить секции. В основу укрупнения было решено принять три деления: а) природоведение; б) хозяйство; в) явления социальной и культурной жизни (история, этнология, т. д.). Таким образом, из одиннадцати секций осталось шесть, из которых три основных: 1) географическая; 2) производственно-экономическая; 3) культурно-социальная и три специальных: 1) бурят-монгольская; 2) якутская; 3) школьного и массового краеведения (ГАИО. Ф. р-565. Оп. 2. Д. 1. Л. 49).

На заседании культурно-социальной секции от 14 марта 1930 г. Б.Э. Петри был выведен из состава Президиума ВСГО в связи с тем, что на утверждении плана работ ВСГО в Окрплане выступил с критикой плана социально-культурной секции, который он «назвал “юмористическим” и не соответствующим задачам сегодняшнего дня» (ГАИО. Ф. р-565. Оп. 2. Д. 37. Л. 22).

Заключение

Археология в Иркутске сложилась как отдельное научное направление после революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны, вызвавшей интеллектуальную эмиграцию в Сибирь. Б.Э. Петри, обосновавшись в Иркутске, начинает подготовку молодых кадров археологов на базе Иркутского университета. Он ведет активную преподавательскую, научную и музейную работу, направленную на институализацию археологической дисциплины в Иркутске.

Среди первоочередных задач были намечены: составление археологической карты, практическая подготовка студентов, введение плановости в экспедиционные работы, накопление и представление археологического и антропологического материала в музее ВСОРГО, обсуждение проблем «доисторической» археологии, – единственного направления, известного в Сибири, и называемого в 1920-е годы палеоэтнологией. Проанализировав записи в книгах поступлений археологических материалов в Иркутский музей в 1920-е годы, Д. Шергин сделал вывод, что «памятники в окрестностях Иркутска стали пунктами обучения методике проведения археологических исследований, описания объектов и методике

раскопочных работ для студентов университета и краеведов» (Шергин, 2009. С. 107).

Идя по вехам, намеченным предшественниками, в частности, М.П. Овчинниковым, Б.Э. Петри продолжает коллективные раскопки, выдвигает предположения и идеи, часть которых не получает поддержки его тогдашних коллег, но находит подтверждение спустя десятилетия, как, например, палеолитический (палеолит-мезолитический) возраст стоянки Верхоленская Гора. «Б.Э. Петри относил Верхоленскую Гору к мадленской стадии европейского верхнего палеолита. Впоследствии ряд исследователей (В.И. Подгорбунский, М.М. Герасимов, Г.Ф. Дебец) сопоставляли материал со стоянки с азильской стадией европейского мезолита. Другие специалисты придерживались палеолитической оценки памятника (Г.П. Сосновский, И.В. Аремовский, А.П. Окладников, З.А. Абрамова). На материалах Верхоленской Горы М.П. Аксеновым и Г.И. Медведевым была выделена верхоленская мезолитическая культура. Ее палеолитические корни усматривались в нижних культурных горизонтах Красного Яра I (около 19,7 тыс. л. н.) и в палеолитических памятниках Забайкалья» (Базалийский, Тетенькин, Харинский, 2016. С. 14). Раскопки, проведенные на многослойно стратифицированном неолитическом местонахождении Улан-Хада с 1959 по 1990 гг. «позволили уточнить стратиграфию отложений и получить серию радиоуглеродных дат …, после чего статус местонахождения как одного из опорных геоархеологических объектов Прибайкалья более не подвергался сомнению» (Бердников, 2016. С. 15). Некоторые из предположений Петри не подтвердились, как, например, вывод об отсутствии в Приангарье культуры бронзового века. Различные взгляды на проблемы археологии Сибири среди членов секции палеоэтнологии объективно создавали атмосферу дискуссий и поиска, способствовали формированию критического анализа устоявшихся положений.

Б.Э. Петри и С.А. Теплоухов заложили основы комплексного и междисциплинарного подходов в сибирской археологии (Китова, 2007). Исследованиям иркутских археологов 1920-х годов были свойственны плановость, комплексность, междисциплинарные подходы, интеграция естественных и гуманитарных наук, понимание роли географического и экологического факторов для жизнедеятельности социума, а также биологической составляющей культуры, что показало развитие идей палеоэтнологии, предложенных Мортилье и его учеником Ф. Волковым. Н.И. Платонова подчеркивает, что «теоретическая платформа русской палеоэтнологической школы не стала прямым продолжением традиции Г. де Мортилье. … ее развитие в России возрождало эколого-культурный подход … имевший глубокие корни на русской почве в трудах К.М. Бэра, И.С. Полякова, А.А. Иностранцева, Д.Н. Анучина. На первый план выступило не эволюционное развитие культуры в первобытную эпоху, а сопоставление археологических данных с данными географии и вопрос о соотношении культуры и природной среды» (Платонова, 2008. С. 101–102).

Археологическими исследованиями иркутских археологов были охвачены обширные территории Прибайкалья, некоторые его территории впервые попали в фокус профессионального внимания археологов. Раскопки в Забайкалье и на Дальнем Востоке давали сравнительные материалы. В конце 1920-х гг. были сформированы перспективные планы научных исследований, однако репрессии 1930-х годов не позволили им реализоваться. Конечно, это были ограниченные по объемам, несравнимые с современным размахом археологических исследований работы, но это были работы, выполнявшиеся осмысленно и последовательно, результаты которых обсуждались в кругу профессионалов и студентов и публиковались. Находки местонахождений, подобных Мальта на р. Белой, адресовали ученым повышенные требования к методам работы и фиксации полевого материала. Б.Э. Петри копал своим «излюбленным финляндским способом», т. е. покубовой выемкой. Его ученик М.М. Герасимов создал методику послойного вскрытия древнего поселения широкой площадью с полной расчисткой обнаруженных комплексов и графической

полевой фиксацией (Герасимова)[3]. «В 1956–59 гг. Герасимов продолжает раскопки в Мальте и Усть-Белой. Эти четыре полевых сезона не только дали новый научный материал по древней истории Сибири, но и способствовали формированию коллектива молодых археологов при Иркутском университете, связывая тем самым, казалось бы, оборванную нить научной традиции, идущей от Б.Э. Петри» (Герасимова)[4].

В дальнейшем на базе новых материалов периодизация неолита и бронзового века в Сибири была развита на основе понятия культурного комплекса или археологической культуры (Г.Ф. Дебец, М.М. Герасимов), а также на основе эволюционно-стадиальной схемы (А.П. Окладников) появились новые интерпретации и понимание параллельного сосуществования разных археологических культур и возможность существования «гибридных» (смешанных) археологических культур (Зубков, 2006). Сегодня это подтверждается данными палеоантропологии (Мовсесян, Пежемский, 2015).

Современная иркутская археология имеет славную, но непростую, нелинейную историю, в создании которой приняли участие профессионалы и любители, местные и приезжие, профессора и студенты. На долю Б.Э. Петри и его коллег К.М. Головкина и А.В. Попова выпала как научная, так и организационная работа по созданию научно-образовательных археологических центров в Иркутском университете и ВСОРГО.

---

[3] Герасимова М.М. Герасимов Михаил Михайлович // Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия. URL: https://megabook.ru/article/Герасимов%20Михаил%20Михайлович (Дата обращения: 20.04.2020)

[4] Там же.

Библиографический список

Базалийский В.И., Тетенькин А.В., Харинский А.В. Иркутск археологический // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. Иркутск: Иркутский государственный университет. 2016. Т. 16. С. 8–27.

Бердников И.М. Актуальные проблемы неолитоведения юга Средней Сибири: источниковая база и геоархеологический контекст // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск: Иркутский государственный университет. 2016. Т. 18. С. 3–39.

Вдовин А.С., Макаров Н.П. Ауэрбах Н.К. (1892–1930): 125 лет со дня рождения // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири / отв. ред. А.С. Вдовин, Н.П. Макаров. Красноярск, 2017. С. 9–22.

Детлова Е.В., Макаров Н.П. Красноярск – Иркутск. К истории научных связей Б.Э. Петри и Г.К. Мергарта // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. Всероссийский семинар, посвященный 125-летию Б.Э. Петри. Иркутск: Амтера, 2009. С. 36–45.

Едидович Л.В. Гражданин Самары Константин Павлович Головкин. Самара: Глагол, 2007. 272 с.

Зубков В.С. К проблеме выделения и интерпретации археологических культур в неолите и раннем бронз

References

Bazakiiskii V.I., Teten'kin A.V., Kharinskii A.V. (2016) Irkutsk archaeological. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya = Reports of the Irkutsk State University. Ser. History.* Irkutsk: Irkutsk State University. Vol. 16. P. 8–27. (In Russ.)

Berdnikov I.M. (2016) Actual problems of Neolithic studies in the South of Central Siberia: Source base and geoarcheological context. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Reports of the Irkutsk State University. Ser. Geoarcheology, Ethnology, Anthropology*. Irkutsk: Irkutsk State University. Vol. 18. P. 3–39. (In Russ.)

Vdovin A.S., Makarov N.P. (2017) Auerbakh N.K. (1892–1930): 125th birthday. *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii, etnografii i istorii Sibiri = Interdisciplinary Research in archeology, ethnography and history of Siberia.* Krasnoyarsk. P. 9–22. (In Russ.)

Detlova E.V., Makarov N.P. (2009) Krasnoyarsk – Irkutsk. To the history of scientific relations between B.E. Petri and G.K. Mergart. *Vuzovskaia nauchnaiia archeologiia i etnologiia Severnoi Azii. Irkutskaya shkola 1918–1937. Vserossiiskii seminar, posvyashchennyi 125-letiyu B.E. Petri = University scientific archeology and ethnology of North Asia. Irkutsk school 1918–1937. All-Russian seminar, dedicated to the 125 anniversary of B.E. Petri.* Irkutsk: Amtera. P. 36–45. (In Russ.)

Epidovich L.V. (2007) Citizen of Samara Konstantin Pavlovich Golovkin. Samara: Glagol. (In Russ.)

Zubkov V.S. (2006) On the problem of identifying and interpreting archaeological cultures in the Neolithic and

зовом веке Прибайкалья // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3. Археология и этнография (приложение 2). С. 48–54.

Китова Л.Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы). Новосибирск: Изд-во ИАиЭСО РАН, 2007. 272 с.

Китова Л.Ю. Иркутская школа археологов: Г.П. Сосновский – ученик Б.Э. Петри // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. Всероссийский семинар, посвященный 125-летию Б.Э. Петри. Иркутск : Амтера, 2009. С. 59–65.

Краснощеков В.В. Археологическая комиссия ВСОРГО // Известия Лаборатории древних технологий. 2004. Вып. 2. С. 14–18.

Лаптева А.К., Лучников А.С. Профессор Сергей Николаевич Лаптев – организатор профессионального географического образования в Пермском университете // Географический вестник. 2015. № 4(35). С. 68–77.

Матвеева М.Ф., Сирина А.А. Три письма Б.Э. Петри П.К. Козлову (из архива Русского географического общества) // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. Всероссийский семинар, посвященный 125-летию Б.Э. Петри. Иркутск: Амтера, 2009. С. 79–82.

Медведев Г.И. Университетской научной археологии Северной Азии – 95 лет // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск: Иркутский государственный университет. 2013. № 2(3). С. 176–202.

Медведев Г.И., Савельев Н.А., Бердников И.М., Липнина Е.А., Зимина Л.П. Что в имени твоем, Бернгард? // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск: Иркутский государственный университет. 2014. Т. 8. С. 110–126.

Мовсесян А.А., Пежемский Д.В. Существовала ли генетическая преемственность между населением различных этапов прибайкальского неолита? // Вестник Московского государственного университета. Сер. XXIII. Антропология. 2015. № 3. С. 94–104.

Early Bronze Age of the Baikal region. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya = Bulletin of the Novosibirsk State University. Ser. History, Philology.* Vol. 5. Iss. 3. Archeology and ethnography (supplement 2). P. 48–54. (In Russ.)

Kitova L.Yu. (2007) History of Siberian archaeology (1920–1930). Novosibirsk: IAE SO RAN. 272 p. (In Russ.)

Kitova L.Yu. (2009) Irkutsk archaeological school: G.P. Sosnovskii – Petri's student. *Vuzovskaya nauchnaya arkheologiya i etnologiya Severnoi Azii. Irkutskaya shkola 1918–1937 gg. Vserossiiskii seminar, posvyashchennyi 125-letiyu B.E. Petri = University scientific archeology and ethnology of Northern Eurasia. Irkutsk school 1918–1937. All-Russian seminar, dedicated to the 125 anniversary of B.E. Petri.* Irkutsk: Amtera. P. 59–65. (In Russ.)

Krasnoshchekov V.V. (2004) Archaeological commission of ESBRGS. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 2. P. 14–18. (In Russ.)

Lapteva A.K., Luchnikov A.S. (2015) Professor Sergei Nikolaevich Laptev – an organizer of professional geographical education in Perm' University. *Geograficheskii vestnik = Gerographical Bulletin.* No. 4 (35). P.68–77. (In Russ.)

Matveeva M.F., Sirina A.A. (2009) Three letters from B.E. Petri to P.K. Kozlov (from the archive of the Russian Geographic Society). *Vuzovskaya nauchnaya arkheologiya i etnologiya Severnoi Azii. Irkutskaya shkola 1918–1937 gg. Vserossiiskii seminar, posvyashchennyi 125-letiyu B.E. Petri = University scientific archeology and ethnology of Northern Eurasia. Irkutsk school 1918–1937. All-Russian seminar, dedicated to the 125 anniversary of B.E. Petri.* Irkutsk: Amtera. P. 79–82. (In Russ.)

Medvedev G.I. (2013) University scientific archaeology of North Asia – 95 years. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta.* Ser. *Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Reports of the Irkutsk State University. Ser. Geoarcheology, Ethnology, Anthropology.* Irkutsk: Irkutsk State University. No. 2(3). P. 176–202. (In Russ.)

Medvedev G.I., Saveliev N.A., Berdnikov I.M., Lipnina E.A., Zimina L.P. (2014) What is in your name, Berngard? *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta.* Ser. *Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Reports of the Irkutsk State University. Ser. Geoarcheology, Ethnology, Anthropology*. Irkutsk: Irkutsk State University. Vol. 8. P. 110–126. (In Russ.)

Movsesyan A.A., Pezhenskii D.V. (2015) Was there a genetic continuity between the populations of different stages of the Baikal Neolithic? *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. XXIII. Antropologiya = Bulletin of the Moscow State University. Ser. XXIII. Anthropology.* Moscow: Moscow State Universit. No. 3. P. 94–104. (In Russ.)

Пержакова А.С. Иркутская школа палеоэтнологии в 1920-30-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2009. Том 8. Вып. 5. Археология и этнография. С. 9–14.

Петри Б.Э. Сибирский палеолит // Труды профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета. Иркутск: Иркутский государственный университет. 1923. Вып. 5. С. 209–253.

Петри Б.Э. Сибирский неолит. Иркутск: Власть труда, 1926. 39 с.

Петри Б.Э. Далекое прошлое Прибайкалья. Научно-популярный очерк. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск, 1928. 73 с.

Платонова Н.И. Палеоэтнологическая школа в археологии и Ф.К. Волков // Вестник Томского государственного университета, 2008. № 315. С. 96–103.

Попов А.В. Очерк палеоэтнологических исследований и достижений ВСОРГО за 75 лет его существования // Известия ВСОГОРГО. Т. L. Обзор деятельности Восточно-Сибирского отдела за семьдесят пять лет. 1851–1926. Юбилейный сборник. 1927. Вып. I. С. 43–59.

Рубин В.А., Судоргина Т.В. Гражданский подвиг Александра Попова // Гостиный двор. Литературно-художественный и общественно-политический журнал писателей России. Оренбург, 2017. № 3. С. 280–296.

Сирина А.А. Б.Э. Петри: забытые страницы сибирской этнографии // Репрессированные этнографы. М.: Восточная литература, 1999. Вып. 1. С. 57–80.

Сирина А.А. «Провинциальная наука»: Этнография в Иркутске в 1920-е годы // «Провинциальная наука»: Этнография в Иркутске в 1920-е годы. Избранные статьи. М., Иркутск, 2013. С. 8–50.

Сирина А.А. Палеоэтнологические исследования в Иркутске в 1920-е годы // «В этой связи…». Сборник статей к юбилею М.М. Герасимовой. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 223–243.

Тугай Т. «Наша русская неумная революция» и борьба за архивы. К 130-летию Оренбургской ученой архивной комиссии // Гостиный двор. Литературно-художественный и общественно-политический журнал писателей России. 2017. № 3 (3). С. 297–316.

Шергин Д.Л. Коллекции археологического материала Б.Э. Петри по фондам Иркутского областного

Perzhakova A.S. (2009). Irkutsk scientific school of paleoethnology in 1920–1930. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya = Bulletin of the Novosibirsk State University. Ser. History, philology.* Vol. 8. Iss. 5. Archeology and ethnography. P. 9–14. (In Russ.)

Petri B.E. (1923) Siberian Paleolithic. *Trudy professorov i prepodavatelei gosudarstvennogo Irkutskogo universiteta = Proceedings of Irkutsk State University professors and lecturers.* Irlutsk: Irlutsk State University. Iss. 5. P. 209–253. (In Russ.)

Petri B.E. (1926) Siberain Neolithic. Irkutsk: Vlast' truda. 39 p. (In Russ.)

Petri B.E. (1928) The distant past of the Cisbaikal region. Popular science essay. Irkutsk. 73 p.

Platonova N.I. (2008) Paleoetnological school in archeology and F.K. Volkov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State University.* No. 315. P. 96–103. (In Russ.)

Popov A.V. (1927) Essay on paleo-ethnological research and achievements of the ESBRGS for 75 years of its existence. *Izvestiya VSOGORGO. Obzor deyatel'nosti Vostochno-Sibirskogo otdela za sem'desyat pyat' let. 1851–1926. Yubileinyi sbornik = News of ESBRGS. Review of the activities of the East Siberian Department for seventy-five years. Jubilee collection.* Vol. L. Iss. I. P. 43–59. (In Russ.)

Rubin V.A., Sudorgina T.V. (2017) Civic feat of Aleksandr Popov. *Gostinyi dvor. Literaturno-khudozhestvennyĭ i obshchestvenno-politicheskiĭ zhurnal pisatelei Rossii = Seating yard. Literary-artistic and socio-political journal of Russian writers.* Orenburg. No. 3. P. 280–296. (In Russ.)

Sirina A.A. (1999) B.E. Petri: forgotten pages of Siberian ethnography. *Repressirovannye etnografy = Repressed ethnographers.* Moscow: Vostochnaya literature. Iss. 1. P. 57–80. (In Russ.)

Sirina A.A. (2013) "Provincial Science": ethnography in Irkutsk in the 1920s. *«Provintsial'naya nauka»: Etnografiya v Irkutske v 1920-e gody. Izbrannye stat'i = "Provincial Science". Ethnography in Irkutsk in the 1920s. Selected articles.* Moscow; Irkutsk. P. 8–50. (In Russ.)

Sirina A.A. (2019) Paleoethnological studies in Irkutsk in 1920s. *«V etoi svyazi…» Sbornik statei k yubileyu M.M. Gerasimovoi = "In this regard…" Collection of articles for the anniversary of M.M. Gerasimova.* Moscow: IEA RAS. P. 223–243. (In Russ.)

Tugai T. (2017) "Our Russian stupid revolution" and the struggle for archives. To the 130th anniversary of the Orenburg Scientific Archival Commission. *Gostinyi dvor. Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii zhurnal pisatelei Rossii = Seating yard. Literary-artistic and socio-political journal of Russian writers.* No. 3 (3). P. 297–316. (In Russ.)

Shergin D.L. (2009) Collections of archaeological material of B.E. Petri on the funds of the Irkutsk Regional

краеведческого музея // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. Всероссийский семинар, посвященный 125-летию Б.Э. Петри. Иркутск: Амтера, 2009. С. 107–117.

Шободоев Е.Б. Я.Н. Ходукин: иркутский краевед и неудавшийся политик // Иркутское краеведение 20-х : взгляд сквозь годы. Иркутск, 2000. Ч. 2. С. 82–90.

Museum. *Vuzovskaya nauchnaya arkheologiya i etnologiya Severnoi Azii. Irkutskaya shkola 1918–1937 gg. Vserossiiskii seminar, posvyashchennyi 125-letiyu B.E. Petri = University scientific archeology and ethnology of Northern Eurasia. Irkutsk school 1918–1937. All-Russian seminar, dedicated to the 125 anniversary of B.E. Petri.* Irkutsk: Amtera. P. 107–117. (In Russ.)

Shobodoev E.B. (2000) Yu.N. Khodukin: Irkutsk local historian and failed politician. *Irkutskoe kraevedenie 20-kh. Vzglyad skvoz' gody = Irkutskoe kraevedenie 20s. Look through the years.* Irkutsk. Pt. 2. P. 82–90. (In Russ.)

Сведения об авторе

Сирина Анна Анатольевна,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
Институт этнологии и антропологии Российской академии наук,
119991, г. Москва, Ленинский просп., 32-А, Россия,
✉ e-mail: annas@iea.ras.ru

Заявленный вклад авторов

А.А. Сирина выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 18 сентября 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 5 октября 2020 г.
Принята к публикации 19 октября 2020 г.

Information about the author

Anna A. Sirina,
Dr. Sci. (History), Research Fellow,
Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences,
32-A, Leninskii Avenue, Moscow 119991, Russia,
✉ e-mail: annas@iea.ras.ru

Contribution of the authors

A.A. Sirina carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received September 18, 2020.
Received October 5, 2020.
Accepted October 19, 2020.

Оригинальная статья / Original article
УДК 39
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-86-101

М. Маяр (1809–1892) и его вклад в развитие словенской и российской этнографии

© М.М. Керимова

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия

Аннотация: Выдающийся деятель словенского национального возрождения, лингвист и этнограф М. Маяр (1809–1892**)** сыграл огромную роль в пробуждении и формировании этнического самосознания словенцев, их литературного языка, в становлении национальной культуры в целом. В настоящей работе впервые в российской историографии проанализированы его этнографические статьи, написанные в 1840–60-е годы и внесшие большой вклад в становление и развитие словенской этнографической науки. Он явился одним из первопроходцев в собирании и издании словенского фольклора, в изучении обычаев, обрядов, традиций и культурного наследия словенцев. Будучи последователем мифологической школы братьев Гримм, устное поэтическое творчество он рассматривал с точки зрения влияния на него мифологических сюжетов, обычаев и обрядов. Используя метод включенного наблюдения (сбор эмпирического материала), он приходил к важным обобщениям и выводам, что давало импульс дальнейшему развитию зарождающейся этнографии в словенских землях. В статье также освещено участие М. Маяра в организации словенской экспозиции на первой Всероссийской этнографической выставке 1867 г. в Москве и его личное присутствие на ней. Кроме того, кратко рассмотрены воспринятые им от славянских «будителей» идеи славянской взаимности и языкового единства славянских народов. В своем научном творчестве он поднимал проблемы языковой и литературной трансформации словенского языка и его кодификации, введения школьного образования на родном языке. Он являлся и крупным политическим деятелем, автором политической программы «Объединенная Словения», активно занимался публицистической и популяризаторской деятельностью.

Ключевые слова: М. Маяр, словенский «будитель», вклад в словенскую и российскую этнографию, идеи славянской взаимности и лингвистической близости славянских языков, словенская этнография в XIX столетии, этнографические статьи М. Маяра, календарные обычаи, праздничная обрядность словенцев, этнографическая выставка 1867 г. в Москве и М. Маяр

Благодарности: Работа выполнена по теме НИР ИЭА РАН «История и образование этнологии и антропологии».

Для цитирования: Керимова М.М. М. Маяр (1809–1892) и его вклад в развитие словенской и российской этнографии // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 86–101. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-86-101

M. Mayar (1809–1892) and his contribution to the development of Slovenian and Russian ethnography

© Mariam M. Kerimova

Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maclay RAS, Moscow, Russia

Abstract: An outstanding figure of the Slovenian national revival, linguist and ethnographer M. Mayar (1809–1892) played a huge role in awakening and shaping the ethnic identity of Slovenes, their literary language, in the formation of national culture as a whole. In this work, for the first time in Russian historiography, we analyze his ethnographic articles written in the 1840-60s and which made a great contribution to the formation and development of Slovenian ethnographic science. He was one of the pioneers in the collection and publication of Slovenian folklore, in the study of customs, rituals, traditions and cultural heritage of Slovenes. As a follower of the mythological school of the Brothers Grimm, he considered oral poetry from the point of view of the influence of mythological plots, customs and rituals on it. Using the method of participatory observation (collection of empirical material), he came to important generalizations and conclusions, which gave impetus to the further development

of the emerging ethnography in the Slovenian lands. The article also highlights the participation of M. Mayar in organizing the Slovenian exposition at the first All-Russian ethnographic exhibition in 1867 in Moscow and his personal presence there. In addition, the ideas of Slavic reciprocity and linguistic unity of the Slavic peoples, perceived by him from the Slavic «awakeners», are briefly considered. In his scientific work, he raised the problems of the linguistic and literary transformation of the Slovenian language and its codification, the introduction of school education in his native language. He was also a major political figure, the author of the political program "United Slovenia", was actively involved in journalistic and popularization activities.

Keywords: M.Mayar, Slovenian "awakener", contribution to Slovenian and Russian ethnography, ideas of Slavic reciprocity and linguistic proximity of Slavic languages, Slovene ethnography in the 19th century, ethnographic articles by M. Mayar, calendar customs, festive rituals of the Slovenes, ethnographic exhibition in 1867 in Moscow and M. Mayar

Acknowledgements: The work was carried out on the topic of research work of the IEA RAS "History and education of ethnology and anthropology".

For citation: Kerimova M.M. (2020) M. Mayar (1809–1892) and his contribution to the development of Slovenian and Russian ethnography. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 86–101. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-86-101

В настоящей статье впервые в российской науке освещен вклад словенского просветителя М. Маяра в развитие словенской и российской этнографии. Труды этого выдающего деятеля славянского национального возрождения являют собой пример активной работы в различных областях изучения национальной культуры: в кодификации словенского языка, издании словенского фольклора, в изучении обычаев и традиций. Кроме того, он стал автором политической программы «Объединенная Словения», активно занимался публицистической и популяризаторской деятельностью. Его творческое наследие насчитывает около десяти монографий и сборников фольклора, более 60 статей[1]. Вклад М. Маяра в создание словенского литературного языка и его политические взгляды достаточно подробно представлены словенскими и российскими учеными (Rozman, 1893; Breznik, 1913; Kovačič, 1930; Merhar, 1933; Kidrič, 1929; Будилович, 1892; Францев, 1905; Сперанский, 1931; Запольская, 1996; Чуркина, 2002; Чуркина, 2017 и др.). Однако этнографические изыскания этого просветителя оказались вне поля зрения словенских и российских исследователей. Исключение представляют статьи словенских этнологов В. Новака и Ю. Фикфака (Novak, 1986; Fikfak, 2008[2]), но в них творчество М. Маяра представлено на фоне развития словенской этнологии в целом, при этом не раскрывается и не анализируется содержание его немногочисленных, но очень содержательных этнографических работ, в которых Маяр явился первопроходцем в изучении обрядов, обычаев, мифологии и фольклора словенцев. Надеюсь, что настоящая статья восполнит этот пробел, благодаря чему в научный оборот впервые будут введены девять статей этого замечательного этнографа, лингвиста и общественного деятеля (Majar, 1844; Majar, 1845; Majar, 1847a; Majar, 1847b; Majar, 1848; Majar, 1850; Majar, 1851; Majar, 1858; Majar, 1865).

* * *

Маяр Матия (Зильский) родился 7 февраля 1809 в с. Гориче в Зильской долине в семье бедного портного, однако весьма образованного человека, который с 7 лет учил сына постигать основы немецкого и словенского языков, благодаря чему он быстро овладел искусством чтения и читал родителям Послание св. Иакова на словенском. Так в нем пробудилась любовь к родному языку. После трехлетнего обучения в школе соседнего села Св. Штефан в возрасте 12 лет его перевели в школу

[1] Наследие М. Маяра отложилось в архивных материалах словенского филолога и слависта К. Штрекеля, хорватского и словенского просветителя С. Враза и словенского диалектолога и фольклориста Й. Шейнига (J. Scheinigg).

[2] Эта же статья была переиздана на англ. яз.: Ethnography and Matija Majar // Traditiones. 40 (2), 2011. S. 27–44.

г. Целовец (Клагенфурт, Каринтия), но из-за бедственного положения семьи он был вынужден на некоторое время прервать обучение, однако, получив поддержку каноника Бицелинга, с 1825 по 1831 г. продолжил его (Матвей Маяр Зильский, 2010. С. 289). Затем в 1832–33 гг. М. Маяр учился в лицее в Граце, а осенью того же года поступил в семинарию г. Целовец, которую закончил в 1836 г. Получив сан священника, он с 1837 по 1840 г. состоял экспедитором епископской канцелярии в Целовце, где стал воспитанником среди кандидатов духовного звания у патриотически настроенного словенского общественного деятеля, экуменического епископа А.М. Сломшека, который старался возбудить у молодых кандидатов любовь к словенскому языку и более широкому его распространению.

В 1840 г. Маяр получил должность капеллана в Рожеке, в 1842 г. в Жабнице (Канальская долина, Каринтия), а в 1843 г. занял место соборного капеллана в Целовце, где оставался до 1848 г. Здесь он сблизился с видными деятелями словенской литературы Я. Янежичем, А. Эйншпилером и др.

Будучи сельским священником, Маяр не мог получить специальной лингвистической подготовки, однако самостоятельно достиг высот образованности и блестяще овладел немецким, а также латинским, греческим, старославянским, русским, сербохорватским, чешским, польским и словацким языками и начал усердно заниматься собиранием народного творчества.

Сбору сокровищ национальной культуры способствовало путешествие Маяра по Каринтии (1837) вместе с поэтом и просветителем С. Вразом, которому он впоследствии отправлял для публикации собранные народные песни. В сентябре 1843 г. он вновь совершил путешествие по Горице (регион в западной Словении), Млетской и Триестской областям, а затем через Любляну вернулся в Жабницу, собрав множество произведений фольклора, обычаев, мифологических преданий, данных по этническому составу этих регионов (Majar, 1844. S. 159; Majar, 1847a. S. 20–37; Majar, 1847b. S. 9–18). Эти материалы он сначала публиковал в центральной словенской газете «Сельские и ремесленные новости» (далее – «Новости» (Novice)), а затем и в периодическом издании «Словенская пчела», сборнике народных песен «Цветы словенского народа», хорватском журнале «Коло».

В 1848 г., после революционных событий, Маяр агитировал словенцев Каринтии не участвовать в выборах во Франкфурский парламент, поэтому епископ отправил его в отдаленный приход на горе Св. Вишарье (Sv. Višarje) в Юлийских Альпах. Но и здесь он продолжал заниматься реформированием языка и делом объединения славян и написал сочинения: «Правила правописания латинско-кириллическо-славянские» и «Грамматика для словенцев».

В течение двух лет (1850–51) продолжалась его деятельность священника в нескольких приходах Каринтии, а с 1851 г. он переехал в Зильскую долину (с. Горье), где и прожил до 1870 г. В 1868 г. в Целовце им было создано политическое общество Trdnjava (Крепость), в котором он председательствовал, произнося пламенные речи по защите прав хорутанских словенцев.

В 1871 г. М. Маяр получил приход в Крижней горе (Križna gora, регион Шкофья Лока), где оставался до 1883 г., после чего из-за политических преследований переехал в Прагу. Его последнее сочинение «Святые братья Кирилл и Мефодий, славянские апостолы», написанное в честь тысячелетия прихода Кирилла и Мефодия в чешские земли, вышло в 1884 г. в Праге на средства Общества св. Могора.

Умер М. Маяр 31 июля 1892 г. на 83 году жизни, был похоронен в Праге на Ольшанском кладбище.

М. Маяр и идеи общности славянских языков и славянской взаимности

Лейтмотивом деятельности М. Маяра были новаторские идеи, связанные с кодификацией словенского языка, определении его места в существующих классификациях и теориях родства славянских языков в свете идей патриотизма и славянского сближения. Они формировались синхронно с его этнографическими интересами, возникшими в свя-

зи с борьбой за укрепление национального самосознания словенцев.

Мысли о единстве славянских народов в политическом и культурном контексте начали высказываться различными общественными деятелями еще с XVII в., но особенно они усилились с середины XIX столетия, что было связано с новыми всплесками сопротивления южных и западных славян германизации и мадьяризации. В XIX в. в кругах зарубежных славянских общественных деятелей доминировали различные идеи: языковое, литературное и политическое объединение всех южных славян, «иллирийский» в качестве всеславянского; создание всеславянского языка – межславянского «эсперанто», нового (не церковнославянского) общеславянского литературного языка; использование русского как всеславянского языка (Толстой, 1998. С. 22–28).

М. Маяр выдвинул идею интеграции словенского с другими славянскими языками, придумав свое собственное комбинационное утопическое изобретение искусственного общеславянского языка и изложил свои мысли в книге «Правила образования иллирийского наречия и общеславянского языка вообще» (1848), написанной под влиянием идей словацкого просветителя Я. Коллара, в которой он проповедовал такую степень взаимности, которая означала полное слияние славянских языков в единое целое.

Однако основные языковые и литературные трансформации, предложенные Маяром, начались с возникновения в Загребе иллирийского движения под руководством создателя хорватского литературного языка Л. Гая, издателя «Иллирской народной газеты» (Ilirske narodne novine) и журнала «Даница иллирийская» (Danica ilirska). Среди словенцев его идеи горячо поддержали С. Враз и М. Маяр. В целях сближения хорватов и словенцев в литературе М. Маяр помимо сочинения «Правила образования иллирийского наречия и общеславянского языка» издает статью «Иллирийско-словенский язык» (Majar, 1849).

Неоднократно в своих статьях он поднимает тему школьного образования на словенском языке, на страницах «Новостей» выступает со статьей о том, что не следует засорять красивый словенский язык иностранными словами (Novice. 1852. № 52), считая, что он должен быть языком преподавания всех предметов в начальных и средних школах. Для того чтобы повсюду внедрить словенский язык, – подчеркивал он в статье «Словенский в Словении» (Majar, 1859), – он должен стать языком межличностного общения среди словенцев во всех словенских землях.

В 1865 г. в Праге была опубликована «Сравнительная грамматика славянских наречий», затем «Русская грамматика для словенцев» (1867), «Гностическое Евангелие для словенцев» (1867). В «Сравнительной грамматике» он отвечал на вопрос: «что значит писать взаимно». Писать взаимно, значит, писать на современных литературных славянских языках так, чтобы они постепенно сближались и уподоблялись друг другу. Опираться при этом, считал Маяр, нужно на русский язык. Возможность структурного сближения славянских литературных языков была, по мнению Маяра, мотивирована историей славян, имевших единый старославянский язык. Свою собственную лингвистическую задачу он видел лишь в том, чтобы создать механизм, облегчавший сближение и уподобление языков (Запольская, 1996. С. 91–92). Для этого он предложил издавать всеславянский «взаимный» литературный журнал «Славянин» (Slavjan), средства на издание которого выделил Московский Славянский благотворительный комитет. Печатать его он планировал кириллическим письмом на всех славянских языках. Однако средств на издание не хватало и в 1876 г. он прекратил свое существование (Чуркина, 2017. С. 255).

Отметим, что система лингвистических взглядов Маяра имела сложную траекторию развития, в которой была и пропаганда распространения и развития словенского языка среди словенцев, и предложения по созданию южнославянского («иллирийского») языка, и идеи общеславянского языка. Все это присутствует в сознании и в творчестве М. Маяра не последовательно, а синхронно, и в 1840-х, и в 1850-х годах.

Реформирование словенского языка было неразрывно связано с политическими устремлениями

М. Маяра. Во время революции 1848–49 гг. в Австрии он стал одним из авторов политической программы словенцев «Объединенная Словения», согласно которой земли, населенные этническими словенцами (Крайна, части Штирии, Приморья и Каринтии) должны были войти в отдельную административно-политическую единицу в рамках Австрийской империи, считал, что объединение славян невозможно без помощи России.

В 1860-е гг. в позиции Маяра начала превалировать югославянская идея, а затем в 1870-е появилась и более широкая австрославистская программа. Последняя состояла из двух частей: программы Объединенной Словении и программы славянского союза. В марте 1861 г. он опубликовал статью «Наше положение» (Majar, 1861. S. 95), в которой выдвинул требования об объединении всех словенских земель в единое административное политическое целое, введение словенского языка в школах и учреждениях, установление союза с хорватами и укрепление взаимности с остальными славянами (Кирилина, Пилько, Чуркина, 2011. С. 212). В 1865 г. М. Маяр и Г. Эйншпиллер стали пропагандировать проект создания Иллирийского королевства, но и эта политическая программа не получила дальнейшего распространения.

Введение австро-венгерского дуализма в 1867 г. вызвало резкое недовольство словенских национальных деятелей, в том числе М. Маяра. В 1870-е гг. у хорватских и словенских политических деятелей возникла мысль о возможном административном объединении словенских земель с Триединым королевством. Они приняли резолюцию, которая провозглашала общность интересов южных славян Австро-Венгрии, но М. Маяр хотел пойти дальше и выдвинул утопическую идею создания славянской державы, в которую вошли бы Словения, Центральная Хорватия, Славония, Далмация, Чехия, Галиция, Моравия, Словакия и вновь организованная область Воеводина.

После 1875 г. деятельность Маяра ослабевает, что было связано с гонениями властей на либеральные словенские общества в Каринтии и с обострившейся болезнью глаз. Из-за преследований лидеров словенцев немецкими националистами М. Маяр был вынужден в 1883 г. эмигрировать в Прагу.

Словенская этнография в XIX столетии и М. Маяр

Этнография в словенских землях шла по аналогичному пути складывания общеевропейской науки. В центре внимания молодой науки было формирование особого взгляда на «другое», иноземное, также, как и на «свое», доселе неизученное (путешествия и открытия разных экзотических культур неевропейских народов и «краеведческая» этнография в своей стране (Volkskunde)) (Токарев, 1978. С. 16)[3]. В Западной Европе в это время появилась дисциплина, которая пыталась обнаружить, определить и исследовать «другого», формируя в последней четверти XVIII – начале XIX в. названия: Völkerkunde, а также Ethnographie, Ethnologie (Фермойлен, 1994). Европейская наука начала XIX в. «с особой тщательностью разрабатывала идеи духовной культуры с целью выявления “общего народного духа“; влияние идей романтизма, немецкой философии, трудов И.Г. Гердера и мифологической теории братьев Гримм привело к преобладанию мнения, что народоведение должно опираться на изучение жизни народа – т. е. крестьянства» (Лескинен, 2007. С. 283).

Пробуждение интереса к изучению жизни своего народа в словенских землях, во-первых, было связано с имперскими амбициями и национальной политикой Габсбургской монархии, необходимостью управления и научного изучения входящих в нее народов. Это во многом стимулировало всплеск новых исследований. Во-вторых, изучению своего народа в XIX в. способствовала собирательская и исследовательская деятельность таких ученых как Я. Колар, П.-Й. Шафарик, Ф. Челаковский и др. Это вело к укреплению этнической идентичности и делало возможным национальное пробуждение славянских народов. Поэтому можно сказать, что становление этнографии в словенских землях (Штирии, Каринтии и Крайне) происходило в рамках развития национальной науки, поддер-

[3] Токарев С.А. История зарубежной этнографии: учеб. пособие. М.: Высшая школа. 1978. 352 с.

живаемой государственной политикой по изучению народа, всего исконно национального. Именно такую модель предлагал М. Маяр.

В этом контексте необходимо отметить, что первый этап становления словенской этнографии начался в 1788 г. публикацией первой части «Опыта истории Крайны и других южнославянских земель Австрии» словенского драматурга и историка А.Т. Линхарта, гораздо позже появились «Введение в историю славянской литературы» (1874) словенского филолога Г. Крека, первый том «Словенских народных песен» (1895) К. Штрекеля и публикации М. Мурко о славянской этнографической выставке в Праге (1895). Все они акцентировали внимание на изучение разных форм сельской народной культуры. Собирание и изучение фольклорной традиции – песен, поговорок, а также праздников, обычаев, народного костюма, жилища стало неотъемлемой частью формирования идентичности словенцев.

Сбор и изучение словенских народных традиций относится к 1830–40-м гг. (Fikfak, 2008. S. 16–17). В их формировании, прежде всего, важны заслуги польского этнографа Э. Корытко (1813–1839), общение Маяра со священником и поэтом У. Ярником и С. Вразом. В программных текстах Э. Корытко и предисловии С. Враза к собранию песен и переписки последнего с разными корреспондентами разъясняются принципы сбора фольклорного материала. Собрание словенских песен краинского народа Э. Корытко (Şlovénşke péşmi krajnskiga naróda, 1839–1844) было опубликовано в 5 томах посмертно. У. Ярник также в своем поэтическом творчестве неоднократно использовал этнические мотивы, в основанном им журнале «Каринтия» доказывал автохтонность словенцев и одним из первых стал широко употреблять этноним «словенец», изучал ономастику, кратко писал об обычаях и стереотипах поведения каринтийских словенцев. Среди учеников С. Враза, которых он консультировал по собиранию народного творчества, наиболее важную роль сыграли М. Маяр и Я. Волчич. Маяр, а немного позже (1850–70 гг.) католический священник Я. Волчич одними из первых тщательно начали собирать обычаи и обряды словенцев. Однако Я. Волчич, в отличие от М. Маяра, вел записи фольклора и других компонентов народной культуры лишь в юго-западных приморских районах словенских земель и больше всего в Хорватской Истрии, где он служил священником. В своих сборниках он публиковал стихи, пословицы, народную прозу, об обычаях он писал значительно меньше, лишь в связи с обрядовым фольклором. Большим недостатком его трудов было отсутствие точной локализации и датировки собранного материала (Fikfak, 1984. S. 104).

Маяр начал свою собирательскую деятельность с публикации народной зильской песни «Bez konca ino kraja» (Конца этому не видно) в сборнике иллирийских народных песен (1839) С. Враза. А во время их совместного путешествия в 1841 г. по Каринтии Маяр обогатил свою коллекцию народных песен обширным материалом, издав впоследствии в Вене собранные материалы под названием «Народные песни и сказания каринтийских словенцев» (1860). При сборе народных и церковных песен и стихов, опубликованных в сборниках Враза, Маяр в основном акцентировал внимание на вопросе распространения и диалектных различий словенского языка на большом пространстве от северо-запада Каринтии до Венецианской Словении, по которым он совершил свои путешествия.

Словенский этнолог Ю. Фикфак подчеркнул, важность того, что при М. Маяре, С. Вразе, позднее Я. Трдине появились первые датированные записи с точной локализацией местности, в которой были собраны фольклор и обычаи (Fikfak, 1999. S. 22).

Поскольку словенские исследователи творчества М. Маяра не останавливались на содержательной стороне его этнографических изысканий, считаю нужным их проанализировать.

Итак, с 1844 г. Маяр начал публиковать свои этнографические материалы, представляя отдельные компоненты словенской народной культуры. В центре его внимания оказались словенский обрядовый фольклор, народные праздники и обычаи, которые, как он отмечал, нужно уважать и культивировать, а не обвинять словенцев в том, что они в старину исповедовали «неправильные религии» (Majar, 1844. S. 172). В статье «*Нечто о словенцах.*

Из Каринтии» он пишет о ценности и красоте словенских народных песен и сказаний Зильской долины, в ней звучит мысль о том, что эстетическое восприятие Маяра соответствовало его этнографическим устремлениям: национальная песня, по его мнению, была отражением жизни народа. «<…> Словенцы очень песенный народ, и народные песни – живой памятник того, какими были наши предки, <…> чем больше песня отражает народные чаяния, тем она лучше и красивее», – писал он (Majar, 1844. S. 151–152). Маяр романтически воспринимал безгреховность и душевную чистоту простых людей, отражающуюся в песнях. Статью предваряла характеристика национального характера словенцев: «они благочестивы, умны, имеют ясную голову, доброе, мягкое и открытое сердце, у них распространена взаимопомощь, поэтому они всегда поддерживают других, в общении они очень просты и радушны, все делают так, как им сердце велит» (Majar, 1844. S. 136).

В статье «*Народные песни»* (Majar, 1850) он выступал против тех авторов, которые обличают словенское песенное творчество в том, что в нем выставлены напоказ человеческие пороки, пишет, что в песнях «открывался для народа новый литературный жанр, они подобно нежному, свежему цветку такие же жизнеспособные, как и весь словенский народ <…>. Если бы словенские песни не были особенно красивыми, люди бы их быстро забыли, через них слышен голос словенцев из старых времен, они – зеркало, в котором отражается то, о чем наши предки размышляли, как веселились, как грустили. Исполнители этих песен узнавали, что именно нашему народу нравится, какой должна быть мелодия, народный поэт уяснял, каким образом нужно создавать эти песни, чтобы они были исконно словенскими, лингвист из песен узнавал бы как говорит народ в разных наших краях, тот, кто учится правильно петь и говорить постигает из них синтаксис и стиль словенского языка» (Majar, 1850. S. 89–90). Далее он рассуждал о принципах стихосложения, о стихотворном размере, ритме, словообразовании, стиле народных песен, призывал образованных людей ходить по Словении и собирать их: «разговаривая с людьми, ищите слова, которые менее знакомы, обращайте внимание на красивые изречения, пословицы, спрашивайте названия разных трав и цветов, их употребление, названия разных ремесел, средств передвижения, деталей мельницы, ткацкого станка и т. д. Всегда имейте при себе ручку и бумагу, и когда вечером члены семьи собираются в доме и занимаются домашними делами, чистят, например, орехи, они часто напевают песню, а вы записывайте ее. Записывайте все новое, что услышите и отмечайте, где вы слышали эту песню» (Majar, 1850. S. 92). Самыми интересными Маяр считает обрядовые песни, исполняемые на Крес (праздник в честь Дня летнего солнцестояния), бытующие между Горицей и Триестом. Он призывает к их тщательной, точной фиксации, без улучшений, изменений и сокращений.

После путешествия в 1843 г. по Каринтии, Маяр одним из первых дважды обращается к сюжету славянской мифологии – *виле*. Сначала сжато в статье «*Нечто о словенцах. Из Каринтии»*, а затем более подробно в работе «*Вилы, и что о них знает народ словенский в Каринтии»* (Majar, 1847b. S. 9–18). Поверья о сказочных, волшебных существах южных славян – *вилах*, которых в разных областях словенских земель называли по-разному: белые женщины, почтенные женщины, морские девушки и т. п., широко бытовали практически в каждом селении. Считалось, что они обитали в пещерах, в горах и лесах, вблизи источников и ручьев. В брак они никогда не вступали и старались держаться вдали от мужчин. В пещерах у них обычно было обиталище наподобие комнаты, в которой была даже посуда и печь. Когда человек попадал в такую пещеру и произносил там громкое слово, оно отзывалось эхом и это значило, что здесь живут белые женщины. Так их называли за длинные белые одежды, которыми они закрывали козлиные, лошадиные или ослиные ноги (Мифологический словарь, 1991. С. 123). Считалось, что они очень красивы, молоды, благожелательны, образованы, умеют предсказывать будущее, толковать сны, учить крестьян обрабатывать поля, сажать сады, добывать из недр руду, плавить железо, знают целебные свойства растений и умеют делать из них лекарствен-

ные средства. Вилы – пророчицы умели гадать по солнцу, луне, звездам, предсказывать по ним, каким будет урожай, и когда нужно распахивать и засевать поля. Маяр отмечал, что словенских вил не нужно путать ни с римскими Парками (Parkae), ни с греческими нимфами (Nimphe), это – исключительно славянский мифологический персонаж, появившийся у них в дохристианские времена.

Интересно своеобразное поверье, связанное со свадебным обрядом в Рожье (Каринтия). Утром, когда все вставали, белая женщина ложилась в постель на еще не остывшее место новобрачной рядом с ее мужем. Считалось, что, если вила забеременеет и родит мальчика, она потом его вернет в дом, а девочку воспитает, обучит своему умению, и она превратится в вилу (Majar, 1847b. S. 14).

Необходимо отметить, что вслед за этнографом Э. Корытко и С. Вразом Маяр разработал инструкции по записям народного фольклора, а через них перекинул мост к описанию других культурных явлений. Устное поэтическое творчество рассматривалось им с точки зрения влияния на него мифологических сюжетов, обычаев и обрядов (Slovenski etnološki leksikon, 2004. S. 304–305).

Говоря о народных обычаях, он отмечал, что несмотря на то, что словенцы благочестивый и набожный народ, у них сохраняются верования в пророчества и другие дохристианские обычаи и обряды. «Если мы не будем уважать старинные обычаи, кто тогда нас будет уважать», – писал он в статье «*Нечто о словенцах. Из Каринтии»* (Majar, 1844. S. 172). Это и другие аналогичные высказывания о живучести дохристианских отголосков демонстрируют прогрессивность взглядов и широту кругозора католического священника[4] М. Маяра.

Тема словенских народных праздников и обычаев особенно объемно прозвучала в статье «*Словенские обычаи»* (Majar, 1851). В ней он одним из первых в словенской этнографии представил красочные описания календарных обычаев и привел фрагменты обрядового фольклора (рождественское колядование, святки, день св. Юрия, праздниках *Майя* и *Крес*), также писал о крестинах, кровной мести, побратимстве. Во введении Маяр отмечал, что в обычаях отражается как в зеркале, сердце и разум словенцев, в них проявляется любовь к нации. «Изучай свой народ! Это должно стать правилом, – настаивал он. <…> Давайте наслаждаться славянскими праздниками, песнями, народными костюмами <…>. Наши противники никогда не смогут искоренить и запретить наши обычаи, даже применяя давление и силу, они могут только противостоять им. Народ остается единым народом, до тех пор, пока он верно хранит свой язык и свои обычаи». Поэтому, отмечал он, справедлива иллирийская пословица: «обычаи старины – мощный щит страны» (Običaji od starine ščit su jaki domovine) (Majar, 1851. S. 12).

Колядование было очень распространено в словенских землях. Вечером перед Рождеством, Новым годом и перед праздниками Всех Святых и Трех Королей церковные певцы или просто умеющие хорошо петь девочки и мальчики до 12 лет шли по селу от дома к дому, вставали перед дверью и пели колядки (Маяр приводит тексты колядок на краньском диалекте, записанных им в Рожье (Rožje) и в Радишче (Radišče) (Каринтия). Колядующим всюду подавали еду, в основном колбасы или сушеное свиное мясо, некоторые даже угощали их обедом, а если их хозяин не угощал, они обижались, поэтому словенцы в Кране пели шуточную песню, которая называлась: «Протяни руку к полке, дай нам колбасы <…>». По поверьям считалось, что колядование приносит в дом удачу, особенно связанную с приплодом скота.

Далее он останавливался на цикле Пасхальных обычаев, более подробно писал о Святках, св. Юрии, *Майи* (праздник, входящий в цикл Троицкой обрядности), *Кресе* (рус. Иван Купала), кото-

[4] Католическая церковь, играющая в жизни словенцев исключительно важную роль в XIX в., являлась одним из крупнейших землевладельцев, поэтому Габсбургская политика была направлена на подчинение католической церкви государству и снижение ее экономического и политического влияния. Католические священники были, как правило, этническими словенцами, из их числа вышла основная часть деятелей словенского просвещения и культуры, представители духовенства стали ядром национальной интеллигенции.

рых объединяет то, что все они начинают праздноваться накануне вечером.

В комплекс словенской святочной обрядности входит праздник Богоявление или Трех Королей (трех волхвов, принесших дары Младенцу Иисусу, 6 января), широко бытовавший в XIX в. На этот праздник три молодых парня одевались как короли в белые рубашки, на голове шляпы, украшенные золотой или серебряной бумагой в виде короны, вокруг талии был обвит красный пояс, в руке – деревянная сабля и звезда (Маяр приводит колядки из Гориции, Бельцы, Рожья, Жабляка) (Majar, 1851. S. 27–28). Его начинали отмечать вечером 5 января: мальчики бегали по селу, часто даже добегая до соседнего села, звеня в коровьи и козьи колокольчики, это продолжалось до поздней ночи. Считалось, что звон оберегает скотину от медведей и волков. Этот обычай Маяр наблюдал в Зильской долине и в Жабнице. Накануне праздника семья окуривала дом ладаном и кропила святой водой, а над входной дверью хозяин писал инициалы трех королей и дату. Надпись должна была сохраняться на двери до следующего года.

На Святки совершался своеобразный старинный обычай пертха (*pertha* или *perhtra*), описанный М. Маяром и заключающийся в том, что свирепая и страшная женщина, вся косматая, ходила вечером по селу держа в одной руке острую палку, а в другой – топорик, которым она могла ударить человека по спине, на которой висела корзина. Она пугала маленьких детей, о чем пели в словенской песне, которую приводит М. Маяр. Иногда она проникала в дом и забирала яблоки, орехи и т. п., а детишки старались завладеть ими и спрятать, но при этом сами не могли прятаться под столом, иначе, по существующему поверью, овцы могли потеряться.

Интересна запись Маяра о праздновании дня св. Юрия в 1841 г.: «Я был свидетелем этого праздника в Рожье с г-ном Измаилом Срезневским – преподавателем Харьковского университета. Мы вместе наблюдали, как один из мужчин вечером 23 апреля надевал на себя зеленые ветки (в других местах Словении – солому), за что получал название Зеленый Юрий» (Majar, 1851. S. 105–107). Он ходил из дома в дом, втыкая в дверь веточки, что по поверьям приносило удачу деревне и семьям, гарантировало хороший урожай. В словенских юрских песнях пелось о приходе весны, пробуждении природы, оживлении земли, первой пахоте, поэтому это событие сопровождалось множеством обрядовых действий: возжиганием костров, перепрыгиванием через огонь, пением и танцами, обходами села, посадкой растений, украшением скота и домов цветами, первым выпасом скота. В Белой Крайне (юго-восток Словении) Маяр наблюдал вариацию этого обычая: девушки наряжали молодую березу (символ вегетации растений) разноцветными лентами и цветами. Затем процессия, участники которой были наряжены в шкуры с коровьими, овечьими и козьими колокольчиками, а на голове были козлиные рога, вместе с Зеленым Юрием, направлялась в центр села. Во главе процессии шли мальчики, свистящие в свистульки и гудящие в трубы. Считалось, что это отгоняет злые силы, которые хотят предотвратить приход весны. Толпа крестьян выходила на мост, с которого в реку бросали корзину с зеленью. Селяне одаривали участников процессии подарками: яйцами, маслом, сухарями, пшеничным хлебом, иногда колбасой, затем все вместе благодарили хозяев. В Рожье, Липе, Лочале, в Берднцах, Св. Юрии и других селах Маяр наблюдал обычай, когда на второй день праздника молодежь собиралась группами в домах и готовила различные угощения из собранных даров, при этом шутили и веселились. Однако эта форма его проведения угасла во второй половине XIX в.

Kres (рус. Иванов день, Иван Купала) – этот праздник словенцы начинали отмечать с полудня 23 июня, переходя в ночь на 24 июня. Маяр пишет, что вероятно, когда-то он был одним из самых больших словенских праздников, поскольку олицетворял день летнего солнцестояния и расцвета природы. Отметим, что обычаи Иванова дня «представляют собой синтез пережитков магических элементов различных дохристианских культов: солнца, растений, воды, памяти умерших предков» и более поздних христианских наслоений. Они вплетаются в единый комплекс первобытных религиозных представлений и действий,

связанных с очистительной и целительной силой огня, верой в его продуцирующее свойство. Культы солнца и огня синкретичны в этом празднике» (Иванова, 1983. С. 111, 113). Громадное дерево, писал Маяр, использовалось для изготовления *креса*, который устанавливался обычно на холме рядом с костром. В Зильской долине после полудня на поляне выкладывали из собранных цветов желтый цветок (так называемый королевский луг) наподобие солнца, в центре его – белые перья. Ими после праздника посыпали в сенях дома и оставляли до следующего дня, и они горели как светлячки. Считалось, что сколько их, столько в доме людей – для каждого по одному светлячку. Ветки липы и березы размещали перед окнами дома и в канун праздника сжигали, а вместо них в окнах ставили белые цветы клевера, которые стояли пока не засохнут. Считалось, что клевер с четырьмя лепестками делает человека лучше и счастливее и помогает при астматической болезни. Вечером, когда темнело, старые и молодые сходились к костру, иногда они пели, мужчины кричали и стреляли из ружей, девушки и женщины вели беседы, шутили и смеялись; молодые парни сражались на мечах, мальчики дрались, гонялись за летающими искрами-светлячками от костра (Majar, 1851. S. 121–122). Крес представлял собой четырехфутовый буковый деревянный щит (2 дюйма в длину и два в ширину), с отверстием посередине, его насаживали на палку и помещали в костер. Один из участников обряда брал хорошо разгоревшуюся лучину и махал ею так, что от нее разлетались искры, при этом громко кричал, желая здоровья и счастья. Затем он ударял палкой по кресу и искры разлетались высоко над его головой очерчивая красивый горящий полукруг, и чем выше они взлетали, тем было лучше. В селе Св. Вишарье (Sv.Višarje) первую зажженную лучину посвящали св. Деве Марии, другие зажигали за здоровье молодых: к парню подходила девушка, обычно подружка невесты, и говорила: «щепка, щепка загорайся за здоровье (называла имена)». У словенцев существовал стародавний обычай сжигания в костре луговой травы, так как существовало поверье, что пепел от нее изгоняет гусениц из капусты, поверье, что перепрыгивание через костер несет очистительную функцию, принося здоровье бытовало в регионе между Горицей и Триестом.

Вечером на Крес девушки часто плавили в костре свинец (или олово), затем наливали его в воду (за неимением свинца часто в воду наливали яйцо) и гадали, выйдут ли они вскоре замуж. Было бы неправильно считать, что словенцы и словенки очень суеверны: гадание на олове вызывало много шуток и смеха, когда из него получались фигурки подобные кольцу или дому. Возжигание костра, отмечал Маяр, определенно было связано с солярным культом, на это указывают следующие обычаи словенцев: семена белого папоротника разрешалось собирать только до восхода солнца, четырехлепестковый клевер – тоже; когда дружки жениха приезжали за невестой и отдавали ее жениху, последний, подхватив ее подмышки, три раза кружил по солнцу (Majar, 1851. S. 183–187). Однако в большинстве мест Каринтии, отмечал Маяр, костер в XIX в. исчез.

В связи с праздником *крес* он пишет про обрядовый танец под липой, исполнявшийся во время него, а также на второе воскресенье после Пасхи и долгое время сохранявшийся в Зильской долине. На него впервые обратил внимание И.И. Срезневский, путешествовавший по словенским землям в 1841 г. Из словенских этнографов этот танец, широко распространенный в разных местах Зильской долины, сопровождаемый песнями и исполняемый обычно новобрачными или неженатыми парнями и непорочными девушками, Маяр первым подробно описал в статье «Танец с подскоками» (Majar, 1865. S. 135–136). Он подчеркивает очень древнее его происхождение, и в связи с этим пишет о старинных славянских музыкальных инструментах (флейта, свисток, цимбалы). Согласно более поздним источникам, в первой половине XIX в. танец был быстрым, с прыжками, позже он стал более спокойным, потеряв при этом свое первоначальное название (Slovenski ljudski plesi)[5].

[5] Slovenski ljudski plesi – plesno izročilo na Slovenskem. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hervardi.com/plesno_izrocilo_na_slovenskem.php (дата обращения 25.11.2007)

Еще одна статья этнографической направленности «*Путешествие по Горице, Млетской и Триестской областям*» (Putovanje po Goričkom, Mletačkom i Tarstjanskom), в которой М. Маяр подробно изложил свои впечатления от двухнедельного пешего путешествия, содержит весьма интересные сведения о численности населения, обычаях, жилище, одежде, этническом составе, диалектных особенностях, национальном характере жителей этих мест. Такого рода сведения из этих регионов были новы для словенской этнографии. Он отправился в путь из с. Св. Вишарье (Юлийские Альпы, Крайна) и на своем пути посетил более 20 селений. К западу от Чивидале Маяр попал во влашские села. Подчеркивая, что влахи очень древнее население этих земель, он достаточно подробно остановился на экзо- и эндоэтнониме *влах*, которым словенцы здесь называли итальянцев, а словенцы в Горице и венецианские словенцы влахом называли только фриульца, влашским языком считали фриульское наречие. Итальянцы называли влахами всех западных словенцев, а словенцы Каринтии и Крайны влахом называли каждого итальянца. В далматинских городах этнонимом влах обозначали сельских жителей (Majar, 1847a. S. 28).

Довольно подробно останавливается он на специфике фриульского диалекта[6] словенского языка, справедливо подчеркивая, что он не является смесью словенского и итальянского наречий, что это особое ответвление наречия каринтийских словенцев. В Костаньовицах (Kostanjovici, Нижнепосавский регион) он с восторгом пишет о живописном женском головном уборе: белой *печи* (peča) – национальном символе словенской женщины – аналогичной той, которую носят в Штирии, Крайне и Горице, за исключением Белца (Belca, Краньска Гора), где просматривается немецкое влияние. Кроме того, Маяр описывает яркий бело-красный жилет (kamizol), который носили здесь и женщины, и мужчины, призывая запечатлеть в цвете эти прекрасные одежды, чтобы яснее можно было представить их крой и своеобразие (Majar, 1847a. S. 33). Двигаясь к Девину (Devin) вновь фиксирует своеобразную местную триестскую одежду словенок. Заключают статью описания незначительных диалектных различий словенского языка у жителей Каринтии и Крайны.

В своей более поздней статье «*Словенские господа»* (Majar, 1858), в которой ярко прозвучала тема словенской идентичности, он отмечал, что словенский высший класс и интеллигенция слишком плохо знают свой народ, его чаяния и обычаи, используют в основном немецкий язык, читают иностранные газеты и журналы, ведут себя как иностранцы, не поддерживая славянскую духовность. Из-за этого славянское самосознание предстает в искаженном виде, а нация утрачивает национальный колорит. Поэтому М. Маяр задается вопросом: «как это исправить?». Он считает, что театральные представления должны ставиться не на немецком, а на родном словенском языке, и посещать их должны не только люди из высшего сословия, в спектаклях должны разыгрываться сцены сватовства, обручения и свадьбы. Все словенцы, и не только крестьяне, должны принимать участие в народных праздниках, петь песни по-словенски, и высший класс должен иметь обыкновение посещать эти праздники и ярмарки, произносить тосты на свадьбах по-словенски, что поможет шире распространять родной язык.

Необходимо отметить, что Маяру очень помогли рекомендации главного редактора журнала «Коло» С. Враза, письма которого изобилуют подсказками по методологии сбора этнографического материала. Он просит фиксировать описание обычаев и фольклора на местном диалекте, дает рекомендации по типологии материала и подчеркивает связь между фольклорным текстом и контекстом, к чему современная наука пришла гораздо позже (Banov-Depope, 2012. S. 90).

М. Маяр и Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. в Москве

Любовь М. Маяра к славянству и России отразилась, прежде всего, в его труде «Грамматика рус-

[6] О субэтнических группах фриульских словенцев (резьянах и словиинах), проживавших в Триестской области, и их диалектах до М. Маяра писали, например, П.-Й. Шафарик (Шафарик, 1842. С. 109–113), И.И. Срезневский (Срезневский,1844).

ская для словенцев», которая вышла в 1867 г. в Вене на средства риекского купца Г. Блажа, горячего русофила, доброго знакомого русского консула в Риеке Л.В. Березина. О выходе этой грамматики сразу же сообщила славянофильская газета «Москва». Правда, спустя несколько дней она напечатала на книгу Маяра очень сдержанную рецензию, но какие бы недостатки грамматика ни имела, в течение десятков лет она оставалась единственным пособием для словенцев при изучении русского языка (Чуркина, 1986. С. 74–79). Интерес к России, несомненно, повлиял на его желание участвовать в крупнейшем культурном событии для всего славянского мира – открытии в 1867 г. в Москве первой Всероссийской этнографической выставки и Славянского съезда.

Отметим, что начиная с середины XIX в., этнографическая наука утверждалась не только в странах Европы и Америки, но и в России. Огромный фактический материал, накопленный к этому времени, привел к появлению обобщающих аналитических трудов, теоретических концепций, к возникновению этнографических обществ и специальных периодических изданий, созданию музеев и выставок.

Научно-просветительскими целями выставки были: демонстрация величия и огромного многообразия необъятной Российской империи, а также сопредельных зарубежных славянских стран, стимулирование интереса к изучению материальной и духовной культуры разных народов, стремление на основании богатейших коллекций создать в Москве этнографический музей и Этнографический отдел Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ИОЛЕАЭ).

20 мая славянские гости, в числе которых был М. Маяр, прибыли в Петербург. Путешествие от границы до Петербурга, проживание в столице и в Москве Маяру было оплачено оргкомитетом выставки (Матвей Маяр Зильский, 2010, С. 291). Выставка проходила в московском Манеже с 23 апреля по 18 июня и вызвала большой общественный резонанс не только в России, но и в европейских странах. Внушительным было число гостей (81) из зарубежных славянских стран, находящихся под властью Австро-Венгрии и Османской империи. Среди приглашенных были и словенцы, но в Россию решились поехать только трое из них, в том числе и М. Маяр.

В огромном зале Манежа на специальных платформах размещалось около 300 искусно выполненных восковых манекенов, облаченных в традиционные народные одежды инородцев России и восточных славян, а в *третий подотдел* входили западные и южные славяне Центральной и Юго-Восточной Европы (62 манекена).

Русский священник в Вене М.Ф. Раевский еще задолго до открытия выставки связался с Л. Томаном и Я. Блейвейсом – руководителями Матицы Словенской с просьбой прислать на выставку предметы быта словенцев. Несмотря на то, что Маяру было отказано епископом Виери в поездке в Москву, он все же в 1866 г. послал в Россию костюмы зилян и зилянок. Они и другие этнографические экспонаты были закуплены Маяром на его личные средства (315 гульденов). За свой дар он получил от организаторов выставки награду второй степени, ИОЛЕАЭ присвоило ему диплом действительного члена общества, он был также принят в члены Общества любителей русской словесности и стал членом-корреспондентом Новороссийского университета в Одессе (Зарубежные славяне и Россия, 1975. С. 281)[7].

Итак, Маяр прислал в подготовительный комитет выставки праздничную жанровую сцену сельской свадьбы субэтнической группы *словенцев-зилян*, и в приложении к ней фотографии и рисунки, изображающие главных персонажей свадьбы (4-х мужчин и 2-х женщин). Руководствуясь этими материалами, русские художники и скульпторы изготовили восковые манекены. Жених был одет в красный кафтан, на голове – круглая шляпа, украшенная перьями и цветами, невеста в живописном наряде, сочетающем белые и ярко красные тона. Возглавлял свадебную процессию знаменосец на коне (барьяктар), он свистел, созывая народ

[7] Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века. М.: Наука. 1975. 576 с.

на свадьбу, в руке держал знамя, а сабля висела у него на поясе. Знаменосец первым подъезжал к дому невесты и начинал стучать в дверь саблей, пока он стучал подъезжали и сваты, которые кричали и пели песни. После продолжительного стука в дверь, ее наконец открывали, в прихожей сидели мужчины и женщины, держа в руках вилы и делая вид, что они обороняются от незнакомых гостей, чтобы те не вошли в дом. Внимание посетителей, осматривающих эту композицию, было привлечено к архаичному обряду «разбивания бочки» (символ счастливого брака и потери женихом и невестой девственности в брачную ночь), к дружке, в руках которого было старинное изделие «пошиляне» (эмблема супружества) – изображение петуха на одном зубце вил, а на другом – свечки (Указатель этнографической выставки, 1867. С. 70–76)[8]. Предметы крестьянского быта были размещенные на заднем плане экспозиции, а на небольшом искусственном деревце были прикреплены: два яблока, две фигурки, мужская и женская, орехи – символ соединения полов (газета Русский. Москва. 1867. № 19–20 (май). С. 318).

Дар Маяра сопровождала написанная им записка («Объяснение группы»), которая, по мнению филолога и фольклориста академика М.Н. Сперанского, была не просто описанием всех деталей свадебного обряда, а целым трактатом, излагающим соображения и взгляды Маяра по поводу обычаев и прошлого словенцев, отчасти и других славянских народов. К сожалению, это объяснение было утрачено и сохранилось лишь в переводе известного слависта Н.А. Попова на русский язык. Говоря об «Объяснении», М.Н. Сперанский писал, что научная методика Маяра не выходила далеко за пределы XVIII в., присовокупляя к ней лишь то, что было уже наработано в первой половине XIX столетия. Маяр отрицал заимствования и позднейшие наслоения в области народного творчества, устное поэтическое творчество он рассматривал с точки зрения влияния на него мифологических сюжетов и был убежден, что все словенские обычаи вели свое происхождение из глубокой древности, когда славяне были едины. Давая оценку этнографическим материалам Маяра М.Н. Сперанский сделал вывод, что они дают право отнести Маяра «к числу замечательных <…>, если не исследователей, то собирателей» (Сперанский, 1931. С. 988–1000; Всероссийская этнографическая выставка…, 1867. С. 335).

В заключение подчеркнем, что М. Маяра несомненно можно назвать не только выдающимся борцом за национальное возрождение зарубежных славян, но и просветителем, внесшим огромный вклад в формирование идентичности словенцев. Для его научного творчества характерен комплексный подход к изучению жизни словенцев в XIX в.: это и стремление М.Маяра к созданию словенского литературного языка, и введение его преподавания в школах и семинариях, его политические программы, и значимые этнографические и фольклорные изыскания, в которых он во многом явился первопроходцем.

Будучи последователем мифологической школы братьев Гримм, устное поэтическое творчество он рассматривал с точки зрения влияния на него мифологических сюжетов, обычаев и обрядов. Используя метод включенного наблюдения (сбор эмпирического материала), он приходил к важным обобщениям и выводам, что давало импульс дальнейшему развитию зарождающейся этнографии в словенских землях. На наш взгляд, его нельзя назвать лишь простым собирателем: он разработал методику сбора фольклорных материалов, создал инструкции по записям народных песен, а через них перекинул мост к описанию других культурных явлений. Думаю, что один из первых опытов обращения к этнографическим трудам широко образованного католического священника и прогрессивно мыслящего человека, безусловно, важен и интересен – в особенности для российских исследователей-этнологов и историков.

[8] Указатель русской этнографической выставки. М., 1867. 148 с.

Библиографический список

Будилович А. Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Варшава, 1892. Т. 2. 384 с.

Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867. X. 473 с.

Запольская Н.Н. «Общеславянский» литературный язык: модели Ю. Крижанича (XVII в.) и М. Маяра (XIX в.) // Славяноведение. 1996. № 1. С. 83–94.

Иванова Ю.В. Следы солярного культа // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука. 1983. С. 105–115.

Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В. История Словении. СПб.: Алетейя, 2011. 480 с.

Лескинен М.В. Понятие «нрав народа» в российских этнографических концепциях XIX в. // Славянский альманах. 2006. М.: Индрик, 2007. С. 281–311.

Матвей Маяр Зильский. Первый словенский панславист. Статья неизвестного автора для «Славянского обозрения» // Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.). М.: Древлехранилище, 2010. С. 290–299.

Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. 736 с.

Сперанский М.Н. К истории славянской этнографии // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. Сер. VII. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1931. № 8. С. 988–1000.

Срезневский И.И. Фриульские славяне (резьяне и словины) // Москвитянин. 1844. Ч. 5. № 9. С. 207–234.

Толстой Н.И. Избранные труды. Славянская литературно-языковая ситуация. М.: Языки русской культуры. 1998. Том II. 544 с.

Фермойлен Х.Ф. Происхождение и институализация понятия Volkerkunde (1771–1843) // Этнографическое обозрение. 1994. № 4. С. 101–109.

Францев В.А. Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Материалы для истории славянской филологии. Варшава, 1905. 1296 с.

Чуркина И.В. Всеславянская модель Матии Маяра Зильского // Славянский альманах. 2001. М.: Индрик, 2002. С. 106–119.

Чуркина И.В. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. – 1914 г. М.: Наука. 1986. 224 с.

Чуркина И.В. Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. – 1914. М.: Ин-

References

Budilovich A. (1892) Common Slavic language among other common languages of ancient and modern Europe . Varshava. Vol. 2. 384 p. (In Russ.)

(1867) All-Russian Ethnographic Exhibition and Slavic Congress in May 1867. Moscow. X. 473 p. (In Russ.)

Zapol'skaya N.N. (1996) “Common Slavic” literary language: models by Y. Krizhanich (XVII century) and M. Mayar (XIX century). *Slavyanovedenie = Slavic studies*. No. 1. P. 83–94. (In Russ.)

Ivanova Yu.V. (1983) Solar cult traces. *Kalendarnye obychai i obryady v stranakh zarubezhnoi Evropy. Istoricheskie korni i razvitie obychaev = Calendar customs and ceremonies in the countries of foreign Europe. Historical roots and development of customs.* Moscow: Nauka. P. 105–115. (In Russ.)

Kirilina L.A., Pil'ko N.S., Churkina I.V. (2011) History of Slovenia. St. Petersburg: Aleteiya. 480 p. (In Russ.)

Leskinen M.V. (2007) The concept of "people's character" in Russian ethnographic concepts of the 19th century. *Slavyanskii al'manakh. 2006 = Slavic Almanac.2006.* Moscow: Indrik. P. 281–311. (In Russ.)

(2010) The first Slovenian pan-Slavist. Article by an unknown author for “Slavic Review”. *Russko-slovenskie otnosheniya v dokumentakh (XII v. – 1914 g.) = Russian-Slovenian relations in documents (XII century – 1914).* Moscow: Drevlekhranilishche. P. 290–299. (In Russ.)

(1991) *Mifologicheskii slovar' = Mythological dictionary*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 736 p. (In Russ.)

Speranskii M.N. (1931) To the history of Slavic ethnography. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk. Ser. VII = News of the USSR Academy of Sciences. Department of Social Sciences. Ser. VII.*. Leningrad: Akademiya nauk SSSR. No. 8. P. 988–1000. (In Russ.)

Sreznevskii I.I. (1844) Friulian Slavs (Rezyans and Slovins). *Moskvityanin = Muscovite.* Pt. 5. No. 9. P. 207–234. (In Russ.)

Tolstoi N.I. (1998) Selected Works. Slavic literary and linguistic situation. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. Vol. II. 544 p. (In Russ.)

Fermoilen X.F. (1994) Origin and institutionalization of the concept of Volkerkunde (1771–1843). *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic review.* No. 4. P. 101–109. (In Russ.)

Frantsev V.A. (1905) Letters to Vyacheslav Ganka from the Slavic lands. Materials for the history of Slavic philology. Varshava. 1296 p. (In Russ.)

Churkina I.V. (2002) All-Slavic model of Matiya Mayar Zilsky. *Slavyanskii al'manakh. 2001 = Slavic Almanac*. *2001.* Moscow: Indrik. P. 106–119. (In Russ.)

Churkina I.V. (1986) Russians and Slovenes. Scientific connections at the end of the 18th century – 1914. Moscow: Nauka. 224 p. (In Russ.)

Churkina I.V. (2017) Russia and the Slavs in the ideology of the Slovenian national activists of the 16th Century –

ститут славяноведения РАН, 2017. 576 с.

Шафарик П.-Й. О резьянах и фурланских словинах // Денница. Варшава, 1842. № 9 (май). С. 109–113.

Banov-Depope E. Recepcija slavenskih usmenih tradicija u časopisu Kolo. Riječki filološki dani 9. 2012. S. 83–93.

Breznik A. Razvoj novejše slovenske pisave pa Levčev pravopis // Dom in svet, letnik 26, številka 1. 1913. S. 28–32.

Fikfak J. Iz etnološkega in folkloističnega dela Jakoba Volčiča, objavljenega v Novicah 1851–1881 // Etnološka tribina 13–14/6–7. Zagreb, 1984. S. 97–105.

Fikfak J. Ljudstvo mora spoznati sebe. Podobe narodopisja v 2. pol. 19. stoletja. Ljubljana: Založba ZRC, : Založba Forma 7. 1999. 242 s.

Fikfak J. Narodopisje in Matija Majar // Bojana Rogelj Škafar (ed.). Razstava Slovani Evrope = The Exhibition The Slavs of Europe: slovenski prispevek – the Slovene contribution. Loka pri Mengšu: Forum slovanskih kultur. Bruselj. 2008. S. 13–28.

Kidrič F. Zgodovina slovenskega slovstva. Ljubljana, 1929. 724 s.

Kovačič F. «Kalobski» rokopis slovenskih pesmi iz leta 1651 // Časopis za zgodovino in narodopisje. 1930. № 25. S. 181–205.

Majar M. Nekaj od Slovencev. Iz Koroškega // Novice. 1844. № 2. S. 136, 138–139, 151–152, 155–156, 159, 172, 175–176.

Majar M. Slovenske besede // Novice. 1845. № 3. S. 155–156, 159–160, 163, 170–171, 175, 178–179, 183, 186.

Majar M. Putovanje po Goričkom, Mletačkom i Tarstjanskom // Kolo. 1847a. VI. S. 20–37.

Majar M. Vile i šta o njih znade narod slovenski u Koruškoj // Kolo. 1847b. IV. S. 9–18.

Majar M. Slava Bogu v višavah // Novice. 1848. № 6. S. 50.

Majar M. Slovensko slovstvo // Drobtinice. 1849. № 1. S. 204–216.

Majar M. Narodove pesni // Slovenska bcela. 1850. № 1. S. 89–93.

Majar M. Slovenski običaji // Slovenska bčela. 1851. № 2 (1). 10–12, 27–28, 42–44, 58–60, 74–76, 90–92, 105–107, 121–122, 183–187.

Majar M. Slovenska gospoda // Novice. 1858. № 16. S. 194–197.

Majar M. Slovenščina na Slovenskem // Novice. 1859. № 50–51.

Majar M. Stanje slovencov // Novice. 1861. № 12. S. 95.

Majar M. Visoki raji // Novice. 1865. № 23. S. 135–136.

1914. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN. 576 p. (In Russ.)

Shafarik P.-I. (1842) About Rezyans and Furlansky Slavs. *Dennitsa* = Dennitsa. Varshava. No. 9. May. P. 109–113. (In Russ.)

Banov-Depope E. Recepcija slavenskih usmenih tradicija u časopisu Kolo. Riječki filološki dani 9. 2012. S. 83–93.

Breznik A. Razvoj novejše slovenske pisave pa Levčev pravopis // Dom in svet, letnik 26, številka 1. 1913. S. 28–32.

Fikfak J. Iz etnološkega in folkloističnega dela Jakoba Volčiča, objavljenega v Novicah 1851–1881 // Etnološka tribina 13–14/6–7. Zagreb, 1984. S. 97–105.

Fikfak J. Ljudstvo mora spoznati sebe. Podobe narodopisja v 2. pol. 19. stoletja. Ljubljana: Založba ZRC, : Založba Forma 7. 1999. 242 s.

Fikfak J. Narodopisje in Matija Majar // Bojana Rogelj Škafar (ed.). Razstava Slovani Evrope = The Exhibition The Slavs of Europe: slovenski prispevek – the Slovene contribution. Loka pri Mengšu: Forum slovanskih kultur. Bruselj. 2008. S. 13–28.

Kidrič F. Zgodovina slovenskega slovstva. Ljubljana, 1929. 724 s.

Kovačič F. «Kalobski» rokopis slovenskih pesmi iz leta 1651 // Časopis za zgodovino in narodopisje. 1930. № 25. S. 181–205.

Majar M. Nekaj od Slovencev. Iz Koroškega // Novice. 1844. № 2. S. 136, 138–139, 151–152, 155–156, 159, 172, 175–176.

Majar M. Slovenske besede // Novice. 1845. № 3. S. 155–156, 159–160, 163, 170–171, 175, 178–179, 183, 186.

Majar M. Putovanje po Goričkom, Mletačkom i Tarstjanskom // Kolo. 1847a. VI. S. 20–37.

Majar M. Vile i šta o njih znade narod slovenski u Koruškoj // Kolo. 1847b. IV. S. 9–18.

Majar M. Slava Bogu v višavah // Novice. 1848. № 6. S. 50.

Majar M. Slovensko slovstvo // Drobtinice. 1849. № 1. S. 204–216.

Majar M. Narodove pesni // Slovenska bcela. 1850. № 1. S. 89–93.

Majar M. Slovenski običaji // Slovenska bčela. 1851. № 2 (1). 10–12, 27–28, 42–44, 58–60, 74–76, 90–92, 105–107, 121–122, 183–187.

Majar M. Slovenska gospoda // Novice. 1858. № 16. S. 194–197.

Majar M. Slovenščina na Slovenskem // Novice. 1859. № 50–51.

Majar M. Stanje slovencov // Novice. 1861. № 12. S. 95.

Majar M. Visoki raji // Novice. 1865. № 23. S. 135–136.

Merhar B. Majar Matija (1809–1892) // Slovenski biografski leksikon: 5. zv. Maas – Mrkun. Ljubljana: Zadružna gospodarska banka. Ljubljana, Zadružna gospodarska banka, Maas – Mrkun. 1933. S. 65–69.

Novak V. Raziskovalci slovenskega življenja. Cankarjeva založba. Ljubljana, 1986. 367 s.

Rozman J. Matija Majar Ziljski // Dom in svet, 1893, letnik 6, št. 5. S. 193–296.

Slovenski etnološki leksikon. Narodna in univerzitetna knjiznica. Ljubljana, 2004. S. 304–305.

Merhar B. Majar Matija (1809–1892) // Slovenski biografski leksikon: 5. zv. Maas – Mrkun. Ljubljana: Zadružna gospodarska banka. Ljubljana, Zadružna gospodarska banka, Maas – Mrkun. 1933. S. 65–69.

Novak V. Raziskovalci slovenskega življenja. Cankarjeva založba. Ljubljana, 1986. 367 s.

Rozman J. Matija Majar Ziljski // Dom in svet, 1893, letnik 6, št. 5. S. 193–296.

Slovenski etnološki leksikon. Narodna in univerzitetna knjiznica. Ljubljana, 2004. S. 304–305.

Сведения об авторе

Керимова Мариям Мустафаевна,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Центр европейских исследований,
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
119991, г. Москва, Ленинский пр. 32а, Россия,
✉ e-mail: mkerimova@yandex.ru

Information about the author

Mariam M. Kerimova,
Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Center for European Studies,
Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maclay RAS,
32a, Leninsky avenue, Moscow 119991, Russia,
✉ e-mail: mkerimova@yandex.ru

Заявленный вклад авторов

М.М. Керимова выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Contribution of the authors

M.M. Kerimova carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 3 октября 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 25 октября 2020 г.
Принята к публикации 2 ноября 2020 г.

Article info

Received October 3, 2020.
Received October 25, 2020.
Accepted November 2, 2020.

Оригинальная статья / Original article
УДК 913
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-102-113

«Ввиду выдающихся заслуг»: к 175-летию Алексея Кирилловича Кузнецова

© А.В. Константинов[a], Н.Н. Константинова[b]

[a] Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
[b] Забайкальский краевой краеведческий музей им. А.К. Кузнецова, г. Чита, Россия

Аннотация: Статья посвящена жизни и деятельности известного сибирского революционера, краеведа и музееведа Алексея Кирилловича Кузнецова (1845–1928), которому в 2020 г. исполнилось 175 лет со дня рождения. Ему посвящена обширная историография, включающая статьи, диссертационные исследования, монографии. Авторы критически осмысливают имеющиеся о нем материалы: документы научного архива и фонда Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова, Государственного архива Забайкальского края, отчеты Забайкальского (Читинского) отделения Русского географического общества (РГО), публикации самого А.К. Кузнецова и фотодокументы. Обращаясь к революционному аспекту биографии А.К. Кузнецова, авторы показывают его участие в нечаевском кружке, событиях Первой русской революции в Чите, пребывание на Нерчинской каторге и в Якутской ссылке. В свете объективной оценки вклада А.К. Кузнецова в науку и культуру Сибири подчеркивается его роль в развитии краеведения и музееведения, в том числе благодаря созданным им музеям – Нерчинского и Читинского. Отмечено его лидерство в создании и развитии Читинского (Забайкальского) отделения Русского географического общества как регионального научно-исследовательского и культурно-просветительного центра. В опровержение попыток низвергнуть имя А.К. Кузнецова и умалить его роль как общественного деятеля, которые имели место в 1930–1940-х гг., авторы признают его выдающийся вклад в развитие науки и культуры Сибири. В настоящее время Сибирь обладает громадным наследием А.К. Кузнецова (созданные им музеи с научными коллекциями, библиотеки с редкими изданиями, подразделения РГО, научные труды, циклы фотографий). Безусловно, имя А.К. Кузнецова как революционера, общественного и научного деятеля стоит в одном ряду с именами других знаменитых сибиряков – Н.М. Ядринцевым, Г.Н. Потаниным, Н.М. Мартемьяновым, Д.А. Клеменцом, Г.Ц. Цыбиковым.

Ключевые слова: А.К. Кузнецов, Забайкалье, Чита, Нерчинск, Читинский музей, Нерчинский музей, музееведение, краеведение, революционное движение, фотография, каторга, Акатуй, Русское Географическое общество

Для цитирования: Константинов А.В., Константинова Н.Н. «Ввиду выдающихся заслуг»: к 175-летию Алексея Кирилловича Кузнецова // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 102–113. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-102-113

“In view of his great achievements”: for the 175th anniversary of Alexey K. Kuznetsov

© Alexander V. Konstantinov[a], Natalya N. Konstantinova[b]

[a] Transbaikal State University, Chita, Russia
[b] Transbaikal regional Museum of Local Lore and History named after A.K. Kuznetsov, Chita, Russia

Abstract: The paper features the life and scientific activity of a wellknown Siberian revolutioner, regional scientist and museum activist Alexey K. Kuznetsov (1845–1928). 2020 marked his 175th anniversary. A large set of historical data is devoted to him, which includes articles, dissertational theses and monographs. The authors take a critical look at the material devoted to him: documents from the scientific archive and the research facilities of Transbaikal Regional Museum of Local Lore and History named after A.K. Kuznetsov, Transbaikal State Archive, reports of the Transbaikal (Chita) Department of the Russian Geographic Society, and A.K. Kuznetsov’s scientific publications and photographs. When dealing with the revolutionary aspect of A.K. Kuznetsov’s biography, the authors describe his participation in Nechayev circle, events of the First Russian Revolution, the time spent in exile in Nerchinsk and Yakutsk. In terms of objective evaluation of A.K. Kuznetsov’s contribution to the science and culture of Siberia the authors emphasize his role in the promotion of regional and museum studies including the museums

he created in Chita and Nerchinsk. The present paper also stresses his leading role in the foundation and promotion of Chita (Transbaikal) department of the Russian Geographic Society as regional scientific, research and educational center. Arguing against the attempts to diminish A.K. Kuznetsov’s role as a public figure which took place in 1930–1940s, the authors stress the importance of his great contribution to the development of science and culture and Siberia. At present Siberia boasts vast heritage left by A.K. Kuznetsov (founded museums with scientific collections, libraries with rare publications, RGS department, his scientific works and photographs). Without a doubt, the name of A.K. Kuznetsov as a revolutionary, public figure and a scientist stands among the names of other famous Siberian figures like N.M. Yadrintsev, G.N. Potanin, N.M. Martyemyanov, D.A. Klements and G.Ts. Tsibikov.

Keywords: A.K. Kuznetsov, Transbaikal region, Chita, Nerchinsk, Chita Museum, Nerchinsk Museum, museum studies, regional studies, revolutionary movement, photography, exile, Akhatui, the Russian Geographic Society

For citation: Konstantinov A.V., Konstantinova N.N. (2020) “In view of his great achievements”: for the 175th anniversary of Alexey K. Kuznetsov. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 102–113. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-102-113

В год 175-летия Русского географического общества (РГО) представляется важным обратиться к деятелям общества, внесшим значительный вклад в его развитие. В Сибири к таковым, несомненно, относится Алексей Кириллович Кузнецов, 175-летие со дня рождения которого культурная и научная общественность отметила в 2020 г. А.К. Кузнецов широко известен как революционер, краевед, музеевед. В 1920-е годы он был признанным лидером краеведческого движения в Сибири. Его первая обширная биография была опубликована еще в 1926 г. (Кузнецов…, 1926). В 1929 г. в Чите был опубликован небольшой сборник «Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова», который содержал две статьи, а также список его публикаций и рукописей (Памяти…, 1929). Статья Н.Н. Жукова «Жизнь и деятельность Алексея Кирилловича Кузнецова», как признавался автор, служила «только слабой попыткой обрисовать многолетнюю, многогранную и ярко-красочную деятельность Алексея Кирилловича» ... Полную же оценку всей деятельности А.К. может дать только кропотливая работа исследователя в течение многих лет» (Жуков, 1929. С. 5). В 1929 и 1930 г. последовала серия «памятных» статей об А.К. Кузнецове (рис. 1).

Однако призыв продолжить изучение биографии и творческого наследия А.К. Кузнецова не получил развития и к этой теме вернулись лишь в 1950-е годы. Пожалуй, первой публикацией стала книга С. Морозова «Русские путешественники-фотографы» (Морозов, 1953), где высоко оценивалось его фотонаследие. В книге Е.Д. Петряева

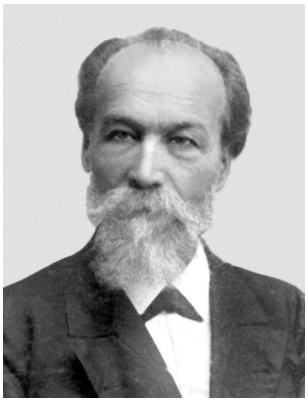

Рис. 1. Алексей Кириллович Кузнецов (1845–1928)
Fig. 1. Alexey Kirillovich Kuznetsov (1845–1928)

«Краеведы и литераторы старого Забайкалья» о Кузнецове говорится коротко как о музееведе (Петряев, 1954. С. 210, 213). Затем материалы о нем особенно в местной печати стали появляться регулярно, поэтому отметим лишь основные. А.К. Кузнецову посвящена отдельная глава в диссертационном исследовании по музейному делу в Восточном Забайкалье Н.Н. Закаблуковской (Закаблуковская, 2004)[1], а также самостоятельные разделы в «Энциклопедии Забайкалья». Ряд материалов посвящен археологическим изысканиям А.К. Кузнецова (Михалкин, 1929; Матющенко, 2001. С. 41; Константинов, 2002; Эйльбарт, 2006; Длужневская, 2011 С. 197–198). Как музейный деятель

[1] Закаблуковская Н.Н. Музейное дело Восточного Забайкалья (конец XVIII в. – 1930 г.): дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004. 240 с.

А.К. Кузнецов представлен в монографии Н.Н. Константиновой «Краеведческий музей в Чите: история (1894–1970-е годы)» (Константинова, 2020). В научно-популярном изложении его биография дана в книге «Человек редкой чистоты. Жизнь и деятельность А.К. Кузнецова» А.О. Баринова и Н.Н. Закаблуковской (Баринов, Закаблуковская, 2020). Таким образом, мы имеем достаточно обширную историографию, посвященную жизни и деятельности А.К. Кузнецова.

В данной статье авторы ставят перед собой задачу дать объективную оценку вклада А.К. Кузнецова не только в развитие сибирской культуры в целом, но и показать его как революционного деятеля. При этом авторы критически переосмысливают указанные выше публикации, привлекая материалы Забайкальского краевого музея им. А.К. Кузнецова, Государственного архива Забайкальского края, отчеты Забайкальского (Читинского) отделения РГО, публикации А.К. Кузнецова, фотодокументы, ранее не доступные воспоминания деятелей революционного движения. Статья построена не по хронологическому принципу, а по направлениям его деятельности.

А.К. Кузнецов родился 13 февраля 1845 г. в г. Херсон в купеческой семье. После окончания уездного и Московского коммерческого училищ успешно обучался в Московской сельскохозяйственной академии (Кузнецов, 1925). В период завершения учебы, находясь под влиянием народнических идей, он примкнул к революционному кружку С.Г. Нечаева и стал прямым свидетелем расправы нечаевцев над студентом Ивановым, за что в начале 1870 г. был арестован и приговорен к 10 годам каторжных работ (Кузнецов…, 1926; Жуков, 1929. С. 5). Впоследствии он испытал нравственные муки за совершенное злодеяние и постоянно задавал себе вопрос, почему Нечаев смог увлечь его и других членов кружка на путь расправы со своими противниками.

Наказание Кузнецов отбывал на Карийской каторге в Забайкалье. Здесь он жил свободно, но при этом выполнял «урок» – задание по заготовке дров, а затем и по поручению тюремного начальства занимался школой и детским приютом. В 1976 г. Кузнецову разрешили поселиться в Нерчинске, где он продолжает поддерживать нелегальную связь с народовольцами на Каре, оказывая им различные услуги. За это он вновь был арестован и полтора года провел в нерчинской тюрьме. Этот период жизни А.К. Кузнецова достаточно хорошо известен (Жуков, 1929. С. 8–22).

Об активности Кузнецова в Первой русской революции свидетельствует интересный документ, составленный им совместно с членами Совета местного РГО в июне 1905 г. в ответ на запрос правительства. Этот документ – Постановление Читинского отделения Императорского Русского географического общества (ИРГО) «по вопросам государственного благоустройства и благосостояния Забайкальской области», в котором была дана объективная характеристика социально-экономического состояния края. Подчеркнув тяжелейшее положение области, авторы предлагали выход: организацию свободного местного земского самоуправления и выборы народных представителей на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов (Постановления…, 1905)[2]. В условиях нарастающей революции А.К. Кузнецов на виду: организует митинги и председательствует на них, избирается почетным членом Забайкальского областного комитета партии социалистов-революционеров. После разгрома так называемой «Читинской республики» решением Временного военного суда был «лишен всех прав состояния и приговорен к смертной казни через повешение». Его жизнь была спасена благодаря ходатайству Академии наук и Императорского Русского географического общества: смертная казнь заменена десятилетней каторгой в Акатуе (Забайкалье) **(**Жуков, 1929. С. 41; Закаблуковская, 2004. С. 91[1]).

В автобиографии об этом периоде жизни (1906–1908) в отличие от описания его пребывания на Каре сказано предельно кратко: «Каторгу отбы-

[2] Постановления отделения по вопросам государственного благоустройства и благосостояния Забайкальской области // Записки Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. VII. Чита: Типо-литография Торгового Дома «П.А. Бадмаев и К°», 1905. 14 с.

вал в Акатуе. Принимал участие во всех партийных работах; был в организации побегов политссыльных, нес обязанности казначея, заведовал лавкой и проч.» (Кузнецов…, 1989. С. 132). Из воспоминаний бывших каторжан известно, что в Акатуе Кузнецов оказался в окружении «цвета» социалистов-революционеров. Это были Г.А. Гершуни, Е.С. Сазонов, П.А. Куликовский, П.П. Прошьян, М.А. Спиридонова, Ф.Е. Каплан и др. М.А. Спиридонова в своих мемуарах «Из жизни на Нерчинской каторге» вспоминала: «В Акатуе мы встретили ветерана революции, старика Алексея Кирилловича Кузнецова. Он был уже на каторге по делу Нечаева... Бесконечно грустно было видеть среди нас старого каторжанина. …Всегда ровен, всегда в работе и занятиях, весел, необычайно со всеми любезен, обходителен, такой был чудесный, ясный старик» (Спиридонова, 1925. С. 180). В 1908 г. А.К. Кузнецова из Акатуя отправили на поселение в Намский улус (Якутская область), а в 1911 г. ему удалось добиться перевода в Якутск, где он пробыл до 1913 г. (рис. 2).

Революционная активность А.К. Кузнецова вновь проявилась в февральских событиях 1917 г. Известна фотография: в Чите впереди колонны освобожденных политических узников Нерчинской каторги со знаменем в руках, на котором надпись «Земля и воля», шагает Кузнецов. О тех событиях вновь читаем в воспоминаниях М.А. Спиридоновой: «В 1917 году мы увиделись с ним (с Кузнецовым – авт.) в Чите, где он успел обрасти тысячью культурно-просветительных дел и вел для своего возраста совершенно неестественную по кипучей деятельности жизнь. Глубоко образованный человек, он участвовал, кажется, во всех ученых обществах и кружках города, подновил и обогатил свой историко-этнографический музей, произведение своих долголетних трудов и хлопот, участвовал в эсеровском комитете. Видно было всегда, что он ухитрился сберечь и полноту своего ума и жизненную бодрость» (Спиридонова, 1925. С. 180). В это же время он вошел в состав Читинской городской думы. Октябрьскую революцию Кузнецов встретил с недоверием и даже враждебно, о чем писал

Рис. 2. Политкаторжане в Акатуйской тюрьме. 1907 г. (в первом ряду второй слева А.К. Кузнецов)
Fig. 2. Political convicts in Akatuy prison. 1907 (in the first row, second left is A.K. Kuznetsov)

Н.Н. Жуков (в 1920-е гг. председатель Читинского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев). Как он пояснял, «большинство деятелей 1860–80-х гг., законсервированных условиями каторги и ссылки, к 1917 г. сохраняли свои прежние обветшавшие убеждения». Преодолев эти настроения, в конце 1920 г. А.К. Кузнецов начинает работать «рука об руку» с новой властью «не за страх, а за совесть» (Жуков, 1929. С. 47).

Просветительство А.К. Кузнецова в Забайкалье проявилось вначале организацией на Карийской каторге школы для детей тюремных служащих и крестьян окрестных деревень. Некоторые из его учеников продолжили учебу в уездных училищах и даже в Иркутской гимназии. Затем ему поручили руководить детским тюремным приютом, о неудовлетворительном состоянии которого Кузнецов писал: «Я не знаю в мире уголка, где были бы более несчастные дети». Всецело поглощенный заботой о детях, Кузнецов добился выделения для приюта нового помещения, рядом организовал большой огород и парк, устроил мастерские. На педагогическом поприще им были достигнуты значительные успехи (Жуков, 1929. С. 16).

Поселившись после окончания каторги в Нерчинске, он работает на сельскохозяйственной ферме известного золотопромышленника М.Д. Бутина, а в 1885 г. открывает собственную фотографию. Фотодело дает относительную независимость и солидный заработок. Все последующие годы при заполнении различных анкет в графе «род деятельности» указывал – фотограф. Переехав в Читу в 1889 г., он продолжил занятия фотографией. Со своим фотоаппаратом посетил различные уголки Забайкальской области, сделав массу снимков и собрав различные коллекции. В течение нескольких лет А.К. Кузнецов создал одиннадцать тематических фотоальбомов. По его заказу типографии оформляли тиснением обложки альбомов с названиями: «Декабристы в Забайкалье», «Забайкальская железная дорога», «Сельскохозяйственная и промышленная выставка в Чите 1899 года» и т. д., с указанием автора фотографий. В собрании фотоальбомов Кузнецова есть альбом «Виды и типы Нерчинской каторги». Возможно, на его создание Кузнецова натолкнула встреча в Нерчинске в 1886 г. с американцами – журналистом Дж. Кеннаном и художником Дж. Фростом (позже Кеннан в своей знаменитой книге «Сибирь и ссылка» рассказал об этой встрече) (Кеннан, 1906). На основе его снимков печатались и продавались фототооткрытки с видами Забайкалья, которые пользовались большим спросом. Успехи А.К. Кузнецова в области фотографии получили высокое признание. Как уже упоминалось, в 1953 г. вышла книга С. Морозова «Русские путешественники-фотографы», где его фамилия стоит рядом с именами И.Д. Черского, Г.Н. Потанина, В.И. Роборовского, Г.Ц. Цыбикова, Г.Е. и М.Е. Грумм-Гржимайло, В.А. Обручева и др. (Морозов, 1953. С. 35–37).

В фотографиях Кузнецова получила отражение и тема политической каторги в Акатуе. Этот факт его биографии до последнего времени оставался неизвестным. На сайте «Нерчинская каторга 1907–1917»[3], посвященном судьбе революционерки Ревекки Моисеевны Фиалки, помещен альбом фотографий. На обложке альбома надпись тиснением: «Альбом открытых песен фотографа А.К. Кузнецова из Читы». На обратной стороне рукой А.К. Кузнецова написано: «Многоуважаемой Ревекке Моисеевне Фиалке на добрую память от старого товарища. А.К. Кузнецов. 1 января 1907 г. Акатуй». В альбоме 120 фотографий, среди них преобладают окрестности Акатуя, виды тюрьмы, бытовые сцены, групповые и одиночные фотографии заключенных, отдельные фотографии сделаны в Мальцевской тюрьме. Ряд фотографий подписаны – «Акатуй», «В Мальцевской тюрьме» и т. д., на некоторых фотографиях мы узнаем А.К. Кузнецова. Представляется доказательным, что эти фотографии сделаны А.К. Кузнецовым, а печатались они, что вполне вероятно, в Акатуе в фотолаборатории, устроенной рядом с тюрьмой в помещении метеорологической станции, открытой в 1890-е годы усилиями Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО. Наряду с воспоминаниями бывших политкаторжан об Акатуе и Мальцевке (они приводятся на сайте) эти

[3] Нерчинская каторга, 1907–1907. [Электронный ресурс]. URL: old.memo.ru/nerczinsk/pictures/albom.htm (дата обращения 15.04.2020).

фотографии являются ценным источником по данной теме.

Другим важным делом А.К. Кузнецова стало музееведение. Собранные им в Нерчинске коллекции (10 тыс. предметов) побудили его к созданию музея с библиотекой. Этой идеей Кузнецов заинтересовал купца И.Ф. Голдобина, который выделил значительные средства. Музей и библиотека были созданы, хотя городская дума и нерчинское общество проявили равнодушие к их созданию. Но после посещения музея цесаревичем Николаем (1891), который пробыл здесь, к удивлению жителей, более часа, пожертвовал музею 500 руб. и подарил Кузнецову бриллиантовую булавку, отношение к нему и его детищу изменилось: вскоре Кузнецов стал Почетным гражданином Нерчинска (Кузнецов…, 1926. С. 232; Жуков, 1929. С. 26–28). Это направление деятельности А.К. Кузнецова было продолжено и в Чите, когда в 1894 г. было создано Читинское отделения Приамурского отдела ИРГО (ЧОПОИРГО) и музей с библиотекой как его отдел. Согласно программе, разработанной ЧОПОИРГО, музей должен был представлять «наглядную картину природы, как окружающей нас, так и отжившей, и проявлений человеческого ума как в настоящее время, так и в прошедшем» (Отчет…, 1897. С. 49)[4]. Благодаря подвижнической деятельности Кузнецова музей и библиотека были открыты уже в апреле 1895 г. Провинциальный музей сразу же взял высокую планку, участвуя в российских и международных выставках – Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде (1896), юбилейной выставке Центрального общества правильной охоты в Москве (1898), Всемирной выставке в Париже (1900) (Отчет…, 1896. С. 8[5]; Отчет…, 1897. С. 31[4]).

Музей приносил А.К. Кузнецову радости и разочарования, поскольку благополучие этого учреждения зависело, прежде всего, от отношения властей. А.К. Кузнецову несколько раз приходилось восстанавливать музей после его перемещений, пожаров. Были годы, когда Кузнецова отстраняли от его руководства, например, в 1901–1904, а также в период каторги и ссылки в 1906–1913. Кстати во время ссылки в Якутии он принял участие в восстановлении Якутского музея (ныне Якутский республиканский краеведческий музей им. Е.М. Ярославского). К руководству музеем в Чите он вновь вернулся в 1913 г. по ходатайству Читинского отделения ПОИРГО перед Иркутским генерал-губернатором Л.М. Князевым и принял активное участие в перемещение музейных коллекций в новое здание (ныне это здание Забайкальского краевого музея им. А.К. Кузнецова). Прилегавшая к зданию территория была отведена под устройство ботанического сада, поборником которого также стал А.К. Кузнецов. Библиотека к этому времени была передана городу и стала самостоятельным учреждением (ныне это Забайкальская краевая универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина) (Головачев, 1905; Константинова, 2020. С. 24).

А.К. Кузнецов оградил музей от попыток властей отдать его помещения под нужды военного времени в 1915 и 1920 г. (Обзор деятельности…, 1924а. С. 54). В 1921 г. законом правительства Дальневосточной республики имя А.К. Кузнецова «ввиду выдающихся заслуг» было присвоено созданному им музею. Вскоре музей обрел статус государственного и Кузнецов стал его директором, но теперь уже на правах штатного сотрудника. В 1925 г. в соответствии с правительственными установками на отображение в музеях историко-революционной тематики возглавил работу по созданию соответствующего музейного отдела. Всецело отдавшись этой работе, начиная от сбора материалов, заканчивая его распределением и группировкой, при поддержке одного из выдающихся деятелей РКП(б) Е. Ярославского, давнего своего знакомого (вначале XX в. Е. Ярославский проходил воинскую службу в охране Читинского музея), Кузнецов добился выделения значительных средств на создание экспозиции. По сути, в

[4] Отчет Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 1896. Чита: Типография Торгового Дома «П.А. Бадмаев и К°», 1897. 68 с.

[5] Отчет о деятельности Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 1895. Чита: Типо-литография Торгового Дома «П.А. Бадмаев и К°», 1896. 41 с.

рамках Читинского музея им был создан Музей революции. Директором музея А.К. Кузнецов оставался до 1927 г., после чего продолжал работать сотрудником, разбирая коллекции и консультируя коллег (Краткий отчет…, 1927[6]; Жуков, 1929. С. 48, 49; Константинова, 2020. С. 34).

Нельзя не упомянуть об увлечении А.К. Кузнецовым археологией. Еще будучи в Нерчинске и путешествуя с фотоаппаратом по Забайкалью, он встречал и фиксировал разнообразные памятники древности. Например, в 1992 г. им были зафиксированы 20 «лапидарных» памятников (надписей, маяков, курганов, и т. д.) и 25 стоянок, а результаты исследований были изложены в статье «Археологические изыскания в юго-восточном Забайкалье летом 1892 г.» (Кузнецов, 1893). В археологическом отношении он обследовал долины Ингоды, Онона, Или, Аргуни, оз. Бальзино, окрестности Нерчинска и Читы. Особо следует упомянуть о его работах по изучению Кондуйского городка (Кузнецов, 1925). Полученные коллекции легли в основу археологических отделов Нерчинского и Читинского музеев.

Деятельность А.К. Кузнецова теснейшим образом связана с Русским географическим обществом. Первоначально он стал членом Восточно-Сибирского отдела ИРГО**,** в «Известиях» ВСОРГО была опубликована и его первая научная статья (Кузнецов, 1893). Но наиболее активная и целенаправленная его работа как крупного деятеля РГО началась в связи с созданием Читинского отделения ПОИРГО в 1894 г. И хотя инициатива создания отделения исходила от властей, реальная работа по его организации была проведена А.К. Кузнецовым и врачом Н.В. Кириловым, которые и стали его членами-учредителями. Несомненно, создание Читинского отделения стало примером удачного соединения интересов государства и общества в целях изучения края в условиях наличия здесь лишь небольшой прослойки образованных людей (рис. 3).

Как один из организаторов отделения РГО и музея А.К. Кузнецов по праву занял лидирующие позиции в этой деятельности. Именно ему доверили выступить с докладом на торжественном собрании, посвященном 50-летию Императорского Русского географического общества. Показав деятельность РГО в целом, и особенно отметив его роль в изучении Сибири, А.К. Кузнецов обратился к аудитории со словами: «Забайкалье исследовано до сих пор менее других частей империи отчасти вследствие отдаленности от центров просвещения. На этом поприще не только для нас, с нашими слабыми силами, но и для последующих поколений, которые будут вооружены большей опытностью и знаниями, предстоят обширные труды. … под высоко поднятым могучим знаменем Императорского Русского Географического общества употребим все силы на полную работу для дорогого нам Забайкалья» (Кузнецов, 1897. С. 158).

В 1898–99 годах под руководством А.К. Кузнецова активисты Читинского отделения провели всю работу по организации в Чите областной сельскохозяйственной и промышленной выставки: на расчищенной территории был разбит городской парк. Организованную на территории парка выставку с 15 августа по 10 сентября 1899 г. посетило 17 тыс. человек (при населении г. Читы в 12 тыс.). Следует особо подчеркнуть, что особое внимание привлекал музей-дацан, который был организован Кузнецовым при финансовой поддержке бурятского населения. По итогам выставки А.К. Кузнецовым был подготовлен отчет, опубликована статья и создан альбом фотографий (Кузнецов, 1899; Головачев, 1905. С. 12).

Несмотря на то, что начиная с 1917 г. Читинское отделение РГО испытывало организационные и финансовые трудности, оно продолжало действовать под руководством А.К. Кузнецова, который фактически стал его председателем. По его предложению отделение стало называться Забайкальским (ЗОРГО), также он принял участие в разработке его устава. В эти годы А.К. Кузнецова всецело поддерживали соратники – А.Н. Добромыслов, Ю.О. Горбатовский, И.П. Сверкунов, М.И. Союзов, А.В. Харчевников, М.С. Бронштейн, Е.И. Титов, Н.Н. Жуков и др.

[6] Краткий отчет о деятельности Забайкальского отдела Государственного русского географического общества (с 1-го мая 1924 года по 1-е октября 1926 года). Чита: Тип. акц. об-ва «Печатное дело»), 1927. 24 с.

Рис. 3. Совет Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества (ЧОПОИРГО). 1898 г. (второй слева стоит А.К. Кузнецов)
Fig. 3. Council of the Chita Branch of the Priamursky Department of the Imperial Russian Geographical Society (CHOPOIRGO). 1898 г. (second from the left is A.K. Kuznetsov)

В 1924 г. в предисловии «Обзора деятельности Забайкальского отдела Русского Географического общества и Краевого музея им. А.К. Кузнецова за тридцать лет (1894–1924)» Кузнецов писал: «Будем надеяться, что ознакомившись с фактами, изложенными в предлагаемом «Обзоре», никто не осудит нас за скромную тридцатилетнюю деятельность, проникнутую исключительно одним стремлением быть полезными родному краю» (Обзор деятельности…, 1924b. С. 2; Гантимурова, 2010).

Выдающийся вклад А.К. Кузнецова в просветительскую, научно-исследовательскую деятельность, развитие краеведения и создание музейных центров был отмечен в 1925 г. в Чите на торжественном заседании по случаю его 80-летия, 55-летия научной и общественной деятельности, а также в связи с 30-летием ЗОРГО. Тогда же его имя как старейшего сибирского краеведа прозвучало на I Восточносибирском краеведческом съезде в Иркутске. Перечислим факты признания его заслуг перед обществом и государством: Почетный гражданин г. Нерчинска (1891), Малая золотая медаль Императорского Русского географического общества за труды в области этнографии (1902), Законом ДВР Читинскому музею присвоено имя А.К. Кузнецова (1921), Почетный председатель Забайкальского отдела Русского географического общества (1925), Большая золотая медаль Центрального Отделения Государственного Русского географического общества за создание музеев в Восточной Сибири (1925) (Жуков, 1929. С. 48).

Последние годы жизни оказались сложными для А.К. Кузнецова. В ноябре 1926 г. в Читинский окружком ВКП(б) поступило письмо из Читинского отдела ОГПУ, в котором в его адрес были выдвинуты обвинения в том, что он – бывший народоволец, эсер и даже провокатор. Компроматом послужили и бриллиантовая булавка, полученная им из рук цесаревича Николая, и отмена смертной казни в 1906 г. (Жеребцов, 2014; Закаблуковская, 2004. С. 184[1]). Спасло Кузнецова заступничество Е. Ярославского. С 1927 г. он стал терять своих соратников, которых как классово-враждебных элементов арестовывали или вынуждали уехать. В октябре 1928 г. подорванное

здоровье заставило А.К. Кузнецова отправиться в Москву на лечение, где он скончался 12 ноября (похоронен на Новодевичьем кладбище, могила сохранилась). Улица Старобульварная, к которой примыкало здание музея, стала называться Кузнецовской. Позже в связи с разрушительной политикой советской власти в отношении дореволюционных институтов, в данном случае и РГО, повлекших репрессии против краеведов этой школы, позиция изменилась. В результате этой репрессивной компании, в которой приняли участие, в том числе читинские историки и краеведы, музей в 1940 г. был лишен имени его основателя, улицу Кузнецовскую переименовали в честь соратника Ленина – В.И. Бабушкина. В докладной записке для работников обкома партии и ОблОНО директор музея В.Г. Изгачев заявлял: «А.К. Кузнецов несмотря на то, что внес большой вклад в развитие культуры, все-таки был поборником не пролетарской, а буржуазной культуры … Музею нельзя носить имя врага народа … Кузнецов боялся революционной борьбы масс. Он боролся против читинских рабочих, против диктатуры пролетариата, почти до самой смерти не признавал Советской власти. Поэтому вопрос о его имени должен быть навсегда забыт (Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. р2597. Оп. 1. Д. 6. Л. 14–15 об.; Константинова, 2019. С. 26; Константинова, 2020. С. 56–57, 84–85).

И только во второй половине 1950-х годов в результате выступления в печати научно-краеведческой общественности в защиту А.К. Кузнецова, а также на волне возрождения деятельности ЗОРГО, отношение властей к этой личности изменилось (Марков С. Буйволова голова. Литературная газета. 1957. 10 января.). В 1964 г. на музейном здании была открыта мемориальная доска в честь основателей и активных деятелей Читинского отделения Русского географического общества и Читинского музея. Первым в этом списке – имя А.К. Кузнецова. Вначале 1990-х гг. Читинский областной краеведческий музей вернул имя А.К. Кузнецова, стал регулярно проводить «Кузнецовские чтения». Накануне 175-летия со дня рождения А.К. Кузнецова в центре Читы установлен его бюст (декабрь 2018 г.) (рис. 4), а в день его юбилея

Рис. 4. Бюст А.К. Кузнецова, г. Чита
Fig. 4. Portrait sculpture of A.K. Kuznetsov, Chita

(13 февраля 2020 г.) в Забайкальском краевом краеведческом музее им. А.К. Кузнецова состоялось заседание общественности и открытие выставки «А.К. Кузнецов – основатель краеведческого музея в Чите». На заседании была дана высокая оценка деятельности А.К. Кузнецова, подчеркнута актуальность изучения его наследия, выдвинуто предложение о переиздании трудов. Безусловно, имя А.К. Кузнецова как революционера, общественного и научного деятеля стоит в одном ряду с именами других знаменитых сибиряков – Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, Н.М. Мартемьянова, Д.А. Клеменца, Г.Ц. Цыбикова.

Библиографический список

Баринов А., Закаблуковская Н. Человек редкой чистоты: жизнь и деятельность Алексея Кирилловича Кузнецова (1845–1928). Новосибирск: Деал, 2020. 120 с.

Гантимурова М.И. Забайкальский отдел Русского географического общества в годы революции и Гражданской войны (1917–1922) // Гуманитарный вектор. 2010. № 3 (23). С. 37–41.

Головачев Д.М. Десятилетие Читинского отделения Императорского Русского географического общества (1894–1904 гг.): речь читанная правителем дел Д.М. Головачевым на общем собрании отделения 31 октября 1904 г.; Оттиск из Зап. Чит. отд-ния Приамур. Отд. Имп. Рус геогр. о-ва. Чита. 1905. Вып. 5. 20 с.

Длужневская Г.В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 годах (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЭлекСис, 2011. 296 с.

Жеребцов Г.А. Первые председатели Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО // Забайкалье: природа, экономика, история, культура: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвященной 120-летию Забайкальского регионального отделения Русского географического общества (Чита, 15–16 октября 2014 г.) / Записки Забайкальского отделения Русского географического общества. Чита: ЗабГУ, 2014. Вып. 133. С. 20–26.

Жуков Н.Н. Жизнь и деятельность А.К. Кузнецова // Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. Чита: Печатное дело, 1929. С. 5–56.

Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: В двух частях. СПб.: Вл. Распопов, 1906. 286 с.

Константинова Н.Н. Читинский музей и массовое краеведение (1920–1930-е годы) // Записки Забайкальского отделения Русского географического общества. Чита: ЗабГУ, 2019. Вып. 136. С. 22–34.

Константинова Н.Н. Краеведческий музей в Чите: история (1894–1970-е годы). Чита: ЗабГУ; Улан-Удэ: Республиканская типография, 2020. 208 с.

Константинов М.В. Оракулы веков: этюды об исследователях Сибири. Новосибирск: СО РАН, 2002. 105 с.

Кузнецов А.К. Речь, произнесенная по случаю пятидесятилетия Императорского Русского Географического общества 21 января 1896 г. // Записки Читинского

References

Barinov A., Zakablukovskaya N. (2020) A man of rare purity: life and activity of Alexei K. Kuznetsov. (1845–1928). Novosibirsk: Deal. 120 p. (In Russ.)

Gantimurova M.I. (2010) Transbaikal Department of the Russian Geographic Society in the years of the Revolution and the Civil War (1917–1922). *Gumanitarnyi vektor = Humanitarian Vector.* No. 3(23). P. 37–41. (In Russ.)

Golovachev D.M. (1905) The Decade of the Chita Branch of the Imperial Russian Geographical Society (1894–1904). A speech read by the director of affairs D.M. Golovachev at the general meeting of the branch on October 31, 1904. Imprint from the Western Chita Department of the Imperial Geographical Society. Chita: Short-press partnership A.A. Levinson. Iss. 5. 20 p. (In Russ.)

Dluzhnevskaya G.V. (2011) Archaeological research in Central Asia and Siberia in 1859–1959 (based on the documents of the Scientific archive of the Institute of Material Culture History of the RAS). St. Petersburg: ElecSis. 296 p. (In Russ.)

Zherebtsov G.A. (2014) First chairmen of the Chita department of the Priamur branch of the Imperial RGS. *Zabaikal'e: priroda, ekonomika, istoriya, kul'tura: materialy mezhregion. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 120-letiyu Zabaikal'skogo regional'nogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva (Chita, 15–16 oktyabrya 2014 g.) / Zapiski Zabaikal'skogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva = Transbaikal region: nature, economics, history, culture. Materials of the cross-regional scientific and practical conference dedicated to 120th anniversary of Transbaikal regional department of the Russian Geographical Society (Chita, 15–16 October 2014). Notes of Transbaikal department of the Russian Geographical Society.* Chita: ZabGU. Iss. 133. P. 20–26. (In Russ.)

Zhukov N.N. (1929) Life and work of A.K. Kuznetsov. *Pamyati Alekseya Kirillovicha Kuznetsova = In tribute of Alexey Kirillovich Kuznetsov.* Chita: Pechatnoye delo. P. 5–56. (In Russ.)

Kennan G. (1906) Siberia and Exile: In two parts. St. Petersburg: Vl. Raspopov. 286 p. (In Russ.)

Konstantinova N.N. (2019) Chita Museum and popular regional studies (1920–1930). *Zapiski Zabaikal'skogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva = Notes of Transbaikal department of the Russian Geographical Society.* Chita: ZabGU. Iss. 136. P. 22–34. (In Russ.)

Konstantinova N.N. (2020) Regional Museum in Chita: its history (1894–1970). Chita: ZabGU; Ulad-Ude: Republican tipography. 208 p. (In Russ.)

Konstantinov M.V. (2002) Oracle of the Centuries: Etudes on the Explorers of Siberia. Novosibirsk: Siberian Branch RAS. 105 p. (In Russ.)

Kuznetsov A.K. (1897) Speech on the occasion of the 5th anniversary of the Imperial Russian Geographic Society, January 21st 1896. *Zapiski Chitinskogo otdeleniya Priamur-*

отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. Чита: [типолитография торгового дома П.А. Бадмаев и К°], 1897. Вып. II. С. 120–158.

Кузнецов А.К. Археологические изыскания в Юго-Восточной части Забайкалья летом 1892 г. // Известия ВСОИРГО. 1893. Т. XXIV. № 2. С. 1–12.

Кузнецов А.К. Обзор сельскохозяйственной и промышленной выставки в Чите в 1899 г. Чита, 1899. 72 с.

Кузнецов А.К. Развалины Кондуевского городка и его окрестности // Записки Забайкальского отдела Русского географического общества. Владивосток: Книжное дело, 1925. Вып. 16. 64 с.

Кузнецов Алексей Кириллович. Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7 изд., Т. 40. Приложения. II. Автобиографии революционных деятелей русского революционного движения 70-х и перв. полов. 80-х гг. М., 1926. С. 223–238.

Кузнецов Алексей Кириллович. Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 126–133.

Матющенко В.И. 300 лет истории сибирской археологии. Омск: ОмГУ, 2001. Т. 1. 178 с.

Михалкин И. Алексей Кириллович Кузнецов как археолог // Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. Чита: Печатное дело, 1929. С. 57–65.

Морозов С. Русские путешественники-фотографы. М.: Географгиз, 1953. 184 с.

Обзор деятельности Забайкальского отдела Русского Географического общества и Краевого музея им. А.К. Кузнецова за десять лет (1914–1924) / под ред. А.В. Харчевникова. Чита: Гостипография, 1924a. 91 с.

Обзор деятельности Забайкальского отдела Русского Географического общества и Краевого музея им. А.К. Кузнецова за тридцать лет (1894–1924) / под ред. А.В. Харчевникова. Чита: Гублит-Гостипография, 1924b. 91 с.

Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. Чита: Печатное дело, 1929. 75 с.

Петряев Е.Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Очерки из истории культуры края. Чита: Читинское книжное изд-во, 1954. 260 с.

Спиридонова М. Из жизни на Нерчинской каторге // Каторга и ссылка. 1925. № 2 (15). С. 165–181.

Эйльбарт Н.В. Исследователь Забайкалья Алексей Кириллович Кузнецов (1845–1928) // Клио. 2006. № 4 (35). С. 229–233.

skogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva = Notes of Chita Branch of the Priamur Department of the Imperial Russian Geographical Society. Chita: Tipolitography of the merchant house P.A. Badmayeva and K°. Iss. II. P. 120–158. (In Russ.)

Kuznetsov A.K. (1893) Archaeological research in South-Eastern part of Transbaikalia in summer 1892. *Izvestiya VSOIRGO = Bulletin of the East Siberian Branch of the Imperial Russian Geographic Society*. Vol. XXIV. No. 2. P. 1–12. (In Russ.)

Kuznetsov A.K. (1899) Overview of the agricultural and industrial exhibition in Chita in 1899. Chita. 72 p. (In Russ.)

Kuznetsov A.K. (1925) Ruins of Konduyevskiy town and its environs. *Zapiski Zabaikal'skogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva = Notes of Transbaikal Department of Russian Geographical Society.* Vladivostok: Kniznoye delo. Iss. 16. 64 p. (In Russ.)

(1926) Kuznetsov Alexey Kirillovich. Encyclopedian dictionary of the Russian bibliography institute Granat. Appendices. II. Autobiography of the revolutionary leaders of the Russian revolutionary movement of the 70s and first half of the 80s. Moscow. Vol. 40. P. 223–238. (In Russ.)

(1989) Kuznetsov Alexey Kirillovich. USSR and Russia's revolutionary movement activists. Encyclopedian dictionary Granat. Moscow: Soviet Encyclopediya. P. 126–133. (In Russ.)

Matyuschenko V.I. (2001) 300 years of Siberian archaeology's history. Omsk: OmGU. Vol. 1. 178 p. (In Russ.)

Mikhalkin I. (1929) Alexey Kirillovich Kuznetsov as archaeologist. To the memory of Alexey Kirillovich Kuznetsov. Chita: Pechatnoye delo. P. 57–65. (In Russ.)

Morozov S. (1953) Russian travellers – photographers. Moscow: Geographgiz. 184 p. (In Russ.)

Kharchevnikov A.V. (1924a) Summary of the activity of the Transbaikal Department of the Russian Geographic Society and the Regional Museum named after A.K. Kuznetsov during 10-year period (1914–1924). Chita: Gostipographiya. 91 p. (In Russ.)

Kharchevnikov A.V. (1924b) Summary of the activity of the Transbaikal Department of the Russian Geographic Society and the Regional Museum named after A.K. Kuznetsov during 30-year period (1894–1924). Chita: Gublit-Gostipographiya. 91p. (In Russ.)

(1929) In tribute of Alexey Kirillovich Kuznetsov. Chita: Pechatnoe delo. 75 p. (In Russ.)

Petryaev E.D. (1954) Researchers and writers of the old Transbaikalia. Essays from the history of culture of the region. Chita: Chita publishing house. 260 p. (In Russ.)

Spiridonova M. (1925) Life at Nerchinsk Exile. *Katorga i ssylka = Katorga and exile.* No. 2(15). P. 165–181. (In Russ.)

Eil'bart N.V. (2006) Researcher of the Transbaikal region Alexey Kirillovich Kuznetsov (1845–1928). *Klio = Klio.* No. 4 (35). P. 229–233. (In Russ.)

Сведения об авторах

Константинов Александр Васильевич,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории,
Забайкальский государственный университет,
672038, Чита, ул. Александро-Заводская, 30, Россия,
✉ e-mail: konstant1956@mail.ru

Константинова Наталья Николаевна
кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Забайкальский краевой краеведческий музей им. А.К. Кузнецова,
672000, г. Чита, ул. Бабушкина, 113, Россия,
✉ e-mail: asyapogod@yandex.ru

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 10 сентября 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 22 сентября 2020 г.
Принята к публикации 5 октября 2020 г.

Information about the authors

Alexander V. Konstantinov,
Dr. Sci (History), Full Professor, History Department,
Transbaikal State University,
30, Alexandrovo-Zavodskaya street, Chita 672038, Russia,
✉ e-mail: konstant1956@mail.ru

Natalya N. Konstantinova,
Cand. Sci (History), scientific officer,
Transbaikal regional Museum of Local Lore and History named after A.K. Kuznetsov,
113, Babushkin street, Chita 672000, Russia,
✉ e-mail: asyapogod@yandex.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

Received September 10, 2020.
Received September 22, 2020.
Accepted October 5, 2020.

Оригинальная статья / Original article
УДК 90;296.3.01
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-114-128

Амурский еврейский некрополь как этнокультурная составляющая жизни еврейской общины г. Иркутска первой половины XX в.

© Е.А. Берман, Е.Г. Павлова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: На протяжении долгой истории еврейской диаспоры отдельное кладбище являлось главным показателем жизнеспособности еврейской общины и признания ее властями. Поскольку чаще всего приобретение участка под некрополь и образование общины происходили одновременно, историю некоторых некрополей можно рассматривать как исток истории общины. Кладбище, возникшие при уже существующей общине, также несет большое количество важнейшей этнокультурной информации, которая чаще всего является недоступной из других исторических источников как об общине в целом, так и об отдельных ее членах. За 200 лет проживания евреев в г. Иркутске последовательно было организовано четыре еврейских кладбища, каждое из которых в свое время входило в состав или уже существующих, или вновь организованных общегородских некрополей, объединяющих отдельные обособленные кладбища для захоронения представителей различных конфессий. Два первых еврейских кладбища, входившие в состав общегородского Иерусалимского некрополя, не сохранились. Однако сохранилось третье, Амурское еврейское кладбище, основанное в 1900 г. и функционировавшее до середины 1960-х гг. Организация данного кладбища, форма и материал надгробий, а также эпитафии и изображения на них дают возможность оценить как общий социальный, культурный и материальный статус общины, так и аналогичные статусы ее отдельных представителей. Изучение данного некрополя дает возможность сделать выводы о сохранении этнокультурных особенностей самой крупной в Сибири еврейской общины, а также степени ее ассимиляции в многонациональном городском пространстве. В статье представлена краткая история возникновения данного некрополя, его общая характеристика, а также первичное обобщение собранных при исследовании некрополя материалов и некоторых сведений из дополнительных источников, которые дают основание утверждать, что Амурский некрополь является уникальным источником для изучения историко-культурных особенностей иркутской еврейской общины конца XIX – середины XX в.

Ключевые слова: еврейские некрополи, Амурский некрополь, еврейская община г. Иркутска, эпитафии, надгробия из камня, евреи в Сибири, мрамор, песчаник, долерит, лабрадорит

Благодарности: Авторы благодарят за помощь в работе над данной статьей директора Центра иудаики Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, г. Киев, Анатолия Григорьевича Кержнера.

Для цитирования: Берман Е.А., Павлова Е.Г. Амурский еврейский некрополь как этнокультурная составляющая жизни еврейской общины г. Иркутска первой половины XX в. // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 114–128. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-114-128

Amur Jewish necropolis as an ethnocultural component of the Irkutsk Jewish community life in the first half of the XX century

© Elena A. Berman, Elena G. Pavlova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: A separate Jewish cemetery has been a major indicator of the community's vitality and recognition by the authorities over the long history of the Jewish diaspora. The history of some necropolis can be regarded as the source of the history of the community due to the fact that most often the acquisition of site for the necropolis and the formation of the community took place simultaneously. The cemetery, if it arose under an existing community, also carries a lot of the most important ethnocultural information both about the community as a whole member and about its individual ones. Most often, this information is

not available from other historical sources. Four Jewish cemeteries were organized consecutively over 200 years of Jewish residence in Irkutsk. Each of them was at one time a part of either already existing or newly organized city-wide necropolises, uniting separate cemeteries for burial of representatives of various confessions. The first two Jewish cemeteries were the part of Jerusalem necropolis, but they have not survived. However, a third, the Amur Jewish cemetery, was founded in 1900 and functioning until the mid-1960s, has survived. The organization of this cemetery, the shape and material of the tombstones, as well as the epitaphs and images on them make it possible to assess both the general social, cultural and financial status of the community, and the similar statuses of its individual representatives. The study of this necropolis allows us to draw conclusions about the representation of the ethnocultural characteristics of the largest Jewish community in Siberia, and also provides information about the degree of its assimilation into urban space. The article gives a brief history of the emergence of this necropolis and its general characteristics. The primary generalization of the materials collected during the study of the necropolis and some information from additional sources give grounds to assert that the Amur necropolis is a unique object for studying the historical and cultural characteristics of the Irkutsk Jewish community of late 19th – mid 20th.

Keywords: Jewish necropolises, Amursky necropolis, Jewish community of Irkutsk, epitaphs, headstones made of stone, Jews in Siberia, marble, sandstone, dolerite, labradorite

Acknowledgements: The authors are grateful for the help in the work on this article, the director of the Center for Jewish Studies of the V.I. Vernadsky Taurida National University, Kiev, Anatoly G. Kerzhner.

For citation: Berman E.A., Pavlova E.G. (2020) Amur Jewish necropolis as an ethnocultural component of the Irkutsk Jewish community life in the first half of the XX century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 114–128. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-114-128

Краткая история еврейских некрополей Иркутска. Организация некрополя является одной из важных этнокультурных составляющих жизни любой еврейской общины (100 еврейских местечек Украины, 2000). За чуть более чем 200 лет проживания евреев в Иркутске на территории города существовало четыре еврейских некрополя (История религиозных учреждений Восточной Сибири…, 2017). В 1820–1830-е гг., когда в г. Иркутске проживало всего несколько еврейских семей и община еще не сформировалась, евреев хоронили на католическом кладбище общегородского Иерусалимского некрополя, существовавшего с 1772 г. Специально отведенная для еврейских захоронений территория появилась в городе в конце 1830-х гг. – генерал-губернатор Восточной Сибири Вильгельм Яковлевич Руперт приказал отвести на указанном выше католическом кладбище небольшое пространство для еврейских захоронений. Этот участок стал первым еврейским кладбищем, и на нем хоронили до 1873 г. (Мокеев, 1912). Спустя 20 лет после закрытия кладбища, в 1893 г., еврейская община огородила его, получив соответствующие разрешение из Иркутской городской управы. В начале 1910-х гг. в ходе его обследования представители еврейской общины установили, что самое старое из надгробий относится к 1836 г. (Войтинский, Горнштейн, 1915).

Второе еврейское кладбище располагалось в другой части того же Иерусалимского некрополя и было создано в конце 1860-х – начале 1870-х гг. Уже изначально оно было обнесено каменным забором протяженностью 218 м и высотой 2,7 м. В 1890-х гг. весь Иерусалимский некрополь официально был закрыт, но отдельные захоронения производились на нем еще около 20 лет. В 1930-х гг. древнейшая часть Иерусалимского некрополя была разорена, в том числе и самое раннее еврейское кладбище. На его территории была построена парашютная вышка, а надгробия из гранита использовались в отделочных работах при строительстве новых зданий города (Гаращенко, 2016). В 1957 г. Иерусалимское кладбище было уничтожено окончательно и на его месте открыли Центральный парк культуры и отдыха имени 40-летия Великой Октябрьской Социалистической революции (Колмаков, 2006).

В 1896 г. еврейская община подала в Иркутскую городскую управу прошение об отводе участка земли под новое, третье по счету кладбище. В конце 1898 г. после окончания составления плана г. Иркутска общине был отведен участок в верхней, северо-восточный части нового Амурского некропо-

ля, который располагался слева от Амурского тракта (дороги на Байкал) за городской чертой (Попова, 2014). К весне 1900 г. работы по организации кладбища были окончены. Была произведена расчистка местности и планировка расположения участков, все кладбище было окопано рвом. Также при кладбище был сооружен дом с оградой для Погребального братства и надворными постройками для мастерской по изготовлению надгробий. Все расходы по благоустройству были проведены на личные средства старосты Погребального братства – Леонтия Иосифовича Герзони. В 1907 г. на средства купца 1-й гильдии Исая Матвеевича Файнберга вокруг кладбища была возведена каменная ограда в память о его сыне, убитом в тюрьме во время революции 1905 г.[1]. До начала 1960-х гг. кладбище называлось Новым, а после его закрытия за ним закрепилось название Старое еврейское кладбище – так его называют и в настоящее время.

Под четвертое – Ново-Ленинское – еврейское кладбище место было отведено в 1962 г. Оно вошло в состав общегородского Ново-Ленинского некрополя, включающего в себя также отдельные православное и мусульманское (татарское) кладбища. Первое захоронение прошло здесь в 1963 г. Данное кладбище является действующим до сих пор (Дулов, 1993). Временные рамки функционирования еврейских кладбищ г. Иркутска и вхождение их в состав общегородских некрополей отображены в табл. 1.

Амурское еврейское кладбище г. Иркутска. Поскольку оба Иерусалимских еврейских кладбища не сохранились, а Ново-Ленинское имеет современные унифицированные надгробия без национальной и религиозной привязки, наибольший этнокультурный интерес представляет третье, Амурское (Лисихинское) кладбище.

Изначально в 1900 г. кладбище было разделено на 32 участка, в том числе для бесплатных похорон бедных евреев, для больничных, для умерших арестантов, для детей и для самоубийц. Все кладбище было рассчитано приблизительно на 50 лет и на 7160 могил. План кладбища чертил агроном и казенный раввин г. Иркутска 1898–1901 гг. Павел Маркович Хоммер. Последнее захоронение на Амурском кладбище произошло в 1963 г. По сведениям из тетрадей-книг для записи умерших и погребенных на иркутских еврейских кладбищах 1900–1919 гг., за первые 20 лет на 18 участках этого кладбища было похоронено 2500 усопших (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 789. Оп. 1. Д. 44, 47, 50, 54, 57, 60, 63, 66, 69, 72, 76, 79, 82, 85, 88, 91, 94, 97, 100, 103). Число похороненных

Таблица 1. **Еврейские кладбища в составе общегородских некрополей г. Иркутска**
Table 1. **Jewish cemeteries in the city-wide necropolises of Irkutsk**

Период	Название, годы функционирования		
	Иерусалимский некрополь (1772–1900-е гг.)	Амурский некрополь (1900–1960-е гг.)	Ново-Ленинский некрополь (с 1962 г.)
Начало 1820-х – конец 1830-х гг.	Евреев хоронили на католическом кладбище	–	–
1836–1873 гг.	Первое еврейское кладбище	–	–
Начало 1870-х – 1900-е гг.	Второе еврейское кладбище	–	–
1900–1963 гг.	–	Третье еврейское кладбище	–
С 1962 г.	–	–	Четвертое еврейское кладбище

[1] Иркутский еврейский юбилейный календарь на 5685 год (1924–1925). Иркутск: Тип. изд. «Власть труда», 1924.

на кладбище за последующие пять лет составляло уже 3508 усопших[2]. Такое увеличение количества смертей можно объяснить как тяжелой экономической ситуацией, сложившейся после окончания Гражданской войны и установления советской власти в Иркутске, так и количественным увеличением еврейского населения города за счет выселенцев и беженцев из черты оседлости в 1914–1918 гг. Кроме местных евреев община разрешала хоронить на кладбище сектантов-субботников[3], а во время Гражданской войны – оказавшихся в Иркутске австро-венгерских солдат иудейского вероисповедания.

В настоящее время кладбище относится к Октябрьскому району г. Иркутска и располагается в жилой части города. Его территория с запада ограничена парком, организованным в 1885 г. на месте православной части некрополя, а с севера, востока и юга – жилым массивом (Иркутск в панораме веков…, 2003). Общая протяженность некрополя с севера на юг составляет 300 м, с запада на восток – 100 м, а занимаемая площадь – около 3 га. Все захоронения ориентированы на восток. Заполнение кладбища происходило с юга на север. Памятники кладбища разделены по секциям с хорошо организованными рядами, вытянутыми с севера на юг и с запада на восток. В одном ряду могут чередоваться как мужские, так и женские захоронения. Расстояние между рядами составляет 50–70 см, а между соседними надгробиями – 20–30 см. Кладбище не действует. Позднейшие захоронения были сделаны в 1963 г. К настоящему времени по различным спискам погребенных и сохранившимся надгробиям идентифицировано около 5 тыс. усопших. По современной разметке кладбища, составленной общиной в 2010-х гг., оно имеет 28 участков.

Характеристика материала, формы надгробий и эпитафий 1900 г. – начала 1930-х гг. Для захоронений 1900 г. – начала 1930-х гг. характерно преобладание каменных надгробий. Большая их часть была изготовлена из «юрского» песчаника, месторождения которого находятся непосредственно в г. Иркутске. С XVIII в. этот материал использовался в качестве фундамента и при строительстве практически всех каменных зданий города. Достаточно много надгробий, выполненных из мрамора с южного и западного берегов озера Байкал, а также из мрамора уральских месторождений, реже использовался долерит из разных мест Прибайкалья, единичные памятники выполнены из ценнейшего лабрадорита, предположительно привезенного с Востока, с реки Зеи. У долеритовых и лабрадоритовых надгробий сохранность отличная, у мраморных надгробий – отличная или хорошая. Некоторые надгробия отлиты из бетона, сохранность которого также хорошая. Большая часть памятников из песчаника находится в удовлетворительном или неудовлетворительном состоянии. Были и деревянные надгробия, которые не сохранилась совсем.

Форма и конфигурация надгробий разнообразна. Часть из них имеет вид традиционных для еврейских захоронений стел – каменных плит различной высоты, установленных вертикально на месте захоронения, с высеченными на них текстами и изображениями (Гоберман, 2000). Из других надгробий наиболее распространены разнообразные вертикальные фигурные стелы с декором из стилизованных архитектурных элементов и навершием в виде символического изображения раскрытой книги или урны с прахом, а также обелиски и стволы деревьев с обрубленными ветвями (Грунтов, 2019).

Большое количество надгробий выполнено в виде узких тумб-кафедр с наклонной верхней доской, на которой установлена книга[4]. Имеются и квадратные тумбы, имитирующие необработанные валуны или крупные камни с гранями, на которых раскрытая книга располагается горизонтально (Кобак, Пирютко, 2009).

Встречаются смешанные варианты и единичные памятники, а также около двадцати кирпичных невысоких шатровых строений (на иврите – oheлей) со стенами из кирпича и крышей, которые образуют над могилой закрытое помещение (Гоберман, 1993). На центральной аллее находится единичный

[2] Там же.

[3] Секта русских крестьян иудейского вероисповедания.

[4] Подобный тип надгробий под названием аналой распространен на христианских кладбищах, где раскрытая книга символизирует Библию (чаще Новый Завет), в еврейских некрополях под книгой подразумевается Тора.

ажурный металлический ohель-шатер внушительных размеров, имеющий специальный вход, через который можно попасть внутрь. Большая часть надгробий была создана семьей камнетесов Минникесов, живших и работающих при этом кладбище со дня его основания: Анисимом Леонтьевичем Минникесом (Насимом Лейбовичем Миникесом) (1855–1924) и его сыновьями[5]. Имеются надгробия с клеймом проживающего в Иркутске сектанта-субботника Моисея Захарьевича Козьмина – «Козьмин», с клеймом «Иркутск-Поднебесных» и «Ст. Мраморская П.Ж.Д.[6] Н.С. Новиков».

Основная часть эпитафий двуязычна. Структура эпитафии строго соблюдена на всех надгробиях кладбища (Муратов, 2009). Эпитафии на иврите составлены из стандартных формул, содержащих следующие обязательные элементы: вступительную формулу «здесь покоится»; формулу вежливого обращения «реб» или «учитель наш раби»[7]; имя погребенного и его отца; дату смерти по еврейскому календарю; финальную формулу – благословение «да будет душа его завязана в узле жизни»[8] (Евреи на карте Литвы: Биржай…, 2015). Все стандартные формулы прописаны в виде аббревиатур или акронимов, а дата смерти – в буквенном эквиваленте (Кузнецов, Верхолевский, 2016). Поскольку кладбище было основано в 1900 г., практически на всех надгробиях указана фамилия (в идишской орфографии), что нехарактерно для традиционных еврейских эпитафий более раннего времени (Носоновский, 2016). Также присутствует указание информации о несовпадении даты смерти с датой погребения как в варианте на иврите, так и в русском варианте. В русском варианте всегда указывался возраст.

Расположение текстов эпитафий произвольно. Текст на иврите мог быть обращен к западу, на русском – к востоку. Оба текста могли быть написаны на одной стороне, обращенной на запад. На невысоких квадратных тумбах одна из эпитафий могла располагаться сверху. На боковых сторонах надгробий, имеющих в основании квадрат, имеются дополнительные пространные тексты об усопшем на русском языке. Тексты эпитафий наносились в виде углубленного рельефа или барельефа. С середины 1930-х гг. текст эпитафии на иврите был полностью вытеснен русским текстом, который мог быть обращен как на запад, так и на восток (Рашковский, 2018). В это же время также начали существенно меняться форма, размеры и внешний вид надгробий (Крутова, 2016).

В качестве примера приведем в данной статье реконструкции четырех полуразрушенных надгробий, установленных в период с 1900 по 1920 гг., с переводами текста эпитафий на них с иврита на русский язык. Информация об усопшем дополнена выпиской о смерти из Государственного архива Иркутской области.

Надгробие над захоронением иркутского мещанина Зуси Хаимовича[9] Зицермана. Надгробие выполнено из песчаника и располагается на участке № 13. Аналогичных надгробий на кладбище нет. В первоначальном, не разрушенном виде, оно представляло собой узкую тумбу – кафедру с наклонной верхней доской и размещенной на ней раскрытой книгой, символизирующей Тору (рис. 1). Размеры надгробия (в первоначальном виде без учета бетонного основания): высота – 150 см; ширина – 40 см, глубина – 39 см. В левой части книги расположен текст на русском языке, в правой – на иврите (табл. 2). На боковых частях кафедры изначально были написаны эпитафии на русском языке, но со временем от камня откололись значительные куски с текстом, восстановить который по сохранившимся фрагментам не представляется возможным.

[5] Мержиевская Е. Ветви и корни // Мы здесь [Электронный ресурс]. URL: http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=9234 (дата обращения 20.09.2020).

[6] Станция Мраморская Пермской железной дороги – в настоящее время село в Полевском городском округе, входящем в состав Свердловской области России, и станция Свердловской железной дороги.

[7] В большинстве случаев слово «раввин» и его производные не свидетельствуют о том, что погребенный имел раввинскую ординацию или должность. Слово «рав» могло означать «знаток Торы» или использоваться в качестве традиционного вежливого обращения к любому мужчине.

[8] Данное благословение восходит к Первой Книге Царств (Первая Самуила) 25:29.

[9] Это и последующие отчества приводятся в современном написании.

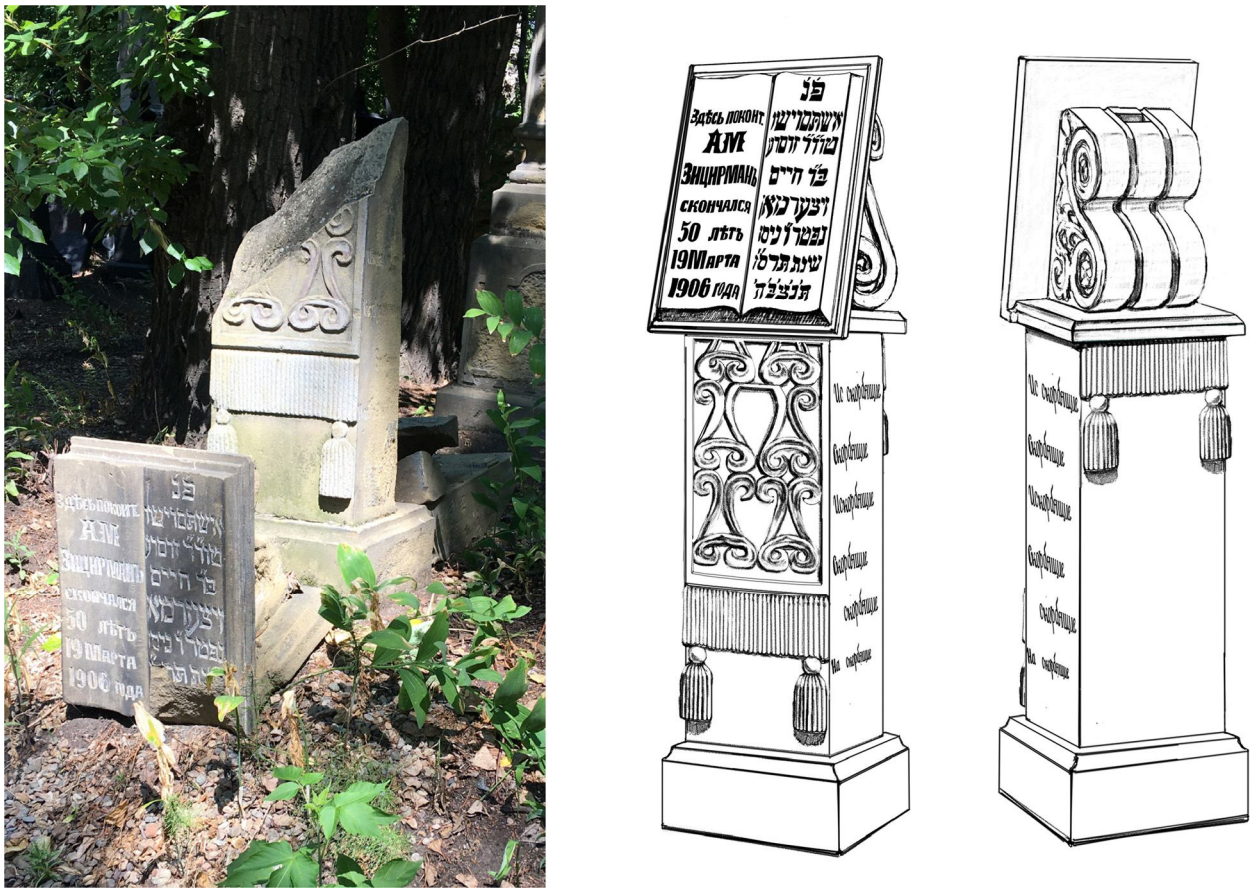

Рис. 1. Надгробие над захоронением З.Х. Зицермана, г. Иркутск, Амурский еврейский некрополь, участок № 13, 1906 г.: *материал песчаник; высота – 150 см, ширина – 40 см, глубина – 39 см: а, б – вид с юго-запада; в – вид с юго-востока. Фото Е.А. Берман, рисунок-реконструкция Е.Г. Павловой*

Fig. 1. Tombstone over the burial place of Z.Kh. Zitserman, Irkutsk, Amur Jewish necropolis, site No. 13, 1906. *Material – sandstone; height – 150 cm, width – 40 cm, depth – 39 cm: a, b – view from the south-west; c – view from the southeast. Photo by E.A. Berman, drawing-reconstruction by E.G. Pavlova*

***Таблица 2*. Тексты эпитафии на надгробии З.Х. Зицермана**
***Table 2*. The texts of the epitaph on the tombstone of Z.Kh. Zitserman**

Эпитафия на русском языке	Эпитафия на иврите	Перевод эпитафии с иврита
Здесь покоит. АМ Зицирман Скончался 50 лет 19 Марта 1906 года	פ"נ איש תם וישר טור"ר" זוסיע ב"ר חיים זיצערמאן נפטר ו" ניסן שנת תרס"ו ת'נ'צ'ב'ה'	Здесь покоится мужчина честный и праведный, учитель наш Зуся, сын рава Хаима Зицермана. Умер 6 Нисана года 5666. Да будет душа его завязана в узел жизни

Примечание. На памятнике в эпитафии на иврите есть ошибка в написании, отмечена цветом.

У надгробия было навершие, которое в настоящее время утрачено.

Из тетради-книги для записи умерших и погребенных на иркутских еврейских кладбищах в 1906 г. была получена дополнительная информация о том, что Зуся Зицерман был иркутским мещанином, умер от порока сердца и воспаления почек и называл себя дополнительно к еврейскому имени русским именем Александр (ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 63. Л. 10). Кроме того, в записи о смерти его фамилия пишется как Зицерман, с буквой «е» во втором слоге, как и в эпитафии в идишской орфографии, в отличие от русского текста эпитафии, где резчиком была допущена ошибка: фамилия Зицерман написана во втором слоге через букву «и» – Зицирман (табл. 3).

Надгробие над захоронением казенного раввина Иркутска 1891–1898 гг. Дона Хаимовича Медведникова. Надгробие выполнено из песчаника и располагается на участке № 11, в первом ряду, выходящем на центральную аллею северо-южного направления кладбища. В первоначальном, не разрушенном виде, оно представляло собой высокую квадратную в основании «архитектурную» стелу, навершием которой являлась размещенная под наклоном раскрытая книга (рис. 2). Размеры памятника (в первоначальном виде без учета бетонного основания): высота – 270 см, ширина – 62 см, глубина – 60 см. Данный тип надгробий типичен для Амурского кладбища. Памятник переломлен на три части. В 2018 г. средняя часть его была поднята и установлена на нижнюю. При подъеме между этими частями по ошибке была установлена каменная «подушка», изначально соединяющая среднюю и верхнюю части. Верхняя часть лежит с восточной стороны перед основанием. В 2018 г. надгробие было покрыто предположительно битумным лаком (кузбасслаком).

На книге расположен текст на иврите, на постаменте – текст на русском. Боковые части надгробия имеют значительные сколы, однако по сохранившимся фрагментам можно утверждать, что дополнительных надписей надгробие не содержало (табл. 4). Из тетради-книги для записи умерших и погребенных на иркутских еврейских кладбищах в 1907 г. (ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 66. Л. 30 об.) была получена дополнительная информация о том, что Д.Х. Медведников был витебским мещанином, умер 17 октября 1907 г. от рака кишки в возрасте 70 лет (табл. 5).

Надгробие над захоронением мещанина Полтавской губернии Иосифа Хаимовича Каминецкого. Надгробие выполнено из песчаника и располагается на участке № 14. Представляет собой квадратную тумбу с установленной на ней наклонной верхней доской и раскрытой книгой (рис. 3). Размеры надгробия (без учета бетонного основания): высота – 110 см, ширина – 60 см, глубина – 58 см. На кладбище установлено несколько подобных надгробий. Памятник имеет скол в районе соединения кафедры с книгой. На книге расположен текст на иврите, на постаменте – текст на русском языке (табл. 6). Боковые части надгробия дополнительных надписей

***Таблица 3*. Выписка о смерти З.Х. Зицермана из тетради-книги для записи умерших и погребенных на иркутских еврейских кладбищах в 1906 г.**

***Table 3.* Extract on the death of Z.Kh. Zitserman from a notebook-book for recording the dead and buried in Irkutsk Jewish cemeteries in 1906**

Часть четвертая об умерших							
№		Лета	Где умер и погребен	Число и месяц		Болезнь или от чего умер	Кто умер
Женские	Мужские			Христианские	Еврейские		
–	23	50	Умер в Иркутске, погребен там же	19 марта	6 нисан	От порока сердца и воспаления почек	Иркутский мещанин Зуся (Александр) Зицерман

Рис. 2. Надгробие над захоронением казенного раввина Иркутска 1891–1898 гг. Д.Х. Медведникова, г. Иркутск, Амурский еврейский некрополь, участок № 11, 1907 г.: *материал песчаник; высота – 270 см, ширина – 62 см, глубина – 60 см: а – вид с запада; б – вид с северо-запада; в – вид с северо-востока. Фото Е.А. Берман, рисунок-реконструкция Е.Г. Павловой*

Fig. 2. Headstone over the burial of the state rabbi of Irkutsk in 1891–1898 D.Kh. Medvednikov, Irkutsk, Amur Jewish necropolis, site No. 11, 1907. *Material – sandstone; height – 270 cm, width – 62 cm, depth – 60 cm: a – view from the west; b – view from the northwest; c – view from the north-east. Photo by E.A. Berman, drawing-reconstruction by E.G. Pavlova*

***Таблица 4*. Тексты эпитафии на надгробии Д.Х. Медведникова**
***Table 4.* The epitaph texts on the tombstone of D.Kh. Medvednikova**

Эпитафия на русском языке	Эпитафия на иврите	Перевод эпитафии с иврита
Здесь покоится Иркутский общественный раввин Дон Хаимов Медведников	פנ הרב מטעם דממשלה ק"ק אירקוטסק רדן בר חיים מעדוועדניקאוו בן שבים שנה לחיו שנפטר כב ימים לחדש מר חשון שנת התרסז ת'נ'צ'ב'ה	Здесь покоится официальный (казенный) раввин святой общины Иркутска рав Дон, сын рава Хаима Медведникова, проживший 70 лет, что скончался 22 дня в месяц Хешван года 5667. Да будет душа его завязана в узле жизни

***Таблица 5*. Выписка о смерти Д.Х. Медведникова из тетради-книги для записи умерших и погребенных на иркутских еврейских кладбищах в 1907 г.**
***Table 5.* Extract on the death of D.Kh. Medvednikov from a notebook-book for recording the dead and buried in Irkutsk Jewish cemeteries in 1907**

Часть четвертая об умерших							
№		Лета	Где умер и погребен	Число и месяц		Болезнь или от чего умер	Кто умер
Женские	Мужские			Христианские	Еврейские		
–	58	70	В г. Иркутске	1907 17 октября	5668 22 хешван	От рака кишки	Витебский мещанин Дон Хаимов Медведников

Рис. 3. Надгробие над захоронением И.Х. Каминецкого, г. Иркутск, Амурский еврейский некрополь, участок № 14, 1917 г.: *материал песчаник; высота – 110 см, ширина – 60 см, глубина – 58 см: а – вид с запада; б – вид с северо-запада; в – вид с юго-востока. Фото Е.А. Берман, рисунок-реконструкция Е.Г. Павловой*
Fig. 3. Tombstone over the burial place of I.Kh. Kaminetsky, Irkutsk, Amur Jewish necropolis, site No. 14, 1917. *Material – sandstone; height – 110 cm, width – 60 cm, depth – 58 cm: a – view from the west; b – view from the northwest; c – view from the southeast. Photo by E.A. Berman, drawing-reconstruction by E.G. Pavlova*

***Таблица 6*. Тексты эпитафии на надгробии И.Х. Каминецкого**
***Table 6.* The texts of the epitaph on the tombstone of I.Kh. Kaminetsky**

Эпитафия на русском языке	Эпитафия на иврите	Перевод эпитафии с иврита
Здесь покоится Иосиф Хаимович Каминецкий умер 21 похоронен 22 Ноября 1917 года 18 лет от роду Память От горюющей семьи	פ"נ הבחור יוסף בן ר' חיים קאמינעצקי שנפטר יח ולקבורה בא יט ימים לחודש כסליו שנת תרע"ח ת'נ'צ'ב'ה	Здесь покоится молодой человек Иосиф, сын Хаима Каминецки, что скончался 18 и к погребению пришел 19 дня в месяц Кислев года 5678. Да будет завязана душа его в узле жизни

не содержат. Из тетради-книги для записи умерших и погребенных на иркутских еврейских кладбищах в 1917 г. (ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 97. Л. 38 об.) была получена дополнительная информация о том, что И.Х. Каминецкий был мещанином Полтавской губернии, умер в г. Иркутске 20 ноября 1917 г. от брюшного тифа в возрасте 18 лет и в этот же день был похоронен, так как не указано обратное (табл. 7). Эпитафия же сообщает, что И.Х. Каминецкий умер 21 ноября, а похоронен 22 ноября.

Надгробие над захоронением братьев Якова Григорьевича и Исая Григорьевича Винеров. Надгробие над двойным захоронением братьев Якова и Исая Винеров выполнено из песчаника и располагается в северной части кладбища – на участке, примыкающем к современной входной группе напротив входа и по современной разметке не имеющем номера. Надгробие имеет вид двух «архитектурных» стел, объединенных общим основанием-постаментом и навершием в виде арки, венчающейся вазоном (рис. 4). Размеры памятника (без учета бетонного основания): высота – 330 см, ширина – 160 см, глубина – 88 см. Аналогичных надгробий на кладбище нет. Памятник находится в удовлетворительном состоянии. В советское время он был покрашен краской сине-зеленого цвета, которая со временем отошла от камня. Надписи на русском языке с восточной стороны в те же годы были прикрыты мраморными табличками с фотографиями, датами смерти и возрастом усопших.

Эпитафия на иврите в верхней части западной стороны надгробия сохранилась. Как и памятник, она также необычна для данного кладбища: после вводной формулы «здесь покоится» в ней приведены слова из молитвы «Отец милосердный», которую произносят во время субботней службы после чтения Торы (табл. 8). Первоначально этот текст – отрывок текста из Второй Книги Царств – плач Давида на гибель царя Саула и его сына Йонатана: «Шауль и Йонатан, любимые и приятные при жизни своей, и в смерти своей неразлучны; быстрее орлов, сильнее львов они были»[10] (Хаймович, 2015).

В выписке о смерти из Государственного архива Иркутской области говорится о том, что братья Яков и Исай Винеры скончались с разницей в несколько дней «от ран черепа и воспаления мозговых оболочек вследствие нападения и истязания <…> хулиганами во время рабочей и политической забастовки 17 октября 1905 г. в г. Иркутске по Арсенальской ул. у дома Кузнеца» (табл. 9, 10) (ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 60. 32, 32 об.).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что Амурское еврейское кладбище является ценнейшим этнокультурным объектом, наглядно подтверждающим сознательное стремление иркутской еврейской общины первой половины XX в. сохранить свою национальную идентичность. Кроме того, каменные надгробия некрополя представляют достойные образцы малых архитек-

***Таблица 7*. Выписка о смерти И.Х. Каминецкого из тетради-книги для записи умерших и погребенных на иркутских еврейских кладбищах в 1917 г.**
***Table 7.* Extract on the death of I.Kh. Kaminetsky from a notebook-book for recording the dead and buried in Irkutsk Jewish cemeteries in 1917**

Часть четвертая об умерших							
№		Лета	Где умер и погребен	Число и месяц		Болезнь или от чего умер	Кто умер
Женские	Мужские			Христианские	Еврейские		
–	78	18	Умер в г. Иркутске	1917 20 ноября	5678 18 кислев	От брюшного тифа	Полтавской губернии мещанин г. Миргорода Иосиф Хаимович Каминецкий

[10] Вторая Книга Царств (Вторая Самуила) II 1:23.

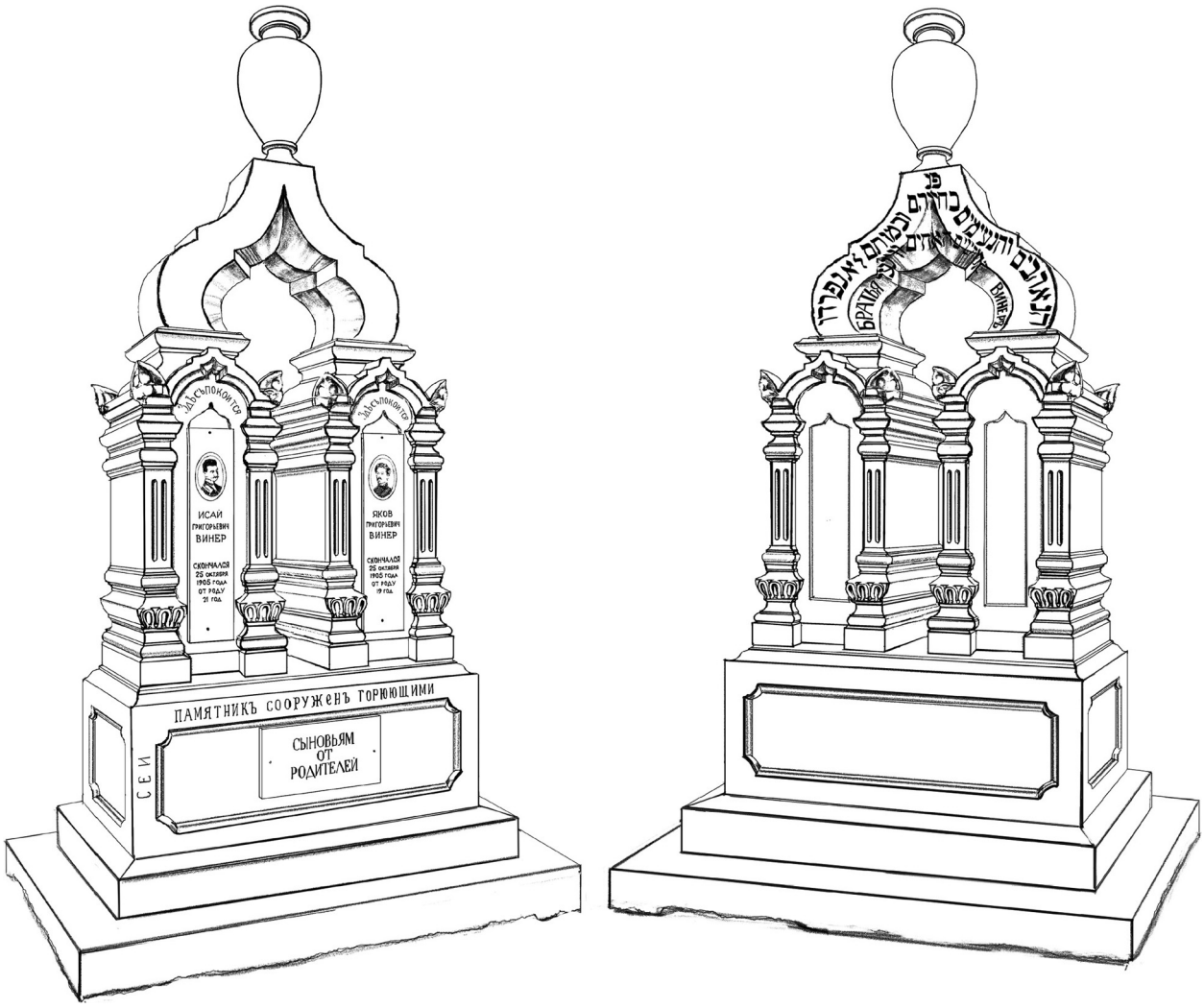

Рис. 4. Двойное надгробие над захоронением братьев Якова и Исая Винеров, г. Иркутск, еврейский некрополь Амурский, 1905 г.: *материал песчаник; высота – 330 см, ширина – 160 см, глубина – 88 см: а – вид с юго-востока; б – вид с юго-запада. Рисунок-реконструкция Е.Г. Павловой*

Fig. 4. Double gravestone over the burial place of brothers Yakov and Isai Viner, Irkutsk, Amur Jewish necropolis, 1905. *Material – sandstone; height – 330 cm, width – 160 cm, depth – 88 cm: a – view from the south–east; b – view from the southwest. Drawing-reconstruction by E.G. Pavlova*

***Таблица 8*. Тексты эпитафии на двойном надгробии братьев Якова и Исая Винеров**
***Table 8.* Epitaph texts on the double tombstone of brothers Yakov and Isai Viner**

Эпитафия на иврите	Перевод эпитафии с иврита
פנ הנאהבים והנעימם בחייהם ובמותם לא נפרדו <...> האחים ווינער	Здесь покоятся любимые и приятные при жизни своей и в смерти своей неразлучны <…> братья Винеры

***Таблица 9*. Выписка о смерти Я.Г. Винера из тетради-книги для записи умерших и погребенных на иркутских еврейских кладбищах в 1905 г.**
***Table 9.* Extract on the death of Ya.G. Viner from a notebook-book for recording the dead and buried in Irkutsk Jewish cemeteries in 1905**

Часть четвертая об умерших							
№		Лета	Где умер и погребен	Число и месяц		Болезнь или от чего умер	Кто умер
Женские	Мужские			Христианские	Еврейские		
–	59	19 1/12 и 24 дней	Умер в г. Иркутске в лечебнице доктора Бергмана	1905 21 октября	5666 5 хешван	От ран черепа и воспаления мозговых оболочек вследствие нападения и истязания его хулиганами во время рабочей и политической забастовки 17 октября 1905 г. в г. Иркутске по Арсенальской ул. у дома Кузнеца	Яков Гиршевич (также Иоселев-Гершев) Винер – сын иркутского цехового
			Погребен в г. Иркутске на Новом еврейском кладбище	1905 23 октября	5666 7 хешван		

***Таблица 10*. Выписка о смерти И.Г. Винера из тетради-книги для записи умерших и погребенных на иркутских еврейских кладбищах в 1905 г.**
***Table 10.* Extract on the death of I.G. Viner from a notebook-book for recording the dead and buried in Irkutsk Jewish cemeteries in 1905**

Часть четвертая об умерших							
№		Лета	Где умер и погребен	Число и месяц		Болезнь или от чего умер	Кто умер
Женские	Мужские			Христианские	Еврейские		
–	60	21 7/12 и 25 дней	Умер в г. Иркутске в лечебнице доктора Бергмана	1905 25 октября	5666 9 хешван	От ран черепа и воспаления мозговых оболочек вследствие нападения и истязания его хулиганами во время рабочей и политической забастовки 17 октября 1905 г. в г. Иркутске по Арсенальской ул. у дома Кузнеца	Студент первого курса юридического факультета Томского университета Исай Гиршевич Виннер[11] – сын иркутского цехового Герша (также Иоселя-Герша) Мордкова Винера
			Погребен в г. Иркутске на Новом еврейском кладбище	1905 26 октября	5666 10 хешван		

[11] В данном случае фамилия Винер была написана как Виннер.

турных форм в камнерезном искусстве, отражают мастерство местных резчиков и дают дополнительную информацию о материальном и социальном статусе членов общины.

Библиографический список

Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск: Типо-Литография П.И. Макушина и В.М. Посохина, 1915. 394 с.

Гаращенко А.Н. Иркутский исторический некрополь: Иерусалимское кладбище. Иркутск: Земля Иркутская; Оттиск, 2016. 464 с.

Гоберман Д.Н. Еврейские надгробия на Украине и в Молдове. Москва: Имидж, 1993. 314 с.

Гоберман Д.Н. Забытые камни: еврейские надгробия в Молдове. СПб.: Искусство-СПб., 2000. 118 с.

Грунтов С.В. Символика дерева в христианских и еврейских надгробиях Беларуси XIX–XX вв. // Вещь – символ – знак в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О.В. Белова. М.: Институт славяноведения РАН; Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2019. С. 169–187.

Дулов А.В. Городские некрополи // Памятники истории и культуры Иркутска: сб. очерков / сост. А.В. Дулов. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. С. 102–107.

Евреи на карте Литвы: Биржай. Проблемы сохранения еврейского наследия и исторической памяти / отв. ред. И. Копченова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН; Центр по изучению культуры и истории восточноевропейского еврейства (Вильнюс); Музей Биржайского края “Sėla”, 2015. 366 с.

Иркутск в панораме веков: очерки истории города / отв. ред. Л.М. Дамешек. Иркутск: Вост.-Сиб. издат. компания, 2003. 511 с.

История религиозных учреждений Восточной Сибири: тематический путеводитель по фондам Государственного архива Иркутской области / авт.-сост. Е.А. Луговская. Иркутск: Оттиск, 2017. 256 с.

Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.; СПб.: Центрполиграф; МиМ-Дельта, 2009. 798 с.

Колмаков Ю.П. Захоронения на территории Иркутска (1917–1940) // Земля Иркутская. 2006. № 3 (31). С. 28–35.

Крутова Н. Еврейские некрополи восточного Казахстана конца XIX – начала XX в. // Труды по еврейской истории и культуре: материалы XXII Междунар. ежегод. конф. по иудаике (г. Голицыно, 1–3 февраля 2015 г.). М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2016. С. 416–431.

References

Voitinskii V.S., Gornshtein A.Ya. (1915) Jews in Irkutsk. Irkutsk: Tipo-Litografiya P.I. Makushina i V.M. Posokhina. 394 p. (In Russ.)

Garashchenko A.N. (2016) Irkutsk historical necropolis: Jerusalem cemetery. Irkutsk: Zemlya Irkutskaya; Ottisk. 464 p. (In Russ.)

Goberman D.N. (1993) Jewish gravestones in Ukraine and Moldova. Moscow: Imidzh. 314 p. (In Russ.)

Goberman D.N. (2000) Forgotten stones: Jewish gravestones in Moldova. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. 118 p. (In Russ.)

Gruntov S.V. (2019) Tree Symbolism in the Christian and Jewish Tombstones of Belarus of the 19th–20th Centuries. *Veshch' – simvol – znak v slavyanskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii = Object – Symbol – Sign in the Slavic and Jewish Cultural Tradition*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; Center for University Teaching of Jewish Civilization “Sefer”. P. 169–187. (In Russ.)

Dulov A.V. (1993) City necropolises. *Pamyatniki istorii i kul'tury Irkutska = Historical and cultural sites of Irkutsk*. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo. P. 102–107. (In Russ.)

Kopchenova I. (2015) Jews on the map of Lithuania: the Case of Biržai. Preserving Jewish Heritage and Historical Memory. Moscow: Center for University Teaching of Jewish Civilization “Sefer”; Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; Center for Studies of the Culture and History of East European Jews (Vilnius); Biržai Region Museum “Sėla”. 366 p. (In Russ.)

Dameshek L.M. (2003) Irkutsk in the panorama of centuries: essays on the history of the city. Irkutsk: Vost.-Sib. izdat. kompaniya. 511 p. (In Russ.)

Lugovskaya E.A. (2017) History of religious institutions in Eastern Siberia: a thematic guide to the funds of the State Archives of the Irkutsk region. Irkutsk: Ottisk. 256 p. (In Russ.)

Kobak A.V., Piryutko Yu.M. (2009) Historical cemeteries of Saint Petersburg. Moscow; St. Petersburg: Tsentrpoligraf; MiM-Del'ta. 798 p. (In Russ.)

Kolmakov Yu.P. (2006) Burials on the territory of Irkutsk (1917–1940). *Zemlya Irkutskaya = Irkutsk land*. N. 3 (31). P. 28–35. (In Russ.)

Krutova N. (2016) Jewish necropolises of eastern Kazakhstan of the late XIX – early XX centuries. *Trudy po evreiskoi istorii i kul'ture: materialy XXII Mezhdunarodnoi ezhegodnoi konferentsii po iudaike = Proceedings on Jewish history and culture: Materials of the XXII International Annual Conference on Jewish Studies*. 1–3 February 2015, Golitsyno. Moscow: Center for University Teaching of Jewish Civilization “Sefer”. P. 416–431. (In Russ.)

Кузнецов Д., Верхолевский Ю. Пензенский еврейский некрополь конца XIX – первой четверти XX в. // Тирош – труды по иудаике. М., 2016. Вып. 16. С. 138–153.

Мокеев Н. Иркутское Иерусалимское кладбище // Сибирский архив. 1912. № 12. С. 927–928.

Муратов И. Еврейская надгробная эпиграфика Беларуси. Еврейское кладбище в Друе // Тирош – труды по иудаике. М., 2009. Вып. 9. С. 78–103.

Носоновский М. Надгробные надписи еврейского кладбища Лудзы в контексте ашкеназских еврейских эпитафий // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии / отв. ред. С. Амосова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН; Музей «Евреи в Латвии», 2016. Ч. II С. 211–234.

Попова Р.В. К изучению истории еврейской части Амурского кладбища // Иркутский мемориал: исследования и реконструкция: материалы науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 6 декабря 2013 г.). Иркутск: Оттиск, 2014. С. 99–113.

Рашковский Б. Еврейские кладбища Западной Смоленщины // Евреи пограничья: Смоленщина / отв. ред. С. Амосова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2018. С. 253–276.

Хаймович Б. Визуальные метафоры как способ художественного мышления в еврейской традиционной культуре // Образ и символ в иудейской, христианской и мусульманской традиции / под ред. А.Б. Ковельмана, У. Гершовича. М.: Индрик, 2015. С. 257–310.

100 еврейских местечек Украины: исторический путеводитель. Вып. 2. Подолия / авт.-сост. В. Лукин, А. Соколова, Б. Хаймович. СПб.: А. Гершт, 2000. 704 с.

Kuznetsov D., Verkholevskii Yu. (2016) Penza Jewish Necropolis from the End of XIX Century – First Quarter of XX Century. *Tirosh – trudy po iudaike = Tirosh – Studies in Judaica*. Iss. 16. Moscow. P. 138–153. (In Russ.)

Mokeev N. (1912) Irkutsk Jerusalem cemetery. *Sibirskii arkhiv = Siberian Archive*. No. 12. P. 927–928. (In Russ.)

Muratov I. (2009) Jewish tombstone epigraphic from Belarus. Jewish cemetery in Druya. *Tirosh – trudy po iudaike = Tirosh – Studies in Judaica*. Iss. 9. Moscow. P. 78–103. (In Russ.)

Nosonovskii M. (2016) Gravestone inscriptions of the Ludza Jewish cemetery in the context of Ashkenazi Hebrew epitaphs. *Utrachennoe sosedstvo: evrei v kul'turnoi pamyati zhitelei Latgalii. Chast' II = Neighborhood Lost: Jews in the Cultural Memory of Contemporary Latgale*. Pt. II. Moscow: The Moscow Center for University Teaching of Jewish Civilization “Sefer”; The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; Museum “Jews in Latvia”. P. 211–234. (In Russ.)

Popova R.V. (2014) To the study of the history of the Jewish part of the Amur cemetery. *Irkutskii memorial: issledovaniya i rekonstruktsiya: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii = Irkutsk memorial: Research and reconstruction. Materials of the scientific and practical conference*. *6 December 2013, Irkutsk.* Irkutsk: Ottisk. P. 99–113. (In Russ.)

Rashkovskii B. (2018) Jewish cemeteries in the Western Part of Smolensk Region of Russia. In: Amosova S. (eds.). *Evrei pogranich'ya: Smolenshchina = Jews of Borderlands: Smolensk Region*. Moscow: The Moscow Center for University Teaching of Jewish Civilization “Sefer”; The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. P. 253–276. (In Russ.)

Khaimovich B. (2015) Visual metaphors as a way of artistic thinking in Jewish traditional culture. *Obraz i simvol v iudeiskoi, khristianskoi i musul'manskoi traditsii = Image and symbol in Jewish, Christian and Muslim traditions*. Moscow: Indrik. P. 257–310. (In Russ.)

Lukin V., Sokolova A., Khaimovich B. (2000) *100 Jewish townships in Ukraine: A historical guide*. Iss. 2. *Podolia*. St. Petersburg: A. Gersht. 704 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Берман Елена Александровна,
кандидат технических наук, доцент кафедры ювелирного дизайна и технологий,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: lena.berman.amanut@gmail.com

Павлова Елена Геннадьевна,
доцент кафедры ювелирного дизайна и технологий,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,

Information about the authors

Elena A. Berman,
Cand. Sci. (Technical), Associate Professor of the Department of Jewelry Design and Technology,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: lena.berman.amanut@gmail.com

Elena G. Pavlova,
Associate Professor of the Department of Jewelry Design and Technology,
Irkutsk National Research Technical University,

664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: eepav2011@mail.ru

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 2 ноября 2020 г.

Поступила после рецензирования и доработки 18 ноября 2020 г.

Принята к публикации 30 ноября 2020 г.

83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: eepav2011@mail.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

Received November 2, 2020.

Received November 18, 2020.

Accepted November 30, 2020.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47).048
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-129-144

Сибирские полки во время похода Ф.А. Головина в Даурию 2 часть: Военные действия в Забайкалье (1687–1688 гг.)

© Е.А. Багрин

Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье, на основе опубликованных и не опубликованных источников, рассматривается участие «посольского» войска Ф.А. Головина в 1687–1688 гг. в военном конфликте с монголами в Западном Забайкалье. Акцент исследования сделан на действиях сибирских полков П. Грабова и А. Смаленберга. Немногочисленная конница, входящая в состав роты М. Камаля, выполняла службы, связанные с разведкой, поиском и преследованием противника. Вместе с селенгинскими служилыми людьми, она эффективно действовала против монголов под Селенгинском, совершая вылазки и отражая штурм крепости. Пехота вместе с московскими стрельцами участвовала в сражениях у Удинска и Соляной пади, отражая конные атаки монголов. Служилые люди «сибирских» полков были основной силой, построившей новые укрепления Удинска и Селенгинска. Конфликт войска Ф.А. Головина с монголами в Западном Забайкалье показал преимущества и недостатки военной системы России в этом регионе. Конницы было очень мало для противодействия крупным отрядам монголов. Даже с включением в ее состав конных воинов из числа ясачных бурятов и тунгусов, ее числа было достаточно только для небольших походов-набегов в приграничные районы. В то же время лучшие монгольские отряды оказались бессильными в штурме русских крепостей и против пехотных полков в полевых сражениях, несмотря на многократное численное превосходство и появление в войске монголов артиллерийских орудий и ручного огнестрельного оружия. Взаимодействие пехоты и конницы было эффективным для походов в глубь Монголии, но в то же время слишком «громоздким» для войны с кочевниками, и достичь успеха могло только в условиях полной неожиданности нападения. Таким образом, сил русского военного контингента было достаточно для отражения вторжения большого войска и для неожиданных ударов на монгольские улусы недалеко от русских крепостей.

Ключевые слова: служилые люди, казаки, стрельцы, Сибирь, Даурия, Тобольск, Ф.А. Головин, XVII век, родословная

Для цитирования: Багрин Е.А. Сибирские полки во время похода Ф.А. Головина в Даурию. 2 часть: Военные действия в Забайкалье (1687–1688 гг.) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 129–144. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-129-144

Siberian troops headed by F. Golovin in Dauria Part 2. The military activities in Transbaikalia (1687–1688)

© Egor A. Bagrin

Boris Yeltsin Presidential Library, Saint-Petersburg, Russia

Abstract: The article presents the issue of membership of "ambassadorial" regiment headed by F. Golovin in the period 1686–1691 in the military conflict with the Mongols in Transbaikalia . The focus of the study is on the actions of Siberian regiments headed by P. Grabov and A. Smalenberg. The small in number cavalry, which is part of M. Kamal company, performed scouting, search and pursuit of the enemy. The warriors of this unit together with warriors from Selenginsk effectively acted against the Mongols near Selenginsk, making sallies and repelling the assault on the fortress. The foot troops, acting along with Moscow archers, participated in the battles of Udinsk and the Solyanaya Pad. The cavalry part of F. Golovin troops effectively interacted with the foot troops. While marching on the Tubunuts, the cavalry struck an unexpected attack and then retreated under the cover of the foot warriors, who had strengthened at the place of the road train. Also, the warriors of “Siberian” regiments were the main force that built the new fortifications of Udinsk and Selenginsk. Conflict between F.A. Golovin troops and the Mongols in Transbaikalia showed the advantages and disadvantages of Russian military system in this region. The cavalry was not enough to counter large Mongol units in a field battle. Even with the inclusion of yasachny Buryats and Tungus warriors in part

of cavalry, its number was sufficient only for small raids into the border areas. At the same time, the best Mongolian troops were powerless in the assault on Russian fortresses and against foot troops in field battles, despite the numerical superiority and the appearance of artillery guns and handguns in the Mongol army. The interaction of foot troops and cavalry was effective for expedition deep into Mongolia, but at the same time, it was too "cumbersome" for a war with nomads. This collaboration could only succeed if the attack was completely unexpected. Thus, Russian military forces were enough to repel the invasion of a large army and for unexpected attacks on Mongolian camps near Russian fortresses.

Keywords: troops, Cossacks, Streltsy, Siberia, Dauria, Tobolsk, Feodor Alekseyevich Golovin, XVII century, genealogy

For citation: Bagrin E.A. (2020) Siberian troops headed by F. Golovin in Dauria. Part 2. The military activities in Transbaikalia (1687–1688). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 129–144. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-129-144

Перед тем как прибыть в Нерчинск для переговоров с китайской делегацией, «посольские полки» Ф.А. Головина с сентября 1687 г. до конца июня 1689 г. находились в Западном Забайкалье. В этот период посол пытался склонить на свою сторону часть монгольских феодалов и предотвратить поход в Забайкалье войск Очирой Саинхана. Однако вторжение, подстрекаемое маньчжурами, произошло, и русским пришлось вести боевые действия, закончившиеся для них успехом, который позднее был закреплен ответным набегом в Монгольские земли на табунутов. Победа в этом походе привела к массовому переходу кочевников в русское подданство. Международные события и политическая игра в этот период подробно показаны в монографии В.А. Александрова и ряде других исследований (Шастина, 1958; Яковлева, 1958; Александров, 1984; Мясников, 1987; Гольман, 2020). В то же время, деталям противоборства с монголами в Забайкалье, уделено гораздо меньше внимания. Как правило, они описываются в самых общих чертах, что нередко приводит к некоторому искажению значения тех или иных событий[1]. В этой статье мы обратимся к военным аспектам произошедшего, оставив в стороне все остальные, сконцентрировав свое внимание на роли в них сибирских полков.

Первый конфликт с монголами. Начало октября 1687 г. В конце сентября – начале октября 1687 г. «посольское» войско Ф.А. Головина осталось для зимовки в Западном Забайкалье. Сибирские полки П. Грабова и А. Смаленберга разместились в Удинске, а московские стрельцы – в Ильинской слободе. 6 октября 1687 г. монголы ночью угнали лошадей и скот у жителей Удинска и Селенгинска[2], а также, у московских стрельцов так, что караульщики «не слыхали». Сакму[3] «воровских людей» искали селенгинские казаки под руководством пятидесятников Федора Кряжа и Антона Березовского. Они выяснили, что в отгоне участвовали люди из табунутских[4] и монгольских улусов, около 5 чел. с каждой стороны. По их следам отправились ратники полка П. Грабова капитан Мартын Камаль и 26 стрельцов, прапорщик Лаврентий Нейтер и 20 стрельцов. Они должны были нагнать «воров» и отбить скот и лошадей, а если не успеют то, доехав до крайних монгольских улусов, потребовать вернуть украденное.

[1] Например, пишут о многодневной осаде и героической обороне Селенгинска, тогда как монголы только блокировали дороги от крепости, фактически, не предпринимая никаких действий по ее захвату. При этом ближайшие караулы находились от нее в 3–4 км. Кочевники предприняли только одну реальную попытку ночного штурма Селенгинска, тогда как все остальные боевые эпизоды связаны с инициативой русской стороны, пытавшейся «добиться» от монголов языков, чтобы прояснить обстановку и т. п. Таким образом, формально осада была, но фактически она не потребовала такого напряжения сил и жертв как это было, например, при защите Албазина.

[2] По сведениям Д. Многогрешного, «воровские люди» украли 163 лошади, 4 верблюда и 50 голов рогатого скота (РКО. 1972. С. 200).

[3] Сакма – в данном случае следы на земле оставленные кониками.

[4] Табунуты – монголоязычные кочевники-скотоводы, проживавшие около Селенгинска. Б.О. Долгих считал, что их численность достигала 6000 чел. в т. ч. 1000 мужчин (Долгих, 1960. С. 322).

Отряд прошел 2 дня выше Селенгинска, но никого не нашел, кроме 2-х отгонных лошадей. Полковые табуны стали охранять отряды по 30 чел. Однако 7 октября 1687 г. ночью из табуна полка П. Грабова монголы снова угнали 70 лошадей. В погоню из полка П. Грабова выдвинулись двумя отрядами пятидесятник Микула Хмелинин[5] и 20 стрельцов, пятидесятник Иван Широкой[6] с 30 стрельцами. Сопровождал их за р. Селенгу селенгинский сын боярский Демьян Многогрешный[7]. Ратники прошли 10 верст вверх по р. Уде и, найдя сакму, двигались по ней еще 20 верст, но никого не встретили и вернулись, т. к. их лошади стали уставать. К людям, охраняющим табуны, стали добавлять еще 10 чел. в отъезжие караулы. За выявленные нарушения по охране полковых лошадей, табунщики были биты батогами «нещадно» вместо кнута (РКО[8]. 1972. С. 196–199).

Перенос ставки Ф.А. Головина в Селенгинск. Обострение конфликта с монголами. Конец октября 1687 – конец января 1688 гг. 20–21 октября 1687 г. на р. Большой Хилок 11 чел. табунутов из улуса Чин Заб Ердени-зайсана, обстреляли из луков и отбили лошадь у Д. Многогрешного. Он с 5-ю селенгинскими казаками следовал в Селенгинск к жильцу Степану Коровину с приказом усилить в крепости караулы. Этим же путем должен был следовать Ф.А. Головин. Поэтому на р. Большой Хилок заранее был отправлен отряд из 15 полковых служилых людей под командованием селенгинского пятидесятника А. Березовского. 22 октября 1687 г. посол направился в Селенгинск под охраной роты капитана М. Камаля и 100 конных стрельцов[9]. Часть из этих людей вместе с десятником П. Грабова Федором Кроянским[10] вернулась в Удинск, сопровождая отгонных лошадей, возвращенных монголами[11]. 25 октября 1687 г. Ф.А. Головин прибыл в Селенгинск. В крепости было около 170 селенгинских служилых людей и 5 пушек. В ноябре в Китай с письмом был послан С. Коровин. «Для письма» его сопровождал сотник полка П. Грабова Якушко Якимов[12] и 30 служилых людей (РКО. 1972. С. 201, 207, 212, 228, 277).

24 декабря 1687 г. в Селенгинск из Удинска от приказчика селенгинского пятидесятника Ф. Кряжа пришло известие о том, что у табунутов на Могоне стоит монгольское войско 7-ми тайшей «ис знаменами». Ф.А. Головин в этот же день разослал полковникам П. Головину, А. Смаленбергу и Ф. Скрипицыну приказ усилить караулы, держать полки в готовности, но если придется вступить в бой, то далеко не выдвигаться. В монгольские улусы оценить ситуацию, будто бы для торга, были отправлены 2 селенгинских казака. Монгольские посланцы в Селенгинске объяснили, что на р. Оронгой стоит ханский брат Батур-контайша с войском для предупреждения удара русских на монгольские улусы, потому что «мунгальских лю-

[5] Пятидесятник полка П. Грабова, тобольские служилые люди «литовского списка».

[6] Пятидесятник полка П. Грабова, тобольские служилые люди «литовского списка».

[7] Демьян Многогрешный – бывший гетман Левобережной Украины, сосланный в Сибирь. Как селенгинский сын боярский участвовал в военных действиях против монголов под Селенгинском в 1688 г. (Оглоблин, 1892). В последние годы исследователи краеведы обратились к оценке его роли в истории Забайкалья (Демин, 2003 и др.). В 2016 г. в Бурятии на частные пожертвования Д. Многогрешному установлен памятник.

[8] Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. 1686–1691 / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М.: Наука, 1972. Т. 2. 835 с.

[9] В составе войска Ф. Головина не было конных стрельцов, поэтому посол, вероятно, называет так тобольских служилых людей конной службы (литву, коных казаков и др.).

[10] Федор Кроянский (Короянской) принадлежал к категории «тобольские литвы и конных, и новокрещеных казаков дети, братья и племянники».

[11] Сын боярский Демьян Многогрешный в Селенгинске пожаловался на «воров» монгольским посланникам, возвращавшимся после переговоров с Ф.А. Головиным в Удинске. В монгольские улусы на поиск отгонных лошадей и скота ездили толмач Тараско Афонасьев и затем селенгинский сын боярский И. Поршеников. В итоге монголы вернули сначала 48 (по другим данным 55) лошадей и 17 «скотин рогатых», а затем еще 70 лошадей и 18 голов скота. Одиннадцать лошадей были возвращены московским стрельцам, а остальные розданы служилым людям «чьи по пятну объявились» (РКО. 1972. С. 200–205).

[12] Якушко Якимов Федоров сын сотенный енисейских казаков и стрельцов полка П. Грабова.

дей русские люди громят непрестанно … и ныне де приходили из Нерчинска ратные люди и мунгал розбили, которые стояли улусами в ближних местех, и многих в полон побрали»[13] (РКО. 1972. С. 232–233, 237).

С начала января 1688 г. кочевники действуют боле агрессивно. У Соляного озера, где стояли соляные варницы селенгинских казаков, монголы напали на работников одного из казаков. Одного человека ранили и увели лошадь. Все русские ушли от озера в Селенгинск, взяв котлы и другое снаряжение. Однако на месте осталось больше 1500 пудов соли. В это же время монголы в 5 верстах от крепости напали на двух стрельцов полка А. Смаленберга и «Ивашку Сивша закололи до смерти». Второй служилый человек Ивашко Томской бежал, скрывшись в лесу. Д. Многогрешный и 20 ратников ездили на место убийства и по следам определили, что нападавших было около 15 чел. 12 января 1688 г. к Ф.А. Головину прибыли посланцы от Очарой Саин-хана и Батур-контайши. На карауле во время переговоров стояли служилые люди роты капитана М. Камаля полка П. Грабова. Посол попытался организовать переговоры с Батур-контайшей в Селенгинске. Однако через несколько дней монголы атаковали служилых людей полка А. Смаленберга, направлявшихся в Удинск. Два человека из числа илимских ратников были убиты, остальные в т. ч. Василий Масласин[14], скрылись на лошадях лесом. М. Камаль и 50 конных стрельцов осмотрели место нападения, нашли тело одного служилого[15] и его сани, а также, следы, примерно, 100 всадников. По данным В. Масласина, монголов было 50 чел. После этого 5 чел. «литовского списка» роты М. Камаля поехали в Удинск с «опасными памятьми». Они доехали до урочища нижнего конца Кривого Плеса у устья р. Хилок и на острове увидели множество огней. Гонцы попытались проехать, не подходя к реке, «близ камени лесом», но их стали окрикивать монгольские караулы и они «побежали» назад в крепость (РКО. 1972. С. 241–243, 247).

17 января 1688 г. в Селенгинск пришел селенгинский казак Алешка Гранин. Он был отправлен в табунутские улусы с толмачем Пашкой Чермным для розыска отогнанных лошадей и был пленен Батур-контайшой. В его лагере он слышал о том, что готовится большой поход на брацких людей. Табунуты собираются лагерем по левой стороне р. Селенги у р. Хилок и устья р. Темной, а другие «мунгалы» с правой стороны р. Селенги[16]. Всего больше 8000 чел. Батур-контайша передал Ф.А. Головину то, что направит 2000 чел[17]. в куяках «с два конь», чтобы «побить» и «вернуть в ясак» брацких людей, а на русские остроги они не нападут. Другие монголы, взятые в плен у озера Тарей в 5 днях от Нерчинска, отрядом нерчинского толмача Якова Галки и 32 тунгусов сообщили о том, что под Селенгинск монголы пошли под влиянием «совета» китайского чиновника (каразаргучей), приехавшего в улусы. Для похода тайши выделили по 100 чел. по 20 и больше воинов, «а ручной де бой у них лучной да копейщики». Каждый монгольский воин получил для корма 5 баранов, «скотину» и верблюда (РКО. 1972. С. 247–250, 279).

Также Батур-контайша хотел поменять русских пленников на тунгуских аманатов, взятых до этого на р. Чикой. Для переговоров поехал селенгинский подьячей Федор Удачин и 3 служилых человека, еще 20 конных казаков были в укрытии для безопасности. Однако монголы 10 чел. не

[13] Этот масштабный поход на монголов был осуществлен даурскими служилыми людьми до приезда Ф.А. Головина. По их версии это были ответные действия на то, что монголы убили 5 русских людей и отогнали 1000 лошадей из-под Нерчинска, Теленбинска и Еравинска (РКО. 1972. 237).

[14] В списках полка А. Смаленберга по состоянию на 1690–1691 гг. среди томских казачьих детей есть Григорий Масласин.

[15] По данным монгола, бывшего в лагере Батур-контайши, второй служилый человек был взят в плен (РКО. 1972. С. 273)

[16] В поход на русские остроги и бурятов с Батур-контайшей пошли все монгольские тайши и половина (или две трети) тайшей таубунутов (РКО. 1972. С. 325).

[17] По другим данным, войско, отправленное на бурятов «через камень», насчитывало 1000 чел. Эти воины вернулись, не дойдя до цели из-за большого снега (РКО. 1972. С. 273)

стали разговаривать и уехали, не приближаясь. Посол послал на р. Хилок Д. Многогрешного и 30 чел. с целью застать врасплох небольшой отряд монголов и взять языка. С ними же поехало 5 чел. селенгинских служилых людей с грамотами для полковников в Удинске и Ильинской слободе. В 12 верстах от Селенгинска в урочище Кривой Плес стоял лагерь монголов. Д. Многогрешный и несколько людей приблизились к нему. Однако они были замечены и им пришлось вернуться в крепость. Также 2 селенгинских казака пошли степью до «хребтов», а оттуда на лыжах до Кабаньей заимки и из нее в Удинск. Они должны были передать полковнику П. Грабову приказ прислать в Селенгинск 100 чел. из его полка и оставшихся 30 чел. из роты капитана М. Камаля. Для перехода ратникам приказывалось выдать по 2 фунта пороха и свинца и хлебных припасов на 2 месяца[18] (РКО. 1972. С. 247–250).

Ф.А. Головин отправил в лагерь Батур-контайши монгола, которого держали в Селенгинске «за караулом», взяв для него 2 лошади у Стеньки Жаркова[19] – стрельца роты М. Камаля полка П. Грабова. Посол хотел решить конфликт дипломатическими методами, не начиная войну[20] (РКО. 1972. С. 250).

Военные действия против монголов у Селенгинска. 25 января – 27 марта 1688 г. С 19 по 23 января 1688 г. в «подъезд» к Кривому Плесу ежедневно высылались отряды из селенгинских служилых людей по 12 и больше человек. Однако никакой точной информации они не приносили, только то, что вокруг Селенгинска стоят лагерем много воинских людей. 24 января 1688 г. посол решил действовать решительно. Вверх по р. Селенге до устья р. Чикой, чтобы «ударить на монгольские станы» и взять языка, отправились 100 ратников под руководством капитана М. Камаля и сына боярского Д. Многогрешного. Однако они также вернулись без результата. Монголов было много, их станы охраняли надежные караулы, и русские не решились атаковать (РКО. 1972. С. 250).

25 января 1688 г. ночью около 100 чел монголов подошли к Селенгинску. Они были обстреляны караульными и вернулись к себе в расположение. В следующие дни кочевники встали «великими станами» вокруг Селенгинска в «ближних местах» и сожгли сено, заготовленное русскими на зиму. 4 февраля 1688 г. русские выпустили на Конский остров 3-х лошадей в треногах (путах), а 30 чел. «залегли в прикрытых местах». Все остальные, подготовившись к атаке, ждали в крепости. Цель этих рискованных действий – взять языков. К лошадям направились 50 монголов, а затем, обнаружив засаду и другие «многие воинские люди». Из Селенгинска на них ударили 200 чел. под командованием М. Камаля и Д. Многогрешного. В результате боя, монголы были отбиты, но языка так и не взяли. 6 февраля 1688 г. тот же отряд выручил от нападения 200 монгольских воинов на шестерых селенгинских служилых людей из полка Афонасия Бейтона[21] и в т. ч. Микитку Шмонина, которые поехали за несожжённым сеном. Монголы были отбиты, а селенгинцы наказаны батогами за то, что действовали без разрешения. Бой произошел в 1,5 версте от крепости,

[18] Посыльные, скорее всего, не смогли дойти, т. к. в Удинске новостей от Ф.А. Головина не получали с 20 января по 10 марта 1688 г. (РКО. 1972. С. 278).

[19] Стенька Жарков – десятник томских казачьих детей полка П. Грабова. Упомянут в челобитной томских казачьих детей полка А. Смаленберга с просьбой о возвращении на прежнее место службы. 1690 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1059. Л. 225 об.); 7 июня 1688 г. стрелец Стенька Жарков вместе с нерчинским казаком Кондрашкой Якимовым, селенгинскими служилыми и бурятами ездил из Селенгинска до Гусиного озера "подсматривать оплошных мунгальских людей караульщиков и на переездех воровских мунгальских же людей» (РКО. 1972. С. 281).

[20] Кроме того, монгол должен был выяснить судьбу 18 селенгинских служилых людей. Часть из них была в монгольских улусах на торгах, а часть, перейдя р. Селенгу, искала отогнанный скот и лошадей. По сведениям людей кутухты, они встретились с войском, отправленным на бурятов, и были перебиты.

[21] Полк А. Бейтона, состоявший из 600 ратников из Тобольска, Туринска, Верхотурья, Тюмени, прибыл из Тобольска в Забайкалье в 1685 г. Большая часть полка была распределена в Албазин и там погибла во время осады (Зуев, 2000). М. Шмонин и его товарищи служили в Удинском и приехали в Селенгинск за хлебным жалованьем.

из чего можно заключить, что монгольские «станы» стояли еще дальше в 3–4 км от Селенгинска. Кроме того, на горах, окружающих острог, находились караулы кочевников по 300 чел[22]. Монгол, отправленный для переговоров, вернулся и сказал, что Батур-контайша и его воины «около Гусиного и Соляного озер и до Кемника и от камени на низ по Селенге-реке до Караульного камени полками … а иные тайши Цыбденов сын и табунуцкие зайсаны стоят … по Хилку[23] и по Чикою рекам». Также он рассказал, что слышал о том, что в войске Батур-контайши есть много ружей и 2 или 3 пушки, привезенные из Китая «сего лета». Их перевозили на телегах. Кроме того, у монголов были деревянные пушки, к которым лили чугунные ядра. Также, по приказу Батур-контайши, вверху р. Чикой плавили железо, чтобы самим отлить орудия. Порох был самодельный, а свинец – китайский. По данным другого пленника Сегитки, ручное огнестрельное оружие было куплено у китайцев и бухарцев. Монголы планировали взять Селенгинск штурмом и готовили осадные щиты (РКО. 1972. С. 250–251, 273–274, 277).

21 февраля 1688 г. сын боярский Д. Многогрешный и 15 чел. выехали из крепости на разведку. Они были атакованы «с каменю» отрядом численностью около 500 монгольских воинов. На выручку как обычно выдвинулся капитан М. Камаль и 100 чел. и, кроме того, подполковник московских стрельцов С. Богатырев, дворяне и подьячие, находившиеся в составе посольства. Нападавшие были отбиты (РКО. 1972. С. 274).

29 февраля 1688 г. в 1 час ночи монгольские войска, 6 тайшей и около 5000 воинов, пошли на штурм крепости. С трех сторон в Селенгинск пускали специально подготовленные в улусах стрелы «зажигальные с медными трупками, и бросали с огнем пуки тростяные». С рассветом монголы, около 3000 чел., отошли по р. Селенге к урочищу Оронгой. Участники «напуска» отмечали, что отступили т. к. «в то де время напал на них великой ужас, а отчего, того он сказать не ведает». Русские силы вышли из крепости и атаковали их. Во время приступа, кочевники потеряли убитыми 50 чел., многие были ранены. По сведениям монголов Далай-контайши, в этот период погибли многие воины, посланные из его улуса и в т. ч. их начальник Даян-зайсан. Поэтому к Селенгинску в конце марта снова выбирали по 20 воинов с сотни, дав им по 2 барана человеку на пропитание (РКО. 1972. С. 275, 277, 279, 325).

С 1 по 25 марта 1688 г. монгольские станы, как и раньше, стояли недалеко от Селенгинска. Русские отряды охраняли крепость «в надолбах и кругом слобод», днем и ночью. 20 марта 1688 г., по вестям караульных, вниз по р. Селенге до урочища Табунуцкая падь ездил Д. Многогрешный. Он привез известия о том, что рядом слышна ружейная и пушечная стрельба. В этот же день ночью селенгинский служилый Васька Малой и 5 чел., проехав 15 верст до Кривого Плеса, встретились с полками П. Грабова, А. Смаленберга и Ф. Скрипицына, включавших в себя около 1500 чел., включая яравинских и баргузинских тунгусов. 24 марта 1688 г. полки вошли в Селенгинск. На следующий день в разведку отправился Никитка Логинов и 20 чел. служилых людей. Они прошли 30 верст вверх по р. Селенге и к монгольским таборам, но на их месте уже никого не было. Монголы ушли в свои улусы. 27 марта 1688 г. Ф.А. Головин приказал полкам идти в Удинск. Организовать набег на монгольские улусы он не мог, т. к. «лошадьми было в полкех стрелецких гораздо скудно и многие полковые припасы везли стрельцы на себе» (РКО. 1972. С. 276–277).

Военные действия против монголов у Удинска. Январь – март 1688 г. Главной целью монголов, атаковавших русские силы под Удинском, был проход их к оз. Байкал и удар по бурятам, платившим ясак России. Данные об этих событиях известны из нескольких источников.

По сведениям монгола Окинко, в походе участвовали 2000 воинов под руководством тайши Батур Катана. 300 чел. русских вышли из Удинска

[22] Данные, полученные русскими в результате разведки, подтвердил монгол Окинко, подтвердивший, что караулы по 300 чел. стояли в трех местах (РКО. 1972. С. 274).

[23] Потом пленный уточнил, что к моменту его ухода из монгольского лагеря, все силы были стянуты к Соляному и Гусиному озерам (РКО. 1972. С. 274).

на р. Селенгу, где приняли бой с монгольским войском. Монголы потеряли 300 чел. убитыми и ранеными. Батур Катан «видя, что в людех урон великой, отошел прочь и на заимки и на брацких людей не пошел и решили уйти». Батур-контайша приказал ему идти к Селенгинску, чтобы участвовать в штурме крепости (РКО. 1972. С. 275).

По сведениям пленного монгола Сегитки, в поход на бурятов к оз. Байкал из лагеря Батур-контайши, располагавшегося в 20 верстах от Гусиного озера, мимо Удинска и Ильинской слободы отправились 3000 «лучших куячных людей»[24]. Руководили ими Мергень Дайчин-тайша, Шиптаткан Батур-тайша и Ирки Контазий-тайша. Монголы трое суток делали «великие напуски» на пеших русских ратников. Затем, видя «что тех руских людей им, мунгалом, не збить и к брацким людем к морю пройти невозможно, отступили назад к нему, Батур-контайше». Точной цифры потерь монгол не знал. В его сотне, выставленной тайшой Чин Кантазия, было убито 3 чел. и 10 чел. ранено тяжелыми ранами. В одной из атак был смертельно ранен Мергень Дайчин-тайша. Если допустить, что такие же потери были в остальных сотнях, то количество убитых могло достигать 90 чел., а раненых 300 чел. Большие потери монголов в первом бою подтверждают и сведения, полученные от «табунуцких мужиков» Бугучийки и Манзика: «как де первой бой был меж Удинским и Ильинского слободою … на том бою убили руских людей …, а мунгальских людей на том бою побито многое число» (РКО. 1972. С. 276–277, 325).

В.А. Александров приводит подробные сведения об этих событиях, основываясь на данных русских участников. Получив информацию об опасности прихода монгольского войска, московские стрельцы вышли из Ильинской слободы, и пришли в Удинск, отразив по пути три атаки монгольской конницы. 26 января 1688 г., объединившись с полкам П. Грабова и А.Смаленберга, они вышли из крепости для генерального сражения. Полки захватили лагерь монголов и были в ответ атакованы «лучшими» людьми кочевников, насчитывавшими до 3000 бойцов. Бой шел с обеда до ночи, после чего стрельцы укрепились в засеке на пригорке, откуда отбивались еще 2 суток[25]. После безрезультатных атак монголы, получившие ощутимый урон, отступили. У московских стрельцов были убиты 17 чел. и 241 чел. ранен (Александров, 1984. С. 164–165). Возможно, что часть раненных стрельцов умерла позже. 9 сентября 1688 г. Ф.А. Головин писал в Москву о 206 московских стрельцах, получивших раны в боях с монголами[26]. А характер их ранений, говорит о том, что их буквально засыпали стрелами: «десятник Гришка Иванов ранен повыше правой титки стрелою ... Алешко Данилов ранен в лоб стрелою … Терешка Андреев ранен в левое плечо да в затылок стрелою ... Гурка Макаров ранен в правую руку стрелою и оттого палец свело ... Терешка Юрьев ранен в левую ногу ниже колена ис пищали да стрелою ... Пашка Иванов ранен в левую руку да в правую ногу в колено стрелами ... Першка Андреев ранен в правую руку выше локтя … Петрушка Назаров ранен в правой бок стрелою … Ивашка Ильин ранен в левую руку стрелою … Сенка Клементьев ранен по шею да в ледвею, да в правую ногу стрелами … Савка Степанов ранен в четырех местех стрелою да у левой ноги … Андрюшка Максимов ранен стрелою в шею да у него ж правая рука да нога и язык отнялся». По царскому указу от 18 февраля 1689 г. московские

[24] С 1640 г. монгольские феодалы ввели для податного населения повинность в изготовлении защитного вооружения. Эта мера, вероятно, позволила насытить войска в такой степени, что стало возможно формировать многочисленные подразделения, в которых все воины были облачены в доспехи (Бобров, Борисенко, Худяков, 2010. С. 225–227). Одним из основных средств защиты монголов были «куяки» – пластинчато-нашивные доспехи, хорошо защищавшие от стрел и ударов холодным оружием (Бобров, 2019. С. 346–347).

[25] Монголы применяли в бою сочетание «таранного» удара тяжеловооруженных копейщиков и обстрела лучниками (Бобров, 2014. С. 118–121; Бобров, Худяков, 2008. С. 557–558). Вероятно, несколько атак «куяшников» не достигли цели и были отбиты массированным огнем из ружей. Затем, когда русские полки укрепились в засеке, их обстреливали из луков. Описания ранений московских стрельцов, приведенные в этой статье, подтверждают эти предположения.

[26] Включая последующий бой в Соляной пади.

стрельцы получили на деньги «лечбу ран». В том числе, 4 чел. у которых было по 4 раны по 2 руб. с полтиною, 22 чел. с 3-мя ранами по 2 руб., 192 стрельцам с двумя легкими и одной тяжелой раной «по рублю, по 16 алтын по 4 деньги человеку». Остальные раненые получили по рублю (РГАДА[27]. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1059. Л. 266–267, 269).

После этого сражения, дождавшись пополнения из прибайкальских острогов[28], 15 марта 1688 г. полки выдвинулись из Удинска по направлению к Селенгинску. Общая численность войска, включая воинов из ясачных народов, составила 1519 ратников (Александров, 1984. С. 165). Они были замечены монгольским караулом, стоявшим в урочище Оронгой. Батур-контайша приказал атаковать русских. Однако тайши были против, объясняя свое нежелание неудачным опытом предыдущего сражения: «итти против тех воинских людей встречю не для чего, для того что *им с рускими людьми на бою делать нечего*, потому что, как наезжали и на малое число людей и лутчие их мунгальские выборные люди, и в то де время учинить ничего не могли». Однако Батур-контайша настоял на ударе по полкам. Бой состоялся в урочище Гусиная падь. По сведениям упомянутого монгола Сегитки, взятого в плен Московским полком, русские встретились с монгольскими войсками в 20 верстах от Селенгинска в Соляной пади. В бою монголы применяли пушки и ручное огнестрельное оружие, однако не смогли добиться успеха и отступили. Русские потеряли 6 чел. убитыми из числа московских и сибирских ратников и 3 чел. раненых. Монголы потеряли убитыми 20 чел. и отступили, уйдя из-под Селенгинска. Тайши не хотели больше воевать, т. к. их основная цель – разгром и покорение бурят у Байкала не была достигнута, а многие из их людей были убиты. Они решили вернуться домой, обеспечив безопасность своим улусам (РКО. 1972. С. 276–278).

Примерно такие же сведения об этом бое Ф.А. Головин получил от монголов Бугучийка и Манзика «как де шли руские войски из Удинска в Селенгинск, и то де войское подсмотрели мунгальские люди караульщики и, подсмотри, сказали Батур-контайше. И он … собрався со всеми своими войски на Букуне, учинил бой. А умысл де у них был такой, что было того руского войска до Селенгинска не допустить. А на том де бою убито руских людей 7 человек, а мунгальских де людей убито 4 человека зайсанов. А про иных де нарочитых мужиков они, мунгальские люди … за стыдом таились сказывать. А в войску де у него, Батур-контайши, китайских людей и вымышлеников никово не бывало» (РКО. 1972. С. 325–326).

27 марта 1688 г. полки выдвинулись из Селенгинска в Удинск. Гужевого транспорта в стрелецких полках не доставало. Лошадей для перевозки боеприпасов, пушек и остального оружия сибирские ратники нанимали у иркуцких новоприборных стрелцов «на свои денги дорогою ценою … с пушки давали по двенатцети рублев» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1059. Л. 227, 234).

В крепости остались 170 селенгинских служилых людей под началом тоболянина Ивана Качанова. Для усиления гарнизона остался поручик Иван Селунец и 70 ратников полка П. Грабова. К пяти пушкам добавили еще три и «4 бочки пороху, весом 29 пуд и з деревом, 200 гранат ручных» (РКО. 1972. С. 277).

Пополнение и распределение сил. **1 апреля – 28 августа 1688 г.** С 1 апреля 1688 г. «посольское» войско находилось в Удинске. Вокруг острога и Ильинской слободы были поставлены отъез-

[27] Российский государственный архив древних актов.

[28] Есть данные, что к этому походу присоединились нерчинские казаки. В одной из своих челобитных они писали: «В прошлом, государи, во 197-м году, как напали мунгалско Очироя Санхана брат ево родной Батур Контайши со многочисленным войским на столника и полковника Федора Исаевича Скрыпицына, и осадили они на половинном лугу и билися в осаде трои судки день и ночь. Да мы же, …, *были с ним, столником и полковником в Селенгинском, и идучи дорогою к Селенгинску, на степи напали мунгалское войско и осадили и билися с ними день и ночь, и шли к Селенгинску отводным боем*, да мы же, …, были в походе с околничими воеводою с Федором Алексеевичем Головиным на табунуцких людей, побили» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1059. Л. 263).

жие караулы[29]. До середины июня 1688 г. служилые люди и тунгусы постоянно отправлялись на поиск монголов для захвата языка, но нигде их не встретили. В один из таких отрядов входили 5 нерчинских казаков и 15 нерчинских ясачных бурят. В Селенгинске к ним присоединились стрелец полка П. Грабова Стенька Жарков и 5 селенгинских казаков. Объединённый отряд ездил до Гусиного озера. Основная цель его была р. Кемник, но туда отряд не поехал, т. к. «ездя по хребтом и по сопкам, лошади притомили». Однако позднее посланец монгольского кутухты известил Ф.А. Головина о том, что Батур-контайша кочует недалеко от Селенгинска. Поэтому посол предписал И. Качанову жить с осторожностью: «город крепи всякими крепостьми, и от города ближние дворы обломать». Селенгинские казаки и служилые люди полка П. Грабова вокруг крепости и слобод сделали ров и надолбы. Крепостные башни были усилены обрубами, засыпанными землей. В 20-х числах июня 1688 г. Батур-контайша ушел с р. Кемник в свои улусы. Ф.А. Головин не оставлял надежды получить языка и 18 июля 1688 г. приказал бурятским шуленгам, кочующим у моря, найти у себя в улусах 3 чел., которые смогут быть «вожами» в походе за р. Чикой. Через 4 дня от бурятов приехали 5 чел. Они вошли в отряд Д. Многогрешного вместе с 25 стрельцами полка П. Грабова. Также в Селенгинске к ним должны были прибавиться еще 20 чел.[30] (РКО. 1972. С. 279–280, 291, 293, 310, 327, 348).

13 июня 1688 г. Ф.А. Головин приказал построить в Удинске «город» с тайником к реке «для воды», а вокруг него и слобод «тройные большие надолобы на 300 на 16 саженях». Прежний острог был «мал и ветх гораздо». Новый город «деревянной» имел «4 стены мерою по 20-ти по 3 сажени стена, вышиною 3-х сажен трехаршинных, в ширину в обламах по полчетверта аршина; 5 башен, шириною по получетверты сажени трехаршинных, в вышину по 3 сажени, и в том числе один роскат штиугольной, шириною 6 сажен, в вышину 4 сажен». В крепости был выкопан пороховой погреб и «на нем анбар». Вокруг Удинска и слобод возвели «тройные большие надолобы, мерою 310 сажен». При этом, посол отметил, что соорудить «земляной город», показавший свою высокую эффективность во время защиты Албазина, было невозможно, т. к. «место песчистое и дерны имать в ближних местех негде». В Ильинской слободе был воздвигнут острог «мерою кругом 230 сажен» с бойницами, в нем разместили 4 пушки и 16 пудов пороха. (РКО. 1972. С. 291–292, 348).

15 июня в Удинске из охочих людей в полк Ф. Скрипицына было набрано 70 чел. Вероятно, большая часть их состояла из гулящих и промышленных людей, присланных зимой – весной 1688 г. из Иркутского уезда. Им было дано по 10 руб. жалованье на год и подъемные деньги. Посол, готовясь к встрече с китайским посольством, понимал, что его силы значительно уступают и пытался максимально увеличить войско. В Илимск он писал о том, чтобы оттуда прислали 86 «недосыльных» человек (РКО. 1972. С. 291–292, 348; Багрин, 2020).

До апреля 1688 г. в Удинск несколькими партиями «в разных числах» пришли из Нерчинска «для хлебных запасов» люди из отряда С. Богатырева, Л. Нейтера и И. Бецальда. Это волновало нерчинского воеводу И. Власова, т. к. его гарнизон был ослаблен. Часть из этих ратников до начала мая 1688 г. была снова отправлена в Нерчинск. Затем, в начале июня Ф.А. Головин разослал приказ высылать в Нерчинск оставшихся людей из этого отряда «изо всех заимок и из острогов». Но как видно из дальнейших документов – часть из них была с Ф.А. Головиным и в августе 1688 г., когда А. Бейтон просил усилить гарнизон Албазина «закаменными» казаками, пришедшими с С. Богатыревым в Нерчинск (РКО. 1972. С. 279, 283, 342).

В начале июня 1688 г. поручик полка П. Грабова Василей Волошин, капитан московских стрельцов Василей Ресин и 15 чел. служилых лю-

[29] С конца июня к ним были добавлены проезжие станицы по 100 чел. и «стояли непристанно с опасением» (РКО. 1972. С. 311).

[30] Этот отряд не ушел дальше Селенгинска, т. к. ему было приказано сопровождать китайское посольство в Удинск (РКО. 1972. С. 328).

дей отправились через оз. Байкало море на 3 дощениках[31]. Буряты Верхоленского, Балаганского, Иркуцкого острогов должны были дать 170 лошадей для подвод. Кроме того, верхоленским братцким людям предписывалось «по наряду» выделить в «посольское» войско 100 воинов (РКО. 1972. С. 283–284, 326). К сентябрю 1688 г. в войске Ф. Головина собралось не менее 300 чел. ясачных иркутских, балаганских, верхоленских и забайкальских бурятов и тунгусов. По приказу в поход отправились лучшие воины с «коньми и с ружьем саадаки и с куяки и панцири». Кроме того, они дали в войско 420 лошадей и 10 верблюдов. Однако во время выхода полков из Удинска в Нерчинск в августе 1688 г. Ф. Головин отметил, что «в стрелецких полкех лошади были подводные гораздо плохи, которые збираны з брацких людей, и многие, отбився ис под пушек и ис телег, у стрельцов за неученьем в телегах ушли в степи» (рис.) (Багрин, 2020. С. 165).

Во время приема посланцев от монгольских владетелей в Удинске при них, как и в Селенгинске, находился капитан полка П. Грабова М. Камаль, а во время переговоров вокруг шатра «на стойке» обычно были московские стрельцы. Китайских послов из Удинска за Селенгинск сопровождал Д. Многогрешный и 100 чел. из полка П. Грабова. Кроме того, им предписывалось, проводив гонцов, напасть на монгольские улусы и добыть языка (РКО. 1972. С. 279–280, 291, 293, 310, 327, 341).

28 августа 1688 г. «посольское войско» пошло в Нерчинск. В Удинске остался капитан московских стрельцов Сава Володимеров и 120 человек: 33 московских стрельца, 34 служилых человека из полка Павла Грабова, 15 из полка Антона фон Смаленберга и 30 человек «иркуцких» и 8 «верхоленских», «которые присланы были в Удинск по весне». В Селенгинске оставалось 164 пеших казака (РКО. 1972. 351–352; Багрин, 2020. С. 171).

Поход на табунутов. Сентябрь – ноябрь 1688 г. Неожиданно, 7 сентября 1688 г. войско Ф.А. Головина вернулось в Удинск. 16 сентября 1688 г. полки, соединившись с людьми, оставшимися в крепости и бурятскими воинами, пошли на «мунгальские табунуцких тайшей улусы войною». Посол объяснил в отписках резкую смену курса тем, что для похода и зимовки в Нерчинске было недостаточно хлебных запасов. Возможно, на его решение повлияли сведения о китайском войске, идущем к Нерчинску по Амуру. Из Албазина писали о 100 бусах вооруженных 45 пушками. На каждом корабле плыли больше 30 воинов. Даже исходя из этих сведений, Ф.А. Головину было понятно, что китайцы стягивают к месту переговоров войска, превышавшие по численности и вооруженности все силы русских в Даурии, и посол решил выждать (РКО. 1972. С. 355, 461).

В табунуцкие улусы вели «выходцы» из этих же мест Окин-даруга и Тендек. Войска 2 дня шли по р. Уде, затем 3 дня по р. Бряне, а затем, перейдя р. Темлюй, скрытно достигли р. Хилок. Всего прошли около 200 верст. Разведка: «вож» Окин, селенгинский сын боярский Д. Многогрешный и 30 служилых людей донесли, что табунуты стоят на р. Топкой, не доходя р. Чикой. 30 сентября 1688 г., сделав плоты, ночью через р. Хилок переправились 500 ратников из полков и около 300 тунгусов и бурятов. Остальные силы остались с обозом и пушками. Несмотря на то, что у реки было быстрое течение и плоты относило за 5 верст от переправы, войско перешло реку незаметно. Этой же ночью был нанесен удар по «мунгальским улусам» тайши Серень Сакулая и других феодалов. В бою табунуты потеряли до 200 чел. убитыми. У нападавших погиб только один стрелец из полка П. Грабова. Тайши, собрав войска, преследовали русских, уходящих с пленными, конными табунами и скотом до р. Хилок. 1 октября 1688 г. многие табунуцкие зайсаны и даруги и шуленги, приведя более 1000 юрт, просили «принять их … со всеми их улусными людьми в вечное подданство под державу царского величества в

[31] Эти дощеники прибило к корге и изломало. В середине июля 1688 г. для перевозки лошадей были взяты дощеники у «рыбных ловцов» (РКО. 1972. С. 326).

Рис. Тунгуский «князец», на русской службе. Вторая половина XVII в.[32]
Fig. Tungus aristocrat in the Russian service. Second half of the 17th century

[32] Реконструкция впервые опубликована в коллективной монографии «Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья» (Багрин, Фомин, 2019. С. 245).

ясачной платеж»[33]. Посол приказал им кочевать у Селенгинска. После того, как лошади отдохнули, войско Ф.А. Головина вернулось в Селенгинск. В табунутском походе хорошо проявили себя бурятские воины, которые «бились мужественно». Через год по государственному указу «брацкие шуленги» получили за эту службу награду (РКО. 1972. С. 355, 359, 444, 617).

9 октября 1688 г., оставив в Селенгинске 200 чел., полки снова отправились в поход. Переправившись на лодках и плотах через р. Чикой, они дошли до урочища Ключи. Отсюда Д. Многогрешный и 40 чел. на лучших конях отправились на разведку. Приехав, они доложили, что монгольские караульщики подсмотрели передвижение войска, кочевники срочно снялись со своих станов и ушли, бросив усталых лошадей и скот. Преследовать убегавших Ф.А. Головин не решился, т. к. у многих служилых людей для дальнего похода «лошади гораздо были худы». Не имея возможности атаковать монголов, русские возвратились в Селенгинск. Отсюда войска ушли 18 октября 1688 г., оставив в крепости 60 чел. полка П. Грабова, «да селенгинских служилых людей и с енисейцы 120 человек с посольским дворянином Федором Ушаковым[34]». Полки пришли в Удинск 19 ноября 1688 г. Ф.А. Головин с посольством отправился в Ильинскую слободу вместе с московскими стрельцами, а полки П. Грабова и А. Смаленберга зимовали в Удинске (РКО. 1972. С. 356–357, 371).

В начале ноября 1688 г. Д. Многогрешный и 80 чел. служилых людей напали на 22 монгольские юрты у Гусиного озера. В бою они «побили 30 человек, а жен их и детей и конной табун и рогатой скот и юрты побрали и привезли в Селенгинск». В ходе схватки был убит стрелец полка П. Грабова Кондрашка Долин и ранен селенгинский казак Климка Турченинов (РКО. 1972. С. 364). На этом сколько-нибудь значительные столкновения закончились.

Характеристика военных действий в Забайкалье (1687–1688 гг.). Противостояние войска Ф.А. Головина с монголами в Западном Забайкалье показало преимущества и недостатки военной системы России в этом регионе.

Контингенту русских сил в Даурии для борьбы с кочевниками крайне не хватало конницы. Ф.А. Головин располагал только конной сотней (ротой М. Камаля) из числа тобольских литовских людей, конных казаков и их «детей и братьи». В исключительных случаях к ним присоединялись дворяне, подьячие и их слуги из числа свиты посла. Полковые служилые люди из других городов и воинских категорий также имели лошадей, но они обычно были «худы» и не годились для военных походов. Из числа местных сил Ф.А. Головин использовал селенгинских пеших казаков, которые, тем не менее выполняли почти исключительно конные службы, а также, воинов из числа ясачных бурятов и тунгусов. Всего посол мог собрать около 680–700 конных ратников, не считая нерчинских служилых людей, не принимавших активного участия в описанных событиях. Без опоры на пехоту они не могли действовать против объединенного войска монголов, насчитывавшего до 8000 конников, среди которых было не менее 3000 тяжело вооруженных воинов.

Находясь в Селенгинске, рота М. Камаля использовалась, главным образом как ударная сила, вступающая в схватку с противником в непосредственной близи от селенгинской крепости. Из нескольких описанных эпизодов видно, что эти бои не носили ожесточенного характера, т. к. посол не упоминает о жертвах ни с одной из сторон. Вылазки совершались против сил примерно равных по численности. Когда к монголам подходило подкрепление, ратники уходили в острог. В походе на табунутов конница действовала схожим образом. Ударили на неприятеля врасплох, а потом, не вступая в схватку с основными силами, отошли под защиту пехотных полков, стоявших обозом. Недостаток конницы в войске Ф.А. Головина ком-

[33] В течение нескольких месяцев после этого боя множество монгольских тайшей со своими улусными людьми перешло в российское подданство. Известия об этом повез в Москву капитан полка П. Грабова М. Камаль (РКО. 1972. С. 435).

[34] Не понятна, указанная Ф. Головиным, численность селенгинских служилых (всего их числилось 160 чел.). Вероятно, часть из них ушла в Удинск, а часть была на заимках и слободах, контролируемых из Селенгинска.

пенсировался ее рациональным использованием, Однако существенно ограничивал посла в вариантах противодействия кочевникам.

Пехотные полки показали свое умение и стойкость. Лучшая монгольская конница в открытом полевом бою не смогла найти у них слабых мест. Количество убитых в этом противостоянии кочевников было в несколько раз выше, чем у русских. Московские стрельцы, наиболее обученная и опытная часть «посольского войска», приняли на себя основной удар и понесли ощутимые потери. Ратники сибирских городов не могли иметь достаточной выучки для согласованных действий в составе полков в открытом полевом бою, правильной своевременной стрельбы залпами и т. п. (Дмитриев, 2008) Поэтому, вероятно, на поле боя они действовали во взаимодействии с Московским полком. Эффективность их совместных действий, возможно, зависела от управления сибиряками офицерами «иноземного списка». Меньшая «нагрузка» в полевых сражениях, обусловила относительно невысокие потери личного состава в полках П. Грабова и А. Смаленберга. За весь поход, включая столкновения с бурятами и онкотами под Нерчинском в 1689 г., они потеряли 54 чел. Из них «на боях от неприятелских мунгалских и онкоцких людей побито 29 человек. От ран и собою померло 25 человек» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1059. Л. 282). В целом вопрос о роли сибирских ратников в полевых сражениях с монголами возле Удинска и Селенгинска остается открытым и требует введения в оборот новых документов, проясняющих неизвестные детали.

При этом в целом значение сибирских ратников в эту компанию сложно недооценить. Конная рота М. Камаля была не только главной ударной силой во всех крупных столкновениях под Селенгинском во время его осады, но и вообще выполняла все службы, связанные с разведкой, поиском и преследованием во время размещения «посольского» войска в Западном Забайкалье. Действия сибирских кавалеристов почти всегда сочетались с включением в их состав даурских служилых людей, знавших местность.

Осторожно выдвигая тезис о некоторой «второстепенности» роли пехоты полков П. Грабова и А. Смаленберга, по сравнению с «гвардией» Московского полка, следует помнить, что полноценные и успешные действия московских стрельцов на поле боя без сибиряков вряд ли были возможны, т. к. их было слишком мало для противостояния нескольким тысячам монгольских кавалеристов. Из каждых трех человек, стоявших на поле боя, два были из сибирских полков, и на их действия в документах нет нареканий.

Кроме того, в основном силами ратников полков П. Грабова и А. Смаленберга были построены новые крепостные укрепления в Удинске и Селенгинске.

Оборона Селенгинска еще раз показала, что противостоящие России в Забайкалье кочевники не имеют эффективных средств и умения для взятия русских крепостей. Зажигательные стрелы им успеха не принесли. О применении монголами китайских и самодельных пушек, а также, осадных щитов во время штурма Селенгинска посол не упоминает. В любом случае у осаждавших не было ни достаточного количества артиллерии, ни специалистов, которые могли бы ее применить так, чтобы нанести ущерб селенгинским укреплениям. В этом плане было очевидно, что небольшие по численности гарнизоны по прежнему могут «отсидеться» за крепостными стенами во время больших набегов и контролировать округу, когда кочевники уйдут. Военная организация монголов не предполагала возможности длительной блокировки крепостей. Кроме людей нужно было кормить огромное количество лошадей, собранных в одном месте. Вероятно, осаждавшие Селенгинск силы ушли бы от него в скором времени даже если бы к нему не пробились из Удинска полки Ф. Скрипицына, П. Грабова и А. Смаленберга.

Однако для русских тревожным звонком стало появление у кочевников пушек и ручного огнестрельного оружия, которые они применили в полевом бою у Соляной пади. Вероятное сочетание возможностей монгольской конницы с китайским оружием и военными специалистами несло

в будущем потенциальную угрозу русской системе обороны Даурии[35]. Уничтожение китайцами Албазинской крепости в 1685 г., наглядно показало уязвимость русских крепостей перед артиллерией (Артемьев, 1999; Багрин, 2013; Трухин, Багрин, 2019). Несомненно, это было одним из факторов, обусловивших большой интерес Очирой Саинхана к вооружению своих войск новым для монголов оружием.

В целом после соединения Московского и двух сибирских полков Ф.А. Головина с даурскими служилыми людьми и воинами из ясачных народов Предбайкалья и Забайкалья, численность защитников Даурии в районе Удинска и Селенгинска была около 2200 чел. (примерно 1500 пехотинцев и 700 всадников). Этих сил было достаточно и для отражения вторжения большого войска и для неожиданных ударов на монгольские улусы, находившихся относительно недалеко от русских крепостей. Поход на табунутов хорошо продемонстрировал, что большие силы кочевников также не могут спокойно себя чувствовать вблизи русских границ.

[35] Л.А. Бобров отмечает, что монголы Халхи, противостоящие России в Забайкалье, так и не смогли вооружиться огнестрельным оружием в достаточной мере, для того чтобы оно получило преобладающее значение. Этому препятствовала сама Цинская империя, опасавшаяся их усиления. В то же время в Западной Монголии джунгары смогли не только широко внедрить ручное огнестрельное оружие в войска, но и наладить его собственное производство, что обусловило их победу в Джунгаро-халхаской войне 1688–1690 гг. (Бобров, Худяков, 2008. С. 554, 557; Бобров, 2009. С. 90–91).

Библиографический список

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1984. 272 с.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: Дальнаука, 1999. 336 с.

Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб.: Нестор-История. 2013. 288 с.

Багрин Е.А., Фомин Н.Д. Внешний облик сибирских и амурских первопроходцев по письменным, иллюстративным и музейным источникам: графическая реконструкция. Глава 2.7. / Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / Коллективная монография: отв. ред. А.П. Забияко, А.Н. Черкасо. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 225–247.

Багрин Е.А. Иркутские новоприборные служилые люди на защите дальневосточных рубежей в 1686–1692 гг. (с поименным списком) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 161–175.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.

Бобров Л.А. Сражение на реке Аяуз (1717 г.). Предпосылки, ход, результаты // Para bellum novum: Военно-исторический журнал. № 31. 2009. С. 67–104.

References

Aleksandrov V.A. (1984) Russia at the Far Eastern borders (second half of the 17th century). Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 272 p. (In Russ.)

Artem'ev A.R. (1999) Towns and Forts of Transbaikalia and Priamurye in the second part of the XVII–XVIII centuries. Vladivostok: Dal'nauka. 336 p. (In Russ.)

Bagrin E.A. (2013) Warfare of the Russians on the Eastern Border Lands of Russia in the 17th century: Tactics and Weapons of the Service People in the Baikal, Trans-Baikal and Amur Regions. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 288 p. (In Russ.)

Bagrin E.A., Fomin N.D. (2019). The appearance of Siberian and Amur pioneers according to written, illustrative and museum sources: graphic reconstruction. Chapter 2.7. Albazin fortress: History, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region. Novosibirsk: IAET SO RAN. P. 225–246 (In Russ.)

Bagrin E.A. (2020) Irkutsk recruits on the Far Eastern borders in 1686–1692 (including list of names). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 16. No. 1. P. 161–175. (In Russ.)

Bobrov L.A., Khudjakov Ju.S. (2008) Armament and tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia during the Late Medieval and Early Modern Ages (15th – first half of the 18th century A.D.). St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology. 776 p. (In Russ.)

Bobrov L.A. (2009) The battle on the Ayaguz River (1717): the background, the course, and the results. *Para bellum novum: Voenno-istoricheskii zhurnal = Para bellum*

Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в позднее Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2010. 288 с.

Бобров Л.А. К вопросу об истоках конного копейного боя российских казаков второй половины XVII – первой половины XIX в. // Parabellum novum: Военно-исторический журнал. № 2 (35). 2014. С. 115–147.

Бобров Л.А. Калантырь и «калантарь» к вопросу об использовании «аутентичных» и «оружиеведческих» терминов в современных научных исследованиях // Novogardia. 2019. № 1. С. 344–354.

Гольман М.И. Русско-монгольские отношения во второй половине XVII в. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2020. № 1. С. 54–67.

Демин Э.В. Селенгинская «украйна» гетмана Многогрешного: К 300-летию в 2003 г. его кончины в Селенгинске // Троицкое слово Забайкалья. Улан-Удэ, 2003. № 3. С. 43–62.

Дмитриев А.В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2008. 240 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. Москва: Академия наук СССР. 1960. 622 с.

Зуев А.С. Забытый герой: штрихи к биографии Афанасия Ивановича Бейтона // Немецкий этнос в Сибири: Альм. гуманит. исслед.: Философия, социология, право, история, филология и др. Вып. 2. Новосибирск: Гуманитарные технологии, 2000. С. 173–183.

Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1987. 514 с.

Оглоблин Н.Н. Служба в Сибири Демьяна Многогрешного. Киев: тип. В.И. Завадского. 1892. 22 с.

Трухин В.И., Багрин Е.А. Албазинский острог в 1665/1666–1689 гг.: фортификация и защитники – опыт исторической реконструкции // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. X. С. 385–431. [Электронный ресурс] URL: http://www.milhist.info/2019/01/30/tryxin_bagrin (дата обращения: 12.05.2020).

Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 182 с.

Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 213 с.

novum: military history magazine. No. 31. P. 67–104. (In Russ.)

Bobrov L.A., Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S. (2010) Interaction of Turkic and Mongolian peoples with Russians in Siberia in military affairs in the late Middle Ages and New Time. Novosibirsk. 288 p. (In Russ.)

Bobrov L.A. (2014) The origins of cavalry lance fighting of the Russian Cossacks in the second half of the 17th – the fist half of the 19th century. *Parabellum novum: Voenno-istoricheskii zhurnal = Parabellum novum: military history magazine.* No. 2 (35). P. 115–147. (In Russ.)

Bobrov L.A. (2019) Kalantyr and “kalantar” to the question about using “authentic” and “oruzheinik” terms in modern scientific research. Novogardia. No. 1. P. 344–354. (In Russ.)

Gol'man M.I. (2020). The Russian-Mongolian relations in the second half of the 17th century. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost = East. Afro-Asian societies: history and modernity.* No. 1. P. 54–67. (In Russ.)

Demin E.V. (2003) Selenginskaya "Ukraine" of the hetman Mnohohrishny: On the 300th death anniversary of his in Selenginsk in 2003. *Troitskoe slovo Zabaikal'ya = Trinity Word of Transbaikalia.* Ulan-Ude. No. 3. P. 43–62 (In Russ.)

Dmitriev A.V. (2008). Troops of the “new system” in Siberia in the second half of the 17th century. Novosibirsk: Novosibirsk State University. 240 p. (In Russ.)

Dolgikh B.O. (1960) Tribal and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century. Moscow: USSR Academy of Sciences. 622 p. (In Russ.)

Zuev A.S. (2000) Forgotten hero: touches on the biography of Athanasius Ivanovich Beiton. *Nemetskii etnos v Sibiri: Al'm. gumanit. issled.Filosofiya, sotsiologiya, pravo, istoriya, filologiya i dr. = German ethnos in Siberia: Humanitarian Research Almanac. Philosophy, Sociology, Law, History, Philology, etc.* Novosibirsk: Gumanitarnye tekhnologii. Iss. 2. P. 173–183. (In Russ.)

Myasnikov V.S. (1987) Qing Empire and the Russian state in the XVII century. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 514 p. (In Russ.)

Ogloblin N.N. (1892) Service in Siberia Demyan Mnohohrishny. Kiev: tip. V.I. Zavadskogo. 22 p. (In Russ.)

Trukhin V.I., Bagrin E.A. (2019) Albazin fortress in 1665–1689: its fortification and defenders (historical reconstruction). *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki = History of military art: researches and sources.* Vol. X. P. 385–431. Available from: http://www.milhist.info/2019/01/30/tryxin_bagrin> (Accessed 20.05.2020). (In Russ.)

Shastina N.P. (1958) Russian-Mongolian embassy relations of the 17th century. Moscow: Izd-vo Vost. lit. 182 p. (In Russ.)

Yakovleva P.T. (1958) The first Russian-Chinese treaty of 1689. Moscow: USSR Academy of Sciences. 213 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Багрин Егор Андреевич,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-методической службы,
Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина,
190000, Санкт-Петербург, Сенатская площадь, 3, Россия,
✉ e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru

Заявленный вклад авторов

Е.А. Багрин выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 3 августа 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 27 августа 2020 г.
Принята к публикации 7 сентября 2020 г.

Information about the author

Egor A. Bagrin,
Cand. Sci. (History), Leading Researcher of the Scientific and Methodological Department,
Boris Yeltsin Presidential Library,
3, Senatskaya Square, Saint-Petersburg 190000, Russia,
✉ e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru

Contribution of the authors

E.A. Bagrin carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received Augist 3, 2020.
Received Augist 27, 2020.
Accepted September 7, 2020.

Оригинальная статья / Original article
УДК 930.85
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-145-158

Цвет гражданской форменной одежды в России конца XVIII – XIX века как индикатор социокультурной идентичности эпохе

© Е.Н. Курочкина, О.А. Игнатьева, О.К. Лось

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье представлены этапы развития официального гражданского костюма чиновников разных ведомств с середины XVIII – до конца XIX в. с целью анализа тенденций их цветового дизайна. Авторы придают важное значение цвету как фактору, оказывающему большое влияние на восприятие человеком любого объекта, и рассматривают цветовое решение официального гражданского мундира с позиций отношения к любому костюму как системе знаков-символов, способных передать характерные черты своего времени. Авторы признают значимость мундирного шитья, однако упоминают о нем вскользь, так как считают, что это отдельная самостоятельная тема исследования. В статье лишь затронут вопрос о влиянии на становление цветового решения гражданского мундирного платья военного костюма, проявившееся с очевидностью уже в XVIII веке, и прошедшего те же этапы эволюции цветового решения. Анализ даже простого цветового решения мундиров демонстрирует, что на протяжении полутора веков отношение к цветовому решению гражданских мундиров изменялось этапами – от использования ярких, нарядных цветов и пестрых, часто плохо сбалансированных сочетаний, характерных для второй половины XVIII в., – к строгой, сдержанной гамме темных цветовых сочетаний: от темно-зеленых и темно-синих основных цветов мундиров – к доминирующим черным. Авторы связывают такую тенденцию с постепенным нарастанием сухого рационализма к началу XX века по отношению к предметам быта. В исследовании эволюции цвета гражданских мундиров авторы опирались, прежде всего, на альбомы ведомств с иллюстрациями XVIII–XIX веков, а также на статьи историков, интересующихся вопросами видоизменения форменной одежды Российской империи.

Ключевые слова: мундир, одежда, цвет, ведомство, воротник, выпушка, костюм, министерство, придворный, гражданский, общество, империя

Для цитирования: Курочкина Е.Н., Игнатьева О.А., Лось О.К. Цвет гражданской форменной одежды в России конца XVIII–XIX века как индикатор социокультурной идентичности эпохе // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 145–158. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-145-158

The color of civilian uniforms in Russia at the end of the 18th – 19th centuries as an indicator of the sociocultural identity of the epoch

Elena N. Kurochkina, Olga A. Ignat'eva, Olga K. Los'

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article presents the stages of development of the official civil suit of officials of various departments from the middle of the 18th to the end of the 19th centuries for the purpose of analyzing trends in their color design. The authors attach great importance to color as a factor that has a great influence on a person's perception of any object, and consider the color scheme of the official civilian uniform from the standpoint of the attitude to any costume as a system of signs – symbols that can convey the characteristic features of their time. The authors acknowledge the importance of uniform sewing, but mention it only in passing, as they believe that this is a separate independent research topic. The article only touches on the question of the influence on the formation of the color scheme of the civilian uniform dress of the military suit, which was evident already in the 18th century, and which passed the same stages of evolution of the color scheme. An analysis of even a simple color scheme for uniforms shows that over a century and a half, the attitude to the color scheme of civilian uniforms changed in stages – from the use of bright, elegant colors and motley, often poorly balanced combinations characteristic of the second half of the 18th century to a strict, restrained range of dark color combinations: from dark green and dark blue basic colors of uni-

forms to dominant black. The authors associate this tendency with the gradual growth of dry rationalism towards the beginning of the twentieth century in relation to household items. In their study of the evolution of the color of civilian uniforms the authors relied primarily on albums of departments with illustrations of the 18th – 19th centuries, as well as on articles by historians interested in the issues of modifying the uniforms of the Russian Empire.

Keywords: uniform, clothing, color, department, collar, edging, suit, ministry, courtier, civil, society, empire

For citation: Kurochkina E.N., Ignat'eva O.A., Los' O.K. (2020) The color of civilian uniforms in Russia at the end of the 18th – 19th centuries as an indicator of the sociocultural identity of the epoch. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 145–158. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-145-158

Форменную одежду, гражданскую или военную, правильнее было бы назвать костюмом. Связанные друг с другом понятия «одежда» и «костюм имеют, однако, разную суть. Понятие «одежда» отражает преимущественно функционально-утилитарное содержание, на которое влияют главным образом климатические особенности. Понятие «костюм» включает в себя не только функционально-утилитарное содержание, но и художественно-эстетическое. Как известно, создание разнообразных видов и форм костюма происходило и происходит во многом под влиянием общественных идеалов. Поэтому историю костюма можно считать отражением общественного сознания человека, связанного с историческими процессами и культурными традициями, а костюм рассматривать только в связи с жизнью общества.

Визуальный облик любого костюма, в том числе форменного мундира, являющегося для гражданских чиновников важной частью самопрезентации, можно рассматривать как систему символов – знаков, частью которых является и его цветовое решение. Оно было важной частью атрибутики, специальной знаковой системы служащих этих государственных структур.

Введение форменного костюма чиновников практически всех ведомств стало одной из особенностей социокультурной ситуации Российской империи в XIX в. Процедура изменения визуального облика мундиров, корректировка их цвета и декора (золотного или серебряного шитья, определение цвета выпушки) явилось частью программы совершенствования государственного управления и организации гражданской службы. Оно должно было усилить структуру строгой иерархии служебных должностей, упорядочить деятельность чиновников. Форменная одежда ведомств империи включала практически одинаковые комплекты 7 видов из обычной, будничной, праздничной, особой и парадной. Предусматривалась и летняя форма. В этом тоже проявилось необычайное стремление к унификации. Даже публичные церемонии, в том числе и праздничные, должны были демонстрировать эту иерархию должностей, чинов и званий, так как ношение служебного мундира было обязательным и на них. Даже незначительные изменения в мундирах проводились только с утверждения императоров.

В общественном сознании ношение мундира ассоциировалось с государственной службой, а это воспитывало чувство личного достоинства. Ведь он напоминал о статусе человека, воспитывал в нем чувство гордости за принадлежность и к своему ведомству, а в целом и к империи. Мундир стал символом и принадлежности к определенному сословию, по нему можно было определить, к какого рода службе относится его владелец (военной или гражданской). Как справедливо отметила О.Е. Баженова, став символом-знаком, определяющим статус человека, он стал играть в обществе важную коммуникационную роль, так как помогал быстро ориентироваться: свой – чужой, старший – равный – низший; род службы: гражданская – военная – придворная (Баженова, 1998. С. 32). Постоянное ношение чиновниками гражданской форменной одежды привела к тому, что в XIX в. мундир стал важной составляющей повседневной культуры города.

Интересной особенностью гражданской форменной одежды в Российской империи было ее

цветовое решение. Цвет для человека представляет особую знаковую систему: основой одной из них (функционально-утилитарной) являются психофизиологические особенности восприятия цвета, основой другой (эстетической) – цветовая культура. Так как цвет способен воздействовать на эмоции человека, вызывая определенные ощущения и ассоциации, цветовое решение любого объекта становится одним из самых сильных средств выразительности. Гармонии цветовых сочетаний зависят от эстетических взглядов общества в разные периоды времени. Изменения фасона и цвета мундиров гражданских чиновников позволяют не только определить период их создания, но и связать их с постепенно меняющимися идеалами времени.

Природа цвета, его свойства и цветовые закономерности интересовали исследователей уже с античности. К XIX в. уже было открыто, что цвет любой поверхности чрезвычайно зависит от своего цветового соседства. Восприятие одного и того же цвета может изменяться от холодного – к теплому, от яркого – к приглушенному. Под влиянием цветового соседства составные цвета могут терять или усиливать синеву, красноту или желтизну. Кроме того, по закону контраста, светлый цвет, соседствуя с темным, кажется еще светлее, и наоборот. Так, например, красный, соседствуя с зеленым, кажется ярче (хроматический контраст). В 1810 г. немецким поэтом и естествоиспытателем Иоганном Вольфгангом Гёте было опубликовано «Учение о цвете», в котором он рассматривал все явления, связанные с цветом, с позиций физиологического и психологического воздействия цвета на человека. Однако в художественной сфере пользоваться достижениями этих исследований активно стали только после издания в 1839 г. работы «О законе симультанного контраста цветов и о выборе окрашенных предметов» французского химика Мишэля Шевреля, который стремился постичь законы цветового контраста для изготовления текстиля.

В костюме цвет сразу обращает на себя внимание, а цветовое решение играет большую роль в формировании имиджа того, кто его носит. Выбирая цвет, его оттенки и сочетания, автор костюма может сделать форму эмоционально окрашенной: деловой или праздничной, торжественной или домашней. Часто цвет усиливает или ослабляет восприятие фактуры ткани, например, он способен скрыть какие-либо эффекты поверхности материала.

Использование цветного сукна для гражданского форменного костюма Российской империи несомненно связано с традициями военного костюма. Примером раннего использования определенных цветовых сочетаний в европейском костюме может служить средневековый геральдический костюм с его строгой системой отличий, в котором цвет являлся одним из важнейших символических элементов, позволявших не только сразу распознать человека как «свой» – «чужой», но и определить иерархию. Именно эта функция цвета стала главной при формировании военного форменного костюма и знаков отличия разных стран последующих веков. Красочность геральдических костюмов, закрепившаяся в связи с расцветом турниров в тот же период, когда в Европе формировался феномен моды (начало XV в.), тоже повлияла на красочность военных мундиров всех европейских стран.

Становление гражданского форменного костюма России принято связывать с формированием военного костюма петровских времен. Но исследуя вопрос о выборе Петром I цвета кафтанов Преображенского и Семеновского полков, Р. Паласиос-Фернандес, обратился к более ранним периодам использовании цветных кафтанов в русском войске. Он писал, что, когда Алексей Михайлович въезжал в село Покровское в 1651 г., на его возницах были надеты бархатные «червчатые» кафтаны, 25 мая 1661 г. послов императора Леопольда встречали две группы царских конюхов: степенные имели «лазуровую» одежду, а стадные были одеты в красное, белое и голубое; в 1664 г. английское посольство встречали сокольники, «одетые все в красное платье» (Паласиос-Фернандес, 1996. С. 6). Значительная часть конюшенных чинов во вторую половину XVII в. носила отороченные мехом малиновые шапки, желтые сапоги и голубые кафтаны» (Паласиос-Фернандес, 1996. С. 6). Цвета кафтанов

Преображенского и Семеновского полков, Р. Паласиос связывает с темно-зелеными кафтанами царицыных стольников 1680–1681 гг. (Паласиос-Фернандес, 1996. С. 4).

Сведения о приобретении сукна в 1694 г. для обмундирования Преображенского, Семеновкого и Бутырского полков говорят о том, что цвету сукна уже придавалось большое значение. Известен приказ Петра I о покупке 15 000 аршин сукна «лазоревого или темно-голубого» цвета, малинового и сине-зеленого. Цвету мундирных кафтанов соответствовали цвета ротных знамен (Летин, 2002). По описанию П.Г. Корба, на Крещенском параде 1699 г. «в голове шел полк генерала Гордона в красных новых мундирах. За полком Гордона следовал Преображенский, хорошо одетый в новые зеленые мундиры. Затем …Семеновский (цвет воинских кафтанов голубой)» (Паласиос-Фернандес, 1996. С. 7).

Красочное, разноцветное обмундирование армии должно было демонстрировать не только ее европейскую организацию, но и красоту. О причинах выбора того или иного цвета для военных костюмов других полков существуют разные версии. С. Летин, говоря о периоде 1706–1708 гг., считает, что к концу 1700-х гг., когда число полков увеличилось, больше стали заботиться о том, как успеть заготовить сукно и вовремя отправить в полки, поэтому разнообразие мундиров, утратив всякую систему, зависело целиком от наличия сукна того или иного цвета. Однако какой бы ни была причина, цветовое предпочтение оставалось ярким: «2 июня 1706 года шеф Ингерманландского полка А.Д. Меншиков велел «всем сделать из желтого сукна на целый полк 1300 кафтанов с красными отвороты и обшлаги штаны красные» (Летин, 2002). В делах Правительствующего Сената (Российский государственных архив древних актов (РГАДА)) сохранилось описание обмундирования драбанта, датированное 1713 г. В описании перечислены темно-зеленый кафтан с полами, подбитыми до боковых швов алым сукном, и алыми воротником и обшлагами. Нельзя не учитывать и золотой позумент, и 28 вызолоченных медных пуговиц, значительно усиливающие нарядность обмундирования (Егоров, 1996. С. 12). Сочетания ярких контрастных цветов, как известно, в военном мундире сохранялись вплоть до XIX в. Самым красочным и эффектным мундиром в российской армии XVIII–XIX вв. считался костюм гусара. В обществе военные мундиры считались очень привлекательными, кроме того, сами императоры с XIX в. надевали военные мундиры.

Гражданский форменный костюм уже с XVIII в. был близок военному не только тем, что его форма (модель кафтана, камзола, штанов, головных уборов) отчасти следовала моде, но и оформлением самого мундира (прибором). Такие детали костюма, как обшлага рукавов, воротник, клапаны карманов, выпушки (канты, проложенные по краям деталей) называли «прибором из ткани» мундира. Обычно они были сшиты из сукна или бархата, в зависимости от указаний. Золотое или серебряное шитье (вышивку), а также нашивки из тесьмы (золотые или серебряные галуны), эполеты, погоны и пуговицы относились к так называемому «металлическому прибору». Если прибор военного мундира обозначал принадлежность его владельца к определенной военной части и к виду вооружения, то в гражданском – указывал на род службы и ранг. С начала XIX в. чиновники некоторых гражданских ведомств служили в военном ведомстве. Например, инженеры путей сообщения, горные и лесные инженеры, почтово-телеграфные и межевые чины имели военные звания.

Еще в 1720-х гг. учащиеся профессиональных школ носили зеленые кафтаны с красными обшлагами, напоминающие форму солдат гвардии (Кулакова, 2008. С. 9). О цвете самого раннего гражданского мундира в России мундира «горных администраторов» известно лишь с 10 апреля 1755 г., когда для них были установлены специальные мундиры: «кафтан сукна красного, доброго, обшлага разрезанные белые, называемые шведские; воротник, камзол суконные белые, штаны суконные же красные; подбой белый и по борту на кафтане и на камзоле иметь галун золотой» (Шепелев, 2001. С. 10). В конце 1750 – начале 1760-х гг. первые мундиры получили студенты Московского университета. Это был зеленый мундир с красными во-

ротником и обшлагами и подкладкой. В 1780-е гг. мундиры были введены для чиновников и преподавателей университета (Кулакова, 2008). В 1764 г. с утверждением нового устава Академии было решено чинам академического собрания изготовить одинаковые кафтаны вишневого цвета, украшенные по краям для профессоров – золотым галуном, а для старших чинов – серебром.

Стремление Екатерины II упорядочить российскую действительность в том числе при помощи цвета костюма проявилось, по мнению К. Бордериу, в отношении к дворянской одежде как к «униформе». Это подтверждает ее «указ «О дозволении дворянству обоего пола носить платье таких цветов, которые каждой губернии присвоены» устанавливал единый цвет (бордовый, зеленый или синий) для платья дворян, не только находящихся при должностях, но и всему дворянству губернии» (Бордериу, 2016. С. 95). Это проявилось и в том, что уже в 1764 г., когда она основала «Императорское воспитательное общество благородных девиц», для воспитанниц шили форменные платья разного цвета: в возрасте от 6 до 9 лет – светло-коричневого, символизировавшего близость к земле, от 9 до 12 лет – темно-синего, от 12 до 15 лет – голубого, в старшем возрасте до 18 лет – белого. Светлые цвета символизировали возрастающую образованность.

Указ от 23 октября 1782 г. о введении губернских мундиров, связанный с 20-летним юбилеем восшествия на престол Екатерины II, определял цвета мундиров по цвету губернских гербов. Указ разрешал использовать такие цвета «не только при должностях находящимся, но всему дворянству», даже женщинам (Шепелев, 1991. С. 146). Это объяснялось стремлением Екатерины II не только внешне обозначить государственных служащих, но и бороться с роскошью дворянских туалетов. Известный исследователь гражданского мундира Л.Е. Шепелев привел ряд откликов на этот указ, в том числе из Пензенской губернии: «платье было сделано... цветов по опробованному ее императорским величеством гербу губернии. Как на присланном из Герольдии рисунке герб тот означен: в зеленом поле три снопа зрелого хлеба, вследствие того кафтан зеленый и подкладка такая же, краген, обшлага и исподнее платье черные, а камзол палевый» (Шепелев, 1991. С. 147). Но вскоре, Указом от 9 апреля 1784 г. гербовая пестрота губернских мундиров была сдержана выбором трех цветов, ставших в этот период основой колористических решений гражданских костюмов чиновников. Это были темно-вишневый (для Киева и южных губерний), красный (для Московской губернии и губерний средней полосы) и светло-синий (для Петербурга и северных губерний). Костюмы самих губерний различались вариантами цветов камзолов, штанов и приборов (Шепелев, 1991. С. 147).

До наших дней сохранился редкий экземпляр альбома «Изображение губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров» (Государственная публичная историческая библиотека (ГПИБ)), изданного в 1794 г. с гравированными и раскрашенными от руки изображениями мужской фигуры в мундире, а внизу – губернского герба. Все 42 иллюстрации сопровождаются кратким описанием каждого мундира и герба. Кроме костюмов губерний и наместничеств в альбоме представлены костюмы служащих Государственных банков, Московского университета и Горного училища, а также «почтамской» и «водяной кумоникации», Адмиралтейской, армейской и провиантской коллегий (рис. 1, 2).

Глядя на мундиры альбома, обращаешь внимание на их необычайную яркость и нарядность. Из 42 мундиров наместничеств и губерний 23 – красных (10 – в сочетании с голубым; 4 – в сочетании с зеленым), 15 – светло-синих (5 – в сочетании с черным, 4 – в сочетании с малиновыми воротником и обшлагами), 4 – темно-вишневых (2 – в сочетании с зеленым, 2 – в сочетании с голубым). Яркий цвет кафтанов как правило контрастировал со светлыми подкладкой кафтана, камзолом и штанами, особенно когда они были одного цвета, часто палевого или белого. Интересно, что в нескольких случаях цвета герба не совпадали с цветом прибора. Например, светло-синий кафтан с черными воротником и подкладкой и обшлагами, и белым камзолом и штанами Санкт-Петербургской губернии не соответствуют изображенному гербу,

который представляет «в красном поле два серебреные якоря, положенные крестообразно, и на них золотой скипетр» (Изображение губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров 1794 года, 1794. С. 1)[1]. То же можно сказать о мундире Вологодского, Смоленского, Уфимского наместничеств, Таврической области. После упразднения Берг-коллегии в 1784 г. часть горных чиновников стали носить мундир красного цвета с зеленым прибором (лацканами, воротником, обшлагами) и зелеными камзолами и штанами. Это напоминало мундир офицеров горнозаводских батальонов. Именно так выглядит в альбоме 1794 г. форменный костюм Горного училища. В 1786 г. был утвержден в России первый банковский мундир. В альбоме он описан так: «Мундир: кафтан зеленой с палевыми лацкенами воротником и обшлагами, и подбоем» (Изображение губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров 1794 года, 1794. С. 15)[2].

Хотя в альбоме 1794 г. ничего не сказано об утвержденном 5 мая 1794 г. мундире Академии художеств, но известно, что в указе было сказано: «иметь мундиры малинового цвета с черной подкладкой и такими же бархатными отворотами с золотыми петлицами» (Шепелев, 1993b. С. 8).

Традиция сочетать в мундире яркие цвета (красный-белый, зеленый-красный, малиновый-черный) характерна и для конца XVIII – начала XIX в. Так, например, Павлом I при возобновлении деятельности Берг-коллегии 14 декабря 1796 г. было указано, чтобы члены Коллегии и подчиненные ей чины имели мундир, «ныне употребляемого» красного цвета «с отворотами, камзолом и исподним платьем зеленого цвета» (Шепелев, 2001. С. 10). Однако постепенно отношение к цвету стало меняться. В соответствии с делением государства на губернии в 1797 г. Павел I вновь изменил губернские мундиры, которые стали теперь темно-зелеными. Цвета их воротника и обшлагов снова стали выбирать по цветам гербов губерний. Цветовое решение мундиров становится все более строгим.

В 1799 г. Важным моментом было введение мундиров для представителей Коллегии иностранных дел. Костюм стал таким, каким был у чиновников Удельного ведомства в 1797 г.: кафтан темно-зеленый с подкладкой такого же цвета, с черными обшлагами и воротником, и белыми штанами (Шепелев, 1991. С. 151). Правда, у служащих Удельного ведомства воротник и обшлага были не черные, а «земляного» темно-кофейного цвета.

Новое мировосприятие начала XIX в. значительно повлияло на европейский костюм. Если об удобстве женского костюма на протяжении всего века говорить нельзя, то мужской – наоборот, с каждым десятилетием становился проще и комфортней. Это отразилось и на костюме государственных служащих. Родовитое дворянство отличало стремление носить форменное платье особого образца с богатым мундирным шитьем. После Отечественной войны образованной светской молодёжи стало престижным числиться на гражданской службе. Введение гражданских мундиров, целью которых было стремление власти дисциплинировать чиновника и обозначить его ранг в служебной иерархии, стало активнее.

Если ведомственные мундиры делились на разряды, то «губернские мундиры были одинаковы для всех чиновников и у старших по чину и должности ничем не отличались от младших» (Шепелев, 1993a. С. 35).

Красный цвет мундира становится привилегией только сенаторов. В декабре 1801 г. были определены праздничный и повседневный мундиры членов Правительствующего сената. Мундиры были сшиты из сукна красного цвета, с красной же подкладкой. Бархатные обшлага и воротник были темно-зелеными. Как положено, по бортам праздничного кафтана, на обшлагах и воротнике полагалось золотное шитье. Камзол и штаны были белыми (Шепелев, 1991. С. 152).

[1] Изображение губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров 1794 года. СПб., 1794. 16 с. 50 л. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/524-izobrazhenie-gubernskih-namestnicheskih-kollezhskih-i-vseh-shtatskih-mundirov-spb-1794 (дата обращения 08.07.2020).

[2] Там же.

Рис. 1. Мундир Иркутского наместничества, 1794 г.
Fig. 1. The uniform of the Irkutsk governorship, 1794

Рис. 2. Мундир Псковского наместничества, 1794 г.
Fig. 2. The uniform of the Pskov governorship, 1794

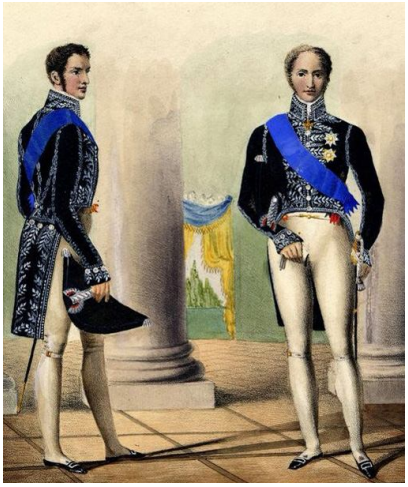

Рис. 3. Мундир чиновника МИД 1 разряда,1834 г.
Fig. 3. Uniform of an official of the Ministry of Foreign Affairs of the 1st category, 1834

Рис. 4. Мундир Министра народного просвещения, 1856 г.
Fig. 4. Uniform of the Minister of Public Education, 1856

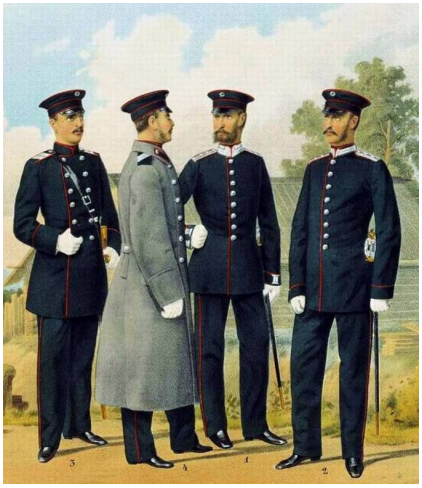

Рис. 5. Мундиры инженеров путей сообщения, 1882 г.
Fig. 5. The uniforms of railway engineers, 1882

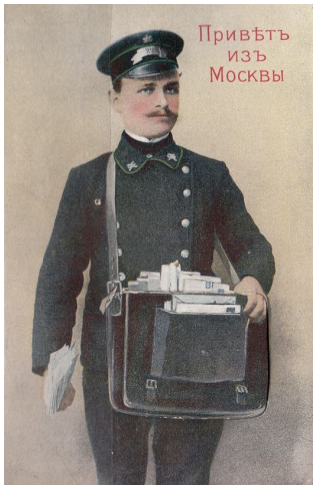

Рис. 6. Чиновник телеграфного ведомства. Открытка начала XX вв.
Fig. 6. An official of the telegraph office. Postcard of the early XX centuries

Уже с 1800-х гг. наиболее распространенными стали темно-зеленый и темно-синий цвета мундиров, а цвета их обшлагов и воротников обозначают ведомства. Это относилось и к Учебным ведомствам разных округов. Их костюмы (как правило, темно-синие) должны были использовать и свое сочетание цвета обшлагов и воротников, и узор шитья, и особенности металлического прибора (Попов, 2016. С. 11).

Темно-зеленым (с малиновыми обшлагами и воротником) стал кафтан служащих Московского университета, когда Указом от 14 октября 1800 г. был отвергнут малиновый кафтан с синими воротником и обшлагами (Шепелев, 1993b. С. 7). Тёмно-зелёный мундирный фрак и жилет темно-зеленый (или белый) носили чиновники до VI класса Министерства юстиции в 1802 г. В апреле 1803 г. был введен мундир в Лесном корпусе. Он тоже был темно-зеленым с красным кантом, с такими же темно-зелеными воротником и обшлагами из бархата.

Темно-зеленые мундиры с красными кантами суконными обшлагами и воротниками шьют с февраля 1804 г. и для служащих сенатских канцелярий, в том числе и для обер-прокуроров (Шепелев, 1993d. С. 81). «Темно-зеленый кафтан гражданского покроя» с такой же подкладкой и красной выпушкой (с черным суконным воротником и обшлагами) был установлен 30 марта 1804 г. для Межевой Канцелярии и подведомственных ей по всем губерниям мест (Попов, 2001. С. 24). Зеленым сохранялся цвет нового костюма (после Указа в декабре 1804 г.) для чиновников Ассигнационного и Заемного банков и «подведомственных им мест». Воротник и обшлага зеленого мундира были фиолетовые, а камзол, штаны – белые. В 1806 г. установлена форма Почтово-телеграфного ведомства (тёмно-зелёный мундир, палевого цвета жилет, черные обшлага и воротник).

Темно-зеленый мундир с бархатными обшлагами и воротником и кантом вишневого цвета был назначен 27 марта 1808 г. в ведомстве внутренних дел, а 4 сентября – в ведомстве иностранных дел для российских консулов за рубежом.

Темно-зеленый цвет с зеленым подкладом был сохранен у губернского мундира, новый фасон которого был утвержден 3 августа 1809 г. (для Петербургской губернии подклад был красным). Указ предполагал, что цветовое различие мундиров между губерниями состояло в разных цветах воротников, обшлагов и выпушек. Различались группы: 1 – красный, 2 – голубой, 3 – светло- и темно-зеленый, 4 – черный, 5 – темно-синий, 6 – фиолетовый, 7 – малиновый и 8 – оранжевый. Однако, как писал Шепелев, «вскоре губернские мундиры стали настолько обыденными, что «не делали» на современников «никакого впечатления» и стали казаться «противными изящному вкусу», особенно, когда их носили пожилые и полные люди (Шепелев, 1992a. С. 93).

С апреля 1824 г. произошли изменения «сообразно разделению губерний на округи управления генерал-губернаторов» (Шепелев, 1992a. С. 94). Мундиры разных губерний снова стали различаться. По губерниям были разосланы образчики сукна разных цветов, с тем, чтобы «на воротниках оные… непременно употреблялись» (Шепелев, 1992a. С. 94). Для некоторых губерний воротник и обшлага стали разных цветов. Мундир полагался и купцам, – той губернии, где они были записаны. Темно-зеленый мундир с красной выпушкой, (воротник и обшлага темно-синего бархата) получил в декабре 1818 г. Государственный контроль. Для должностей с седьмого и ниже классов: сюртук, брюки темно-зеленые, жилет белый. Темно-зеленые мундиры со светло-синими суконными воротниками и обшлагами были установлены для чиновников Канцелярии 14 января 1824 г. (такого же цвета были мундиры и у жандармов Третьего отделения). Темно-зеленым с красными воротником и обшлагами стал мундир гражданских членов Государственного совета в 1826 г.

Вторым наиболее распространенным цветом мундиров становится темно-синий. В 1801 г. чиновники Главного управление торгового мореплавания и портов имели мундир синего бархата (штаны тёмно-зелёные). Так уже в 1802 г. служащие Дерптского университета стали носить мундир из сукна темно-синего цвета с желтыми пуговица-

ми и бархатными черными обшлагами и воротником.

Как отмечал С. Попов, российские университеты пользовались некоторой автономией. По правилам Дерптского университета, утвержденным в 1803 г., если студент в чем-то провинился, его судьбу решала не полиция, а ректор, и чтобы можно было провинившегося узнать, определить, в каком он учится университете, студенты должны были носить мундиры постоянно (Попов, 2016. С. 10). Особое значение обязательное ношение формы студентами приобрело «в связи с беспорядками в университете 14 августа 1824 г. (Шепелев, 1994. С. 83).

В конце 1803 г. определился и мундир для ученого состава и учеников Академии наук: «кафтан темно-синего сукна с красным суконным стоячим воротником, вышитым золотом, и таковыми же обшлагами, подкладка синяя, камзол и исподнее платье белое суконное, пуговицы желтые. Употребление сего мундира распространено токмо на президента, академиков и адъюнктов, также и на воспитанников» (Шепелев, 1993b. С. 13).

Интересно, что парадный мундир Горного кадетского корпуса, утвержденный в начале 1804 г., сначала планировали шить из красного сукна с темно-зеленой подкладкой и лацканами, но вскоре, в марте этого же года, в соответствие с Указом «О мундирах для чиновников Горного и Монетного ведомства и Горного кадетского корпуса» цвет мундиров был определен темно-синим. Как предполагал Л.Е. Шепелев, при утверждении этого образца вероятно стало ясно, что красный цвет горного обмундирования уже не соответствовал новым реалиям времени» (Шепелев, 2001. С 11). Из синего сукна (с черным бархатным воротником), с серыми панталонами с марта 1804 г. стали шить мундиры чиновников горного ведомства.

«Кафтан темно-синего сукна» был учрежден «для Императорского московского университета и подведомственных оному училищ» 9 апреля 1804 г. Синей была и подкладка – на контрасте с белым камзолом и «нижним платьем». Такое сочетание синего с белым (строгость и чистота) будет использоваться учебными заведениями много лет. Правда воротник и обшлага в этот период были малинового цвета. Для повседневного ношения разрешалось использовать синие панталоны (Попов, 2016. С. 11). Темно-синий форменный костюм с черными бархатными воротником и обшлагами был установлен в 1804 г. для Харьковского университета и подведомственных ему училищ. 7 июля этого же года – новый мундир Академии художеств: «высочайше указано иметь в Императорской академии художеств мундир синего сукна, с воротником и обшлагами того же цвета, с золотым по воротнику и обшлагам шитьем» (Шепелев, 1993. С. 76).

В 1806 г. установлены мундиры Судоходной полиции (кафтан темно-синий, панталоны и жилет белые); Министерства путей сообщения (кафтан болотного цвета заменён темно-синим мундиром с темно-синим воротником); мундир Виленского университета (тёмно-синий, воротник и обшлага светло-синие, с злотым шитьем); темно-синий мундир, с темно-синими воротником и обшлагами был назначен в 1809 г. для Казанского учебного округа; 12 февраля 1812 г. был введен костюм Императорской Публичной библиотеки: синий мундир с синим воротником и обшлагами.

Нельзя забывать, что и темно-зеленый, и темно-синий цвета как нельзя лучше служили эффектным фоном для обязательного почти во всех случаях декора – золотного или серебряного шитья в виде растительных и геометрических орнаментов по воротникам, рукавам, карманам, фалдам. Это придавало служебным мундирам необходимую строгую торжественность, а праздничным и парадным – нарядность и богатство, удивляющую иностранцев. Мундиры придворных чинов шились тоже из темно-зеленого сукна (с красными воротником и обшлагами). Их золоченое шитье от плеча до плеча создавало эффектную нарядность и помпезность всем дворцовым церемониям.

К 1830-м г., несмотря на то что почти у всех ведомств и учреждений империи мундиры уже были определены, тем не менее Николай I стал уделять придворным, военным и гражданским мундирам еще больше внимания. Вскоре после воцарения император распорядился, чтобы все

придворные чины и кавалеры «при высочайшем дворе были всегда в придворных мундирах» (Шепелев, 1992b. С. 28). Лишь некоторые изменения фасонов соответствовали моде. Так, например, все чины двора должны были носить кроме парадных и вицмундиров мундирный фрак. Он тоже должен был быть сшитым из сукна темно-зеленого цвета с черным воротником из бархата. К нему полагались белые штаны до колен и белые или темно-зеленые брюки (с золотыми лампасами) и черные брюки. Существовала еще одна разновидность придворного мундира – военного покроя, полагавшийся шталмейстерам и егермейстерам… Кроме красного воротника и обшлагов, он имел красные отвороты, отвороты фалд и выпушки. Таким же был мундир егермейстеров, только воротник и обшлага полагались не красные, а темно-зеленые с красным кантом (Шепелев, 1992b. С. 25).

Уже в начале царствования Николай I высказал мнение о том, что в существующих гражданских мундирах «недостает единообразия» (Шепелев, 1993b. С. 24). С 1 января 1831 г. приводятся к единообразию суконные обшлага и воротники мундиров разных губерний: они становятся у всех мундиров красного цвета. Унифицируется и цвет пуговиц (желтый металл) губернских мундиров, на которых, правда, чеканится герб той или иной губернии.

1 мая 1832 г. вышел закон «О введении по всему государству дворянских мундиров». Губернскую дворянскую парадную форменную одежду дополнила повседневная форма – темно-зеленый мундирный фрак и однобортный сюртук.

В январе 1831 г. Министерство народного просвещения попросило разрешить студентам медицинских факультетов университетов иметь такой же темно-зеленый мундир (по форме военных медиков), какой был присвоен медико-хирургической академии. «Документ вернулся с резолюцией Николая I: «вместо синего сукна иметь во всех университетах мундиры всем студентам зеленые». Так возник разнобой между форменной одеждой преподавателей и учащихся. По мнению С. Попова, такое решение императора было продиктовано желанием усилить дисциплину в студенческой среде, поскольку темно-зеленый цвет казался более строгим, близким к военному (Попов, 2016. С. 31). С 1832 г. начинаются упрощения в форме военного обмундирования (мундиры для гвардии шились из тёмно-синего или чёрного сукна). 10 марта 1833 г. в связи с реорганизацией Горного ведомства Николаем I было утверждено «предположение о мундирах по горной части», в том числе вместо синих шинелей (установленных в 1804 г.), вводились серые (Шепелев, 2001. С. 13).

В мае 1833 г. началась разработка проекта «общего положения о гражданских формах», которая должна была еще более усовершенствовать и без того достаточно строгую структуру дизайна официального гражданского костюма. Николай I теперь желал, чтобы по мундиру (в том числе по декору шитья) можно было определить и должности, и разряды должностей. Так, 27 февраля 1834 г. было утверждено знаменитое «Положение о гражданских мундирах». Для каждого ведомства устанавливалось 10 разрядов мундиров темно-зеленого или темно-синего цвета (за исключением красных мундиров сенаторов). Цвет мундирного прибора (воротник, обшлага и выпушки), а также узор золотого или серебряного шитья указывали на ведомство. Ранг должности чиновника определялся количеством шитья (рис. 3). Комплект форменной одежды теперь состоял из сюртука, вицмундира и мундирного фрака. «Они шились из сукна того же цвета, что и мундиры, и имели такие же по цвету воротники, обшлага и пуговицы. Исключением был вицмундир сенаторов: темно-зеленого (а не красного, как это предусматривалось законом 1801 г.) сукна с темно-зелеными воротником и обшлагами» (Шепелев, 1993b. С. 27).

В итоге были утверждены темно-зелёные мундиры для целого ряда государственных учреждений: министерства внутренних дел (в сочетании с черным прибором), финансов (в сочетании с темно-зеленым прибором), юстиции (тоже в сочетании с темно-зеленым прибором), для почтового департамента (в сочетании с черным прибором) и для заведений императрицы Марии Федоровны (в сочетании с черным прибором). Темно-зеленый цвет был сохранен для дворянских губернских мунди-

ров. Мундиры темно-синего цвета были установлены для чиновников Министерства народного просвещения (в сочетании с темно-синим), Академии художеств, горного ведомства (в сочетании с черным прибором), ведомства путей сообщения (в сочетании с черным прибором). Красный цвет остался закрепленным за мундирами сенаторов.

«Положение о гражданских мундирах» включало даже «Описание дамских нарядов для приезда в торжественные дни к высочайшему двору». В положении определялся и цвет платьев и головных уборов придворных дам разного статуса: фрейлины великих княжон – светло-синее; наставницы великих княжон – платье синее; гофмейстрии – малиновое, а статс-дам и камер-фрейлин – зеленое, фрейлин – пунцовое,

В целом можно сказать, что цветовая гамма стала значительно сдержанней, а система гражданских мундиров стала более четкой.

Петербург, как любая столица, был городом, где следование европейской моде было естественной составляющей его бытовой культуры. К 1840-м гг. в Европе и России заметны изменения мужской моды. Процессы урбанизации, научно-техническая и промышленная революция, экономический рост – все способствовало значительным социокультурным изменениям, в том числе представлениям благородного общества об идеальном мужчине. Теперь это не просто щеголь, но успешный образованный чиновник. Все это неизбежно привело к некоторому единообразию мужского модного костюма, который становится темнее и однороднее. В отличии от женской, мужская мода становится более строгой. Конструкции моделей обычного мужского костюма становятся все более рациональными и удобными, а цветовая гамма все более сдержанной. Если в начале 1830-х гг. цветная мужская одежда имеет яркие краски, резкие контрасты цветов фрака или сюртука, жилета и панталон, то в 1840-х гг. преобладают более спокойные сочетания цветов, а к концу1840-х гг. модными стали и костюмы, когда все его части (сам сюртук, панталоны и жилет) стали шить из одной ткани, что делало его более цельным и элегантным. В мужском костюме доминируют темные цвета. Это позволило Н.В. Гоголю в знаменитом «Невском проспекте» чрезвычайно образно сравнить мужчин и женщин с черными жуками, вокруг которых порхают разноцветные мотыльки. Сравнивая провинциальную Москву с Петербургом, в «Петербургских записках 1836 г.», он отмечал, что Петербург не любит пестрых цветов (Гоголь, 1952. С. 177). Герцен объяснял петербургское уважение к моде, как и стремление к внешнему порядку («стройность одинаковости») казарменным страхом быть непохожими на других, типичное для деспотизма. Известно его ироничное сравнение щеголей Невского проспекта с отрядом английских полисменов (Герцен, 1978. С. 356).

К середине века этот процесс усилился. Теперь считалось, что форменная одежда, установленная реформой 1834 г., стала казаться излишне вычурной и неудобной. 18 апреля 1855 г. с целью упрощения и удобства Александр II утвердил «Проект изменения в форме мундиров гражданского ведомства», а 8 марта 1856 г. вышло «Описание изменений в форме одежды чинов гражданского ведомства», по которому ведомственные старомодные мундиры «французского» образца 1834 г. были заменены на вошедшие в моду полукафтаны, которые к тому же были удобнее (рис. 4). При этом их цвет и декор (шитье, цвет обшлагов и воротников) не были изменены. «Большая часть чиновников с такой благодарностью приняла дарованные удобства, как будто давно их ожидала», – говорилось в отчете Канцелярии за 1855 г.» (Шепелев, 1996. С. 49).

В 1860-х гг. демократические тенденции, тоже влияющие на изменения моды, а также появление новых материалов позволили форменному костюму приблизиться к бытовому костюму (при сохранении знаков различия). Описания изменений в форме одежды чинов гражданского ведомства закрепили типы форменной одежды служащих гражданских ведомств до конца XIX в.

18 июня 1882 г. по предложению Совета Министров вновь было Высочайше утверждено «Положение о гражданских мундирах Российской Империи». Цвет мундиров министерств вновь изменился, став еще темнее и строже. Доминирующим

стал черный цвет. С 1882 по 1896 гг. черного цвета были мундиры (воротник и обшлага тоже черные) Министерства внутренних дел: Канцелярия МВД кант – красный; Департамент полиции – кант – оранжевый; Департамент почт и телеграфа – кант желтый; Департамент здравоохранения кант – карминный; Технический строительный комитет кант – черный. Черными стали мундиры у Губернаторов (воротник, обшлага и кант тоже черные), у чиновников Дипломатической службы МИД (воротник, обшлага тоже черные), у служащих Министерства юстиции (воротник, обшлага тоже черные), хотя на черных мундирах Канцелярии Министерства юстиции, Законодательного и Судебного департамент кант полагался бирюзовый, а на черных мундирах Межевого департамента – кант зеленый.

Темно-синими были мундиры Отдельного корпуса жандармов (воротник, обшлага тоже темно-синие, кант – красный); Министерства путей сообщения (воротник, обшлага тоже темно-синие): Канцелярия – кант зеленый; Служба пути и сооружений – кант светло-зеленый; Служба подвижного сост. и тяги – кант синий; Служба движения – малиновый (рис. 5); Служба телеграфа – кант желтый; Медицинская служба – кант карминный; Материальная служба – серо-синий. Темно-синие мундиры традиционно оставались в сфере просвещения.

Министерство просвещения – мундир, воротник, обшлага – темно-синие (Канцелярия, Департамент общих дел и Ученый комитет – кант синий; Департамент народного просвещения – кант белый; Департамент Высших учебных заведений – кант светло-синий).

Темно-зеленые мундиры сохранились в Министерстве финансов – мундир, воротник, обшлага – темно-зеленые (Канцелярия – кант бордовый; Департамент гос. Казначейства – кант красный; Департамент таможенных Сборов, Таможенная стража и Пограничная стража – кант темно-зеленый; Департамент железнодорожных дел – кант малиновый; Департамент торговли и мануфатур – кант серо-синий; Департамент окладных и неокладных сборов – кант краповый; Управление финансовой полиции – кант желтый).

Министерство государственных имуществ – мундир, воротник, обшлага – темно-зеленые (Горный департамент и Горная инспекция – кант светло-синий; Лесной департамент и Лесная стража – кант зеленый; Департамент земельных имуществ – кант черный).

Нетрудно заметить, что цветовая гамма всех мундиров темная, а доминирующим цветом стал черный. С одной стороны, темные цвета символизировали строгость и рационализм, но с другой – они стали еще более эффектным фоном для золотого или серебряного мундирного шитья, сведенного теперь к минимуму, но придающего мундиру элегантный вид (рис. 6). 6 мая 1894 г. был издан «Свод правил о ношении форменной одежды чинами гражданских ведомств». Однако уже в 1901 г. Николай II счел, что гражданские ведомства имеют слишком много видов форм одежды и планировал их еще больше упростить и унифицировать.

Анализируя цветовое решение дизайна гражданского мундира как одного из аспектов динамики его развития, можно лишний раз убедиться, что цвет гражданских мундиров можно считать не только знаком ведомств и чинов, но и знаком времени. Вводившиеся элементы как гражданского, так и военного мундиров во многом соответствовали последним направлениям европейской моды. Несмотря на то, что форменный костюм был жестко регламентированным государством, его постоянные изменения невольно отражали изменения социокультурных кодов общества, его вкусовые пристрастия. Это подтверждает мнение многих историков костюма о том, что он является хранителем гораздо большей информации, чем принято считать.

Библиографический список

Баженова О.Е. Социокультурный код в мундире горного офицера XVIII–XIX вв. // Всероссийский семинар молодых учёных Дефиниции культуры. Томск, 1998. Вып. 1. С. 31–35.

References

Bazhenova O.E. (1998) Socio-cultural code in the uniform of a mining officer of the 18th-19th centuries. *Vserossiiskii seminar molodykh uchenykh Definitsii kul'tury = All-Russian seminar for young scientists Definitions of culture.*

Бордериу К. «Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм российской империи». М.: Новое литературное обозрение, 2016. 344 с.

Герцен А.И. Былое и думы. Лениздат, 1978. 544 с.

Гоголь Н.В. Петербургские записки 1836 года. Полное собрание сочинений. М., Л., Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. С. 177–190.

Егоров В. Русские драбанты (армия Петра Великого) // Цейхгауз. 1996. № 1 (5). С. 12.

Кулакова И. Мундир российского студента (по материалам XVIII века) // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. Международный журнал. Осень (№ 9) 2008. С. 9–24. [Электронный ресурс]. URL: http://visantrop.rsuh.ru/article.html?id=346518 (дата обращения 2 июля 2020)

Летин С. Война камзолов и телогреек // Империя истории. 2002. № 3. С. 16–23.

Паласиос-Фернандес Р. О происхождении цветов петровской лейб-гвардии // Цейхгауз. 1996. № 1 (5). С. 4–8.

Попов С. Мундиры межевого ведомства Министерства Юстиции (с 1804 по 1855 гг.) // Цейхгауз. 2001. № 1(15). С. 23–27.

Попов С. Мундир студентов и учащихся дореформенной России. М.: Изд-во Русские витязи, 2016. 116 с.

Шепелев Л.Е. История гражданского мундира Российской империи. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1991. С. 143–152.

Шепелев Л.Е. «Противные изящному вкусу». О губернских мундирах // Родина. 1992a. № 10 С. 92–94.

Шепелев Л.Е. Придворные мундиры // Родина. 1992b. № 11/12. С. 24–29.

Шепелев Л.Е. Мундиры губернской администрации // Родина. 1993a. №5/6. С. 35–38.

Шепелев Л.Е. Гражданские мундиры в дореволюционной России в связи с их значением для исторических исследований // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб.: Наука, 1993b. Вып. XXIV. С. 6–33.

Шепелев Л.Е. Мундир для «мастера» (для ученых, художников) // Родина. 1993c. № 7. С. 76–78.

Шепелев Л.Е. Мундиры сановников высших органов власти // Родина. 1993d. № 10. С. 81–86.

Шепелев Л.Е. Синие воротнички. Мундиры для министерства народного просвещения и учебных заведений // Родина. 1994. № 1. С. 83–89.

Tomsk. Iss. 1. P. 31–35. (In Russ.)

Borderiu K. (2016) The Empress's Dress. Catherine II and the European costume of the Russian Empire. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 344 p. (In Russ.)

Gertsen A.I. (1978) Past and thoughts. Lenizdat. 544 p. (In Russ.)

Gogol' N.V. (1952) Petersburg notes of 1836. Complete Works. Moscow – Leningrad: AN SSSR. Vol. 8. P. 177–190. (In Russ.)

Egorov V. (1996) Russian drabants (army of Peter the Great). Tseikhgauz. No. 1 (5). P. 12. (In Russ.)

Kulakova I. (2008) Russian student's uniform (based on materials from the 18th century). *Teoriya mody: Odezhda. Telo. Kul'tura. Mezhdunarodnyi zhurnal = Fashion theory: Clothing. Body. Culture. International journal.* No. 9. P. 9–24. Available from: http://visantrop.rsuh.ru/article.html?id=346518 (Accessed July 2, 2020) (In Russ.)

Letin S. (2002) War of camisoles and padded jackets. *Imperiya istorii = Empire of history.* No. 3. P. 16–23. (In Russ.)

Palasios-Fernandes R. (1996) On the origin of the flowers of the Petr I Great Life Guards. *Tseikhgauz = Storeroom.* No. 1 (5). P. 4–8. (In Russ.)

Popov S. (2001) Uniforms of the land surveying department of the Ministry of Justice (from 1804 to 1855). *Tseikhgauz = Storeroom.* No. 1(15). P. 23–27. (In Russ.)

Popov S. (2016) Uniform of students and pupils of pre-reform Russia. Moscow: Russkie vityazi. 116 p. (In Russ.)

Shepelev L.E. (1991) History of the civilian uniform of the Russian Empire. Titles, uniforms, orders in the Russian Empire. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie. P. 143–152. (In Russ.)

Shepelev L.E. (1992a) “Disgusting to graceful taste”. About provincial uniforms. *Rodina = Motherland*. No. 10. P. 92–94. (In Russ.)

Shepelev L.E. (1992b) Court uniforms. *Rodina = Motherland*. No. 11–12. P. 24–29. (In Russ.)

Shepelev L.E. (1993a) Provincial administration uniforms. *Rodina = Motherland*. No. 5–6. P. 35–38. (In Russ.)

Shepelev L.E. (1993b) Civilian uniforms in prerevolutionary Russia in connection with their importance for historical research. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny = Ancillary Historical Disciplines.* St. Petrsburg: Nauka. Iss. XXIV. P. 6–33. (In Russ.)

Shepelev L.E. (1993c) Uniform for the "master" (for scientists, artists). *Rodina = Motherland*. No. 7. P. 76–78. (In Russ.)

Shepelev L.E. (1993d) Uniforms of dignitaries of the highest authorities. *Rodina = Motherland*. No. 10. P. 81–86. (In Russ.)

Shepelev L.E. (1994) Blue collars. Uniforms for the Ministry of Public Education and Educational Institutions. *Rodina = Motherland.* No. 1. P. 83–89. (In Russ.)

Шепелев Л.Е. Шляпа должна быть с галуном. Гражданская форменная одежда мундирной реформы 1855–1856 гг. // Родина. 1996. № 6. С. 49–52.

Шепелев Л.Е. Мундиры горного ведомства с 1745 по 1855 гг. // Цейхгауз. 2001. № 1 (13). С 10–17.

Shepelev L.E. (1996) The hat should be laced. Civilian uniform of the uniform reform of 1855–1856. *Rodina = Motherland.* No. 6. P. 49–52. (In Russ.)

Shepelev L.E. (2001) The uniforms of the mining department from 1745 to 1855. *Tseikhgauz = Storeroom*. No. 1 (13). P. 10–17. (In Russ.)

Сведения об авторах

Курочкина Елена Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры монументально-декоративной живописи и дизайна им. В.Г. Смагина, Институт архитектуры, строительства и дизайна,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: kurohka@mail.ru

Игнатьева Ольга Анатольевна,
доцент ВАК, доцент, зав. кафедрой монументально-декоративной живописи и дизайна им. В.Г. Смагина, Институт архитектуры, строительства и дизайна,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: ignateva.dom@yandex.ru

Лось Ольга Константиновна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры монументально-декоративной живописи и дизайна им. В.Г.Смагина, Институт архитектуры, строительства и дизайна,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: los.olg4@gmail.com

Information about the authors

Elena N. Kurochkina,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Monumental and Decorative Painting and Design named after V.G. Smagin, Institute of Architecture, Building and Design,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: kurohka@mail.ru

Olga A. Ignat'eva,
Associate Professor, Head of the Department of Monumental and Decorative Painting and Design named after V.G. Smagin, Institute of Architecture, Building and Design,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: ignateva.dom@yandex.ru

Olga K. Los',
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Monumental and Decorative Painting and Design named after V.G. Smagin, Institute of Architecture, Building and Design,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: los.olg4@gmail.com

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 4 августа 2020 г.

Поступила после рецензирования и доработки 28 октября 2020 г.

Принята к публикации 16 ноября 2020 г.

Article info

Received August 4, 2020.

Received October 28, 2020.

Accepted November 16, 2020.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-159-169

Евреи в составе политических ссыльных Иркутской губернии в начале XX века: некоторые статистические характеристики

© А.А. Иванов, Н.М. Манян

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье рассмотрена численность, социальный состав, география размещения, партийная принадлежность, занятость евреев в составе политических ссыльных Иркутской губернии начала XX века. В отечественной историографии национальный состав политических ссыльных, и в первую очередь это относится к евреям, исследован лишь фрагментарно. Отсюда актуальность и научная новизна данной темы. Подробно анализируя список ссыльных в Иркутскую губернию на 1 января 1903 года из фондов Государственного архива Иркутской области (ГАИО), автор приходит к выводу о том, что среди политических ссыльных в конце XIX – начале XX века евреи занимали второе место по численности после русских, составляя здесь от 30 до 60 % всех ссыльных, что было значительно выше общесибирских показателей. Среди евреев преобладали люди молодые, не успевшие обзавестись семьей, преимущественно из мещанской среды, выходцы из западных и южных губерний России, мелкие рабочие и служащие, большинство из них принадлежало к партии социал-демократов. В ссылке они размещались по большей части в северных уездах губернии, прежде всего, в Верхоленском, Киренском, постепенно смещаясь к югу, в сторону Иркутска. Большинство ссыльных евреев были административно высланы на срок до четырех лет, на местах приписки не имели постоянной работы, жили на денежное пособие от государства. Некоторая часть ссыльных евреев из анализируемого списка – В.Д. Гурари (Бучульская), В.О. Мандельберг, И.И. Шилингер – принимали активное участие в работе местных леворадикальных политических формирований, пропагандируя среди сибирских рабочих, городских служащих и учащейся молодежи идеи социал-демократизма и анархизма. Большая доля евреев в радикальном оппозиционном движении Российской империи начала века объясняется неспособностью государства проводить сбалансированную национальную политику, что выражалось в организации черт оседлости, квотах на высшее образование, запрете евреям на отдельные виды деятельности.

Ключевые слова: репрессивная политика государства, политическая ссылка, евреи, Восточная Сибирь, Иркутская губерния начала XX века, территориальное размещение, социальный состав, партийная принадлежность, полицейский надзор, леворадикальные партийные формирования

Для цитирования: Иванов А.А., Манян Н.М. Евреи в составе политических ссыльных Иркутской губернии в начале XX века: некоторые статистические характеристики // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 159–169. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-159-169

Jews in the political exiles of the Irkutsk province at the beginning of the twentieth century: some statistical characteristics

© Alexander A. Ivanov, Nonna M. Manyan

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article considers the number, social composition, geography of placement, party affiliation and employment of Jews in the political exiles of the Irkutsk province of the beginning of the twentieth century. In Russian historiography, the national composition of political exiles, especially to Jews, was investigated only fragmentally. Hence there are relevance and scientific novelty of this topic. Analyzing in detail the list of exiles to the Irkutsk province on January 1, 1903 from the funds of the State Archive of the Irkutsk Region (GAIO), the authors conclude that among political exiles in the late XIX – early XX centuries, Jews ranked second in number after Russians, making up here from 30 to 60 % all exiles, which was significantly higher than the all-Siberian indicators. Among the Jews, young people prevailed who did not have time to get a family, mainly from

the bourgeois environment, immigrants from the western and southern provinces of Russia, low ranked workers and employees, most of them belonged to the Social Democrat Party. In exile, they were located for the most part in the northern counties of the province, primarily in Verkholensky, Kirensky, gradually shifting to the south, towards Irkutsk. Most exiled Jews were administratively expelled for up to four years, did not have permanent work on their places of residence, lived on a cash allowance from the state. Some of the exiled Jews from the analyzed list – V.D. Gurari (Buchulskaya), V.O. Mandelberg, I.I. Schilinger – took an active part in the work of local left-wing radical political formations, promoting the ideas of social democratism and anarchism among Siberian workers, city employees and young students. A large proportion of Jews in the radical opposition movement of the Russian Empire at the beginning of the century will be explained by the inability of the state to pursue a balanced national policy, which was expressed in the organization of sedentary features, quotas for higher education, and the prohibition of Jews for certain types of activities.

Keywords: repressive state policy, political exile, Jews, Eastern Siberia, Irkutsk province of the beginning of the twentieth century, territorial placement, social composition, party affiliation, police supervision, left-wing radical party formations

For citation: Ivanov A.A., Manyan N.M. (2020) Jews in the political exiles of the Irkutsk province at the beginning of the twentieth century: some statistical characteristics. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 159–169. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-159-169

Политическая ссылка XVII–XX вв. действительно оставила заметный след в истории Сибири и Иркутской губернии. Многочисленные сюжеты этого явления в той или иной степени уже изучены или исследуются в отечественной и зарубежной историографии. Вместе с тем вопрос о национальном составе политических ссыльных, отбывавших наказание на территории края, рассмотрен крайне фрагментарно. Этот сюжет получил отражение в работах, пожалуй, лишь Э.Ш. Хазиахметова и Н.Н. Щербакова. При этом ученые, во-первых, рассматривали национальный вопрос лишь как часть комплекса проблем сибирской ссылки в целом, во-вторых, фокусировали свое внимание только на событиях 1907–1917 годов. Таким образом, национальный состав ссыльных конца XIX – начала XX века Восточной Сибири, как это неудивительно, остался практически не исследован. Все вышесказанное в полной мере (если не сказать, в первую очередь) относится и к еврейской части политической ссылки – здесь до сих пор не определены ни количественные, ни качественные показатели этого явления.

Не претендуя, конечно же, в одной публикации на всестороннее рассмотрение «еврейского вопроса», попробуем начать с малого и установить состав евреев среди политических ссыльных Иркутской губернии на определенную дату, взяв за основу анализа конкретный документ – «Список лиц, сосланных за политические преступления и порочное поведение и состоящих под гласным надзором полиции в Иркутской губернии к 1-му января 1903 года», обнаруженный нами в фонде № 91 Государственного архива Иркутской области (ГАИО).

Следует сразу сказать, что ведение подобных списков в полицейском ведомстве – дело обычное, являющееся составной частью общей системы гласного или особого надзора как за политическими ссыльными, так и за коренными сибиряками (Иванов, Савилов, 2019). Относительно начала XX в., мы располагаем подобными списками на 1901, 1903 и 1905 годы. Данные документы наглядно отражают рост политической радикализации значительной части российского общества в этот период: «революционное нетерпение» шло по нарастающей, охватывая все более широкие социальные слои, что, в свою очередь, закономерно сказывалось как на масштабах, так и составе политических ссыльных: увеличение числа «узников без решеток» сопровождалось усилением их национального многообразия. Относительно евреев этот процесс выглядел следующим образом: в списке на 1 января 1901 г. из 79 политических ссыльных – евреев 26, или 32,9 %, на 1 января 1903 г. – 52 из 131-го, или 39,7 %, и в последнем документе – из 158 человек, сосланных за «политику», евреев 95 или 60,1 % (ГАИО). Ф. 91. Оп. 2. Д. 1511; Оп. 1. Д. 2398. Л. 173–206; Ф. 25. Оп. Оц. Д. 636. Л. 1–35 об.).

Как видим, списки на 1903 г. содержат наиболее усредненные показатели, что и послужило главным основанием для нашего выбора. Данные спи-

ски выполнены на «пишущей машине» и сделаны по общепринятой форме когда-то утвержденного образца. Страницы разделены на графы, содержащие: порядковый номер, указание фамилии, имени и отчества ссыльного, «место родины и вероисповедание», по какому распоряжению, за что именно, откуда, куда выслан, на какой срок, какому подвергнут надзору и с какого времени, где водворен на жительство, чем занимается, получает ли от казны государственное пособие и в каком размере, имеется ли семейство и из кого оно состоит, а также место постоянного проживания. Последняя графа содержит отметку о поведении. К сожалению, далеко не все графы заполнены полностью, у части ссыльных отсутствует вероисповедание, год рождения и, что очень важно, указание на принадлежность к конкретному «тайному сообществу». Тем не менее данные списки – весьма ценный и достоверный источник по истории как карательной политики государства, так и политической ссылки в Сибирь начала XX в. (Курас, 2010. С. 96).

Итак, в списке на 1 января 1903 г. имеется 157 фамилий ссыльных. 122 человека отнесены к политическим – сосланным по суду или высланным административно, остальные – «за порочное поведение» или конкретные уголовные преступления, среди которых преобладает конокрадство. Однако в числе уголовников есть 9 человек, высланных за подстрекательство к забастовке. Нами они были прибавлены к первым 122, таким образом, имеем 131 фамилию ссыльных-политиков (ГАИО. Оп. 1. Д. 2398. Л. 173–206).

Как было сказано выше, 52 человека из списка, или 39,7 % – евреи. Столь высокий процент – уже примечателен тем, что гораздо выше известных в нашей историографии соответствующих данных. Например, по сведениям Е. Никитиной, в 1905–1908 гг. среди политических ссыльных в целом по России евреи составляли 22 % (Никитина, 1927. С. 17). По данным А.В. Пешехонова, основанным на анализе анкет, не менее 700 ссыльных прошли через Александровскую пересыльную тюрьму за этот же период, процент евреев среди них достигал 15 (А. В. П., 1912. С. 48). По подсчетам Н.Н. Щербакова, доля евреев в составе административно-ссыльных в Сибири в 1906–1909 гг. не превышала 13,1 %, а среди ссыльнопоселенцев за этот же период их доля достигала 13,8 % (Щербаков, 1973. С. 225, 238). На наш взгляд, столь большое расхождение в показателях может быть объяснимо тем, что Иркутская губерния до 1904 г. была выделена в качестве главного места для размещения административно-ссыльных и в первую очередь евреев. Вот почему наш список на 1905 год имеет еще большие показатели – 60,1 %.

Анализ полового состава евреев из списка на 1903 г. также приносит весьма неожиданный результат – из 52 человек 9 – женщин, что составляет 17,3 %. Это достаточно высокий процент для 1903 года. Так, по данным Э.Ш. Хазиахметова, доля женщин среди политических ссыльных по Сибири в целом определена в 2,4 % на 1908 г., когда массовые «революционные события 1905–1907 гг. уже «вовлекли в движение женщин» (Хазиахметов, 1978. С. 20). Эти данные, в общем, соответствуют и нашим подсчетам, основанным на анализе 1605 биограмм членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, отбывавших наказание в пределах Иркутской губернии в 1900-е годы: женщины ссыльные составляют здесь 173 человека, или 10,8 % (Политическая каторга и ссылка…, 1934)[1].

Возрастной состав ссыльных евреев (указан у 42 человек) выглядит следующим образом: от 20 до 25 лет – 21 человек, с 25 до 30 лет – 11, от 30 до 35 – 6, с 35 до 40 – 2, с 40 лет и выше – еще двое человек. Как видим, половина высланных евреев – люди весьма и весьма молодые – от 20 до 24 лет включительно. Если к ним прибавить 11 человек, имевших возраст от 25 до 30 лет, получим 32 человека (76,2 %), что свидетельствует о том, что подавляющая часть ссыльных относилась к людям молодым. Самый молодой из них – Ш.З. Лейкин, мещанин города Витебска. По распоряжению министра внутренних дел, за подстрекательство рабочих к забастовкам и насильственным действиям против владельцев предприятий он был выслан в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на 5 лет, счи-

[1] Политическая каторга и ссылка: Биографический справочник членов об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М.: Изд-во ВОПКиС, 1934. 832 с.

тая срок надзора с 7 октября 1901 г., поселен в городе Илимске Верхоленского уезда, постоянных занятий не имел, получал пособие (ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2398. Л. 205).

Самая старшая по возрасту – Шехтер (Доллер) Софья Наумовна, народоволка, – личность весьма примечательная. Она родилась в 1856 г. в еврейской семье в Одессе, училась в гимназии, а позже на акушерских курсах в Петербурге. Была арестована в Киеве в 1880 г. По приговору Киевского военно-окружного суда присуждена к лишению всех прав состояния и к каторге, которую отбывала на Каре. От действия манифеста 15 мая 1883 г., предусматривавшего значительное сокращение срока каторжных работ, публично отказалась (Майнов, 1924. С. 308). В 1884 г. была переведена в разряд ссыльных на поселение и водворена в Якутской области. С начала 1896 г. перечислена в крестьяне из ссыльных Куядского селения Тугутуйской волости Иркутского уезда. С разрешения генерал-губернатора жила в Иркутске, служила в Управлении Забайкальской железной дороги, но по распоряжению жандармов была уволена, пособия от казны не получала (ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2398. Л. 177).

Доллер – единственная из всех евреев из списка оказалась в сибирской ссылке на основании судебного приговора, остальные были высланы «в места столь отдаленные» административно, по решениям губернских властей, утвержденным министром внутренних дел. Положение «ссыльных по суду» и административных существенно отличалось. Отправленные в Сибирь на основании решений суда могли попасть сначала на каторгу, затем на поселение, они «поражались» в сословных правах, лишались званий и привилегий, не могли перемещаться внутри уездов и даже волостей, их корреспонденция контролировалась. Административные ссыльные не поражались в правах, могли заниматься многими видами деятельности, с разрешения станового пристава передвигаться по уезду, практически свободно отправлять и получать письма, имели казенное пособие.

Далее попробуем выяснить, из каких мест были высланы «наши» евреи. Место рождения определено в списке у 46 человек. В основном это западные и южные губернии Российской империи: Минская – 7 человек, Виленская, Могилевская, Ковенская – по 5, Витебская – 4, Екатеринославская – 3, а также Полтавская, Киевская, Харьковская и другие. Из губерний традиционно русских евреев-ссыльных немного: из Нижегородской имеем одного ссыльного, да по одному из Томска и Баку, что выглядит несколько неожиданно. Как видим, евреи попадали в Иркутскую ссылку из традиционных центров своего проживания, расположенных на западе и юге империи, промышленные районы России здесь практически не представлены.

Социальное происхождение определено у 47 евреев. Итоги подсчетов вполне ожидаемые: абсолютное большинство – 43 человека – выходцы из мещан (91,5 %), трое – из купцов и один, Д.М.Розенблюм, обозначен как Личный гражданин (ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2398. Л. 198). Обилие мещан среди еврейской молодежи хорошо иллюстрирует переживаемое всей политической ссылкой явление: на рубеже веков ссыльный дворянин-интеллигент уступил место рабочему, мещанину или выходцу из городских низов. Народническая ссылка уходила в прошлое, ей на смену заступала ссылка пролетарская, массовая. Резкое изменение социального состава политической ссылки хорошо передают слова Л.Д. Троцкого: «Рабочие стали составлять все больший и больший процент политиков, и, наконец, оставили далеко за флангом революционного интеллигента, который со старого времени привык считать Петропавловскую крепость, Кресты и Колымск своей монопольной наследственной собственностью, чем-то вроде майората. Мне еще приходилось встречать в 1900–1902 годах народовольцев и народоправцев, которые почти обиженно пожимали плечами, глядя на арестантские паузки, нагруженные виленскими трубочистами или минскими заготовщиками» (Троцкий, 1907. С. 33).

Профессия, или род занятий до ссылки выявлены лишь у 11 человек: три женщины имели специальность акушерок – С.Н. Доллер, Е.Н. Фалькнер и А.Л. Бронштейн, один ссыльный был «женским» доктором (В.Е. Мандельберг), один – инженером-технологом (Иосиф Шилингер), была домашняя учительница (Бучульская, урожденная Вера Давидовна

Гурари) и пять человек являлись «бывшими студентами» (50 %).

История появления в Сибири недоучившихся студентов интересна и вообще специально не изучалась. В конце XIX в. студенты европейской части страны активно выступали за расширение своих прав и восстановление автономии университетов. По всей России прокатилась волна митингов, нелегальных сходок, стычек с полицией. Тогда было принято решение отдать наиболее активных студентов в солдаты – у В.И. Ленина есть соответствующая статья (Ленин, 1967), а около сотни – настоящих организаторов и «зачинщиков беспорядков» – сослать в Сибирь. Решением министра внутренних дел они были высланы в административном порядке на сроки от двух до пяти лет в основном в Восточную Сибирь (в том числе и в Якутскую область) под гласный надзор полиции. Благодаря протестам общественности страны, студентов вскоре амнистировали, разрешив в начале 1903 г. вернуться в Европейскую Россию (Искра. 1902. № 19, 28, 35).

В нашем списке к таким студентам можно с уверенностью причислить И.М. Вейнштока, уроженца Нижегородской губернии, иудейского вероисповедания, 23-х лет, бывшего студента Московского университета. Вейншток «за подготовление в феврале 1902 г. политической демонстрации в Москве» был выслан под гласный надзор полиции на 3 года. Проживал в селе Урик Иркутского уезда, «занятий не имел». По высочайшим повелениям от 13 сентября и 6 декабря 1902 г. ему в числе других было разрешено вернуться в Европейскую Россию, избрав местом жительства любой населенный пункт, «кроме городов с высшими учебными заведениями, с оставлением под надзором полиции до 1 марта 1904 года» (ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2398. Л. 189).

Кроме Вейнштока к категории «бывших студентов» в нашем списке принадлежали: А.А. Левинзон, учившийся в Лесном институте, 24-х лет, высланный согласно 34 ст. Положения о госохране в Восточную Сибирь на 4 года, «помещенный» в Верхоленск; А.Л. Цейтлин, уроженец Баку, 24 лет, бывший студент Рижского политехнического института; Цейликман И.Я., бывший студент Московского университета, уроженец Подольской губернии, 21 год; и Кунин Л.М., учившийся там же, купеческий сын, отбывавший свой срок наказания в Балаганске.

Некоторые из бывших студентов отказались принять амнистию «из рук реакционного правительства» и, выехав из отдаленных мест поселения, надолго задержались в Иркутске, пополнив здесь колонию политических ссыльных. Часть из них приняла весьма деятельное участие в работе Иркутского комитета РСДРП, другие сотрудничали с эсерами (Мещерский, Щербаков, 1973. С. 97). Их активность вызывала большое беспокойство властей. Так, например, губернатор И.П. Моллериус в январе 1903 г. предлагал «в интересах населения Иркутска» выдворить из города всех поднадзорных, проживающих в нем временно, и в первую очередь «бывших студентов, отказавшихся возвратиться в пределы Европейской России», а возвращающимся студентам предложить «немедленно продолжать свой путь» (Иркутск накануне и в 1917 году, 2017. С. 188), а в случае неисполнения этого требования, «высылать их на место родины при партиях», т. е. этапным порядком вместе с уголовными (ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 184. Л. 37, 54–56).

Далее выясним партийный состав сосланных евреев. Он указан лишь у 14 человек, при этом 13 высылались «за принадлежность к социал-демократическим организациям» или «кружкам» и только один, вернее, одна – Е.Н. Фалькнер, уроженка города Таганрога, была выслана в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на 4 года с 7 октября 1901 года «за принадлежность к тайному еврейскому революционному сообществу «Бунд». Она проживала в селе Бирюльском Верхоленского уезда, работала «акушеркой-фельдшерицей». Еще у десяти человек причина ссылки определена в общем – «за государственное преступление», у троих – «за принадлежность к тайному сообществу», у двоих – «за подстрекательство рабочих к забастовкам». Семь евреев высылались за конкретные преступления. Например, В.Л. Брильянщикова, мещанка г. Томска, 22 лет – «за принадлежность к обнаруженному в г. Томске тайному кружку»; М.М. Кац , мещанин города Белостока, за подстрекательство белостокских портных к забастовке; Ш.О. Зильберман, мещанин Вильямпольской слободы при Ковно, «за

стачку рабочих плотовщиков в Вильямпольской слободе и других местностях Ковенского уезда и за сопротивление чинам полиции» (ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2398. Л. 195, 204).

У значительной части ссыльных из данного списка партийность не указана вовсе, но ее можно определить достаточно точно по другим источникам, в том числе историографического характера. Так, например, И. Шилингер, высланный в Восточную Сибирь в 1899 г., был активным работником петербургской социал-демократической группы «Рабочее знамя» (Мещерский, 1966. С. 154). Братья Г.Л. и Э.Л. Соколовские, а также их сестра А.Л. Бронштейн (супруга бежавшего в 1902 г. из ссылки Л.Д. Троцкого) были сосланы в Иркутскую губернию по делу николаевского «Южно-Русского Союза рабочих» (1896–1898 гг.) – организации социал-демократического толка (ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 512. Л. 22). В.О. Мандельберг, пропагандировавший учение Маркса в 1890-е годы среди рабочих Петербурга, как он пишет, именно «в Сибири стал убежденным революционером, членом РСДРП» (Мандельберг, 1910. С. 33).

Таким образом, к социал-демократам можно уверенно отнести не менее 19 ссыльных евреев, что составляет 36,6 % от общего числа. На самом деле следует предположить, что эсдеков было даже больше: эта политическая партия активно агитировала среди рабочих и те, кто был выслан за «подстрекательство» к забастовкам, возможно, являлись сторонниками ленинской «Искры». Здесь важно подчеркнуть, что практически все «наши» ссыльные евреи состояли не в организациях Бунда, позиции которого были как раз и сильны в западных и южных районах страны среди ремесленников и рабочих мелких предприятий, а в «русских» группах РСДРП, формировавшихся по принципу интернационализма со всеми нациями, «борющимися с международным капиталом».

Нужно отдельно упомянуть о В.Д. Гурари (Бучульской), мещанке, 36 лет, высланной «за государственное преступление» по высочайшему повелению от 13 октября 1900 г. и числившейся в Верхоленске, но с разрешения Иркутского военного генерал-губернатора проживавшей временно в Иркутске. Ее партийная принадлежность не ясна, но можно предположить, что она относилась к анархистам, или, во всяком случае, разделяла их убеждения. Этот вывод подкрепим документально. Так, из доклада прокурора Иркутской судебной палаты от 25 февраля 1902 г. следует, что 15 февраля этого года по распоряжению начальника Иркутского губернского жандармского управления в городе были произведены обыски у некоторых из проживавших здесь административно-ссыльных. При этом в квартире Ивана-Вацлава Константина Махайского была обнаружена Вера Гурари (в числе прочих), а в карманах ее одежды – «печатные брошюры, запрещенные к изданию» (ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 232. Л. 4). Ян Махайский – тот самый ссыльный поляк, который в начале 1900-х годов в Якутской области под псевдонимом «Аркадий Вольский» написал книгу «Умственный рабочий», где доказывал, что интеллигенция – тот же эксплуататорский класс, что и буржуазия, потому что благодаря своим знаниям, всегда занимает верхние ступеньки социальной лестницы, а потому настоящему революционному рабочему с интеллигентами не по пути (Махайский, 1968).

Ян Махайский, окончив срок якутской ссылки, в начале 1901 г. приехал в Иркутск и здесь попытался на деле проверить свою «теорию рабочего заговора». В апреле 1901 г. он вместе с В.Д. Гурари попробовал провести стачку в типографии «Конкуренция», выдвинув требование о сокращении рабочего дня, но типографщики потерпели поражение. 15 апреля 1902 г. Махайский и Гурари организовали сходку городских булочников, где призывали не доверять интеллигенции, объединяться сугубо на профессиональной основе и вести стачечную борьбу под лозунгом «освобождение рабочих – дело рук самих рабочих». Однако агитация не удалась, булочники отнеслись к речам наших ссыльных без сочувствия и предпочли вернуться на свои предприятия (Рабочее движение, 1988. С. 237, 248).

Неудачи не остановили Махайского и Бучульскую – к 1 мая 1902 г. они выпустили листовку, в которой убеждали иркутян «не верить интеллигенции, которая стремится к тому лишь, чтобы на трупах рабочих достичь собственного благополучия». При

этом отдельно говорилось о «еврейской интеллигенции», будто она, «стесняемая русским правительством в своих вожделениях, имеет в особенности основания прикидываться социалистической» (Искра. 1902. № 22. Июль. С. 7). Иркутск замер, наполнившись слухами о предстоящих погромах и избиении евреев, обыватели скрылись на дачах, гимназическое начальство предложило родителям в этот день не отправлять детей на занятия, а в ночь с 30 апреля на 1 мая по городу разъезжали конные патрули (Государственная власть и общество…, 2019. С. 531).

Выясним теперь продолжительность ссылки евреев из списка. Двое из 52-х – М.М. Бройдо и Л.И. Стоцик вообще не имели сроков. Оба были родом из Вильно, мещане 26 и 25 лет, высланы по распоряжению министра внутренних дел 6 марта 1902 года по одному и тому же делу «о преступном сообществе, именовавшемся «Социал-демократическая Рабочая Библиотека» «впредь до окончательного решения помянутого дела», т. е. до окончания следствия (ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2398. Л. 199).

Конкретные сроки высылки указаны у 50 человек. Самый большой срок наказания у С.Н. Доллер – она провела в Сибири сначала на каторге, потом на поселении 23 года. В 1903 г. выехала в Европейскую Россию, но тут же была опять арестована и выслана, на этот раз из Одессы в Вологду по делу эсеров. У остальных ссыльных сроки наказания сравнительно небольшие. Согласно подсчетам, основная масса евреев имела 4-летнюю высылку – 32 человека, или 64 %. Пятеро были отправлены в пределы Иркутской губернии на 5 лет, и 12 человек – на 3 года (24,5 %). Если сложить все сроки и разделить на 49 (то есть, не принимать во внимание С. Доллер как сосланную по решению суда), то получим, что наши административные имели в среднем по 3,9 лет наказания «удалением под надзор полиции в пределы Восточной Сибири».

Как видим, это довольно «щадящие» сроки. Однако нельзя забывать, что все «политики» во время следствия прошли через предварительное тюремное заключение, которое могло составлять от нескольких месяцев до полутора-двух лет. Сюда же надо прибавить этапный путь в Восточную Сибирь, который с сооружением Транссибирской железнодорожной магистрали существенно сократился по времени, но тем не мене отнимал, как правило, от одного до двух месяцев. Непредсказуемым по срокам могло оказаться и пребывание в Александровской центральной пересыльной тюрьме под Иркутском: если по каким-то причинам этапная партия попадала сюда поздней осенью, когда судоходный период на Лене был уже окончен, ссыльным приходилось здесь задержаться до лета. Все эти обстоятельства удлиняли срок административной ссылки, делали ее по-настоящему суровым, тяжелейшим испытанием для любого человека (Иванов, 2014).

Немалый интерес представляет для нас и география размещения ссыльных евреев на территории губернии. Место ссылки указано у всех поднадзорных. При этом наибольшее количество административных проживало в Верхоленском уезде Иркутской губернии: 5 человек – в городе Верхоленске, еще 17 – в уезде (более 42 % от общего числа). Самым населенным ссыльными местом Верхоленского уезда можно считать село Знаменское Илгинской волости: здесь отбывали наказание сразу шестеро революционеров из нашего списка. На втором месте следует признать Нижнеудинский уезд – 13 ссыльных, при этом только в Кимельтее размещалось 6 человек, далее Киренский – семеро, при том двое проживали в самом Киренске, затем Балаганский – 5 человек. В южных районах губернии проживало немного евреев: двое – в Иркутске, еще по двое – в Урике и Тунке, которая входила в полицейский округ Иркутского района. Таким образом, основное количество административно-высланных, вопреки сложившимся стереотипам об умении евреев приспосабливаться к любым обстоятельствам и неизменно находить свое «место под солнцем», находилось в северных, наиболее неудобных для проживания уездах.

Вместе с тем нужно учитывать, что отведенное решением иркутского генерал-губернатора первоначальное место ссылки, никогда не являлось чем-то неизменным. По мере приближения к окончанию имевшегося срока, ссыльные, как правило, смещались из отдаленных районов губернии ближе к Иркутску, используя для этого малейший предлог.

Обычно причиной приезда в Иркутск служили проблемы со здоровьем – местный уездный врач, сочувствовавший политическим ссыльным, охотно давал разрешение на отлучку для лечения. Такое «лечение», как обычно, продлевалось на новый срок, и ссыльный оставался в Иркутске на несколько месяцев, а то и лет. Так, например, проживала в городе В.Д. Гурари: изначально распределенная в Киренск, Вера Давидовна ходатайствовала о водворении в Верхоленск, где она, «ввиду своей болезни», могла бы «пользоваться советами местного врача». Затем в январе 1901 г. из Верхоленска последовала от нее просьба, подкрепленная медицинским свидетельством, о жизни в Иркутске «временно, до весны следующего года». Далее, 2 мая 1901 г. мать ссыльной мещанка города Охты Анна Гурари возбудила ходатайство перед генерал-губернатором о разрешении ее дочери «ввиду болезни, остаться в Иркутске до тех пор, пока не укрепится здоровье», и это прошение было удовлетворено (ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2410. Л. 23–41). И таких примеров множество.

Следует также выяснить характер трудовой занятости ссыльных евреев в местах проживания. Сведения о «роде деятельности» имеются лишь у 16 человек, у 17 указано «занятий не имеет» или «мастерства не знает», у 19 – вообще эта графа не заполнена. Из имеющих работу, трое портных, два врача, три акушерки, «дающий частные уроки» и учительница, инженер, каменотес, столяр, переплетчик, кожевник и чертежник. Как видим, профессии самые демократичные. При этом надпись «занятий не имеет» означает ни что иное как отсутствие в местах поселения какой-либо работы вообще, что было в отдаленных уездах Иркутской губернии явлением весьма распространенным.

В поисках работы ссыльные были вынуждены часто менять предназначенные изначально места проживания. К примеру, Л.Д. Бронштейн и А.Л. Соколовская в августе 1900 г. начали свою административную ссылку с села Усть-Кутского, в феврале 1901 г. в поисках работы перебрались в Нижне-Илимское, затем в конце 1901 г. вновь вернулись в Усть-Кут. Отсюда Троцкий написал прошение на имя генерал-губернатора, в котором просил разрешить переехать на жительство в с. Знаменское Верхоленского уезда, где он надеялся найти какую-нибудь работу, «и где содержание, совместное с семьей брата жены (Ильи Лейбова Соколовского)», было бы «несравненно дешевле» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 512. Л. 97). В переезде в Знаменское было отказано, так как селить вместе высланных по одному делу запрещалось, но неожиданно было разрешено «водвориться» в Верхоленске, где получить работу казалось несколько легче, куда семья и перебралась в начале 1902 г. (Чернявский, 2010. С. 43).

Можно также привести пример с И.И. Шилингером. Поступив в Иркутск в качестве административно-ссыльного в августе 1899 года, он долгое время не мог найти работу, ходатайствовал о разрешении занять должность помощника начальника депо в г. Верхнеудинске, но ему было отказано, затем получил место мастера котельного цеха главных Читинских мастерских, «имея постоянное жительство в Иркутске, как агент, прикомандированный к управлению службы технических занятий», затем состоял на службе в Иркутском управлении Забайкальской дороги, откуда с 1-го октября 1903 г. был уволен по распоряжению губернского жандармского полицейского управления (ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 179. Л. 67; Ф. 91. Оп. 1. Д. 2279. Л. 34; Ф. 91. Оп. 1. Д. 2398. Л. 182).

Именно отсутствие заработка в местах поселения заставляло государство платить ссыльным денежное пособие. Правом на «пособие от казны» пользовались только административно-ссыльные. При этом они не должны были иметь постоянного места службы или работы и только тогда, «по неимению собственных средств и занятий на месте водворения», могли обратиться с прошением в Иркутскую губернскую тюремную инспекцию. Дальше начиналась обычная бюрократическая волокита: инспекция делала почтовый запрос по прежнему месту жительства ссыльного, действительно ли он не имеет денежных средств, способных содержать его в месте поселения, затем инспекция перепроверяла, нет ли у административного заработка на месте поселения, далее обращалась к иркутскому генерал-губернатору с просьбой удовлетворить прошение, и только после положительного решения,

ссыльный получал свое пособие (ГАИО. Ф. 25. Оц. Д. 8. Л. 21 об.).

Нередко на такую переписку уходило несколько месяцев, в течение которых ссыльный мог рассчитывать только на помощь и поддержку своих товарищей. Неслучайно, каждая крупная колония политических ссыльных имела свою кассу взаимопомощи, в которой состояли и сосланные по суду, и высланные административно, и окончившие свои сроки, но по каким-то причинам оставшиеся в Сибири (Бакшт, 2017). В Иркутске, например, по воспоминаниям В.О. Мандельберга, касса пополнялась по принципу «прогрессивных %» со всех доходов ссыльного (Мандельберг, 1910. С. 27).

«Получает» или «не получает пособия» отмечено у 47 ссыльных евреев. Не имели денежной поддержки только четверо: С.Н. Доллер, как ссыльная по суду, а также как служившая в Управлении Забайкальской железной дороги; В.О. Мандельберг, как постоянно практикующий врач; И.И. Шилингер, также служивший на дороге; и В.Д. Гурари (Бучульская), у которой в статистическом листке в графе «Занятие или ремесло» значилось: «домашняя учительница, фельдшерица, наборщица» (ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 232. Л. 10).

Денежное пособие получали 43 человека, это те, кто не имел «занятий», – все бывшие студенты, молодые люди, которые еще не успели освоить какую-либо профессию. Следует отметить, что среди получавших пособие были и такие, кто имел работу. Например, чертежник М.М. Бройдо, занимавшийся «чертежными работами у инженера Хржоновича по постройке казенного винного склада в г. Киренске», столяр Х.Л. Файнштейн, переплетчик С.Ш. Марголин (ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2398. Л. 198, 199). Думается, что администрация сознательно «закрывала глаза» на то, работает ли административный или «занятий не имеет», все зависло, по всей видимости, от доходности профессии. Пособие было небольшим, но и не маленьким. Его размер в данном списке не указан, но скорее всего в этот период оно составляло от 100 до 120 рублей в год для холостого, не обремененного семейством ссыльного и выдавалось ежемесячно (ГАИО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 137. Л. 79). После революции 1905 г. пособие постепенно стало увеличиваться, и в годы первой мировой войны доходило уже до 200–240 рублей, при этом ссыльным выплачивались еще и «одежные» деньги в размере 18–20 руб. годовых.

Семейное положение обозначено у 46 ссыльных: 39 мужчин и 7 женщин. Среди мужчин 27 были холостыми (69,2 %), у женщин – трое замужних, столько же «девиц» и одна – вдова. Таким образом, можно сделать вполне обоснованный вывод, что большая часть ссыльных – 30 человек из 46 не имели семей (65,2 %).

Последняя графа в списке обозначена как «Отметка о поведении». Она не заполнена ни у одного из 157 ссыльных, в том числе и у евреев-«политиков». Обычно в такой графе напротив имени ссыльного следовала надпись: «ни в чем предосудительном замечен не был» или «поведения одобрительного». По всей видимости, оператор «печатной машины» просто не стал утруждать себя «лишней» работой. Между тем поведение части наших ссыльных было далеко не законопослушным. Активной пропагандистской деятельностью занималась В.Д. Гурари, за что весной 1902 г была арестована, иркутским полициймейстером привлечена к дознанию в качестве обвиняемой и содержалась в Иркутской тюрьме, откуда была освобождена под залог в 1000 руб. (ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2410. Л. 62). И.И. Шилингер с начала 1900-х годов вел в Иркутске несколько рабочих кружков, затем был среди организаторов регионального Сибирского социал-демократического союза и Иркутского комитета РСДРП. В.О. Мандельберг также был в числе активных работников иркутских эсдеков, в 1903 г. под фамилией Посадовский участвовал в работе Второго съезда РСДРП, а затем был избран от Иркутска депутатом II Государственной думы (Попов, 1989. С. 98).

Подведем некоторые итоги. В начале XX в. доля евреев среди политических ссыльных Иркутской губернии колебалась от 32 до 60 %, что, по всей видимости, было значительно выше общесибирских показателей. При этом собирательный портрет «нашего» еврея-«политика» выглядит следующим образом. Это по преимуществу мужчина в возрасте от 20 до 30 лет, родившийся в небольшом городке в западных или южных губерниях Российской импе-

рии, мещанин, состоявший в одной из социал-демократических организаций и занимавшийся агитацией среди рабочих или городских пролетарских низов, высланный административно на основании решения министра внутренних дел, на срок около четырех лет, водворенный на поселение в отдаленном северном уезде губернии, не имевший постоянного заработка, а потому получавший пособие от казны, не успевший еще обзавестись семьей. Следует также подчеркнуть, что значительная доля евреев в российском революционном движении была прямым следствием несбалансированной национальной политики государства с ее чертами оседлости, запретами на определенные занятия, квотами на обучение в высших учебных заведениях, что не могло не порождать ответного активного революционного противодействия.

Библиографический список

А. В. П. Очерки политической ссылки // Русское богатство. 1912. № 7. С. 42–76.

Бакшт Д.А. «Колонии-коммуны» ссыльнопоселенцев Сибири как институт социального вспомоществования, 1905–1917 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 3. С. 84–98

Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков / науч. ред. проф. Л.М. Дамешек. Иркутск, 2019. 612 с.

Иркутск накануне и в 1917 году: очерки политической истории губернского центра / под ред. Л.М. Дамешека. Иркутск: Оттиск, 2017. 544 с.

Иванов А.А. Путь сибирский дальний // Земля Иркутская. 2014. № 1 (42). С. 52–65.

Иванов А.А., Савилов А.А. Участие иркутских жандармов в надзоре за политическими ссыльными (1860–1900 годы) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. Май. С. 114–121.

Курас С.Л. Ссылка евреев в Сибирь в законодательных актах и делопроизводственной документации (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2010. 159 с.

Ленин В.И. Отдача в солдаты 183-х студентов: П. С. С. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1967. Т. 4. С. 391–396.

Майнов И. Софья Наумовна Доллер // Каторга и ссылка. 1924. № 5. С. 307–309.

Мандельберг В. Из пережитого. Давос: За рубежом, 1910. 147 с.

Махайский Я.К. Умственный рабочий. New York; Междунар. лит. содружество, 1968. 431 с.

Мещерский А.П. Первые марксисты в сибирской ссылке. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 222 с.

Мещерский А.П., Щербаков Н.Н. В.И. Ленин и политическая ссылка в Сибири. Иркутск (конец XIX в. – 1917 год). Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 177 с.

Никитина Е. Ссылка 1905–1910 годов. (Историческая справка) // Сибирская ссылка. Сборник первый / Ред. Н.Ф. Чужака. М.: Изд-во ВОПКиС, 1927. С. 13–31.

References

A. V. P. (1912) Essays on political exile. *Russkoe bogatstvo = Russian wealth.* No. 7. P. 42–76. (In Russ.)

Baksht D.A. (2017) “Colony-communes” of the exiled settlers of Siberia as an institute of social assistance, 1905–1917. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 13. No. 3. P. 84–98. (In Russ.)

Dameshek L.M. (2019) State power and society: on the materials of the cities of the Irkutsk province of the XIX – early XX centuries. Collective monograph. Irkutsk: Ottisk. 612 p. (In Russ.)

Dameshek L.M. (2017) Irkutsk on the eve and in 1917: essays on the political history of the provincial center. Irkutsk: Ottisk. 544 p. (In Russ.)

Ivanov A.A. (2014) Siberian Far Path. *Zemlya Irkutskaya = Irkutsk Land.* No. 1 (42). P. 52–65. (In Russ.)

Ivanov A.A., Savilov A.A. (2019) The participation of Irkutsk gendarmes in the supervision of political exiles (1860–1900). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University.* No. 442. May. P. 114–121. (In Russ.)

Kuras S.L. (2010) Reference of Jews to Siberia in legislative acts and office documentation (second half of the XIX century – February 1917). Ulan-Ude: VSGAKI. 159 p. (In Russ.)

Lenin V.I. (1967) Sending into soldiers 183 students. Complete collected works. Moscow: Political Literature. Vol. 4. P. 391–396. (In Russ.)

Mainov I. (1924) Sofya Naumovna Doller. *Katorga i ssylka = Katorga and exile.* No. 5. P. 307–309. (In Russ.)

Mandel'berg V. (1910) From the experience. Davos: “Abroad”. 147 p. (In Russ.)

Makhaiskii Ya.K. (1968) Mental worker. New York: Mezhdunar. litas. Commonwealth. 431 p. (In Russ.)

Meshcherskii A.P. (1966) The first Marxists in Siberian exile. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. Publ. 222 p. (In Russ.)

Meshcherskii A.P., Shcherbakov N.N. (1973) V.I. Lenin and political exile in Siberia. Irkutsk (late XIX century – 1917). Irkutsk: Vost.-Sib. kn. Publ. 177 p. (In Russ.)

Nikitina E. (1927) Exile of 1905–1910. (Historical reference). *Sibirskaya ssylka. Sbornik pervyi = Siberian exile. First collection.* Moscow: VOPKiS. P. 13–31. (In Russ.)

Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.

Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. В 3 т. / под ред. Н.В. Блинова, В.П. Зиновьева. Т. 1: XVII в. – 1904 г. Томск: Изд-во Томского университета, 1988. 372 с.

Троцкий Н. Туда и обратно. СПб.: Шиповник, 1907. 123 с.

Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. (облик, организации, революционные связи). Томск: Изд-во Томского университета, 1978. 180 с.

Чернявский Г.И. Лев Троцкий. М.: Молодая гвардия, 2010. 665 с.

Щербаков Н.Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907–1917 гг.) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск, 1973. Вып. I. С. 199–242.

Popov I.I. (1989) Forgotten Irkutsk pages. Notes of the editor. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. Publ. 384 p. (In Russ.)

N.V. Blinova, V.P. Zinov'eva. (1988) Labor movement in Siberia: historiography, sources, chronicle, statistics. In 3 vols. Tomsk: Tomsk State University. Vol. 1. XVII century – 1904. 372 p. (In Russ.)

Trotsky N. (1907) Back and forth. St. Petersburg: Rosehip. 123 p. (In Russ.)

Khaziakhmetov E. Sh. (1978) Siberian political exile 1905–1917 (appearance, organizations, revolutionary ties). Tomsk: Tomsk State University. 180 p. (In Russ.)

Chernyavsky G.I. (2010) Lev Trotsky. Moscow: Young Guard. 665 p. (In Russ.)

Shcherbakov N.N. (1973) The number and composition of political exiles of Siberia (1907–1917). *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. – fevral' 1917 g.) = Exiled revolutionaries in Siberia (XIX century – February 1917).* Irkutsk. Iss. 1. P. 199–242. (In Russ.)

Сведения об авторах

Иванов Александр Александрович,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России,
Иркутский государственный университет,
664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 313, Россия,
✉ e-mail: ottisk@irmail.ru

Манян Нонна Мартиновна,
аспирантка кафедры истории России,
Иркутский государственный университет,
664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 313, Россия,
✉ e-mail: nonnnaman@yandex.ru

Information about the authors

Alexander A. Ivanov,
Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department Russian History,
Irkutsk State University,
office 313, 2, Chkalov street, Irkutsk, 664025, Russia,
✉ e-mail: ottisk@irmail.ru

Nonna M. Manyan,
Graduate student, Department of Russian History,
Irkutsk State University,
office 313, 2, Chkalov street, Irkutsk, 664025, Russia,
✉ e-mail: nonnnaman@yandex.ru

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 18 ноября 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 8 декабря 2020 г.
Принята к публикации 21 декабря 2020 г.

Article info

Received November 18, 2020.
Received December 8, 2020.
Accepted December 21, 2020.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(571.53)(-21)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-170-180

Социально-бытовые аспекты жизни г. Иркутска в преддверии революционного кризиса зимой 1916–1917 гг.

© К.А. Айдаров, Л.В. Занданова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Статья посвящена истории сибирского провинциального города – Иркутска, административного центра Иркутской губернии и Иркутского генерал-губернаторства, который был не типичен как для страны, так и для эпохи, он во многом отличался от других провинциальных городов своим особым статусом и укладом. В статье отмечено, что социальная история российских окраин в период Февральской революции изучена ещё недостаточно. Тем более мало исследована история повседневной жизни сибирских городов в период революционных потрясений, которые наложили свой отпечаток на их размеренную и спокойную жизнь. Авторы, опираясь на материалы иркутских летописей, источники личного происхождения, протоколы заседаний городской думы и городской управы, провели своё исследование и попытались воссоздать конкретно-историческую картину жизнедеятельности города Иркутска и горожан в непростых условиях преддверия Февральской революции 1917 года. Авторами определены проблемы в социальной и бытовой сфере, накопившиеся за период Первой мировой войны, а также их решение органами городского управления. Определено, что в первую очередь на повестке дня как у жителей, так и у органов самоуправления, стояли насущные вопросы, касающиеся обеспечения города в ситуации всё нарастающего общенационального кризиса всем необходимым, создания условий бесперебойной работы оборонных предприятий, устройства беженцев и военнопленных. Показано, что местные органы самоуправления принимали участие в решении общесибирских проблем, а также стремились обеспечивать культурные и образовательные потребности города. Сделан вывод о том, что политические события, происходившие в европейской части страны, городских обывателей интересовали мало, что свидетельствовало об относительной аполитичности основной части иркутского общества и более спокойной, чем в центральных районах, размеренной жизни в городе в этот период.

Ключевые слова: Иркутск, Восточная Сибирь, органы местного самоуправления, городская дума, городская управа, городской быт, повседневность, социальные условия, революционный кризис, Февральская революция 1917 года

Для цитирования: Айдаров К.А., Занданова Л.В. Социально-бытовые аспекты жизни г. Иркутска в преддверии революционного кризиса зимой 1916–1917 гг. // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 170–180. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-170-180

Social and everyday aspects of the life of Irkutsk on the eve of the revolutionary crisis in the winter of 1916–1917

© Konstantin A. Aydarov, Larisa V. Zandanova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article is devoted to the history of the Siberian provincial city Irkutsk, the administrative center of the Irkutsk province and the Irkutsk general governorship, which was not typical of both the country and the era, it differed in many ways from other provincial cities in its special status and style. The article notes that the social history of the Russian outskirts during the February Revolution has not yet been studied enough. Moreover, the history of the daily life of Siberian cities during the period of revolutionary upheavals, which put their imprint on their measured and calm life, has not been studied much. Based on the materials of the Irkutsk chronicles, sources of personal origin, minutes of meetings of the city council and city council the authors conducted their study and tried to recreate a specific historical picture of the life of the city of Irkutsk and the citizens in difficult frame on the eve of the February Revolution of 1917. The authors identified problems in the social and domestic sphere that accumulated during the First World War, as well as their solution by city authorities. It was determined that first

of all, both residents and self-government bodies had pressing issues on the agenda regarding providing the city with everything necessary in the situation of the growing national crisis, creating conditions for the uninterrupted operation of defense enterprises, the construction of refugees and prisoners of war. It was shown that local self-government bodies took part in solving all-Siberian problems, and also sought to provide for the cultural and educational needs of the city. It was concluded that the urban inhabitants were not interested in much political events that took place in the European part of the country, which testified to the relative apolitical nature of the main part of Irkutsk society and a measured life in the city during this period much calmer than in the central areas.

Keywords: Irkutsk, Eastern Siberia, local authorities, city council, city government, urban life, everyday life, social conditions, revolutionary crisis, February Revolution of 1917

For citation: Aydarov K.A., Zandanova L.V. (2020) Social and everyday aspects of the life of Irkutsk on the eve of the revolutionary crisis in the winter of 1916–1917. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 170–180. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-170-180

В современной исторической ситуации появилась возможность отказаться от идеологизации и политизации событий 1917 года, происходивших в России. Во второй половине 1990-х гг. проходили международные конференции, посвящённые событиям Февраля и Октября, которые показали, что историки стали обращаться к изучению процессов того времени с позиций социальности, раскрывающих внутреннее состояние общества, его отдельных групп, отношений между ними, рассматривая историю не через официальный дискурс – восприятие «сильных мира сего», как это было в рамках марксистской методологии, а как бы «изнутри»: выясняя, как складывалась жизнь обычных людей, какая связь была между ними и властными структурами, какими были формы общественного бытия, повседневные практики выживания рядовых людей и т. д. (Айдаров, 2008; Долидович, 2018; Иркутск накануне и в 1917 году…, 2017; 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция…, 1997; 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция…, 1997).

Тема человека в революционном процессе, как и накануне его, может быть исследована и уже исследуется через рассмотрение всех аспектов человеческой деятельности, на которую, несомненно, накладывает отпечаток целый комплекс обстоятельств и в первую очередь – общественно-политическая обстановка в стране (Айдаров, 2016; Кром, 2004[1]; Поляков, 2000; Соколов, 2000; Пушкарёва, 2007). Как отметил В.П. Булдаков, «Сегодня, чтобы понять революцию, приходится по крупицам восстанавливать не только событийную, но и психоментальную ткань. Это предполагает возвращение к кропотливой работе над источниковой базой, особенно касающейся «бытовой истории», – разумеется, оценивая факты на весах большого исторического времени (Булдаков, 1997. С. 27; Семёнова, 2018).

Воссозданию конкретно-исторической картины жизни пусть и столичного, но провинциального сибирского города, в частности, её социальных и бытовых сторон, способствует изучение историографических трудов, вышедших в свет в последние десятилетия (Айдаров, 2003; Городское самоуправление в Иркутске, 2008; Занданова, 2007; Занданова, 2011; Иркутская городская дума в 1917 году, 2018).

Зима 1916–1917 гг. – период предреволюционного кризиса в Российской империи, наполненного как экономическими, так и социально-политическими проблемами. Пройдёт немного времени и революции приведут к смене ценностных установок, ориентаций и поведения людей. Отсюда – стремление понять мысли, действия, обыденную жизнь человека, не являющегося «вершителем судеб» на разных этапах революционного процесса, изменившего привычную жизнь.

Город Иркутск – сибирская окраина, столица губернии, население которого на рубеже веков было около 60 тыс. человек, со своей исторически сложившейся социально-политической и культурной средой, хотя и с традиционным провинциаль-

[1] Кром М.М. Историческая антропология: Пособие к лекционному курсу. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 168 с.

ным укладом. Именно поэтому многие события, происходившие в стране, воспринимались здесь чаще всего более спокойно, были менее заметными и мало запоминающимися, в то время как другие – более яркими и значительными.

Всё, что предшествовало основным этапам революционного процесса, который сегодня принято называть Великой российской революцией, приведшей к трансформации привычного уклада жизни города и горожан, можно проследить по уникальным источникам, таким как материалы иркутских летописей, источники личного происхождения, протоколы заседаний городской думы и городской управы, периодическая печать 1916–1917 гг.

Иркутск был одним из немногих городов, в котором в течение всего 1917 г. (вплоть до декабря) кризис государственной власти проявлялся не так остро, как в Европейской части страны. В то же время общероссийские тенденции не могли не отразиться на формировании городской социально-политической среды. В Иркутске и его окраинах вели свою деятельность различные политические организации, здесь жили на поселении политические ссыльные. Правда, тревожные новости из столичного региона приходили сюда с большим опозданием.

Третий год мировой войны, в отличие от первых двух, стал годом целого комплекса проблем, решение которых было возложено на органы местного самоуправления. Городское управление существовало в Иркутске уже более 200 лет и представляло собой властную структуру, состоящую из избираемых населением представителей разных общественных слоёв. В период войны активная деятельность органов местного самоуправления стала важным элементом социально-политического процесса, они работали довольно эффективно, решая каждодневные вопросы организации городского пространства и повседневной жизни города.

Изучение протоколов заседаний городской думы весной – осенью 1916 г. показало, что основными проблемами, требовавшими первостепенного решения, в это время были: отсутствие финансов, безработица, необходимость устройства беженцев и военнопленных, благоустройство города, ликвидация продовольственного и топливного кризисов, следствием которых стали дороговизна продуктов и нехватка угля и дров для нужд города, организация бесперебойной работы оборонных предприятий, оказание гуманитарной помощи фронту, открытие университета и строительство железной дороги на р. Лену.

Несмотря на то, что трудности военного времени, хотя и опосредованно, влияли на ситуацию в городе, но в то же время жизнедеятельность тылового провинциального города, к тому же отдалённого от центра основных революционных событий, шла в размеренном ритме. Многие проблемы сглаживались особым укладом города такого типа: исторически сложившимся социокультурным пространством и традиционной повседневностью, через призму которой активные политические события того периода в центре страны переживались безучастно и даже иногда протекали незаметно для иркутян, занятых повседневными хлопотами. Здесь они не играли какое-то время такой важной роли, как в европейской России, и часто о них узнавали на несколько недель позже.

Так, например, зимой 1916–1917 гг., когда в центральных городах страны уже развивались активные политические действия в виде забастовок и стачек, в далёком Иркутске шла повседневная работа по созданию запасов обмундирования и продовольствия для фронта. Продовольственная проблема, остро вставшая в период войны в целом по стране, потребовала решения и в нашем городе. И.И. Серебренников, иркутский политический и общественный деятель, ежедневно вёл дневник. Дневники И.И. Серебренникова – это уникальное свидетельство происходивших исторических событий не только в Иркутске и Сибири, но и в России с августа 1914 г. по сентябрь 1918 г. (Айдаров, 2010. С. 63). По поводу нехватки продовольствия он сделал следующую запись: «Положение города крайне тяжёлое. Скоро мы останемся без света, воды и дров. Могут остановиться и предприятия, работающие на оборону государства» (Серебренников,

2008. С. 298)[2]. К январю ухудшилась ситуация с поставками в город угля и дров. Городская управа, чтобы избежать катастрофы, пошла на отчаянный шаг – закупку угля у коммерсантов по высоким ценам. Городской голова писал в Петроград уполномоченному Сибирского района по топливу Л.Л. Тове о «неизбежной катастрофе» для Иркутска.

Пытаясь спасти ситуацию, председатель городской думы И.М. Бобровский 9 января телеграфировал в Петроград инженеру В.П. Половникову и уполномоченному Сибирского района по топливу профессору Л.Л. Тове: «…Недопоставка (за 1916 год) составляет около 8 млн. ежемесячной поставки, на дорогу требуется четыре с половиной млн., всего около 13 млн. ежемесячно. Ежемесячная выработка копей (Черемховские угольные копи) – 6,5 млн. пудов. Поэтому копи не в состоянии выполнить требования, и на долю громадного города Иркутска не остается уже ни одного пуда угля, что при наших климатических условиях вызовет огромных размеров народное бедствие, остановит работу заводов на оборону, погасит электрическую станцию, прекратит действие водопровода» (Иркутская жизнь. Иркутск. 1917. № 7. С. 3).

В результате того, что 13 января на городскую электрическую станцию было поставлено 25 тыс. пудов каменного угля, кризис частично был устранен (Иркутская жизнь. Иркутск. 1917. № 12. С. 3). Тем не менее в целях предотвращения ухудшения положения в дальнейшем, 14 января И.М. Бобровский выехал в Томск для решения вопроса об угольном кризисе в регионе.

И.И. Серебренников, в то время заведующий военно-техническим отделом Иркутского комитета Союза городов, в эти дни записал в своем дневнике: «уголь начал понемногу подходить. Но сказать, чтобы угольный кризис в городе разрешился, всё ещё нельзя» (Серебренников, 2008. С. 299)[2].

Как отмечалось ранее, к концу 1916 г. стало ясно, что вопрос с обеспечением городского населения продовольствием станет актуальным именно зимой, поскольку в городе было недостаточно запасов муки. Так и произошло: уже 15 января 1917 г. городская управа предложила продовольственному комитету городской думы в короткие сроки подготовить решение о введении карточной системы для распределения муки горожанам (Романов, 1994. С. 229). Буквально в считанные дни дефицит муки вырос до 6 млн. пудов, и лишь частично удалось его смягчить за счёт поставок муки грубого помола из Харбина и Акмолинской губернии (Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне, 2014. С. 231). Конечно, голод в полном смысле этого слова горожанам не грозил, т. к. в силу местных традиций жители Иркутска были тесно связаны с деревней, откуда поступали продукты как на базар, так и в частные хозяйства.

Городская дума была вынуждена собираться на свои заседания практически каждый день. Так, 17 января 1917 г. на заседании обсуждался вопрос о распределении городской муки по карточкам. В протоколе заседания записано: «Вокруг муки все время шла спекуляция: те, кто имел возможность стоять в очередях, получали муку несколько раз, а лишенные этого служащие и рабочие не получали ничего. Часть гласных, признавая введение карточек целесообразной, говорили, что в городе просто не было нужного количества муки. Большинство же согласилось, что это была просто необходимость и метод борьбы со спекуляцией. Дума решила до 25 января торговать мукой обычным форматом, с 25 января по 1 февраля торговлю мукой прекратить, а с 1 февраля продавать только по карточкам» (Из зала городской думы // Сибирь. Иркутск. 1917. № 15. С. 2).

Известный автор летописи иркутянин Н.С. Романов записал в своей хронике: «…к концу января положение с продовольствием в городе было урегулировано, после того, как в Манчьжурии закупили 210 вагонов муки. Сахара в городе было 20 тыс. пудов» (Романов, 1994. С. 230–231).

Кроме этого, возникла потребность и в дровах, обеспечение города которыми было возложено на Байкальское пароходство и оно обязалось доставить к середине января «4 тысячи сажень

[2] Серебренников И.И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. / ред.-сост. Г.С. Андреев, П.К. Конкин, П.А. Новиков; коммент. П.А. Новикова. Иркутск: Издатель Сапронов, 2008. 592 с.

дров на береговой склад по 10 р. 50 к., с развозкой по городу – 12 р. 50 к.» (Романов, 1994. С. 230–231).

В первые два месяца зимы на предприятиях Иркутска обострилась проблема с трудовыми ресурсами, что было связано с недостатком вольнонаемных рабочих. Как отмечал И.И. Серебренников на страницах своего дневника: «Сибирские предприятия выручает пока что ссылка. Ссыльные теперь в обиходе края играли видную роль» (Серебренников, 2008. С. 312)[2]. Это в первую очередь объяснялось тем, что мужское население города регулярно пополняло ряды солдат, направляемых на передовую. Обеспечение их обмундированием и продовольствием, а также боевая подготовка полностью возлагались на городские власти. В Иркутске новобранцы проходили первичную военную подготовку в Иркутском военном гарнизоне, части которого располагались на окраине города.

Население города ожидало от правительства и военного командования решительного перелома в войне, если не сейчас, зимой, то хотя бы к лету 1917 года: «Где война? Есть ли она? О ней мы уже почти не говорим. Что это, привычка или мы стали слишком индифферентны? На карты уже не смотрим, за телеграммами не следим» (Серебренников, 2008. С. 229)[2].

В то же время в этих сложных условиях организации повседневной жизни в городе местные органы власти продолжали решать насущные социальные вопросы, такие как выделение участков земли под строительство зданий общественного назначения. Так, например, в январе городская дума отвела семь десятин земли в Глазковском предместье под строительство зданий духовной академии, открыть которую предполагали в Иркутске (Иркутская летопись, 1661–1940 гг., 2003. С. 312).

Члены городской думы обсуждали и проблемы устройства беженцев. Ещё 21–22 ноября 1915 г. в Иркутске состоялось специальное совещание, на котором представители власти и городских общественных организаций рассматривали вопросы организации помощи беженцам с территорий, охваченных военными действиями, в пределах Иркутского генерал-губернаторства. Как отмечалось на совещании, из-за переполненности беженцами западных областей власти были вынуждены направлять их на восток, хотя первоначально в планы государства не входило размещать беженцев в столь отдаленном регионе, как Сибирь. К такому массовому наплыву вынужденных переселенцев сибирские города не были готовы, и расселение людей происходило в авральном режиме. Тем не менее для них были организованы медицинские пункты, горячее питание, постепенно налаживали обеспечение продовольственными пайками. На эти цели правительство выделяло субсидии (помощь была минимальной, поступала несвоевременно), а также использовались ресурсы переселенческого ведомства, Всероссийского союза городов, благотворительных организаций на местах. Совещание предложило создать общесибирский комитет помощи беженцам, на территориях уездов организовать систему их поддержки, а расходы по содержанию предлагалось возложить на государство (Долидович, 2018).

Как видно из протокола заседания Иркутской городской думы от 24 января 1917 г., одним из вопросов на повестке дня был вопрос о приёме беженцев: «Затем обсуждали дела беженцев. Присутствовал председатель Иркутского общества помощи беженцам П.И. Федоров.

И.М. Бобровский: Дума впервые столкнулась с теми затруднениями, с которыми столкнулся Союз городов в деле помощи беженцам. Город не сможет взять на себя содержание беженцев в связи с полным отсутствием денежных средств на это. Единственный выход – писать ходатайство в Петроград.

Л.А. Белоголовый: на попечении Общества есть совершенно нетрудоспособные. Если их оставить без поддержки – они умрут с голоду.

А.С. Первунинский: помимо ходатайства нужно изыскивать средства на местах.

И.П. Михайловский: нужно протестовать против абсурдных требований совещания о беженцах – кормить беженцев не по количеству голодных, а по проценту, обозначенному в Петрограде. Нужно найти выход, чтобы беженцы не умирали с голоду.

П.И. Федоров: несмотря на все старания общества, все потуги безуспешны. Если нас не поддержать, мы не в состоянии будем работать.

Дума проголосовала единогласно против урезания беженской сметы совещания о беженцах, кроме того, она постановила просить иркутский комитет продолжить свою работу, обещая материальную поддержку» (Из зала городской думы // Сибирь. Иркутск. 1917. № 27. С. 3). Таким образом, из документов видно, что члены государственной думы вынуждены были заниматься не только жизнеобеспечением городского населения, но и решать проблемы устройства беженцев и вынужденных переселенцев.

В эти же январские дни власти Иркутска решали вопрос об отведении участков под застройки новыми зданиями общественного назначения. Так, городская дума приняла решение о выделении в Глазковском предместье семи десятин земли под строительство нескольких зданий духовной академии (Серебренников, 2008. С. 311)[2].

Деловая жизнь в городе не прекращалась, в частности, она была отмечена открытием 21 января «Экономического клуба» и общим собранием членов общества потребителей «Труженик», которое состоялось 22 января (Иркутская летопись, 1661–1940 гг., 2003. С. 312). Итоги работы кожевенного завода акционерного общества «Сибирмонгол» за 1916 г. были подведены в середине февраля. В отчёте, в частности, отмечалось, что производство продукции как для населения Сибири, так и для обеспечения фронта, значительно выросло.

В этот период осуществлялись мероприятия, связанные с открытием в городе сиропитательных и благотворительных учреждений, часть которых была предназначена для солдат. В конце января состоялось освящение и открытие по Гончарной улице областного лечебно-трудового инвалидного дома и кооперативной столовой общества потребителей «Кооператор» (Романов, 1994. С. 231).

И всё же не только «о хлебе насущном» заботилась общественность города: даже такой вопрос, как создание специального музея для городских и сельских школ, так же не остался в стороне. Как видно из протокола заседания думы от 14 февраля 1917 г., «Иркутская городская управа разослала всем городским и земским управам следующую бумагу: озабоченные разработкой вопроса о создании в Иркутске музея наглядных учебно-вспомогательных пособий для городских и сельских школ, управа просит не отказать выслать в ее распоряжение все имеющиеся материалы по организации таких музеев и мастерских, отчеты, как литературные, так и финансовые, списки имеющихся в музее коллекций, каталоги и др. Мысли о создании такого музея для городских школ Иркутска обсуждались еще четыре года назад и заглохли. В настоящее время к ним вернулись опять» (Из зала городской думы // Сибирь. Иркутск. 1917. № 37. С. 2).

Однако более важным для всех жителей губернии был вопрос об открытии в её столице университета – первого высшего учебного заведения. Этот вопрос обсуждался в общественных кругах Иркутска уже несколько лет и был взят на контроль городской думой. В городе шёл сбор средств на его открытие. Однако из Петрограда пришёл отказ в открытии университета, вместо которого предлагалось открыть в городе другое учебное заведение – политехнический институт (техникум). 21 февраля городская дума обсуждала этот вопрос. Гласный И.П. Михайловский выдвинул компромиссное предложение: « не так давно нам хотели подарить университет. Теперь подносят политехникум. Но я полагаю, что совершенно невозможно одно променять на другое. Предлагают политехникум – примем и произведем на него особую ассигнацию. Но совершенно недопустимо деньги, пожертвованные на университет, передать в фонд института. Они должны остаться не присвоенными и продолжать притекать на университет. В ближайшем будущем устроить день университета – нужно это только приветствовать. Пусть первым будет создан политехникум, а за ним университет, или пусть будут строиться оба сразу. Но одно другим заменить нельзя» (Из зала городской думы // Сибирь. Иркутск. 1917. № 43. С. 2).

Однако город не мог одновременно, да ещё в условиях военного времени, найти средства на открытие двух вузов сразу, поэтому на голосование

было поставлено предложение: «желает ли городская дума, ввиду выдвинутого на первый план политехникума, обратиться к лицам, написавшим пожертвования на иркутский университет, с предложением – не найдут ли они возможным свои пожертвования на университет обратить на политехникум, пояснив, что дальнейший сбор пожертвования на университет продолжится». Результаты тайного голосования говорят сами за себя: за – 20, против – 11 (Хроника // Сибирь. Иркутск. 1917. № 37. С. 2).

Как видим, по проблемам, требующим безотлагательного решения, городская дума была вынуждена принимать решения спешно, а многие вопросы общественной жизни обсуждались рутинно, не один месяц, как и было принято в провинции, где жизнь протекала медленнее и состояла из абсолютно разных значительных и незначительных событий.

А в эти дни события, происходившие в Петрограде, уже начали напоминать котёл, в котором постепенно закипала вода: 9 января произошла забастовка 50 тыс. рабочих и всеобщая манифестация по случаю годовщины Кровавого воскресенья 1905 г. Февраль начался с создания особого военного округа под командованием генерала С.С. Хабалова. В середине месяца депутаты городской думы потребовали отставки неспособных министров. В эти дни бастовало уже 80 тыс. рабочих. 18 февраля на фоне перебоев с хлебом началась забастовка на Путиловском заводе, был объявлен локаут. Многолюдная демонстрация в честь женского дня закончилась появлением лозунгов "Долой самодержавие!", "Долой войну!". К концу месяца забастовка в Петрограде приобрела всеобщий характер, началась стрельба, была пролита первая кровь, появились жертвы. Отречение царя, одновременное создание Временного комитета Думы и Петроградского Совета означало, что страна бешеными темпами приближалась к катастрофе.

В это сложное для страны время Иркутск продолжал во многом жить привычной жизнью, поддерживать статус культурной столицы Сибири: горожане ходили на премьеры в театры и кино, посещали концерты и тематические вечера, особое предпочтение отдавали гастролям лучших актёров провинциальных театров.

Как свидетельствуют летописи, в январе иркутяне посещали спектакли театральной труппы, которая представила в Посохинской аудитории сразу несколько премьер: пьесы «Комедия ошибок» В. Шекспира и «Трильби» Г. Ге. Особенно понравился зрителям юбилейный сборный спектакль, посвященный пятилетию со дня открытия аудитории (Иркутская летопись, 1661–1940 гг., 2003. С. 311). В центральных кинотеатрах – «Большом театре» Товарищества Алексеева и Дон Отелло – демонстрировались киноленты, снятые по произведениям А.И. Куприна: «От рабства к воле» и «Гранатовый браслет». 15–17 января в театре Гиллера Товарищество украинских артистов представило национальную пьесу «Ой, не ходи, Грицю, та на вечерници», все средства от спектакля были переданы в фонд открытия Иркутского университета. В январе в Общественном собрании состоялся концерт, подготовленный учащимися частной музыкальной школы Е.Г. Городецкой, а также прошёл традиционный вечер студентов «Татьянин день», денежный сбор от которого был передан в пользу «недостаточных» студентов-иркутян. (Иркутская летопись, 1661–1940 гг., 2003. С. 312).

В конце января в культурной жизни Иркутска произошли знаменательные события: начались гастроли труппы Русской оперы и ведущей оперной артистки провинциальной сцены Н. Ван-Брандт, восторженно принятые иркутянами. В Глазковском предместье 29 января состоялось открытие Ломоносовской аудитории общества народных развлечений, что сопровождалось представлением комедии «Без вины виноватые» (Серебренников, 2008. С. 311)[2].

В Иркутске к началу 1917 г. сформировалась целая плеяда учёных, писателей, общественных деятелей, лекторов просветительских обществ, которые вели культурную и научно-просветительскую деятельность, что говорит о достаточно высоком образовательном уровне интеллигенции столицы Иркутской губернии. В летописи данный факт обозначен так: «В Иркутске теперь пять учёных учреждений: 1) Отдел Географическо-

го Общества, 2) отдел Общества изучения Сибири, 3) Архивная комиссия, 4) Церковно-археологическое общество и 5) Общество изучения Саян», члены которых читали лекции на различные темы.

Вызывали интерес у слушателей лекции по вопросам семейного воспитания: так, например, 23 января в семейной школе Третьяковой на краткосрочные курсы записалось 90 человек. Также в это время проходили литературные вечера, которые устраивали воспитанники Иркутского учительского института и отделение «Еврейского литературно-художественного общества» (Серебренников, 2008. С. 307)[2]. Была открыта фотовыставка, куда пришло много народа. 19 февраля в Посохинской аудитории состоялась лекция историка, члена городской думы П.В. Зицермана «Освобождение крестьян от крепостной зависимости» (Серебренников, 2008. С. 311)[2]. 16 февраля прошла гонка на лыжах на первенство лыжного кружка «Морозко».

Как видим, культурная жизнь города была достаточно активной и разносторонней, несмотря на всю сложность военного времени.

Конец февраля иркутяне встречали без сахара. 28 февраля, в то время, когда в столице уже вовсю разворачивалась революция, вопрос о поставках сахара в городскую торговлю обсуждался на заседании Думы: «Далее началось обсуждение вопроса передачи частным торговцам продуктов (сахара) городского общественного самоуправления для распределения населению. Управа запросила продовольственный комитет разработать проект распределения сахара, в ответ на это продовольственный комитет доложил, что он не находит возможным принятую систему общественного распределения продуктов поменять в сторону привлечения к этому делу частных торговцам: 1) первая и вторая раздача сахара протекала спокойно и без осложнений, за исключением первых двух-трех дней и предпраздничной недели во время второй раздачи; скопление публики в первые дни раздачи вызвано тем, что перед этим в течение 1,5 месяцев население города не имело сахара; 2) комитет находит необходимым и возможным разгрузить некоторые продовольственные лавки без привлечения частных торговцев, хотя эти лавки и перегружены потребителями сахара. Для этого комитет предлагает разрешить владельцам сахарных карточек предъявлять их по своему желанию в ту или иную лавку.

Кроме того, необходимо привлечь к делу распространения сахара общество потребителей служащих Забайкальской железной дороги, в виду выраженного этим обществом соответствующего желания, затем – общество потребителей контрольной палаты, общество потребителей ссудосберегательной кассы городских служащих и учреждения: губернское правление, казенную палату и почтово-телеграфное отделение.

Продовольственный отдел городской управы предложил управе согласиться с мнением и предложениями продовольственного комитета. Дума поддержала.

Гласные подняли вопрос, что уже несколько заседаний чай подается без сахара. Неужели у города так мало сахара, что не хватает по кусочку гласным? Заседание оживляется, гласные довольно единодушно ропщут. Председательствующий говорит, что управа примет это к сведению и постарается сделать так, чтобы к следующему заседанию гласным подавался чай с сахаром» (Из зала городской думы // Сибирь. Иркутск. 1917. № 39. С. 2).

Но на следующем заседании городской думы, 14 марта, гласным было уже не до сахара.

Таким образом, изучение выявленных уникальных источников по проблемам социально-бытовых аспектов жизни г. Иркутска, отношений общества и местной власти, поведенческих практик накануне революционного кризиса зимой 1916–1917 гг., таких как материалы иркутских летописей, источники личного происхождения, протоколы заседаний городской думы, периодическая печать за 1916–1917 гг., показало, что жизнь иркутян в эти зимние месяцы, несмотря на военное время, шла размеренно и спокойно, что было свойственно тыловому городу. Наиболее важными для горожан были вопросы сохранения привычного быта и практик повседневной жизни: где купить продовольствие, где взять дрова или уголь на зиму, однако они сохраняли общее спокойствие, не было

паники, публичных выступлений против власти. В то же время часть горожан привычно находила время и средства, чтоб сходить в театр или кино в дни отдыха.

Характеризует спокойную обстановку в городе и тот факт, что находившийся в служебной командировке генерал-губернатор А.И. Пильц, вернувшись 9 февраля из Петрограда в Иркутск, не стал принимать каких-либо мер по усилению охраны своей власти. Абсолютно в штатном режиме в феврале началась подготовка к выборам в городскую думу созыва 1918–1921 гг., городская управа приступила к составлению списка лиц и учреждений, имевших право участвовать в выборах.

Новость о свершившейся в стране революции была получена из Петрограда только 2 марта. Она изменила жизнь многих иркутян до неузнаваемости. Весна 1917 г. для части горожан прошла в активных действиях, в рамках общих тенденций революционных событий. Такого поворота событий иркутяне, конечно, не ожидали. Быстрая смена власти, формирование её новых структур, создание общественных организации, активная деятельность политических партий разной направленности – всё это вызвало трансформацию привычного уклада жизни провинциального города и изменение сознания его жителей.

Библиографический список

Айдаров К.А. Иркутская городская дума в 1917 г. // Сборник материалов VII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Наука и образование» 14–18 апреля 2003 г. Томск, 2003. С. 9–11.

Айдаров К.А. Основные проблемные вопросы тематики революционных событий 1917г., происходивших в России (на примере Восточной Сибири) // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции, посвящённой памяти профессора В.И. Дулова (24–25 апреля 2008 г.). Иркутск, 2008. Книга 1. С. 3–10.

Айдаров К.А. Революционные события 1917–1918 гг. в Восточной Сибири по воспоминаниям современников // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти профессора В.И. Дулова. Иркутск: Изд-во Вост.-Сиб. гос. акад. образов. 2010. С. 62–66.

Айдаров К.А. Трансформация повседневной жизни иркутян в течение зимы – весны 1917 г. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. Изд-во БрГУ, 2016. № 1 (23). С. 66–73.

Булдаков В.П. Имперство и российская революционность (Критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 2. С. 20–48.

References

Aidarov K.A. (2003) Irkutsk City Duma in 1917. *Sbornik materialov VII Vserossiiskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh «Nauka i obrazovanie» 14–18 aprelya 2003 g. = Collection of materials of the VII All-Russian Conference of Students, Graduate Students and Young Scientists "Science and Education" April 14–18 2003.* Tomsk. P. 9–11. (In Russ.)

Aidarov K.A. (2008) The main problematic issues of the subject of the revolutionary events of 1917, which took place in Russia (on the example of Eastern Siberia). *Sibir' v izmenyayushchemsya mire. Istoriya i sovremennost': materialy Vserossiiskoi nauchno – teoreticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora. Kniga 1. Dulova (24 – 25 aprelya 2008 g. Kniga 1) = Siberia in a changing world. History and modernity: materials of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference dedicated to the memory of Professor V.I. Dulov (April 24–25, 2008).* Irkutsk. Book 1. P. 3 – 10. (In Russ.)

Aidarov K.A. (2010) Revolutionary events of 1917–1918 in Eastern Siberia according to the memoirs of contemporaries. *Sibir' v izmenyayushchemsya mire. Istoriya i sovremennost': materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora V.I. Dulova = Siberia in a changing world. History and modernity: materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the memory of Professor V.I. Dulov.* Irkutsk: Publishing House Vosto.-Sib. State Academy of Images. P. 62–66. (In Russ.)

Aidarov K.A. (2016) Transformation of everyday life of Irkutsk during the winter – spring 1917. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Problems of socio-economic development of Siberia.* Bratsk: Bratsk State University. No. 1 (23) P. 66 – 73. (In Russ.)

Buldakov V.P. (1997) Imperialism and Russian revolutionism (Critical notes). *Otechestvennaya istoriya = Russian History.* No. 2. P. 20–48. (In Russ.)

Городское самоуправление в Иркутске: 220 лет. / М.М. Плотникова [и др.]. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2008. 243 с.

Долидович О.М. Совещание 21–22 ноября 1915 г. о приёме и размещении беженцев в пределах Иркутского генерал-губернаторства // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 20–26.

Занданова Л.В. Культурные и социально-экономические проблемы развития Сибирского региона XX века в исследованиях иркутских историков // Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее и будущее (Иркутск, 24–25 мая 2007 г.): материалы международной научно-практической конференции. Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 2007. С. 113–116.

Занданова Л.В. Социокультурные трансформации в Приангарье в свете модернизационных процессов в стране в XX в.: проблемы изучения // Социокультурные трансформации населения Сибири в XX веке. Новосибирск: Сибирское научное издательство. 2011. С. 59–73.

Иркутская летопись, 1661–1940 гг. / Сост. Ю.П. Колмаков, Иркутск: Оттиск, 2003. 847 с.

Иркутск накануне и в 1917 году: Очерки политической истории губернского центра / под ред. Л.М. Дамешека. Иркутск: Оттиск, 2017. 544 с.

Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне: Исследования и материалы. Коллективная монография; / под ред. Ю.А. Петрушина. Иркутск: Оттиск, 2014. 448 с.

Иркутская городская дума в 1917 году / А.В. Петров, М.М. Плотникова, В.П. Шахеров, А.В. Ильина. Иркутск: Оттиск, 2018. 292 с.

Поляков Ю.А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 125–126.

Пушкарёва Н.Л. История повседневности: предмет и метод // Социальная история. Ежегодник, 2007. М., 2008. С. 9–53.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / сост. Н.В. Куликаускене. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1994. 560 с.

Семёнова Е.Ю. Городское население российской провинции в годы Первой мировой войны: особенности выявления документов по проблемам общественных отношений и поведенческих практик // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 984–996.

Соколов А.К. Социальная история: проблемы методологии и источниковедения // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000. С. 75–92.

Plotnikova M.M. [i dr.]. (2008) City self-government in Irkutsk: 220 years. Irkutsk: Irkutsk State University. 243 p. (In Russ.)

Dolidovich O.M. (2018) Meeting on November 21–22, 1915 on the reception and placement of refugees within the Irkutsk General Governship. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University.* No. 3. P. 20–26. (In Russ)

Zandanova L.V. (2007) Cultural and socio-economic problems of the development of the Siberian region of the 20th century in the studies of Irkutsk historians. *Slavyanskie yazyki i kul'tury: proshloe, nastoyashchee i budushchee . Mat-ly mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Irkutsk, 24–25 maya 2007 g.) = Slavic languages and cultures: past, present and future. Mats of an international scientific and practical conference (Irkutsk, May 24–25, 2007).* Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University. P. 113–116. (In Russ.)

Zandanova L.V. (2011) Sociocultural transformations in the Angara region in the light of modernization processes in the country in the 20th century: problems of study. *Sotsiokul'turnye transformatsii naseleniya Sibiri v XX veke = Sociocultural transformations of the population of Siberia in the 20th century.* Novosibirsk: Siberian Scientific Publishing House. P. 59–73. (In Russ.)

Kolmakov Yu.P. (2003) Irkutsk Chronicle, 1661–1940. Irkutsk: Ottisk. 847 p. (In Russ.)

Dameshek L.M. (2017) Irkutsk on the Eve and in 1917: Essays on the Political History of the Provincial Center. Irkutsk: Ottisk. 544 p. (In Russ.)

Petrushin J.A. (2014) Irkutsk and the Irkutsk people in the First world war: Research and materials. Collective monograph. Irkutsk: Ottisk. 448 p. (In Russ.)

Petrov A.V., Plotnikova M.M., Shakherov V.P., Il'ina A.V. (2018) Irkutsk City Duma in 1917. Irkutsk: Ottisk. 292 p. (In Russ.)

Polyakov Yu.A. (2000) Man in everyday life (historical aspects). Otechestvennaya istoriya = Domestic history. No. 3. P. 125–126. (In Russ.)

Pushkareva N.L. (2008) History of everyday life: subject and method. *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik. 2007 = Social history. Yearbook. 2007.* Moscow. P. 9–53. (In Russ.)

Romanov N.S.(1954) Chronicle of the city of Irkutsk for 1902–1924. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House. 560 p. (In Russ.)

Semenov E.Yu. (2018) Urban population of the Russian province during the First world war: features of identification of documents on problems of public relations and behavioral practices. *Vestnik arkhivista = Bulletin of the archivist.* No. 4. P. 984–996. (In Russ.)

Sokolov A.K. (2000) Social history: problems of methodology and source studies. *Problemy istochnikovedeniya i istoriografii. Materialy II Nauchnykh chtenii pamyati akademika I.D. Koval'chenko = Problems of source studies and historiography. Materials of the II Scientific Readings in*

1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению / отв. ред. С.В. Тютюкин. М., 1997; М.: ИРИ, 1998. 510 с.

1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению / ред. П.В. Волобуев. М.: ИРИ, 1997. 399 с.

Сведения об авторах

Айдаров Константин Александрович,
старший преподаватель кафедры истории и методики,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: aidarov.69@mail.ru

Занданова Лариса Викторовна,
доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и методики,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: zandanova@mail.ru

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 15 октября 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 5 ноября 2020 г.
Принята к публикации 16 ноября 2020 г.

memory of Academician I.D. Kovalchenko. Moscow. P. 75–92. (In Russ.)

Tyutyukin S.V. (1997) (1998) 1917 in the fate of Russia and the world. October revolution: from new sources to a new understanding. Moscow: IRI. 510 p. (In Russ.)

Volobuev P.V. (1997) 1917 in the fate of Russia and the world: the February Revolution: from new sources to a new understanding. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 4–5 fevralya 1997 g = Proceedings of the international scientific conference, February 4–5, 1997.* Moscow: IRI. 399 p. (In Russ.)

Information about the authors

Konstantin A. Aidarov,
Senior lecturer at the Department of History and Methodology,
Irkutsk State University,
1, Karl Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: aidarov.69@mail.ru
Larisa V. Zandanova,
Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of History and Methodology,
Irkutsk State University,
1, Karl Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: zandanova@mail.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

Received October 15, 2020.
Received November 5, 2020.
Accepted November 16, 2020.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(571.13)«1918/1919»
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-181-194

Условия содержания заключенных в тюрьмах Акмолинской (Омской) области в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.)

© С.П. Звягин[a], С.В. Макарчук[b], Д.Р. Тимербулатов[c]

[a] Кемеровский государственный медицинский университет, г. Кемерово, Россия
[b] Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия
[c] МБОУ ДПО «Научно-методический центр», г. Кемерово, Россия

Аннотация: В статье анализируется материально-техническое состояние гражданских мест заключения Акмолинской (Омской) области при антибольшевистских правительствах в период Гражданской войны. Практически вся инфраструктура пенитенциарных учреждений была создана еще в дореволюционное время. Уровень ее развития, а также возможность изготовления при тюрьмах предметов промышленного и сельскохозяйственного производства определялись географическими и экономическими условиями в регионе. Именно в Акмолинской области с ее достаточно благоприятным климатом получила распространение практика выращивания овощных культур и разведения скота при пенитенциарных учреждениях для улучшения питания арестантов. В то же время из-за финансовой ситуации ресурсы «белых» властей в решении проблем материально-технического характера местных пенитенциарных учреждений оказывались весьма ограниченными. Положение усугублялось необходимостью содержания под стражей заметно увеличившегося в числе контингента арестантов, что являлось типичным не только для тюрем Акмолинской области, но и для подавляющего большинства мест заключения по всей Сибири. Среди лиц, пребывавших в местных пенитенциарных учреждениях, около половины являлись сторонниками советской власти или же теми, кого представители антибольшевистских правительств рассматривали как потенциально опасных политических противников. После установления режима А.В. Колчака в «белой» Сибири официально провозглашается необходимость соблюдения принципа законности всеми государственными органами, включая тюремное ведомство. Одновременно принимаются меры по ужесточению режима содержания арестантов, основой чего послужили нормы дореволюционного законодательства. Эти тенденции отчетливо проявились в работе пенитенциарных учреждений Акмолинской области. Но, несмотря на стремление к упорядочиванию функционирования тюрем, неконтролируемое вмешательство армейских структур приводило к дезорганизации деятельности мест заключения, а в ряде случаев к противоправным действиям в отношении заключенных по политическим мотивам. Самым ярким примером подобного беззакония стали бессудные убийства военными арестантов в Омске и Тюкалинске перед эвакуацией на восток в ноябре 1919 г.

Ключевые слова: Акмолинская область, антибольшевистские правительства, Белая Сибирь, белый террор, Гражданская война, материально-бытовые условия содержания арестантов, места заключения, Омская тюрьма, тюремный режим

Для цитирования: Звягин С.П., Макарчук С.В., Тимербулатов Д.Р. Условия содержания заключенных в тюрьмах Акмолинской (Омской) области в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 181–194. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-181-194

Conditions of detention of prisoners in the prison of the Akmola (Omsk) region during the Civil War (1918–1919)

© Sergey P. Zvyagin[a], Sergey V. Makarchuk[b], Dmitry R. Timerbulatov[c]

[a] Kemerovo State Medical University, Kemerovo, Russia
[b] Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
[c] Municipal Budget Educational Institution of Continuing Professional Education “Scientific and Methodological Centre”, Kemerovo, Russia

Abstract: The article analyzes the material and technical condition of civilian places of detention in the Akmola (Omsk) region under anti-Bolshevik governments during the Civil War. Almost the entire infrastructure of prisons was created in pre-revolutionary times. The level of its development, as well as the possibility of manufacturing items of industrial and agricultural production in prisons, was determined by the geographical and economic conditions in the region. It is in the Akmola region, with its rather favorable climate, that the practice of growing vegetable crops and raising livestock in prisons has become widespread in order to improve the nutrition of prisoners. At the same time, due to the financial situation, the resources of the "white" authorities in solving the material and technical problems of the local penitentiary institutions were very limited. The situation was aggravated by the need for detention to significantly increase the number of prisoners, which was typical not only for prisons in the Akmola region, but also for the vast majority of places of detention throughout Siberia. Among those who were in local penitentiary institutions, about half were supporters of the Soviet regime or those whom anti-Bolshevik government representatives considered to be potentially dangerous political opponents. After the establishment of the regime A.V. Kolchak in the "White" Siberia officially it was proclaimed the need to comply with the principle of legality by all state bodies, including the prison department. At the same time, measures are being taken to tighten the regime of detention of prisoners, which was based on the norms of pre-revolutionary legislation. These trends are clearly manifested in the work of prisons in the Akmola region. But, despite the desire to streamline the functioning of prisons, the uncontrolled intervention of army structures led to a disorganization of the activities of places of detention, and in some cases to unlawful actions against prisoners for political reasons. The most striking example of such lawlessness was the extrajudicial killings of prisoners in Omsk and Tyukalinsk before being evacuated to the east in November 1919.

Keywords: Akmola Oblast, anti-Bolshevik governments, White Siberia, White Terror, Civil War, living conditions of prisoners, places of detention, Omsk prison, prison regime

For citation: Zvyagin S.P., Makarchuk S.V., Timerbulatov D.R. (2020) Conditions of detention of prisoners in the prison of the Akmola (Omsk) region during the Civil War (1918–1919). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 181–194. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-181-194

В российской исторической науке особенности тюремного быта и различные аспекты положения заключенных на востоке России при антибольшевистских правительствах освещены более детально, чем проблемы определения механизма управления местами заключения, содержания кадровой политики в пенитенциарном ведомстве и состава его служащих. Тем не менее представляется актуальным обобщение информации о материально-техническом состоянии тюрем и положении арестантов. В перспективе систематизация этих сведений позволит в полной мере раскрыть специфику взаимодействия руководства тюремной системой и подведомственных ему учреждений, а также оценить успешность правительственной политики в пенитенциарной сфере на местах. Кроме того, касаясь изучения тюрем Акмолинской области в период Гражданской войны, следует иметь в виду, что при относительно всесторонней изученности условий содержания заключенных в Омске, ощущается недостаток материала о положении арестантов в уездных центрах: Акмолинске, Кокчетаве и Петропавловске.

Советским руководством после завершения Гражданской войны были поставлены перед историками задачи, которые во многом способствовали актуализации исследовательского внимания на борьбе с «белыми» режимами и жизнеописании подвергавшихся арестам большевиков, что предполагало рассмотрение условий их содержания под стражей. Однако в соответствии с линией по их героизации определяющим становилось отображение переносимых ими лишений в заключении, что делало невозможным объективное понимание положения в тюрьмах Сибири в 1918–1919 гг.

Сбор и обобщение фактических данных исследователями, а также составление на их основе сборников документов и воспоминаний о периоде Гражданской войны началось в 1920-е гг. Рассматриваемая проблематика функционирования тюрем, располагавшихся на территории Акмолинской области, в основном сводилась к обстоятельствам омского восстания 22–23 декабря 1918 г. и проявлениям местным населением недовольства репрессивной политикой. В.Д. Вегман одним из первых дал детальное описание хода вооруженного выступления, захвата восставшими местной тюрь-

мы и количества погибших в ходе восстания (Вегман, 1928). Причем правительственные данные о числе убитых категорически отрицались, что стало традиционным для советской исторической науки. В работе В.И. Шемелева приведены данные о поддержке омскими профсоюзами арестованных сторонников советской власти, организации рабочего Красного Креста для оказания благотворительной помощи содержащимся под стражей большевикам и преследованиям членов профсоюзных организаций (Шемелев, 1928). В то время особую научно-исследовательскую значимость для изучения тюрем Акмолинской области в годы Гражданской войны представляла публикация в журнале «Красный архив» официальных документов и следственных материалов расследования событий восстания в Омске и последовавшего после него убийства видных политических и общественных деятелей, арестованных за выражение протеста по поводу ликвидации (Омские события при Колчаке…, 1925). В них содержится некоторая информация о количестве политических арестантов и инфраструктуре омского пенитенциарного учреждения.

С середины 1930-х гг. происходит заметное уменьшение количества публикуемых сборников и работ о Гражданской войне, проблематика которых оставалась прежней (Молотов, 1949). Более того представленная в них информация о местах заключения Акмолинской области оказывалась менее содержательной, по сравнению с трудами 1920-х гг., хотя в тот период исследователи периода Гражданской войны получают возможность ограниченно использовать в качестве источника архивные материалы, в основном неопубликованные воспоминания.

Следующий период изучения пенитенциарной системы на территории Акмолинской области при антибольшевистских правительствах длился с середины 1950-х гг. до конца 1980-х гг. Его специфика заключалась в том, что любое празднование юбилеев событий революции и Гражданской войны ознаменовывалось выходом исследований и сборников воспоминаний, в которых содержались вполне подробные сведения о тюремном быте, планировке мест заключения, режиме содержания под стражей, питании арестантов. В качестве мало освещаемого ранее момента отмечались случаи подкупа политическими заключенными надзирателей для установления связи с большевистским подпольем и получением информации с воли (Солдатов, 1959). Для указанного периода характерно издание биографий известных местных большевиков и сторонников советской власти, таких как Ф.А. Березовский, С. Сейфуллин, К.А. Попов, арестованных и содержавщихся под стражей (Солдат и певец революции Ф.А. Березовский…, 1987; Какишев, 1972; Юрасова, 1983; Шумилов, 1987). При изучении подпольной борьбы большевиков и «красного» партизанского движения в 1919 г. в Акмолинской области исследователи могли касаться положения в уездных тюрьмах, в частности Тюкалинской (Борьба за Советы…, 1989). Тем не менее большинство материалов по-прежнему посвящалось восстанию в Омске в декабре 1918 г. (Колмогоров, 1957; Черемных, 1969).

С изменением общественно-политической ситуации в конце 1980-х – начале 1990-х гг. различные направления государственного строительства «белых» становятся предметом пристального изучения историков Гражданской войны. Возможность работы с недоступными ранее архивными фондами позволила не просто повысить фактологическую наполненность научных работ, но и расширить их тематику. Первыми исследователями, в работах которых содержится подробная информация о количестве заключенных в Акмолинской, Кокчетавской, Омской и Петропавловской тюрьмах, являются П.А. Голуб и Е.Г. Михеенков. Однако указанные данные приводятся ими в рамках изучения общей численности арестантов в Сибири при «белых». Кроме того, монография П.А. Голуба «Застенки Колчака. Правда о белом адмирале» носит эмоционально-негативную оценку «белых», что снижает ее научное значение (Голуб, 2010). В статьях же Е.Г. Михеенкова основное внимание уделяется пенитенциарной системе Томской губернии (Михеенков, 2012; Михеенков, 2018). Тем самым функционирование мест заключения Акмолинской области остается малоизученным.

С момента ликвидации советской власти одной из ключевых проблем антибольшевистских правительств при организации работы тюрем являлось снижение расходов на питание заключенных и улучшение качества арестантской еды. В частности, в Омской тюрьме общая сумма затраченных на ее содержание средств с 1 июля 1918 г. по 1 января 1919 г. составила 171,182 тыс. руб. 32 коп., из которых на продовольствие здоровых и больных заключенных было выделено 73,942 тыс. руб. 22 коп. или примерно 43 % (Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 86). Основой питания являлся хлеб, которого в том же пенитенциарном учреждении арестантам выдавали по нормам продовольственной управы по 1,25 фунта, а тем, которые занимались физическим трудом, с разрешения властей области по 2 фунта (ИАОО. Ф.Р. 391. Оп. 1. Д. 5. Л. 15об.).

Следует отметить, что еще во время Первой мировой войны Главным тюремным управлением 11 (24) августа 1916 г. на места был направлен циркуляр «О мерах к улучшению питания арестантов и удешевлению его», принятый из-за роста цен на пищевые продукты. В нем подчеркивалось, что развитие огородничества на казенных и арендуемых земельных участках, обрабатываемых трудом арестантов, а также разведение свиней, для корма которых пригодны остатки тюремной пищи, не требует значительных денежных сумм. Кроме того, в циркуляре отмечалось, что помимо повышения качества питания арестантов, излишки выращиваемых овощей и производимого мяса позволят снабжать армию и местное население (Распоряжения по тюремному ведомству, 1916b. С. 773)[1]. Осуществлению этого распоряжения в Акмолинской области благоприятствовало то, что до революции ее территория отличалась стремительно развивающимся сельским хозяйством. Достаточно указать, что с 1907 г. по 1913 г. площадь посевных земель региона увеличилась более чем в три раза. Одним из крупнейших районов Западной Сибири по производству животноводческих продуктов являлся юг Омского уезда. Несмотря на это обстановка Гражданской войны не позволила администрациям пенитенциарных учреждений добиться существенных результатов по развитию овощеводства и росту поголовья свиней.

По состоянию на май, Кокчетавская тюрьма имела в распоряжении участок земли в 1,5 десятины, большая часть которого была засажена 50 пудами картофеля. Остальную площадь занимала свекла, капуста, лук и морковь. Начальник тюрьмы отмечал, что содержание свиней затруднительно ввиду отсутствия средств для их покупки и подходящего для этого помещения во дворе места заключения (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 52–52 об.). В Петропавловске пенитенциарному учреждению был предоставлен управой в безвозмездное пользование на год участок земли в 3 верстах от города площадью в 5 десятин. Из них 3 были засеяны пшеницей и 1 ½ овсом, а оставшаяся половина десятины засажена картофелем. В рапорте от 24 мая 1919 г. руководитель Петропавловской тюрьмы указывал, что планирует на территории в 25 квадратных саженей у здания места заключения посадить 2 тыс. кочней капусты и приобрести дополнительный участок в 10–15 десятин для посева хлеба (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 51–51 об.). Две десятины огорода Омской тюрьмы занимали посадки картофеля и еще более одной десятины были засажены луком. В парниках произрастала японская капуста, причем администрация места заключения планировала получить аванс в размере 3 тыс. руб. для покупки рассады обыкновенной капусты (80 коп. за штуку). При тюрьме содержались две свиньи возрастом до 4 лет, от которых ожидался приплод. Тем не менее начальник пенитенциарного учреждения, не считая, что этого количества будет достаточно, просил выделить 1 тыс. руб. на покупку животных (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 53). К июлю 1919 г. на огородном участке Акмолинской тюрьмы 1200 квадратных саженей занимали посадки картофеля, 180 – огурцов, 72 – моркови, 40 – красной свеклы. Репчатого лука было высажено три с половиной пуда. На огороде произрастало небольшое количество брюквы, редьки и репы из-за наличия на рынке только старых, невсхожих семян по завышенным ценам. От-

[1] Распоряжения по тюремному ведомству // Тюремный вестник, 1916. № 8/9. С. 758–777.

каз в их приобретении последовал даже от Главного склада сельскохозяйственных машин Переселенческого управления, который до 1917 г. являлся главным поставщиком для пенитенциарного учреждения. Меры по повышению разнообразия выращиваемых овощных культур объяснялись тем, что многие арестанты весной страдали от цинги ввиду недостатка растительной пищи (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 54–55 об.).

Остальные трудности, которые препятствовали налаживанию работы мест заключения, возникали по большей части из-за изношенности инфраструктуры пенитенциарных учреждений, недостаточности материально-технического оснащения и переполненности камер заключенными. Например, они были присущи тюрьме Тюкалинского уезда, который по постановлению Совета Министров Российского правительства от 9 апреля 1919 г. был присоединен к Акмолинской области. Согласно составленной описи движимого имущества указанного места заключения в камерах одноэтажного каменного корпуса на более 200 арестантов приходилось 18 столов со шкафами, 30 скамеек для сидения и сна, 13 ушатов, 11 шаек, 6 кадок для воды и 17 параш. Представленные данные свидетельствуют о том, что количество арестантов не соответствовало норме.

Поскольку для ряда других пенитенциарных учреждений Сибири проблема переполненности была еще более насущной, Министерством юстиции для пропорционального распределения арестантов было отдано распоряжение властям губерний областей о предоставлении сведений о числе камер и мест в них. На основе полученной информации была составлена ведомость, которая представлена ниже (табл.).

Указанные данные не совсем точны, поскольку, вероятно, в некоторых случаях руководство пенитенциарных учреждений указывало не количество мест, а число человек, содержащихся под стражей. Так, в других документах об Омской областной тюрьме отмечалось, что она рассчитана на прием не 500 человек, а только 200–300 заключенных (ИАОО. Ф.П. 19. Оп. 1. Д. 13. Л. 14). Последнее число в большей степени соответствует действительности, поскольку содержание в общей камере площадью 16–18 квадратных метров более 10 арестантов явно не могло отвечать установленным нормам того времени. В Акмолинской тюрьме, рассчитанной по кубическому содержанию воздуха

Таблица. **Количество камер для общего и одиночного заключения, мест для арестантов в тюрьмах Акмолинской области**
Table. **Number of cells for general and solitary confinement, places for prisoners in prisons of Akmola region**

Наименование тюрьмы	Число камер (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 86–86 об.)	Число мест (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 86–86 об.)
Омская областная тюрьма	39 общих	418
	8 одиночных	7
	В женском отделении 7 общих и 3 одиночных	80
Петропавловская уездная тюрьма	6 общих	33
	15 одиночных	31
	В женском отделении 2 общие	6
Кокчетавская уездная тюрьма	4 общие в казенном здании,	–
	3 общие в наемном помещении, из них в околодке 1	
Акмолинская уездная тюрьма	4 общие	28
	3 одиночные	3
	В женском отделении 1 одиночная	1
	В околодке 2 общие	6

на прием до 40 человек, несмотря на отправку в Омск в феврале 1919 г. 57 заключенных по политическим мотивам, продолжали пребывать свыше 100 задержанных (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 34. Л. 5). Чтобы разгрузить пенитенциарное учреждение, местное отделение Попечительного о тюрьмах общества, в составе которого находились исполняющий обязанности городского головы Ярушин, председатель уездной земской управы К.Д. Шевцов, купцы Н.А. Забиров и начальник тюрьмы А.С. Сербов, в постановлении от 5 апреля 1919 г. предлагало перевести часть арестантов в принадлежащее гражданину Канцерову здание. Поскольку оно использовалось в 1916–1917 гг. в качестве места заключения и было подготовлено для содержания под стражей, оставалось договориться об условиях аренды (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 36. Л. 45–45об.). Однако уездные тюрьмы регулярно испытывали нехватку финансовых средств из-за задержек с предоставлением кредитов. Так, по смете Министерства юстиции по тюремной части на функционирование пенитенциарной системы Акмолинской области в 1919 г. было выделено 1371,52 тыс. руб. (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 40. Л. 3). Но 26 апреля 1919 г. Управляющий областью сообщал в Главное управление местами заключения, что кредиты до сих пор не открыты. Положение усугублялось тем, что, не дожидаясь возможности использования положенных кредитов, начальники пенитенциарных учреждений направляли многочисленные ходатайства на дополнительные ассигнования. Такая практика приводила к ненужной дополнительной переписке в рамках тюремного ведомства и ставило ГУМЗ в затруднительное положение при удовлетворении прошений, в которых часто отсутствовала конкретика в описании нужд (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 40. Л. 38). В июле 1919 г. в телефонограмме Управляющему Акмолинской области руководство пенитенциарной системой разрешало в случае срочной необходимости в кредитах обращаться напрямую к Управляющему Казенной Палатой (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 40. Л. 86).

Для проверки целевого расходования выделяемых денежных средств и соблюдения правил содержания заключенных представители руководства Акмолинской областью регулярно посещали тюрьмы с ревизиями. При этом, если в Омске проверки производились в том числе и чиновниками правительственного уровня, то в уездах отслеживанием ситуации занимались в основном региональные власти. В апреле 1919 г. в ходе проверки Кокчетавской уездной тюрьмы управляющим областью С.С. Резановым было отмечено неудовлетворительное состояние ее помещений. Кроме того, само деревянное здание, окруженное ветхими заборами, признавалось не соответствующим своему назначению. Ввиду этого С.С. Резановым было направлено ходатайство в ГУМЗ о выделении средств на строительство в Кокчетаве новой каменной тюрьмы (Сибирская речь. Омск. 1919. 16 апреля). В ходе ревизии Петропавловской городской и уездной милиции 18 июня 1919 г. осмотр здешнего арестного дома и тюрьмы был осуществлен помощником управляющего Акмолинской областью Л.В. Родионовым (Единство. Петропавловск. 1919. 19 июня.)

Со второй половины 1919 г. из-за приближения линии фронта к столице Белой Сибири ГУМЗ при содействии военных и местных гражданских властей начинает предпринимать меры по перемещению на восток персонала мест заключения и заключенных. Данная работа активно проводилась В.Ф. Рыбаковым, который до того как стать преемником С.С. Резанова на должности управляющего Акмолинской областью в качестве главноуполномоченного МВД занимался вопросами организации эвакуации обустройства служащих правительственных учреждений и их семей (Шишкин, 2006. С. 169). Перед самым отъездом Российского правительства из Омска в Иркутск им проводилась проверка законности пребывания под стражей заключенных Омской тюрьмы. Арестованные без достаточных оснований освобождались немедленно, что позволило уменьшить число лиц, подлежащих эвакуации (Сибирский казак. Омск. 1919. 7 ноября).

Необходимо отметить, что на протяжении 1919 г. Министерство юстиции, добиваясь как снижения уровня произвола в отношении арестантов, так и уменьшения количества заключенных, уделя-

ло повышенное внимание расширению прав прокурорского надзора, чины которого располагали правом выпускать задержанных на свободу. Реализация другой меры по разгрузке тюрем сопровождалась выяснением ГУМЗ числа приговоренных к каторжным работам, осужденных в исправительно-арестантское отделение, и лиц, арестованных в связи со свержением советской власти. Согласно циркуляру от 12 мая 1919 г. их предполагалось размещать в Александровской центральной каторжной тюрьме, Томском исправительно-арестантском отделении № 1 или Соколовском стане Амурской области соответственно (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 38. Л. 1).

Хотя администрации пенитенциарных учреждений обязывались направлять в Омск информацию о количестве задержанных по категориям, из-за частых перемен в составе содержавшихся под стражей и сложностей контроля над переводами партий арестантов по тюрьмам, при анализе документов не представлялось возможным отследить все изменения контингента заключенных на территории Акмолинской области при антибольшевистских правительствах. Например, по состоянию на конец апреля 1919 г. в пенитенциарном учреждении Петропавловска содержалось 5 лиц, осужденных на каторжные работы. Причем из их числа А.Н. Арсеньев и Н.Л. Мостовой были приговорены к бессрочной каторге военно-полевым судом в сентябре 1918 г. за подстрекательство новобранцев к неповиновению (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 19–19 об.). Однако в январе и июле 1919 г. арестанты подобной категории не были зафиксированы в списках заключенных Петропавловской тюрьмы (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 4; ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 38. Л. 6). В свою очередь в середине 1919 г. в Акмолинской тюрьме числилось три человека, приговоренных к отбытию в исправительно-арестантские отделения, а на начало того же года таковые отсутствовали (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 38. Л. 3; ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 5).

Намерения ГУМЗ по сосредоточению данных лиц в Томске соответствовали циркуляру Главного тюремного управления (ГТУ) от 4 (17 марта) 1916 г. «О недопустимости оставления в тюрьмах общего устройства арестантов, присужденных к отдаче в исправительные отделения» (Распоряжения по тюремному ведомству, 1916а. С. 277)[2]. Так как эти места заключения, поблизости от которых устраивались производства, были ориентированы на выполнение работ государственного значения, которые с началом Первой мировой войны приобрели военный характер, «белые» были заинтересованы в том, чтобы в них содержались не просто согласно ст. 287 Устава о содержащихся под стражей годные к физическому труду арестанты, но и имеющие квалификацию. 30 июня 1919 г. управляющим губерниями и областями было направлено распоряжение ГУМЗ о незамедлительной отправке в Томское исправительно-арестантское отделение № 1 лиц, владеющих портняжным ремеслом, из числа срочных арестантов без ущерба для местных тюремных мастерских (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 98–98 об.). Каждого выдаваемого заключенного предписывалось проверять на месте на наличие необходимых умений, за что должен был нести ответственность начальник тюрьмы. В ответ на запрос власти Акмолинской области указывали на отсутствие рабочих портных в арестантской среде (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 104).

Среди арестованных в связи со свержением советской власти в Акмолинской области имелись красноармейцы, которых тюремное ведомство стремилось удалить из пенитенциарных учреждений для перевода в места заключения, подконтрольные Военному министерству, чтобы не обременять себя дополнительными расходами на их содержание. В Кокчетавской тюрьме их было 4, в Омской областной тюрьме – 3 и в Акмолинской тюрьме – 3 (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 27–30). Причем последние были пойманы после побега из концентрационного лагеря под Петропавловском. В Петропавловской тюрьме в заключении находились 36 красноармейцев, которых для разгрузки пенитенциарного учреждения было решено освободить под надзор местной милиции (Дело Сибири. Омск. 1919. 27 августа).

[2] Распоряжения по тюремному ведомству // Тюремный вестник, 1916. № 4. С. 274–292.

Сравнивая сведения, получаемые ежемесячно прокурором Омской судебной палаты, о количестве политических арестантов, следует отметить, что их число не отличалось постоянством. Так, по состоянию на 15 августа 1918 г. в Акмолинске, Кокчетаве, Омске и Петропавловске содержалось 67, 68, 162 и 72 человека соответственно (ИАОО. Ф.Р. 391. Оп. 1. Д. 5. Л. 98 об.). К 15 ноября 1918 г. в тех же пенитенциарных учреждениях пребывало 63, 41, 119 и 49 лиц, задержанных по политическим мотивам (ИАОО. Ф.Р. 391. Оп. 1. Д. 5. Л. 172–172 об.). Следует добавить, что на 1 сентября 1918 г. в Омской тюрьме их насчитывалось 349 человек. Таким образом, во второй половине 1918 г. доля арестованных за антиправительственную деятельность время от времени достигала в пенитенциарных учреждениях Акмолинской области более 50 % от общей численности содержавшихся под стражей. Всего к концу того же года в Акмолинске, Кокчетаве, Омске и в Петропавловске содержалось под стражей 130, 185, 585 и 150 человек (Михеенков, 2018. С. 9).

Необходимо отметить, что некоторые из числа заключенных по политическим мотивам были арестованы еще советской властью. Например, представители партии киргиз-кайсаков «Уш Жуз», придерживавшиеся социалистической и пантюркской ориентации, с мая 1918 г. находились под стражей. При этом смена политического режима не повлияло на их положение. Руководителем «Уш Жуза» К. Тогусовым во время восстания 22 декабря 1918 г. был совершен успешный побег из Омской областной тюрьмы. Но в дальнейшем последовал его повторный арест, после которого он скончался 14 марта 1919 г. от сыпного тифа в больнице того же пенитенциарного учреждения (Сушко, 2008. С. 333).

Следствием ужесточения правоохранительной политики Российского правительства являлось заметное увеличение лиц, оказавшихся в заключении, особенно в губернских и областных тюрьмах. По сведениям Е.Г. Михеенкова, в декабре 1918 г. численность контингента, содержавшегося в учреждениях пенитенциарной системы Акмолинской области, превышала наполняемость в 1,5–2 раза (Михеенков, 2012. С. 44). Общее количество арестантов в регионе на тот момент составляла 1050 человек. Более половины из них пребывали в Омской тюрьме (на 2 января 1919 г. – 633 заключенных, включая 568 мужчин и 65 женщин) (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 48. Л. 3). В связи с тем, что на протяжении первой половины 1919 г. постоянно возрастало количество арестантов, относимых к категориям «подследственных и подсудимых», а также «содержащихся по распоряжению административных властей», т. е. политических, к 1 апреля 1919 г. контингент мест заключения Акмолинской области увеличился почти на 37 % (Голуб, 2010. С. 36). В Омской тюрьме число заключенных по официальным данным достигло 893 человека, а к 1 августа 1919 г. составило уже 1027 человек. Проблема переполненности пенитенциарного учреждения Омска усугублялась, несмотря на то что прокуратура, в задачи которой входила защита прав граждан, отслеживала правомерность внесудебных арестов (Звягин, 2001. С. 164). Информируя ГУМЗ о прокурорской проверке пенитенциарного учреждения в апреле 1919 г., С.С. Резанов отмечал, что никто из заключенных не был освобожден в связи с не выявлением случаев незаконного содержания под стражей (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 43–43 об.).

Вместе с тем местные власти выражали обеспокоенность по поводу того, что вместе со взрослыми в тюрьме находятся и дети арестантов. Поэтому областным управлением при содействии комитета Попечительного о тюрьмах общества было признано необходимым восстановить ранее существовавший при пенитенциарном учреждении приют для детей арестантов (Сибирская речь. Омск. 1919. 17 июня). С осени 1919 г. в Омской тюрьме стала наблюдаться обратная динамика, хотя количество заключенных продолжало превышать максимальный лимит наполнения. К 15 октября 1919 г. численность арестантов составляла 803 мужчины и 43 женщины, из которых более половины были арестованы по политическим мотивам (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 48. Л. 28).

Неясность статуса подобных лиц, их организованность и поддержание связей со своими оста-

вавшимися на свободе соратниками создавали проблемы с определением порядка их содержания в тюрьмах, что усугублялось вмешательством армейских и контрразведывательных органов. Например, в июне 1918 г. жители города Петропавловска были проинформированы военными властями, что свидания и передача пищи задержанным за политические преступления временно запрещены. Дополнительно горожанам сообщалось, что о моменте разрешения свиданий будет объявлено особо (Приишимье. Петропавловск. 1918. 15 июня). Содержавшийся под стражей в Омской областной тюрьме по обвинению по ст. 108 Уголовного Уложения А.И. Скалепов, секретарь военкома С.А. Фурсова, по распоряжению прокурора окружного суда был лишен возможности встреч с родными, в связи с прошением о помиловании, переданном им в нарушении установленного порядка предположительно через свою жену (ИАОО. Ф.Р. 391. Оп. 1. Д. 66. Л. 59–59 об.). Тем не менее даже в 1919 г., когда в местах заключения происходит заметное ужесточение тюремного режима, самым видным политическим арестантам, в случае примерного поведения, разрешались свидания с родственниками. В частности, арестованный в ночь с 16 на 17 июня 1918 г. в Омске по ордеру следственной комиссии в своей квартире К.А. Попов (Дело Сибири. Омск. 1918. 18 июля), руководитель организации объединенных социал-демократов интернационалистов и член Сибирской областной думы, имел возможность видеться с сыном Львом Константиновичем, женой и дочерями (Стельмак, 2018. С. 177). При этом, с точки зрения антибольшевистских властей, его следовало считать особенно неблагонадежным, поскольку еще до революции он неоднократно задерживался по политическим мотивам, а в 1916 г. был заключен в Омскую областную тюрьму по решению начальника жандармского управления за антивоенную агитацию (Макарчук, 2015. С. 71).

Возможность контактов с волей в случае бездействия и потворства надзора часто позволяла омским «большевистским комиссарам» поддерживать связи со своими соратниками в городе (Цветков, 2018. С. 219). В подобных условиях администрации областной тюрьмы приходилось согласовывать свою работу с начальником отдела контрразведки и военного контроля управления 2-го генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего полковником Н.П. Злобиным и принимать к сведению его указания. В частности, ссылаясь на полученную информацию о возможном освобождении заключенных по поддельным документам подставным конвоем, Н.П. Злобин в мае 1919 г. просил руководство пенитенциарного учреждения после тщательной проверки лиц, требующих выдачи арестантов, сообщать ему по телефону «Ставка 43». В свою очередь в случае отправки чинов контрразведки за арестованными тюремная администрация должна была оповещаться об этом заранее (ИАОО. Ф.П. 19. Оп. 5. Д. 13. Л. 12–13). Следует отметить, что в марте 1919 г. из Омской тюрьмы совершает удачный побег член Акмолинского совета, ставший в будущем известным казахским писателем, С. Сейфуллин, как раз благодаря полученным с воли подложным документам на имя учащегося местной педагогической школы для взрослых (Какишев, 1972. С. 102).

Представители армейских органов управления могли определять и порядок содержания под стражей особо опасных с их точки зрения лиц. Например, по распоряжению того же Н.П. Злобина от 16 апреля 1919 г. для бывшего командира отряда венгров-интернационалистов К. Лигети в Омской областной тюрьме был установлен одиночный режим заключения (Юрасова, 1983. С. 103). Хотя по другим сведениям, он содержался в камере вместе с К.А. Поповым (Стельмак, 2018. С. 177). В результате получения улик, свидетельствовавших о продолжающихся контактах с подпольным большевистским комитетом, К. Лигети был приговорен военно-полевым судом к смертной казни и расстрелян 3 июня 1919 г. (Цвейлих, 1999. С. 61). К.А. Попов же, пробыв в пенитенциарном учреждении Омска до августа, был отправлен на восток в «поезде смерти», во время следования которого сумел скрыться в районе станции Слюдянка.

В какой-то мере значительная доля заключенных по политическим мотивам, часто нарушавших тюремный режим и являвшихся инициаторами

массовых беспорядков, обусловило разработку и принятие 3 апреля 1919 г. постановления «О введении дисциплинарных взысканий в местах заключения». Данный правовой акт возобновлял отмененную после Февральской революции практику одевания в смирительную рубашку и заковывание в наручники и кандалы арестантов, демонстрирующих неповиновение. В рамках реализации утвержденного Советом Министров Российского правительства и Верховным правителем постановления ГУМЗ потребовало от региональных властей сообщить о наличии или отсутствии ручных и ножных оков в пенитенциарных учреждениях. Сбор сведений показал, что практически все места заключения Акмолинской области не были готовы к выполнению установленных норм. Начальник Петропавловской тюрьмы докладывал о наличии 7 ножных и 7 наручных оков, но без необходимых для их ношения принадлежностей: подвязочных ремней, подкандальников и поджильников. Кроме того, для удовлетворения потребностей пенитенциарного учреждения он просил дополнительно прислать из Омска кандалы в количестве 10 штук, поскольку изготовить их в Петропавловске не представлялось возможным из-за отсутствия в продаже цепей (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 39. Л. 4–4 об.). В Кокчетавской тюрьме они не были пригодны к использованию из-за отсутствия ключей к замкам (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 39. Л. 6). В Омске администрация места заключения указывала, что устранение неисправностей у имевшихся 18 ножных и 27 ручных оков возможно в мастерских самого пенитенциарного учреждения. Тем не менее руководством тюрьмы отмечалось, что их количество должно составлять по 100 штук (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 39. Л. 5). Только в Акмолинской тюрьме наличие 33 ножных и 7 ручных оков было признано достаточным (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 39. Л. 10).

Осознав, что ресурсы мест заключения ограничены, ГУМЗ отдается распоряжение об отправке из Иркутска кандалов для Омской конвойной команды и областной тюрьмы, которая испытывала наиболее острую нужду в них по сравнению с другими пенитенциарными учреждениями. В ходе осмотра 19 августа 1919 г. прибывшего груза младшим надзирателем Прокопием Сафьяновским было выявлено, что все ручные оковы оказались без ключей. Кроме того, из 292 пар ручных и 199 пар ножных кандалов часть требовала ремонта. При проверке их количество сопоставлялось со сведениями, указанными в отношении, отправленном начальником Иркутской губернской тюрьмы вместе с грузом, который не был упакован, а лишь перевязан истлевшей веревкой. В результате была обнаружена пропажа одной пары ножных и 8 пар ручных оков (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 39. Л. 20). За неимением лучшего, руководство тюрьмы принимает решение приберечь груз, передав 50 пар ручных кандалов по договоренности начальнику местной конвойной команды (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 39. Л. 17). Можно предположить, что в какой-то мере нехватка оков для наложения на арестантов при эвакуации на восток повлияла на решение оставить заключенных, результатом чего стали массовые казни в ноябре 1919 г. лиц, находившихся под стражей по политическим мотивам.

В целом вывозу не только контингента пенитенциарных учреждений, но также их имущества и персонала препятствовал сам ход проводимой эвакуации. В телеграмме управляющего Тарским уездом, отправленной 8 сентября 1919 г. в областное управление, выражалась просьба в получении двух пароходов для заблаговременного вывоза тюрьмы и семей служащих. Однако его просьба осталась неудовлетворенной, поскольку аналогичное ходатайство было выражено им 29 сентября 1919 г. повторно (ИАОО. Ф.П. 19. Оп. 1. Д. 458. Л. 5).

Несмотря на трудности как властями Акмолинской области, так и руководством тюремным ведомством и администрациями пенитенциарных учреждений предпринимались меры по вывозу заключенных, что свидетельствует об их непричастности к убийствам политических арестантов из-за невозможности их эвакуации. Решения о расправах над заключенными принимались командирами воинских частей, моральное состояние которых из-за неудач на фронте было крайне низким. В ночь с 10 на 11 ноября 1919 г. от 33 до 49 политических арестантов были заколоты штыками во дворе Тю-

калинской тюрьмы отрядом под командой французского полковника Мокри. Однако данный случай остается сложен для интерпретации ввиду расхождений в описании событий и недостатка архивных сведений (Коновалов, 2016. С. 154).

В момент приближения войск РККА к Омску начальник областной тюрьмы был проинформирован, что в соответствии с телеграммой начальника ГУМЗ администрацию, надзор и заключенных в случае эвакуации надлежит отправить в Томск (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 117. Л. 14). Но 9 ноября 1919 г. пенитенциарное учреждение переходит под контроль военных. В результате большая часть арестантов, в том числе политических, действительно была отправлена на восток, хотя многие из их числа погибли по пути следования (Ратьковский, 2017. С. 316). Оставшиеся в Омске заключенные были расстреляны 12–13 ноября 1919 г. в Загородной роще. Причем люди в течение двух дней выводились из тюрьмы группами, что затруднило установление точного количества убитых. Во всяком случае, начиная с исследовательской литературы советского периода, их число определялось не менее чем в 100 человек. Аналогичность действий военных в разных городах в условиях неразберихи из-за отсутствия четких планов эвакуации можно рассматривать как косвенное подтверждение того, что расправы над политическими арестантами координировались и готовились заранее.

Таким образом, следует признать неудовлетворительным состояние инфраструктуры мест заключения Акмолинской области, как и в других районах Западной Сибири в годы Гражданской войны. Особенно это касалось внутренних помещений тюрем. Из-за отсутствия приемлемых условий содержания в камерах и их переполненности заключенными руководством пенитенциарных учреждений нередко предпринимались меры по обустройству собственных зданий или поиску в городах подходящих для приема арестантов строений. Но в связи с нехваткой финансовых средств подобные действия оказывались мало результатными. По сравнению с томскими и тобольскими местами заключения в тюрьмах Акмолинской области получила большее распространение выращивание сельскохозяйственных культур на огородах при тюрьмах, что позволило улучшить питание заключенных и добиться меньшей степени распространения эпидемических заболеваний.

На протяжении всего периода существования антибольшевистских режимов проблема переполненности мест заключения являлась, как и до революции, характерной для мест заключения в Омске и Петропавловске, в том числе из-за того, что через данные населенные пункты проходила Транссибирская железнодорожная магистраль, по которой перевозились арестанты. Кроме того, в пенитенциарных учреждениях указанных городов размещали заключенных из отдаленных Акмолинска и Кокчетава во время рассмотрения их дел омскими следственными и судебными органами. В связи с усилением репрессивной политики и эвакуациями арестантов с Предуралья и Зауралья общая численность содержавшихся под стражей в области достигла максимума летом 1919 г. Примерно, тогда же заметно ужесточается режим пребывания заключенных в тюрьмах.

Положение политических арестантов на территории Акмолинской (Омской) области в целом соответствовало условиям, в которых находились содержавшиеся под стражей аналогичной категории в других регионах Сибири. Хотя нахождение в Омске руководящего центра большевистского подполья в регионе приводило к более частым случаям вмешательства органов контрразведки и военного контроля в работу пенитенциарного учреждения для достижения полной изоляции лиц, арестованных в связи со свержением советской власти.

Библиографический список

Борьба за Советы в Омском Прииртышье (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.). Омск, 1989. 96 с.

Вегман В.Д. Вооруженные восстания против Колчака в городах и рабочих районах. Новосибирск: Сибкрайсовпроф, 1928. 17 с.

References

(1989) The struggle for the Soviets in the Omsk Irtysh (June 1918 – November 1919). Omsk. 96 p. (In Russ.)

Vegman V.D. (1928) Armed uprisings against Kolchak in cities and working areas. Novosibirsk: Sibkraisovprof. 17 p. (In Russ.)

Голуб П.А. В застенках Колчака. Правда о белом адмирале. М.: Патриот, 2010. 135 с.

Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 352 с.

Какишев Т. Сакен Сейфуллин. М.: Молодая гвардия, 1972. 224 с.

Колмогоров Н.С. Восстание омских рабочих против Колчака 22 декабря 1918 г. Омск, 1957. 34 с.

Коновалов Д.А. Особенности изучения в краеведении революционных событий и Гражданской войны на территории Тюкалинского уезда // Вестник Омского университета. Сер.Исторические науки. 2016. № 2. С. 149–159.

Макарчук С.В. Первая мировая война и социал-демократическое подполье в Тобольской губернии и Акмолинской области // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1. С. 68–71.

Михеенков Е.Г. Численность и состав заключенных на территории Западной Сибири в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 9. С. 43–48.

Михеенков Е.Г. Пенитенциарная система в период функционирования антибольшевистских режимов (1918–1919) // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 19–20 апреля 2018. В 2-х частях. Часть 1. Томск. 2018. С. 7–13.

Молотов В.С. Большевики Сибири в период Гражданской войны (1918–1919). Омск: Омское областное государственное издательство, 1949. 144 с.

Омские события при Колчаке. С предисловием М.М. Константинова // Красный архив. Т. 7. М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 201–246.

Ратьковский И.С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М.: Алгоритм, 2017. 464 с.

Солдат и певец революции Ф.А. Березовский. 1877–1952. Жизнь в письмах, дневниках, воспоминаниях, документах: биография отдельного лица. Омск: Омское книжное издательство, 1987. 144 с.

Солдатов А.Ф. В колчаковском тылу // В огне революции и Гражданской войны (воспоминания участников). Омск: Омское книжное издательство, 1959. С. 138–144.

Стельмак М.М. Константин Андреевич Попов: реконструкция биографии омского социал-демократа //

Golub P.A. (2010) In the dungeons of Kolchak. The truth about the white admiral. Moscow: Publishing House Patriot. 135 p. (In Russ.)

Zvyagin S.P. (2001) Law enforcement policy of A.V. Kolchak. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 352 p. (In Russ.)

Kakishev T. (1972) Saken Seyfullin. Moscow: Young Guard. 224 p. (In Russ.)

Kolmogorov N.S. (1957) The uprising of Omsk workers against Kolchak December 22, 1918. Omsk. 34 p. (In Russ.)

Konovalov D.A. (2016) Features of the study of local history of revolutionary events and the Civil War on the territory of the Tukalinsky district. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki = Bulletin of the Omsk University. Ser. Historical Sciences*. No. 2. P. 149–159. (In Russ.)

Makarchuk S.V (2015). World War I and the Social Democratic underground in the Tobolsk province and Akmola region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Kemerovo State University.* No. 1. P. 68–71. (In Russ.)

Mikheenkov E.G. (2012) The number and composition of prisoners in Western Siberia during the Civil War (1918–1919). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. No. 9. P. 43–48. (In Russ.)

Mikheenkov E.G. (2018) The prison system during the period of functioning of the anti-Bolshevik regimes (1918–1919). *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psihologiya i pravo. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 19–20 aprelya 2018. V 2 chastyakh = The penal system: pedagogy, psychology and law. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, April 19– 20, 2018. In 2 parts*. Tomsk. Pt. 1. P. 7–13. (In Russ.)

Molotov V.S. (1949) The Bolsheviks of Siberia during the Civil War (1918–1919). Omsk: Omsk Regional State Publishing House. 144 p. (In Russ.)

(1925) Omsk events at Kolchak. With a foreword by M.M. Konstantinov. *Krasnyi arkhiv = Red archive.* Vol. 7. Moscow; Leningrad: State Publishing House. P. 201–246. (In Russ.)

Ratkovsky I.S. (2017) Chronicle of White Terror in Russia. Repression and lynching (1917– 1920). Moscow: Algorithm. 464 p. (In Russ.)

(1987) The soldier and singer of the revolution F.A. Berezovsky. 1877– 1952. Life in letters, diaries, memoirs, documents: biography of an individual. Omsk: Omsk Book Publishing House, 144 p. (In Russ.)

Soldatov A.F. (1959) In the rear of Kolchak. *V ogne revoliutsii i Grazhdanskoi voiny (vospominaniia uchastnikov) = In the fire of the Revolution and the Civil War (memories of the participants).* Omsk: Omsk Book Publishing House. P. 138–144. (In Russ.)

Stelmak M.M. (2018) Konstantin Andreevich Popov: reconstruction of the biography of the Omsk Social Democ-

Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2018. № 3. С. 168–182.

Сушко А.В. Межродовая борьба казахской (киргизской) интеллигенции в годы революции и Гражданской войны в России // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 11. С. 329–337.

Цвейлих А.В. К. Лигети и его время по воспоминаниям З. Венцкович-Лигети // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1999. № 7. С. 59–64.

Цветков В.Ж. Адмирал Колчак. «Преступление и наказание» Верховного правителя России. М.: Яуза; Эксмо, 2018. 320 с.

Черемных С.Г. Омское восстание // Разгром Колчака. Воспоминания. М.: Воениздат, 1969. С. 239–254.

Шемелев В.И. Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов 1917–1919 гг. Новосибирск: Изд-во Сибирского краевого совета профсоюзов, 1928. 240 с.

Шишкин В.И. Комиссары и управляющие Акмолинской области (июнь 1918 – ноябрь 1919) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2006. № 13. С. 160–171.

Шумилов А.И. Попов Константин Андреевич // За власть Советов! Омск, 1987.Вып. 2. С. 152–158.

Юрасова М.К. Карой Лигетти // Судьбы, связанные с Омском. Омск: Омское книжное издательство, 1983. Кн. 3. С. 81–110.

rat. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki = Bulletin of the Omsk University. Ser. Historical Science.* No. 3. P. 168–182. (In Russ.)

Sushko A.V. (2008) Intergeneric struggle of the Kazakh (Kyrgyz) intelligentsia during the years of the Revolution and the Civil war in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University.* No. 11. P. 329–337. (In Russ.)

Zweilich A.V. (1999) K. Ligeti and his time according to the memoirs of Z. Venzkovich-Ligeti. *Izvestiia Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia = News of the Omsk State Museum of History and Local Lore.* No. 7. P. 59–64. (In Russ.)

Tsvetkov V.Zh. (2018) Admiral Kolchak. “Crime and punishment” of the Supreme Ruler of Russia. Moscow: Yauza; Eksmo. 320 p. (In Russ.)

Cheremnykh S.G. (1969) Omsk Uprising. Razgrom Kolchaka. *Vospominaniya = The rout of Kolchak. Memories.* Moscow: Military Publishing. P. 239–254. (In Russ.)

Shemelev V.I. (1928) Unions of Siberia in the struggle for power of the Soviets 1917–1919 Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Regional Council of Trade Unions. 240 p. (In Russ.)

Shishkin V.I. (2006) Commissars and managers of the Akmola region (June 1918 – November 1919). *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya = News of the Omsk State Museum of History and Local Lore.* No. 13. P. 160–171. (In Russ.)

Shumilov A.I. (1987) Popov Konstantin Andreevich. *Za vlast’ Sovetov! = For the power of the Soviets!* Omsk. Iss. 2. P. 152–158. (In Russ.)

Yurasova M.K. (1983) Karoy Lighetti. *Sud’bu, sviazannye s Omskom = Fates associated with Omsk.* Omsk: Omsk Book Publishing House. Book 3. P. 81–110. (In Russ.)

Сведения об авторах

Звягин Сергей Павлович,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории,
Кемеровский государственный медицинский университет,
650056, Кемерово, ул. Ворошилова, 22А, Россия,
✉ e-mail: whitesiberia@narod.ru

Макарчук Сергей Владимирович,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России,
Кемеровский государственный университет,
650000, Кемерово, ул. Красная, 6, Россия,
✉ e-mail: makarchuk-sv@mail.ru

Тимербулатов Дмитрий Радикович,
кандидат исторических наук, методист отдела научно-методического сопровождения и мониторинга процессов развития образования,
МБОУ ДПО «Научно-методический центр»,

Information about the authors

Sergey P. Zvyagin,
Dr. Sci (History), Associate Professor, Professor of Department of History,
Kemerovo State Medical University,
22A, Voroshilov street, Kemerovo 650056, Russia,
✉ e-mail: whitesiberia@narod.ru

Sergey V. Makarchuk,
Dr. Sci (History), Professor, Professor of Department of History,
Kemerovo State University,
6, Krasnaia street, Kemerovo 650000, Russia,
✉ e-mail: makarchuk-sv@mail.ru

Dmitry R. Timerbulatov,
Cand. Sci (History), Methodologist of the Department of scientific and methodological support and monitoring of the development of education,
Municipal Budget Educational Institution of Continuing

650036, Кемерово, ул. Гагарина, 118, Россия,
✉ e-mail: dmi924512@yandex.ru

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации и в равной мере несут ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 10 июля 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 31 июля 2020 г.
Принята к публикации 10 августа 2020 г.

Professional Education “Scientific and Methodological Centre”,
118, Gagarin street, Kemerovo 650036, Russia,
✉ e-mail: dmi924512@yandex.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article and bear equal responsibility for plagiarism.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

Received July 10, 2020.
Received July 31, 2020.
Accepted August 10, 2020.

Оригинальная статья / Original article
УДК 93/94
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-195-203

Rudolf Medek (1890–1940). A Poet Warrior

© Dalibor Vácha

Independent researcher, Ceske Budejovice, Czech Republic

Abstract: Rudolf Medek was a teacher, a poet, a patriot, a novel writer, a playwright, a soldier, a general and much more. He could be used as an example illustrating some facets of the picture called Czechoslovakia in its First republic. Rudolf Medek was born in January 1890 in Hradec Králové, a garrison town in Eastern Bohemia. During 1915, he deserted from Austro-Hungarian army and fled to Russia where he entered *Česká družina*– a Czechoslovak military unit within the frame of Russian army. He rose in ranks and his involvement in Czechoslovak independence movement changed from the military one to a highly political career in Russian. On the other hand, his nature brought him in a lot of troubles and conflicts. He became one of the most influential Czechoslovak politicians in Siberia and in the spring of 1919, he resigned after a series of fights with opposition within the Czechoslovak army and movement itself. He returned to Czechoslovakia and became the director of *Památník osvobození* (The Monument of Liberation), wrote many books, participated in shooting films and repeatedly entered the Czechoslovak political arena, usually on its rightish side. After the Treaty of Munich, he returned all his high orders to France and to Great Britain. He died at the age of 50, broken by Czechoslovakia´s destruction and by his poor health affected by excessive alcohol drinking.

Keywords: Rudolf Medek, biography, writer, soldier, politician, director, national liberation struggle, Czechoslovakia, Russia, Civil War, Czechoslovak Corps, legionnaires

For citation: Vácha Dalibor. (2020) Rudolf Medek (1890–1940). A Poet Warrior. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 195–203. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-195-203

Рудольф Медек (1890–1940). Поэт-воин

© Далибор Ваха

Независимый исследователь, г. Чешске-Будеёвице, Чехия

Аннотация: Рудольф Медек был учителем, поэтом, патриотом, писателем романов, драматургом, солдатом, генералом и много кем еще. Он являл собой образец многогранной картины под названием Чехословакия во времена ее Первой республики. Рудольф Медек родился в январе 1890 года в Градец Кралове, гарнизонном городке Восточной Чехии. В 1915 году он дезертировал из австро-венгерской армии и бежал в Россию, где вступил в Чешскую дружину – чехословацкую военную часть в составе русской армии. Он поднялся по служебной лестнице, и участие в движении за независимость Чехословакии изменило его карьеру военного на политическую – в России. С другой стороны, его характер принес ему множество неприятностей и конфликтов. Он стал одним из самых влиятельных чехословацких политиков в Сибири. Весной 1919 года ушел в отставку после серии столкновений с оппозицией внутри чехословацкой армии и самого движения. Он вернулся в Чехословакию и стал директором «Памятника освобождения», написал много книг, участвовал в съемках фильмов и неоднократно выходил на чехословацкую политическую арену, как правило, на стороне правых. После Мюнхенского мирного договора вернул все свои высокие ордена Франции и Великобритании. Он умер в возрасте 50 лет, сломленный разрушением Чехословакии и слабым здоровьем, разрушенным чрезмерным употреблением алкоголя.

Ключевые слова: Рудольф Медек, биография, писатель, военный, политик, режиссер, национально-освободительная борьба, Чехословакия, Россия, Гражданская война, Чехословацкий корпус, легионеры

Для цитирования: Ваха Далибор. Рудольф Медек (1890–1940). Поэт-воин // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 195–203. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-195-203

Rudolf Medek was a teacher, a poet, a patriot, a novel writer, a playwright, a soldier, a general and much more. He could be used as an example illustrating some facets of the picture called Czechoslovakia in its First Republic. His life was limited to mere 50 years, he died during the Nazi occupation of his beloved homeland, broken and ill. And most of his writings is nearly forgotten, Rudolf Medek submerged into the shadows, he would probably say about himself. There were published two monographs concerning his life and he appeared in several texts connected mainly with the history of Czechoslovak legionnaires in Russia in 1914–1920[1]. The author of this text regards Rudolf Medek as one of the creators of the myth of the Czechoslovak Republic and of the national fight against the Hapsburg dynasty.

Before the War

Rudolf Medek was born in January 1890 in Hradec Králové, a garrison town in Eastern Bohemia. Later, he recalled that as a child he had been surrounded by military traditions of the Austro-Hungarian Empire. We can mention that near Hradec Králové a great battle between Austria and Prussia took place in 1866 and the town was home for an infantry regiment.

Rudolf Medek was born into a family of Václav Medek, a shoemaker[2]. Rudolf´s mother dreamt of a career of a priest or a teacher for her son. She died when Rudolf was quite young – Václav soon married her sister – but her wish was respected. Rudolf, a clever boy, went to the teacher´s institute in Hradec Králové. The Medeks were numerous, one of Rudolf´s siblings – brother Jaroslav – was a printer and also wrote several books concerning his experience on the Italian front in Austro-Hungarian uniform.

Before WW1, Rudolf Medek´s greatest ambition was not to teach schoolchildren in small villages around Hradec Králové, his greatest desire was to publish a poem in the magazine of *Moderní revue. Moderní revue* represents a decadent movement in Czech culture and literature at the beginning of the 20th century. And yes, in the end Rudolf Medek published a poem there. Not only one, and he also cooperated with the revue with his comments, essays and some reviews too. Then, he established himself as a fierce debater, loyal to his beliefs and (mostly) his friends.

He also published two books of poems[3] when the second one was illustrated with xylographs by Josef Váchal, one of the most important Czech artists of the first half of the 20th century[4]. Then the war came.

A Traitor of the Empire

Rudolf Medek had to attend the military training before the war. However, after a short while in the uniform, he was proclaimed unfit for the service. His pre-war military career was a really short one.

The proclamation of poor health did not interest the committee in 1915. Not really surprised, a cadet Rudolf Medek started another short and unsuccessful stay in Franz Josef´s army.

Supposedly – it is based on his own memoirs – Medek waited for the opportunity to flee. Finally, it came. He ran across a quiet battlefield from Austro-Hungarian positions to Russian ones.

He survived.

He was not killed by Austrians and neither Russians mowed him down with their machine guns.

Happy and moved, he was captured by Russian riflemen and taken to their commander. Medek – a

[1] See Katya KOCOUREK, *Čechoslovakista Rudolf Medek. Politický životopis,* Praha 2011; Dalibor VÁCHA, *Srdce tak bohaté na život. Rudolf Medek a jeho doba 1890–1940,* Praha 2017.

[2] Jiří MATĚJČEK, *Živnostník – Příklad Antonína Vodseďálka, Jana Vognara, Aloise Beera a Václava Medka,* in: Lukáš FASORA – Jiří HANUŠ – Jiří MALÍŘ, *Člověk na Moravě 19. století,* Brno 2008, pp. 380–384.

[3] Rudolf MEDEK, *Půlnoc bohů,* Praha 1912; Rudolf MEDEK, *Prsten,* Hradec Králové 1914.

[4] See e.g. http://www.vachal.cz/vachal.htm. Quoted September 30, 2020.

pre-war "lukewarm" Russophile – wanted to help. He imagined himself leading Russian forces to Austro-Hungarian trenches and capturing his original regiment.

Nothing like that happened.

Yes, this one prisoner of war gave the Russian intelligence officer all the intel he had but soon he was transported as any other ordinary prisoner to the hinterland and was on his way to a POW camp, most probably in Siberia.

At that time, Medek had already met a person from *Česká družina,* the first Czech unit within the frame of the tsar´s army[5]. Medek immediately volunteered for the unit but was sent to the train station anyway. He did not come to Siberia that time. After some anabasis, Medek was called to Kiev – the cradle of the Czechoslovak movement in Russia.

He entered the Czechoslovak volunteers´ ranks and had a new dream – to return to the front in Russian uniform and the red-and-white ribbon on the cap. And, of course, to accomplish some heroic deeds.

Officially, as a former soldier of Austria-Hungary, he became a traitor and if captured, he could have been hanged. Not many of his fellow soldiers or predecessors in *Česká družina* were executed that way but some were.

For Russia and Czechoslovakia

Jaroslav Hašek – still a volunteer, not a Bolshevik yet – recognized Medek in Kiev and tried to force him to write for Czechoslovak magazines. Medek did not want. He regarded that activity as not suitable for a hero and he might have felt ashamed of his pre-war poetry. He definitely wrote something for propaganda papers later but he wanted to be a soldier.

He went to the front and participated in some dangerous ambushes, reconnaissance missions and trench raids. He was decorated with some Russian medals and promoted to a warrant officer. And he did not forget his inclination towards literature, he co-founded a literary magazine in trenches and via post contributed to magazines in Kiev.

His military career – meant: real military career – did not survive the first Russian revolution. He was elected a delegate for the Czechoslovak army and he went to Kiev to guard its political power, to help with building the army.

He did not like it much.

He wanted to stay among his men.

Later, he escaped from the hinterland political world he hated in order to join the Czechoslovak Brigade at its finest hour. The battle of Zborov (July 2nd, 1917)[6]. He begged to be put back to the position of a company commander but he just saw the battle as a *guest* of the staff of the brigade. After the battle (a sole success of the whole *revolutionary offensive*, soon discredited by the breakdown of the front), Medek went to the battlefield to see the Czechoslovak dead, to smell the fragrance of gunpowder and blood spilled for the nation´s freedom. And… he did not write his most famous poem *Zborov* at the battlefield, it is just a legend. He did write it in Kiev after returning to the office. He wrote it over a night and the poem was later published in thousands of copies, it was translated into Russian and printed and given away as presents. Medek´s name became famous among all Czechoslovak soldiers in Russia.

Against the Reds

As a representative of the Czechoslovak Committee in Russia, Medek more observed the war with Bolsheviks than actively participated as a soldier in it. His most important activities could be headlined by his role in Penza during the end of spring 1918. The 1st Czechoslovak Rifle Regiment (and several other detachments) was delayed by the Bolsheviks in that

[5] For details of Czechoslovak political and military resistance in Russia, see e.g. Vratislav DOUBEK, *Česká politika a Rusko 1848–1914,* Praha 2004; Karel PICHLÍK – Bohumír KLÍPA – Jitka ZABLOUDILOVÁ, *Československí legionáři 1914–1918,* Praha 1996; Robert SAK, *Anabáze. Drama československých legionářů v Rusku 1914–1920,* Jinočany 1996.

[6] See e.g. Milan MOJŽÍŠ – Michal RAK a kolektiv, *Zborov 1917–2017,* Praha 2017; Jiří FIDLER, *Zborov 1917. Malý encyklopedický slovník,* Brno 2003; Jan GALANDAUER, *2. 7. 1917 Bitva u Zborova. Česká legenda,* Litomyšl – Praha 2002.

town for some time. The 4th Czechoslovak Regiment had a camp nearby.

Czechoslovak army corps was in a difficult situation. There existed an agreement with the Bolshevik government that Czechoslovaks would be transported by rail to Vladivostok and leave Russia in order to fight for their freedom on the Western front in France against Germans. However, Bolshevik side of the agreement was not really a reliable one. Czechoslovak Bolsheviks were persuading Moscow that the Czechoslovak corps could stay in Russia in Bolshevik service as its soldiers loved Russia, they were socialists (at least) and they did not want to leave for France.

The truth was more complicated. Yes, there were some minor groups in the corps which wanted to stay – some of those soldiers had stayed in Ukraine (most notably soldiers from Czech emigrant families), some deserted and strengthened the Czechoslovak Bolshevik movement, there could be mentioned future world-famous writer Jaroslav Hašek. However, it was only a minor fraction of the whole body.

Czechoslovak Bolsheviks pressured on the Czechoslovak army corps and prepared conditions for a clash between Czechoslovak legionnaires and (not exclusively Czechoslovak) Bolsheviks.

One of the most important battlefields of the coming war was Penza.

While some Czechoslovak train transports had already reached Vladivostok, the others were stationed from Penza to Irkutsk. Nervousness. First conflicts. Propaganda. Anger.

It is hard to state which side of the coming war was more responsible for the bloody outcome. It is likely to say that the situation drew both sides into the war and it is hard to see any possible paths leading to a peaceful solution.

The Russian officers in the Czechoslovak units in Penza disagreed with the new Czechoslovak strategy. Czechoslovaks wanted to reach Vladivostok at any cost. Russian colonels and generals in their service argued that it was not possible.

Rudolf Medek put them in *home-jail* which was more protective custody at that time than anything else. And people around him – especially Josef Švec, newly appointed commander of the Czechoslovak 1st Rifle Regiment – decided to attack the Red garrison in Penza and then leave the town. The battle was short and fierce, Czechoslovak won not easily but quickly.

Penza group then survived many horrific battles and finally in summer 1918 joined other groups[7].

Almost a Minister of a Russian Government

Rudolf Medek represented one of the most important figures in Czechoslovak political milieu in Russia. There could be found some news that he was to be appointed a minister of all-Russian government supported by Czechoslovaks. However, we really do not know whether it was meant for real or it was just a gesture.

During his time in Irkutsk and in the echelon of the top Czechoslovak political and military figures in Russia, Medek again met his former secretary Jindřich Skácel. They lived near to each other as Jindřich Skácel worked as a personal aide for Czechoslovak general Jan Syrový, the commander of Czechoslovak army in Siberia[8].

It is known that in November 1918 Medek wanted to attack newly established admiral Kolchak´s regime. It did not happen. Czechoslovaks

[7] Dalibor VÁCHA, *Horké léto 1918. Čechoslováci ve víru ruské občanské války,* Praha 2018; Compare Victor Miroslav FIC, *Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa,* Brno 2007.

[8] General Jan Syrový lost his eye just before the famous battle of Zborov (July 2nd, 1917). He rose in military ranks and functions quite quickly during 1917–1919, however, some gossipers claimed that his career was based more on his likeness with the legendary Czech medieval warrior Jan Žižka (also one-eyed) than on Syrový´s skills. In the interwar period, Syrový acted as an important figure in Czechoslovak army and at the end of the time was appointed the Czechoslovak Prime minister, just before WW2. His image was stained by a meeting with Adolf Hitler when Prague was taken by Germans. After WW2 he was jailed and after being released from prison, he lived as a poor old man, forced to work until the end of his life. See Jiří FIDLER, *Zborovský Žižka. Armádní generál Jan Syrový,* in: Jiří FIDLER, *Generálové legionáři,* Brno 1999, s. 256–274. See also Jindřich SKÁCEL, *S generálem Syrovým v Sibiři,* Praha 1923.

learned to live with Kolchak and some of them even joined his army, most notably general Radola Gajda[9].

A Bitter Way Home

Medek´s position in the Czechoslovak pseudo-government in Russia weakened in 1919 as he was regarded by common soldiers as the person who tried to force them to fight Bolsheviks again. He also refused all "democratic" tools in the army and followed general Rastislav Štefánik´s guidelines that the Czechoslovak Siberian Army was at that time an integral part of Czechoslovakia and answered directly to its army commanders and Parliament.

Medek possibly wanted the best for the Czechoslovak Siberian Army, however, many disagreed with him. The final coup came during the end of the spring 1919 when the revolt of Irkutsk took place.

Previously forbidden elections for all-army assembly were to be held in spite of the orders of military command and political leaders. And the elections were held. The delegates should have gathered in Irkutsk but the military command proclaimed all the delegates who wanted to join this gathering outside the law. Illegal delegates could be arrested, could be listed as deserters, couldn´t be fed and dressed and equipped on the way to Irkutsk by any Czechoslovak units.

The delegates finally gathered in Irkutsk and pre-discussed their assembly. Major political figures of Czechoslovak Siberia – Bohdan Pavlů (mockingly nicknamed Bohdan I The Great)[10] and Rudolf Medek opposed the idea of the assembly again.

Nobody obeyed their orders and nobody listened to them. Delegates and a part of the Czechoslovak army in Russia simply did not trust them. There was issued an order to arrest all delegates. However, there consequently occurred a very different turn of events. Irkutsk hosted a Home for crippled soldiers inhabited by several dozens of physically or mentally challenged Czechoslovak legion´s veterans.

A number of delegates sought shelter in the Home and veterans swore to protect them. Soon after, other – now active military – units stepped up and promised to protect the delegates. What started as a political quarrel could easily change into a full-scale civil war between factions in Czechoslovak legion.

Insurgents occupied the printing house and also the editorial building of the most important Czechoslovak media in Siberia and Russia – *Československý deník* (*The Czechoslovak Daily*). Even though no battle took place – everything in Irkutsk ended quite peacefully and insurgents gave themselves up – politically, there was necessary to do something[11].

Two of the most important figures of Czechoslovak army in Siberia offered their resignation. Pavlů´s resignation letter was turned down, Medek´s was accepted. He was about to leave Russia sooner than he had expected. He went to newly established Czechoslovakia. He went home, at last.

The Most Beautiful Country in the World

Nobody expected Rudolf Medek to become a regimental or divisional commander of the domestic Czechoslovak army. However, the army wanted to utilize Medek´s name and fame. He started to work at the Ministry of Defense in the "human resources" department[12]. Soon after, a more appropriate position was found for him.

He was appointed the head of a new army museum. Památník národního osvobození (National

[9] See Antonín KLIMEK – Petr HOFMAN, *Generál Radola Gajda. Vítěz, který prohrál,* Praha–Litomyšl 1995.For some interesting contemporary articles and reports on Kolchak and so-called „White Siberia" see Pavel FINK, *Bílý admirál. Profil kolčakovištiny. Poznámky a dokumenty. Ze zápisníku válečného korespondenta,* Praha 1921; Pavel FINK, *Mezi mohylami. Knihy ‚Bílý admirál' díl druhý. Glossy a materialy. Ze zápisníku válečného korrespondenta,* Praha 1922.

[10] For Bohdan Pavlů see: Robert SAK, *"Mohutný sen" Bohdana Pavlů,* in: Robert SAK, *Co čte a nač myslí historik,* České Budějovice 2008, s. 175–221.

[11] For Czechoslovaks in Russia in 1919 see Dalibor VÁCHA, *Prokletá magistrála. Čechoslováci na Sibiři v roce 1919,* Praha 2019.

[12] For the topic of Czechoslovak legionnaires´ return home and thein lives there see Jan MICHL, *Legionáři a Československo,* Praha 2009; Dalibor VÁCHA, *Až půjdem po Václaváku… Obraz návratu československých legionářů do vlasti v jejich vzpomínkách a autobiografických románech,* Soudobě dějiny 1–2, 2018, s. 55–84.

Monument in Vítkov) was not only a museum of Czechoslovak resistance and establishing the Czechoslovak republic. Památník also included archives, activities connected with collecting and publishing sources (and pieces of art) and organizing public events. There was planned a "national cemetery" for important figures, which was not really fulfilled as the president Liberator Tomáš Garrigue Masaryk (quite logically within the frame of his philosophy) declined the possibility to be buried there. And finally, TGM was buried according to his wishes in the chateau Lány.

Where?

What?

Where could be Medek put?

What could he do?

All knew that Medek could not be a commander of regiment, all supposed that further military study and the rank of general (he became one in 1931) would never improve his skills and his often non-military behavior. A short stay at the Ministry of Defense thus resulted in a position really suitable for this officer and writer planning to create a great book on Czechoslovak deeds in Russia (the book changed subsequently into 5 volumes and in its author´s nightmare).

Rudolf Medek also took interest in veterans´ organization *Československá Obec legionářská* and soon helped to create its counterpart and competition *Nezávislá jednota čs. legionářů.* Those two organizations fought each other for the influence over numerous legionnaires – veterans. Nowadays, *Československá Obec legionářská* is renewed and it organizes a lot of commemorating activities, even in Russia[13].

Medek as a bard of the Czechoslovak war in Russia

Medek´s prose concerning his military experiences became a part of the official discourse about Czechoslovak foreign resistance. He published at least five bestsellers – partly autobiographical – which spanned from the time before the war until the return of Czechoslovak legion home. *Ohnivý drak* (*Fiery Dragon*), *Veliké dni* (*Magnificent Days)*, *Ostrov v bouři* (*An Island in a Storm*), *Mohutný sen* (*A Great Dream*) and finally *Anabase* (*Anabasis*) were published again and again in great number of issues. It seemed that each and every family must have had at least one copy of this Medek´s *Legionnaires´ Epopee.*

This was not all.

Only the list of his books of that time is astonishing. After publishing the final part of the *Epopee* he was probably in depression as the books were awarded and simultaneously criticized (for their lack of artistic value). Medek´s books were all somehow connected with Russia and WW1. He also wanted to literary communicate with Jaroslav Hašek´s *Josef Švejk* which resulted in the novel *Legenda o Barabášovi* (*The Legend of Barabáš*). This book is quite interesting but it does not compete with *Josef Švejk* very well.

Medek co-created a great *Trio* of the most important legionnaire-authors. Men who were both veterans and writers. Two next writers of the *Trio* were Josef Kopta and František Langer. Medek – especially by critics – regarded as the least talented but the most prolific. However, there were many other veterans-writers including Rudolf Vlasák, Adolf Zeman, Pavel Fink who constituted a specific, diverse and heterogenous group[14].

When the Czechoslovak Republic turned ten in 1928, the National Theater in Prague joined the celebrations with a brand new patriotic play. The play was written by Rudolf Medek and was named simply *Plukovník Švec* (*Colonel Švec*). The audience was excited, the theater was satisfied with the box office sales and a part of literary or theater critics were praising Medek's work. Švec committed suicide in October 1918 as he (probably) felt betrayed by his soldiers and by his commanders, Medek knew him well. Švec in Medek´s play is more a symbol than a documentary figure[15].

[13] See http://www.csol.cz/.

[14] See e. g. *Legie a múzy. K historii československých zahraničních vojsk v letech 1914–1920,* Literární archiv. Památník Národního písemnictví v Praze 40, Praha 2008.

[15] See Jan MICHL, *Kult sebevraha-hrdiny plukovníka Švece,* in: Jan RANDÁK – Petr KOURA (eds.), *Hrdinství a zbabělost*

More politics than literature? Could be. There emerged some critics (and some really influential) who rejected his play as poorly written. And more importantly, Medek as a sympathizer of rightish political circles became a target for leftists including some former legionnaires. The public dispute soon turned into a battle over the right to interpret history. It is necessary to point out that Medek never presented himself as a historian and usually stressed his freedom to interpret the past in his own artistic and ideological style.

The 1930´s became a battlefield of nationalist and political fervors and Medek stayed there as one of the most enthusiastic warriors. And he was not a victim, he loved to attack and his attacks were not always the clean ones. When he thought that he was right, nothing could stop him.

Broken Dreams

Love for his nation. Love for his state. Love for his republic. During the summer of 1938, Medek struggled with his damaged health but he also sang the song of resistance, of standing up all challenges presented by the Nazi Third Reich and Bohemian Germans in the Sudetenland. His legionnaire novels were re-published (and also many of those written by his co-veterans) and a blockbuster film called *Zborov* was being prepared, shot and went to the post-production. There had been shot film *Plukovník Švec* based on his play some years before (1929).

Rudolf Medek was sure that Czechoslovakia had to defend itself. He was also sure that the western allies would step up and help the country in the heart of Europe.

After the Munich Agreement in September 1938, Medek was a broken man with poor health and difficult position in society. He went to shadows, to hospitals, he showed the hatred for president Beneš and – it was last of his great gestures – he returned his medals (and they were only high and precious) to the countries which he saw as traitors and cowards – to France and Great Britain.

He was seen in public less and less often. Only fifty of age, his body started to betray him completely. Wild life full of alcohol was coming to a painful end. He died on August 22, 1940. Miroslav Rutte, a poet and a journalist, wrote: "A poet of manliness and honor has passed away."

Legacy?

Thanks to his second wife Eva Slavíčková, Rudolf Medek belonged to the wider family of the first Czech president. However, legendary president Tomáš Garrigue Masaryk and Medek did not get on really well. Thus, only Mrs. Medkova and both their sons visited the chateau of Lány, Rudolf did not go, it was safer, he did not argue with aging President Liberator in that case.

Both Medek´s sons had names which revoked his love for Russia. The older one Ivan (born 1925) tended towards music – he loved music and he worked as a musicologist or a music journalist. He emigrated from Czechoslovakia in 1978 after he signed Charta 77 and was persecuted by the Czechoslovak Secret Police (StB). After his return home (1989), he entered the politics in a way. He worked at the ministry of culture and then (1993) he entered the service of the Czech president Václav Havel, during 1996–1998 he worked as Havel´s chancellor. He died in 2010.

His younger brother Mikuláš (born 1926) inherited inclination to fine arts as his mother´s father was famed and famous artist Antonín Slavíček. Mikuláš Medek became an important fine artist of the second half of the 20th century. His works are owned by prestigious world galleries and also by known private collectors. His career was also negatively influenced by the Communist regime in Czechoslovakia. He died young, in 1974.

The first child of the couple, a girl Eva, was born in 1922 but she died in 1924 which brutally affected the devastated parents´ lives, not their relationship.

Rudolf Medek´s life and works were reminded in the years 1945–1948 quite often and after the February Communist Coup of 1948 the frequency of Medek´s name in Czechoslovak public space decreased. After 1953, there was *forgotten* and *forbid-*

v české politické kultuře 19. a 20. století, Praha 2008, s. 162–173.

den everything positive connected with the establishment of Czechoslovakia in 1918 and with Czechoslovak resistance movement during WW1. Masaryk´s, Kopta´s, Langer´s and of course Medek´s books were again removed from public libraries and publishing plans[16]. By the way, it resembled the very similar action by Nazi occupiers from 1939. The legionnaires´ tradition was deformed by "historians" of Marxist origin and they were a target of a very concentrated and strong ideological offensive[17].

A short Prague spring of 1968 (and some years before) opened several topics connected with legionnaires and Medek´s name appeared in public again. After 1989, Medek was sometimes reminded but we have to admit that this person of Czechoslovak modern history stands again in the shadows now. Only a fraction of his works was re-published, mainly his poetry as his prose seems to be lost for a modern reader altogether with Medek´s time[18].

[16] See D. VÁCHA, *Některé aspekty reflexe československých legionářů marxistickými historiky. Zborov, Bachmač 1918 a vystoupení proti bolševikům*, in: Bohumil JIROUŠEK a kol., *Proměny diskursu české marxistické historiografie,* České Budějovice 2008.

[17] E. g. Jiří MUŠKA – Jiří HOŘEC, *K úloze československých legií v Rusku,* Praha 1953.

[18] See Rudolf MEDEK, *Odvrhnutý básník,* Praha 2002. Rudolf Medek´s son Ivan participated on editing this book.

References

Vratislav DOUBEK, *Česká politika a Rusko 1848–1914,* Praha 2004.

Lukáš FASORA – Jiří HANUŠ – Jiří MALÍŘ, *Člověk na Moravě 19. století,* Brno 2008.

Victor Miroslav FIC, *Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa,* Brno 2007.

Jiří FIDLER, *Zborov 1917. Malý encyklopedický slovník,* Brno 2003.

Jiří FIDLER, *Generálové legionáři,* Brno 1999.

Pavel FINK, *Bílý admirál. Profil kolčakovištiny. Poznámky a dokumenty. Ze zápisníku válečného korespondenta,* Praha 1921.

Pavel FINK, *Mezi mohylami. Knihy ‚Bílý admirál' díl druhý. Glossy a materialy. Ze zápisníku válečného korrespondenta,* Praha 1922.

Jan GALANDAUER, *2. 7. 1917 Bitva u Zborova. Česká legenda,* Litomyšl – Praha 2002.

Antonín KLIMEK – Petr HOFMAN, *Generál Radola Gajda. Vítěz, který prohrál,* Praha-Litomyšl 1995.

Katya KOCOUREK, *Čechoslovakista Rudolf Medek. Politický životopis,* Praha 2011.

Legie a múzy. K historii československých zahraničních vojsk v letech 1914–1920, Literární archiv. Památník Národního písemnictví v Praze 40, Praha 2008.

Jan MICHL, *Legionáři a Československo,* Praha 2009.

Rudolf MEDEK, *Půlnoc bohů,* Praha 1912.

Rudolf MEDEK, *Prsten,* Hradec Králové 1914.

Rudolf MEDEK, *Odvrhnutý básník,* Praha 2002.

Milan MOJŽÍŠ – Michal RAK a kolektiv, *Zborov 1917–2017,* Praha 2017.

Karel PICHLÍK – Bohumír KLÍPA – Jitka ZABLOUDILOVÁ, *Českoslovenští legionáři 1914–1918,* Praha 1996.

Библиографический список

Vratislav DOUBEK, *Česká politika a Rusko 1848–1914,* Praha 2004.

Lukáš FASORA – Jiří HANUŠ – Jiří MALÍŘ, *Člověk na Moravě 19. století,* Brno 2008.

Victor Miroslav FIC, *Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa,* Brno 2007.

Jiří FIDLER, *Zborov 1917. Malý encyklopedický slovník,* Brno 2003.

Jiří FIDLER, *Generálové legionáři,* Brno 1999.

Pavel FINK, *Bílý admirál. Profil kolčakovištiny. Poznámky a dokumenty. Ze zápisníku válečného korespondenta,* Praha 1921.

Pavel FINK, *Mezi mohylami. Knihy ‚Bílý admirál' díl druhý. Glossy a materialy. Ze zápisníku válečného korrespondenta,* Praha 1922.

Jan GALANDAUER, *2. 7. 1917 Bitva u Zborova. Česká legenda,* Litomyšl – Praha 2002.

Antonín KLIMEK – Petr HOFMAN, *Generál Radola Gajda. Vítěz, který prohrál,* Praha-Litomyšl 1995.

Katya KOCOUREK, *Čechoslovakista Rudolf Medek. Politický životopis,* Praha 2011.

Legie a múzy. K historii československých zahraničních vojsk v letech 1914–1920, Literární archiv. Památník Národního písemnictví v Praze 40, Praha 2008.

Jan MICHL, *Legionáři a Československo,* Praha 2009.

Rudolf MEDEK, *Půlnoc bohů,* Praha 1912.

Rudolf MEDEK, *Prsten,* Hradec Králové 1914.

Rudolf MEDEK, *Odvrhnutý básník,* Praha 2002.

Milan MOJŽÍŠ – Michal RAK a kolektiv, *Zborov 1917–2017,* Praha 2017.

Karel PICHLÍK – Bohumír KLÍPA – Jitka ZABLOUDILOVÁ, *Českoslovenští legionáři 1914–1918,* Praha 1996.

Robert SAK, *Anabáze. Drama československých legionářů v Rusku 1914–1920,* Jinočany 1996.

Jindřich SKÁCEL, *S generálem Syrovým v Sibiři,* Praha 1923.

Dalibor VÁCHA, *Horké léto 1918. Čechoslováci ve víru ruské občanské války,* Praha 2018.

Dalibor VÁCHA, *Srdce tak bohaté na život. Rudolf Medek a jeho doba 1890–1940,* Praha 2017.

Dalibor VÁCHA, *Prokletá magistrála. Čechoslováci na Sibiři v roce 1919,* Praha 2019.

Information about the author

Dalibor Vacha,
PhD, writer, independent researcher,
Adress: U Trojice 2661/1c, 370 04 Ceske Budejovice, Czech Republic,
✉ e-mail: vacha@szscb.cz

Contribution of the authors

Dalibor Vácha carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info
Received October 16, 2020.
Received November 5, 2020.
Accepted November 16, 2020.

Robert SAK, *Anabáze. Drama československých legionářů v Rusku 1914–1920,* Jinočany 1996.

Jindřich SKÁCEL, *S generálem Syrovým v Sibiři,* Praha 1923.

Dalibor VÁCHA, *Horké léto 1918. Čechoslováci ve víru ruské občanské války,* Praha 2018.

Dalibor VÁCHA, *Srdce tak bohaté na život. Rudolf Medek a jeho doba 1890–1940,* Praha 2017.

Dalibor VÁCHA, *Prokletá magistrála. Čechoslováci na Sibiři v roce 1919,* Praha 2019.

Сведения об авторе

Ваха Далибор,
доктор наук, писатель, независимый исследователь,
Чехия, 370 04 Чешске-Будеёвице, улица «U Trojice» (У Троицы), дом 2661/1с,
✉ e-mail: vacha@szscb.cz

Заявленный вклад авторов

Далибор Ваха выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье
Поступила в редакцию 16 октября 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 5 ноября 2020 г.
Принята к публикации 16 ноября 2020 г.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-204-213

К вопросу об отличительных особенностях режимов А.В. Колчака и А.И. Деникина

© В.Г. Хандорин

Московский государственный институт культуры, г. Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена обзору и анализу отличительных особенностей главнейших антибольшевистских военно-политических режимов периода Гражданской войны в России – адмирала А.В. Колчака на Востоке России и генерала А.И. Деникина на Юге России. Подчеркивается, что редкая тема порождала столько небылиц в общественном сознании, как история Белого движения. В статье проанализированы мифы о политической ориентации, о национальной и внешней политике, о стремлении реставрировать монархию и «старые порядки». Современные успехи научного осмысления обусловлены расширением источниковой базы, уходом от идеологической предвзятости, совершенствованием методологии и методов. Белое движение имело общие цели в рамках всей России, демонстрировало морально-политическое единство. Однако прояснение региональных различий важно для характеристики своеобразия режимов и их армий. Последовательно приведены сравнительные характеристики социально-экономического законодательства, организационной деятельности в армиях и тылах, мобилизационных усилий, реакции на автономистские устремления. Например, Колчак хотя и формировал законодательство с «прицелом» на всю страну, но в выборе решений был свободнее Деникина, на которого давило помещичье «лобби». Социальная среда на Востоке была более социально однородной и более благоприятной для белых. Колчак серьезно и прагматично относился к вопросам организации тыла и проведения мобилизации. Напротив их разрешение у Деникина было намного слабее, что по мнению автора, связано с личными взглядами этого лидера. По оценкам большевиков, в Сибири контрреволюция сложилась в правильно организованное государство с большой армией и мощным разветвлённым госаппаратом. «Белая идея» и сегодня остается одной из альтернатив для страны через сочетание идей общечеловеческого прогресса и уважения национальных традиций. Автор делает выводы, что различия, обусловленные региональными особенностями и личностным фактором, имели существенное значение в процессе Гражданской войны и требуют дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, А.В. Колчак, А.И. Деникин, военно-политические режимы, региональные особенности, квалификация, стратегия, оценки, исторические мифы

Для цитирования: Хандорин В.Г. К вопросу об отличительных особенностях режимов А.В. Колчака и А.И. Деникина // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 204–213. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-204-213

To the issue of distinctive features of regimes of A.V. Kolchak and A.I. Denikin

© Vladimir G. Khandorin

Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

Abstract: The article is devoted to a review and analysis of the distinctive features of the most important anti-Bolshevik military-political regimes of the Civil War in Russia – ones of Admiral A.V. Kolchak in the East of Russia and General A.I. Denikin in the South of Russia. It is emphasized that a rare topic has generated so many fables in the public consciousness as the history of the White movement. The article analyzes myths about political orientation, national and foreign policy, and the desire to restore the monarchy and the “old order”. Modern advances in scientific understanding are due to the expansion of the source base, moving away from ideological bias, and improving research methodology and methods. The discussions have become more substantive and have acquired factual and logical content. The overall program of the White movement was generally unified, which was a common goal throughout Russia, and its moral and political unity. Regional differences were of a private and secondary nature, but their clarification is important to characterize the uniqueness of each of the regimes and their armies. Comparative characteristics of socio-economic legislation, organizational activities in the armies and rear, mobilization

efforts, and reactions to autonomist aspirations are consistently presented. For example, although Kolchak formed legislation with an “eye” on the whole country, he was much freer in choosing decisions than Denikin, who was pressured by the landowner “lobby”. The social environment in the East was more socially homogeneous and more favorable to Whites. The organization of the rear under Denikin was much weaker than under Kolchak, Kolchak was serious and pragmatic about the organization of the rear and the mobilization. On the contrary, Denikin's resolution was much weaker, which, according to the author, is due to the personal views of this leader. According to the Bolsheviks, in Siberia, the counter-revolution developed into a well-organized state with a large army and a powerful ramified state apparatus. The “White idea” is still one of the alternatives for the country today – of course, not in the details that have changed over a hundred years, but in the main content – combining the ideas of universal progress and modernization with respect for national traditions, characteristics and mentality. The author of the article concludes that common features prevailed between them, but nonetheless differences due to regional characteristics and personality factor were significant in the process of Civil War and require additional study.

Keywords: Civil war, White movement, A.V. Kolchak, A.I. Denikin, military-political regimes, regional characteristics, qualifications, strategy, assessments, historical myths

For citation: Khandorin V.G. (2020) To the issue of distinctive features of regimes of A.V. Kolchak and A.I. Denikin. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 204–213. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-204-213

Белое движение, в наиболее активной своей фазе продолжавшееся весьма недолгое время (период Гражданской войны, не считая эмиграции), тем не менее оставило в истории России глубокий и яркий след. Это одна из тех тем, которые до сих пор вызывают ожесточенные споры как историков, так и в обществе.

Редкая тема порождала столько мифов и небылиц в общественном сознании, как история Белого движения. Один из главных связан с его политической ориентацией. В советское время, когда российскую монархию оценивали как «реакционную», было принято считать белых сплошь монархистами. И наоборот, в современную эпоху, когда среди значительной части общества возросли симпатии к монархии, среди последователей коммунистов стало модным изображать белых «либералами-западниками», «февралистами» (название от событий Февраля 1917 г.), отождествлять их с Временным правительством, что еще менее соответствует исторической правде. Последнее связано с «конспирологической» версией о событиях Февраля 1917 г. как «либерально-масонском заговоре буржуазных политиков и изменивших присяге генералов» (учитывая то, что среди представителей высшего генералитета, убедивших Николая II отречься от престола, был один из будущих основоположников Белого движения генерал М.В. Алексеев), хотя ранее предшественники сторонников этой версии считали Февральские события народно-демократической революцией. Смысл этой версии в том, что будущие лидеры белых якобы заодно с либеральными заговорщиками предали и свергли царя, после чего все «развалили» и поставили страну на грань катастрофы, а большевики в Октябре «спасли» Россию и в дальнейшем «собрали» ее вновь.

Очевидная нелепость этой бездоказательной версии состоит, во-первых, в том, что Февральские события начались внезапно, застав врасплох все политические партии, и развивались стихийно, и это было вполне очевидным для всех современников. Часть либералов во главе с лидером октябристов А.И. Гучковым действительно вынашивала до этого планы заговора и дворцового переворота, но события опередили их, да и сами эти планы больше были досужими интеллигентскими разговорами. Во-вторых, эти планы разделяли далеко не все либералы, многие из них (включая лидера кадетов П.Н. Милюкова) считали планы переворота во время войны опасной авантюрой большевизму (Хандорин, 2019а. С. 8). Что же касается генералов, то единственным из них, кто разделял планы заговорщиков, был занимавший скромную должность командира дивизии А.М. Крымов. Реакция генералитета на события была чисто ситуативной: после победы революции в Петрограде было очевидным, что подавить ее (учитывая 2-миллионное населе-

ние мятежной столицы и 170-тысячный взбунтовавшийся вооруженный гарнизон запасных солдат) можно, лишь сняв с фронта очень крупные массы войск, что грозило прорывом немцев и поражением в войне; к тому же оставалась опасность и Гражданской войны в тылу. Кроме того, главнокомандующие фронтами, убедившие императора Николая II отречься от престола, отнюдь не отказывали ему в повиновении (а следовательно, не «изменяли присяге») – он сам обратился к ним за советом, и они честно высказали ему свое мнение, на что имели полное право, тем более что оставалась надежда сохранить монархию путем передачи престола другому лицу. Вот как в действительности происходили события. Но сейчас иные договариваются до того, что Февральский переворот произошел «на деньги англичан», якобы желавших тем самым ослабить Россию и лишить ее плодов будущей победы в Первой мировой войне, хотя на деле в то время исход войны еще далеко не был ясен, и для Англии лишаться такого ценного союзника, как Россия, означало бы осложнить собственное положение и нести дополнительные затраты и жертвы (равно как немыслимо представить себе, чтобы тот же Черчилль задумал переворот в СССР где-нибудь в конце 1943 г.). Наконец, отождествлять белых с Временным правительством нелепо хотя бы потому, что Белое движение как движение за сохранение российской государственности стало зарождаться именно при Временном правительстве и впервые проявило себя в форме Корниловского выступления, а глава этого правительства А.Ф. Керенский вызывал впоследствии всеобщую ненависть среди белых как в годы Гражданской войны, так и в эмиграции. И помимо этого, не имеет ничего общего с действительностью и распространенная легенда о том, будто Белое движение вообще не имело никакой связной программы и объединялось лишь противостоянием большевизму (Хандорин, 2019а. С. 9).

Другой распространенный миф связан с национальной и внешней политикой белых. До сих пор муссируется изобретенная советской пропагандой версия о том, что белые якобы были «марионетками иностранного капитала» держав Антанты и чуть ли не «распродавали» Россию, хотя дело обстояло с точностью до наоборот – это их противники большевики отдали Германии огромные территории по Брестскому миру и провозгласили право наций на «самоопределение», тогда как белые не желали поступиться ни пядью территории Российской империи (за исключением Польши). С этим тесно связан и миф об «интервенции 14 держав», от которых якобы «героически» отбивалась молодая Советская республика и всех победила. В реальности иностранные державы вообще не вели военных действий против Советской России. Более того, Красная армия всю войну превосходила разрозненные белые армии не только численно, но и по вооружению, несмотря на то что белым поставляла оружие Антанта, и объяснялось это тем, что после Октября большевикам достались огромные запасы оружия с военных складов и арсеналов старой русской армии, прекратившей свое существование. В ранние годы советской власти этот факт вполне признавался, но уже в сталинский период был создан миф о том, что полуголодная и полураздетая Красная армия победила «вооруженные до зубов полчища белогвардейцев и интервентов».

Расхожий советский миф о том, будто белые стремились уничтожить все завоевания революции и «реставрировать» старые порядки в отношении положения народных масс, также является мистификацией. Идеологи и лидеры Белого движения стремились извлечь уроки из опыта революции и понимали, что восстановить в полном объеме дореволюционные порядки невозможно, а поэтому разрабатывали и проводили политику социального компромисса.

Справедливости ради отметим, что практически все перечисленные фантастические версии в настоящее время сохранили хождение лишь в обывательской среде и политико-пропагандистской публицистике. Профессиональные историки, независимо от своих политических симпатий и исторических взглядов, признают их антинаучными и дискутируют между собой о более серьезных вопросах: деталях программы и политики Белого движения, соотношении красного и бе-

лого террора, состоянии экономики в тылу белых и т. д.

Успехи научного осмысления обусловлены расширением источниковой базы (Волков, 1999; Ганин, 2019), уходом от идеологической предвзятости, совершенствованием исследовательской методологии и методов (Пученков, 2016; Хандорин, 2017). Дискуссии стали более предметными, приобрели фактологическую и логическую содержательность (Хандорин, 2019b).

Проведем анализ отличительных особенностей антибольшевистских военно-политических режимов. Главными очагами Белого движения в годы Гражданской войны были Восток России под предводительством адмирала А.В. Колчака и Юг России, на котором установилась власть генерала А.И. Деникина. В периоды их наибольших военных успехов власть Колчака весной 1919 г. простиралась на всю Сибирь, Урал, Дальний Восток и часть Туркестана; власть Деникина осенью 1919 г. охватывала Северный Кавказ, Крым, Новороссию, почти всю Украину, Дон, часть Поволжья и центрально-чернозёмные губернии России; численность их армий измерялась сотнями тысяч солдат, казаков и офицеров. По масштабам это несопоставимо с остальными белыми формированиями (Н.Н. Юденича, Е.К. Миллера, П.Н. Краснова и др.), в разное время игравшими локальную роль в различных регионах обширной страны. Поэтому для историка наиболее интересно выделить отличительные особенности именно этих двух главнейших очагов Белого дела. Первые размышления над этой проблемой принадлежали самим участникам (Головин, 1937; Пучков Ф. Забытый фронт// Русская Жизнь, 25 ноября 1950 г.)

Общая социально-экономическая, политическая и национальная программа Белого движения была в целом единой и достаточно широко известна. Её единство обуславливалось и общими целями Белого движения в рамках всей России, и его морально-политическим единством, когда в разгар Белой борьбы все предводители белых армий и регионов признали верховную власть адмирала А.В. Колчака в качестве Верховного правителя России. Тем не менее региональные различия давали о себе знать, особенно в условиях территориальной оторванности основных белых армий друг от друга. Они носили частный и второстепенный характер, но тем не менее их прояснение (равно как и причины, их вызвавшие) чрезвычайно любопытно в смысле характеристики оттенков и своеобразия каждого из основных белогвардейских режимов и их армий.

Начнём с социально-экономического законодательства. На Востоке у А.В. Колчака оно было существенно либеральнее, чем на Юге у А.И. Деникина. При Колчаке были практически сразу же отменены государственные товарные монополии, за исключением винно-водочной и сахарной, и восстановлена полная свобода торговли (Правительственный вестник. Омск. 1918. 14 декабря)[1] (а в дальнейшем – и свободная купля-продажа земли)[2]. При Деникине это произошло лишь в июле 1919 г. (Шацилло, 2008, С. 321–322). Кроме того, законодательство Колчака предоставляло крестьянам право сбора урожая с захваченных помещичьих земель целиком в свою пользу (временно, вплоть до окончательного решения земельного вопроса, предполагавшегося после войны) (Правительственный вестник. Омск. 1919. 10 апреля). При Деникине же треть урожая по закону изымалась в пользу бывших владельцев (крестьяне прозвали это «указом о третьем снопе») (Цветков, 1997 С. 144–148).

Во многом это объяснялось различной социально-политической обстановкой на Юге и на Востоке. На Востоке практически отсутствовало помещичье землевладение, которое, наоборот, господствовало на Юге. Поэтому Колчак хотя и формировал своё законодательство с «прицелом» на всю страну, но в выборе своих решений был значительно свободнее Деникина, на которого сильное давление оказывало помещичье «лобби». Понимая

[1] Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака: сборник документов / сост. Е.В. Луков, Д.Н. Шевелёв. Томск: изд-во Том. гос. ун-та, 2002–2003. Вып. 1. С. 42.

[2] Расторгуев С.В. Аграрная политика колчаковского правительства: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / С.В. Расторгуев: Московский пед. гос. ун-т. М., 1996. С. 10.

это, адмирал писал генералу: «Ссылка на руководящие директивы, полученные от меня, могла бы оградить Вас от притязаний и советов заинтересованных кругов» (Деникин, 1921–1926. Т. 4. С. 223–224). Сама социальная среда на Востоке была более социально однородной и более благоприятной для белых: крестьянство и казачество – гораздо более зажиточными, чем в Европейской России (к тому же крестьяне здесь не боялись возврата помещиков); рабочий класс, составлявший основную опору советской власти, – сравнительно более малочисленным, в основном – на Урале, где в силу своей специфики (высокие зарплаты на военных заводах и фактическое положение «рабочей аристократии», а также тесная связь с деревней) рабочие сами восстали против власти большевиков с её продразвёрсткой и уравниловкой и в дальнейшем составили ядро Ижевской и Воткинской добровольческих дивизий в армии Колчака, отличавшихся исключительно высокими боевыми качествами; дворянство – наиболее консервативный слой общества – был крайне малочислен, помещики отсутствовали вовсе. Просоветскими настроениями отличались лишь столыпинские переселенцы в деревне (крестьяне-«новосёлы», завидовавшие более зажиточным коренным крестьянам-«старожилам») и немногочисленные железнодорожные рабочие (последние – как и по всей стране). Сказывалось и то, что правительство А.В. Колчака наследовало демократической Директории и её предшественникам, и хотя и пришло к власти в результате переворота, но общая политическая палитра на Востоке была существенно демократичнее, чем на Юге: в правительстве Колчака преобладали кадеты, в союзе с которыми находились наиболее правые представители социалистических кругов (основная часть которых – эсеры и меньшевики – находились в оппозиции режиму, как и при власти А.И. Деникина).

Власть же Деникина изначально формировалась на базе авторитарных военных традиций Добровольческой армии, и в его правительстве («Особом совещании») примерно поровну были представлены как кадеты (причём занимавшие здесь более правые позиции, чем на Востоке), так и правые круги (практически отсутствовавшие у Колчака). Сама социальная среда на территориях, занятых А.И. Деникиным, была гораздо более сложной и разнородной, от «сливок» консервативно настроенного дворянства до враждебно настроенных к нему крестьян на бывших помещичьих землях, к тому же испытывавших, в отличие от сибирских крестьян, острый дефицит земли, и просоветски настроенных рабочих Донбасса и Причерноморья; среди населения же Украины были достаточно распространены националистические, «самостийные» настроения, что приводило к военным столкновениям деникинской армии с украинскими националистами-петлюровцами. На фоне всего этого социально-политические противоречия на Юге были острее, чем на Востоке, а власть белых менее устойчивой.

В организационном отношении режимы А.В. Колчака и А.И. Деникина также имели свою специфику. С одной стороны, Деникин имел более сильную в кадровом отношении армию, и, прежде всего, это касается её ядра – прославленной Добровольческой армии. Это объяснялось тем, что большая часть офицерства, как и политической элиты старой России, оказалась в Гражданскую войну на Юге. Отсюда избыток кадрового офицерства, особенно в легендарных «цветных» дивизиях, составивших главную ударную силу белых на Юге – Корниловской, Марковской и Дроздовской, отличавшихся высочайшими боевыми качествами (краткая характеристика Добровольческой армии красной разведкой гласила: «Очень сильный командный кадр. Настроение исключительно контрреволюционное» (Какурин, 1990. Т. 1. С. 151). Именно этой высокой боеспособностью своего ударного ядра А.И. Деникин был обязан тем, что на протяжении полутора лет, с июня 1918 по октябрь 1919 г. (за исключением небольшого промежутка в апреле – июле 1919 г.) неизменно одерживал победы над красными численно меньшими силами.

Напротив, армия А.В. Колчака испытывала существенный кадровый дефицит офицеров. Некомплект офицеров достигал 10 тыс. чел. (на всю 350-тыс. армию насчитывалось 18 тыс. офицеров, из них кадровых, т.е. окончивших военные учили-

ща до Первой мировой войны, – всего 1 тыс.). Поэтому победы и поражения на Восточном фронте чередовались в основном в зависимости от численного соотношения сил белых и красных. Сам А.В. Колчак, блестящий флотоводец и учёный, в отличие от А.И. Деникина (которого сам А.А. Брусилов в своих мемуарах аттестовал как «отличного боевого генерала» (Брусилов, 1983)) не разбирался в военно-сухопутном деле и был вынужден в этом отношении опираться на свой штаб, в наиболее ответственное время находившийся под руководством некомпетентного Д.А. Лебедева (до его замены М.К. Дитерихсом). Кроме того, население Сибири, при всей своей относительной зажиточности, не успело по-настоящему испытать на себе тягот советской власти с её продразвёрсткой и террором (Гинс, 2008, С. 27, 51) (падение советской власти в этом регионе было ускорено восстанием чехов), а потому плохо понимало цели войны с большевиками. Поэтому в критические месяцы крушения фронта сибиряки (в отличие от волжан и уральцев, успевших вкусить сполна большевистского ига) раньше других разложились и положили начало массовому дезертирству, вследствие чего Восточный фронт Колчака рухнул и рассыпался быстрее, чем Вооружённые силы Юга России, до конца своей эпопеи (в ноябре 1920 г. при П.Н. Врангеле) сохранившие единое ядро и боеспособность.

Но, при всех замечательных качествах деникинской армии, организация тыла при Деникине была, наоборот, намного слабее, чем при Колчаке. И здесь причиной были почти исключительно обстоятельства субъективного характера, связанные с личными взглядами А.И. Деникина. Во-первых, он, как профессиональный военный, крайне недооценивал роль тыла и по существу не занимался им, почему степень развала тыла и масштабы злоупотреблений при нём были значительно больше, чем при Колчаке, и в первую очередь при Колчаке были лучше организованы хозяйственная жизнь и транспорт. Это признавали делегаты Национального центра, приехавшие летом 1919 г. с деникинского Юга в Сибирь (Сибирская жизнь. Томск. 1919. 22 июня; 5 августа). Во-вторых, лично Деникин, несмотря на своё относительно правое окружение, был одержим чрезмерными либеральными комплексами и избегал брать на службу профессионалов дореволюционной гражданской администрации, полиции и жандармерии (Деникин, 1989. С. 38) (за исключением чинов судебного ведомства, пользовавшегося непререкаемым авторитетом в обществе ввиду демократической организации судопроизводства в России со времён реформы 1864 г.). Наиболее отрицательные последствия это имело в отношении спецслужб, в обстановке массовых злоупотреблений и большевистского подполья оказавшихся практически беспомощными. В военную контрразведку и государственную стражу (совмещавшую функции уголовной и политической полиции, что само по себе было неразумно и непрофессионально) при Деникине стекались худшие представители армейского офицерства, стремившиеся избежать фронта. Вследствие чего данные органы, вместо того чтобы служить опорой правопорядка, сами превратились в очаги злоупотреблений и организованного грабежа, что позднее с горечью признавал сам А.И. Деникин в своих воспоминаниях (Деникин, 1989. С. 37–38). Устранением этих недостатков на Юге занялся П.Н. Врангель, сменивший Деникина на его посту в апреле 1920 г., но было уже поздно.

И напротив, А.В. Колчак относился к вопросам организации тыла более серьёзно и прагматично. О его понимании значения тыла в Гражданской войне говорят его высказывания: «Всякая революция, всякий государственный переворот, в конце концов, имеет свои основания в экономическом положении государства», –говорил он в своём выступлении на Государственном экономическом совещании (Сибирская жизнь. Томск. 1919. 24 июня). А британскому военному министру У. Черчиллю он писал в телеграмме от 16 сентября 1919 г.: «Трудная и важнейшая, по моему убеждению, задача – создать такие условия жизни в освобождённых уже частях России, которые удовлетворили бы острые экономические нужды населения и дали ему облегчение в переживаемых испытаниях» (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-200. Оп. 1. Д. 330. Л. 61–61 об.). Также он, в отличие от Деникина, не «брезговал» брать

на службу профессионалов «царской» гражданской администрации, полиции и жандармерии, а также возродил профессиональную политическую полицию под названием «государственная охрана». Военную контрразведку и госохрану возглавляли при нём жандармские офицеры высокого ранга, соответственно полковник Н.П. Злобин и генерал В.А. Бабушкин. Руководителями основных армейских и региональных подразделений спецслужб также были в подавляющем большинстве профессиональные «царские» жандармы в чинах от ротмистра до генерал-майора с большим опытом работы (Кирмель, Хандорин, 2015. С. 110–117, 282–283). Это дало свои результаты: в апреле 1919 г. центральные ячейки большевистского подполья в Сибири и на Урале были полностью разгромлены в результате блестящей совместной спецоперации колчаковской контрразведки и госохраны (Кирмель, Хандорин, 2015. С. 160–161). Профессиональные качества последней высоко оценивали сами советские чекисты, называя её «одним из [наи]лучше поставленных контрреволюционных учреждений» (ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 10. Д. 116. Л. 1). Высокого уровня достигла также военная разведка при Колчаке, особенно в организации железнодорожных диверсий в тылу красных и в радиоиграх. Её работу советские чекисты в своих отчётах аттестовали как «превосходную», а её руководителей – как «людей, одарённых большими организаторскими способностями и талантами» (Греков, 1999. С. 43). Всё это позволило известному соратнику В.И. Ленина, председателю Сибирского ревкома И.Н. Смирнову докладывать своему патрону, что «в Сибири контрреволюция сложилась в правильно организованное государство с большой армией и мощным разветвлённым госаппаратом»[3].

Узость взглядов А.И. Деникина отчасти сказалась даже в военных вопросах. Всецело погружённый в планирование военных операций, он не уделял должного внимания комплектованию штатов армии, мобилизационный аппарат которой (за исключением донских и кубанских казаков, у которых он сохранялся с дореволюционного времени) так и не был до конца сформирован. Отчасти это объяснялось слишком быстрым ростом территории, занятой его армиями, летом и осенью 1919 г., а затем ещё более резким её сужением в конце 1919 – начале 1920 г., но отчасти и невниманием Деникина к этим вопросам (во всяком случае, переход к мобилизационной системе начался ещё осенью 1918 г., так что время было).

Напротив, при Колчаке мобилизационный аппарат был сформирован и раньше, и более полноценно, что объяснялось как большей стабильностью фронта и территории, так и личным вниманием Верховного правителя[4]. Образцово проведённая весенняя мобилизация 1919 года позволила довести численность призванных до 800 тыс. чел. (Филатьев, 1985), но половину оказалось нечем вооружать и их пришлось распустить по домам (но здесь уже вопросы к военному снабжению белых союзными державами Антанты, от которых они в отношении вооружения зависели). Но цифры говорят за себя: на огромной, но малонаселённой территории Колчака, насчитывавшей 20 млн чел., в пик его военных побед в апреле 1919 г. армия достигала численности 350 тыс. чел. (Симонов, 2001; Симонов, 2009), а на меньшей по площади, но гораздо более густонаселённой территории Деникина с населением 42 млн чел. (вдвое больше), в апогее его побед в октябре 1919 г. армия насчитывала всего 150 тыс. чел. (более чем вдвое меньше). И в этом несомненная доля вины самого А.И. Деникина.

Организация власти на Юге осложнялась также сильными автономистскими (а на Кубани – и сепаратистскими) настроениями донского и кубанского казачества. Что касается открытого сепаратизма, принёсшего огромный вред власти Деникина, то он хоть и с запозданием, но был подавлен в октябре 1919 г., когда был повешен один из лидеров сепаратистов Калабухов и отдан приказ о розыске и аресте остальных (Деникин, 1989. С. 133–137). Но даже сама автономность Донского и Ку-

[3] Сибирская Вандея: сборник документов / под ред. В.И. Шишкина. М.: Междунар. фонд «Демократия», 2000. Т. 1. С. 613.

[4] Гагкуев Р.Г. Белое движение в России: социальный состав и источники комплектования белых армий (1917–1922 гг.): дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02. / Р.Г. Гагкуев. М.: Ин-т истории РАН, 2013. 1241 с.

банского войск была настолько сильной, что они подчинялись Деникину как главнокомандующему лишь в военно-оперативном отношении; в отношении же внутреннего самоуправления они независимо управлялись своими выборными атаманами. В тылу Колчака подобного не было: менее многочисленные казачьи войска Урала и Сибири (Оренбургское, Уральское, Сибирское, Забайкальское и др.) хотя и выбирали войсковых атаманов, но подчинялись Верховному правителю не только в военном, но и в гражданском отношениях (первое время исключение составлял забайкальский атаман Г.М. Семёнов, вообще отказавшийся признавать власть Колчака, но после урегулирования конфликта между ними с помощью японских союзников в мае 1919 г. подчинился и оправдывал своё прежнее поведение результатом «недоразумения») (ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 4. Д. 165. Л. 72). Разница в положении казачьих войск при Колчаке и при Деникине дала о себе знать и в организации высших органов управления: так, на Востоке новых сенаторов назначал единолично Верховный правитель (Колчак), а на Юге – в соотношении 1:1 («пополам») главнокомандующий (Деникин) и атаман Войска Донского (А.П. Богаевский), чем особо подчёркивалась роль донского казачества (Цветков, 2008–2009. Т. 2. С. 90).

Как видим, при всей внешней однотипности военно-политического устройства и социально-политической программы Белого движения, между его основными очагами существовали и немаловажные, хотя и частные различия, обусловленные как объективными, так и субъективными факторами. На них мало обращалось внимания историками, и они несомненно требуют углублённого дополнительного изучения.

Историческое значение Белого движения, разумеется, совсем не в том, что оно породило обильную мифологию как апологетического, так и «разоблачительного» характера. И не в том, что это было масштабное и героическое, хотя и неравное противостояние национальных сил России антигуманной и богоборческой власти. Подлинное его значение в том, что его идеи (или, как обобщенно говорят, «Белая идея») остаются актуальными в России и сейчас. Более того, они вновь стали актуальными тогда, когда более чем 70-летний коммунистический режим пал и Россия оказалась на распутье перед выбором нового пути развития. По ряду причин «Белая идея» тогда не победила, но и сегодня она остается одной из ведущих альтернатив для страны – разумеется, не в деталях, сильно изменившихся за сто лет, но в основном своем содержании, которое состоит в сочетании идей общечеловеческого прогресса и модернизации, с одной стороны, с учетом национальных традиций, особенностей и менталитета, с другой стороны.

Библиографический список

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1983. 256 с.

Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999. 382 с.

Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 318 с.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М.: Айрис-пресс, 2008. 672 с.

Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Париж: «Иллюстрированная Россия», 1937. 168 с.

Греков Н.В. Разведывательная служба в армии Колчака // История белой Сибири. Материалы III междунар. науч. конференции. Кемерово, 1999. С. 39–43.

References

Brusilov A.A. (1983) My memoirs. Moscow: Voenizdat. 256 p. (In Russ.)

Volkov S.V. (1999) The tragedy of Russian officers. Moscow. 382 p. (In Russ.)

Ganin A.V. (2019) Russian officer corps during the Civil War. Opposition of team personnel. 1917–1922. Moscow:Tsentrpoligraf. 318 p. (In Russ.)

Gins G.K. (2008) Siberia, allies and Kolchak. Moscow: Airis-press. 672 p. (In Russ.)

Golovin N.N. (1937) Russian counter-revolution in 1917–1918. Paris: “Illustrated Russia”. 168 p. (In Russ.)

Grekov N.V. (1999) Intelligence service in the Kolchak’s Army. *Istoriya beloi Sibiri. Materialy III mezhdunar. nauch. Konferentsii = History of White Siberia. Proceedings of the III International Scientific Conference.* Kemerovo. P. 39–43. (In Russ.)

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1921–1926. Т. 1–5.

Деникин А.И. Поход на Москву. М.: Воениздат, 1989. 288 с.

Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 1–2. М.: Политиздат, 1990. Т. 1. 272 с.; Т. 2. 431 с.

Кирмель Н.С., Хандорин В.Г. Карающий меч адмирала Колчака. М.: Вече, 2015. 320 с.

Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Научно-политическая книга, 2016. 399 с.

Симонов Д.Г. К вопросу о военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии // Гражданская война на востоке России: Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г.; Межвуз. Сб. научных трудов / под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск, 2001. С. 67–86.

Симонов Д.Г. Российская (Русская) армия // Новая Сибирская энциклопедия. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 780–781.

Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири, 1918–1922: Впечатления очевидцев. Париж: Ymca-press, 1985. 144 с.

Хандорин В.Г. История Белого движения в России. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019a. 176 с.

Хандорин В.Г. Мифы и факты о Верховном правителе России. М.: Общество развития русского исторического просвещения «Двухглавый орел»; Изд-во М.Б. Смолина (ФИВ), 2019b. 200 с.

Хандорин В.Г. Национальная идея и адмирал Колчак. М.: Русский фонд содействия образования и науке, 2017. 624 с.

Цветков В.Ж. Белое дело в России. Т. 1–2. М.: Посев, 2008–2009. Т. 1. 520 с.; Т. 2. 636 с.

Цветков В.Ж. Влияние Верховного правителя России адмирала Колчака на формирование аграрной политики деникинского правительства (лето–осень 1919 г.) // История белой Сибири: материалы II междунар. конференции. Кемерово, 1997. С. 144–148.

Шацилло М.К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции (1917 – начало 1920-х гг.). М.: Наука, 2008. 344 с.

Сведения об авторе

Хандорин Владимир Геннадьевич,
доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения; профессор кафедры истории России,
Московский государственный институт культуры;
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный

Denikin A.I. (1921–1926) Essays of the Russian troubles. Vol. 1–5. Berlin. (In Russ.)

Denikin A.I. (1989) The March to Moscow. Moscow: Voenizdat. 288 p. (In Russ.)

Kakurin N.E. (1990) How to fight the revolution. Vol. 1–2. Moscow: Politizdat. Vol. 1. 272 p.; vol. 2. 431 p. (In Russ.)

Kirmel' N.S., Khandorin V.G. (2015) Punishing sword of Admiral Kolchak. Moscow: Veche. 320 p. (In Russ.)

Puchenkov A.S. (2016). National policy of General Denikin (spring 1918 – spring 1920). Moscow: Scientific and political book. 399 p. (In Russ.)

Simonov D.G. (2001) On the question of military construction in the rear districts of the Kolchak's Army. *Grazhdanskaya voina na vostoke Rossii. Problemy istorii. Bakhrushinskie chteniya 2001 g. Mezhvuz. Sb. nauchnykh trudov = Civil War in the East of Russia: Problems of history: Bakhrushin Readings 2001; inter-University Collection of scientific works.* Novosibirsk. P. 67–86. (In Russ.)

Simonov D.G. (2009) Russian (Russian) Army. New Siberian encyclopedia. Novosibirsk. Vol. 2. P. 780–781. (In Russ.)

Filatyev D.V. (1985) The Catastrophe of the White movement in Siberia, 1918–1922. Impressions of eyewitnesses. Paris: Ymca-press. 144 p. (In Russ.)

Khandorin V.G. (2019a) History of the White movement in Russia. Moscow: Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet. 176 p. (In Russ.)

Khandorin V.G. (2019b) Myths and facts about the Supreme ruler of Russia. Moscow: Dvukhglavyi orel; Izd-vo M.B. Smolina. 200 p. (In Russ.)

Khandorin V.G. (2017) National idea and Admiral Kolchak. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniya i nauke. 624 p. (In Russ.)

Tsvetkov V.Zh. (2008–2009) White business in Russia. Vol. 1–2. Moscow: Posev. Vol. 1. 520 p.; Vol. 2: 636 p. (In Russ.)

Tsvetkov V.Zh. (1997) Influence of the Supreme ruler of Russia Admiral Kolchak on the formation of the Denikin government's agrarian policy (summer – autumn 1919). *Istoriya beloi Sibiri. Materialy II mezhdunar. Konferentsii = History of White Siberia. Proceedings of the II International Conference.* Kemerovo. P. 144–148. (In Russ.)

Shatsillo M.K. (2008) Russian bourgeoisie during the Civil War and the first years of emigration (1917 – early 1920s). Moscow: Nauka. 344 p. (In Russ.)

Information about the author

Vladimir G. Khandorin,
Dr. Sci. (History), Professor of the Department of History and Historical Archives; Professor of the Department of Russian History,
Moscow State Institute of Culture; Orthodox St. Tikhon University for the Humanities,

университет,
115172, Москва, Котельническая наб., 33, кор. 1, кв. 346, Россия,
✉ e-mail: khandorin@mail.ru

346 flat, 1 corp., 33, Kotel'nicheskaya Embankment, Moscow 115172, Russia,
✉ e-mail: khandorin@mail.ru

Заявленный вклад авторов

В.Г. Хандорин выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the authors

V.G. Khandorin carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 6 ноября 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 25 ноября 2020 г.
Принята к публикации 7 декабря 2020 г.

Article info

Received November 6, 2020.
Received November 25, 2020.
Accepted December 7, 2020.

Оригинальная статья / Original article
УДК 93/94:336.3+93/94:336
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-214-224

Циркуляр Сибревкома губернским финотделам Сибири об аннулированных государственных займах (октябрь 1919 г.)

© Д.И. Петин

Омский государственный технический университет, г. Омск, Россия

Аннотация: Данная работа отражает ход на территориях подконтрольных Сибирскому революционному комитету начальных мероприятий в отношении аннулированных в советской России государственных займов (облигаций, купонов от них), выпущенных ранее царским и Временным правительствами и активно использовавшихся всеми властями в качестве денежных суррогатов в период Гражданской войны. Очерченный вопрос, напрямую затрагивавший имущественное благосостояние населения и в связи с этим являвшийся весьма болезненным для финансовой сферы, не получил рассмотрения в научных трудах. Главной линией в нашем исследовании стал анализ циркуляра, адресованного советским финансовым органам, устанавливавшего порядок действий революционных властей Сибири по отношению к ценным бумагам. Этот неизвестный и не публиковавшийся ранее ценный источник официального характера вводится нами в научный оборот и полностью приводится в заключительной части статьи. Теоретической основой работы выступили принцип системности, антропологический подход, проблемный, синхронный и сравнительно-исторический методы. Данная методологическая совокупность позволила представить ликвидационные экономические мероприятия в советской Сибири, как часть общей внутренней политики РСФСР, выделяя вопрос будущего ценных бумаг, изучаемый в сравнении с иными процессами, имевшими место в сфере финансов в 1918–1920 гг. на востоке России. При анализе приводимого источника подчеркивается особое значение личности его автора. В статье поддерживается мнение о том, что условия социально-политических катаклизмов военно-революционного периода значительно отягощали, не позволяли в полной мере реализовывать внутреннюю политику РСФСР на присоединяемых удаленных территориях. Работа может представлять интерес для специалистов, изучающих российский опыт кризисного управления финансами, социально-экономическую политику советской власти в Сибири на завершающем этапе Гражданской войны.

Ключевые слова: финансовая политика, экономическая политика, государственные займы, денежное обращение, бумажные денежные знаки, денежные суррогаты, Гражданская война, советская власть, Сибирский революционный комитет, губернский финансовый отдел

Для цитирования: Петин Д.И. Циркуляр Сибревкома губернским финотделам Сибири об аннулированных государственных займах (октябрь 1919 г.) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 214–224. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-214-224

Circular of the Siberian Revolutionary Committee to the provincial financial departments of Siberia on canceled government loans (October 1919)

© Dmitry I. Petin

Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Abstract: This work reflects the progress in the territories controlled by the Siberian Revolutionary Committee of the initial measures in relation to canceled state loans (bonds, coupons from them) in Soviet Russia, issued earlier by the Tsarist and Temporal governments, and were actively used by all authorities as monetary surrogates during the Civil War. The outlined such issue directly affecting the property well-being of the population and, in this regard, being very painful for the financial sphere, did not receive consideration in scientific works. The main line in this study is the analysis of a circular addressed to the Soviet financial authorities, which established the procedure for actions in relation to securities. This unknown and previously unpublished valuable source of an official nature is introduced by author into scientific circulation and is fully represented in the final part of the article. The theoretical basis of the work is the principle of consistency, anthropological approach, prob-

lematic, synchronous and comparative historical methods. This methodological approach made it possible to image the liquidation economic measures in Soviet Siberia as part of the general domestic policy of the RSFSR by stressing the issue of the future of securities studied in comparison with other processes that took place in the domain of finances in 1918–1920 in the east of Russia. The analysis of the cited source emphasizes the special significance of the personality of its author. The article supports the opinion that the conditions of the socio-political cataclysms of the military-revolutionary period significantly burdened and did not allow fully implementing the internal policy of the RSFSR in the annexed remote territories. The work may be of interest to specialists studying the Russian experience of crisis management of finances, the socio-economic policy of the Soviet regime in Siberia at the final stage of the Civil War.

Keywords: financial policy, economic policy, government loans, currency, banknotes, money surrogates, Civil War, Soviet power, Siberian Revolutionary Committee, provincial finance department

For citation: Petin D.I. (2020) Circular of the Siberian Revolutionary Committee to the provincial financial departments of Siberia on canceled government loans (October 1919). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 214–224. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-214-224

В текущую четверть века в среде специалистов, исследующих Гражданскую войну в России, при многообразии взглядов прочно утвердилась концепция изучения событий сквозь призму экономической жизни (Россия в годы Гражданской войны…, 2018. С. 259). Подобный подход во многом оправдан, поскольку дает выход на понимание ряда других масштабных аспектов (социальная история, повседневность и др.), нацеливая на масштабные выводы. Данный тезис подчеркивает авторитетный петербургский историк Михаил Викторович Ходяков, специализирующийся на изучении социально-политической и экономической истории России в 1917–1920 гг. (в том числе, денежного обращения) (Ходяков, 2014; Ходяков, 2018. С. 124; Ходяков, 2019).

Роль «археографического направления» в историографии Гражданской войны в России возрастает. Об очевидной заинтересованности представителей академической науки и широкой общественности в обнародовании новых документальных свидетельств ярко свидетельствует опыт работы дискуссионных площадок, посвященный изучению военно-революционного периода 1917–1922 гг. (Бондаренко, Петин, Зелов, 2013; Гражданская война…, 2015. С. 6–8; Стельмак, 2018; Стельмак 2020; Машкарин, 2020; Петин, 2020b). На основании этого мы считаем актуальным построить исследование, нацеливаясь на аналитическую репрезентацию в традициях практик источниковедения и археографии.

Восстановление в Сибири советской власти, начавшееся с августа 1919 г. под эгидой Сибирского революционного комитета, ознаменовало коренное реформирование сферы экономических отношений. И первым сегментом, которого практически сразу коснулись перемены, стало денежное обращение. Проводившееся экстренным порядком аннулирование белогвардейских денежных знаков в соответствии с директивами Народного комиссариата финансов РСФСР (далее НКФ РСФСР) по мере присоединения территорий, имело откровенную политизированную окраску, ударив по материальному положению «возвращенного» под контроль большевиков местного населения, еще не успевшего опомниться от изъятия «керенок» антибольшевистскими властями (Рынков, 2013; Петин, 2016).

Хронологически формирование в Сибири советской финансовой системы в противостоящем политическом лагере совпало с провалом реформы в денежном обращении, громкой отставкой министра финансов И.А. Михайлова (Ходяков, 2013; Кротова, 2019) и фатальным нарастанием экономического кризиса, во многом предопределившего дальнейшее фиаско белого движения на востоке России. Подчеркнем, что в общем смысле финансовые мероприятия советской власти, как часть внутренней политики, в отличие от аналогичных действий антибольшевистских режимов, не имели очевидной ориентированности на некое одобрение извне. Как показал опыт контрреволюции востока России, зарубежное влияние на принятие тех или иных решений во многом отягощало реализацию финансовых преобразований (Шиканова, 2005.

С. 18–55; Стельмак, 2017; Стельмак, 2019. С. 368; Ходяков, 2019. С. 99–217; Петин, 2020а).

Практически одновременно с изъятием из обращения выпущенных белогвардейцами казначейских знаков и краткосрочных обязательств Государственного казначейства возникал иной вопрос, не менее болезненный для социально-экономической сферы: каким образом советская власть в Сибири должна была поступить с бумагами аннулированных государственных займов.

Здесь поясним, в РСФСР «экономическое будущее» дореволюционных займов было определено серией советских декретов ВЦИК и СНК РСФСР в 1917–1918 гг. В рамках общей политики по национализации финансов и упразднению прежней банковской системы аннулировались государственные займы царского и Временного правительств (Страхов, 2000[1]; Страхов, 2006). При этом масштабный кризис в денежном обращении привел к тому, что уже с конца февраля 1918 г. в советской России процентные бумаги и купоны от них активно стали официально использоваться по нарицательной стоимости в качестве денежных суррогатов. Ситуацию в финансово-экономической сфере резко усугубила Гражданская война. В итоге, повсеместно каждой из противоборствовавших политических сторон практика эмиссии ценных бумаг и купонов через учреждения Государственного (Народного) банка и Государственного казначейства в качестве платежных средств получила самое широкое применение (Соколов, 2008; Алямкин, Баранов, 2005. С. 94–114).

Важно отметить, что статус денежных суррогатов в обстановке социальных катаклизмов не всегда точно фиксировался. Ключевым моментом была лишь обязательность их приема в платежи всеми учреждениями и населением. Так, подобные выпуски могли быть как государственной эмиссией власти с «всероссийским масштабом» (например, Комуч), так и формой вынужденного противодействия муниципалитетов острому денежному дефициту в отдельно взятых местностях (областях, губерниях, уездах, городах). Допущенные к обращению по нарицательной стоимости облигации и купоны хотя и смягчали ситуацию с дефицитом наличности, но зачастую вносили еще большую неясность в наводненное многочисленными суррогатами денежное обращение, становясь в том числе объектами для фальшивомонетничества.

Но стоит помнить, что восток России волею судеб оказался регионом, где в 1918–1920 гг. происходили наиболее масштабные военно-политические процессы, обусловившие формирование здесь самой сильной антибольшевистской платформы с центром в Омске, в тот период являвшей собой альтернативу государственного развития. Этот аспект до сих пор является одной из наиболее оживленных дискуссий современной историографии и вместе с тем дает почву активным (подчас идеологически ангажированным) спорам среди общественности (Пученков, 2018; Сушко, Петин, 2019). Но в итоге бурная политическая жизнь обусловила достаточно длительную оторванность Сибири от РСФСР, введение иных, в том числе чрезвычайных мер регулирования экономики, складывания особой системы денежного обращения (Алямкин, Баранов, 2005. С. 153–272; Рынков, 2006. С. 104–196, 208–209; Рынков, 2013).

Бесспорно, что проведение единообразной финансовой политики в рамках советского законодательства, начавшееся в Сибири с осени 1919 г. вслед за созданием Сибревкома, стало для новой власти одной из ключевых экономических задач в макрорегионе, возвращавшемся в состав РСФСР. Здесь, как и всегда, финансово-денежная сфера получала первостепенное и стратегическое назначение, напрямую обеспечивая жизнеспособность власти. Однако необходимо подчеркнуть, что в связи с перечисленными выше военно-политическими обстоятельствами реализация намеченных мероприятий происходила не как реконструкция уже некогда существовавших порядков, а как налаживание таковых с нуля.

Первые шаги Финансового управления при Сибревкоме, изначально состоявшего из двух сотрудников (Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 344. Л. 6), во многом осуществлялись «по наитию» и ориентирова-

[1] Страхов В.В. Внутренние государственные займы царской России периода Первой мировой войны: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Рязань, 2000. 256 с.

лись на оперативный опыт двух ближайших губернских финансовых отделов: Тюменского (Тобольского) (образован 1 сентября 1919 г.) и Челябинского (образован 1 октября 1919 г.) (Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. Р–71. Оп. 1. Д. 6. Л. 59; В финансовом отделе // Советская Сибирь (Челябинск). 1919. 1 октября. С. 4).

Законодательной основой их создания стало утвержденное 1 ноября 1918 г. «Положение об организации финансовых отделов губернских и уездных исполнительных комитетов». Согласно таковому нормативному акту, управление и общий контроль за финансовой сферой в соответствии с принятыми декретами СНК РСФСР, инструкциями и распоряжениями НКФ РСФСР осуществлял губернский исполнительный комитет (на практике в тот период в Сибири и других прифронтовых присоединяемых местностях – революционный комитет). В губернском городе, являвшемся вместе с тем и центром уезда, предполагалось раздельное самостоятельное существование двух финотделов – губернского и уездного уровня.

К задачам губернских финансовых отделов относилось ближайшее наблюдение в пределах своего региона за соблюдением финансового законодательства, составление смет и финансовой отчётности, координация работы уездных финотделов, кредитный контроль и т. п. В отношении денежной сферы губернский финотдел реализовывал крайне важную функцию – распределение наличности. Уездные финансовые отделы обязаны были осуществлять контроль над налогообложением и сметно-счётной деятельностью в уезде (Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг., 1942. С. 1119–1123. Ст. 847)[2].

НКФ РСФСР фиксировал следующие штаты финансовых отделов: 243 человека (в губернском) и 92 человека (в уездном) (РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1029. Л. 22 об., 23 об.). Однако даже в конце 1920 г. кадровый дефицит приводил к тому, что средняя укомплектованность персоналом финансовых отделов советской Сибири оставалась в пределах двух третей от установленной штатной численности (Подсчет автора по: РГАЭ. Оп. 1. Д. 1593. Л. 138).

Организационная структура первых советских органов, возникших осенью 1919 г. на территории подконтрольной Сибревкому, была сформирована следующим образом (табл.).

Таблица. **Структура советских финансовых органов, подчиненных Финансовому управлению Сибирского революционного комитета (1 октября – 15 ноября 1919 г.)**
Table. **The structure of the Soviet financial bodies subordinate to the Financial Administration of the Siberian Revolutionary Committee (October 1 – November 15, 1919)**

Губернский финансовый отдел	Уездный финансовый отдел	Расчетно-расходная касса
Челябинский	Челябинский, Курганский, Троицкий, Верхнеуральский, Миасский	Куртамышская
Тюменский	Тюменский, Ялуторовский, Ишимский, Туринский, Тобольский, Сургутский, Березовский	Обдорская

Но по состоянию на начало 1921 г. оба названных губернских финансовых органа были выведены из подчиненности Финансового управления при Сибревкоме (Альбицкий, 1921. С. 22).

Подлинная масштабность проблемы аннуляции белогвардейских денежных знаков, что покажет практика, была намного больше, но в целом механизм перехода на советскую наличность для формировавшихся в Сибири ревкомов выглядел очевидным и простым, хотя истинный размах проблемы, на наш взгляд, еще вряд ли им мог представляться. Стоит согласиться, что владельцев процентных бумаг в регионе было несколько меньше по сравнению с многочисленными держателями «сибирских» денег. Тем не менее революционная власть в лице Сибревкома была серьезно озадачена урегулированием вопроса с ценными бумагами по букве закона. Об этом свидетельствует приводимый

[2] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами СНК СССР, 1942. 1482 с.

полностью в данной работе документ (незаверенная машинописная копия), находящийся на постоянном хранении в Государственном архиве Новосибирской области, в фонде Уполномоченного НКФ РСФСР по Сибири (Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р–1052. Оп. 1. Д. 2. Л. 53–55). Названный фондообразователь, осуществлявший свою деятельность в 1921–1925 гг. в Новониколаевске (с 1926 г. – Новосибирск), являлся правопреемником Финансового управления при Сибревкоме, которое изначально вело работу в Челябинске, а с 23 ноября 1919 г. по июнь 1921 г. – в Омске.

Как видно из указанного циркуляра, руководство НКФ РСФСР, соблюдая выработанную в европейской части страны практику работы в отношении ликвидированных государственных займов, в данном случае попыталось учесть и сибирскую специфику. Ведь на присоединяемых территориях в практически неизмененном виде еще действовала подчиненная губернским и уездным финансовым отделам дореволюционная система финансовых органов (как, например, отделения банков, казначейства, акцизные управления и др.). В течение осени 1919 г. последовало ее постепенное упразднение с полной передачей функций губернским и уездным финансовым отделам. Однако данный процесс в методическом и инструктивном отношении Финансовое управление при Сибревкоме смогло отрегулировать только с января 1920 г. (Петин, 2019. С. 933).

Автором анализируемого циркулярного письма являлся Фридрих Андреевич Земит (1868–1938) – видный советский финансист, член коллегии НКФ РСФСР, соратник В.И. Ленина, Н.Н. Крестинского, Г.Я. Сокольникова. В период с 21 сентября 1919 г. по 29 октября 1920 г. Земит занимал должность заведующего Финансовым управлением при Сибревкоме, уделяя в рамках организаторской работы самое пристальное внимание обеспечению сибирских губернских и уездных финансовых отделов всей необходимой нормативно-правовой документацией (Петин, 2018. С. 1142–1144; Петин, 2019. С. 932–934).

Данное устремление Фридриха Андреевича являлось полностью оправданным, поскольку даже Тюменский губернский финансовый отдел – самый западный в Сибири, расположенный ближе всего к европейской части страны – еще в конце 1920 г. далеко не всегда своевременно и в полном объеме получал все необходимые для текущей работы декреты и циркуляры, регламентирующие финансовую жизнь. Такие условия заставляли руководство губерний и уездов Сибири «действовать революционным порядком». О подобной ситуации говорил советский финансист-практик Э.Я. Матч (ГАТО. Ф. Р–71. Оп. 1. Д. 6. Л. 59), который впоследствии сменил на «сибирском» посту Ф.А. Земита, переведенного обратно в аппарат НКФ РСФСР. Кроме того, Э.Я. Матч указывал, что тогда в Сибири на систему губернских и уездных финансовых отделов легла «тяжелая ноша ответственности» – выступать в качестве региональных проводников политики НКФ РСФСР (Матч, 1922. С. 31).

Авторство анализируемого циркуляра (фамилия и инициалы отсутствуют в выявленном нами документе) удалось определить, исходя из должности, указанной на бланке. Из-за физической сохранности архивного дела представляется возможным датировать данную бумагу лишь приблизительно, учтя порядковую исходящую делопроизводственную нумерацию (№ 5) – началом (первой декадой) октября 1919 г. (ГАНО. Ф. Р–1052. Оп. 1. Д. 2. Л. 53).

Примечательно, что публикуемый ниже документ содержит в себе одновременно два источника – это процитированное полностью письмо из НКФ РСФСР за подписью Александра Ефремовича Аксельрода (1879–1954) и предваряющие и завершающие его комментарии Ф.А. Земита (ГАНО. Ф. Р–1052. Оп. 1. Д. 2. Л. 53–54). Здесь стоит сказать, что циркуляр предполагалось направить «губернским финансовым отделам», но из всех подобных органов власти таковые на тот момент по факту существовали на территории, подчиненной Сибревкому, только в Челябинске и Тюмени. Мы полагаем, что такая, «заранее предусмотренная» Ф.А. Земитом, адресация циркуляра являлась следствием уверенности в скорой грядущей победе большевистских сил в Сибири, спешно продвигавшихся на восток, тесня белые армии к Омску. Фридрих Андреевич, понимая важность наличия на местах инструктивных документов, подготовил по вопросу в

Член коллегии Народного комиссариата финансов. Заведующий финансовым отделом при Сибирском рев[олюционнном]ком[итет]е.
№ 5. Циркулярно. Губернским финансовым отделам.

[Челябинск] [первая декада] октября 1919 г.

Мною получено следующее отношение Главной комиссии по ликвидации аннулированных государственных займов от 16 сентября с.[его]г.[ода] № 5284.

По распоряжению Нар[одного)ком[миссариата]фина[нсов] в освобождающихся губерниях Сибири подлежит в возможно скорейшем времени приступить к ликвидации аннулированных государственных займов. Принимая во внимание переживаемые Сибирью условия, Нар[одный]ком[миссариат]фина[нсов] признал возможным в настоящий момент приступить на территории Сибири к оплате лишь тех аннулированных процентных бумаг, которые не сданы их владельцами в учреждения Нар(одного)банка и в настоящее время находятся у них на руках.

Для регистрации таких бумаг и их сдаче в учреждения Нар[одного]банка, казначейства и сберегательные кассы надлежит представить их владельцам в двухнедельных срок.

Из числа сдаваемых владельцами в установленный двухнедельный срок аннулированных процентных бумаг оплачивать надлежит лишь те бумаги, при которых находятся купоны сроком не позднее 1919 г. (ст. [атья] 4 Инструкции Нар[одного]ком[миссариата]фина[нсов]), причем надлежит обращать особое внимание, чтобы предъявляемые к оплате бумаги не имели [печатных] знаков и штемпелей, указывающих на то, что бумаги имели хождение наравне с кредитными билетами.

Что же касается тех аннулированных процентных бумаг, которые хранились в учреждениях Нар[одного]банка, казначейства и сберегательных кассах, то ввиду увоза белогвардейцами, как натуры сих бумаг, так и всех книг и документов учреждений, хранивших бумаги, оплата таких бумаг впредь до особого распоряжения производиться не должна.

В отношении самого порядка и техники оплаты указанных бумаг надлежит руководствоваться прилагаемыми при сем материалами по проведению в жизнь постановления Совнаркома [РСФСР] от 26/X 1918 г.

Подлинное подписал: Председатель Главной комиссии [по ликвидации аннулированных государственных займов] А. [Е.] Аксельрод и Управляющий делами.

Ввиду сего предлагаю губ[ернскому]фин[ансовому]отделу по получении настоящего циркуляра немедленно приступить к проведению в жизнь постановления Совета народных комиссаров [РСФСР] от 26 октября 1918 года об аннулированных процентных бумагах в уже освобожденных от неприятеля районах.

Принимая во внимание, что особое условие (прифронтовое положение), в котором находятся некоторые уезды Сибири, дает легкую возможность всякого рода нарушениям положения, как, например, по соблюдению двухнедельного срока, необходимо зорко следить за недопущением нарушений и отсутствием отступлений от указаний, преподанных в прилагаемых при сем положении, инструкции и циркулярах, а также, безусловно, требовать от держателей бумаг представления удостоверений о том, что данное лицо является действительно владельцем бумаг и являлось таковым и к 29 декабря 1917 года (ст. [атья] 6 постановления).

Подобные удостоверения должны быть выданы волостными и городскими рев[олюционными]ком[итет]ами по месту постоянного жительства держателей бумаг.

При сем прилагаются копия циркуляра Народного банка от 19 декабря 1918 года за № 124 и 10 экземпляров положения от 26 октября 1918 года с 4 списками процентных бумаг, инструкцией и циркуляром (Народного комиссариата РСФСР) губ[ернским)фин[ансовым]отделам от 14 ноября 1918 года за № 5596.

Член коллегии Народного комиссариата финансов
[подпись отсутствует] [Ф.А. Земит]

ГАНО. Ф. Р–1052. Оп. 1. Д. 2. Л. 53–55. Машинопись. Незаверенная копия.

отношении аннулированных в РСФСР государственных займов общее предписание в адрес финансовых органов, которые, как виделось, будут организовываться в советской Сибири. На практике мероприятия по созданию губернских и уездных финансовых отделов реализовывались весьма длительный период: с октября 1919 г. (в Тюмени) по февраль 1920 г. (в Иркутске) (Финансовая политика…, 2014. С. 169[3]; Шахеров, 2018. С. 51).

НКФ РСФСР оговаривал заранее недопустимость оплаты тех ценных бумаг, которые имели специальные сфрагистические признаки – надпечатки отделений Государственного банка и казначейств о состоявшемся ранее их выпуске в обращение по нарицательной стоимости (ГАНО. Ф. Р–1052. Оп. 1. Д. 2. Л. 53). На востоке России таковые денежные суррогаты активно эмитировались сначала региональной советской властью (весной – летом 1918 г. наряду с местными бонами в Иркутске, Верхнеудинске, Чите и других крупных городах). Также они вводились в денежное обращение и с санкции антибольшевистских правительств (Комуч, Прикамский Комуч летом 1918 г., Томское отделение Государственного банка в конце 1919 г.) (Флёров, 1963; Рынков, 2006. С. 208–209). Но во всех случаях причина выпуска была одна – экстренное устранение дефицита наличности и покрытие текущих расходов эмитента.

Документ затрагивает и иной острый для финансовых учреждений востока России в тот период вопрос, связанный с эвакуацией белогвардейцами при оставлении городов не только денежной наличности, но сотрудников и документации отделений Государственного банка, казначейства и сберегательных касс (ГАНО. Ф. Р–1052. Оп. 1. Д. 2. Л. 53 об.–54). Следствием этого в 1919–1920 гг. стал ощутимый кадровый «голод» и слабо организованная работа в губернских и уездных финансовых отделах Сибири, что весной – летом 1920 г. побудило Ф.А. Земита к проведению проверки, и как следствие, ротации и перегруппировке работников финансовой сферы в рамках региона (Провинциальные финотделы // Известия НКФ РСФСР. 1920. 20 ноября. С. 5; Петин, 2019. С. 933–934; Финансовая политика…, 2014. С. 162, 184[3]; Макарова, 2017).

До назначения в Сибирь Ф.А. Земит уже имел опыт организации и руководства региональными финансами в советской Одессе и Украинской ССР (Петин, 2019. С. 930–932). По всей видимости, в связи с этим в приводимом циркуляре мы видим очевидную обеспокоенность автора документа по поводу того, что исполнение предписания может быть крайне затруднено условиями близости фронта. Реально на момент адресации документа в конце 1919 г. его могли исполнить лишь Челябинский и Тюменский губернские финансовые отделы. Интересен факт: соответствующее объявление населению Тюмени (оформлено типографским способом) было сделано лишь 12 декабря 1919 г. (ГАНО. Ф. Р–1052. Оп. 1. Д. 2. Л. 54, 59).

Здесь стоит указать, что в Сибири повсеместно в тот период очевидными дополнительными сложностями при передаче любых распоряжений из губернского центра в уезды и волости были не в должном отношении организованная сфера связи, удаленность и широкий размах территорий (по сравнению с европейской Россией). Ставившийся НКФ РСФСР двухнедельный срок в реалиях Сибири был попросту мизерным и вряд ли исполним. Это, к примеру, показывал и предшествовавший опыт антибольшевистских властей при изъятии из обращения «керенок», равно как и последовавшие мероприятия советской власти, связанные с аннулированием белогвардейских денег (Ходяков, 2019. С. 177–217; Алямкин, Баранов, 2005. С. 188–237; Рынков, 2006. С. 143–167).

Из известной нам переписки Финансового управления при Сибревкоме и губернских финансовых отделов становится очевидным, что вплоть до лета 1920 г., несмотря на наличие специального циркулярного письма, непонимание порядка приема и оплаты аннулированных ценных бумаг имело место и со стороны населения, и со стороны органов власти советской Сибири (ГАНО. Ф. Р–1052. Оп. 1. Д. 2. Л. 60; Финансовая политика, 2014. С. 140, 150–

[3] Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920: документы Исторического архива Омской области: сборник документов / автор-сост., науч. ред. Д.И. Петин; вступ. слово А.В. Сушко. Омск : Амфора, 2014. 224 с.

151, 154, 179[3]). Подобно тому, как это было с изъятием «сибирских» денег, вопрос будущего ценных бумаг и купонов от них обнажался повторно всякий раз с присоединением к РСФСР новых территорий на востоке России.

Стоит подчеркнуть, что используя богатый опыт эмиссии ценных бумаг в качестве платежных средств по нарицательной стоимости, Сибревком для экстренного обеспечения наличностью подконтрольных территорий с санкции НКФ РСФСР в феврале – июне 1920 г. будет выпускать собственные денежные суррогаты – проштампованные облигации и купоны IV и V разрядов внутреннего 4½-го выигрышного займа 1917 г. (Петин, 2010. С. 45–47; Шахеров, 2020a. С. 21; Шахеров, 2020b).

Затяжной характер Гражданской войны, удаленность региона, его значительные географические расстояния стали факторами формирования особых локальных условий, что вызовет множество противоречий при проведении мероприятий новой экономической политики (Бакшеев, 2020). Анализируемый документ, представляемый в контексте эпохи, иллюстрирует сложную и противоречивую обстановку, имевшую место в советских чрезвычайных органах управления на завершающем этапе Гражданской войны. Подчеркнем, что при полной профессиональной компетенции и энергичных устремлениях заведующего Финансовым управлением при Сибревкоме Ф.А. Земита оперативно улучшить положение дел вряд ли тогда представлялось возможным. Как видно даже из данного частного случая, тяжелая ситуация на местах еще длительное время не позволяла проводить в Сибири финансовую политику в полном соответствии нормативной базе НКФ РСФСР и срокам, устанавливаемым для провинции Центром.

Библиографический список

Альбицкий П. Как проводилась финансовая политика в Сибири // Известия НКФ РСФСР. 1921. Май – июль. С. 22–25.

Алямкин А.В., Баранов А.Г. История денежного обращения в 1914–1924 гг. (по материалам Зауралья). Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2005. 334 с.

Бакшеев А.И. НЭП в Сибири. Атмосфера и логика войны : монография / науч. ред. П.А. Новиков. Красноярск : КрасГМУ, 2020. 145 с.

Бондаренко Т.А., Петин Д.И., Зелов Н.С. Вышли в свет // Отечественные архивы. 2013. № 5. С. 137–138.

Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 12–13 ноября 2014 г.). Омск : Амфора, 2015. 232 с.

Кротова М.В. Иван Адрианович Михайлов в эмиграции в Харбине // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 2. С. 64–71.

Макарова В.Н. Материалы с архивной полки: по следам утраченных архивов Уфимского отделения Государственного банка // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25–26 октября 2017 г.). Омск : Изд-во ОмГТУ, 2017. С. 219–225.

References

Al'bitskii P. (1921) How the financial policy was carried out in Siberia. *Izvestiya NKF RSFSR = Bulletin of the RSFSR People's Commissariat of Finance.* May – July. P. 22–25. (In Russ.)

Alyamkin A.V., Baranov A.G. (2005) The history of currency in 1914–1924 (by materials of the TransUrals). Yekaterinburg: Ural State University. 334 p. (In Russ.)

Baksheev A.I. (2020) NEP in Siberia. The atmosphere and logic of war. Monograph. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Medicine University. 145 p. (In Russ.)

Bondarenko T.A., Petin D.I., Zelov N.S. (2013) Published. *Otechestvennye arkhivy = Domestic archives.* No. 5. P. 137–138. (In Russ.)

(2015). Civil War in the east of Russia: an objective look through the documentary heritage: materials of the All-Russian scientific-practical conf. (Omsk, November 12–13, 2014). Omsk: Amphora. 232 p. (In Russ.)

Krotova M.V. (2019) Ivan Adrianovich Mikhailov in emigration in Harbin. *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* Vol. 4. No. 2. P. 64–70. (In Russ.)

Makarova V.N. (2017) Materials from the archive shelf: in the wake of the lost archives of the Ufa branch of the State Bank. *Grazhdanskaya voina na vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie : materialy II Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (Omsk, 25–26 oktyabrya 2017 g.) = Civil War in the East of Russia: a look through the documentary heritage: materials of the II All-Russian scientific-practical conference with int. participation (Omsk, October 25–26, 2017).* Omsk: Omsk State

Матч Э. Наши финансы // Октябрьский сборник. Тюмень: 1-я государственная типография, 1922. С. 30–38.

Машкарин М.И. «Смута XX века» в Сибири: взгляд сквозь документальное наследие (историко-архивные конференции в Омске по истории Революции и Гражданской войны в России) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5. № 1. С. 70–74.

Петин Д.И. Денежное обращение и финансовая политика советской власти в Сибири в 1919–1920 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 44–47.

Петин Д.И. «Людям трудового народа нечего бояться утраты бумажек, ставших ненужными»: к вопросу об аннуляции белогвардейских денежных знаков в Сибири // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 27–40.

Петин Д.И. «Я дерусь со всеми, которые, не так поступают, как Коммунисту следует…» Письмо Ф.А. Земита Н.Н. Крестинскому о финансовой работе в Сибири. 5 января 1920 г. // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1137–1148.

Петин Д.И. Фридрих Андреевич Земит – организатор советских финансов // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 4. С. 928–941.

Петин Д.И. Правда на правду: «По содержанию записки по вопросу о введении в обращение в Сибири новых денежных знаков (9 января 1919 г.)» // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2020a. Т. 7. № 1. С. 220–226.

Петин Д.И. 100-летие Гражданской войны в Сибири: научно-просветительская рефлексия в Омске (2019) // Северные архивы и экспедиции. 2020b. Т. 4. № 2. С. 131–142.

Пученков А.С. «Колчаковский режим основывался на главной идеологической составляющей – антибольшевизме, что само по себе уже в тех условиях не нуждалось в дополнительной расшифровке политической программы…» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 5–9.

Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д. Б. Павлов; Рос. ист. о-во; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 608 с.

Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. 211 с.

Рынков В.М. Власть, деньги и люди: сибирский обыватель в тисках финансового кризиса (1918–1920 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. / Technical University. P. 219–225. (In Russ.)

Match E. (1922) Our finances. *Oktyabr'skii sbornik = October collection.* Tyumen: 1st State Printing House. P. 30–38. (In Russ.)

Mashkarin M.I. (2020) «Troubles of the XX century» in Siberia: a look through the documentary heritage (historical and archival conferences in Omsk on the history of the Revolution and the Civil War in Russia). *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* Vol. 5. No. 1. P. 70–74. (In Russ.)

Petin D.I. (2010) Currency and financial policy of the Soviet government in Siberia in 1919–1920. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanities in Siberia.* No. 2. P. 44–47. (In Russ.)

Petin D.I. (2016) «Working people must not fear the loss of paper which became unnecessary»: on the question of cancellation of banknotes of 'Whites' in Siberia (Autumn 1919–1920). *Noveishaya istoriya Rossii = Modern History of Russia.* No. 3.

Petin D.I. (2018) «I fight anyone who doesn't act as a communist should...» Letter of F.A. Zemit to N.N. Krestinsky on Financial Work in Siberia. January 5, 1920. *Vestnik arkhivista = Herald of an Archivist.* No. 4. P. 1137–1148. (In Russ.)

Petin D.I. (2019) Friedrich Andreevich Zemit – organizer of Soviet finance. *Noveishaya istoriya Rossii = Modern History of Russia.* Vol. 9. No. 4. P. 928–941. (In Russ.)

Petin D.I. (2020a) Truth to truth: «On the content of a note on the question of introducing new money in Siberia (January 9, 1919)». *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki = Herald of Omsk University. Ser. Historical Studies.* Vol. 7. No. 1. P. 220–226. (In Russ.)

Petin D.I. (2020b) 100th Anniversary of the Civil War in Siberia: Scientific and Educational Reflection in Omsk (2019). *Severnye arkhivy i ekspeditsii = Northern Archives and Expeditions.* Vol. 4. No. 2. P. 131–142. (In Russ.)

Puchenkov A.S. (2018) «The Kolchak regime was based on the main ideological component — anti-Bolshevism, which in those conditions did not need additional clarification of the political program ...». *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Ser. Society. History. Modernity.* No. 4. P. 5–9. (In Russ.)

Pavlov D.B. (2018) Russia during the Civil War, 1917–1922: essays on history and historiography. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. 608 p. (In Russ.)

Rynkov V.M. (2006) The financial policy of the anti-Bolshevik governments of eastern Russia (second half of 1918 – early 1920). Novosibirsk: Novosibirsk State University. 211 p. (In Russ.)

Rynkov V.M. (2013) Power, money and people: The Siberian man in the street in the grip of the financial crisis (1918–1920). Power and society in Siberia in the XX cen-

отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. С. 140–172.

Соколов Е.Н. Финансовая политика советской власти (октябрь 1917 г. – август 1918 г.). Рязань, 2008. 148 с.

Стельмак М.М. Нота Верховного совета Антанты Российскому правительству А.В. Колчака: вопросы признания Омского правительства летом 1919 г. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 1. С. 22–27.

Стельмак М.М. Главная конференция о революции и Гражданской войне в Омске: итоги научной дискуссии // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2. № 1. С. 57–64.

Стельмак М.М. Восприятие Японии в общественно-политической прессе Западной Сибири (ноябрь 1918 – декабрь 1919 гг.) // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 357–374.

Стельмак М.М. Круглый стол «Адмирал Колчак: ученый, флотоводец, Верховный правитель»: обзор работы // Сибирский архив. 2020. № 3. С. 222–235.

Страхов В.В. Из истории «Займа Свободы» Временного правительства // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2006. № 1. С. 74–89.

Сушко А.В., Петин Д.И. Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А.В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 4. С. 9–17.

Флёров В.С. Из истории денежного обращения в Сибири в период иностранной интервенции и Гражданской войны // Труды Томского областного краеведческого музея. 1963. Т. VI. Вып. 2. С. 11–20.

Ходяков М.В. Иван Адрианович Михайлов: студенческие годы будущего министра финансов в правительстве А. В. Колчака // Клио. 2013. № 10. С. 92–95.

Ходяков М.В. Рецензия на сборник «Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920: документы Исторического архива Омской области» // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 312–315.

Ходяков М.В. Ответы на вопросы по истории Гражданской войны в России // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2018. Т. 6. С. 119–124.

Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской

tury. Coll. of scientific. articles. Novosibirsk: Institute of History Siberian Branch Russian Academy of Sciences. P. 140–172. (In Russ.)

Sokolov E.N. (2008) The financial policy of the Soviet government (October 1917 – August 1918). Ryazan. 148 p. (In Russ.)

Stel'mak M.M. (2017) Note of the Supreme Council of the Entente to the Russian government of A.V. Kolchak: issues of recognition of the Omsk government in the summer of 1919. *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* No. 1. P. 22–27. (In Russ.)

Stel'mak M.M. (2018) The main conference on the Revolution and the Civil War in Omsk: the results of scientific discussion. *Severnye arkhivy i ekspeditsii = Northern archives and expeditions.* Vol. 2. No. 1. P. 57–64. (In Russ.)

Stel'mak M.M. (2019) The perception of Japan in the West Siberian press (November 1918 – December 1919). *Noveishaya istoriya Rossii = Modern history of Russia.* Vol. 9. No. 2. P. 357–374. (In Russ.)

Stel'mak M.M. (2020) Round table “Admiral Kolchak: scientist, naval commander, Supreme ruler”: review of work. *Sibirskii arkhiv = Siberian Archive.* No. 3. P. 222–235. (In Russ.)

Strakhov V.V. (2006) From the history of the «Loan of Freedom» of the Provisional Government. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina = The Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Yesenin.* No. 1. P. 74–89. (In Russ.)

Sushko A.V., Petin D.I. (2019) Battles for memory: on the issue of memorialization of the name of Admiral A.V. Kolchak in Omsk. *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* Vol. 4. No. 4. P. 9–17. (In Russ.)

Flerov V.S. (1963) From the history of currency in Siberia during the period of Foreign Intervention and the Civil War. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya = Proceedings of Tomsk Regional Museum of Local Lore.* Vol. VI. Iss. 2. Tomsk. P. 11–20. (In Russ.)

Khodyakov M.V. (2013) Ivan Mikhailov: The origins of the political career of the future Minister of Finance in the government of A.V. Kolchak. *Klio = Klio.* No. 10. P. 92–95. (In Russ.).

Khodyakov M.V. (2014) Review of the collection “Financial policy and money circulation in Siberia. 1917–1920: Documents of the Historical Archive of the Omsk Region”. *Noveishaya istoriya Rossii = Modern History of Russia.* No. 3. P. 312–315. (In Russ.)

Khodyakov M.V. (2018) Answers to questions on the history of the Civil War in Russia. *Rossiya v epokhu revolyutsii i reform. Problemy istorii i istoriografii = Russia in the era of revolutions and reforms. Problems of history and historiography.* Vol. 6. P. 119–124. (In Russ.)

Khodyakov (2019) M.V. Money of the Revolution and

войны: 1917–1920 годы. СПб. : Питер, 2019. 224 с.

Шахеров В.П. Между Колчаком и Советами: к вопросу о финансовой деятельности Иркутского Политцентра // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2018. № 3. С. 45–55.

Шахеров В.П. Участие военнопленных Первой Мировой войны в эмиссионной деятельности сибирских правительств в 1919–1921 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2020a. Т. 31. С. 13–23.

Шахеров В.П. Эмиссионная деятельность в Иркутске после восстановления Советской власти в 1920 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2020b. Т. 16. № 2. С. 178–191.

Шиканова И.С. Страницы отечественной истории в бумажных денежных знаках. М. : Нумизматическая литература, 2005. 192 с.

Сведения об авторе

Петин Дмитрий Игоревич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации»,
Омский государственный технический университет,
644050, г. Омск, пр. Мира, 11, Россия,
✉ e-mail: dimario86@rambler.ru

Заявленный вклад авторов

Д.И. Петин выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 22 сентября 2020 г.

Поступила после рецензирования и доработки 19 октября 2020 г.

Принята к публикации 2 ноября 2020 г.

the Civil War: 1917–1920. St. Petersburg: Piter. 224 p. (In Russ.)

Shakherov V.P. (2018) Between Kolchak and the Soviets: on the question of the financial activities of the Irkutsk Political Center. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya RAN = Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.* No. 3. P. 45–55. (In Russ.)

Shakherov V.P. (2020a) Participation of prisoners of war of the First World War in the issuing activity of Siberian governments in 1919–1921. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya = Bulletin of Irkutsk State University. Ser. History.* Vol. 31. P. 13–23. (In Russ.)

Shakherov V.P. (2020b) Emission activity in Irkutsk after the restoration of Soviet power in 1920. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 16. No. 2. P. 178–191. (In Russ.)

Shikanova I.S. (2005) Pages of domestic history in banknotes. Moscow: Numismatic literature. 192 p. (In Russ.)

Information about the author

Dmitry I. Petin,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of History,
Philosophy and Social Communications Department,
Omsk State Technical University,
11, Mira Avenue, Omsk 644050, Russia,
✉ e-mail: dimario86@rambler.ru

Contribution of the authors

D.I. Petin carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received September 22, 2020.

Received October 19, 2020.

Accepted November 2, 2020.

Оригинальная статья / Original article
УДК 908
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-225-239

Мятеж Барабинского полка

© И.В. Ладыгин[a], Ю.И. Гончаров[b]

[a] Независимый исследователь, г. Новосибирск, Россия
[b] Независимый исследователь, г. Барнаул, Россия

Аннотация: В статье сделана попытка провести всестороннее исследование так называемого «мятежа Барабинского полка» – вооруженного выступления частей Русской армии и подпольных эсеровских и большевистских организаций против режима адмирала Колчака 7 декабря 1919 г. в г. Новониколаевске. Мятеж в Новониколаевске рассматривается не как отдельное частное событие, а как часть плана по всесибирскому восстанию против режима адмирала Колчака. Приводятся документальные свидетельства о совместном планировании мятежа эсерами и большевиками, о связи событий в Новониколаевске с подобными мятежами в Томске, Красноярске, Иркутске, Владивостоке. Впервые приводится полная биография командира 2-го Барабинского полка полковника Аркадия Васильевича Ивакина, приводятся ссылки на архивные документы, подтверждающие, что он не был руководителем восстания вопреки установившейся в отечественной историографии версии. Впервые называется имя фактического руководителя мятежа, а также раскрываются подготовка, ход и цели вооруженного восстания, связи заговорщиков с политическими силами в России и за рубежом. Наряду с уже известными в отечественной историографии документами и материалами, в статье вводится в научный оборот ряд документов, фотографий и имён, связанных с данным событием. Выдвигаются новые версии, связанные с вооруженным мятежом в г. Новониколаевске – о предварительных договорённостях мятежников с польскими войсками о нейтралитете, об участии в переговорах с командованием польских частей высокопоставленных лиц из Советской России. Подтверждается версия о причинах поражения вооруженного мятежа. Авторы не претендуют на полноценное и всеобъемлющее исследование вопроса в рамках данной статьи – работа будет продолжена. Ряд вопросов, связанный с ходом мятежа, остается открытым. Предстоит ещё изучать как имеющиеся в руках авторов документы, так и разыскать новые.

Ключевые слова: мятеж Барабинского полка, полковник Ивакин, полковник Румша, 5-я Польская дивизия, Гайда, Пославский, Новониколаевск, Макри, Военно-Социалистический Союз Защиты Народовластия, Гражданская война в Сибири

Благодарности: Авторы выражают благодарность за помощь пермскому исследователю М.Г. Ситникову (ныне покойному), С.П. Березовскому (г. Куйбышев НСО), В. Ласкажевски (Польская республика).

Для цитирования: Ладыгин И.В., Гончаров Ю.И. Мятеж Барабинского полка // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 225–239. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-225-239

Mutiny of the Barabinsky regiment

Igor V. Ladygin[a], Yury I. Goncharov[b]

[a] Independent researcher, Novosibirsk, Russia
[b] Independent researcher, Barnaul, Russia

Abstract: The article attempts to make a comprehensive study of the so–called “mutiny of the Barabinsky regiment” – the armed action of parts of the Russian Army and underground SR and Bolshevik organizations against the regime of Admiral Kolchak on December 7, 1919 in Novo-Nikolaevsk. The revolt in Novo-Nikolaevsk is not considered as a separate private event, but as part of a plan for an all-Siberian uprising against the regime of Admiral Kolchak. Documentary evidence is given on the joint planning of the revolt by the SRs and the Bolsheviks, on the connection of the events in Novo-Nikolaevsk with similar uprisings in Tomsk, Krasnoyarsk, Irkutsk, and Vladivostok. For the first time, the full biography of the commander of the 2nd Barabinsky

regiment, Colonel Arkady Vasilyevich Ivakin is given, and references are made to archival documents confirming that contrary to the established in Russian historiography version he was not the leader of the uprising. For the first time, the name of the actual leader of the mutiny is called, and the preparation is also revealed, it also reveals the preparation, course, and goals of the armed uprising, as well as the conspirators ' connections with political forces in Russia and abroad. Along with the documents and materials already known in Russian historiography, the article introduces a number of documents, photos and names related to this event into scientific circulation. New versions related to the armed mutiny in Novo-Nikolaevsk – about the preliminary agreements of the rebels with the Polish troops on neutrality, about the participation of high-ranking officials from Soviet Russia in negotiations with the command of the Polish units are put forward. The version about the reasons for the defeat of the armed rebellion is confirmed. The authors do not claim to be a full and comprehensive study of the issue in this article – the work will continue. A number of questions related to the course of the mutiny remain open. It is still necessary to study both the documents available in the hands of the authors, and to find new ones.

Keywords: Mutiny of the Barabinsky regiment, Colonel Ivakin, Colonel Rumsha, 5th Polish division, Gaida, Poslavsky, Novo-Nikolaevsk, Makri, Military-Socialist Union for the Protection of Democracy, Civil War at Siberia

Acknowledgements: The authors express their gratitude for the help of Perm researcher M.G. Sitnikov (now deceased), S.P. Berezovsky (Kuibyshev-city, Novosibirsk region), V. Lazkajewski (Polish Republic).

For citation: Ladygin I.V., Goncharov Yu.I. (2020) Mutiny of the Barabinsky regiment. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 225–239. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-225-239

Когда заходит речь о так называемом «мятеже Барабинского полка» – вооруженном выступлении белого 2-го Барабинского полка под командованием полковника А.В. Ивакина вместе с другими частями гарнизона против власти адмирала Колчака в г. Новониколаевске в декабре 1919 года, то в большинстве исследований в том или ином виде цитируются воспоминания бывшего Главнокомандующего армиями Восточного фронта белых генерала К.В. Сахарова. В главе «Предательство тыла» он написал такие строки: *«Ивакин, не объяснив дела полкам, вывел их на улицу и отправился на вокзал арестовывать командующего 2-й армией генерала Войцеховского. Оцепили его поезд и готовились произвести самый арест, но в это время к станции подошел, узнавши о беспорядках, полк 5-й польской дивизии под командой ее начальника полковника Румши и предъявил требование прекратить эту авантюру, под угрозой открытия огня. Тогда Ивакин положил оружие, сдался»* (Сахаров, 2017).

Краткое содержание события передано верно. Однако это всё стало известно Сахарову с чужих слов. В свободном доступе воспоминаний непосредственных участников событий нет – все, кто в своих мемуарах описывал мятеж Ивакина, делали это со слов оставшихся безымянными очевидцев: генерал Сахаров, полковник Камбалин, полковник Енборисов, Всеволод Иванов и другие. Прежде чем попытаться разобраться, какие были цели у заговорщиков и как происходила подготовка мятежа, необходимо выяснить, кто такой был полковник Ивакин: его происхождение, убеждения, морально-психологические качества. В большинстве источников о нём пишут: «Ивакин Аркадий Васильевич, полковник, командир 2-го Барабинского сибирского стрелкового полка, исполняющий обязанности начальника 1-й Сибирской стрелковой дивизии. Сочувствующий эсерам. 24 (26) лет. Бывший офицер Закатальского пехотного полка царской армии». И всё.

Обратимся к архивам.

Аркадий Васильевич Ивакин родился в посаде Мелекесс Самарской губернии (ныне г. Димитровград Ульяновской области) 12 февраля (по ст. ст.) 1894 года в семье мещанина г. Алатыря Василия Ивановича Ивакина и его жены Марии Ефимовны.

Был крещен в Новоникольской церкви пос. Мелекесс. Имел братьев и сестру (Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 134. Оп. 19. Д. 11. Л. 81 об.–82) (рис. 1).

Василий Иванович служил сборщиком податей казенных винных лавок (Российский государст-

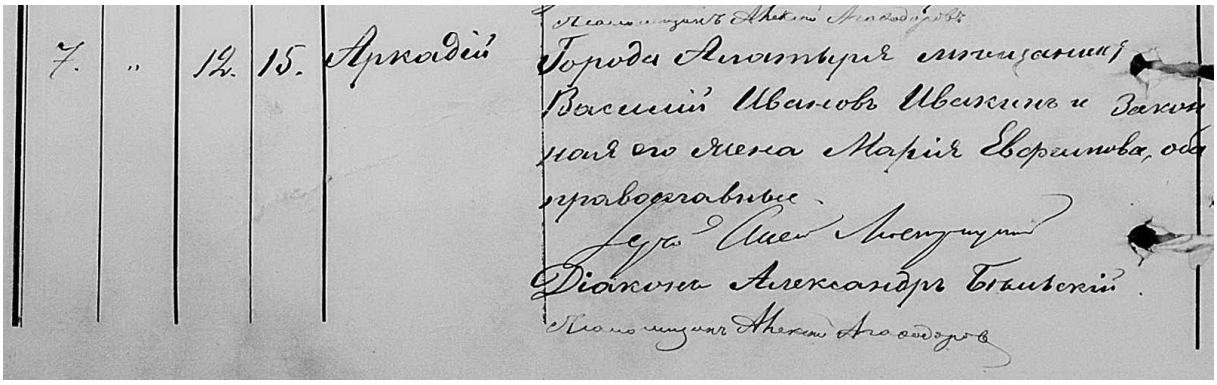

Рис. 1. Запись о крещении Аркадия Ивакина
Fig. 1. Record of the baptism of Arkady Ivakin

венный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1750. Оп. 1. Д. 571. Л. 52).

После окончания реального училища и Симбирской классической гимназии 1 сентября 1912 г. Аркадий Ивакин поступил согласно прошению без экзамена в младший класс Казанского военного училища юнкером рядового звания на правах вольноопределяющегося 1 разряда (Там же). На момент поступления Ивакина в Казанское училище его отец (скорее всего, вместе с матерью) проживал в г. Симбирске. Во время учебы Аркадия Васильевича его отец умер (в 1913-м или 1914-м г.) и Аркадию стал финансово помогать его брат.

Во время учебы юнкер Ивакин был награжден медалью в память 300-летия Дома Романовых (рис. 2).

Из характеристики юнкера Ивакина: «Не имеет физических недостатков, кроме близорукости. Умственные способности – средние. Физические качества, сложение: посредственного, здоров; зрение слабое, вяловат. Нравственные качества: честен, правдив, скромен, опрятен и прилежен. Воля, решимость, самообладание: самообладание есть. Характер: сердечный, отзывчивый, прямой, спокойный, впечатлительный, увлекающийся, легкомысленный, веселый, трусливый, наивный, податливый, экономный. Отношение к военной службе: любит военную службу и интересуется, старателен, добросовестно и внимательно относится к классным и строевым занятиям, службу знает слабо, дисциплину не совсем усвоил, боится ответственности, привыкает к правилам внутреннего распо-

Рис. 2. Полковник А.В. Ивакин. Фото Мария Камиль Франсуа Жан Батист де ла Шез
Fig. 2. Colonel A.V. Ivakin. Photo Maria Camille Francois Jean Batiste de La Chaise

рядка в училище, бережно хранит казенное имущество. Отношение к начальству: вежлив, но малодисциплинирован (штатский мальчик), критиковать не может. Отношение к товарищам: Вежлив «…» дух товарищества усвоил правильно, товарищами любим, но влиять не может «…» не любит розни, наивен. Отноше-

ние к нижним чинам и служителям: вежливое» (Там же).

12 июля (по ст. ст.) 1914 года Аркадий Ивакин выпустился из училища подпоручиком по II разряду (ускоренно, в связи с началом Первой мировой войны) в 164-й пехотный Закатальский полк (Там же).

За время службы в Закатальском пехотном полку во время Первой мировой войны проявил себя храбрым и умелым командиром, несколько раз был контужен и ранен, при этом, бывало, оставался в строю, несмотря на ранение. Был награждён: орденами Св. Станислава и Св. Анны, в том числе орденом Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость», Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, солдатским Георгиевским крестом с лавровой ветвью (рис. 3).

Дослужился до капитана. В 1917 году стал командиром Ударного батальона дивизии. В 1917 году или ранее Ивакин уже скорее всего был сторонником левых идей (вероятно, эсеровских): он был избран председателем полкового комитета, а при большевиках возглавил Военно-революционный трибунал и Военно-революционный комитет дивизии (Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40308. Оп. 1. Д. 132). К тому же, он учился в гимназии, где ранее учились Ленин и Керенский, в городе – одном из центров эсеровского Поволжья, и, похоже, его с детства окружала атмосфера народничества, эсеровских идей. Таким образом скорее всего образ «полумальчика», который создали ряд современников (мало общавшихся с ним) и растиражировали потомки, не вполне соответствует действительности, а перед нами возникает личность Ивакина – решительного командира, умеющего завоёвывать авторитет среди начальства и подчинённых, храброго офицера, имеющего определённые жизненные взгляды и ориентирующегося в политической обстановке.

Как он оказался в Новониколаевске, выяснить пока не удалось. В 1918-м году, после чешского мятежа, капитан Ивакин был мобилизован Западно-Сибирским комиссариатом на основании Приказа от 30 мая и назначен помощником полкового командира во 2-м Новониколаевском сибирском стрелковом полку армии Временного Сибирского правительства и в рядах полка (в августе переименованного во 2-й Барабинский) храбро сражался с

Рис. 3. Карточка о ранениях А.В. Ивакина (с сайта www.grwar.mil.ru)
Fig. 3. Card about the injuries of A.V. Ivakin (from the site www.grwar.mil.ru)

красными частями в районе Байкала (Ситников, 2016. С. 147–149). В июле 1918 г. капитан Ивакин стал командиром 2-го полка, 4 сентября произведен в подполковники (Сибирский вестник. Омск. 1918. 4 сентября), а 6 сентября того же года был произведен в полковники, со старшинством с 13 августа 1918 г. (Сибирский вестник. Омск. 1918. 6 сентября). Далее, в ноябре 1918 г., полк после отдыха в Новониколаевске был направлен на Урал, где участвовал в Пермской операции – в частности, в захвате Мотовилихинского завода (Ситников, 2016. С. 147–149). За Пермскую операцию полковник Ивакин – один из немногих командиров, кто не был награжден орденом Св. Георгия. Он был представлен к ордену Св. Владимира 3 ст., и то только 20 апреля 1919 г. Возможно, это связано в тем, что его полк понёс большие потери и не штурмовал Пермь непосредственно. В рамках данной статьи авторы не рассматривают историю Барабинского полка, поэтому боевой путь полка дан кратко.

Рассмотрим кратко политическую обстановку, которая сложилась на территории, подконтрольной колчаковскому правительству к концу 1919 г. После правого переворота в ноябре 1918 г. в Омске, по итогам которого к власти пришел адмирал Колчак, эсеры не согласились с узурпацией власти и решили вернуть её (Болдырев, 2017. С. 124–145; Гинс, 2007. С. 256–261; Ефимов, 2013. С. 28–40; Котомкин, 2004. С. 576–577; Молчанов, 2009. С. 227; Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус..., 2018. С. 535, 539[1]). Взоры заговорщиков обратились на армию (Молчанов, 2009). Прежде чем арестовать адмирала, необходимо было организовать военные поражения белых войск и разложить их морально, завербовать среди них своих сторонников. В конце 1918 – начале 1919 года, представители одной из фракций партии эсеров провели переговоры с представителями партии большевиков на достаточно высоком уровне, где наметили пути общей борьбы с режимом Колчака. Далее эсеры организовали «Военно-Социалистический Союз Защиты Народовластия», в который вступило много колчаковских военных (причины этому лежат за рамками данного исследования – авт.). Совет партии эсеров, прошедший в Москве в июле 1919 г., провозгласил «прекратить в данный момент вооруженную борьбу против большевистской власти…перенеся центр своей борьбы на территорию Колчака, Деникина и др., подрывая их дело изнутри и борясь в передовых рядах» (Ладыгин, 2013. С. 128–131).

По данным колчаковской контрразведки, для решения этого вопроса эсеры заручились финансовой и политической поддержкой за рубежом: немалую роль в этом сыграл А.Ф. Керенский, который выступил координатором и связующим звеном между разными фракциями эсеров в Европе и в России, а также внук Карла Маркса Жан Лонге (РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 132. Л. 49–50).

Нашли понимание эсеры и среди чешского командования, которое будучи социалистически ориентированным, также не поддержало ноябрьский переворот (Болдырев, 2017. С. 124–145; Гинс, 2007. С. 256–261; Ефимов, 2013. С. 28–40; Котомкин, 2004. С. 576–577; Молчанов, 2009. С. 227; Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус…, 2018. С. 535, 539[1]). Также им удалось договориться с Р. Гайдой (РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 132. Л. 4). Версия о роли Гайды в поражении войск Восточного фронта белых достаточно подробно описана как современниками событий, так и историками, поэтому авторы останавливаться подробно на этом не будут.

Благодаря агитационной работе эсеров, штаб Гайды, а впоследствии и практически весь высший офицерский корпус 1-й армии Пепеляева был вовлечён в заговор. У авторов на данный момент отсутствует информация относительно участия в заговоре генерала Мальчевского. После того как Гайда был отстранён от командования, он убыл во Владивосток, где продолжил борьбу с режимом Колчака (РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 132. Л. 4; Иоффе, 1983. С. 242–243; Серебренников, 2003. С. 471).

[1] Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920: документы и материалы. В 2 т. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. / Федер. архив. агентство, Рос. гос. воен. архив, Гос. архив РФ, Рос. гос. архив социал.-полит. истории, Рос. гос. архив экономики, Ин-т славяноведения РАН, Центр. воен. архив М-ва обороны Чешской Республики-Воен.-ист. архив, отв. сост. А.Р. Ефименко. М.: Кучково поле, 2018. 1024 с.

Во всех крупных городах были подпольные центры мятежников, связанные и координируемые между собой. Все события, связанные с мятежами в Томске, Красноярске, Новониколаевске, Иркутске и Владивостоке управлялись из единого центра и являлись звеньями одной цепи (РГВА. Ф. 21371. Оп. 1. Л. 23; Серебренников, 2003). Например, связным между Новониколаевским и Томским штабами мятежников был видный эсер П.Г. Лихачёв. Он координировал действия томских и новониколаевских заговорщиков. Были такие связные и между Новониколаевском и Барнаулом, Новониколаевском и Красноярском. Руководителем мятежников в Томске, по мнению контрразведки, был Левин, в Омске – Филашев, в Красноярске – Колосов, в Иркутске – Калашников, во Владивостоке – Гайда. События в Новониколаевске – всего лишь часть плана всесибирского восстания эсеров против режима адмирала в названных городах.

Чем был важен для мятежников г. Новониколаевск? Во-первых, крупный транспортный узел и торгово-финансовый центр. Во-вторых, по планам белого командования в районе г. Новониколаевска, Томска, Барнаула по рубежу реки Оби силами заранее отведённой в эти города в ноябре 1919 г. 1-й армии (в состав которой входили 1-й Новониколаевский и 2-й Барабинский полки, участники описываемых событий) и приданных частей должны были быть остановлены наступающие войска Красной армии (Ефимов, 2013. С. 28–40), что укрепило бы режим А.В. Колчака. Многие белые офицеры и солдаты рассчитывали на это (Марков, 2004). Однако разложение и измена частей 1-й армии не позволили это сделать. Возможно, ответственность за гибель беженцев и раненых в застрявших эшелонах между Чулымом и Новониколаевском лежит и на совести мятежников из 1-й армии белых.

Руководителем восстания в Новониколаевске ошибочно считается полковник Ивакин. На самом деле им был эсер Евгений Николаевич Пославский (рис. 4), возглавлявший комитет по подготовке восстания (РГВА. Ф. 21371. Оп. 1. Д. 2394. Л. 34–38). Полковнику Ивакину была отведена роль организатора и исполнителя военной части мятежа.

Секретарем комитета по подготовке восстания до своего ареста была Ванда Болеславовна Колендо (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 533. Оп. 3. Д. 2394) (рис. 5). В. Колендо – из дворянской семьи, с дореволюционным партийным стажем. Училась вместе с известной террористкой Марией Спиридоновой, вместе с ней

Рис. 4. Е.Н. Пославский
Fig. 4. E.N. Poslavsky

Рис. 5. Ванда Колендо (Фото из дела охранного отделения)
Fig. 5. Wanda Kolendo (Photo from the case of the security Department)

участвовала в подпольной борьбе. Неоднократно арестовывалась. Отбывала ссылку в Восточной Сибири, откуда прибыла в Новониколаевск в октябре 1916 года и сразу включилась в работу местных эсеров. В январе 1919 года арестовывалась колчаковской контрразведкой, но затем была освобождена (ГАРФ. Ф. 5221. Оп. 48. Д. 629. Л. 3).

Новониколаевские эсеры, участники подготовки мятежа, трудились в известном «Закупсбыте» и в городском самоуправлении Новониколаевска. Часть из них работала в подполье по причине попыток их ареста в начале 1919 г. Среди членов организации был, например, секретарь Городской думы Пиотровский (рис. 6, 7).

Основной военной силой в планировавшемся мятеже был расквартированный в городе Новониколаевске 2-й Барабинский сибирский стрелковый полк, которым командовал полковник Ивакин. Ивакин также исполнял обязанности начальника 1-й Сибирской дивизии, так как генерал Мальчевский был болен. В составе Барабинского полка было две ячейки заговорщиков – эсеровская и большевистская. Во главе большевистской состоял солдат Борис Яковлевич Овчуков (в будущем сотрудник НКВД в г. Омске) (ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 1406) (рис. 8). Накануне мятежа в полк было влито много дезертиров, часть которых уже имела конкретные большевистские убеждения, а часть примкнула к мятежникам в ходе агитации накануне выступления.

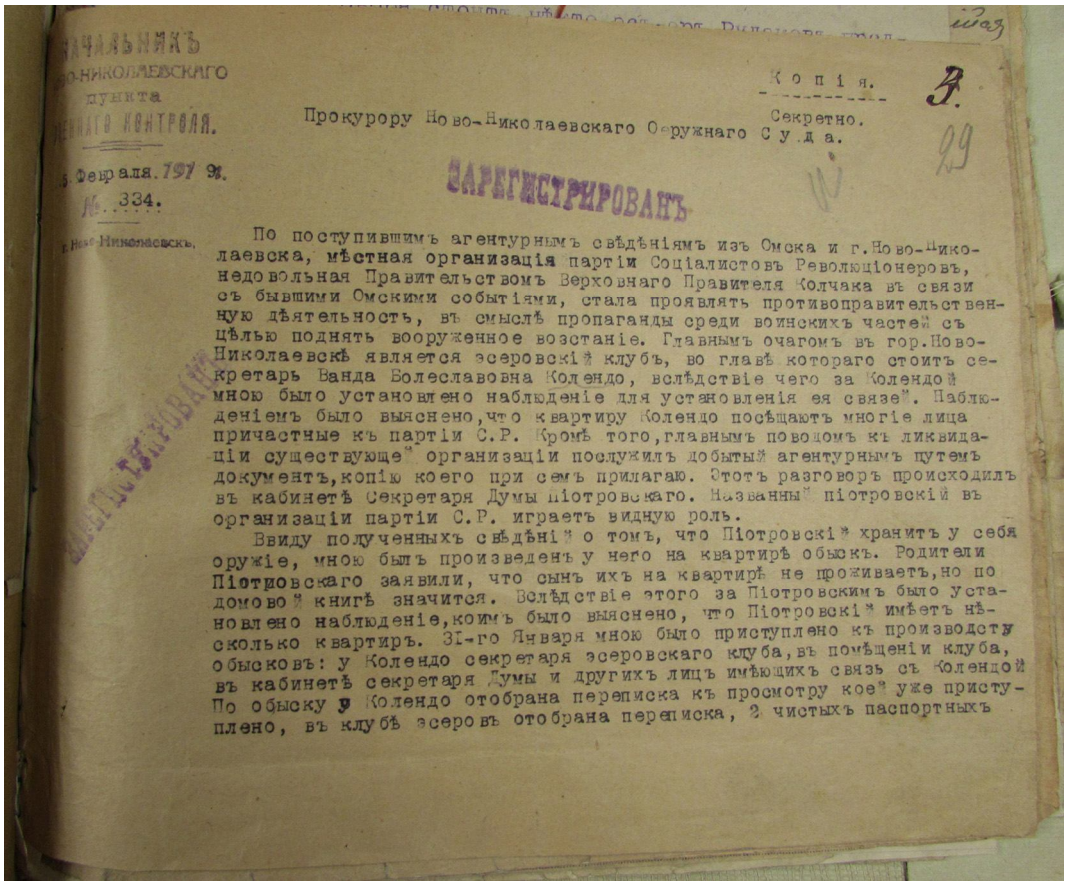
Большую работу по выяснению планов эсеров вели два подразделения контрразведки (Новониколаевское контрразведывательное отделение и Новониколаевский пункт военного контроля) в г. Новониколаевске. Новониколаевская контрразведка за подписью ротмистра Плотто доносила в Омск: «Во 2-м стрелковом полку открыто происходит агитация в пользу советской власти» (Ладыгин, 2013. С. 128–131).

Эсеровскую ячейку возглавлял сам полковник Ивакин. Значительная часть офицеров (возможно, что все) также входила в состав заговорщиков. Например, братья поручик и прапорщик Удрисы – сыновья видного эсера с дореволюционным стажем. Также прапорщик И.И. Болыченцев и подпоручик Л.С. Беляев. Среди солдат и офицеров гарнизона распространялись эсеровские листовки: «Ни капли крови больше. Начнем с большевиками переговоры о мире в залитой братской кровью России. Этим мы сделаем для России больше, чем хочет кучка болтунов. Вникните, товарищи офицеры, солдаты, в эти отрывистые строки истерзанных душ от происходящих событий» (Там же).

Для успешной реализации планов новониколаевские эсеры вошли в контакт с большевиками и договорились о совместной деятельности. В Новониколаевске в переговорах со стороны эсеров участвовал Пославский, а со стороны большевиков Г.И. Щеглов (РГВА. Ф. 21371. Оп. 1. Д. 2394. Л. 27; Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). П-3. Оп. 17. Д. 4357). Таким образом, «мятеж Барабинского полка» был заранее спланированной совместной операцией эсеров и большевиков. Необходимо отметить, что осуществление подобных договорённостей не могло быть без санкции вышестоящих руководителей сторон.

Какова же была цель мятежников и какую власть они собирались установить? Целью было поставить руководство большевиков перед фактом захвата власти и предложить им заключить мир для борьбы с Колчаком для построения «народной демократической автономной сибирской республики». А как на практике должна была реализоваться система управления властью после захвата города, можно увидеть на примере Иркутского Политцентра. При этом в плен к наступающим красным войскам попали бы основные части Восточного фронта белых, которые в это время двигались в сторону Новониколаевска с запада. Подобная катастрофа случилась под Красноярском, где мятеж удался (Мельгунов, 2005; Петров, 2011. С. 174).

Последовательными и непримиримыми борцами с эсерами были 2-й генерал-квартирмейстер Ставки генерал-майор П.Ф. Рябиков (фактический руководитель борьбы с эсерами – авт.) (Клерже, 2012. С. 227), начальник контрразведки при Ставке полковник Н.П. Злобин, его помощник полковник Иевлев, генерал-лейтенант Н.А. Лохвицкий, начальник контрразведки штаба 2-й армии капитан Н.А. Иванов.

НАЧАЛЬНИКЪ
-НИКОЛАЕВСКАГО
ПУНКТА
НАЧКОНТРОЛЯ.

Февраля. 1919 г.
№ 334.

г. Ново-Николаевскъ.

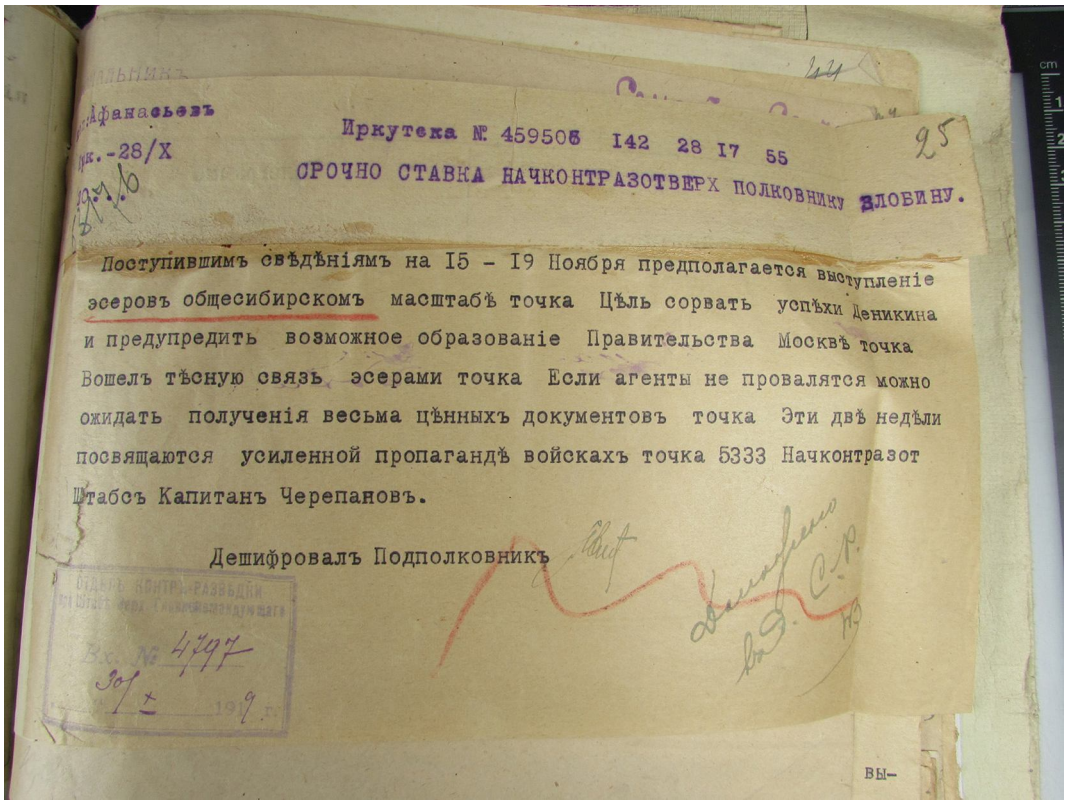
Копія.
Секретно.

Прокурору Ново-Николаевскаго Окружнаго Суда.

ЗАРЕГИСТРИРОВАНЪ

По поступившимъ агентурнымъ свѣдѣніямъ изъ Омска и г.Ново-Николаевска, мѣстная организація партіи Соціалистовъ Революціонеровъ, недовольная Правительствомъ Верховнаго Правителя Колчака въ связи съ бывшими Омскими событіями, стала проявлять противоправительственную дѣятельность, въ смыслѣ пропаганды среди воинскихъ частей съ цѣлью поднять вооруженное возстаніе. Главнымъ очагомъ въ гор.Ново-Николаевскѣ является эсеровскій клубъ, во главѣ котораго стоитъ секретарь Ванда Болеславовна Колендо, вслѣдствіе чего за Колендой мною было установлено наблюденіе для установленія ея связей". Наблюденіемъ было выяснено,что квартиру Колендо посѣщаютъ многіе лица причастные къ партіи С.Р. Кромѣ того,главнымъ поводомъ къ ликвидаціи существующей организаціи послужилъ добытый агентурнымъ путемъ документъ,копію коего при семъ прилагаю. Этотъ разговоръ происходилъ въ кабинетѣ Секретаря Думы Піотровскаго. Названный Піотровскій въ организаціи партіи С.Р. играетъ видную роль.

Ввиду полученныхъ свѣдѣній о томъ, что Піотровскій хранитъ у себя оружіе, мною былъ произведенъ у него на квартирѣ обыскъ. Родители Піотровскаго заявили, что сынъ ихъ на квартирѣ не проживаетъ,но по домовой книгѣ значится. Вслѣдствіе этого за Піотровскимъ было установлено наблюденіе,коимъ было выяснено, что Піотровскій имѣетъ нѣсколько квартиръ. 31-го Января мною было приступлено къ производству обысковъ: у Колендо секретаря эсеровскаго клуба,въ помѣщеніи клуба, въ кабинетѣ секретаря Думы и другихъ лицъ имѣющихъ связь съ Колендой По обыску у Колендо отобрана переписка къ просмотру коей уже приступлено, въ клубѣ эсеровъ отобрана переписка, 2 чистыхъ паспортныхъ

Афанасьевъ
ук.-28/X

Иркутска № 459505 I42 28 I7 55

СРОЧНО СТАВКА НАЧКОНТРАЗОТВЕРХ ПОЛКОВНИКУ ЗЛОБИНУ.

Поступившимъ свѣдѣніямъ на I5 - I9 Ноября предполагается выступленіе эсеровъ общесибирскомъ масштабѣ точка Цѣль сорвать успѣхи Деникина и предупредить возможное образованіе Правительства Москвѣ точка Вошелъ тѣсную связь эсерами точка Если агенты не провалятся можно ожидать полученія весьма цѣнныхъ документовъ точка Эти двѣ недѣли посвящаются усиленной пропагандѣ войскахъ точка 5333 Начконтразот Штабсъ Капитанъ Черепановъ.

Дешифровалъ Подполковникъ

ОТДѢЛЪ КОНТР-РАЗВѢДКИ
Вх. № 4797
30/X 1919 г.

ВЫ-

Рис. 6, 7. Донесения контрразведки
Fig. 6, 7. Reports of intelligence service

Военной контрразведке стали известны планы заговорщиков от Омска до Владивостока. В частности, в рядах новониколаевских заговорщиков у контрразведки был свой агент, который передал в контрразведку список мятежников и их планы (в списке заговорщиков отсутствовала фамилия Ивакина, он был на подозрении, но конкретных фактов, видимо, не было. Сам же Ивакин контактировал с узким кругом лиц из числа заговорщиков). О планируемом восстании и политических целях заговорщиков было донесено лично адмиралу. Подтверждение складывающейся обстановки адмирал мог увидеть и в телеграммах управляющего делами Г.К. Гинса и председателя Совета министров П.В. Вологодского, а также в ходе общения с Вологодским по прямому проводу (Иоффе, 1983. С. 242–243). В курсе планов эсеров была и британская разведка. Но и у мятежников были свои люди в контрразведке, что позволяло им принимать ответные меры вплоть до вычисления и устранения осведомителей (например, были убиты двое агентов разведки во Владивостоке и Иркутске).

В конце ноября Ивакин был вызван в эшелон к генералу Сахарову, находившемуся в Новониколаевске. Сахаров в лоб спросил, есть ли в его части люди, сочувствующие эсерам, на что получил прямой ответ: «Так точно, иначе и быть не может. Наша армия – сибирская, а вся Сибирь – эсеры» (Сахаров, 2017). Сахаров и оказавшийся тут же атаман Сибирского казачьего войска П.П. Иванов-Ринов провели с полковником воспитательную беседу. После чего взяли с него честное слово не пускать в расположение части штатских лиц и отпустили. Находясь в Новониколаевске, командующий Восточным фронтом белых Сахаров понял, что никакой обороны здесь организовать не получится. Новому Главкому генералу Каппелю потом осталось только отменить приказ об операции в районе Новониколаевска.

По мнению контрразведки, заговорщики в Новониколаевске планировали выступить, после того как адмирал Колчак и основные части польских войск покинут город (подтвержденных сведений о планах арестовать Колчака в Новониколаевске, как указывается в ряде исторических работ, пока не

Рис. 8. Борис Овчуков во время службы в НКВД (фото из фондов ГАНО)
Fig. 8. Boris Ouchakov during his service in the NKVD (photo from the collection of GANO)

обнаружено), а к городу приблизятся войска Красной армии. По мнению ряда историков, с наступающими войсками Красной армии была установлена связь (авторами пока подобные документы не найдены). Самого адмирала планировалось арестовать на станции Тайга. Если бы у русских частей не получилось арестовать адмирала, то это должны были сделать чехи (что им и удалось в Нижнеудинске) (РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 132).

Представляется, что в г. Новониколаевске восставшим было необходимо заручиться как минимум нейтралитетом многочисленных и хорошо вооруженных польских частей (три стрелковых полка, один кавалерийский, артиллеристы, штурмовой, инженерный и запасной батальоны, жандармерия). Без нейтрализации поляков тем или иным способом, начинать мятеж было бы безрассудством – силы были слишком неравны. В своих показаниях Пославский писал, что выступление поляков 7 декабря 1919 г. было «предательским» (РГВА. Ф. 21371. Оп. 1. Д. 2394. Л. 34–38). Также и

офицер Барабинского полка И.И. Болыченцев в своей автобиографии указывал на «предательское выступление» поляков (Государственный архив Алтайского края (ГААК). Р. 312. Д. 268. Л. 9–12). Это позволяет сделать предположение, что накануне мятежа с польской дивизией было достигнуто некое соглашение. При этом вряд ли бы командование дивизии пошло на подобное соглашение с лидерами местного масштаба. Наиболее подходящим лицом, который мог бы вести переговоры (лично либо через доверенных лиц), представляется помощник командующего Восточным фронтом красных, член РВС 5-й Красной армии, поляк по происхождению, Игнатий Леонович Дзевалтовский (революционер с довоенным стажем). Скорее всего он также согласовал бы свои переговоры с вышестоящим политическим руководством. Поскольку в 5-й польской дивизии было мощное большевистское подполье (4-й польский полк весной 1919 года даже взбунтовался и другие польские части вели с ним бой, после которого 4-й полк был расформирован) (Dyboski, 1922. P. 128), то для таких переговоров имелись прекрасные возможности и соответствующая агентура. Со стороны новониколаевских большевиков польскую дивизию курировали подпольщицы Е. Бердникова и М. Сухарева-Овечкина. Переговоры по времени совпали с переговорами между Антантой и правительством Пилсудского об установлении будущей границы между Польшей и РСФСР (Мельтюхов, 2001). Вполне возможно, что в ходе переговоров стороны вели консультации с Советским правительством и поэтому просьба большевиков о нейтралитете в Новониколаевске могла найти понимание у польской стороны. Судя по упомянутым фразам Пославского и Болыченцева, представляется, что сначала со стороны польской дивизии заговорщикам был обещан нейтралитет. Однако накануне выступления польскими частями были арестованы большевики из числа польских солдат и россиян и, судя по всему, помещены на гауптвахту в Военном городке, где была расквартирована часть польских войск (связано это с провалом переговоров по границе или нет, авторы утверждать не могут). Заговорщики поняли, что что-то пошло не так и они все могут быть арестованы, а мятеж не удастся, поэтому они были вынуждены начать выступление. Возможно, аресты произвела жандармерия, которая, например, не участвовала в договоренностях. Этот момент ещё предстоит изучить более подробно.

Итак, в ночь с 6 на 7 декабря 1919 г. мятеж начался. К «барабинцам» присоединилась часть 1-го Новониколаевского полка, Военно-топографическое училище и большевистские подпольные рабочие дружины. Полковник Ивакин с основным отрядом отправился на вокзал арестовывать генерала Войцеховского и штаб 2-й армии. Мятежники захватили телеграф, комендатуру, тюрьму и другие объекты. Отряд Бориса Овчукова напал на Военный городок с целью освободить арестованных товарищей и заблокировать польским частям выходы из городка. Отряд Овчукова проиграл бой польским частям – погибших участников его отряда и нашли потом красные бойцы в овраге р. Каменки у Военного городка.

По распространённой версии, на ст. Новониколаевск «ивакинцы» забыли (или не смогли) отключить телефоны у поезда генерала Войцеховского, и он сумел связаться с полковником Румшей, начальником 5-й Польской дивизии (Шиловский, 2019). Возможно, телефоны всё-таки были отключены, а Войцеховский связался с Румшей по радиосвязи, блокировать которую мятежники не имели возможности. Полковник Румша направил на выручку Войцеховскому польских солдат (какие именно части, пока выяснить не удалось). Поляки после короткого боя (по другим сведениям, боя на станции не было) арестовали Ивакина и чинов его отряда. Вот как описывал это со слов неких очевидцев Вс. Иванов: «Очевидцы рассказывали, что отряд этот («барабинцев» – авт.) долго стоял на перроне в нерешительности. Так же точно держалась и охрана штаба 2-й армии. Но тут вмешался начальник штаба польской дивизии полковник Румша и арестовал всех чинов отряда. Схвачены были и другие барабинцы, в том числе полковник Ивакин» (Иванов, 1994). Общие потери Барабинского полка в ходе мятежа прапорщик Болыченцев оценивает в 19 человек офицеров и 100 солдат (ГААК. Р. 312. Д. 268. Л. 9–12). Полные потери дру-

гих частей не известны, но всего было убито, повешено и расстреляно 34 офицера.

Почему Румша пришёл на выручку Войцеховскому, в ответ на этот вопрос у авторов имеются лишь предположения, которые нуждаются в дальнейшей проверке.

Кроме польских частей, в подавлении мятежа участвовали и русские подразделения, в основном, из состава 2-й армии, оставшиеся верными Войцеховскому и адмиралу Колчаку (Архив УФСБ по НСО. Дело № 20820). Некоторые части заняли выжидательную позицию. Например, спешивший для участия в мятеже 3-й Отдельный Образцовый Егерский полк под командованием полковника Григория Ивановича Окунева (предположительно, он был завербован эсерами в Омске), остановился в пригороде Новониколаевска и не принял участие в боях, а его командир тайно отправился в город, чтобы выяснить обстановку. В городе Окунев отправился не куда-либо, а напрямую на явочную квартиру к руководителю мятежа Пославскому, где и узнал, что мятеж уже состоялся с негативным результатом (что еще раз свидетельствует в пользу того, что выступление началось раньше намеченного) (ГАРФ. Ф. Р. 3917. Оп. 14. Д. 1131).

По косвенным сведениям, полк должен был ворваться в город по железнодорожному мосту (Советская Сибирь. Омск. 1919. 25 декабря), предназначенному к взрыву по плану полковника А.С. Кононова. Захват моста, если он планировался, был явно в интересах наступающей Красной армии. Однако мост не был захвачен 3-м Егерским полком по вышеупомянутой причине. Позже, при штурме города частями Красной армии, он был подорван.

После разгрома боевых отрядов мятежников, начались аресты. Однако многим заговорщикам (в том числе и Пославскому) удалось скрыться. Так, например, участник мятежа, офицер Барабинского полка прапорщик И.И. Болыченцев, скрывался в домах в закаменской части города, а затем вступил в Красную армию. Также поступил и прапорщик А.П. Быков.

2-й Барабинский полк по приказу Войцеховского был расформирован. Многие его чины скрывались по частным домам и соседним деревням. Некоторое оружие, оставшееся от «барабинцев», поступило на вооружение отряда полковника Енборисова (Енборисов, 2014. С. 100). После захвата города красными из уцелевших «барабинцев» был сформирован 2-й Советский Барабинский полк (Ладыгин, 2013. С. 128–131), что также свидетельствует о заслугах «барабинцев» перед Советской властью в ходе мятежа. Новониколаевский же полк расформирован не был, и продолжил отступление на восток с остальными частями белых, получившее потом название Великого Сибирского ледяного похода. По воспоминаниям командира 3-го Барнаульского полка полковника Камбалина в тайге полк сдался в плен красным (Суманосов, Краснощеков, 2009).

Все офицеры 1-й армии, которые оказались в эмиграции, считались среди других бывших белых офицеров предателями. Об этом писал командир 3-го Барнаульского полка Камбалин (Суманосов, Краснощеков, 2009). А кадет Сибирского кадетского корпуса С. Марков, отступавший через Новониколаевск, позднее в эмиграции прямо обвинил все части из Новониколаевска в предательстве: «…до Новониколаевска шли с надеждой на восстановление фронта, рассчитывая на сибирские части… Но в Новониколаевске стало ясно, что сибирские части перешли на сторону красных» (Марков, 2004. С. 190).

Арестованных участников мятежа, которых не убили сразу после подавления, поляки разместили в Новониколаевской городской тюрьме (по сведениям из вторичных источников – также и в городском арестном доме). В частности, подпоручика Капустина, прапорщика Удрис, прапорщика Рушковского. Там же полякам удалось собрать и часть заключенных, выпущенных накануне мятежниками. Утром 9 декабря 1919 г. польский караул передал здание тюрьмы русским частям. Согласно воспоминаниям уцелевшего заключенного тюрьмы, вместо поляков на охрану заключенных заступили некие «анненковцы» (Известия Барабинского уездного ревкома. Каинск. 1920. № 13. 18 февраля). По воспоминаниям сестры заключенного тюрьмы Г.Н. Овечкина, «белобандиты» устроили

расправу над заключенными большевиками и мятежными офицерами: уводили группами во двор и там убивали разными способами. Затем трупы убитых были вывезены в овраг Вагановской (ныне Фрунзе) улицы (это противоречит тому, что потом многие трупы были подобраны красноармейцами прямо во дворе тюрьмы – авт.). Было казнено порядка 100 человек (Воспоминания новониколаевской подпольщицы М.Н. Сухаревой-Овечкиной о событиях 1919 года, записанных ею со слов её брата, заключенного Новониколаевской тюрьмы, машинописная копия без даты с рукописными правками хранятся в Новосибирской государственной областной научной библиотеке). Списки заключенных были уничтожены при взятии тюрьмы мятежниками. Поэтому, чтобы отделить политических – большевиков и «ивакинцев» – от уголовников, в тюрьме была произведена фильтрация. Согласно воспоминаниям другого уцелевшего заключенного, в тюрьму прибыл «комендант города, который любезно собрал нас в кружок, произнес речь. Многие из наших товарищей поверили его льстивым словам и открылись ему по душам, благодаря чему тот час же были отселены в отдельную камеру. …товарищи, назвавшиеся своим настоящим именем, около сорока человек, в ночь были заколоты в подвале тюрьмы» (Известия Барабинского уездного ревкома. Каинск. 1920. № 13. 18 февраля). Заключенные были убиты, предположительно, по устному приказу начальника штаба 2-й армии генерал-майора С.А. Щепихина. Исполнили приказ Отряд особого назначения 2-й армии под командованием полковника И.Г. Макри и Новониколаевский конно-партизанский отряд под командованием помощника командира подпоручика Семёнова (Архив УФСБ по НСО. Дело № 20820). Практически все трупы, найденные потом красноармейцами, были изуродованы. На взгляд авторов, заключенный ошибочно назвал «комендантом» полковника Макри, исполнявшего обязанности начальника гарнизона города (Там же). Для штатского человека что комендант, что начальник гарнизона по сути одно и тоже, тем более, что комендант г. Новониколаевска бежал из города 7 декабря (Архив УФСБ по НСО. Дело № 21222пф). К тому же, метод фильтрации очень похож на то, как полковник Макри отделил коммунистов от прочих пленных во время Ледяного похода на ст. Зима (рис. 9).

Рис. 9. Тела убитых заключенных Новониколаевской тюрьмы. Внизу слева – предположительно, тело прапорщика Удриса (фото из сети интернет. URL: https://amur.narzur.ru/vydayushchiysya-uchenyy-aleksandr-kolchak-on-je-ag/ (дата обращения 5.10.2020)

Fig. 9. Bodies of the killed prisoners of Novo-nikolaevsk`s prison. Bottom left-presumably, the body of officer Udris (photo from the Internet. Available at: https://amur.narzur.ru/vydayushchiysya-uchenyy-aleksandr-kolchak-on-je-ag/ (accessed 05.10.2020)

Какая же судьба постигла самого полковника Ивакина?

Обратимся к воспоминаниям К.В. Сахарова. Вот что он написал: «Через день полковник Ивакин пытался бежать из-под караула и был убит часовым» (Сахаров, 2017).

После подавления восстания было назначено следствие по делу о мятеже и создан военно-полевой суд, председателем которого стал генерал-майор Валериан Владимирович Семёнов, генерал для поручений при С.Н. Войцеховском. Курировал ход следствия, предположительно, С.А. Щепихин. Согласно показаниям секретаря военно-полевого суда поручика Василия Михайловича Степанищева (до мятежа был помощником коменданта Новониколаевска и одновременно сотрудником контрразведки), после суда в купе к полковнику Ивакину зашёл генерал-майор Семёнов и дал ему револьвер с одним патроном. После того как генерал Семёнов вышел, полковник Ивакин застрелился (Архив УФСБ по НСО. Дело № 20820) (рис. 10).

Авторы предполагают, что информацию об убийстве Ивакина при попытке к бегству распространило командование 2-й армии, чтобы избежать развития конфликта с братьями Пепеляевыми, по прямому проводу потребовавшими освобождения полковника.

Жизненный путь Аркадия Васильевича Ивакина, крещённого в Новоникольской церкви, закончился в Новониколаевске, который в обиходе называли Ново-Никольском, или просто Никольском…

Могила полковника Ивакина не сохранилась, – предположительно, на её месте теперь жилой дом.

Рис. 10. Генерал-майор В.В. Семенов (фото из сети Интернет. URL: http://grwar.ru/persons/person/2145/ (дата обращения 5.10.2020)
Fig. 10. Major General V.V. Semenov (photo from the Internet. Available at: http://grwar.ru/persons/person/2145/ (accessed 05.10.2020)

Нанесённый заговорщиками в г. Новониколаевске и других городах удар в спину белому фронту стал причиной окончательной катастрофы антибольшевистского движения на Востоке и одним из факторов сокрушительного поражения режима адмирала Колчака. Но участникам заговора это не принесло успеха или жизненного счастья – конечные цели мятежа в итоге достигнуты не были, большинство заговорщиков было расстреляно победителями в Гражданской войне. В частности, практически все заговорщики из числа военных, оставшихся в СССР, были расстреляны по так называемому «делу генерала Болдырева».

Библиографический список

Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Москва: Центрполиграф, 2017. 735 с.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: впечатления и мысли. Москва: Крафт+, 2007. 704 с.

Енборисов Г.В. От Урала до Харбина. Оренбургское казачье войско. Москва: Вече, 2014. 288 с.

References

Boldyrev V.G. (2017) Directory. Kolchak. Interventionists. Moscow: Tsentrpoligraf. 735 p. (In Russ.)

Gins G.K. (2007) Siberia, the allies and Kolchak. A turning point in Russian history 1918–1920. Moscow: Kraft+. 704 p. (In Russ.)

Enborisov G.V. (2014) From the Urals to Harbin. Orenburg Cossack Army. Moscow: Veche. 288 p. (In Russ.)

Ефимов А.Г. С Ижевцами и Воткинцами на Восточном фронте. Статьи, письма, документы. Москва: Айрис-Пресс, 2013. 600 с.

Иванов Вс.Н. Исход. Повествование о времени и о себе // Дальний восток, 1994 № 12. С. 3–75. URL: http://east-front.narod.ru/memo/ivanov.htm. (Дата обращения 05.09.2020)

Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. М.: Мысль, 1983. 294 с.

Клерже Г.И. Революция и Гражданская война в России. Личные воспоминания. Новосибирск: Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, 2012. 542 с.

Котомкин А.Е. О чехословацких легионерах в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака / сост., науч. ред., предисл. и коммент. д-ра ист. наук С.В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2004. С. 575–582.

Ладыгин И.В. Новониколаевск в военном мундире 1904–1920 гг. Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2013. 152 с.

Марков С.В. Пятьдесят лет тому назад. Воспоминания о Великом Сибирском походе и о борьбе с красными в Забайкалье // Великий Сибирский Ледяной поход / сост. С.В. Волков. М.: Центрполиграф, 2004. С. 185–204.

Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. В 2-х кн. М.: Айрис-Пресс, 2005. Кн. 2. 496 с.

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918−1939 гг. М.: Вече, 2001. 464 с.

Молчанов В.М. Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М.: Айрис-Пресс, 2009. 400 с.

Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых : воспоминания, документы. М.: Айрис-Пресс, 2011. 544 с.

Сахаров К.В. Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920 гг. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2017. 480 с.

Серебренников И.И. Гражданская война в России: Великий отход. М.: АСТ, Ермак, 2003. 695 с.

Ситников М.Г. Пермь пала. Пермь: Форвард-С, 2016. 288 с.

Суманосов В.А., Краснощеков А.А. Забытый полк: Страницы истории 3-го Барнаульского полка Белой армии, 1918–1922 : [воспоминания, документы и другие материалы]. Барнаул: Издат. дом «Барнаул», 2009. 317 с.

Шиловский М.В. Новониколаевск осенью – зимой 1919 г. // Гражданская война на Востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.). Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. Новосибирск, 18–20 ноября 2019 г. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2019. С. 233–242.

Efimov A.G. (2013) With “Izhevsk” and “Votkinsk” on the Eastern front. Articles, letters, documents. Moscow: Airis-Press. 600 p. (In Russ.)

Ivanov Vs.N. (1994) Exodus. A story about time and yourself. *Dal'nii vostok = Far East.* P. 3–75. (In Russ.) Available at: http://east-front.narod.ru/memo/ivanov.htm. (accessed 05.09.2020)

Ioffe G.Z. (1983) Kolchak's adventure and its collapse. Moscow: Mysl'. 294 p. (In Russ.)

Klerzhe G.I. (2012) Revolution and Civil War in Russia. Personal memory. Novosibirsk: State Public Scientific and Technical Library SB RAS. 542 p. (In Russ.)

Kotomkin A.E. (2004) About Czechoslovak Legionnaires in Siberia. Admiral Kolchak's Eastern Front. Moscow: Tsentrpoligraf. P. 575–582. (In Russ.)

Ladygin I.V. (2013) Novonikolaevsk in military uniform 1904–1920. Novosibirsk: Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.152. p. (In Russ.)

Markov S.V. (2004) Fifty years ago. Fifty years ago. Memories of the Great Siberian Campaign and the fight against the Reds in Transbaikalia. V*elikii Sibirskii Ledyanoi pokhod = The great Siberian Ice campaign.* Moscow: Tsentrpoligraf. P. 185–204. (In Russ.)

Mel'gunov S.P. (2005) The Tragedy of Admiral Kolchak. In 2 books. Moscow: Airis-Press. Book 2. 496 p. (In Russ.)

Mel'tyukhov M.I. (2001) Soviet-Polish wars. Military-political confrontation, 1918–1939. Moscow: Veche. 464 p. (In Russ.)

Molchanov V.M. (2009) The Last White General. Oral memoirs, articles, letters, documents. Moscow: Airis-Press. 400 p. (In Russ.)

Petrov P.P. (2011) From the Volga to the Pacific Ocean in the ranks of the Whites. Memoirs, documents. Moscow: Airis-Press. 544 p. (In Russ.)

Sakharov K.V. (2017) White Siberia. Internal war in 1918–1920. Moscow: The State Public Historical Library of Russia. 480 p. (In Russ.)

Serebrennikov I.I. (2003) Civil War in Russia: the great departure. Moscow: AST, Ermak. 695 p. (In Russ.)

Sitnikov M.G. (2016) The Perm fell. Perm: Forvard-S. 288 p. (In Russ.)

Sumanosov V.A., Krasnoshchekov A.A. (2009) The forgotten regiment. Pages of the history of the 3rd Barnaul regiment of the White Army, 1918–1922. Memories, documents and other materials. Barnaul: Izdat. dom “Barnaul”. 317 p. (In Russ.)

Shilovskii M.V. (2019) Novonikolaevsk in autumn – winter 1919. *Grazhdanskaya voina na Vostoke Rossii (noyabr' 1917 – dekabr' 1922 g.). Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Novosibirsk, 18–20 noyabrya 2019 g = Civil War in the East of Russia (November 1917 – December 1922). Collection of*

URL: http://bsk.nios.ru/content/novonikolaevsk-osenyu-zimoy-1919-g.html (Дата обращения 03.10.20)

Dyboski R. Siedem lat w Rosji I na Siberji (1915–1920). Krakow, 1922. 256 p.

Сведения об авторах

Ладыгин Игорь Валерьевич,
кандидат технических наук, независимый исследователь, член Новониколаевского военно-исторического клуба,
630123, г. Новосибирск, п/о 123 д/в Ладыгину Игорю Валерьевичу, Россия,
✉ e-mail: ladyginiv@rambler.ru
Гончаров Юрий Иванович,
инженер-химик-технолог, независимый исследователь,
658059, г. Барнаул, ул. Набережная, 36, Россия,
✉ e-mail: nmn18@ya.ru

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 28 октября 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 19 ноября 2020 г.
Принята к публикации 30 ноября 2020 г.

materials of the All-Russian scientific conference with international participation. Novosibirsk, November 18 –20, 2019. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN. P. 233–242. (In Russ.) Available at: http://bsk.nios.ru/content/novonikolaevsk-osenyu-zimoy-1919-g.html (accessed 3.10.2020)

Dyboski R. Siedem lat w Rosji I na Siberji (1915–1920). Krakow, 1922. 256 p.

Information about the authors

Igor V. Ladygin,
Cand. Sci. (Technical), independent researcher, fellow of Novonikolaevsk military-historical club,
do vostrebovania Ladyginu Igoryu Valerievichy, Post Office 123, Novosibirsk 630123, Russia,
✉ e-mail: ladyginiv@rambler.ru

Yuriy I. Goncharov,
chemical engineer-technologist, independent researcher,
36, Naberezhnaya street, Barnaul 658059, Russia,
✉ e-mail: nmn18@ya.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

Received October 28, 2020.
Received November 19, 2020.
Accepted November 30, 2020.

Оригинальная статья / Original article
УДК 93
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-240-248

Organization of the educational process at the Military Artillery Academy named after F.E. Dzerzhinsky during the initial period of the Great Patriotic War

© Sergey O. Fomichev, Andrey A. Kupriyanov, Zhanna V. Milashus

Mikhailovskaya Military Artillery Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Abstract: The article reviews and evaluates the organization of the educational process at the Military Artillery Academy named after F.E. Dzerzhinsky in 1941 on the eve of World War II and in its initial period. The study of military education during the Great Patriotic War (WWII) remains at present a relevant research topic for Russian history. The approaches and methods of organizing military education in wartime, the combat training organization in military educational institutions, including higher military education, are of great help for modern military educational institutions in the preparation of military training programs. The use of combat experience acquired by artillery as one of the main branches of the armed forces during the enemy's fire defeat was used and is being used at the Academy as the basis of training programs in the training of engineering and command personnel. It was during the World War II that many methods of dealing with enemy artillery and causing great damage to both military equipment and personnel were born, new methods of using sound-measuring stations for detecting enemy mortars were found, and special groups of counter-mortar warfare were created. This was a great success for the students of the Academy. In this regard, the discovery and use of previously unknown and unpublished historical documents related to the training of artillery commanders will certainly be in demand. "...the experience of individual teachers participating in military exercises or testing new types of weapons is not properly used in the departments to improve the qualification of teachers..." the Chief of the academy, Major General of Artillery Leonid Aleksandrovich Govorov.

Keywords: artillery, the educational process, military education in wartime, weapons and military equipment, combat readiness, staffing, training and material base, military operations, evacuation

For citation: Fomichev S.O., Kupriyanov A.A., Milashus Zh.V. (2020) The organization of the educational process at the Military Artillery Academy named after F.E. Dzerzhinsky in 1941. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 240–248. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-240-248

Организация учебного процесса в военной артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского в 1941 году

© С.О. Фомичёв, А.А. Куприянов, Ж.В. Милашус

Михайловская военная артиллерийская академия Министерства обороны Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье рассматривается и оценивается организация учебного процесса в военной артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского в 1941 г. накануне Второй мировой войны и в её начальный период. Изучение военного образования в годы Великой Отечественной войны (ВОВ) остаётся и на сегодняшний день актуальной темой исследования для отечественной истории. Подходы и методы организации военного образования в военное время, организация боевой подготовки в военных учебных заведениях, в том числе и высшего военного образования, являются для современных военных учебных заведений большим подспорьем в вопросах подготовки программ обучения на военное время. Использование боевого опыта, приобретённого артиллерией как одним из основных родов войск при огневом поражении противника, в академии использовался и используется как основа учебных программ в деле подготовки инженерных и командных кадров. Именно в период Второй мировой войны родились многие методы борьбы с артиллерией противника и нанесения им большого урона как боевой технике, так и личному составу. Найдены новые методы использования звукометрических станций для засечки минометов противника, созданы специальные группы контрминометной борьбы. Это был большой успех воспитанников Академии. В этой связи открытие и использование ранее не

известных и не опубликованных исторических документов, связанных с подготовкой командиров-артиллеристов, безусловно, будет востребовано, так как «…должным образом для повышения квалификации преподавателей не используется в кафедрах опыт отдельных преподавателей, участвующих в войсковых учениях или испытаниях новых образцов вооружения…», считает начальник академии генерал-майор артиллерии Леонид Александрович Говоров.

Ключевые слова: артиллерия, учебный процесс, военное образование в военное время, вооружение и военная техника, боевая готовность, укомплектованность, учебно-материальная база, боевые действия, эвакуация

Для цитирования: Фомичёв С.О., Куприянов А.А., Милашус Ж.В. Организация учебного процесса в военной артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского в 1941 году // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 240–248. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-240-248

The study of military education during the Great Patriotic War (GPW) remains a relevant research topic for Russian history. The approaches and methods of organizing military education in wartime, the organization of combat training in military educational institutions, including higher military education, are of great help for modern military educational institutions in the preparation of military training programs, improving weapons and military equipment, methods of their use, maintaining the combat readiness of the troops and the current level of the educational process. Mikhailovskaya Military Artillery Academy (MMAA) during the Second World War – Military Artillery Academy named after F.E. Dzerzhinsky marks the bicentennial of its founding on December 4, 2020 (Bug, 2020. P. 143). The experience of training artillery personnel for the Tsarist imperial army, the Workers and Peasants' Red Army (Red Army), the Armed Forces of the Union of Soviet Socialist Republics (USSR AF) and the modern Armed Forces of the Russian Federation (RF AF) is vast and invaluable. The use of combat experience acquired by artillery as one of the main branches of the armed forces, in the case of enemy fire, was used and is being used as the basis of training programs for engineering and commanding personnel with a higher military and artillery-technical education (Dyatlov, 2013. P. 70). In this regard, the discoveryand the use of previously unknown and unpublished historical documents related to the training of artillery commanders would always certainly be relevant and in demand.

For more clear understanding of the processes taking place in military education, it is necessary to determine the main criteria for considering this issue. In our opinion, they include: the quality of the staffing of the educational institution with the teaching staff; planning and organization of training sessions and preparatory activities related to them, first of all, the provision of educational material base; the use of combat experience in the educational process (Kupriyanov, Velikay, 2020. P. 206).

When studying archival documents of the Russian Federation Ministry of Defense Central Military Archive (CMA MD RF), we managed to get acquainted with many interesting documents related to the history of the MAA named after F.E. Dzerzhinsky during the period of 1941–1945.

With the beginning of the GPW, on June 22, 1941, the Academy was located in Moscow (Znamenskaya, 1989. P. 16), the educational process of the institution was carried out in accordance with previously approved curricula.

When studying the first criterion, with the help of archival funds, it was established:

"... as of May 30, 1941, the teaching staff in accordance with the staffing table was only 317 people, of which 211 were teachers (military personnel) and 54 (civilian) teachers, teachers of certain disciplines (the Department of Foreign Languages, Shooting and Physical Education) – 52 people" (CMA MD RF. Fund no. 60716. Inventory no. 36377. File no. 3. Sheet. 218).

The quantity and quality of the academy staffing with the teachers is noteworthy: "...186 teachers (military personnel), 88.1 % of them have academic ranks and degrees, 50 people of teachers (civilian employees), 93 % of them have academic ranks and degrees, 26 people of teachers (military personnel and civilian employees) 50 % of Shooting and Physical Education departments have academic ranks and degrees" (CMA

MD RF. Fund no. 60716. Inventory no. 36377. File no. 3. Sheet. 218).

According to the documents, the total percentage of those who had a scientific degree or a degree among the teaching staff was 80 %, which is a very high indicator (Kupriyanov, Velikay, 2020. P. 206). For example, at present, in accordance with state educational standards, the professors and teachers of the academy in academic ranks and degrees should be at least 65 %.

At first sight, we can conclude that MAA named after Dzerzhinsky F.E. fully corresponded to the status of an educational institution capable of fulfilling the tasks of retraining and training highly qualified specialists for artillery of the Red Army before the start of the Great Patriotic War. But it is only at first sight. The teaching staff had a high educational status, but as it became known from the act of accepting affairs and the post of the Head of the academy by the Major General of Artillery Leonid Aleksandrovich Govorov from the Lieutenant General of Artillery Arkady Kuzmich Sivkov[1], it was established: "In the 29 departments of the total of 38 departments, the professors and teachers staff provides a generally normal course of the educational process, with the exception of some teachers that do not cope with pedagogical work due to poor preparation. 9 departments: Tactics of Ground Artillery, Military Theory, Tactics of Air Defense, Mechanical Technology and Artillery Production, Design of Artillery Systems, Explosives, Mortar Weapons and Mortar Shots need to be controlled".

Not all the teaching staff has been reorganized in the direction of mastering the modern level of military equipment and its combat employment, as well as changing the methods of training students in accordance with the restructuring of the training and educating troops methods.

First of all, in the Academy, the military cycle departments lag behind in this respect, which have not yet become laboratories of military thought in the study, creative comprehension and transfer of modern experience to students, and sometimes lagging behind what has already become part of the army.

"In order to improve the qualification of teachers, the experience of some teachers participating in military exercises or testing new types of weapons is not used in the departments" (CMA MD RF. Fund no. 60716. Inventory no. 36377. File no. 3. Sheet. 202–203).

As can be seen from the document, the problem of the quantity of the teaching staff personnel for a higher educational establishment is very important, this understanding was both with the previous head and the new Head of the academy. But this problem is not the last of the cases and positions indicated in the acceptance certificate. The new Head of the academy, the future Marshal of Artillery L.A. Govorov payed special attention to the quality of the staffing of the Academy with variable composition: "The process of the Academy staffing with variable composition for 1941 is unsatisfactory and requires the adoption of immediate decisive measures to ensure at least the minimum necessary competitions are received. To be received:

1. Command-and-Ground faculty – 277 people;
2. Command and Anti-Aircraft faculty – 133;
3. Armament faculty – 132;
4. Ammunition department – 125.

In total – 667 people" (CMA MD RF. Fund no. 60716. Inventory no. 36377. File no. 3. Sheet. 209).

Assessing the organization of the educational process, L.A. Govorov also focused on the shortcomings in the planning of educational and independent work (Kupriyanov, Velikay, 2020. P. 206). Here is what was reflected on this issue in the act of accepting the case and post: "...Lack of necessary time for students to work independently, overloaded with lecture classes to the detriment of practical classes and insufficient time allocated for laboratory classes from the total number of practical classes" (CMA MD RF. Fund no. 60716. Inventory no. 36377. File no. 3. Sheet. 205).

They were also pointed to the inadequacy of the educational process with the facilities and equipment in the training laboratories of the departments of Tactics of Ground Artillery, Shooting, Artillery Instrumental Reconnaissance, Rifle Weapons, Acoustic Devices, Mechanical Traction, Saving and Assembling Shots,

[1] On the People's Commissar of Defense Order No. 01313 of May 15, 1941.

Physics, Electrical Engineering, Material Resistance, Theory of Mechanisms and Machines (CMA MD RF. Fund no. 60716. Inventory no. 36377. File no. 3. Sheet. 205).

It should be noted that the conclusions that were made by the new leadership of the institution turned out to be very significant for the academy. In the initial period of the Great Patriotic War, the Academy, thanks to the measures taken, although not in full, but still in a very short time, was able to rebuild its educational process for wartime.

On the afternoon of June 22, 1941, speaking on the radio, People's Commissar for Foreign Affairs V.M. Molotov announced the villainous attack of Nazi Germany on our country (Meretskov, 1969. P. 210). It sounded for all the higher military educational establishments and combat units as a signal of combat alarm. A vivid expression of the high patriotic upsurge of teachers and students was the massive receipt of reports from them with a request for immediate sending to the front.

In the very first days of the war, in accordance with mobilization deployment plans, significant changes took place in the training of artillery personnel at the academy (Tonkikh, 1982. P. 236).

On August 1, 1941, 1,097 listeners had gone to the front. We can't but say that Artillery Supply department tutors left for front (Borodin, 2003. P. 167).

Artillery Academy personnel took part in combat actions in the initial period of war. At the beginning of the war, the Artillery Academy, like many other higher military educational institutions, in the most difficult period was forced by its personnel to take part in hostilities (Zhelanov, Khorzhevskii, Vasil'ev, Chistyakov, 1958. P. 21).

I constantly had to work in the late evening hours during the German air raids on Moscow. "Not far from our house, on Gorky Street, one could see a large crater from a high-explosive bomb that exploded on the pavement. Next to it there was a bus with broken glass and traces of fragments on the body. But gradually we started to get used to the raids of the fascist aircraft. The population learnt to deal with the incendiary bombs that often fell on our house. The Academy building was also covered with incendiary bombs several times, but the high-explosive bombs did not cause much damage. During one of the meetings in my office, an air wave from a large aerial bomb that fell on the opposite side of the Moskva River (the windows of the office overlooked the embankment) broke glass and disrupted the blackout; the work had to be moved to the bomb shelter, which was the basement floor of the Academy building" (A.A. Blagonravov).

The commander of the Leningrad Front and the artillerymen of the Academy often had to look for new possibilities and solutions for counter-battery warfare, it was during the period that many methods of fighting with enemy artillery were born and causing great damage to both military equipment and personnel. It was a great success for the students of the Academy. Here is what G.F. Odintsov says: "I remembered my artillery academy – alma mater with gratitude, which foresaw the role that I would carry out in the war. The fact is that once, against my will, I was assigned to a new specialty – a department for training specialists in artillery instrumental reconnaissance. The training I received at the academy helped me a lot in organizing the defense of Leningrad from the barbarian artillery shelling of the city" (Odintsov, 1968. P. 115).

Also, with the active participation of the students of the Academy, new methods of using sound-measuring stations for detecting enemy mortars were found, and special groups for counter-mortar warfare were created. M.V. Rostovtsev was an enthusiast of that work. Describing the combat work of the artillery of the Leningrad Front, N.N. Voronov notes "The chief of the reconnaissance department of the Red Army artillery headquarters, Colonel M.V. Rostovtsev, an excellent expert and patriot of his specialty. Skillfully organized artillery reconnaissance quickly affected the success of the counter-battery fight...." (Voronov, 1968. P. 203).

An example of it is lots of feats accomplished both by the teaching staff and by the students in the performance of combat missions in the defense of the capital of our homeland, Moscow.

On January 8, 1946, all personnel involved in the defense of Moscow were awarded with one of the

most memorable medals of the Second World War, "For the Defense of Moscow" (Tonkikh, 1970. P. 18).

In 1941, a month after the start of the war, the current situation at the front required the leadership of the academy to review and make a number of significant changes in educational and scientific work, and the academy was reassigned by the decision of the People's Commissar of Defense to the Chief of artillery of the Red Army. At that time, the academy began to recruit for four-month courses to train military technicians, recruitment was made among students of senior courses of higher technical educational institutions and among citizens with a higher technical education (who had been mobilized into the Red Army, according to plans for mobilization deployment), the number of these courses reached up to 2,000 people (Uglov, 2020. P. 12).

The leadership of the RCRA, realizing the enormous educational potential of the academy, as one of the higher educational institutions for training command personnel, considered the academy its reserve. In September 1941, there was a shortage of commanders and positions associated with their supply of the Red Army during the period of hostilities.

Staff workers were trained by the remaining teachers of the ground artillery command faculty.

In connection with the prevailing gap in the personnel of the academy, in particular, for carrying permanent orders and patrol commandant service in Moscow, it led to the fact that the educational process was stopped. The so-called reserve was practically used, in the academy by that period there were no more than 300 students (Kuzhel'kov, Popov, 1945. P. 102).

On the basis of mobilization plans, the personnel management of the Academy RCRA was instructed to recruit senior courses students of civilian higher educational institutions of the country, with the main task of preparing artillery commanders and engineers and it was done. For this purpose, training programs and plans for the artillery personnel training for the active army were prepared in a very short time. As of these plans and programs analysis, the academy leadership devoted more than half of the educational time allotted for the training of specialists to practical exercises with the widespread use of artillery weapons used in the Red Army (Plotnikov, 1990. P. 89). In accordance with the order of the Chief of artillery of the Red Army, the leadership of the academy was ordered to prohibit the distraction of personnel (especially from engineering faculties until their final training on reduced and accelerated curricula). All that had a positive effect and allowed the academy leadership to restore the educational process.

The Military Artillery Academy, despite a large number of different programs and plans, not typical for the artillery academy in military specialists training, was able to cope with the assigned tasks. That kind of work has never been done during the entire existence of the Academy.

In spite of the difficulties in the training of specialists for the artillery of the Red Army in the initial period of the Second World War, the academy leadership and personally its chief – the future Marshal of Artillery L.A. Govorov did not forget about the quality of the students training. So two weeks after the beginning of the Second World War, the Chief of artillery L.A. Govorov[2] sends his proposals to the Head of the Red Army, which indicate the need for candidates to enter the academy with a deadline 1 year of training, at least 1 year of command experience and combat experience (CMA MD RF. Fund no. 60716. Inventory no. 36377. File no. 3. Sheet. 240). Here he proposes a term for recruiting students for training from December 15, 1941. Looking ahead, I would like to note that the date he indicated for the start of training will be fulfilled even taking into account the relocation of the academy to Samarkand.

20 days after the start of the war, wartime curricula were approved in the academy, with the calculation of the training period for students of the Academy for one year. At the Armament Faculty, Departments of Artillery, Rifle and Artillery Devices, Ammunition Faculty, Department of Ammunition, Department of Powder and Explosives, as well as at the Department of Mortar Weapons, the term of study was set

[2] Directive of the General Staff of the Red Army No. Org / 1/524383 of 06/30/1941, "On the order of recruiting military educational institutions".

at 2 years (CMA MD RF. Fund no. 60716. Inventory no. 36377. File no. 3. Sheet. 246–255).

In accordance with the plans for wartime, the academy continued its work, but by mid-August 1941, in case of significant losses in the command personnel of the Red Army, the academy students were forced to leave for the front after receiving appointments to the active forces, without even graduating from the academy. in the shortest possible time of training. As it is clear from the report of the Head of the academy to the PCD Deputy, 1st rank army commissar Mehlis: "...by June 22, 1941 594 students out of 1384, after accelerated graduation and assignment to the troops, 485 people did not complete the training course, 305 people remained in the academy and 47 of them were on various business trips" (CMA MD RF. Fund no. 60716. Inventory no. 36377. File no. 3. Sheet. 279).

By the autumn of 1941, the German fascist troops successfully developed an offensive on Moscow. The enemy sought to encircle the Soviet troops defending the capital, defeat them, and starve its population to death. One of the SS ranks on October 9, 1941, wrote in his diary after one of the so-called table conversations between the Fuehrer and his retinue: "The Fuehrer ordered that not a single German soldier should enter Moscow. The city will be flooded and wiped off the face of the earth" (Grushevoi, 1974. P. 126). In this situation the country's leadership was forced to take measures to relocate not only the country's industry, but also many educational institutions, including the MAA named after F.E. Dzerzhinsky.

Describing the period in the fall of 1941, the battles were fought on the near approaches to Moscow, N.N. Voronov says: "One day A.A. Blagonravov, who was acting as the head of the artillery academy, came to see me. and reported on how difficult it had become in such an environment to train personnel for artillery. The academy was pulled up. The commandant of the city of Moscow somehow summoned Blagonravov and offered to get a significant amount of explosives from the warehouses. – Why? What for? – Blagonravov was surprised. – Destroy enemy tanks on the streets of Moscow. – How? – The forces of the personnel of the academy must scatter explosives on the streets of the city. Enemy tanks will go and explode. Together with A.A. Blagonravov we sincerely laughed at the military ignorance of the esteemed commandant. But I came to the conclusion that the educational institution needs help. At the very first conversation at Headquarters, I suggested to evacuate the Artillery Academy from Moscow immediately. They agreed with me" (Voronov, 1963. P. 225).

In accordance with the directive received from the Deputy People's Commissar of Defense of the USSR[3] on relocation, the academy was ordered to relocate to Tomsk (later Samarkand) by October 25, 1941. For this purpose the academy leadership urgently needed to submit an application to the Red Army Military Communication Authorities for transportation.

The need for the academy property and personnel transportation was about 400 cars (the Head of the academy filed an application for 460 cars). It should be noted that while the academy moving to Moscow from Leningrad in 1938, the need was 1080 cars and 2 barges (CMA MD RF. Fund no. 60716. Inventory no. 36377. File no. 166. Sheet. 30).

It was difficult to supply with such number of carriages in 1941. On October 17, 1941. It was possible to receive an order for only 240 cars, 92 cars and 15 platforms from two echelons were actually delivered for loading (Morozov, 2011. P. 58). Getting acquainted with the archival documents comes an understanding of all the difficulties and problems that the Academy leadership had to face during that difficult period for the country. There was a great tension in all administrative structures of both the army and civilian organizations. Such a large-scale evacuation of not only educational institutions, but also industry from the capital required enormous costs and efforts in managing the process. Due to the lack of echelons, the academy was ordered to make a part of the personnel a marching march to the area of the city of Kovrov, where the Head of the academy decided to finish the military technician courses (about 1,500 people), since the curriculum in terms of training was already completed. In such difficult conditions, the

[3] Directive of the Deputy People's Commissar of Defense of the USSR No. Org / 2270. October 15, 1941.

Academy leadership managed to carry out the evacuation.

On November 30, 1941, all academy students arrived in Samarkand and began training (CMA MD RF. Fund no. 60716. Inventory no. 36347, File no 3. Sheet. 297).

According to the data given in this report, by December 3, 1941, in the academy there were 1,581 people of variable personnel, 755 people of which are at command faculties (including courses for commanders of mortar batteries), 231 people at artillery supply courses and 599 people at technical courses.

The relocation of the academy and the large number of teaching and laboratory facilities that had to be left in Moscow naturally left an imprint on the organization of training in the new conditions. The leadership of the academy was forced to mobilize the staff of teachers and students with all its strength and capabilities to normalize the educational process. The academy made the first graduation of its students on December 31, 1941, (Kezhaev, 2007. P. 74) these were the commanders of the mortar batteries, who were released ahead of schedule, instead of three months of training, they studied for only one month. This fact does not meet the requirements of the curriculum and leads to a low level of knowledge of the students. Proceeding from this, the leadership of the academy noted, with a request to the Chief of Artillery of the Red Army, to prevent this from happening in the future (Uglov, 2008. P. 54).

Later, during the war, when the leadership of the armed forces came to the conclusion that "all gunners from private to General" should understand "…that they are responsible for the fate of the battle and operation, for the advancement of infantry and tanks, as well as General commanders for the performance of the task" (Chernukhin, 2013. P. 160).

As can be seen from the cited historical documents and facts in the article, an unambiguous conclusion can be made that the training of students of the MAA after F.E. Dzerzhinsky during the first year of the Second World War was organized and carried out according to previously prepared plans. Yes, these plans were adjusted in accordance with the needs of the Red Army, but their presence and the mobilization of all personnel allowed the academy leadership to carry out all the planned measures in the difficult period of wartime.

References

Borodin V.P. (2003) Artillery Academy of the WPRA (RKKA) named after F. E. Dzerzhinsky in the initial period of the Great Patriotic war. *Grazhdanskaya initsiativa = Civil Initiative.* Iss. 1. May. P. 167–176. (In Russ.)

Bug S.V. (2020) Mikhailovskaya Military Artillery Academy. Historical essay. St. Petersburg: PNB. 500 p. (In Russ.)

Voronov N.N. (1963) In the military service. Moscow: Voenizdat. 437 p. (In Russ.)

Voronov N.N. (1968) Memoirs. Defense of Leningrad, 1941–1944. Memoirs and diaries of participants. P. 199–221. (In Russ.)

Grushevoi K.S. (1974) One hundred military parades. Moscow: Voenizdat. 360 p. (In Russ.)

Dyatlov V.V. (2013) Artillery in the defense of the Eastern borders of the country 1929–1939. St. Petersburg: MWAA. 206 p. (In Russ.)

Zhelanov V.N., Khorzhevskii P.V., Vasil'ev A.V., Chistyakov M.N. (1958) Artillery in defensive operations of the Great Patriotic War. Moscow: Voenizdat. 432 p. (In Russ.)

Znamenskaya V.I. (1989) Military Artillery Academy named after M.I. Kalinin. Historical essay on the 30th anni-

Библиографический список

Бородин В.П. Артиллерийская академия РККА имени Ф.Э. Дзержинского в начальном периоде Великой Отечественной войны // Гражданская инициатива. 2003. Май. Вып. 1. С. 167–176.

Буг С.В. Михайловская военная артиллерийская академия. Исторический очерк. Санкт-Петербург: ПНБ, 2020. 500 с.

Воронов Н.Н. На службе военной. Москва: Воениздат, 1963. 437 с.

Воронов Н.Н. Воспоминания // Оборона Ленинграда, 1941–1944. Воспоминания и дневники участников, 1968. С. 199–221.

Грушевой К.С. Сто военных парадов. Москва: Воениздат, 1974. 360 с.

Дятлов В.В. Артиллерия на защите восточных рубежей страны 1929–1939 гг. Санкт-Петербург: МВАА, 2013. 206 с.

Желанов В.Н., Хоржевский П.В., Васильев А.В., Чистяков М.Н. Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Москва: Воениздат, 1958. 432 с.

Знаменская В.И. Военная артиллерийская академия им. М.И. Калинина. Исторический очерк к 30-летию

versary of the Academy. Leningrad: VAA printing house. 166 p. (In Russ.)

Kezhaev V.A. (2007) Formation of scientific education in the Russian artillery: origins and traditions. *Mikhailovets = Mikhailovets.* No. 14. P. 73–77. (In Russ.)

Kuzhel'kov I.I., Popov A.A. (1945) 125 years of the Artillery Academy 1820–1945. Mikhailovskaya Artillery Academy and School. Artillery order of Lenin and order of Suvorov Academy of the Red Army Dzerzhinskoe's. Moscow: Art Academy. 136 p. (In Russ.)

Kupriyanov A.A., Velikaya E.V. (2020) Heroes are born. *Sbornik statei mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Okonchanie Vtoroi mirovoi voiny" (k 75-letiyu okonchaniya Vtoroi mirovoi voiny) = Collection of articles of the international scientific conference "End of World War II" (to the 75th anniversary of the end of World War II).* P. 204–211. (In Russ.)

Meretskov K.A. (1969) In the service of the people. Pages of memories. Moscow: Politizdat, 405 p. (In Russ.)

Morozov V.V. (2011) Let's bow to the great years, those glorious commanders and fighters. *Mikhailovets = Mikhailovets.* No. 19. P. 58–63. (In Russ.)

Odintsov G.F. (1968) Memoirs. *Oborona Leningrada, 1941–1944. Vospominaniya i dnevniki uchastnikov = Defense of Leningrad, 1941–1944. Memoirs and diaries of participants.* P. 102–139. (In Russ.)

Plotnikov Yu.I. (1990) Military Academy named after F.E. Dzerzhinsky 170 years old. Moscow: Military Academy Dzerzhinsky. 336 p. (In Russ.)

Tonkikh F.P. (1970) One hundred and fifty years of the Military Engineering order of Lenin and Suvorov Academy named after F.E. Dzerzhinsky. An Essay on history. Moscow. 1970. 35 p. (In Russ.)

Tonkikh F.P. (1982) Three times order-bearing Academy named after F.E. Dzerzhinsky. An Essay on history. Moscow: Military Academy named after F.E. Dzerzhinsky. 476 p. (In Russ.)

Uglov V.I. (2008) Chronicle of the Military Academy of Strategic Missile Forces named after Peter the Great 1820–2007. Belgorod: Belgorod regional printing house. Vol. 1. 302 p. (In Russ.)

Uglov V.I. (2020) Academy in the Great Patriotic War of 1941–1945. 75th anniversary of the Great Victory 200th anniversary of the Academy's formation is dedicated to... Moscow: Publishing house of the military Academy of the Peter the Great RVSN. 178 p. (In Russ.)

Chernukhin V.A. (2013) Activity of state and military administration bodies for the development of Red Army artillery on the eve and during the Great Patriotic War (mid-1930s – may 1945). St. Petersburg: MWAA, VIMAIViVS. 248 p. (In Russ.)

Information about the authors

Sergey O. Fomichev,
Cand. Sci (History), Senior teacher of Tactics department

академии. Ленинград: Типография ВАА, 1989. 166 с.

Кежаев В.А. Формирование научного образования в российской артиллерии: истоки и традиции // Михайловец. 2007. № 14. С. 73–77.

Кужельков И.И., Попов А.А. 125 лет Артиллерийской академии 1820–1945. Михайловская артиллерийская академия и училище. Артиллерийская ордена Ленина и ордена Суворова академия Красной Армии им. Дзержинского. Москва: Артакадемия, 1945. 136 с.

Куприянов А.А., Великая Е.В. Героями рождаются // Сборник статей международной научной конференции «Окончание Второй мировой войны» (к 75-летию окончания Второй мировой войны). 2020. С. 204–211.

Мерецков К.А. На службе народу. Страницы воспоминаний. Москва: Политиздат, 1969. 405 с.

Морозов В.В. Поклонимся великим тем годам, тем славным командирам и бойцам // Михайловец. 2011. № 19. С. 58–63.

Одинцов Г.Ф. Воспоминания // Оборона Ленинграда, 1941–1944. Воспоминания и дневники участников, 1968. С. 102–139.

Плотников Ю.И. Военной академии имени Ф.Э. Дзержинского 170 лет. Москва: Военная академия им. Дзержинского, 1990. 336 с.

Тонких Ф.П. Сто пятьдесят лет Военной инженерной ордена Ленина и Суворова академии имени Ф.Э. Дзержинского : Очерк истории. Москва: [б.и.], 1970. 35 с.

Тонких Ф.П. Трижды орденоносная академия имени Ф.Э. Дзержинского : Очерк истории. Москва: Военная академия им. Ф.Э. Дзержинского, 1982. 476 с.

Углов В.И. Летопись военной академии ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого 1820–2007 гг. Белгород: Белгородская областная типография, 2008. Т. 1. 302 с.

Углов В.И. Академия в Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг. 75-летию Великой Победы 200–летию образования академии посвящается… Москва: Изд-во Военной академии РВСН имени Петра Великого, 2020. 178 с.

Чернухин В.А. Деятельность органов государственного и военного управления по развитию артиллерии Красной армии накануне и в годы Великой Отечественной войны (середина 1930-х годов – май 1945 г.). Санкт-Петербург: МВАА, ВИМАИВиВС, 2013. 248 с.

Сведения об авторах

Фомичёв Сергей Олегович,
кандидат исторических наук, старший преподаватель

combat activity of rocket and artillery arms,
Mikhailovskaya military artillery Academy of the Ministry of defence of the Russian Federation,
22, Komsomol street, St. Petersburg 195009, Russia,
✉ e-mail: qwert.fso@yandex.ru

Andrey A. Kupriyanov,
Senior assistant of the chief of the group of mobilization deployment support,
Mikhailovskaya military artillery Academy of the Ministry of defence of the Russian Federation,
22, Komsomol street, St. Petersburg 195009, Russia,
✉ e-mail: kuper56@yandex.ru

Zhanna V. Milashus,
Senior teacher of the Foreign Languages department,
Mikhailovskaya military artillery Academy of the Ministry of defence of the Russian Federation,
22, Komsomol street, St. Petersburg 195009, Russia,
✉ e-mail: zmilashus@rambler.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

Received August 23, 2020.
Received October 27, 2020.
Accepted November 16, 2020.

кафедры тактики и боевой работы ракетных войск и артиллерии,
Михайловская военная артиллерийская академия Министерства обороны Российской Федерации,
195009, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, 22, Россия,
✉ e-mail: qwert.fso@yandex.ru

Куприянов Андрей Андреевич,
старший помощник начальника группы обеспечения мобилизационного развертывания,
Михайловская военная артиллерийская академия Министерства обороны Российской Федерации,
195009, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, 22, Россия,
✉ e-mail: kuper56@yandex.ru

Милашус Жанна Вениаминовна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Михайловская военная артиллерийская академия Министерства обороны Российской Федерации,
195009, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, 22, Россия,
✉ e-mail: zmilashus@rambler.ru

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 23 августа 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 27 октября 2020 г.
Принята к публикации 16 ноября 2020 г.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(571)«1921/1929»(035.3)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-249-253

Большевистское предпочтение методов штурма и риторики боев Рецензия на монографию А.И. Бакшеева «НЭП в Сибири. Атмосфера и логика войны»*

© А.Г. Рогачев

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

Аннотация: В рецензии охарактеризована монография А.И. Бакшеева. Отмечена новизна и актуальность, адекватный арсенал задействованных методов, обширность и разнообразие источниковой базы, насыщенность статистическими данными, обоснованность и важность авторских выводов. Рецензент оценивает работу Бакшеева как серьезный вклад в осмысление Новой экономической политики на материале Сибири. Представлен комплексный ретроспективный анализ военных, теоретических и прикладных взглядов 1920-х гг., предопределивших государственный курс в аграрной сфере. Особо выделена убежденность большевиков в предпочтительности методов военного коммунизма и восприятие отступлений от него, как вынужденных, временных. Высоко оценена стилистика текста и иллюстративный ряд, облегчающие восприятие содержания. В качестве недостатка указано на увлечение второстепенными вопросами, не существенными для раскрытия темы.

Ключевые слова: Новая экономическая политика, Сибирь, большевики, крестьянство, силовые методы, риторика, преемственность, историографические трактовки, военные перспективы

Для цитирования: Рогачев А.Г. Большевистское предпочтение методов штурма и риторики боев. Рецензия на монографию А.И. Бакшеева «НЭП в Сибири. Атмосфера и логика войны» // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 249–253. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-249-253

Bolshevik preference for assault methods and battle rhetoric Review of A.I. Baksheev's monograph “NEP in Siberia. The atmosphere and logic of war”*

© Aleksandr G. Rogachev

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

Abstract: The review describes the monograph of A.I. Baksheev. The novelty and relevance, an adequate arsenal of methods involved, the vastness and diversity of the source base, the saturation of statistical data, the validity and importance of the author's conclusions are noted. The reviewer evaluates Baksheev's work as a serious contribution to understanding the New Economic Policy based on the material of Siberia. The article presents a comprehensive retrospective analysis of military, theoretical and applied views of the 1920s that determined the state course in the agricultural sphere. The article highlights the Bolshevik's belief in the preference for the methods of War Communism and the perception of deviations from it as forced and temporary. The stylistics of the text and the illustrative series that facilitate the perception of the content are highly appreciated. As a disadvantage, it is indicated that there is a passion for secondary issues that are not essential for the disclosure of the topic.

---

* Бакшеев А.И. НЭП в Сибири. Атмосфера и логика войны: монография / науч. ред. П.А. Новиков. Красноярск: КрасГМУ, 2020. 145 с.

* Baksheev A.I. NEP in Siberia. The atmosphere and logic of war. Krasnoyarsk: The Krasnoyarsk State Medical University, 2020. 145 p.

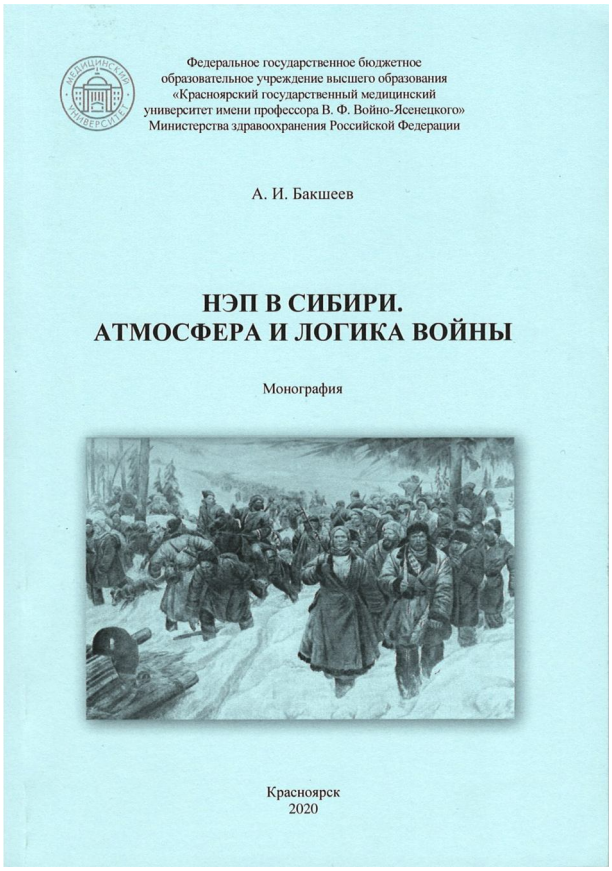
Keywords: New Economic Policy, Siberia, the Bolsheviks, the peasantry, power methods, rhetoric, continuity, historiographical interpretations, military perspectives

For citation: Rogachev A.G. (2020) Bolshevik preference for assault methods and battle rhetoric. Review of A.I. Baksheev's monograph "NEP in Siberia. The atmosphere and logic of war". *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 249–253. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-249-253

Автор рецензируемой монографии – сибирский историк А.И. Бакшеев хорошо известен научной общественности публикациями по политической и аграрной истории Сибири первого десятилетия Советской власти. Его новый труд (Бакшеев, 2020) посвящен малоисследованной теме – Новой экономической политике в Сибири, обобщению ее предпосылок и последствий. Развивая положения, выдвинутые в предыдущих монографиях (Бакшеев, 2005; Бакшеев, 2013a) и ряде статей (Бакшеев, 2006; Бакшеев, 2011; Бакшеев, 2013b; Бакшеев, 2013c; Бакшеев, 2016; Baksheev, Panasenko, Aisner, Bershadskaya, Musat, Rakhinsky, 2018; Baksheev, Novikov, Musat, Shtump, Rakhinsky, 2020) автор приходит к важным выводам, которые представляют собой основательный и комплексный анализ исследуемого феномена НЭПа как в теоретическом, так и в прикладном аспекте.

Научная актуальность темы обусловлена, прежде всего, недостаточным изучением этого вопроса в отечественной историографии. Так как до сих пор сибирская специфика новой экономической политики не являлась предметом комплексного научного исследования. Вместе с тем эта тема актуальна в контексте потребности изучения исторического опыта политических и экономических процессов в Сибири. Поэтому исследование вклада Сибири, в том числе сибирского крестьянства, в осуществление продовольственной и промышленной политики государства в 1920-е гг. вполне может быть практически полезным и в современных условиях.

В исследовании автора представлен комплексный ретроспективный анализ военных, теоретических и прикладных взглядов 1920-х гг., повлиявших на аграрные управленческие решения в СССР и в Сибири. Изучены особенности политических и экономических процессов в Сибири, эволюция советской риторики по проблемам НЭПа. Уде-

лено особое внимание раскрытию в последней логических противоречий и аргументационных лакун. Также выявлена степень преемственности политики руководства страны, сделан отдельный упор на военно-политическом аспекте НЭПа.

Необходимо отметить широкую и разнообразную источниковую базу монографии. Она составляет широкий перечень первоисточников, научных трудов ведущих зарубежных и отечественных ученых, мемуаров, международных и национальных нормативно-правовых актов, статистических данных, материалов прессы. В этом аспекте необходимо указать на научную ценность данной книги в специфических условиях сибирского региона. В монографии присутствует богатый и обширный иллюстративный материал, представленный

фотографиями того времени и портретной галереей видных деятелей большевистской партии и советского государства.

Научная новизна также базируется на привлечении значительного круга как архивных, так и опубликованных источников. Использованы различные методы исследования, к ним привлечена статистическая информация. Присутствуют описательный и проблемно-исторический методы, которые применяются при анализе военной и экономической политики большевиков в Сибири. Автор использует сравнительный анализ общественно-экономических явлений периода НЭПа.

Методологическую основу работы составляют принципы историзма, объективности, системности, сравнительного подхода к изучению обозначенной проблемы. Выводы, обобщения и факты, приводимые в монографии, имеют достоверный характер, поскольку базируются на широкой документальной основе, современных методологических принципах и актуальной методике исследования. В частности, автор широко использует метод ретроспективы, позволяющий сравнить исторические события с более поздними ступенями развития. Этот метод А.И. Бакшеевым используется тогда, когда необходимо освещать явления прошлого по тем последствиям, причинами которых они были. Важную роль автор монографии придает логическому методу исследования, который позволяет анализировать исторические явления в конечной стадии их развития, когда они уже сформировались и все его основные свойства приобрели завершающий вид.

Хронологически труд охватывает период с 1921 по конец 1929 г., когда достигнутые производственные показатели СССР создали определенный запас экономической прочности и позволили большевикам взять курс на постепенное свертывание НЭПа и ускоренную насильственную коллективизацию.

Структура рецензируемой книги выстроена по проблемному принципу и состоит из введения, четырех глав, заключения и приложений.

Во «Введении» определены актуальность темы исследования, состояние научного исследования проблемы, хронологические и территориальные рамки исследования, поставлены соответствующие исследовательские задачи.

Первая глава посвящена анализу военно-политического подхода большевиков, основанному на осмыслении опыта Первой мировой и Гражданской войн и оказавшего определяющее влияние на внутриполитические решения партии по решению поставленных перед страной экономических задач. Осуществленный автором анализ убеждает в том, что большевики во главу угла ставили необходимость твердой и планомерной экономической подготовки к грядущей «революционной» войне.

Второй раздел монографии «Наследие гражданской войны и военного коммунизма» посвящен рассмотрению вопросов предшествующей НЭПу картины развития ситуации в стране. В том числе определяется взаимосвязь и взаимообусловленность идейного и материального наследия, послужившего началом новому курсу партии большевиков. На основании анализа хронологии и географии Гражданской войны в Сибири, военно-политического освоения Сибири, особенностей военного коммунизма в Сибири и последовавших вследствие его введения крестьянских восстаний, автор особо подчеркивает глубокую убежденность большевиков в предпочтительности методов военного коммунизма и рассмотрение отступлений от него, как вынужденных и непродолжительных.

В третьем разделе «Красная армия в Сибири 1921–1928 гг.» автор рассматривает сложные проблемы территориально-кадровой системы комплектования и подготовки, военного строительства в Сибири, настроений бойцов в Красной армии и их отношения к проводимой большевиками экономической политике, вплоть до окончания НЭПа. На основании проведенного анализа автор приходит к выводу, что в рассматриваемый период «стратегическую линию поведения» в Красной армии определяли не национальные интересы России и ее внешняя политика, а задачи и цели большевистской партии, определяемые узким кругом ее лидеров, который в итоге сократился до одного человека – И.В. Сталина.

Четвертый раздел монографии посвящен рассмотрению вопросов аграрной политики большевиков в период НЭПа, особенностям ее осуществления в условиях сибирского региона. На основании проведенного анализа автор приходит к выводу, что основным трендом в рассматриваемый период являлось динамичное и конфликтное взаимодействие трех сил: административной системы советского государства, ограниченного капиталистического рынка и приговоренного к уничтожению натурального уклада хозяйствования большинства крестьянских хозяйств.

В заключение подытожены главные результаты исследования. Важно что в приложении содержится ряд интересных документальных свидетельств и фактов.

К позитивным моментам рецензируемой монографии следует отнести значительный объем рассматриваемой и проанализированной в ней отечественной литературы и источников. Книга насыщена многочисленными статистическими материалами. Отдавая должное целому ряду положительных моментов исследования, удостоверяющих его достаточный научно-теоретический уровень, можно высказать следующее замечание: автор нередко увлекается освещением второстепенных вопросов, которые не имеют существенного значения для исследования.

Вместе с тем монография А.И. Бакшеева является самостоятельным научным трудом, выполненным на должном теоретическом уровне, имеет необходимое источниковое обеспечение, достаточную содержательную и научную проработку. Книга обладает достаточно большим научным и практическим значением. Она написана хорошим литературным языком, достаточно легко читается. Монография пригодится и ученым, и преподавателям, а также всем, кто интересуется историей нашего государства, в частности историческим наследием Сибири.

Библиографический список

Бакшеев А.И. Истоки и развитие советской культуры (октябрь 1917–1929 гг.): монография / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2005. 144 с.

Бакшеев А.И. К вопросу о теоретических основах советской государственности (исторический аспект) // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. 2006. № 6. С. 68–73.

Бакшеев А.И. Проблемы функционирования советского государственного аппарата Сибири в первой половине 1920-х гг. // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2011. № 1(9). С. 123–131.

Бакшеев А.И. Проблемы советской государственности в Сибири периода НЭПа. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013a. 346 с.

Бакшеев А.И. Анализ проблем определения функций государства в период НЭПа. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013b. Т. 4. № 3. С. 102–110.

Бакшеев А.И. Причины, последствия и борьба с голодом 1921–1924 гг. в Сибири // Федерализм. 2013c. № 2(70). С. 183–190.

Бакшеев А.И. К вопросу о характере «колониальной зависимости» Сибири в XIX – первой четверти XX в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и

References

Baksheev A.I. (2005) The Origins and development of Soviet culture (October 1917–1929): monograph. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. 144 p. (In Russ.)

Baksheev A I. (2006) On the question of the theoretical foundations of Soviet statehood (historical aspect). *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauk = Bulletin of the Krasnoyarsk State University. Ser. Humanities.* No. 6. P. 68–73. (In Russ.)

Baksheev A.I. (2011) Problems of functioning of the Soviet state apparatus of Siberia in the first half of the 1920s. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 1(9). P. 123–131. (In Russ.)

Baksheev A. I. (2013a) Problems of Soviet statehood in Siberia during the NEP period. Krasnoyarsk: Sibirian Federal university. 346 p. (In Russ.)

Baksheev A.I. (2013b) Analysis of the problems of determining the functions of the state during the NEP. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin.* Vol. 4. No. 3. P. 102–110. (In Russ.)

Baksheev A.I. (2013c) Causes, consequences, and the fight against famine in 1921–1924 in Siberia. *Federalizm = Federalizm.* No. 2 (70). P. 183–190. (In Russ.)

Baksheev A.I. (2016) On the nature of the “colonial dependence” of Siberia in the XIX – first quarter of the XX century. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i*

практики. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 9–13.

Бакшеев А.И. НЭП в Сибири. Атмосфера и логика войны: монография / науч. ред. П.А. Новиков. Красноярск: Красноярский государственный медицинский университет, 2020. 145 с.

Baksheev A.I., Panasenko G.V., Aisner L.Yu., Bershadskaya S.V., Musat R.P., Rakhinsky D.V. Government regulations of industry in nep Russia during the period 1921–1923 and how it worked in practice with particular reference to Siberia // Opcion. 2018. Т. 34. № 85. P. 854–867.

Baksheev, A.I., Novikov, P.A., Musat, R.P., Shtump, S.P. and Rakhinsky, D.V. Far Eastern Republic (1920–1922): case of Bolsheviks' Maneuver. // Revista Inclusiones. 2020. Vol: 7 num Especial. P. 192–204.

Сведения об авторе

Рогачев Александр Георгиевич,
доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии,
Красноярский государственный аграрный университет,
660049, г. Красноярск, пр. Мира, 90, Россия,
✉ e-mail: kaf.history@mail.ru

Заявленный вклад авторов

А.Г. Рогачев провел научное рецензирование, обобщил полученные оценки и написал рукопись, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 6 ноября 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 23 ноября 2020 г.
Принята к публикации 30 ноября 2020 г.

praktiki. Ser. Gumanitarnye nauki = Modern science: actual problems of theory and practice. Ser. Humanities. No. 1. P. 9–13. (In Russ.)

Baksheev A.I. (2020) NEP in Siberia. Atmosphere and logic of war: a monograph. Krasnoyarsk: The Krasnoyarsk State Medical University. 145 p. (In Russ.)

Baksheev A.I., Panasenko G.V., Aisner L.Yu., Bershadskaya S.V., Musat R.P., Rakhinsky D.V. Government regulations of industry in NEP Russia during the period 1921–1923 and how it worked in practice with particular reference to Siberia // Opcion. 2018. Vol 34. No 85. P. 854–867.

Baksheev, A.I., Novikov, P.A., Musat, R.P., Shtump, S.P. and Rakhinsky, D.V. Far Eastern Republic (1920–1922): case of Bolsheviks' Maneuver. // Revista Inclusiones. 2020. Vol: 7 num Especial. P. 192–204.

Information about the author

Aleksandr G. Rogachev,
Dr. Sci (History), Professor of the Department of History and Political Science,
Krasnoyarsk State Agrarian University,
90, Mira Avenue, Krasnoyarsk 660049, Russia,
✉ e-mail: kaf.history@mail.ru

Contribution of the authors

A.G. Rogachev made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received November 6, 2020.
Received November 23, 2020.
Accepted November 30, 2020.

Оригинальная статья / Original article
УДК 007:071
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-254-272

Педагог-художник М.Д. Воронько

© Л.Н. Малкина

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются основные аспекты биографии М.Д. Воронько, годы учебы, становления его, как художника, педагога. Представлены уникальные автобиографические записи воспоминаний Михаила Даниловича о детстве, отрочестве, юности, о родных и близких, о тяжелом периоде войны и послевоенного времени. Описываются годы учебы М.Д. Воронько в художественном училище в городе Алма-Ате и в Харьковском государственном художественном институте, воспоминания об учителях и наставниках, повлиявших на дальнейшее его становление как художника и педагога. Анализируется материал Государственного архива Иркутской области. На основе справок по изобразительному искусству в Прибайкалье и исторических справок о художниках Иркутской области представлен материал о художественной среде Иркутска в изучаемый период. Даны сведения о художественной школе Иркутска. Освещается методика преподавания Михаилом Даниловичем в Иркутском художественном училище и его работа в Иркутском областном художественном фонде в качестве художника и главного художника фонда. Представлен материал о достижениях Михаила Даниловича как художника и как педагога, а также об его учениках и их достижениях. Кратко описывается история создания высшего художественного образования в Иркутске, а также история создания кафедры монументально-декоративной живописи и кафедры дизайна в ИрГТУ, активное участие в их развитии Михаила Даниловича Воронько. Представлен материал о педагогической деятельности М.Д. Воронько: освещаются основные принципы и особенности его педагогической системы, методики преподавания живописи, а также задачи воспитания в ученике художника. Проведен анализ выставочной деятельности художника Воронько и его учеников. В результате исследования архивных материалов, источников СМИ и личного общения с учителем, был собран и уточнен биографический материал о выдающемся педагоге-художнике, заслуженном работнике культуры Михаиле Даниловиче Воронько. Сведения могут быть использованы в изучении культуры и художественного образования в России.

Ключевые слова: Михаил Данилович Воронько, культура, иркутские художники, образование, художественная школа, ученики, педагогическая система, методика преподавания, педагогическая задача, кафедра монументально-декоративной живописи, выставки, искусство

Для цитирования: Малкина Л.Н. Педагог-художник М.Д. Воронько // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 254–272. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-254-272

The teacher-artist M.D. Voron'ko

© Larisa N. Malkina

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: This article describes the highlights of the career of M.D. Voron'ko, the years of study, and his formation as an artist and a teacher. It also covers the unique events of Mikhail Danilovich's memories about his childhood, adolescence and youth, about his family and friends, about the difficult war and the post-war periods. There is a description of the years of study at the School of Art in the city of Alma-Ata and at the Kharkov State Art Institute, about his teachers and mentors, who influenced his further development as an artist and a teacher. This article delves into the documents of the State Archives of the Irkutsk Region, it describes the artistic environment of Irkutsk during that period, referencing the visual arts in the Baikal region and historical information about the artists of the Irkutsk region as well as the information about the Art School in Irkutsk. It describes Voron'ko's teaching methodology at the Irkutsk Art School, his work in the Irkutsk Regional Art Fund as an artist and the Chief artist of the Fund, his achievements as an artist and a teacher, as well as the stories about his students and their achievements are done. It briefly covers the history of the creation of Irkutsk higher education in Art, tells about the formation of the De-

partment of Monumental and Decorative Painting at the ISTU, and Mikhail Danilovich Voron'ko's active participation in its development, as well as in the development of the Department of Design. Here is presented such material on the teaching activity of M.D. Voron'k as basic principles and features of his teaching system, methods of teaching painting technics, as well as the importance of educating an artist in a student. There is an analysis of the exhibition activities of the artist Voron'ko and his students. The biographical material about the outstanding teacher-artist, an Honored Worker of Culture Mikhail Danilovich Voron'ko was collected from the archival dataset, media sources and personal communication with the teacher. This information can be used in the studies of culture and art education in Russia.

Keywords: Mikhail Danilovich Voron'ko, culture, Irkutsk artists, education, art school, students, pedagogical system, teaching methods, pedagogical task, Department of Monumental and Decorative Painting, exhibitions, art

For citation: Malkina L.N. (2020) The teacher-artist M.D. Voron'ko. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 254–272. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-254-272

Многие иркутские художники оставили свой яркий след в отечественной культуре. Огромный вклад в формирование художественного воспитания, образования, профессионализма молодых художников в Иркутске, а значит, в культурной жизни Сибири и всей России внес заслуженный работник культуры Российской Федерации Михаил Данилович Воронько. Пятьдесят четыре года своей жизни он посвятил преподавательской деятельности. Неоценим его вклад и в методику преподавания изобразительного искусства.

Родился Михаил Данилович в многодетной семье 21 ноября 1926 г. в селе Ново-Барановка Карасукского района Алтайского края. Родители, по причине страшного голода на Украине, переехали на Алтай всем селом, сохранив его название. Отец – из рабочей семьи, мать – безграмотная крестьянка. Это были первые годы строительства города Сталинска и Кузнецкого металлургического комбината (История Новокузнецка)[1]. Правительственная комиссия летом 1926 г. приняла решение о строительстве завода на Горбуновской площадке около города Кузнецка. В 1929 г. здесь под руководством академика И.П. Бардина было начато строительство Кузнецкого металлургического комбината (Шадрина, 1998). В черте запланированного города строиться было нельзя, и поэтому весь рабочий люд строил себе жилье на склонах гор, обрамлявших с двух сторон равнину.

В семье было четверо детей, Миша был самым младшим, в школе учился хорошо. Из воспоминаний Михаила Даниловича:

«Мне повезло в том, что в семье я был младшим. Сестра и братья были «читалками». В школе была хорошая библиотека, и все книги, которые брали домой братья и сестра, я читал, опережая свой возрастной допустимый познавательный уровень. Мне думается, что эта привязанность к чтению развила во мне потребность как-то выразить свои чувства и мысли».

Тяга к рисованию возникла, видимо, от Бога, так как в семье никто не рисовал, интереса к изобразительному искусству ни у кого не было, никакого влияния или поощрения со стороны семьи тоже не было. Миша рано начал рисовать и писать стихи. После окончания седьмого класса поступил в металлургический техникум, но учеба не задалась, физика и химия были явно не для него, а вот вся художественно-оформительская работа техникума была по душе юному студенту. Оставив техникум, Миша год проработал в кинотеатре на рекламе и в это время познакомился с выпускником Алма-Атинского художественного училища, который и посоветовал ему поступить в это училище. Из воспоминания Михаила Даниловича:

«Это был период войны и первые два года послевоенного времени. Во время войны мы с матерью жили вдвоем. Отец, старый коммунист, в возрасте 50 лет ушел добровольцем на фронт и погиб. Брат, не многим старше меня, добровольцем ушел на фронт и тоже погиб. Сестра с первых

[1] История Новокузнецка. Википедия. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%B0 (дата обращения 12.11.2020).

дней войны и до конца была на фронте в качестве медицинского работника. Старший брат служил на Востоке, принимал участие в боях с Японией. Все члены семьи, кроме меня и матери, были коммунистами, честными, искренними, и я горжусь ими до сих пор, так как имею возможность их сравнивать со многими лжекоммунистами разных времен. Сам же я не был ни пионером, ни комсомольцем. Был сам по себе. Я как-то подсознательно чувствовал, что искусство не должно формально быть приписано к какой-либо партийности, но в душе считаю идеи коммунизма и социализма передовыми идеями. Формация развития человеческого общества не может заканчиваться капитализмом – это всего лишь исторический этап, обусловленный каким-то периодом времени. Я и сейчас считаю, что сущность человека должна определять не партийность, а честность, совесть и порядочность. И считаю себя счастливым человеком, поскольку лишен как религиозных, так и партийных предрассудков. В этом случае я не ставлю знак равенства между идеей и партией. В свое время Ленин предостерегающе заметил по поводу идеи социализма, признавал идею передовой, если ее не загубят сами же большевики, что и случилось. Хорошо это или плохо – время покажет, но уже без многих из нас».

В 1947 г. Михаил Данилович поступил в Художественное училище в городе Алма-Ате, где в то время преподавали замечательные художники-педагоги – выпускники Академии художеств. С благоговением он вспоминает о своем любимом учителе профессоре Абраме Марковиче Черкасском, который до войны преподавал в Киевском художественном институте, одна из его известных выпускниц – Татьяна Яблонская (Яблонская)[2]. В Алма-Ату Черкасский попал во время войны в эвакуацию. «В этом городе он остался до конца своих дней, полюбив его и все свое творчество, посвятив этому городу и его людям», – вспоминает М.Д. Воронько о своем любимом учителе. В своей методике преподавания М.Д. Воронько впоследствии многое взял от А.М. Черкасского, который убежденно доказывал, что недостаточно списывать с натуры, это будет только копирование. В военную пору в Алма-Ате оказались эвакуированные из России и Украины многие учебные заведения, творческие коллективы, в частности, киностудия им. Горького («Мосфильм»)[3]. Пополнились прекрасными исполнителями филармония, труппы оперного, драматического театров. В годы войны в Алма-Ату эвакуировали лучших деятелей культуры, звезд оперы, балета и театра со всего Советского Союза («Ночные театры»)[4]. Будучи студентом художественного училища, Михаил Данилович с жадностью впитывал в себя новые веяния всех видов искусств, формируя в себе высокообразованную творческую личность. По окончании Художественного училища в 1952 г. Михаил Данилович уехал в Мурманск, где работал в течение года во Дворце культуры руководителем изостудии для старшеклассников и самодеятельных художников.

В 1954 г. М.Д. Воронько поступает в Харьковский государственный художественный институт на графический факультет. С первого курса он увлекается техникой офорта. Михаил Данилович вспоминает, что кафедру графики тогда возглавлял профессор В.Ф. Мироненко. Увидев офорты Воронько (тогда он учился на первом курсе), Мироненко стал показывать его работы на старших курсах. В процессе учебы Михаил Данилович постоянно занимался творческой деятельностью. По окончании института участвовал в Республиканской художественной выставке в Киеве (работа приобретена Киевской картинной галереей) и в Декадной Украинской в Москве. Был награжден Дипломами и Почетной грамотой Министерства Культуры Украины.

[2] Яблонская Татьяна Николаевна. [Электронный ресурс]. URL: http://artru.info/ar/15544/ (дата обращения 12.11.2020).

[3] Мосфильм. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%81%D1%84%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BC (дата обращения 12.11.2020).

[4] Ночные театры. [Электронный ресурс]. URL: https://almaty.tv/news/75-letie-velikoy-pobedy/2030-uly-dgeniske-75-dgyl-sogys-dgayly-tuyndyny-tungysh-ret-kazak-redgisserleri-sakhnalagan (дата обращения 12.11.2020).

В 1960 г. Михаил Данилович Воронько приехал в Иркутск и был приглашен работать в Иркутское художественное училище преподавателем предметов: рисунок, живопись, композиция, дипломный эскиз. На протяжении ряда лет был председателем предметной комиссии (рис. 1).

Художественная школа в Иркутске изначально со времени ее образования И.Л. Копыловым, составляла сильнейшую базу развития изобразительного искусства Сибири (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-3518. Оп. 1. Ед. хр. 1), в связи с чем во второй половине XX века в Иркутск начали стекаться профессиональные художники, каждый из которых приезжал со своей школой: А.И. Вычугжанин, Г.В. Богданов, А.И. Алексеев, М.Д. Воронько – из Харькова, Г.В. Анциферов, сначала учившийся в Краснодаре, а затем в Львове, И.И. Несынов – из Таллина. Они представляли академические, капитальные, рисовальные школы. А Сибирь всегда славилась академической школой, в том числе Иркутское художественное училище (рис. 2).

Со времени появления в ИХУ группы педагогов – А.И. Алексеева, А.И. Вычугжанина, Г.В. Богданова, М.Д. Воронько – в училище резко поднимается профессиональный уровень студентов, будущих художников, и как следствие – статус Иркутской художественной школы (Малкина, 2015). Направленность и представление о грамоте и мастерстве сразу были отмечены и не только членами Союза старшего поколения, но и на первых республиканских и всесоюзных выставках. За время преподавания этих мастеров училище приобрело совершенно другой профессиональный уровень, т. к. это были по-настоящему талантливые художники-преподаватели, которые умели объяснить и показать, они полностью пересмотрели весь учебный процесс, всю систему обучения с акцентом на фигуративное искусство, на человека (рис. 3, 4). В Художественном училище сразу было заметно повышение качества

Рис. 1. М.Д. Воронько на защите дипломных работ (Иркутское художественное училище 1960-е годы)
Fig. 1. M.D. Voron'ko presenting his theses (Irkutsk Art School, 1960s)

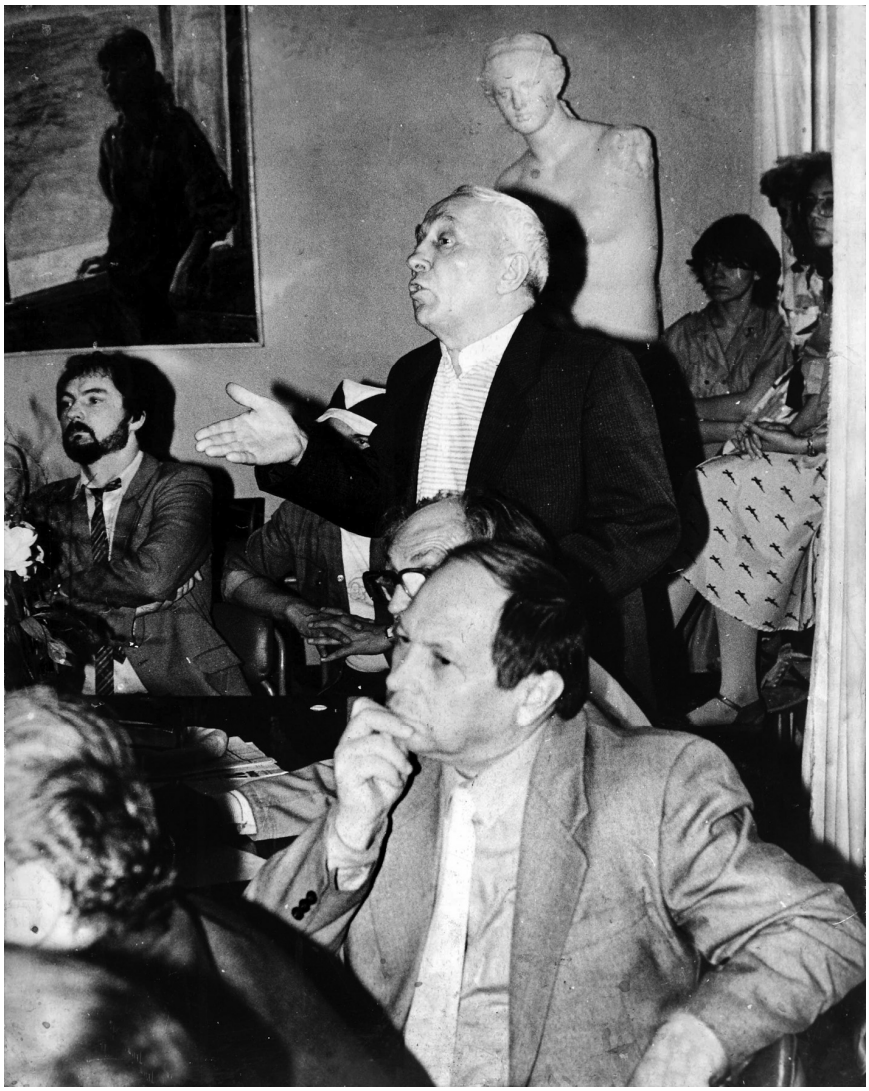

Рис. 2. М.Д. Воронько и Б.Т. Бычков на защите дипломных работ (Иркутское художественное училище 1960-е годы)
Fig. 2. M.D. Voron'ko and B.T. Bychkov presenting their theses (Irkutsk Art School, 1960s)

мастерства, сложилась особая творческая атмосфера, которая не могла не отразиться на формировании вкусов и взглядов молодых авторов. Достаточно сказать, что почти из каждого выпуска молодые художники поступали в московские и ленинградские художественные вузы. Даже те ученики этих преподавателей, которые и не закончили институты, в дальнейшем проявили себя как великолепные художники, их достаточно и в Иркутском Союзе художников (ГАИО. Ф. 2802. Оп. 2. Ед. хр. 115).

Учениками Михаила Даниловича Воронько являются известные иркутские художники: Виталий Смагин, Сергей Коренев, Александр Шпирко, Николай Аносов, Валерий Мошкин, Николай Башарин, Николай Морозов, Анатолий Погребной, Гелий Мамилов, Александр Муравьев, Валерий Чевелев, московский художник Виктор Грачев, беларусский – Борис Кошкин, бурятские – Алла Цибикова, Александр Доржиев и другие. Многие его выпускники поступили и окончили центральные художественные учебные заведения России в городах Санкт-Петербурге, Москве (Новости…)[5].

[5] Новости министерства культуры и архивов. [Электронный ресурс]. URL: https://irkobl.ru/sites/culture/news/news/12 (дата обращения 12.11.2020).

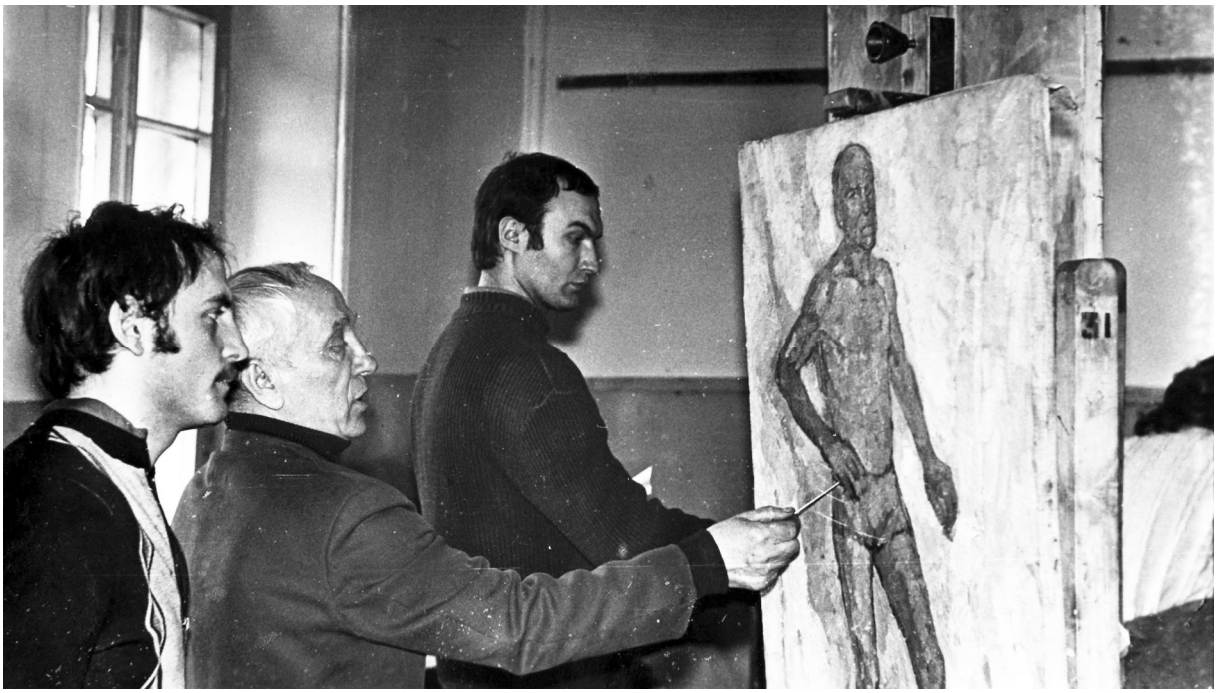

Рис. 3. Занятия живописью под руководством М.Д. Воронько (Иркутское художественное училище 1970-е годы)
Fig. 3. Painting classes under the guidance of M.D. Voron'ko (Irkutsk Art School, 1970s)

Рис. 4. Экзаменационный просмотр студенческих работ (Иркутское художественное училище 1980-е годы)
Fig. 4. Reviewing of student works during the final exams (Irkutsk Art School, 1980s)

Ученики М.Д. Воронько продолжили образование в Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени Штиглица – 5 человек, в Санкт-Петербургском государственным педагогическом университете имени Герцена (факультет изобразительного искусства) – 3 человека, Иркутском государственном техническом университете (факультет изобразительного искусства) – 12 человек, Красноярском художественном институте – 15 человек (Новости…)[5].

Многие выпускники продолжили свою профессиональную деятельность в качестве руководителей (А.Ю. Талащук – ректор Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени Штиглица, профессор, народный художник РФ; В.Г. Смагин – зав. кафедрой монументально-декоративной живописи факультета изобразительного искусства ИрГТУ (в настоящее время ИРНИТУ), профессор, народный художник. Немало преподавателей, доцентов, кандидатов наук и в других художественных заведениях: в Иркутском художественном училище – 4 человека, в Иркутском государственном техническом университете (кафедра монументально-декоративного искусства) – 6 человек, в Восточно-Сибирской государственной академии – 2 человека, в Иркутском госуниверситете – 1 человек, в Иркутских областных детских школах искусств. Во многих городах России таких как: Москва, Санк-Петербург, Новосибирск, Красноярск, Новокузнецк, Кемерово, Улан-Удэ, Чита, Владивосток, а также в Монголии, творят и трудятся члены союза художников России – ученики Михаила Даниловича Воронько (Новости…)[5].

Тридцать три года Михаил Данилович Воронько отдал воспитанию будущих художников в стенах Иркутского художественного училища. Преподавательскую деятельность в Иркутском художественном училище на вечернем отделении М.Д. Воронько с 1971–1984 гг. совмещал с работой в Иркутском областном художественном фонде в качестве художника и главного художника Фонда. С 1960 г. был постоянным членом художественного совета (ГАИО. Ф. 2802. Оп. 2. Ед. хр. 229).

Из воспоминаний Михаила Даниловича: «Среду художников я познал в ситуации, когда был приглашен в художественный фонд в качестве главного художника. В мастерских бывал при сдаче работ (договорных или по распределению). По особенности своего характера, невзирая на личности, говорил авторам работ то, что думал, о живописи, рисунке или оформительском производстве. И всегда было взаимопонимание и взаимоуважение. Атмосфера, как и в любом творческом коллективе (у писателей, музыкантов, актеров), была не без шероховатостей, но это была поистине творческая жизнь, и ядром ее были: А.И. Алексеев, А.И. Вычугжанин, Г.В. Богданов. Они задавали ей тон. Эти мастера своего дела были очень образованны, тактичны, и это, конечно, сказывалось на жизни всех членов Союза художников».

В период работы в Иркутске М.Д. Воронько совмещал преподавательскую работу с творческой деятельностью, выставлялся на четырех Зональных выставках и двух Республиканских, его работы приобретены Министерством культуры РСФСР, а он награжден Почетной грамотой Министерства культуры. В 1993 г. Михаилу Даниловичу было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации»[6] (рис. 5, 6, 7).

Несмотря на то, что многие ученики Михаила Даниловича после окончания Иркутского художественного училища поступали в московские и другие художественные вузы страны, его заветной мечтой оставалось создание художественного института в Иркутске. На всей огромной территории Сибири долгое время не было ни одного высшего учебного заведения творческого и искусствоведческого характера, хотя еще в 1976 г. Совет Министров РСФСР поручил Министерству культуры (постановление от 26 ноября) изучить возможность организации подготовки художников с высшим образованием в одном из городов Сибири в целях дальнейшего развития изобразительного искусства (ГАИО. Ф. 2802. Оп. 2. Ед. хр. 161). Из воспоминаний Народного художника, члена Российской академии художеств А.И. Алексеева: «Центральный комитет и Совмин после долгих размышлений и

[6] Указ Президента РФ от 22.05.1993 г. № 753 «О присвоении Почетного звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

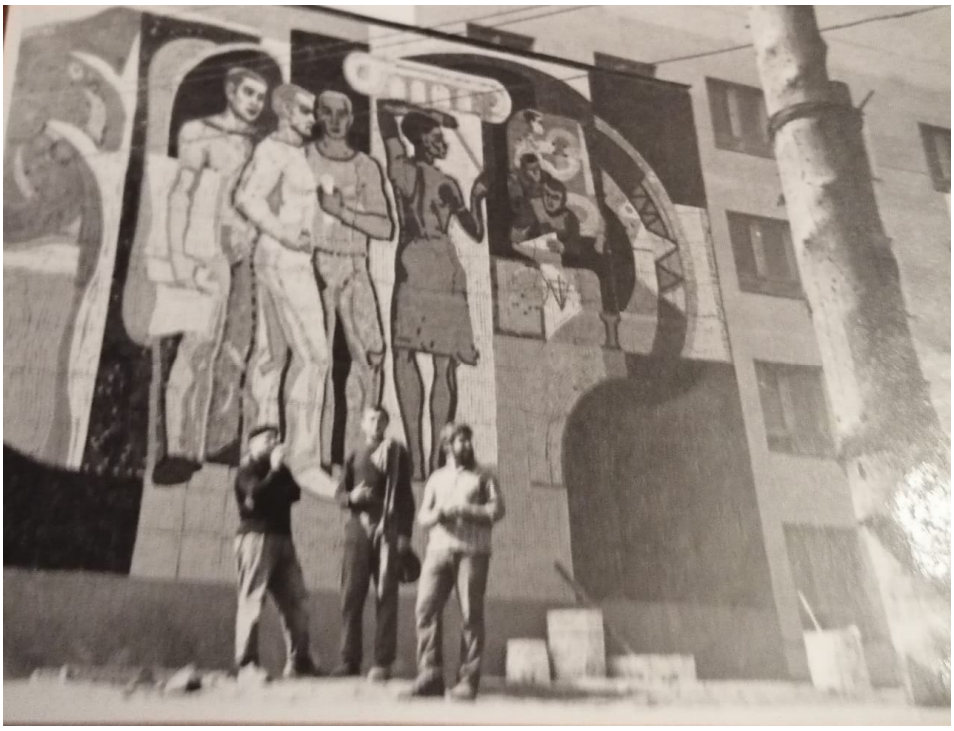

Рис. 5. Монументально-декоративная работа «Строители» 1967 г. Мозаика из керамической плитки. Фасад строительного колледжа, ул. Жуковского (у произведения авторы: М.Д. Воронько, В.Г. Смагин)
Fig. 5. Monumental and decorative work "Builders", 1967. Mosaic from ceramic tiles. Facade of the Building College, st. Zhukovsky (the authors are standing by their work: M.D. Voron'ko, V.G. Smagin)

Рис. 6. Монументально-декоративная работа «Строители». 1967 г. Мозаика из керамической плитки. Фасад строительного колледжа, ул. Жуковского (авторы: М.Д. Воронько, В.Г. Смагин). Фото 2015 года
Fig. 6. Monumental and decorative work "Builders", 1967. Mosaic of ceramic tiles. Facade of the Building College, st. Zhukovsky (authors: M.D. Voron'ko, V.G. Smagin). Photo of 2015

Рис. 7. Монументально-декоративная работа «Тепло и свет людям» 1980 г. Мозаика из смальты. Фасад Энергетического техникума (авторы: Е.В. Ушаков, М.Д. Воронько)
Fig. 7. Monumental decorative work "Warmth and Light for People", 1980. Mosaic from smalt. Facade of the Power Engineering College (authors: E.V. Ushakov, M.D. Voron'ko)

бюрократических проволочек в 1990 г. приняли решение о создании Сибирского художественного института. Я, будучи секретарем Сибирского региона в составе правления Союза художников РСФСР, настаивал на размещении художественного вуза в Иркутске. Однако, несмотря на согласие Центрального комитета с этим решением, губернатор Иркутской области Ю.А. Ножиков отказался его поддержать, мотивируя свою позицию отсутствием помещения и невозможностью финансировать его строительство».

Начало девяностых годов – время, когда во всей Восточной Сибири, от Красноярска до Дальнего Востока, не было ни одного высшего учебного заведения, где можно было получить высшее художественное образование. Это в настоящее время в нашем областном центре доступно получение такого образования. А тогда, в том далеком 1994-м, впервые в Иркутском государственном техническом университете решением Госкомвуза России от 10.01.94 г. на Восточном факультете открылась специальность «Монументально-декоративное искусство», создана выпускающая кафедра «Монументально-декоративная живопись», призванная вести подготовку специалистов, указанной специальности. Это событие стало важным явлением в системе высшего образования в России и культурной жизни Сибири (Кафедра…)[7].

По словам Михаила Даниловича, организовать учебное заведение несложно, но все дело в том, кто учит? Не стены учат, а педагог и институт. Кафедру монументально-декоративной живописи возглавил Народный художник России, профессор Виталий Георгиевич Смагин, и не случайно он пригласил на кафедру своего учителя по художественному училищу М.Д. Воронько. «Михаил Данилович

[7] Кафедра монументально-декоративной живописи. [Электронный ресурс]. URL: https://www.istu.edu/structure/57/9746/1989/ (дата обращения 12.11.2020).

– талантливый учитель, я один из первых его учеников и могу сказать, что его главной чертой являлось всегда стремление поддержать студентов, развить в них индивидуальность, обратить на них внимание других преподавателей», – отмечает В.Г. Смагин (Памяти мэтра)[8].

Виталий Георгиевич Смагин, приглашая на кафедру своего учителя, был убежден, что рисовальная и живописная школа М.Д. Воронько будет способствовать успешному освоению сложнейшей специальности «Монументально-декоративное искусство».

Монументально-декоративное искусство – область декоративного искусства, включающая многообразные художественные произведения, создаваемые для украшения архитектурных сооружений и комплексов (декоративная живопись и скульптура в городе, на фасадах и в интерьерах зданий, в парках и т. д.).

Специальность «Монументально-декоративное искусство» готовит художников, которые способны осуществлять комплексную разработку (проектирование) художественного убранства как отдельных архитектурных сооружений, так и крупных архитектурных ансамблей, создавать произведения монументально-декоративной живописи (фреска, мозаика, роспись, витраж, гобелен), а также произведения станковой живописи и графики (Малкина, 2014. С. 4)[9]. «Академический рисунок» и «Академическая живопись» являются одними из основных дисциплин для освоения данной специальности. Эти дисциплины с начала образования кафедры монументально-декоративной живописи вел М.Д. Воронько, специальные дисциплины вел В.Г. Смагин.

Из воспоминаний Михаила Даниловича:

«Изначально на кафедре было всего два преподавателя – В.Г. Смагин и я, но в последующие годы возникла потребность в преподавателях, а опытных художников-монументалистов на данный момент не находилось. Нельзя учить тому, чего не умеешь делать сам, и этот принцип должен быть во главе угла. И в этой ситуации было необходимо подготовить молодых преподавателей по данной специальности». Вследствие этого был сформирован курс ускоренной подготовки, состоящий из выпускников кафедры архитектуры, которые в течение трех лет освоили специальность «Художник монументально-декоративной живописи» и стали дипломированными специалистами, в последствии преподавателями специальных дисциплин таких как: композиция, специальный рисунок, специальная живопись, основы художественного производства, технический рисунок (Э.В. Змановских, О.Г. Романюк, Е.Р. Сидельникова). Одновременно был набран первый курс. Это были в основном студенты, проучившиеся один год в Иркутском художественном училище, преподавателем которых являлся Михаил Данилович Воронько. Авторитет учителя был настолько высок, что, когда Михаил Данилович был приглашен преподавать на кафедру монументально-декоративной живописи в ИрГТУ, студенты первого курса художественного училища, всем составом, пошли за своим учителем, в 1994 г. успешно поступили в университет и стали студентами кафедры МДЖ (рис. 8). По окончании университета в последствии многие выпускники этого курса стали преподавать специальные дисциплины на кафедре МДЖ: С.С. Аносова, Е.Г. Илькова, Н.В. Малышева; на кафедре дизайна – В.В. Михайлов, Е.В. Шубаба; на кафедре ювелирного дизайна и технологий – Т.В. Анисимова.

В 2000 г. после окончания ИрГТУ (кафедра монументально-декоративной живописи) дисциплины «Академический рисунок» и «Академическая живопись» была приглашена вести Л.Н. Малкина. Методика преподавания Михаилом Даниловичем Воронько этих дисциплин Ларисе Николаевне была знакома не только по учебе в университете, но еще с времен обучения в художественном училище, которое она закончила с отличием и являлась ученицей М.Д. Воронько (рис. 9).

Каждый год кафедра МДЖ выпускает подготовленных квалифицированных специалистов. По-

[8] Памяти мэтра. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ogirk.ru/2011/11/28/voronko (дата обращения 12.11.2020).

[9] Малкина Л.Н. Академический рисунок. Академическая живопись для 3,4,5 курсов: учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2014. 171 с.

Рис. 8. Занятия академической живописью (кафедра монументально-декоративной живописи, 1 курс, 1994 г.)
Fig. 8. Class of Academic painting (Department of Monumental and Decorative Painting, 1st. year students, 1994)

Рис. 9. М.Д. Воронько и Л.Н. Малкина со студентами кафедры монументально-декоративной живописи, 2004 г.
Fig. 9. M.D. Voron'ko and L.N. Malkina with students of the Department of Monumental and Decorative Painting, 2004

следующие ученики М.Д. Воронько, успешно окончившие университет, были приглашены преподавать на кафедре, это такие как: Е.В. Сергейчук, М.А. Быкова, Н.А. Довнич.

А.В. Халипова и Ю.С. Ермолаев являются преподавателями кафедры изобразительного искусства и методики Педагогического института ИГУ, Н.А. Вертлиб преподает в Иркутском государственном университете, Н.Н. Шиглова-Соковцова и О.З. Рыбчинская преподают в Иркутском областном художественном колледже имени И.Л. Копылова (бывшее художественное училище) (рис. 10).

Шестнадцать лет Михаил Данилович работал доцентом на кафедре монументально-декоративной живописи, являясь ведущим специалистом по рисунку и живописи, бессменным членом Государственной аттестационной комиссии (рис. 11). Во время работы на кафедре большое значение он придавал подготовке и накоплению методического материала. С помощью Михаила Даниловича со времен образования кафедры МДЖ было положено хорошее начало создания методического фонда, состоящего из лучших программных работ по дисциплинам «Академический рисунок» и «Академическая живопись», выполненных студентами кафедры под руководством Воронько.

В 2005 г. на кафедре дизайна и прикладного искусства возникла потребность в педагогах, способных осуществить подготовку молодых преподавателей по таким дисциплинам, как рисунок и живопись. М.Д. Воронько, не сомневаясь ни на минуту, официально переходит преподавать на эту кафедру, ведет предметы: рисунок, живопись, факультатив для преподавателей, заведует графической мастерской. Работая на кафедре дизайна, продолжает тесную связь с кафедрой монументально-декоративной живописи, является членом Государственной аттестационной комиссии. До последних своих дней Михаил Данилович проработал на факультете изобразительного искусства НИ ИрГТУ (2010 г.). Университет гордится лидерами

Рис. 10. Преподаватели и выпускники кафедры монументально-декоративной живописи на открытии юбилейной выставки «Наша школа – школа Смагина», 2010 г.
Fig. 10. Teachers and graduates of the Department of Monumental and Decorative Painting at the opening of the anniversary exhibition "Our School – Smagin's School", 2010

Рис. 11. М.Д. Воронько на защите дипломной работы (кафедра монументально-декоративной живописи, 2005 г.)
Fig. 11. M.D. Voron'ko on the defending of thesis (Department of Monumental and Decorative Painting, 2005)

образования, науки, культуры (рис. 12). Одним из них был Заслуженный деятель культуры М.Д. Воронько – кафедра дизайна, профессор, Заслуженный работник культуры РФ (Заслуженные деятели культуры)[10].

Михаил Данилович Воронько прошел огромный жизненный, творческий и трудовой путь, весь свой опыт, мастерство и знания передавая своим ученикам, многие из которых известны не только в России, но и за рубежом. Он говорил:

«Роль художника в культуре и в обществе сводится к тому, что художник сам должен быть, в первую очередь, человеком, гражданином, а потом художником». Не случайно большинство учеников М.Д. Воронько являются членами союза художников России, активно участвуют на многих выставках различного ранга, от городских, до международных и имеют высокие награды.

Благодарные ученики в память о своем учителе организовали в Иркутске несколько значимых выставок работ учеников и работ самого мастера. Выставки произвели в городе большой резонанс.

В галерее современного искусства Дома художника 21.11.2011 г. была открыта выставка, посвященная 85-летию со дня рождения мастера, педагога, заслуженного работника культуры РФ Михаила Даниловича Воронько. В выставке приняли участие многочисленные ученики М.Д. Воронько – художники разных поколений, те, в ком он развивал творческое начало. Более 100 работ вы-

[10] Заслуженные деятели культуры. [Электронный ресурс]. URL: https://www.istu.edu/ob_irnitu/dostizheniya/lidery/deyateli_kultury?special=vkl (дата обращения 12.11.2020).

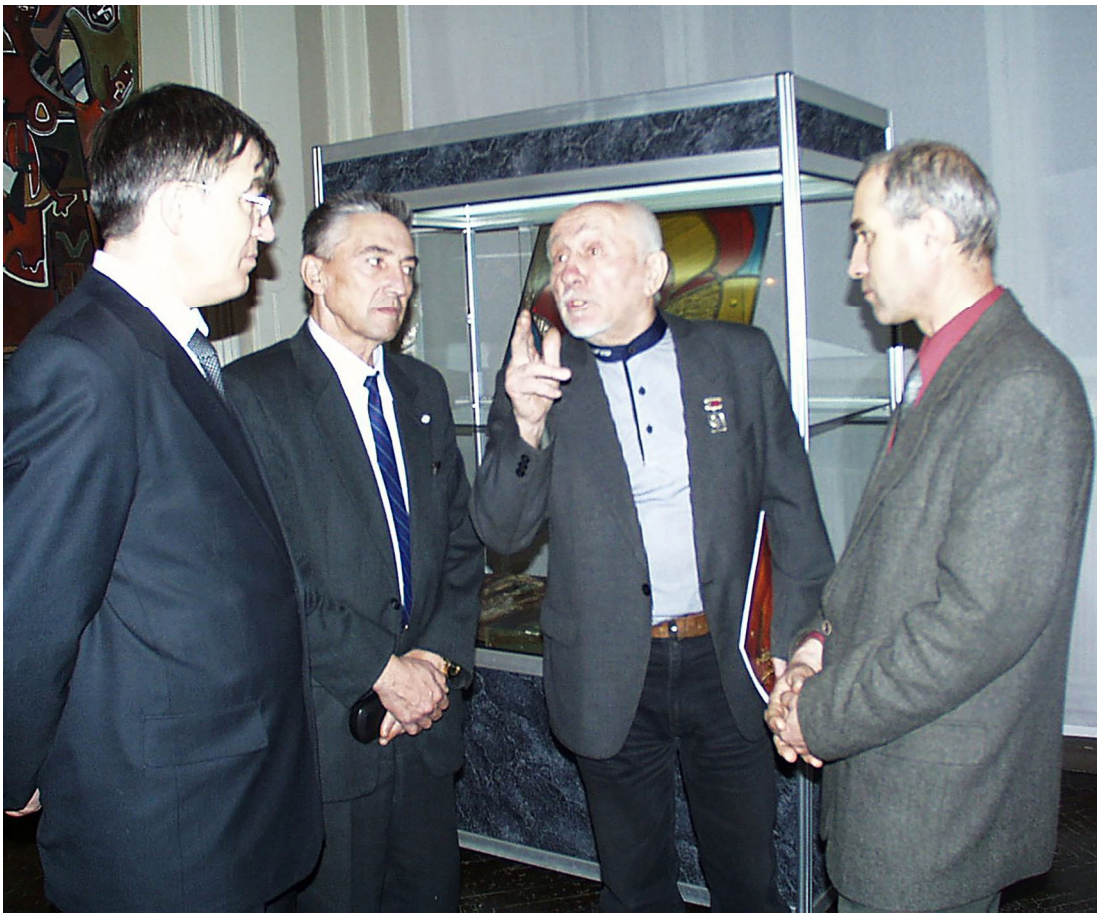

Рис. 12. М.Д. Воронько, И.М. Головных, А.М. Тришечкин, Б.Б. Пономарев на открытии юбилейной выставки «Наша школа – школа Смагина», 2010 г.
Fig. 12. M.D. Voron'ko, Golovnykh I.M., Trishechkin A.M., Ponomarev B.B. at the opening of the anniversary exhibition "Our School – Smagin's School", 2010

ставили художники. Это живопись и графика, декоративно прикладное искусство, лоскутная мозаика, гобелены, чеканка (Выставка…)[11].

10.09.2012 г. в Иркутском городском выставочном центре имени В.С. Рогаля состоялась выставка «Осенний вернисаж», посвященная памяти мастера. Не случайно она открылась в первые дни нового учебного года. Посвященная вечной теме – взаимодействие учителя и ученика – она стала продолжением проекта «Учитель и ученики» (Осенний вернисаж)[12].

25.11.15 г. в Иркутском областном художественном музее прошла выставка графических работ художника и педагога Михаила Даниловича Воронько «Мастер». В экспозиции представлены 62 картины художника, выполненные в разных техниках: офорт, акварель, карандаш, уголь, линогравюра, акватинта, офорт, монотипия, гуашь (Выставка…)[13].

28.10.2016 г. в галерее «Радуга» ИРНИТУ была организована выставка живописных и графических работ выдающегося живописца, доцента ИРНИТУ

[11] Выставка, посвященная 85-летию Михаила Воронько. [Электронный ресурс]. https://baikal24.ru/text/18-11-2011/vystavka/ (дата обращения 12.11.2020).

[12] Музей истории города Иркутска имени А.М. Сибирякова. Выставка «Осенний вернисаж». [Электронный ресурс]. http://irkmuseum.ru/archives/1364 (дата обращения 15.11.2020).

[13] Выставка работ Михаила Воронько «Мастер». [Электронный ресурс]. URL: https://gallerix.ru/pr/vystavka-rabot-mixaila-voronko-master/ (дата обращения 12.11.2020.).

Михаила Даниловича Воронько, посвященная 90-летию мастера (Памяти М.Д. Воронько)[14].

Автором этой статьи был написан портрет своего учителя «Заслуженный работник культуры М.Д. Воронько», работа подарена Иркутскому областному художественному музею имени В.П. Сукачева, а также опубликована в издании «Мастер и мастерская», посвященном 85-летию Иркутского регионального отделения «Союза художников России»[15] (рис. 13).

Говоря о таком выдающемся педагоге, как Михаил Данилович Воронько, нельзя не упомянуть о его методике преподавания, об основных принципах педагогической системы и их особенностях.

Одной из основных педагогических задач является правильная оценка склонности и особенности дарования ученика, возможности наиболее полно им выразиться и развиться.

В основе педагогической системы Воронько лежит глубокое убеждение, что задачей педагога-художника является воспитание художника.

Определяя своей задачей – воспитание в ученике художника, М.Д. Воронько, безусловно, не утверждает, что художником может быть любой. «Сверх ремесла в искусстве необходимо еще нечто, секрет чего не откроет никакой профессор… Точность, очарование, а это надо иметь в себе самом», – утверждал Ренуар (Воллар, 1995. С. 167). Этим убеждениям придерживается и Воронько. Михаил Данилович утверждает, что обучение ремеслу еще не создает художника, а зачастую может сломать неокрепшую творческую индивидуальность. Он убежден, что учебную цель необходимо подчинять творческой задаче. «Возродить угасающую живописную традицию, вырастить подлинных колористов, выявить самобытность – так понимает свою задачу педагога Михаил Данилович Воронько», – утверждает Т. Драница (Драница Т.Г. Михаил Данилович Воронько и его ученики // Советская молодежь. Иркутск. 1988. № 94. С. 3).

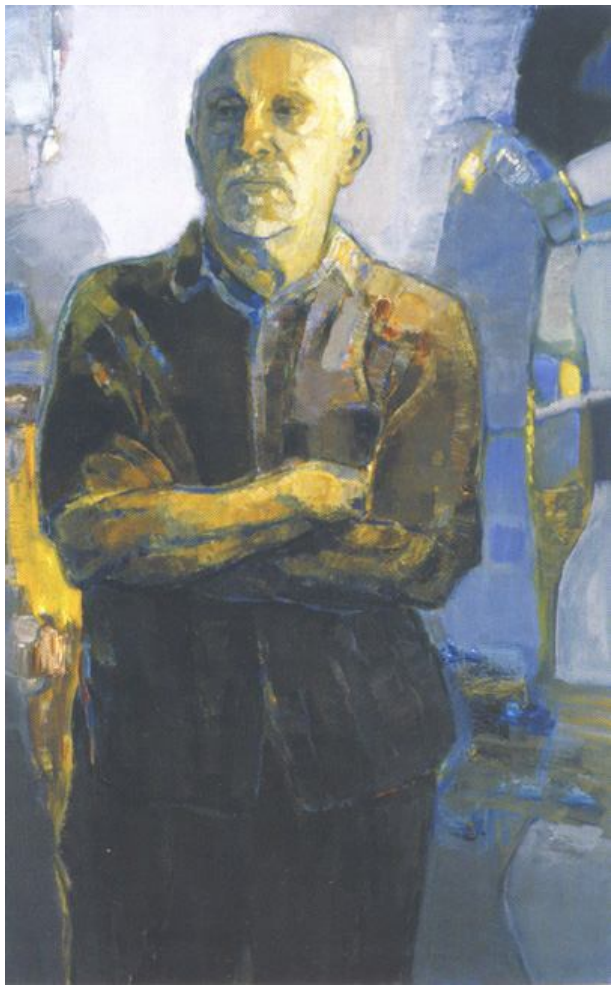

Рис. 13. Портрет заслуженного работника культуры М.Д. Воронько (автор: Малкина Л.Н., 2003 г.)
Fig. 13. Portrait of the Honored Worker of Culture M.D. Voron'ko (author: Malkina L.N., 2003)

Будучи практикующим художником-живописцем, педагог Михаил Данилович Воронько учит своих учеников мыслить, как художник, быть достойным живописи. Он говорит о живописи так вдохновенно и с таким уважением, что учащегося переполняет желание создать произведение самое красивое, как можно только представить. В своей педагогической деятельности он увлекается и умеет увлекать. О гармонии колорита, о магии цвета в живописи, о законах построения конструктивной формы он рассказывает интересно и завораживающе.

[14] Памяти М.Д. Воронько. [Электронный ресурс]. URL: https://www.istu.edu/news/26338/ (дата обращения 12.11.2020).

[15] Мастер и мастерская. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.calameo.com/books/00505332296bec0eb032a (дата обращения 15.11.2020).

Для того чтобы быть музыкантом, нужно обладать не только обычным физическим слухом, необходимо иметь кроме того, особый музыкальный слух, для того чтобы быть художником, не достаточно просто видеть физически, а надо уметь видеть художественно. Вот почему, прежде чем обучать начинающего сложной теории и практике живописи, Воронько начинает с обучения именно видеть. Ведь еще Бальзак говорил, что «смотреть еще не значит видеть» (Шегаль, 1957. С. 9).

Ни одно другое искусство – ни поэзия, ни музыка, ни архитектура не претерпевает, подобно живописи, самоуверенного напора ошибочных мнений многих людей, не берущих на себя смелость судить ни об архитектуре, ни о музыке, ни о поэзии. Объясняется это тем, что чувство зрения, к которому обращается живопись, определяет связь людей с внешним миром.

Что такое художественное зрение, чем оно отличается от зрения физического и как можно научиться художественно видеть? Каждый художник обладает одновременно как физическим, так и художественным зрением. Как и всякий человек он смотрит на окружающий мир при помощи своего физического зрения, но, когда он смотрит на природу, людей, предметы, как художник, с целью запечатлеть виденное на бумаге или холсте, на помощь его физическому зрению приходит зрение художественное. В этот момент он не только смотрит, но и создает образ. Как бы ни был совершенен этот образ, он никогда не будет абсолютно совпадать с природой, не может быть тождественным с ней, а всегда будет являться вольным или невольным видоизменением, преображением ее. Некоторые черты природы, особенно взволновавшие художника, он выделяет, другие, мало его трогающие, опускает, фантазирует, и по образному замечанию К. Коровина, творит «не только глазами, но и чувствами» (Коровин, 1963. С. 437).

Воспитание умения художественно видеть – сложная педагогическая задача. Художественно-педагогические взгляды базируются на проникновенном изучении натуры, постижении ее пластической формы, ее конструктивности. Однако Воронько всегда напоминает ученикам о том, что натуру нельзя только копировать, что для художественного произведения не довольно одного только копирования с натуры. В том и заключается смысл художественного творчества, что художник передает не какую-то внешнюю видимость, а нечто иное – ему только доступное и составляющее эмоциональную образно-цветовую интерпретацию видимого. Лишь постепенно происходит затем у зрителя процесс какого-то уравнения между образами действительности и тем миражом, который внутренним зрением видит художник.

Бессмысленное срисовывание, слепое подражание натуре Воронько отрицает. Он настойчиво добивается от учащихся выявления характерного, индивидуального, стремясь сделать процесс живописного изучения натуры глубоко творческим, активным и познавательным.

Решая проблемы воспитания художественного видения, Воронько сознает и то, что чувства, мысли и идеи по-разному воплощаются в разных видах художественного творчества. Образ художественного произведения должен возникнуть, по мнению Воронько, сразу же в форме пластического представления. Художественный образ проявляется в мозгу художника в пластической определенности формы.

Воронько, безусловно, близка мысль Крамского о том, что живопись только тогда становится живописью, когда «та сторона жизни, какую показывает художник никакими другими средствами, кроме живописи и не могла быть передана с большей убежденностью!» (Ковалевская, 1988. С. 37).

На протяжении веков велся спор о приоритете формы или цвета, рисунка или колорита в живописи. Художники Возрождения были единодушны в своей оценке рисунка, как первоосновы изобразительного искусства, хотя в самой их среде противостояли друг другу: линейная школа флорентийцев и живописно-колористическая школа венецианцев. Познавая неразрывную связь рисунка и живописи, Тинторетто говорил: «Я напишу над входом моей мастерской «Школа рисунка», а буду туда впускать только живописцев» (Шегаль, 1957. С. 9).

Особенностью педагогического метода Воронько является неразрывная связь рисунка и жи-

вописи. Для живописи нужен соответствующий рисунок. Можно, казалось бы, хорошо рисовать, но это рисование может быть в непримиримом противоречии с живописью. Воронько дает возможность раскрываться способностям и рисовальщика, и живописца, определить в начале пути, что же заложено в начинающем – живописец или нет – трудно. Для методики преподавания живописи Воронько характерен индивидуальный подход к ученику, что позволяет смотреть на натуру не с точки зрения изображения ее выученным техническим приемам, а с точки зрения индивидуального чувства, сохранения индивидуальности в цветоощущении и выражении формы.

Все художники работают по тем или иным законам и принципам. Эти законы и принципы разные. Одни основаны на цвете, живописи, а другие – на форме и рисунке.

Система Воронько, частично жертвуя общим тоном, наполняет работу звучным цветом, контрастами теплого и холодного. Теплохолодность обогащенного сложно-сочиненного цвета, считает Воронько, основа живописи, его метод идет не только и не столько от восприятия пространства, а от восприятия конструктивной формы, живописно окрашенной и находящейся в пространстве. Метод восприятия цвета у Воронько позволяет работать не только глазами, но и чувствами. Воронько призывает писать не «с натуры» а «по поводу натуры».

Особенность методики преподавания Воронько, его эстетическое кредо обращается к мировому художественному наследию и исходит из мысли, высказанной Эженом Делакруа: «Живопись не что иное, как мост, переброшенный от души художника к душе зрителя. Холодная точность не есть искусство. Блистательный вымысел, обладающий

Рис. 14. Юбилей кафедры монументально-декоративной живописи, 2010 г.
Fig. 14. Anniversary of the Department of Monumental and Decorative Painting, 2010

выразительностью и обаянием, – вот в чем искусство» (Делакруа, 1961. С. 280).

М.Д. Воронько внес огромный вклад в Российскую культуру, являясь ярким представителем Иркутской художественной школы, примером, эталоном для всех своих учеников и коллег. Художник для него всегда является представителем той части общества, которая более способна воспринимать эстетические и духовные ценности и через свое творчество влиять на другую часть общества, поднимая его на ступеньку выше. Это и есть задача художника. Михаил Данилович был очень современен, он учил каждого из своих учеников чувствовать и мыслить как художник. Своим ученикам он постоянно напоминал: «Живопись – это музыка в цвете».

«Природа содержит в цвете и в формах элементы всех картин, подобно тому, как клавиатура содержит звуки всякой музыки, но художник рожден для того, чтобы выбрать и сгруппировать эти элементы, как музыкант выбирает свои звуки и образует аккорды, пока не добудет из хаоса великолепную гармонию» (Уистлер, 1970. С. 188).

«Зеркальное отображение действительности никогда не было и не будет искусством» – утверждает Воронько. Ему безусловно близка формулировка К. Коровина: «Реализм в живописи имеет нескончаемые глубины, но пусть не думают, что протокол есть художественное произведение» (Коровин, 1990. С. 80). Воронько убежден, что живопись сама в себе и есть искусство.

Не нужно стоять на месте, на одном уровне творческого мастерства, – считал художник, – нужно быть всегда в поиске. А любой поиск дороже результата, потому что в поиске художник мучается, ищет, а когда все уже состоялось, он как бы в холодную воду опущен, и для него уже как бы все кончилось, пока не начнется что-то новое, потому что сам процесс важнее, чем результат. Результат может не получиться, а поиск – это ценное качество в любом виде искусства. Художник, если он Художник, должен в первую очередь быть сам восхищен, чем-то удивлен. И если это с ним произошло и что-то его привело в восторг, а красивое можно видеть во всем и всюду вокруг себя, то это невольно передается зрителю. Поэтому всегда можно по работе определить, чем дышал и в каком состоянии художник находился. Трудно не согласиться с Михаилом Даниловичем, сказавшим однажды: «Мастерство художнику нужно для того, чтобы полнее выразить свои чувства и мысли». Об этом помнят его ученики (рис. 14).

Библиографический список

Воллар А. Ренуар. М.: Республика, 1995. 255 с.

Делакруа Э. Дневник Делакруа. В 2 т. М.: Издательство Академии художеств СССР, 1961. Т. 1. 454 с. ; Т. 2. 441 с.

Коровин К. Письма. Документы. Воспоминания. М.: Издательство Академии Художеств СССР, 1963. 526 с.

Коровин К. Константин Коровин вспоминает. М.: Изобразительное искусство, 1990. 607 с.

Ковалевская Т.М. Крамской об искусстве. М.: Изобразительное искусство, 1988. 176 с.

Малкина Л.Н. Художественная жизнь Иркутска 1932–2000 гг.: монография / Л.Н. Малкина. Иркутск: Изд-во ИрНИТУ, 2015. 235 с.

Уистлер Дж.М. Изящное искусство создавать себе врагов. М.: Искусство, 1970. 287 с.

Шадрина А.С. История Кузнецка XVII – начала XX в. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1998. 36 с.

References

Vollar A.(1995) Renoir. Moscow: Respublika. 255 p. (In Russ.)

Delakrua E. (1961) Delacrya diary. In 2 Vol. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Khudozhestv SSSR. Vol. 1. 454 p.; Vol. 2. 441 p. (In Russ.)

Korovin K. (1963) Letters. Documents. Memories. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Khudozhestv SSSR. 526 p. (In Russ.)

Korovin K. (1990) Konstantin Korovin recalls. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo. 607 p. (In Russ.)

Kovalevskaya T.M. (1988) Kramskoy about art. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo. 176 p. (In Russ.)

Malkina L.N. (2015) The artistic life of Irkutsk 1932–2000. Monograph. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University. 235 p. (In Russ.)

Uistler Dzh.M. (1970) The fine art of making enemies for yourself. Moscow: Iskusstvo. 287 p. (In Russ.)

Shadrina A.S. (1998) History of Kuznetsk of the 17th – 20th century. Novokuznetsk: Kuznetsk fortress. 36 p. (In Russ.)

Шегаль Г.М. Колорит в живописи. М.: Искусство, 1957. 72 с.

Сведения об авторе

Малкина Лариса Николаевна,
кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры монументально-декоративной живописи и дизайна им. В.Г. Смагина,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: larisamalkina1@yandex.ru

Заявленный вклад авторов

Л.Н. Малкина выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 1 октября 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 30 ноября 2020 г.
Принята к публикации 7 декабря 2020 г.

Shegal' G.M. (1957) Coloring in painting. Moscow: Iskusstvo. 72 p. (In Russ.)

Information about the author

Larisa N. Malkina,
Cand. Sci. (Cultural studies), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Monumental and Decorative Painting and Design named after V.G. Smagin,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 6664074, Russia,
✉ e-mail: larisamalkina1@yandex.ru

Contribution of the authors

L.N. Malkina carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received October 1, 2020.
Received November 30, 2020.
Accepted December 7, 2020.

Оригинальная статья / Original article
УДК 903
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-273-283

Мочанов. Археолог. Без компромиссов (штрихи к портрету) 1934–2020

© Н.С. Кирьянов

Арктический научно-исследовательский центр Академии наук Республики Саха (Якутия), г. Якутск, Россия

Аннотация: Статья посвящена памяти выдающегося археолога и исследователя древней истории Северной Азии Юрия Алексеевича Мочанова. В очерковой форме излагаются известные автору некоторые факты и эпизоды из личной и профессиональной жизни, характеризующие этого незаурядного человека. Основные вехи трудовой биографии Ю.А. Мочанова и главные научные труды и достижения излагаются в хронологическом порядке в завершении очерков. Личность Ю.А. Мочанова и его яркая археологическая деятельность в области изучения наиболее ранних этапов заселения и освоения человеком Северной Азии составляют золотой фонд отечественной мысли в разработке фундаментальных и прикладных проблем в археологии.

Ключевые слова: Якутия, Мочанов, Федосеева, Приленская археологическая экспедиция, палеолит, неолит, бронза, Диринг-Юрях, Дюктайская пещера, Белькачи-I

Для цитирования: Кирьянов Н.С. Мочанов. Археолог. Без компромиссов (штрихи к портрету). 1934–2020 // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 273–283. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-273-283

Mochanov. Archaeologist. No compromise (touches to the portrait) 1934–2020

© Nikolay S. Kiryanov

The Arctic Scientific Research Centre, Academy of Sciences of the Sakha Republic, Yakutsk, Russia

Abstract: The article is dedicated to the memory of the outstanding archaeologist and researcher of the ancient history of North Asia Yuri Mochanov. In the essay form the author describes some facts and episodes from his personal and professional life that characterize this outstanding person. The main milestones of the work biography of Yuri Mochanov and the main scientific works and achievements are presented in chronological order at the end of the essays. Personality of Yuri Mochanov and his outstanding archaeological work in the field of studying the earliest stages of human settlement and development of North Asia constitute the Golden Fund of Russian thought in the development of fundamental and applied problems in archaeology.

Keywords: Yakutia, Mochanov, Fedoseeva, Lena archaeological expedition, Paleolithic, Neolithic, Bronze Age, Diring Yuryakh, Dyuktay cave, Belkachi I

For citation: Kiryanov N.S. (2020) Mochanov. Archaeologist. No compromise (touches to the portrait). 1934–2020. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 273–283. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-273-283

19 октября 2020 года ушел из жизни выдающийся археолог Якутии и Сибири Юрий Алексеевич Мочанов (рис. 1). Ученый по призванию, борец по духу, стоик в душе. В жизни Юрий Алексеевич не терпел лакировки и украшательства, не резон и сегодня говорить о нем в подчеркнуто-мемориальном стиле. Строгий, колючий и резкий, Мочанов никогда не был благообразным профессором желейного вида, заумно бубнящим в аудитории ученые слова. Официально он и профессорского звания-то никогда не носил. Это был человек слова, человек «поля», презирающий отсиживание в кабинетах с целью заполучить какую-нибудь премию или другую материальную выгоду. «Знания, а не звания!» Когда после защиты докторской диссертации коллеги предложили ему использовать свою работу для защиты докторской уже по геологии, Мочанов лишь презрительно отмахнулся.

Родители

Алексей Ефимович и Роза Яковлевна. Отец – профессиональный востоковед, турковед, переводчик, кандидат исторических наук, воевал в Первую мировой и Гражданскую войну, участник знаменитого Брусиловского прорыва 1916 года (рис. 2). Мама – библиотекарь, долгое время работала в Ленинграде в научных учреждениях (рис. 3). Юрий – их единственный сын.

Отец умер неожиданно в 1940 году в Ялте на лечении, куда приехал сразу после защиты диссертации. Юрию тогда еще не исполнилось и шести лет. Мама Юрия Алексеевича была женщиной мягкой, хотя и требовательной, но именно её авторитет всегда оставался для Юрия Алексеевича непререкаемым. Огорчить маму своим, может, не всегда примерным юношеским поведением (не говоря уж о том, чтобы обидеть!) всегда было тягостным бременем для сына, и еще будучи совсем молодым он дал себе клятву – не совершать поступков, которые бы могли её расстроить.

В беседах с друзьями отца Мочанов-младший все больше убеждался, что тот возможно скончался не столько от обострения былых ран, сколько от рук тех, кто был недоволен действиями А.Е. Моча-

Рис. 1. Ю.А. Мочанов на памятнике Сикачи-Алянь (2005 г.)
Fig. 1. Yuri Mochanov on the Sikachi-Al'an' site (2005)

Рис. 2. Отец Алексей Ефимович Мочанов
Fig. 2. Father Alexei E. Mochanov

Рис. 3. Юра с мамой Розой Яковлевной
Fig. 3. Yura with mother Rosa Ya. Mochanova

нова в бытность его работы комиссаром в годы установления Советской власти в Средней Азии. Так это или нет – сегодня доподлинно неизвестно.

«Нахимовка»

Когда Юрий Мочанов был курсантом Нахимовского военно-морского училища в Ленинграде, его командир, отчитав за самоуправство в виде прыжка в воду с легендарного крейсера «Аврора» (молодые ребята показывали свою удаль), сказал ему: «Мочанов, с твоим характером ты или попадешь в тюрьму, или станешь Героем Советского Союза. Причем первый вариант намного вероятней». После серьезного проступка встал вопрос об отчислении, но Роза Яковлевна, работавшая тогда в библиотеке училища, упросила начальство не идти на крайние меры.

За настырный и упрямый характер курсант часто сиживал на той самой гауптвахте, где в свое время «отбывал наказание» знаменитый летчик Чкалов, что для Юрия Алексеевича всегда являлось предметом гордости. Однако не стоит считать, что «хулиганка» была следствием его самомнения или кичливости, наоборот, Мочанов шел с «открытым забралом», всегда был открыт для полемики и критики и уважал достойного оппонента. Но недостойному сопернику он – боксер и борец, чемпион Ленинградского университета, – мог отвесить крепкий «хук», и не только на словах. Поэтому немногие отваживались конфликтовать с Мочановым лицом к лицу, предпочитая заочную словесную перепалку.

«Виват! Нас ждут великие дела!»

Одной из первых находок, которая потрясла молодого 25-летнего исследователя, был обнаруженный им при раскопках стоянки раннего железного века и неолита у с. Кондон в Приамурье в 1960 году «гобийский» нуклеус, которые на тот период были известны только в знаменитой пустыне Гоби в Монголии и Северной Америке (рис. 4). Подобная находка в Приамурье свидетельствовала об освоении этого региона человеком уже в палеолите, что для того времени стало сенсацией. В тот же

Рис. 4. Ю.А. Мочанов на раскопках у с. Кондон (1960 г.)
Fig. 4. Yuri Mochanov on the excavations at Condon (1960)

день Мочанов записал в своем полевом дневнике: «Виват! Нас ждут великие дела!».

Трепетное отношение к клиновидным нуклеусам Юрий Алексеевич пронес через всю свою профессиональную карьеру и в своих обобщающих работах всегда указывал на их особую роль в размежевании позднего (верхнего) и голоценового палеолита (последний и сегодня во многих крупных работах именуется «мезолитом»). Раскопки голоценовых слоев многослойной стоянки Белькачи-I в 1964–1968 гг. и плейстоценовых отложений Дюктайской пещеры в 1967–1969 гг. позволили это констатировать.

Кочегарка

Первую свою научную статью «К вопросу об употреблении и технике изготовления каменных орудий в конце эпохи бронзы (По материалам поселения Уч-Тепе)» (Азербайджанская экспедиция) Мочанов написал, работая кочегаром. В Ленинградском отделении Института истории материальной культуры не было штатных единиц и поэтому на протяжении 6 лет с апреля по декабрь Мочанов нанимался временным рабочим или лаборантом в различные археологические экспедиции Советского Союза, а зимой работал кочегаром и грузчиком. Именно полученный богатый полевой опыт позволил Юрию Алексеевичу в дальнейшем сделать свои лучшие открытия.

Наверное, тогда же Юрий Мочанов и открыл для себя археологию не только как специальность и профессию, которая позволяет «путешествовать во времени и пространстве», но и как фундаментальную науку, которая только и способна объяснить всю сложность происхождения такого важнейшего феномена Земли как ноосфера. Происхождение Разума Мочанов таксономически относил к важнейшим общечеловеческим философским проблемам, наряду с появлением Вселенной и зарождением Жизни.

«Протянут»

«В июле 1973 года мы летели с Юрой Мочановым на вертолете из Чокурдаха на остров Большой

Ляховский. Юра горел желанием найти следы палеолита на Новосибирских островах… Своей широкой грудью Мочанов скорее похож на борца-средневеса из олимпийской сборной. Под стать ему и его спутник-студент. На трясущемся полу вертолета у наших ног лежит имущество этой пары: два спальных мешка, крохотная палатка, два мешочка с продуктами и маленькая резиновая лодка…

– Как вы ее протянете? – кричу я ему в ухо. – Там, ведь, где – пляж, где – лед, где – скалы…

– Протянем, – отвечает Юра, делая ладонью успокаивающий жест. Своих геологов я никогда не выпустил бы в поле с таким снаряжением. Но я чувствую, что они действительно протянут» (Из книги «Архипелаг двух морей» (1979) Владимира Иванова – начальника Арктической геологической экспедиции Института геологии Арктики, ныне ВНИИОкеангеология).

Светик

Если бы не Светлана Александровна Федосеева, супруга Мочанова, археология Якутии возможно бы не досчиталась многих важных открытий (рис. 5–6). «Светик» – как ласково ее называл Юрий Алексеевич, была первым археологом после Окладникова, которая после окончания Киевского университета прибыла в Якутию для проведения раскопок на Вилюе. Изначально они планировали завершить работы в Якутии и уехать в Ленинград, где для них были зарезервированы места в Эрмитаже.

Чтобы помочь супруге завершить исследования, Мочанов приехал в Якутию и сразу же отправился на Алдан, где им были открыты опорные памятники древней истории Якутии – Белькачи-I, Сумнагин-I, Усть-Тимптон-I. После этого Федосеева сказала: «Я, как и всякий археолог, человек суеверный. С тобой в Якутию пришли многослойки». Вместе они прожили в Якутии более 50 лет.

Дети

Дочь от первого брака – Наталья Юрьевна Данилова (1955 г. р.), российская актриса Большого драматического театра в Санкт-Петербурге, знаменитая «Варя Синичкина» из культового фильма «Место встречи изменить нельзя». Сын Ю.А. Мочанова и С.А. Федосеевой – Алексей Юрьевич Мочанов (1969 г. р.), украинский автогонщик, автомобильный и спортивный журналист, телеведущий, тест-пилот, чемпион и призер Украины по автослалому и ралли, мастер спорта международного класса.

Представитель малой народности нууча

Мочанов презирал ложь и лицемерие, но всегда ценил острую шутку и хохму и в споре всегда шел до конца. В советские годы, будучи в отпуске в Ленинграде, он с приятелями поспорил, что перейдет оживленный Невский проспект, и милиционер его не задержит. И действительно, когда его остановили, Мочанов показал паспорт и сказал, что он представитель малой народности *нууча* («русский» по-якутски), приехал из Якутска и в больших городах не был. Отпустили, пропустили и еще сопроводили.

Доносы

Один широко известный в узких кругах археолог (ныне – доктор наук) в советское время говорил о Мочанове: какой идиот захочет переехать из Ленинграда в Якутск, чтобы заниматься вопросами заселения Американского континента? Ясно же, он хочет эмигрировать в США.

В советское партийное время Мочанова считали антисоветчиком, в постперестроечное время – ярым коммунистом. А Мочанов всегда стоял прямо. Менялась только конъюнктура вокруг него и люди, которые хотели этой конъюнктуре угодить.

Мочанов общался с историком Львом Гумилёвым (Гумилёв рекомендовал Мочанова в члены Российской академии естественных наук), с путешественником Туром Хейердалом (оба были членами Географического общества СССР), с космонавтом Германом Титовым (Титов специально прилетал на Диринг-Юрях). И также уважительно он разговаривал с уборщицей Алимой, водителем Александром, рабочим Альбертом, мотористом Иваном.

Рис. 5. Ю.А. Мочанов и С.А. Федосеева на Международном симпозиуме в г. Владивостоке (1976 г.)
Fig. 5. Yuri Mochanov and Svetlana Fedoseeva at the International Symposium in Vladivostok (1976)

Рис. 6. Ю.А. Мочанов и С.А. Федосеева (2012 г.)
Fig. 6. Yuri Mochanov and Svetlana Fedoseeva (2012)

О палеолитчиках

О крайне натянутых (и это еще очень мягко сказано!) отношениях Ю.А. Мочанова с ведущими отечественными палеолитчиками и в целом «каменщиками» Сибири и Дальнего Востока, такими как академики Алексей Павлович Окладников и Анатолий Пантелеевич Деревянко (Новосибирск), член-корреспондент Вадим Александрович Ранов (Душанбе, Таджикистан), доктор исторических наук Зоя Александровна Абрамова (Красноярск) и другими, знают без преувеличения все археологи, занимающиеся практическими вопросами хроностратиграфии и облика материальной культуры палеолита Центральной и Северной Азии.

Несмотря на то, что Ю.А. Мочанов значительное время работал в экспедициях А.П. Окладникова в Приамурье и Средней Азии, своим учителем и наставником он считал такого «мастодонта» палеолита как Петр Петрович Ефименко, который и был его руководителем диссертационной темы, посвященной вопросам заселения Американского континента.

Принципиальной позицией Юрия Алексеевича являлась твердая убежденность, что не должно быть квалификационной разницы между археологом-палеолитчиком и геологом-четвертичником, причем археолог должен «считывать» стратиграфическую и геоморфологическую информацию более детально и скрупулезно, чем геолог. Большая часть современных публикаций о палеолите представлены главным образом иллюстрированием находок и их морфологией, а также особенностями технологических индустрий, в то время как их стратиграфические условия залегания отданы всецело «на откуп» геологам. «Мол, геологи придут и все нам расскажут». По мнению Мочанова, такого в археологии палеолита в принципе быть не должно (рис. 7).

Про Диринг-Юрях

«Мои оппоненты не понимают, что если памятник Диринг-Юрях моложе олдованского возраста, то его значение становится в разы важнее. Это означает, что зарождение разума может про-

Рис. 7. Ю.А. Мочанов на раскопках среднепалеолитического памятника Мунгхарыма II (2009 г.)
Fig. 7. Yuri Mochanov in excavations of Middle Paleolithic site Mungharima II (2009)

исходить независимо друг от друга в разных местах планеты. Ведь в то время, когда на всей Земле в эпоху ашеля и мустье первобытные племена уже снимали пластины с заранее заготовленных отщепов, некие гоминиды в Якутии решили начать весь технологический процесс обработки камня с нуля» (в личной беседе с Н.С. Кирьяновым).

Наследие

И для последователей, и для оппонентов Мочанова очевидно, что возглавляемая им и С.А. Федосеевой Приленская археологическая экспедиция за почти 60 лет провела колоссальный объем работ по сплошному археологическому изучению всей территории Якутии и прилегающих к ней областей. Исследованы все крупные бассейны рек, а также большая часть их притоков. Засвидетельствовано, что необитаемых мест, за исключением покрываемых ледниками вершин гор, в Якутии со времен палеолита не существовало. И вряд ли сегодня кто-нибудь может всерьез говорить об имеющихся «белых пятнах» на археологической карте, скорее речь зайдет о разной степени изученности районов республики.

Фондохранилище Музея арктической археологии им. С.А. Федосеевой содержит материалы 826 памятников с количеством более 350 тысяч единиц хранения. Накоплен солидный банк археологической информации по крупнейшему региону России, который и сегодня активно востребован. Разработанная Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой периодизация древней истории Якутии является основополагающей, которой пользуются и применяют и последователи, и оппоненты. Сегодня речь идет главным образом об её уточнении и дополнении, безусловна, также критика отдельных разрабатываемых этапов этой шкалы, но никак ни о её ниспровержении или неприятии. Обоснованность периодизации приленских культур показала свою эффективность и в дальнейших разработках, например, в трудах А.Н. Алексеева, А.С. Кириллина, В.М. Дьяконова, В.А. Кашина, С.И. Эверстова, и др.

Арктический научно-исследовательский центр

Еще одним наследием-детищем, который оставил после себя Юрий Алексеевич вместе со Светланой Александровной наряду с богатейшими археологическими коллекциями и разработанной периодизацией древней истории Якутии – это создание в 2004 году первого в республике специализированного юридически обособленного археологического учреждения «Центр арктической археологии и палеоэкологии человека», ныне – Арктический научно-исследовательский центр (АНИЦ). Особую роль в его создании сыграл лично второй Президент Республики Саха (Якутия) Вячеслав Анатольевич Штыров.

Сегодня в АНИЦ работают ученики Ю.А. Мочанова и С.А. Федосеевой, а также молодое поколение из выпускников Исторического факультета СВФУ. В 2019 году создан студенческий археологический отряд «Диринг», который помогает АНИЦ проводить масштабные исследования, как, например, раскопки на Верхней Амге в 2019 году и в исторической части г. Якутска в 2020 году.

Замышлявшаяся Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой главная задача АНИЦ – это аккумулировать в научно-методическом плане все планируемые и проводимые исследования, чтобы работы разных учреждений не замыкались только в тематике своих НИРов, а решали бы общую задачу на каждом из своих участков. Созданный в АНИЦ и зарегистрированный в Государственном каталоге Музейного фонда Министерства культуры РФ в 2019 году Музей арктической археологии им. С.А. Федосеевой является опорной площадкой для реализации подобных замыслов. В 2019 году в нём состоялся первый за долгие годы межинститутский круглый стол, который собрал всех практикующих археологов Якутии из разных учреждений.

Гражданская позиция

Однажды на стене Городской классической гимназии в центре Якутска появилась намалеванная спреем фашистская свастика. Наверное, кто-то из не очень умных мальчишек решил похулиганить. Мочанов, в отличие от других членов Академии наук Республики Саха (Якутия), жил не в при-

вилегированном «Академическом доме» в центре города, а в обычной крупнопанельной четырехэтажке, окна которой как раз выходили на стены гимназии.

Наверное, большинство из нас прошло бы мимо этой свастики и только работникам гимназии была головная боль, как её убрать. Заставший блокаду Ленинграда, ребенок послевоенного времени Мочанов сразу позвонил руководителю Управления ФСБ по Республике Саха (Якутия). Свастику мгновенно замазали. В этом и был весь Мочанов – он не терпел проявления безобразия даже в самых малых формах.

Я уйду, когда посчитаю нужным

«Мы провели с Отцом всю прошлую ночь. Он позвонил после полуночи и очень спокойным, даже оптимистичным голосом пригласил:

– Сынок, время пришло. Заедь, поболтаем и попрощаемся.

... Я, конечно, буркнул, чтобы он не говорил глупостей и не драматизировал, но послушно как сын встал, оделся и поехал. Надо значит надо, в нашей Семье не принято перечить Вожаку» (Личная страница в Facebook Алексея Мочанова, 20.10.2020).

Послесловие

«Все мы когда-то и где-то немного недоели, немного недоспали, спотыкались, падали, поднимались, растирая ушибленные места. Ну, так что из этого? Не стоит унывать, не стоит хмуриться. Такая уж наша жизнь. Она, как добрый кусок поджаренного на костре мяса, – жилистая, местами еще кровь сочится, дымком попахивает, а все-таки вкусная. Ей-богу, вкусная! Только беззубым да безруким здесь делать нечего. Сильные люди нужны. И добрые. Да, да, обязательно добрые» (из рассказа Ю.А. Мочанова «Последняя спичка», журнал «Полярная звезда», № 3, 1964 г.).

Биография Ю.А. Мочанова

Родился 8 ноября 1934 года в г. Ленинграде.

1953 г. – окончил Ленинградское Нахимовское военно-морское училище.

1957 г. – экстерном окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета.

1957 г. – экскурсовод музея Арктики арктического и антарктического научно-исследовательского института (г. Ленинград).

1956–1964 гг. – лаборант, старший лаборант (на договорной основе), научно-технический сотрудник Ленинградского отделения Институт истории материальной культуры АН СССР. Работал на Памире (рук. – А.Н. Бернштам); в Прибалтике, Карелии и на Кольском полуострове (рук. – Н.Н. Гурина); в Киргизии, Узбекистане и Таджикистане (рук. – А.П. Окладников); на Северном Кавказе и в Причерноморье (рук. – М.С. Паничкина); в Закавказье и Прикаспии (рук. – А.А. Иессен); на Дону и в Приазовье (рук. – С.И. Капошина) в Каракумах, Кызылкумах и на Амударье (рук. – А.М. Мандельштам); на Енисее и Таймыре (рук. – М.П. Грязнов); на Ангаре, Амуре и в Приморье (рук. – А.П. Окладников).

1964–1995 гг. – младший, старший, главный научный сотрудник сектора археологии и истории досоветского общества Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР.

1964–2017 гг. – начальник Приленской археологической экспедиции (ПАЭ).

1966 г. – защита кандидатской диссертации «Многослойная стоянка Белькачи-I и периодизация каменного века Якутии» в Институте археологии АН СССР (г. Москва).

1978 г. – защита докторской диссертации «Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии» в Институте археологии АН СССР (г. Москва).

1995–2004 гг. – главный научный сотрудник отдела археологии и палеоэкологии человека Института гуманитарных исследований Академии наук РС(Я).

2004–2017 гг. – заместитель директора по науке Центра арктической археологии и палеоэкологии человека Академии наук РС(Я), директор Археологического музея Северо-Восточной Азии ЦААПЧ.

2017–2020 гг. – проживал в г. Киеве (Украина).

Звания

Заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Саха (Якутия).

Действительный член Российской академии естественных наук и Академии наук Республики Саха (Якутия).

Кавалер высшего ордена Республики Саха (Якутия) «Полярная Звезда».

Открытия

Первооткрыватель и автор совместно с С.А. Федосеевой современной общепринятой периодизации древней истории Якутии и Северо-Восточной Азии.

Открыл и изучил следующие археологические культуры Якутии: дирингская (нижний палеолит), аллалайская (переходный этап палеолита от нижнего к среднему), кызылсырская (средний палеолит), чиркуосская (переходный этап палеолита от среднего к верхнему), дюктайская (верхний палеолит, 35–10 тыс. л. н.), сумнагинская (голоценовый палеолит, 9–6 тыс. л. н.), сыалахская (ранний неолит, 6–5 тыс. л. н.), белькачинская (средний неолит, 5–4 тыс. л. н.), ымыяхтахская (поздний неолит, 4–3 тыс. л. н.), усть-мильская (эпоха бронзы, 3–2 тыс. л. н.), культурные комплексы раннего железного века (2,5 – 0,5 тыс. л. н.).

Список основных научных трудов Ю.А. Мочанова

Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи-I и периодизация каменного века Якутии. М.: Наука, 1969.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977.

Мочанов Ю.А. Древнейший палеолит Диринга и проблема внетропической прародины человечества. Новосибирск: Наука, 1992.

Мочанов Ю.А. Дюктайская бифасиальная традиция палеолита Северной Азии. Якутск: АН РС(Я), ЦААПЧ, 2007.

Мочанов Ю.А. 50 лет в каменном веке Сибири (археологические исследования в азиатской части России). Т. I–II. Якутск: АН РС(Я), ЦААПЧ, 2010.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Археология, палеолит Северо-Восточной Азии, внетропическая прародина человечества и древнейшие этапы заселения человеком Америки (Доклад для I Международного Северного археологического конгресса в г. Ханты-Мансийск). Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2002.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Очерки дописьменной истории Якутии. Эпоха камня. Т. I–II. Якутск: АН РС(Я), ЦААПЧ, 2013.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Очерки дописьменной истории Якутии. Конец эпохи камня и начало эпохи ранних металлов. Якутск: АН РС(Я), ЦААПЧ, 2017. Т. III.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Алексеев А.Н., Козлов В.И., Кочмар Н.Н., Щербакова Н.М. Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олекмы. Новосибирск: Наука, 1983.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Константинов И.В., Антипина Н.В., Аргунов В.Г. Археологические памятники Якутии. Бассейны Вилюя, Анабара и Оленека. М.: Наука, 1991.

Main scientific works of Y.A. Mochanov

Mochanov Y.A.(1969) Multilayered site Belkachi I and periodization of the Stone Age of Yakutia. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Mochanov Y.A. (1977) Earliest stages of peopling of northeast Asia. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)

Mochanov Y.A. (1992) The most Ancient Paleolithic of the Diring site and the problem of extratropical ancestral home of mankind. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)

Mochanov Y.A. 2007. Dyuktay bifacially tradition of the Paleolithic of Northern Asia. Yakutsk: Academy of Sciences of Sakha (Yakutia), CAAPH. (In Russ.)

Mochanov Y.A. (2010) 50 years in the Stone Age of Siberia (archaeological research in the Asian part of Russia). Vol. I–II. Yakutsk: Academy of Sciences of Sakha (Yakutia), CAAPH. (In Russ.)

Mochanov Y.A., Fedoseeva S.A. (2002) Archeology, the Paleolithic of North-East Asia, the extratropical ancestral homeland of mankind and the oldest stages of human settlement in America (Report for the I International Northern Archaeological Congress in

Khanty-Mansiysk). Yakutsk: Academy of Sciences of Sakha (Yakutia), CAAPH. (In Russ.)

Mochanov Y.A., Fedoseeva S.A. (2013) Essays on the pre-history of Yakutia. The Stone Age. Vol. I–II. Yakutsk: Academy of Sciences of Sakha (Yakutia), CAAPH. (In Russ.)

Mochanov Y.A., Fedoseeva S.A. (2017) Essays on the pre-history of Yakutia. The end of the Stone Age and the beginning of the Early Metal Age. Yakutsk: Academy of Sciences of Sakha (Yakutia), CAAPH. Vol. III. (In Russ.)

Mochanov Y.A., Fedoseeva S.A., Alekseev A.N., Kozlov V.I., Kochmar N.N., Shcherbakova N.M. (1983) Archaeological sites of Yakutia. The basins of the Aldan and Olekma. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)

Mochanov Y.A., Fedoseeva S.A., Konstantinov I.V., Antipina N.V., Argunov V.G. (1991) Archaeological sites of Yakutia. The basins of the river the Vilui and Anabar and Olenek. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Сведения об авторе

Кирьянов Николай Сергеевич,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Арктический научно-исследовательский центр Академии наук Республики Саха (Якутия),
677000, г. Якутск, ул. Курашова, 22, Россия,
✉ e-mail: ns_kiryanov@bk.ru

Information about the author

Nikolay S. Kiryanov,
Cand. Sci. (History), Leading Researcher,
Arctic Scientific Research Center of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia),
22, Kurashov street, Yakutsk 677000, Russia,
✉ e-mail: ns_kiryanov@bk.ru

Заявленный вклад авторов

Н.С. Кирьянов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the authors

N.S. Kiryanov carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 23 октября 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 19 ноября 2020 г.
Принята к публикации 30 ноября 2020 г.

Article info

Received October 23, 2020.
Received November 19, 2020.
Accepted November 30, 2020.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом не более 6000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. ***Индекс УДК*** в верхнем левом углу.

2.2. ***Заголовок,*** включающий: название статьи (должно быть информативным и, по возможности, кратким), набранное полужирными прописными буквами, выравнивание по левому краю;

2.3. ***Инициалы и фамилии авторов:*** располагаются через один интервал ниже заголовка, набираются полужирными буквами, выравнивание по левому краю, вначале ставится знак авторства, затем инициалы автора, после этого через пробел фамилия. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишутся инициалы и фамилия второго автора и т. д.

2.4. ***Организация и ее адрес:*** располагается под фамилией автора, набирается прописными буквами, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Ниже названия организации указывается адрес организации (страна, индекс, город, улица, номер здания).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся разные латинские прописные буквы (верхний индекс). Такие же буквы ставится перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. ***Аннотация:*** должна быть информативной, содержать 200–2500 слов, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. ***Английский перевод*** названия статьи, фамилий и инициалов авторов, названия и адреса организации, аннотации, ключевых слов оформляется так же, как и на русском языке.

2.7. ***Благодарности.*** После текста статьи, перед библиографическим списком указывается номер и название проекта, при поддержке которого выполнено исследование, а также упоминаются люди и организации, оказавшие помощь в работе над статьей.

2.8. ***Раздел «Библиографический список»***. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется в Harvard стандарте: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. Например, статья в журнале: Сидоров, А.П., Петров, Г.П. и Степанов Г.К. 2005, Древняя история Приангарья, *Социгенез в Северной Азии*, вып. 3, № 3, с. 40-82.; статья в научном сборнике: Сидоров, А.П. 2006, Косторезное искусство в неолите Восточного Забайкалья, *Древняя история Монголии, Северного Китая и Байкальской Сибири*, Улан-

Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, часть. 3, с. 43-56.; монография: Сидоров, А.П. 2006, Неолит Забайкалья, Улан-Удэ: Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 315 с.

2.9. ***Раздел «Сведения об авторах»*** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество

Степень, звание, должность

Организация

Почтовый адрес организации (индекс, страна, город, улица, здание)

e-mail

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) Имя О. Фамилия

(англ.) Степень, звание, должность

(англ.) Организация

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город, индекс, страна)

e-mail

2.10. ***Раздел «Критерии авторства»***. Указывается, какой вклад внес каждый из авторов в работу над статьей. Например: «В.С. Козлов, С.О. Гусев выполнили исследовательскую работу, на основе полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут ответственность за плагиат».

2.11. ***Раздел «Конфликт интересов»***. Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.12. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, шрифт обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании ***таблиц*** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены ***отдельными файлами***: иллюстрации – с расширениями *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.
Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.
The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.
ISSN 2415-8739
The Journal was founded in 2003
Founder: Irkutsk national research technical university
Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols. The heading "Review" accepts articles with a volume of not more than 6000 symbols.
The manuscript should have the following order.
2.1. ***UDC code*** should be placed in the left upper corner.
2.2. ***The title,*** which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief), typed in bold uppercase letters, aligned to the left;
2.3. ***Initials and surnames of the authors:*** they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left, the authorship is first put, then the author's initials, then the surname after the blank. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the initials and surname of the second author are written, etc.
2.4. ***The organization and its address:*** is located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).
If authors are from different organizations, then after their surnames are put different Latin capital letters (upper index). The same letters are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.
2.5. ***Abstract*** should consist of 200–2500 words, and include 9–12 key words or word combinations. The abstract should include the following aspects of the article contents: subject, topic, objective of the research; research methods; research results; results application; conclusion.
2.6. ***The English translation*** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.
Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.
2.7. ***Acknowledgments.*** After the text of the article, before the bibliography author lists the number and the name of the project, with the support of which the study was carried out, and also mentions people and organizations that assisted in the work on the article.
2.8. Section ***"References".*** It is compiled in alphabetical order (by the author's name and year of publication), is made in Harvard standard: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. For exam-

ple, an article in the journal: Sidorov, A.P., Petrov, G.P. and Stepanov G.K. 2005, Ancient history of the Angara region, *Sociogenesis in Northern Asia*, Issue. 3, No. 3, p. 40-82; article in the scientific collection: Sidorov, A.P. 2006, Bone carving craft in the Neolithic of the Eastern Transbaikalia, *Ancient history of Mongolia, Northern China and Baikal Siberia*, Ulan-Ude: Buryat State Publishing House, part. 3, p. 43-56; monograph: Sidorov, A.P. 2006, Neolithic of the Transbaikalia, Ulan-Ude: Publishing House of Transbaikalian State University, 315 p.

2.9. ***Information about authors*** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address,

e-mail

2.10. ***Section "Criteria of authorship".*** It is indicated how each of the authors contributed to the work on the article. For example: "V.S. Kozlov, S.O. Gusev carried out research work, based on the results obtained, summarized, prepared the manuscript for publication, have copyright for the article and are responsible for plagiarism".

2.11. ***Section "Conflict of interest".*** It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.12. If there are figures in the article, the their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

***Page and paragraph settings*:** all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

***Text settings*:** a Microsoft Word format, 1.5 line spacing using Times New Roman, 12 pt font size, a full justification. Please avoid using more than one word space.

Numbers should be typewritten in tables.

All ***tables*** should be in Microsoft Word. Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter. At the end of the article, the bibliographic list is placed in alphabetical order. It is mandatory to indicate the total number of pages of the publication or page interval of articles.

References to ***archival*** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations – as *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 4 (37) 2020

16+

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 29.12.20. Формат 60 х 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 36,5.
Тираж 500 экз. Заказ 221. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83